СБОРНИКЪ

МАТЕРІАЛОВЪ И СТАТЕЙ

ПО ИСТОРІИ

ПРИБАЛТІЙСКАГО КРАЯ.

Томъ I.

РИГА, 1877.

Печатано въ типографіи А. І. Липинскаго, на Зюндерской улицѣ, въ домѣ Попова.

СБОРНИКЪ

МАТЕРІАЛОВЪ И СТАТЕЙ

ПО ИСТОРІИ

ПРИБАЛТІЙСКАГО КРАЯ.

ТОМЪ I.

РИГА, 1876.

Печатано въ типографіи А. І. Липинскаго, на Зюндерской улицѣ, въ домѣ Попова въ Ригѣ.

ПРИБАЛТІЙСКІЙ СБОРНИКЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Матеріалы и статьи по древней исторіи Прибалтійскаго края.

I. **Прибалтійскій край и его населеніе до прибытія нѣмцевъ.** Статья Рихтера, составляющая вступительную главу къ его исторіи Прибалтійскаго края.

II. **Ливонская хроника Генриха Латышскаго,** по переводу и объясненіямъ Эдуарда Пабста.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Подъ именемъ Прибалтійскаго края обыкновенно разумѣютъ три губерніи — Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую, составлявшія нѣкогда области древней Ливоніи. Никакими естественными границами не отдѣленъ Прибалтійскій край отъ коренныхъ русскихъ земель, земель полоцкихъ, псковскихъ, новгородскихъ; онъ есть не что иное какъ продолженіе той огромной равнины, которая составляетъ русскую государственную область. Не великъ этотъ край пространствомъ, ибо занимаетъ площадь не превосходящую 1700 квадратныхъ миль, не знаменитъ онъ естественными богатствами, или плодородіемъ почвы, не славится богатствомъ и многочисленностію своего населенія, потому что и теперь въ немъ живетъ не болѣе двухъ милліоновъ народа, но тѣмъ не менѣе этотъ клочекъ земли въ исторіи сѣверныхъ державъ игралъ роль далеко не маловажную: тутъ на этомъ клочкѣ земли міръ германскій — нѣмцы, датчане, шведы — столкнулся съ міромъ славянскимъ — поляками и русскими; тутъ на этомъ клочкѣ разыгралась драма, прологомъ къ которой послужило появленіе въ краѣ нѣмецкаго монаха и рыцаря и эпилогъ которой былъ заключенъ русскимъ императоромъ Петромъ I. Но знаемъ-ли мы всѣ подробности этой драмы, обусловившей нынѣшнее положеніе края? Знаемъ конечно; но знаемъ очень отрывочно и поверхностно. Способствовать устраненію такого полузнанія и имѣетъ цѣлію и назначеніемъ этотъ «Сборникъ».

Составитель этой книги прилагалъ всѣ усилія, чтобы она не содержала въ себѣ такъ называемаго печатнаго балласта, ни къ чему не пригоднаго и совершенно безполезнаго Онъ заботился, что бы въ его книгу вошли такаго роду статьи, которыя способны заинтересовать читателя и сообщить ему о прошломъ края дѣльныя и порядочныя свѣдѣнія. Онъ думаетъ, что полные переводы важнѣйшихъ лѣтописей и записокъ современниковъ даннаго времени не составятъ

никому ненужнаго балласта, какъ равно не составятъ балласта переводы на русскій языкъ лучшихъ нѣмецкихъ монографій по различнымъ отдѣламъ Прибалтійской исторіи. Онъ полагаетъ, что только такимъ путемъ можно дать возможность читателю самому составить себѣ ясное и обстоятельное понятіе о ходѣ событій въ Прибалтійскомъ краѣ, о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онъ развивался, условіяхъ, столь непохожихъ на тѣ условія, при которыхъ шло развитіе нашего отечества. Составитель очень хорошо понимаетъ, что его личныя мнѣнія и воззрѣнія не могутъ интересовать читателя, но онъ убѣжденъ, что на свидѣтельство современниковъ и очевидцевъ совершавшихся событій читатель непремѣнно обратитъ вниманіе Составитель раздѣлилъ эту книгу на два отдѣленія, — думаетъ и въ послѣдующихъ книгахъ удержать такое же дѣленіе, т. е. въ первомъ отдѣленіи помѣщать статьи и документы по древней исторіи Прибалтійскаго края, обнимающей собою три періода — временъ Ливоніи самостоятельной, временъ польскихъ и временъ шведскихъ — во второмъ же отдѣленіи помѣщать статьи и матеріалы по исторіи края въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Въ этомъ первомъ томѣ первое отдѣленіе начато помѣщеніемъ перваго и основнаго документа исторіи края — лѣтописью Генриха. Второе отдѣленіе этого тома начато съ первыхъ же временъ присоединенія края къ Россіи. Во второмъ томѣ читатели найдутъ продолженіе начатаго и переводы другихъ статей и монографій, которыми нѣмецкая историческая литература столь богата.

Удастся-ли составителю осуществить дальнѣйшія его предположенія — покажутъ послѣдствія и пріемъ, который найдетъ эта книга въ публикѣ. Онъ трудился какъ могъ и какъ умѣлъ, чтобы способствовать основательному знанію исторіи края и способствовать ознакомленію русской публики съ трудами нѣмецкихъ ученыхъ по исторіи края, не отказывается трудиться и въ будущемъ, чтобы «Сборникъ» его былъ достоинъ вниманія публики и полезенъ всякому, кто желаетъ ближе ознакомиться съ прошлымъ Прибалтійскаго края, съ прошлымъ, преисполненнымъ тревогъ, смутъ, кровавыхъ войнъ, переговоровъ, кончившихся лишь съ того времени, когда край сталъ быть тѣмъ, чѣмъ судили ему быть его географическія условія, т. е. нераздѣльною частью Россійской имперіи.

Прибалтійскій край и его населеніе до прибытія нѣмцевъ.

(Статья Рихтера.)

ГЛАВА I.

Древнѣйшія извѣстія и древняя исторія страны.

Извѣстія Грековъ.

Древнѣйшими извѣстіями о нынѣшнихъ Эстляндіи, Курляндіи и Лифляндіи мы обязаны греческимъ и римскимъ искателямъ янтаря. Янтаремъ торговали уже Финикіяне, но неизвѣстно до какихъ мѣстъ они доходили въ своихъ поѣздкахъ. Въ сказаніяхъ о походѣ Аргонавтовъ и у Діонисія Перигета встрѣчается уже упоминаніе о Кроновомъ морѣ, по тогдашнему воззрѣнію, какъ части океана, окружающаго землю. Но трудно признать это море по одному сходству названій за Куроново, такъ какъ имя куровъ встрѣчается въ исторіи только нѣсколько столѣтій спустя. Геродотъ подробно описываетъ Скиѳію (въ южной и средней Европейской Россіи) и полагаетъ, что къ сѣверу отъ Скиѳовъ, на разстояніи 20 дней пути отъ Чернаго моря, жили меланхлены или чернокафтанники, можетъ быть, родственное племя эстамъ-чуди. Между тѣмъ не доказано, чтобъ жилища ихъ достигали Балтійскаго моря. Пиѳей Массилійскій (около 360 г. до Р. Х.) указываетъ, что около Сѣвернаго моря, по ту сторону Рейна, жили остіи или остіоны, и что въ трехъ дняхъ пути отъ берега, гдѣ скиѳы находили янтарь, находится огромный островъ Базилія, который Ксенофонтъ Лампсакскій называетъ Балтіей. Око-

ло 320 г. до Р. Х. Тимей упоминалъ также объ островѣ Базиліи, находящемся въ одномъ днѣ пути отъ гуттоновъ, жившихъ около залива Ментомонома; Пиѳей называетъ его Абалюсомъ. Говорятъ, что на этихъ островахъ собирали янтарь. Тимей упоминаетъ еще объ островѣ Равноніи (Руно), также на разстояніи одного дня пути отъ скиѳскаго берега, на который выбрасывало янтарь. О Базиліи говоритъ также Діодоръ Сицилійскій какъ объ янтарномъ островѣ, лежавшемъ напротивъ Скиѳіи. Артемидоръ Ефескій (около 100 г. до Р.Х.) говоритъ опять объ остіонахъ, и именно какъ о племени тождественномъ съ остіями-Пиѳея. Эти извѣстія слишкомъ неопредѣлены, чтобъ по нимъ можно было вѣрно опредѣлить истинное положеніе вышеозначенныхъ земель и народовъ.

Извѣстія Римлянъ, Птоломея и Іорнанда.

Черезъ межеванія Римлянъ, произведенныя во время Юлія Цезаря, географическія свѣдѣнія стали болѣе опредѣленны. Плиній считаетъ отъ Каркунта (у Петронелля на Дунаѣ) до противоположнаго берега Германіи 600 милліарій или 120 нѣмецкихъ миль (что и вѣрно безъ 2½ нѣмецкихъ миль), и отъ устьевъ Борисѳена (Днѣпра), по его теченію черезъ землю сарматовъ и скиѳовъ на сѣверъ, 930 милліарій, (186 нѣмецкихъ миль; до устья Невы 173 мили). Протяженіе восточной Германіи и Скиѳіи вмѣстѣ онъ считаетъ въ 1200 милліарій (240 нѣмецкихъ миль); 40 же миль нужно считать на необходимые обходы, такъ какъ Римляне измѣряли разстояніе только шагами. У Плинія встрѣчаются названія Неригона (Норвегіи), Коданскаго залива, Скандіи, Фенингіи (Финляндіи) и имена обитателей южнаго берега Балтійскаго моря отъ Вислы: гирровъ, скирровъ, венедовъ, сарматовъ, и согласно съ Филемономъ говоритъ о находимомъ на курійскомъ западномъ берегу бѣломъ и темно-красномъ янтарѣ, дающемъ при треніи искры и выкапываемомъ въ нѣкоторыхъ странахъ изъ земли (какъ теперь у прусскаго берега). Римляне принимали также за янтарь копаль (камедь), выбрасываемый обыкновенно во множествѣ въ сѣверной части Курляндіи и на островѣ Эзелѣ, и почти не отличающійся ничѣмъ отъ Либавскаго янтаря. Тацитъ упоминаетъ о собирателяхъ янтаря эстіэрахъ (вѣроятно остіонахъ Грековъ на правомъ берегу Свевскаго морв) и жившихъ далѣе за ними певцинахъ, венедахъ и феннахъ (финнахъ). Уже изъ этого положенія эстіэровъ на западѣ, также и изъ позднѣйшихъ извѣстій Вульфстана (въ 9 вѣкѣ по Р. Х.), который считаетъ этотъ народъ жившимъ по Прусскомъ берегу, видно, что это не могутъ быть наши эсты. Птоломей указываетъ вдоль берега на четыре устья рѣкъ: Хроноса, Рубона; Турунта и Хезина и приводитъ длину и ширину этихъ устьевъ полагаютъ, что это устья Виндавы, Западной Двины, рѣчки у Коша и Наровы. Но кромѣ того, что эти данныя неточны (устья Вислы и Виндавы назначены подъ одною параллелью), онѣ во всякомъ случаѣ недостовѣрны уже потому, что у Птоломея приведены только путевыя донесенія, которыя могли дать лишь очень поверхностное

понятіе о разстояніи и направленіи. Преемникъ Птоломея, Марціанъ, перечисляетъ тѣже устья, но упускаетъ однако точныя опредѣленія мѣстъ. Полагаютъ, что Рубонъ есть Нѣманъ или скорѣе его устье въ Куришъ-Гафѣ, потому что Птоломей говоритъ, что источникъ Рубона находится недалеко отъ источника Борисөена (Днѣпра), но самый сѣверный источникъ послѣдняго — Березина. Въ такомъ случаѣ Хроносъ былъ бы Прегелемъ или его устьемъ, Фришъ-Гафомъ; другія обѣ рѣки не опредѣлены съ точностью. На этомъ берегу, который Птоломей причисляетъ къ европейской Сарматіи, названный географъ указываетъ мѣсто жительства венедовъ у залива того же имени, вѣроятно отъ Данцига до Виндавы, откуда они были (по словамъ Генриха Латышскаго), подъ именемъ Вендовъ, вытѣснены курами; гитоновъ до Гутштата, остатокъ упоминаемыхъ Пиөіемъ гуттоновъ (готовъ): финновъ, галинде и судини (галиндіевъ и судавовъ въ XIV столѣтіи); далѣе называетъ народы: фельтовъ (Пильтенъ?), потомъ осійцевъ (эстовъ), карбоновъ, чернокафтанниковъ, меланхлэновъ, къ востоку отъ нихъ саліевъ (Салисъ, Салетса Генриха Латышскаго) и карнотэ (Гарріенъ?). Къ югу отъ нихъ жили многія другія племена, саварійцы (по Шафарику), сѣверяне и боруски (по Нестору), вблизи древняго города Боровска, у Поротвы въ Калужской губерніи.

Это знаніе берега Балтійскаго моря и особенно устьевъ рѣкъ могло быть только плодомъ продолжительныхъ плаваній по морю и торговли, преимущественно янтаремъ. Это доказываютъ греческія и римскія монеты и другія древности, найденныя въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ напримѣръ, у Кольцена, къ сѣверу отъ Риги на морскомъ берегу, деревни, до которой простираются мѣстонахожденія настоящаго янтаря. Это доказываютъ и монеты Өазоскія, Сиракузскія и Македонскія, относящіяся ко времени Діонисія Поліоркета и бронзовая статуйка, относящаяся ко времени Александра Великаго; далѣе греческая киринейская монета, найденная немного сѣвернѣе Дреймансдорфа, монета изъ Панормо, найденная на Эзелѣ, и монета изъ Неаполя, найденная въ Дерптѣ. На Прусскомъ берегу нашли также неаполитанскую монету у Фишгаузена, Аөинскую у Кенигсберга и 39 монетъ изъ Эгины, Эвцика, Аөинъ и вѣроятно Ольвіи у Озильска (Аскавсалиса). Римскія монеты нашлись: въ могилахъ на Эзелѣ, временъ Августа, который посылалъ флотъ вокругъ Германіи къ Кимбрскому мысу (Ютландіи) до Скиөіи, слѣдовательно къ берегу Балтійскаго моря; монеты временъ Тиверія, Калигулы, Клавдія, Домиціана и Траяна и очень мало потертыя въ могилахъ около Капсетена; три Траяновы монеты, очень потертыя, слѣдовательно принадлежащія позднѣйшему времени, монеты временъ Адріана, Антонина Пія, Фаустина старшаго, Коммода и Филиппа Араба (отъ 217 г.). Между 1050 монетами, найденными на Прусскомъ берегу у Шрейтлакена можетъ быть только 9 временъ Домиціановыхъ, остальныя же принадлежатъ къ временамъ другихъ императоровъ до Коммода. Къ этому же времени принадлежатъ 63 монеты, найденныя въ 1844 г. въ Готландѣ, такъ что торговля повидимому перешла съ

Эзеля къ югу. Можетъ быть около Капсета была римская факторія; на это указываетъ четырехъугольная форма стараго замка, у котораго, какъ кажется, не было башни. Съ возрастающимъ паденіемъ Римской имперіи, эта морская торговля вѣроятно прекратилась, хотя монеты Болузіана именуютъ его хвастливо Финнскимъ, Галиндскимъ и Венденскимъ. Позднѣйшія римскія монеты до конца IV-го вѣка временъ Авреліана, Клавдія Гота, Константина, Констанса, Валенса, Граціана и т. д. найдены внутри Курляндіи у Берземюнде и въ Лифляндіи у Зунцеля, также какъ и въ Литвѣ у Прушанъ. Монеты эти могли быть занесены сюда готами, получавшими отъ римлянъ жалованье, или же явились здѣсь вслѣдствіе сухопутной торговли, безъ которой не возможны были бы измѣренія Римлянъ. Карта Певтингера, оконченная во время Ѳеодосія Великаго, показываетъ къ востоку отъ Борисѳена рѣку, изливающуюся двумя устьями въ сѣверное море; западное устье называется Селіани (рѣка зеловъ — Западная Двина), восточное — caput Anis paludis (устье Аа, съ близь лежащими озерами); къ западу отсюда находятся венеды и лупіоны. По словамъ Іорнанда, венеды, эстіеры, кары и др. были покорены Германрикомъ (около 350 г. по Р. Х.), а по Кассіодору, гэсты послали посольство и въ подарокъ янтарь къ Теодориху, королю Остготскому.

Итакъ въ результатѣ изъ отрывочныхъ извѣстій, приведенныхъ выше, оказывается только то, что уже въ 1 мъ вѣкѣ по Р. Х. отъ устья Вислы до Виндавы жили венеды, а къ востоку отъ нихъ находился совсѣмъ другой народъ — эсто-финнскія племена, потому что Тацитъ и Птоломей называютъ ихъ финнами (черные кафтаны отличительные признаки этихъ народовъ) Имя венедовъ напоминаетъ вендовъ, которые, по словамъ Генриха Латышскаго, изгнанные курами изъ Виндавской области, сперва поселились на мѣстѣ, гдѣ позднѣе основана была Рига, но изгнанные и оттуда перешли къ вѣроятно родственному имъ племени латышамъ, и основали Венденъ. Итакъ венеды, которыхъ Іорнандъ сопоставляетъ съ антами и рабами, принадлежатъ къ литовско-латышскимъ племенамъ, занимавшимъ уже въ І-мъ столѣтіи по Р. Х. восточную Пруссію. Хотя они были изгнаны изъ западной Курляндіи курами, которые, какъ мы увидимъ, распространились до Куришъ Гафа, но часть ихъ тамъ осталась, что и доказываютъ нынѣшніе ихъ остатки. Итакъ уже почти за 2000 лѣтъ латышско-литовскіе и эсто-финскіе народы обитали по южному и восточному берегу Балтійскаго моря. Но рядомъ съ венедами упоминается и о гуттонахъ (готахъ). Гуттоны жили первоначально на Донѣ, древнемъ родовомъ мѣстопребываніи ихъ народа, откуда, по сѣвернымъ сказаніямъ, Одинъ переселилъ ихъ со своими Азами черезъ Гардарикъ (Россію) и Саксонію въ Швецію, гдѣ они основали свое пребываніе у озера Мелара, вблизи древней Сугтуны. Говорятъ, что изъ Скандіи, гдѣ ихъ полагаетъ Птоломей, нѣкоторые изъ нихъ удалились къ устью Вислы и построили Готеншанцъ, т. е. Данцигъ или Гданскъ и другія крѣпости, и что наконецъ въ царствованіе своего пятаго короля они возвратились опять на Донъ. Здѣсь мы

видимъ первые можетъ быть немногочисленные походы викинговъ, которые впослѣдствіи повторялись почти каждый годъ, когда увеличившееся населеніе не могло прокормиться въ безплодной и мало населенной странѣ, когда отцы выгоняли изъ дому своихъ сыновей (исключая одного), и юношество кидало жребій, кому искать въ чужихъ земляхъ пропитанія войнами и добычами. Только послѣ этого соединенія по готы Чернаго моря стали побѣдителями, оставшіеся въ южной Швеціи соединились съ суйонами; южный же и восточный берегъ Балтійскаго моря остался въ рукахъ латышско-литовскихъ и эсто финскихъ племенъ.

Скандинавскія, франкскія, англосаксонскія извѣстія и монеты.

Одиночныя точки опоры представляютъ намъ франкскія и англосаксонскія извѣстія и монеты, найденныя въ нашемъ Прибалтійскомъ краѣ. Монеты эти свидѣтельствуютъ о существованіи сношеній жителей края съ франками и англо-саксами. Сюда принадлежатъ многочисленныя монеты англо-саксонскія отъ 800 г., англо-датскія отъ 1017 г., нѣмецкія и франкскія 822 г. и византійскія отъ 868 г., одна русская временъ Ярослава (1030 г.) и многія куфическія отъ 762 г. Послѣднія, которыя въ большомъ количествѣ попадались на всемъ протяженіи берега Балтійскаго моря, также какъ и въ Россіи, перешли вѣроятно черезъ Россію изъ своего восточнаго отечества въ наши Прибалтійскія провинціи, а отсюда можетъ быть въ Швецію и Данію. Онѣ относятся къ началу X-го вѣка и найдены большею частью въ Эстляндіи и эстонской Лифляндіи, но нѣкоторыя на Эзелѣ и въ Курляндіи. Англо-датскія монеты, которыя пошли въ ходъ послѣ англо-саксонскихъ, доходятъ до второй половины XII столѣтія, слѣдовательно до прибытія Нѣмцевъ и были находимы на Эзелѣ, а также у Ревеля, Пернова, Ашерадена, Виндавы, но также и въ восточной Лифляндіи, около Дерпта и Верро. Нѣмецкія монеты доходятъ до XI-го столѣтія; есть нѣкоторыя XII-го и XIII-го вѣка. Болѣе всего нѣмецкихъ и французскихъ монетъ со времени Этельреда (378) до смерти Канута (1036); но это не доказываетъ прямыхъ сношеній съ Германіей въ IX-мъ вѣкѣ до XI-го, такъ какъ нѣмецкія монеты, которыя происходятъ большею частью изъ Утрехта, Дортмунда, Трира, Страсбурга, Аугсбурга, т. е. западной Германіи, занесены вѣроятно въ Прибалтійскій край англо-датчанами. Къ этому же времени относятся всѣ монеты (также византійскія и арабскія), найденныя при раскопкахъ могилъ въ Ашераденѣ и Кремонѣ; по всей вѣроятности къ этому же времени относятся и другія открытыя въ этихъ мѣстахъ древности. Итакъ въ это время сношенія съ англо-датчанами, также какъ и съ Россіей, еще не растерзанной войнами удѣльныхъ князей, были въ полной силѣ, потому что можно предположить, что съ трупами въ могилы клались почти современныя

монеты, а не старыя, собранныя прежде съ большимъ трудомъ. Найденныя въ могилахъ украшенія и оружіе принадлежатъ къ этому же времени. Они частью скандинавскія, частью чудскія, частью (именно болѣе простыя) туземнаго происхожденія; но могилы принадлежатъ эстамъ. Могилы эти остатки кровавыхъ сраженій, и вѣроятно сохранились отъ временъ, когда латыши заняли юговосточную часть Лифляндіи.

Франкскія и англо-саксонскія извѣстія о Прибалтійскомъ краѣ довольно неопредѣленны. Въ Англосакскихъ стихахъ пѣвца Вейтфарта отъ конца VI-го вѣка упоминается о народахъ, будто-бы посѣщенныхъ авторомъ; упоминается о Финляндіи (стихъ 20), о Гольмгардѣ (Новгородъ, ст. 21) датчанахъ (ст. 38), виндахъ (венедахъ; ст. 90), финнахъ (ст. 75), скриде финнахъ (ст. 79), литвитингахъ и леонахъ (ст. 80) и наконецъ объ истахъ и идумингахъ (ст. 87); послѣдніе имена напоминаютъ ливовъ и эстовъ и провинцію Идумею Генриха Латышскаго. Эгингардъ упоминаетъ въ описаніи жизни Карла Великаго (гл. 12) объ аистонахъ, а жившій во времена Альфреда мореходъ Вульфстанъ упоминаетъ объ обширномъ Эйстландѣ или Витландѣ (можетъ быть латышскомъ Видземме) и объ Ости, странѣ на восточномъ берегу Балтійскаго моря, лежащей къ сѣверу отъ Даніи, которую норманны называли Эйстразальдомъ. Адамъ Бременскій называетъ острова „Курляндію и Эстляндію" въ Балтійскомъ морѣ. Напротивъ сѣверныя саги (сказанія), собранныя позднѣйшим иписателями, какъ то: Саксономъ Грамматикомъ, Петромъ Олаемъ и другими, передаютъ не только имена, но и частныя, большею частью воинственныя сношенія между Скандинавіей и Остландіею; но подъ послѣднимъ именемъ не всегда можно разумѣть нашъ Прибалтійскій край. Эти сказанія достигаютъ временъ Авраама, и потому они уже очень ненадежны. Нельзя вѣрить даже мѣстамъ, гдѣ встрѣчаются имена эстовъ и куровъ (послѣднія подъ латинизированнымъ именемъ Куретесъ); именно Куровъ у Саксона, сперва въ царствованіе Гадинга, сына короля датскаго Горма около III-го вѣка по Р. Х. и его преемника Фрото I, въ описаніи царствованія котораго упоминается и названіе Ротала, и Эстовъ въ правленіе Готброда и его сына Гетера; нельзя вѣрить, потому что и здѣсь возможно, что эти имена были даны другимъ народамъ, населявшимъ прежде Прибалтійскій край, которыхъ настоящія имена неизвѣстны или вышли изъ памяти. Такъ Саксонъ говоритъ о частыхъ войнахъ въ царствованіе, по всей вѣроятности, баснословнаго короля Фрото I и его преемниковъ, бывшихъ спустя немного времени послѣ Одина, котораго Саксонъ выдаетъ за волшебника, и войнахъ во времена гунновъ, и войнахъ съ русскими, подъ именемъ которыхъ можно понимать только тогдашнихъ обитателей Россіи, но ни подъ какимъ видомъ Русскихъ IX-го и X-го столѣтій. Сѣверныя саги, переходившія, подобно древнегреческимъ, изъ рода въ родъ изустно черезъ пѣвцовъ (скальдовъ), не дошли до насъ въ ихъ первоначальномъ видѣ, а въ гораздо поздвѣйшаго времени сборникахъ и переработкахъ Снорре Стурлесона и Саксона. Первый, бывшій лагманомъ

въ Исландіи и ярломъ въ Норвегіи, родился въ 1178 г.; онъ велѣлъ написать древнія королевскія саги, какъ онъ самъ говоритъ, по пѣснямъ скальдовъ, родословнымъ королей и вельможъ и по разсказамъ вѣдущихъ людей. Исторія перваго королевскаго рода, который слѣдовалъ за родомъ Одина, — рода Инглинговъ — написана въ Исландіи по стихотвореніямъ придворнаго скальда Гаральда Прекрасноволосаго, который жилъ только въ IX-мъ столѣтіи. Говорятъ, что Снорре такимъ же образомъ распорядился съ собраніемъ миѳовъ, извѣстнымъ подъ именемъ младшей или прозаической эдды, которой, какъ думаютъ, предшествовала поэтическая эдда, собраніе баснословныхъ героическихъ сказаній Сэмунда (ум. въ 1133 г.). Изъ того же невѣрнаго источника изустнаго преданія почерпалъ свѣдѣнія и Саксонъ, писавшій въ концѣ XII-го столѣтія. Іоаннъ Магнусъ, жившій въ XVI мъ столѣтіи, очень невѣренъ въ описаніи древнихъ временъ, даже въ отношеніи списка королей. Древнѣйшая исторія совершенно баснословна. Одинъ, который, по преданію, со своими Азами перевелъ готовъ въ Швецію, вмѣстѣ съ тѣмъ первый и самый почитаемый изъ владѣтельныхъ жрецовъ и самый высшій и могущественнѣйшій изъ боговъ. Черезъ ткань баснословныхъ и миѳическихъ сказаній проходитъ трагическій разсказъ, удобный для поэзіи, но не для исторической правды, потому что какъ миѳы кончаются гибелью самихъ боговъ, такъ и сказанія о королевскихъ и героическихъ родахъ кончаются ихъ паденіемъ обыкновенно отъ раздоровъ, вслѣдствіе какого нибудь древняго проклятія. Даже разсказы о позднѣйшихъ и всѣмъ извѣстныхъ событіяхъ, какъ напр. о знаменитой битвѣ у Браваллы въ VIII мъ или IX-мъ вѣкѣ, не лишены миѳическихъ прикрасъ, потому что сражающіеся короли побуждаются къ войнѣ самимъ Одиномъ, который принимаетъ образъ совѣтника Бруне и убиваетъ одного изъ нихъ, Гаральда. Кромѣ того противорѣчатъ истинѣ громадная численность дѣйствующихъ войскъ и обширныя завоеванія, приписываемыя Саксономъ датскимъ королямъ, о которыхъ мы вкратцѣ скажемъ, на сколько они касаются Прибалтійскаго края, противорѣчатъ всѣмъ событіямъ современной исторіи, также какъ и несомнѣнной раздѣленности скандинавскихъ государствъ, продолжавшейся до самаго IX-го вѣка. На раздѣльность указываютъ несогласія въ спискахъ королей, а также и то обстоятельство, что готы въ южной Швеціи, ихъ сѣверные сосѣди жители Суитода или собственно шведы, надъ которыми однакоже господствовали Инглинги, и жившіе далѣе къ сѣверу финны жили независимо другъ отъ друга, и наконецъ все, что мы знаемъ о древнѣйшей исторіи Скандинавіи. Вѣрнѣе, что завоеваній, относящихся къ временамъ до IX столѣтія, совсѣмъ не существовало, а завоеванія позднѣйшихъ временъ нужно просто считать набѣгами и временными овладѣваніями, иначе они не повторялись бы на дѣлѣ такъ часто. Какъ источникъ къ описанію битвы при Бравалле, Саксонъ самъ называетъ пѣснь героя Старкатера, который, говорятъ, самъ участвовалъ въ сраженіи. Хотя въ этой битвѣ Гаральдъ „король Даніи и Остготландіи“ былъ побѣжденъ Сигурдомъ, королемъ „Свитіода и Вестготланда“ и послѣдній, по

преданію, завоевалъ государство перваго, но все таки Рагнаръ Лодброкъ, самый знаменитый герой норманнскихъ походовъ и сынъ Сигурда является только королемъ Даніи и ведетъ войну съ королемъ Шведскимъ, сыномъ Гаральда. И его исторія очень баснословна и содержитъ отголоски древнихъ пѣсенъ эдды, содержаніе которой встрѣчается у Іорнанда по древнимъ сказаніямъ готовъ, почти съ такими же именами и обстоятельствами. Рагнаръ жилъ по свидѣтельству однихъ въ VIII-мъ, по свидѣтельству другихъ въ IX вѣкѣ, когда викингскіе походы норманновъ были самые страшные, когда норманны опустошали Шотландію, Англію, Ирландію, Францію, Италію и основали Русское государство. Этимъ и своей военной службой въ Константинополѣ, гдѣ они являются также какъ и въ Россіи подъ именемъ варяговъ, они стали извѣстны европейскому образованному міру. Императоръ Константинъ Порфирородный въ X-мъ, Адамъ Бременскій и Несторъ въ XI-мъ столѣтіи описываютъ торговые пути, совершаемые Скандинавами по Днѣпру и Волгѣ на югъ. Древнѣйшія англо-саксонскія, франкскія и византійскія монеты, найденныя въ Прибалтійскомъ краѣ, относятся къ IX-го вѣку, когда произошло основаніе Руси; они доходятъ, также какъ и арабскія, до XI-го вѣка. Но въ эти два столѣтія и отношенія Россіи къ скандинавамъ и англо-датчанамъ, между прочимъ черезъ браки правителей, были оживленнѣе чѣмъ когда либо, а съ IX-го столѣтія и исторія сѣвера становится яснѣе. Пусть по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ древнѣйшія руническія письмена и доходятъ до временъ Одина: это неизмѣняетъ сказочнаго характера исторіи Скандинавіи до IX-го вѣка и разсказы Саксона и Снорре не могутъ имѣть права на историческую достовѣрность, точно также какъ и разсказы Гомера и циклопскихъ эпиковъ.

Эсты и куры по древнѣйшимъ скандинавскимъ сказаніямъ до VIII-го вѣка.

Сѣверные собиратели сагъ очень рано упоминаютъ объ обитателяхъ Прибалтійскаго края — эстахъ, народѣ очевидно принадлежавшемъ по языку, образованію черепа и одеждѣ къ чудо-финскому племени, къ тому племени, которое русскіе называютъ чудью, чухонцами, и единоплеменныхъ съ ними курахъ, страна которыхъ раздѣлялась, по крайней мѣрѣ отчасти, на эстонскій ладъ, т. е. на кулигунды (округи) и гдѣ названія мѣстъ, именно тѣхъ, которыя оканчивались на іервъ (озеро) и кюлъ (деревня) кажутся происходящими изъ эстскаго языка. Куры жили къ западу отъ эстовъ до Мемеля и Куришъ Гафа, получившаго по этому народу свое названіе. Нѣтъ сомнѣнія, что эти оба народа населяли къ сѣверу берегъ Балтійскаго моря, что они и въ древнѣйшія времена были такими же отважными морскими разбойниками, какъ XII-мъ и XIII-мъ столѣтіяхъ, и что они съ IX-го вѣка, отъ котораго нашлись англо-саксонскія монеты въ Прибалтійскомъ краѣ, были въ сношеніяхъ со скандинавами. Но

отнюдь недоказано, чтобы послѣдніе, какъ утверждаетъ Саксонъ, достигали до этихъ странъ уже въ 1-мъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ, и также сомнительны ихъ отдѣльныя завоеванія въ Прибалтійскихъ земляхъ, завоеванія, перечисляемыя имъ и другими скандинавскими писателями. Такъ часто упоминаемые Саксономъ и другими восточные народы, ведущіе войну со скандинавами, могутъ быть считаемы древними обитателями Финляндіи и Ингерманландіи, такъ какъ древніе писатели часто называютъ кареловъ — куронами вслѣдствіе сходства именъ (кары, куры) и смѣшиваютъ ихъ съ курами. Саксонъ разсказываетъ, что Гадингъ, девятый король Даніи и современникъ Одина, покорилъ городъ Дину въ Лифляндіи и напалъ на куровъ (куретовъ), но что былъ отбитъ ими. Разсказъ этотъ не имѣетъ никакого основанія, ибо въ IX-мъ столѣтіи городъ Дина также не существовалъ, какъ и въ баснословныя времена Одина. Далѣе онъ разсказываетъ, что преемникъ Гадинга, Фрото I, покорилъ куровъ и Британію, всѣ земли по обѣ стороны Рейна и Геллеспонтъ, также Роталу, страну, названную позднѣе этимъ именемъ. О королѣ Готбродѣ и его сынѣ Гетерѣ разсказывается, что они воевали съ восточными народами (какими?); что куры, свеоны и славяне послѣ того, какъ Гетеръ былъ убитъ, отказались отъ датскаго владычества и дани, но что сынъ Гетера, Рорикъ, опять ихъ покорилъ своей власти, между тѣмъ какъ сынъ послѣдняго, снова воевавшій съ восточными народами, потерпѣлъ пораженіе отъ нихъ и долженъ былъ отступить въ Швецію. Далѣе разсказывается, что шведскій король Ботойльдъ бѣжалъ къ курамъ, спасаясь отъ набѣга враговъ, что на короля Граммера напали эсты и куры въ самой Швеціи и повѣсили его въ оковахъ, что сынъ Граммера, Торда, прогналъ ихъ назадъ, а Эрихъ Мудрый и Линдорнъ опять подчинили ихъ шведскому владычеству. Завоеванія скандинавовъ послѣ того обратились къ Англіи и Германіи, о восточныхъ же земляхъ долго не было рѣчи. Саксонъ упоминаетъ объ Олимарѣ, могущественномъ королѣ восточныхъ народовъ, который во времена гунновъ покорилъ Гэстію, Оландію и Куретію, и который передъ этимъ покореніемъ соединился съ гуннами и съ флотомъ, состоявшимъ изъ 30,000 кораблей, на коихъ находилось 9 милліоновъ вооруженныхъ войновъ (!!), напалъ, но безуспѣшно, на Швецію. Этотъ Олимаръ, по разсказу Саксона, впослѣдствіи былъ будто бы побѣжденъ Фрото III и получилъ отъ послѣдняго въ ленъ Гольмгардъ (такъ позднѣе назывался Новгородъ), Дагэ и Эстію. Датскіе лѣтописцы говорятъ, что въ это время жилъ эстскій великанъ Старкатеръ, который побѣдоносно прошелъ черезъ всю Европу и отпечатокъ своего огромнаго тѣла оставилъ на одной скалѣ (это похоже на эстскій миѳъ и Калевѣ Пегѣ). Петръ Олай при этомъ называетъ Лифляндію отечествомъ куретовъ, но это никакъ не доказываетъ, чтобы имя ливовъ было уже извѣстно въ описываемое время (около начала VI-го вѣка), но только то, что его зналъ Петръ Олай. Хотя Саксонъ Грамматикъ и называетъ (стр. 158) семгалловъ между народами покоренными Старкатеромъ, но это показаніе писателя, жившаго многими столѣтіями спустя разсказываемыхъ имъ

событій, слишкомъ ненадежно, чтобы по нему заключить о тогдашнемъ пребываніи семгалловъ въ ихъ теперешнемъ отечествѣ. Далѣе Инглингова сага упоминаетъ въ главѣ 36 о пораженіи короля шведскаго Ингвара въ Эстляндіи и о мѣстности, называемой Стеенъ. Нѣкоторыя думаютъ, что Стеенъ — очень распространенное имя — есть нынѣшнее помѣстье Киввидепе т. е. Штейнкопфъ (каменная голова), въ $1^1/_2$ миляхъ къ ю. ю. з. отъ Ретеля. Эта битва, въ которой былъ убитъ шведскій король, происходила по словамъ Торфея въ 541 г. Говорятъ, что сынъ Ингвара отмстилъ за смерть отца опустошительнымъ походомъ на Эстляндію. Впослѣдствіи король Иваръ Видфамнъ, о которамъ Саксонъ вовсе не упоминаетъ, покорилъ, по словамъ Торфея, всю Скандинавію и восточныя царства „Курляндію, Эстляндію и Лифляндію" до Гордарики въ VI-мъ вѣкѣ по Р. Х.; Петръ же Олай заставляетъ его завоевать и Англію, Францію и Италію. Между королемъ шведскимъ Гаральдомъ и Сигурдомъ Рингомъ дошло до кровопролитной битвы подъ Браваллою у озера Азенъ около Сорби, гдѣ и теперь еще существуетъ множество могилъ; въ этой битвѣ будто бы Гаральду помогали датчане и ливы, а Сигурду куры и эсты, и Гаральдъ былъ побѣжденъ и у него пало 30,000 человѣкъ. У Сигурда было будто не менѣе 2,500 кораблей. Что такая битва дѣйствительно происходила, доказываетъ открытая въ царствованіе короля Вальдемара (1152—82) руническая надпись, начертанная на скалѣ въ Блекингенѣ у Гоби, между Корсгамомъ и Ренемо и дешифрованная Финя — Магнуссеномъ. Надпись эта повидимому начертана передъ битвой; въ ней изложено желаніе побѣды Гаральду. Въ этой битвѣ, между воинами Сигурда, упоминается опять о Старкатерѣ, очевидно миѳическомъ героѣ.

Ливы, леты и венды.

Неоднократно приводимое извѣстіе объ отдѣльности ливовъ отъ эстовъ и куровъ указываетъ на важное событіе въ Прибалтійской исторіи, именно на вторженіе литовско-латышскаго племени. Ливы, остатки которыхъ и теперь еще существуютъ на сѣверномъ берегу Курляндіи и около Салиса и которые и теперь одѣваются подобно эстамъ въ черныя одежды и говорятъ на эстскомъ нарѣчіи, еще въ началѣ XVII-го вѣка распространились по всему Курляндскому берегу и отъ Западной Двины до Салиса. Они очевидно эстскаго происхожденія и получили свое названіе отъ своего мѣста пребыванія на песчаномъ морскомъ берегу, точно также какъ куры можетъ быть получили свое названіе по финскому значенію слова кури отъ своего жительства въ странѣ, выдававшейся надъ другой землей.

Новые пришельцы принадлежали по своему языку, поразительно похожему на санскритскій, къ великому индо-славяно-германскому семейству, а именно къ славянскому отдѣлу, потому что латышско-литовскій языкъ гораздо болѣе похожъ на славянскій и русскій, чѣмъ на

готскій. Гіэрнъ (на стр. 17) считалъ латышей, древнихъ пруссовъ, литовцевъ и язиговъ за одинъ народъ, основываясь на сходствѣ ихъ рѣчи. Прусско-литовскій языкъ сохранилъ кое-что изъ санскритскаго, что потерялось въ латышскомъ. Раздѣленіе славянскаго языка отъ прусско-литовскаго совершилось гораздо ранѣе историческихъ временъ и, кажется, предшествовало введенію скотоводства и земледѣлія. Уже во времена Птоломея прусскіе литовцы, кажется, населяли подъ именемъ венедовъ берегъ Балтійскаго моря отъ Вислы до Куришъ Гафа, а къ сѣверу отъ нихъ жили финнскія племена, прародители нашихъ эстовъ. Между тѣмъ венды, вѣроятно тождественные съ венедами, вторглись на западный берегъ нынѣшней Курляндіи и разселились до Виндавы, полосѣ земли, обитатели которой и теперь еще отличаются по языку, одеждѣ и нѣкоторымъ обычаямъ отъ своихъ восточныхъ сосѣдей. Что это племя было родственно съ латышскимъ, можно заключить изъ того, что, по словамъ Генриха Латышскаго, часть ихъ, прогнанная курами изъ окрестностей Виндавы, поселилась между латышами и основала Венденъ. Къ этому времени латыши должно быть уже прочно утвердились въ нынѣшней Лифляндіи и Курляндіи. Къ эпохѣ переселенія можно отнести и раздѣленіе латышско-литовскаго народа на разныя племена: прусско-литовское, венедовъ, жмудиновъ, самаитовъ, которыхъ Альнпеке считаетъ тождественными съ литовцами, и латышей, такъ какъ они начали жить въ разныхъ мѣстахъ. Между латышами и литовцами вѣроятно скоро возникла вражда и ненависть, какъ это заключаемъ изъ многихъ вторженій послѣднихъ въ Курляндіи и Лифляндіи во время нѣмецкихъ завоеваній. Время переселенія, по крайней мѣрѣ въ Летгалліи, съ нѣкоторою точностію можно опредѣлить по монетамъ, найденнымъ въ многочисленныхъ могилахъ (можетъ быть остаткахъ битвъ). Монеты эти относятся къ IX—XI столѣтіямъ. Латышско-литовскіе народы подвигались впередъ очень медленно, и такъ какъ они шли изъ Литвы, то проникли подъ конецъ въ нынѣшнюю землю латышей. По словамъ Нестора, въ это время много чуди было переселено въ южную Россію, чтобъ служить оплотомъ противъ печенѣговъ, а это обстоятельство должно было облегчить латышамъ ихъ завоеванія. Венденъ слѣдовательно можетъ быть былъ тогда только основанъ. Такъ какъ съ того времени до времени, когда писалъ Генрихъ Латышскій, прошло почти два, а до времени Нестора одно столѣтіе, то естественно, что оба эти лѣтописца упоминаютъ о латышахъ, а не объ ихъ вторженіи. Итакъ съ IX и X столѣтій Курляндія и Семгаллія, а потомъ Летляндія, стали населяться двумя различными народами, чудскимъ и латышско-литовскимъ; послѣдній вытѣснилъ чудь на западный берегъ Курляндіи и Лифляндіи отъ Виндавы до Салиса и въ нынѣшнюю эстонскую Лифляндію и смѣшался съ нимъ на полосѣ между Виндавой и Семгалліей, гдѣ, по древнѣйшимъ свидѣтельствамъ XIII-го столѣтія, жили собственно куры.

Дальнѣйшія отношенія къ сѣвернымъ, а также южнымъ скандинавамъ и къ русскимъ.

Сѣверные историки, извѣстія которыхъ становятся достовѣрнѣе, когда они говорятъ о ближайшихъ къ нимъ событіяхъ, разсказываютъ о покореніи въ IX-мъ столѣтіи Курляндіи и Самбіи знаменитымъ Рагнаромъ Лодброкомъ, исторія котораго все таки очень сказочна, и о побѣдѣ его у гавани Диnэ. Въ IX-мъ и X-мъ вѣкахъ въ Эйстландіи воевалъ король южной Норвегіи Гальфданъ Черный и его преемникъ. Около 950 г. по Р. Х. Самландію завоевали датчане и ихъ потомки образовали, какъ кажется, дворянство той страны, витинговъ. Короли Олафъ и Эрихъ будто бы подчинили себѣ Курляндію и Эстляндію, при чемъ упоминаетъ объ островѣ Эйсислѣ (Эзель). Эти повторяющіяся завоеванія продолжались не долго и вѣроятно были большею частью простыми набѣгами. Къ концу X-го столѣтія въ Скандинавіи образовалось страшное товарищество Аскеманновъ, которыхъ датчане называли викингами, потому что они около Вика подстерегали пловцовъ. Это были морскіе разбойники, которые грабили всѣ берега Балтійскаго моря. Олафъ Тригвесонъ, сынъ короля Тригве Олафсона, говорятъ, былъ увезенъ однимъ эстонскимъ разбойникомъ въ Эстляндію и продержанъ тамъ шесть лѣтъ. Это случилось около 970 г. послѣ Р. Х.; потому что послѣ рѣчь идетъ о королѣ Вальдемарѣ (Владимірѣ) въ Гардарикѣ (Новгородѣ), у котораго долгое время гостилъ дядя молодаго принца, и этимъ дядей, который пріѣхалъ въ Эйстландію по порученію короля Вальдемара для сбора тутъ дани, былъ выкупленъ Олафъ.

Изъ этого извѣстія видно, что молодое Русское государство, основанное за одно столѣтіе передъ тѣмъ вѣроятно скандинавскими князьями, также начало распространять свое владычество на часть Прибалтійскаго края. Что торговыя связи съ далекимъ востокомъ уже за долго существовали, доказываютъ найденныя въ большомъ количествѣ въ Прибалтійскомъ краѣ монеты, которыя могли прійти сюда только черезъ посредство многихъ народовъ, именно монеты арабскія, доходящія до 762 г. и болѣе рѣдкія византійскія, доходящія до 868 г. Это указываютъ также найденныя въ Ашераденскихъ могилахъ раковины, встрѣчающіяся только въ Остъ-Индіи (Cipręa Moneta) и египетскій жемчугъ. Несторъ, во вступленіи къ своей лѣтописи, подробно описываетъ водные пути, которые вели отъ Варяжскаго (Балтійскаго) моря черезъ Двину или озеро Нево (Ладога), Волховъ и Днѣпръ въ Грецію и по Волгѣ въ Азію. Адамъ Бременскій говоритъ также о рѣчномъ пути изъ Шлезвига и Даніи по Западной Двинѣ черезъ Острагардъ и Киве (Кіевъ) въ Константинополь. Еще точнѣе описываетъ водный путь по Днѣпру императоръ Константинъ Порфирородный; онъ положительно говоритъ, что торговля производилась при посредничествѣ русскихъ. Тоже самое говоритъ о волжской торговлѣ Ибнъ-Фошланъ, писатель X-го вѣка, описавшій подробно эту торговлю и русскихъ. Конечно изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы жители Прибалтійскихъ губерній принимали дѣятельное участье въ этой торговлѣ, но во

всякомъ случаѣ она проходила черезъ эти страны и знакомила обитателей ихъ съ народами, ведшими эту торговлю. Не удивительно, что скандинавскіе владѣтели Россіи присвоили себѣ тѣже права на Прибалтійскій край, какъ и скандинавскіе владѣтели сѣвера, и также относились къ жителямъ Прибалтійскаго края, какъ и послѣдніе; и очень можетъ быть, что между чудью, послѣдовавшею за Олегомъ въ Византію, было нѣсколько эстовъ, которыхъ повлекло туда желаніе добычи. Для обезпеченія дани, Ярославъ, по словамъ Нестора, построилъ въ 1030 г. Юрьевъ (Дерптъ), недалеко отъ котораго и найдена одна изъ его монетъ. Имя Ярослава встрѣчается и въ скандинавскихъ сагахъ. Несторъ, писавшій въ XII вѣкѣ, перечисляетъ совершенно вѣрно обитателей Прибалтійскихъ земель подъ именемъ чуди, литвы, симголы, корси, летгалы и ливи.

Завоеванія русскихъ, которыхъ можно было бы назвать южными скандинавами, не удержали сѣверныхъ скандинавовъ отъ ихъ завоеваній. Канутъ Великій Датскій, покорившій Лондонъ, покорилъ также Эстляндію, и Эмбахъ составлялъ на нѣкоторое время границу между датскими и русскими владѣніями; эта рѣка и нынѣ раздѣляетъ нарѣчіе дерптское и ревельское. Сынъ Ярослава Владиміръ наложилъ въ 1042 г. дань на сѣверо восточныхъ сосѣдей эстовъ—іеменовъ (тавастовъ шведовъ).

Завоеванія въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ датчанъ такъ и русскихъ, проложили путь распространенію въ этомъ краѣ христіанства. Ярославъ, который столь много строилъ церквей и, по словамъ лѣтописца, радовался множеству христіанъ, вѣроятно и въ Прибалтійскомъ краѣ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Можетъ быть Юрьевъ увидѣлъ первыя христіанскія церкви Лифляндіи. Между тѣмъ Генрихъ Латышскій ясно замѣчаетъ, что русскіе князья не принуждали покоренныхъ народовъ къ принятію христіанской вѣры (fidei Christianæ subjicere), но требовали отъ нихъ только дани. Около этого же времени, около 1048 г. по Р. Х., датскій король Свенъ III велѣлъ Эстритсону въ Курляндіи выстроить первую христіанскую церковь, вѣроятно, у Домеснеса, который можетъ быть оттого получилъ свое названіе. Гаральдъ IV Датскій послалъ въ 1078 г. въ Римъ молодыхъ людей, чтобы приготовить ихъ къ проповѣдыванію христіанства въ прибрежныхъ странахъ Балтійскаго моря. Съ обѣихъ сторонъ продолжались опустошительные походы, способствовавшіе распространенію христіанства, которое мирнымъ образомъ, конечно, распространялось бы гораздо медленнѣе, но за то и съ большимъ успѣхомъ. Слѣдующій король Даніи Кнутъ II, еще въ 1076 г. будучи ярломъ Зеландіи, ходилъ на Курляндію, Самогитію и Эстляндію. Такой же походъ черезъ три года совершилъ Кнутъ, младшій братъ Гаральда IV Датскаго; Кнутъ II Святой въ 1080—1086 г. совершенно покорилъ своей власти Самландію, Курляндію и Эстляндію. Успѣхамъ датчанъ благопріятствовали частыя внутреннія междоусобія Россіи. Въ 1093 г., по словамъ Брандиса, король Эрихъ Эйегодъ (Добродушный) основалъ впослѣдствіи находившійся въ Ревелѣ Михайловскій женскій монастырь.

Но неподдѣльность грамоты отъ 28 августа 1093 г., относящейся къ этому основанію и открытой въ эстляндскихъ рыцарскихъ архивахъ, очень сомнительна. Цистерціенскій орденъ, которому по этой грамотѣ долженъ былъ принадлежать монастырь, основанъ только въ 1098 г. Ордерикъ конечно говоритъ, что первый монастырь въ Цито существовалъ уже до 1094 г., но противъ мнимой грамоты говорятъ всѣ факты. По Петру Олаю, Эрихъ былъ выбранъ королемъ въ 1095 г., а по Гамсфорту въ 1096 г. Новѣйшіе историки также годомъ избранія принимаютъ 1095 г. Къ своему показанію Петръ Олай сейчасъ же прибавляетъ, что Эрихъ царствовалъ 8 лѣтъ и умеръ въ 1100 г. или 1101 (MCI), но тутъ можетъ быть есть описка въ послѣднемъ числѣ, такъ какъ въ томъ же мѣстѣ нѣсколькими строками выше сказано, что онъ умеръ въ 1102 г. (MCII), по двумъ же рукописямъ онъ умеръ въ 1104 г. (MCIV) и еще по одной въ 1103 г. (MCIII). Годъ смерти короля, умершаго въ чужихъ странахъ на пути въ Палестину былъ и остался неизвѣстнымъ; итакъ о немъ ничего нельзя заключить и нельзя принимать произвольно 1100 или 1101 г., чтобъ ослабить болѣе опредѣленное и вѣрное предположеніе насчетъ его вступленія на престолъ (1095 или 1096). Далѣе въ грамотѣ король приводитъ, какъ поводъ къ основанію монастыря, явленіе, которое онъ будто видѣлъ во время осады Праги, но мы единственно отъ него знаемъ, что онъ въ 1090 г., когда была осада Праги, былъ въ Германіи; между тѣмъ датскіе лѣтописцы разказываютъ объ основаніи монастыря въ 1249 г., послѣдовавшемъ при такихъ же самыхъ обстоятельствахъ, именно послѣ явленія герцога Венцеля Богемскаго, убитаго своимъ братомъ Болеславомъ за три столѣтія, во времена императора Оттона. Также невѣроятно, чтобъ Генрихъ Латышскій, при описаніи разрушенія замка Линданисса и постройкѣ новаго, не упомянулъ о близьлежащемъ монастырѣ, еслибъ онъ существовалъ. Наконецъ въ грамотѣ упоминается еще о гульденахъ (florini), что также дѣлаетъ сомнительнымъ подлинность ея. По Петру Олаю, король Эрихъ Плогпенникъ построилъ монастырь въ 1249 г. Полагаютъ, что это тотъ самый монастырь, который окончательно разрушился только въ 1843 г.; полагаютъ, что нѣкоторыя постройки въ старомъ стилѣ, сохранились отъ маленькаго прежняго монастыря. Подтвердительныя грамоты королевы Маргариты, второй супруги Вальдемара II. и регентши во время его отсутствія (1206) и короля Эриха X (1207 и 1210), короля противной партіи Вальдемара II, принадлежатъ къ 1267, 1307, 1310 годамъ.

Датскіе короли кажется въ XII вѣкѣ приняли титулъ герцоговъ эстляндскихъ; титулъ этотъ данъ также въ папской буллѣ въ 1104 г. королю Эриху Эйегоду. Около Рингена, Вендена, Верро и Раппина найдено множество монетъ англосаксонскихъ и датскихъ отъ 11 го вѣка, также отъ времени Канута I (1016—1035) и Гаральда IV, вышеупомянутаго завоевателя, такъ что датскія завоеванія кажется распространились около этого времени на югъ отъ Эмбаха. Въ 1132 г. датскій король Николай Эстляндскій пытался даже, хотя напрасно, покорить Изборскъ (по рукописной псковской лѣтописи, разобранной Крузе, которая называетъ датчанъ «нѣмцами»). Впослѣдствіи въ Даніи воз-

никли внутреннія распри, но ея отношенія къ Эстляндіи не окончились съ появленіемъ на Западной Двинѣ нѣмцевъ. Въ 1170 г. эсты и куры были прогнаны съ занятаго ими острова Эланда братомъ датскаго архіепископа Авесалома и тройскій монахъ Фулько былъ назначенъ епископомъ и проповѣдникомъ Эстляндіи; въ 1171 г. онъ былъ порученъ папой помощи королей Даніи, Норвегіи и Швеціи, не будучи никогда ничѣмъ, какъ епископомъ in partibus. Въ 1186 г. и 1196 г. Канутъ IV предпринималъ военные походы, и онъ опять сталъ называться герцогомъ Эстляндіи. Но Сигтуна, кажется, сожжена была не эстами, а карелами, называемыми часто куронами; въ 1187 г. карелы, которые въ 1195 г. были союзниками Новгорода, можетъ быть продали новгородцамъ шведскія церковныя врата, находившіяся, по словамъ Карамзина, въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Въ 1202 г. жители Эзеля разорили округъ Блекингенъ; черезъ три года Вальдемаръ II напалъ на Эзель и выстроилъ тамъ замокъ, но скоро его покинулъ. Наконецъ въ 1219 г. Вальдемаръ присталъ съ большимъ войскомъ къ укрѣпленному замку Линданиссу, разбилъ эстовъ, построилъ новый замокъ вмѣсто стараго, названный Ревелемъ по тамошнему названію окружающей страны, которая прежде уже, по словамъ Генриха Латышскаго, носила это имя, и покорилъ всю Эстляндію, впрочемъ исключая южной и юговосточной ея части, которую уже занимали нѣмцы. Король противной партіи Вальдемара, Эрихъ X Кнутсонъ 1205—1210, бывшій также королемъ Швеціи, удержалъ за собой, какъ видно изъ вышеупомянутыхъ документовъ, верховную власть надъ страной послѣ того какъ въ 1189 г. одинъ шведскій герцогъ, по искательству нѣмцевъ, раззориль Вирландію и наложилъ тамъ дань. Когда Вальдемаръ II основалъ въ Леалѣ епископство, туда явился новый шведскій король Іоаннъ Сверкенсонъ (1216—1222) съ большимъ войскомъ, но скоро опять покинулъ страну, и замокъ Леаль былъ сожженъ жителями Эзеля. О шведскомъ владычествѣ нѣтъ болѣе упоминаній; но датчане утверждали свое владычество все болѣе и болѣе. Шведская колонизація удостовѣряетъ въ томъ, что было сказано выше о жителяхъ нѣкоторыхъ острововъ. Древняя готландская сага даетъ намъ вѣрное свидѣтельство въ томъ, что отважные готландскіе моряки не только сообщались съ Византіей черезъ Россію, но и построили замокъ на островѣ Дагайпи (Даго) напротивъ Эстляндіи, и оттуда отправлялись по Двинѣ черезъ Россію въ Грецію. На Готландѣ также нашлись римскія монеты: основанный тамъ въ VIII вѣкѣ Висби и возведенный въ XII мъ вѣкѣ на степень городской общины, сталъ центромъ обширной торговли между христіанскими и языческими народами, и особенно съ тѣхъ поръ какъ въ немъ стало преобладать христіанское населеніе, когда бѣжавшій сюда король норвежскій Олафъ Святой построилъ тутъ церковь и соперничавшіе торговые города Юлинъ на ост. Волинѣ былъ разрушенъ въ 1130 г. датчанами, а Аркона на Рюгенѣ въ 1170 г. разрушенъ померанами. Въ XI мъ и XII мъ столѣтіяхъ въ Висби прибыло много нѣмцевъ и скоро насчитывали тутъ 10—12,000 мѣстныхъ купцовъ, не считая проживавшихъ тамъ временно нѣмцевъ, русскихъ, грековъ, датчанъ, вендовъ

пруссовъ, поляковъ, евреевъ, эстовъ и ливовъ. Тамъ образовалось собственно морское и торговое право, которое оказало большое вліяніе на право Любека и Прибалтійскаго края. Въ Лифляндіи до самаго Дерпта отыскалось много монетъ изъ Висби. Между скандинавами и нѣмцами въ Висби происходили частыя и сильныя ссоры. Генрихъ Левъ возстановилъ миръ въ 1163 г. Послѣ вновь произшедшихъ ссоръ, Магнусъ I Шведскій возстановилъ миръ въ 1278 г., а Магнусъ II (съ 1319) далъ жителямъ печать и книгу законовъ, которые должны были служить какъ для нѣмцевъ, такъ и для готландцевъ. Торговля Висби съ одной стороны направлялись къ Кельну, Англіи и Любеку, съ другой стороны къ Прибалтійскому краю и Новгороду.

Чрезъ германизацію этого города, нѣмецкій элементъ распространился до Прибалтійскихъ провинцій. Уже въ 1142 г. въ Новгородѣ поселились нѣмецкіе купцы. Но покоренію Прибалтійской, столь удаленной отъ Германіи, окраины должно было предшествовать покореніе странъ, лежавшихъ къ востоку отъ нея. Это покореніе приготовлено было паденіемъ Вендскаго королевства въ сѣверной Германіи въ 1126 г., паденіемъ большаго славянскаго торговаго города Юлина (1130), построеніемъ Новаго Любека (1143) и послѣдовавшимъ за тѣмъ постепеннымъ распространеніемъ христіанства, подчиненіемъ и германизаціею всей славянской сѣверной Германіи Генрихомъ Львомъ и маркграфомъ Альбрехтомъ Сѣверо-саксонскимъ, къ чему способствовали кромѣ ихъ завоеваній постройки многочисленныхъ нѣмецкихъ приморскихъ городовъ, которые скоро завладѣли торговлей Балтійскаго моря.

Внутреннія междоусобія, послѣдовавшія въ Россіи послѣ смерти великаго князя Ярослава Владиміровича, хотя и тормозили успѣхи русскихъ и способствовали успѣхамъ датчанъ, а потомъ нѣмцевъ, но не прервали совсѣмъ отношеній удѣльныхъ княжествъ Новгорода и Пскова къ эстамъ, и княжества Полоцкаго, основаннаго уже въ 980 г. скандинавомъ Рогволодомъ, къ латышамъ и семгаламъ. Преемники Рогволода старались въ 1106 г., но тщетно, покорить послѣднихъ; черезъ 23 года Рогволодовы наслѣдники были изгнаны Мстиславомъ, сыномъ Владиміра Мономаха, и сосланы въ Византію. Въ 1113 г. Мстиславъ послѣ двукратнаго пораженія чуди овладѣлъ ихъ поселеніемъ Оденпэ (Медвѣжья голова). Въ 1130 г. чудь была снова побѣждена и принуждена опять къ дани сыновьями великаго князя Изяслава Мстиславовича, новаго князя Полоцкаго, и княземъ Новгородскимъ. Но эти отношенія не долго продолжались. Въ 1191 и 1192 г. возобновились походы изъ Новгорода; города Юрьевъ и Оденпэ опять были взяты, послѣ чего русскія войска опять удалились. Василько, сынъ сосланнаго въ Византію Давида Полоцкаго, опять овладѣлъ въ 1132 г. этимъ городомъ, и Владиміръ, сынъ Василько, былъ можетъ быть тѣмъ Владиміромъ, который, по словамъ Генриха Латышскаго, правилъ Полоцкомъ въ началѣ 13-го вѣка и при которомъ Вессека (Вячко) былъ княземъ въ Кокенойсѣ, а Виссевальдъ (Всеволодъ) въ Герсикѣ. Тѣснимый князьями рюриковской линіи, Владиміръ легко позволилъ нѣмцамъ въ 1186 г. обращать въ христіанство ливовъ,

которые впрочемъ ему были обязаны военною службою. Полоцкіе князья сплавляли по Западной Двинѣ строительные матеріалы; недалеко отъ Двины были находимы въ новѣйшія времена камни съ именами этихъ князей. Съ учрежденіемъ укрѣпленныхъ постовъ на извѣстныхъ мѣстахъ вдоль Западной Двины, какъ Герцике и Кокенойсъ, владычество русскихъ надъ латышами и ливами, можеть быть, было болѣе твердо, чѣмъ надъ эстами. Вліяніе русскихъ, повидимому, распространялось до окрестностой Торейды и Ашерада почти вдоль всей западной Двины, потому что уже первые нѣмецкіе проповѣдники просили Полоцкаго князя позволенія обращать туземцевъ въ христіанство. Преданія о господствѣ русскихъ на Двинѣ надъ ливами и латышами не исчезали въ Полоцкѣ; они дали поводъ къ завоеваніямъ царя Іоанна Васильевича во второй половинѣ XVI го столѣтія и молвѣ о продолжавшейся еще, но никогда не исполнявшейся, обязанносви всей Лифляндіи платить ему дань. Конечно русскіе должны были тѣмъ болѣе дорожить владычествомъ надъ землями по теченію Западной Двины, что рѣка эта была естественнымъ посредникомъ ихъ уже процвѣтавшей торговли съ Германіей. Такъ, напримѣръ, въ грамотѣ отъ 1165 г., которою архіепископъ Кельнскій возстановляетъ права города Медебаха въ Вестфаліи, говорится какъ объ обыкновенной вещи о торговлѣ съ Россіей Подъ именемъ Россіи можетъ бытъ здѣсь вообще подразумѣвались восточные берега Балтійскаго моря, такъ какъ на Рейнѣ не обращали вниманія на точность географическихъ свѣденій объ этой отдаленной и мало знакомой странѣ и часто причисляли къ Россіи Прибалтійскія провинція, итакъ не нужно здѣсь ставить вмѣсто Россіи Ругенъ (вмѣсто Rutia; Ruiia). Одна булла Климента III причисляетъ даже Икскульское епископство къ Россіи, а хроника Мессенія Линкепенгскихъ епископовъ причисляетъ къ Россіи Викъ. Льготная грамота, данная городу Любеку въ 1188 г. императоромъ Фридрихомъ I, ссылается на распоряженіе Генриха Льва, по которому русскимъ, готамъ, норманнамъ и другимъ восточнымъ народамъ дозволялась безпошлинная торговля въ Любекѣ. Что эта торговля частью направлялась черезъ Лифляндію видно изъ того, что, по словамъ Генриха Латышскаго, однажды ѣхали отъ Двины во Псковъ купцы съ товарами, которые были разграблены унгаунійцами по наущенію ливовъ, товаровъ же было по крайней мѣрѣ цѣною на 1000 марокъ. Но этотъ случай доказываетъ также ненадежность и невѣрность торга, продолжавшіеся до тѣхъ поръ, пока край не сдѣлался доступнымъ европейской образованности, и пока онъ не былъ обращенъ въ христіанство. Это сдѣлали не скандинавы и не русскіе, а настойчивая предпріимчивость нѣмцевъ, которые шли впередъ съ торговлей, крестомъ и мечомъ.

ГЛАВА II.

Земля и народъ до завоеванія нѣмцами.

Общее обозрѣніе страны.

О состояніи Прибалтійскаго края и его обитателей до прибытія нѣмцевъ мы находимъ у древнѣйшихъ лѣтописцевъ только случайныя и краткія указанія. Указанія новѣйшихъ лѣтописцевъ болѣе подробны, но ихъ описанія, какъ напр. описанія Ейнгорна, Менеція и Беккера нельзя безусловно относить къ прежнимъ временамъ края, хотя католическая вѣра коснулась туземцевъ только поверхностно и къ германству они относились всегда враждебно, держась крѣпко своихъ древнихъ обычаевъ, на что жалуется и Ейнгорнъ, приводя этому тѣже причины. Въ среднихъ вѣкахъ на все не христіанское смотрѣли съ большимъ отвращеніемъ и не заботились о точномъ изслѣдованіи его. Эсты и латыши даже не были различаемы въ тѣ времена другъ отъ друга.

Нынѣшнія Прибалтійская губерніи занимаютъ пространство въ 1639 квадратныхъ миль. Но если присоединить къ нимъ такъ называемую польскую Лифляндію, входившую въ составъ древней Ливоніи, а нынѣ принадлежащую къ Витебской губерніи, то все пространство края составитъ 1700 квадратныхъ миль, пространство превосходящее Восточную и Западную Пруссіи взятыя вмѣстѣ. Народонаселеніе состоитъ (въ 1858 г.) около 1,680,000 человѣкъ, изъ которыхъ 650,000 эстовъ, 770,000 латышей, 5,500 шведскихъ крестьянъ на Руно и нѣкоторыхъ островахъ сѣвернаго берега Эстляндіи, 200,000 нѣмцевъ (изъ которыхъ только немного болѣе 16,000 живутъ въ деревняхъ), 20,000 евреевъ и 35,000 русскихъ. О густотѣ туземнаго населенія, существовавшаго въ половинѣ XII-го столѣтія, мы не имѣемъ не только никакихъ указаній, но и догадокъ даже. Судя по тогдашнему состоянію страны, населеніе ея должно быть было очень незначительно. Жители острова Эзеля и эсты, жившіе по сосѣдству съ ними на материкѣ (въ Гарріенѣ и Викѣ), выставляли, по словамъ Генриха Латышскаго, 10,000 войновъ, что заставляетъ предполагать населеніе никакъ не выше

80,000 человѣкъ. Но въ настоящее время на Эзелѣ, въ Гарріенѣ и Викѣ живетъ 270,000 народа, а за вычетомъ изъ этого числа 10,000 нѣмцевъ (въ городахъ Перновѣ, Леалѣ и Гапсалѣ живетъ около 7000, прочіе въ деревняхъ), окажется, что въ названныхъ мѣстахъ живетъ 260,000 туземцевъ (эстовъ), т. е. втрое болѣе противъ прежняго, такъ что по этому масштабу можно предполагать, что въ Прибалтійскомъ краѣ въ половинѣ XII-го вѣка жило около 437,000 человѣкъ

Климатъ страны, лежащей между 55° 40' до 59° 30' широты, страны, подверженной холоднымъ восточнымъ и сѣверо западнымъ вѣтрамъ, и большею частью плоской, особенно въ сѣверной части, гораздо суровѣе и постояннѣе, чѣмъ въ восточной Пруссіи и короткость лѣта значительно затрудняетъ воздѣлываніе земли. Смыкаясь на юго востокѣ съ Валдайскимъ плоскогоріемъ, почва Прибалтійскаго края спускается террасами къ морю и содержитъ многія также террасообразныя плоскогорія, составляющія водораздѣлы. Вообще же отъ западнаго берега замѣтны два направленія плоскогорій, изъ которыхъ одно тянется на сѣверо-сѣверо востокъ (Эстляндія), о другое на юговостокъ и востокъ (Курляндія и Лифляндія). Сѣверное плоскогоріе, нынѣшняя Эстляндская губ., составляетъ известковый пластъ, покрытый тонкимъ слоемъ чернозема. Губернія эта болотиста, но въ ней много лѣсовъ и сѣнокосовъ. Лежащая южнѣе Лифляндская губернія подпочвою своею имѣетъ желто красный песчаникъ; тутъ ряды холмовъ пересѣкаются равнинами и болотами, замѣчаются плоскогорія и круглыя возвышенности, поднимающіяся до 1000 футовъ надъ уровнемъ моря. Самыя значительныя возвышенности образуютъ ряды холмовъ около Пуннамегги у Гангофа, у водораздѣла между южными притоками Пейпуса и притоками Западной Двины и Аа. Плодородными можно считать земли, лежащія по Западной Двинѣ, а также окрестности Феллина, Руэна, Салисбурга, Эрмеса и Вольмара; самые неплородныя земли — это песчаный морской берегъ и болотистая рѣчная область Пернова. Въ Курляндской губерніи подпочва похожа на лифляндскую, но съ наноснымъ большимъ слоемъ глины очень удобнымъ для сѣянія пшеницы, именно въ плодородной Митавской равнинѣ, въ окрестностяхъ Бауска и въ юго западной части губерніи, между тѣмъ какъ въ Лифляндіи и Эстляндіи пшеница родится очень плохо. Вдоль морскаго берега тянутся песчаные холмы, которые проходятъ чрезъ Лифляндскую губернію до Пернова и достигаютъ крутаго известняковаго берега Эстляндіи. Всѣ три губернія очень богаты водами и озерами. Главные продукты этаго края — пшеница въ Курляндіи, рожь въ Лифляндіи и Эстляндіи, ленъ въ Лифляндіи; кромѣ того вездѣ разводится ячмень, овесъ, гречиха, горохъ и бобы. Свекла не родится; но скотоводство въ краѣ значительно распространено. И теперь еще болотистые лѣса и луга и безполезныя болота занимаютъ по крайней мѣрѣ $^1/_3$ всего края; въ Перновскомъ уѣздѣ болота составляютъ $^3/_4$ всего его пространства. Въ Курляндіи болота занимаютъ только $^1/_5$ и одни болота занимаютъ вмѣстѣ пространство въ 36 квадр. миль, столько же сколько занимаетъ все великое герцогство

Мекленбургъ-Стрелицкое. Самыя большія болота находятся въ Викѣ въ 100 кв. верстъ, въ Аллентакенѣ въ 250 кв. верстъ, къ сѣверу отъ Пернова около озера Лавварзаръ въ 150 кв. верстъ, между Перновомъ и Феллиномъ въ 400 кв. верстъ, между Перновомъ и Салисомъ во столько же (Ольгепурвское болото въ 150 кв. верстъ). у Пейпуса, у Вирцъерва, у Эвста и у Аа каждое въ 100 кв. верстъ. По офиціальному исчисленію въ Эстляндіи $^{2}/_{14}$ части занимаютъ поля, $^{3}/_{14}$ луга, $^{4}/_{14}$ лѣса, $^{2}/_{14}$ пустоши и $^{3}/_{14}$ болота и вода. Въ Пруссіи напротивъ около $^{5}/_{14}$ полей, $^{2}/_{14}$ луговъ, $^{3}/_{14}$ пастбищъ, столько же лѣса и только $^{1}/_{14}$ часть покрыта водою.

Въ половинѣ XII го вѣка воздѣлываніе земли должно быть было гораздо менѣе распространено чѣмъ теперь, но лѣса были гораздо обширнѣе, чѣмъ нынѣ. Многія нынѣ обрабатываемыя земли кажется были заняты дубовыми лѣсами, остатки которыхъ видны частью въ отдѣльныхъ дубахъ и въ дубовыхъ корняхъ, находимыхъ въ землѣ, частью въ дубовомъ лѣсѣ во множествѣ погруженномъ въ воду или употребленномъ на бревенчатыя плотины, память о которыхъ живетъ еще въ нѣкоторыхъ деревняхъ. Генрихъ Латышскій такъ часто упоминаетъ о лѣсахъ, черезъ которые должны были проникать нѣмецкія войска, что кажется, что они занимали почти всю страну и были прерываемы только рѣдкими поселеніями. Латыши жили въ соединенныхъ дворахъ посреди лѣсовъ. Въ подобномъ состояніи была тогда и Пруссія. Потому-то литовцы могли, по словамъ Генриха Латышскаго, доходить часто лишь съ малымъ войскомъ изъ нѣсколькихъ сотъ людей до самой Эстляндіи. Даже путешественники XVII го вѣка описываютъ Прибалтійскій край страною, покрытою большею частію лѣсами и мало обработанною, а Олеарій говоритъ, что край былъ весь покрытъ лѣсомъ, за исключеніемъ мѣстъ, приспособленныхъ къ обработкѣ черезъ выжиганіе деревъ. Въ лѣсахъ водилось множество кабановъ и медвѣдей, о которыхъ еще Фабрицій упоминаетъ въ своей лѣтописи.

Народныя племена и народный характеръ.

Народы, обитавшіе въ Прибалтійскомъ краѣ отъ запада до востока и отъ юга до сѣвера, были:

I. Латышско-литовскаго племени:

1) Въ западной Курляндіи до Виндавы Венды, латышско-литовское племя, населявшее земли: Винду, Бигавелане, Бандове, Довцаре, Саггару, Цеклисъ, Пильсатенъ и Мецгове съ замками: Кретенъ, Ампилленъ, Мутене, Грезенъ, Амботенъ, Гробинъ, Ассеботенъ, Кульдика и Вентеспильсъ. Они были потомками древнихъ вендовъ, принадлежали къ латышско-литовскому племени и въ нашихъ источникахъ не различались отъ куровъ, которые въ концѣ XII-го вѣка были уже не древніе эсто-финскіе куры, но смѣшеніе нѣкоторыхъ ихъ потомковъ

съ гораздо большею частью литовцевъ, отъ какого смѣшенія и произошли нынѣшніе куры.

2) Куры къ востоку отъ вендовъ съ замками Тальсеномъ, Лазеномъ, Меркесомъ и Синтелесомъ. Три послѣдніе замка были разрушены нѣмцами. Въ ихъ странѣ удержалось еще первоначальное эстокурское раздѣленіе на маленькіе округи (килегунды).

3) Семгаллы жили къ юго востоку отъ куровъ въ земляхъ: Добленѣ, Тервитенѣ, Мешотенѣ и замкахъ тѣхъ же названій; а также въ замкахъ: Боботенѣ, Добенѣ, Ракенѣ, Раттенѣ и Сидобренѣ.

4) Селы жили къ юго востоку отъ Семгалловъ, вдоль Двины по землямъ; Тавракенѣ, Нальзенѣ, Полонѣ и Меденѣ и замкѣ Сельписѣ. Ейнгорнъ различаетъ нарѣчія трехъ названныхъ народовъ и говоритъ, что куровъ называли оба другіе народа тами, худоговорящими.

5) Латыши или Летгаллы жили къ сѣверу отъ Западной Двины, отъ Кокенойса до 45° долготы къ востоку, до позднѣйшаго Розиттена и Маріенгаузена (по ясному свидѣтельству Ейнгорна), къ западу до Сидегунде и Урелы (Ореллы), принадлежавшимъ уже ливамъ, и къ сѣверу до ихъ теперешней границы. У нихъ были земли: Антине, Трикатіенъ, Розула, Толова съ замками: Антине, Беверинъ, Сотекле, Венденъ.

II. Эсто-финнскаго племени:

1) Ливы занимали мѣста почти отъ Виндавы до Пернова; но около гавани Семгалловъ жили Семгаллы. Къ сѣверу отъ Двины были округи ихъ: Торейда, Идумея и Метзеполе съ замками Гольмомъ, Укесколою, Леневардомъ, Ашерадомъ, Саттеселомъ, Сигевальдомъ, Урелемъ и исчезнувшими уже замками Добреля и Каупо.

2) Эсты, населявшіе и теперь занятую ими область (съ Эзелемъ, Мономъ, Дагденомъ и другими мелкими островами) въ округахъ Сакеле (замки: Виліенде, Орсле, Пурке); Зонтаганѣ (замокъ того же имени); Уггенойсѣ (замки: Тарбатъ [Тартоливъ], Оденпэ); Собелицѣ, Согентаганѣ, надъ которыми всѣми не распространялось владычество датчанъ; они населяли далѣе округи, надъ которыми властвовали датчане: а) Виронію съ 5 го килегундами и крѣпостями Майанпаке, Агелинде, Сомелинде, Ріола; б) Іерве съ Лаппегунде и большой деревней Каретенъ съ 3-мя килегундами; в) Вайгеле, на лѣво отъ Эмбаха, 1 килегунда; г) Моке, одна килегунда; д) Нурмегунде съ замкомъ Палою, одна килегунда; е) Алемпойсъ, одна килегунда; ж) Гарріенъ съ замками Лоне и Варболе съ мѣстомъ Ругеле, куда собирались Эсты изъ всѣхъ своихъ земель для совѣщаній, 3 килегунды; з) Ротеле Викъ съ замкомъ старшины Лембита, Леаломъ и замкомъ Ротала, въ 7-ми

килегундахъ; и) Ревеле, въ трехъ килегундахъ, съ замкомъ Линданисса, названнымъ такъ, какъ говоритъ сага, по имени супруги миѳическаго героя Калева Линдѣ, у груди которой (нисса) жители питались какъ дѣти у груди матери; на мѣстѣ этого то Линданисса былъ построенъ позднѣе датчанами замокъ Ревелъ, называвшійся также Данилиномъ (городъ датчанъ); и к) Эзель, который послѣ назывался также Курресааръ (островъ журавля) и Сарема (земля островъ). Онъ раздѣлялся на 4 килегунды, по словамъ же Люце и документу приведенному имъ только съ памяти, на восемь; его самые сильные замки были Вольде и Моне. Точное раздѣленіе края, населеннаго эстами, произошло въ половинѣ XIII-го вѣка, когда былъ составленъ датчанами родъ кадастра (сохранившійся по нынѣ liber Census Daniæ), для сбора податей съ края, послѣ завоеванія его.

Кромѣ того въ прибалтійскомъ краѣ сохранились многіе слѣды древнихъ крестьянскихъ замковъ, латышскаго: Пильсъ-кальни, эстонскаго: Линнамегги, т. е. замковыя горы.

Національный характеръ обоихъ главныхъ племенъ, латышскаго и эстскаго, хотя изображенъ нашими лѣтописцами въ черныхъ краскахъ, но представляетъ разницы, существующія до сего времени. Эсты, по словамъ лѣтописцевъ, были свирѣпѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ были сильнѣе, мужественнѣе и болѣе способны къ сопротивленію, нежели латыши. Такъ Алнпеке замѣчаетъ въ стихѣ 1828 при описаніи одной битвы съ литовцами, что ливы бились превосходно, какъ и всѣ эстонцы, но что латыши напротивъ „покрылись позоромъ". Эти послѣдніе и теперь миролюбивѣе, добродушнѣе, не такъ лукавы, коварны и злопамятны, какъ эсты, но за то менѣе держатъ свое слово и непостоянны. Эстонецъ, не такъ чувствительный къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, всегда остается болѣе вѣрнымъ своимъ рѣшеніямъ, также какъ и разъ почувствованнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, чѣмъ латышъ. Въ наше время, какъ эстовъ такъ и латышей, упрекаютъ въ лѣности, ограниченности и большомъ недостаткѣ живости ума. Но эти качества можетъ быть явились слѣдствіемъ порабощенія этихъ племенъ. По наружности латыши похожи на родственныхъ имъ литовцевъ и древнихъ пруссовъ: они средняго роста со свѣжимъ цвѣтомъ лица, со свѣтлыми глазами и свѣтлыми волосами. Напротивъ эсты, какъ и прочія чудскія племена, приближаются по образованію черепа къ монгольской расѣ: малы ростомъ; цвѣтъ лица у нихъ не такъ свѣжъ, (но у нихъ не желтая кожа, какъ у монголовъ), волоса длинные и льнянаго цвѣта (не чернѣе какъ у монголовъ), глаза часто свѣтлые, но темные у нихъ считаются болѣе красивыми.

Земледѣліе и ремесла.

Кромѣ охоты, рыбной ловли и скотоводства, которымъ туземцы занимались очень успѣшно (по словамъ Генриха Латышскаго, нѣмцы во время одного похода взяли съ прибрежья въ добычу болѣе 4000

быковъ и коровъ и еще болѣе лошадей, съ Эзеля 2000 лошадей, и изъ Саккалы столько же), они занимались также земледѣліемъ. Изъ нынѣ употребляющихся земледѣльческихъ орудій, многіе, какъ напримѣръ плуги и бороны, очевидно туземнаго происхожденія, такъ же какъ и обычай сушить зерно прежде чѣмъ его молотить, выжиганіе и выкарчеваніе пней и т. т. Хлѣба, по видимому, была достаточно для мѣстнаго потребленія, и только въ 1205 г. послѣ неурожая понадобился привозъ. Уже въ 1206 г. начали собирать подати съ гака (плуга). Разведеніе овощей было можетъ быть также мало извѣстно, какъ и въ прусской Литвѣ. Эсты жили въ хорошихъ, большихъ многолюдныхъ деревняхъ (villis), между тѣмъ какъ латыши, какъ и теперь, жили отдѣльными дворами, и ихъ такъ называемыя мѣста были частью замками, частью остались отъ эстонскихъ поселеній. Совмѣстное и скученное жительство эстовъ должно было произвести у нихъ болѣе живыя умственныя сношенія и облегчить имъ защиту края. Оба народа занимались пчеловодствомъ и пили медъ. О пивѣ совсѣмъ не упоминается, что согласуется и съ показаніемъ Вульфстана.

Занятія ремеслами ограничивались приготовленіемъ одежды, оружія и утвари для собственнаго потребленія. Одежда, какъ и теперь, шилась изъ грубой шерстяной матеріи (вадмалъ), свѣтлаго цвѣта у латышей (какъ у древнихъ пруссовъ), темнаго у эстовъ; вадмалъ также привозили съ Готланда. Подъ кафтанами туземцы носили вѣроятно полотняныя рубахи и исподнія, и на ногахъ, какъ еще и теперь носятъ и какъ носили литовцы и древніе пруссы. — лапти. Изъ разсказаннаго Генрихомъ Латышскимъ отдѣльнаго случая, что непріятельскія стрѣлы попадали въ обнаженныя части тѣла ливовъ, никакъ нельзя заключить, что они ходили постоянно нагими. Ихъ утварь была проста и сдѣлана изъ дерева, какъ и ихъ дома. Послѣдніе были безъ печей и оконъ, потому что они не знали стекла. Защитой противъ непріятелей служили такъ называемые замки. Болѣе чѣмъ отъ пятидесяти такихъ замковъ сохранились развалины. Часто построенные въ мѣстахъ, укрѣпленныхъ самой природой, или высокимъ положеніемъ, или болотистыми окрестностями, они были окружены сперва глубокимъ рвомъ, а за тѣмъ земляным валомъ или досчатой стѣной, какъ въ Пруссіи, или же валомъ, построеннымъ изъ земли и дерева. У нѣкоторыхъ изъ замковъ были вышки, на которыхъ стояли, также какъ и на валу, люди для защиты. Во время штурма обыкновенно укрѣпленія сожигались. Въ Эстоніи, обильной камнемъ, валы строились изъ булыжника, положеннаго одинъ на другой; о соединеніи этихъ булыжниковъ известковымъ растворомъ, или о каменныхъ стѣнахъ, имѣли такъ мало понятія, что семгаллы пробовали разрушать веревками первыя стѣны, возведенныя нѣмцами. Во время осадъ старались подкопать эти валы, или поджечь деревянныя укрѣпленія помощью большихъ нагроможденныхъ передъ ними костровъ дерева, съ которыхъ въ осажденныхъ метали копьями. Ихъ оружіе, какъ и оружіе древнихъ пруссовъ, состояло изъ мечей (gladii), копій, служившихъ также дротиками и бросаемыхъ, по словамъ Саксона съ такою силою эстами, курами и ливами въ битвѣ у Бравалы, что имъ не могли противится

щиты; стрѣлъ, топоровъ, дубинъ или палицъ (clavæ, fustes) и щитовъ (clypei) у эстовъ не было, между тѣмъ какъ о курахъ разказывается, что они носили передъ собой таблицы, составленныя изъ двухъ досокъ и подпѐртыя дубинами. Все это вооруженіе была кажется очень просто и малоцѣнно, потому что, по словамъ Генриха Латышскаго, во время завоеванія Дерпта въ 1224 г., нѣмцы на туземное оружіе не обращали вниманія, но русскія одежды и оружіе взяли съ собою до сожженія замка. Въ 1222 г. жители Эзеля построили метательныя машины по примѣру нѣмецкихъ. Жители Эзеля и береговые эсты знали, подобно самландцамъ, кораблестроеніе и мореплаваніе а также тканіе и канатное мастерство, и могли въ нѣсколько дней составить флотъ изъ нѣсколькихъ сотъ разбойническихъ судовъ, которыя отличались видомъ отъ другихъ кораблей. Непріятельскіе корабли они старались сцѣплятъ со своими помощью желѣзныхъ крюковъ, или зажигать помощью брандеровъ. Они вѣроятно дѣлали сами свое оружіе и утварь, хотя должны были покупать для этого металлъ. Трудно рѣшить были ли ихъ собственнаго издѣлія найденныя въ множествѣ въ могилахъ украшенія, которыя они вѣроятно частью носили (т. е. женщины) напр. браслеты для рукъ и ногъ, кольца, ожерелья, шпильки, и также большія серебрянныя пряжки (кольца), служившія вмѣсѣ денегъ.Ніэнштедъ говоритъ, что привезенный нѣмецкими купцами золотыхъ дѣлъ мастеръ возбуждалъ своихъ искуствомъ большое удивленіе. Одно украшеніе, сдѣланное съ большимъ искуствомъ и найденное въ могилахъ, вѣроятно было куплено или взято въ добычу отъ скандинавовъ или отъ чуди. Впрочемъ подобныя украшенія носили и древніе пруссы.

Торговля и торговыя сношенія.

Для удобствъ торга кажется существовало нѣсколько дорогъ; по крайней мѣрѣ о большой дорогѣ въ Вендекюль упоминается въ древнихъ лѣтописяхъ. Соль и шерстяная матерія привозились съ Готланда, по крайней мѣрѣ у Генриха Латышскаго ливы освѣдомляются объ ихъ цѣнѣ на этомъ островѣ. Отношенія къ скандинавамъ не всегда состояли въ разбойничьихъ набѣгахъ для пріобрѣтенія добычи, въ особенности послѣ совершившагося покоренія и установленія платежа дани. Геймскрингла упоминаетъ о богатомъ купцѣ въ Викѣ, который между прочимъ былъ и морскимъ разбойникомъ; лѣтомъ посѣщалъ онъ большею частью эстонскія ярмарки, и тамъ нашелъ въ рабствѣ одну бывшую королеву, освободилъ ее и женился на ней. Генрихъ Латышскій ясно различаетъ разбойничьи суда отъ другихъ кораблей. Въ корабляхъ вѣроятно не было недостатка вслѣдствіе богатства лѣсомъ края. Предметами для продажи у туземцевъ были кожи, ленъ, пенька, воскъ, сало и мѣха; Адамъ Бременскій говоритъ даже о торговлѣ мѣхомъ на прусскомъ берегу. Важный предметъ торговли составляли взятые въ плѣнъ рабы.

Ни въ какомъ случаѣ не было также недостатка въ благородныхъ

металлахъ, которые покупались или похищались во время набѣговъ. Такъ одинъ норманскій морской разбойникъ нашелъ въ 917 г. въ Курляндіи звѣриную шкуру, набитую серебромъ; по словамъ Генриха Латышскаго, Альбертъ наложилъ въ 1206 г. денежную пеню въ три марки на каждаго латыша и лива, который не станетъ въ рядахъ воиновъ, и въ 1211 г. на округъ Торейду пеню въ 50 марокъ серебромъ (вѣроятно 25 фунтовъ); крѣпости Оденпэ и Варбола въ 1209 и 1210 годахъ выкупились у осаждавшихъ ихъ русскихъ сперва 400, потомъ 700 марками ногатовъ (100 и 135 марокъ серебромъ); въ 1213 г. сыновья Талибада взяли добычу, при нападеніи на нѣсколько эстонскихъ деревень, одного серебра три лифляндскіе таланта (3 лисфунта, 60 фунтовъ), а въ слѣдующемъ году ихъ отецъ далъ эстамъ пятьдесятъ „эзeринговъ" выкупа, по умолчалъ о прочихъ наличныхъ деньгахъ, за что и былъ зажаренъ до смерти. Что платежи вносились металломъ заключаютъ изъ того, что по словамъ Генриха Латышскаго въ 1206 г. при взломѣ ящика рыцаря Готфрида, собиравшаго у ливовъ деньги въ качествѣ судьи Торейды, въ этомъ ящикѣ нашли 19 марокъ серебра. Какъ въ латышскомъ, такъ и въ эстонскомъ языкѣ деньги имѣли свое особенное названіе (Hауда, раа), но у туземцевъ не было своихъ монетъ. Эзеринги были большія серебряныя женскія пряжки, которыя и теперь еще въ употребленіи у крестьянокъ. Онѣ вѣсили, по словамъ Арндта, часто полъ-фунта, и одинъ эзерингъ соотвѣтствовалъ вѣроятно одной маркѣ. Ніэнштедъ говоритъ, что туземцы платили, при началѣ торговли съ нѣмцами, кусочками бѣличьяго мѣха, что было конечно въ всеобщемъ употребленіи и въ Россіи, гдѣ дань вносили куньими мѣхами.

Изъ предыдущей главы видно, что Прибалтійскій край, а именно сѣверный берегъ его, былъ посѣщаемъ вѣроятно торговавшими скандинавами, а западный берегъ преимущественно жителями Готланда, а впослѣдствіи и нѣмцами. Уже Адамъ Бременскій говоритъ о частыхъ торговыхъ поѣздкахъ нѣмцевъ въ Курляндію и Эстляндію. Говорятъ, что Прибалтійскій край былъ только станціею торговли съ Россіей и ограничивался грабежомъ проѣзжавшихъ купцовъ и вынужденіемъ у нихъ пошлины (Генрихъ Латышскій приводитъ такой случай), но это тѣмъ невѣроятнѣе, что по словамъ хроники Ніэнштеда, первыя отношенія къ туземцамъ Бременскихъ купцовъ, открывшихъ около половины XII столѣтія устье Западной Двины, были мирнаго характера. Скорѣе можно предполагать непосредственную торговлю между туземцами и чужестранными купцами, что первые могли предлагать послѣднимъ тѣже продукты, какіе продавали русскіе, не исключая и мѣховъ, въ которыхъ вѣроятно не было недостатка при тогдашнемъ богатствѣ лѣсовъ. Такъ какъ найденныя куфическія и византійскія монеты доходятъ только до XI столѣтія, то онѣ должно быть съ тѣхъ поръ болѣе не переходили изъ Россіи въ Прибалтійскій край, такъ же какъ и въ Россію переходили только немногія изъ своего отечества. Причиной этому было частью утвержденіе Половцевъ на югѣ Россіи, которое прервало связи съ Византіей и Востокомъ, частью увеличившаяся вслѣдствіе крестовыхъ походовъ торговля Италіи съ этими

странами. Нѣмецкія и англо-датскія монеты, доходящія до конца XII столѣтія, указываютъ напротивъ на торговлю съ скандинавами до поселенія нѣмцевъ; франкскія и большая часть нѣмецкихъ монетъ доходятъ отъ III до XI столѣтія, когда еще не существовало непосредственныхъ отношеній Германіи къ Прибалтійскому краю. Таковыя отношенія были еще рѣдки и въ XII столѣтіи, и потому мало нашлось нѣмецкихъ монетъ, относящихся къ этому времени.

Нравы и обычаи.

Нравы туземцевъ были очень грубы; Генрихъ Латышкскій приводитъ нѣсколько примѣровъ возмутительной жестокости не только въ отношеніи къ непріятелямъ (на войнѣ мущинъ убивали, а женщинъ и дѣтей брали въ плѣнъ; нѣмцы имъ отплачивали тѣмъ же), но и въ отношеніи къ собственнымъ землякамъ, принявшимъ христіанскую вѣру. Такъ въ 1206 г. многихъ ливовъ христіанъ ихъ же земляки разорвали на части, а эстонскому священнику Іоанну Гольмскіе ливы отрубили голову и искрошили его тѣло. Въ другой разъ взятые въ плѣнъ нѣмцы, латыши и ливы были частью зажарены живыми, частью распяты эстами. Многоженство было, какъ и въ Пруссіи, вездѣ распространено и было главнымъ препятствіемъ къ распространенію христіанства. Генрихъ Латышскій разсказываетъ, что жители Эзеля дѣлали своими женами по три и болѣе женщинъ, взятыхъ въ плѣнъ, и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Эсты, отпавши отъ христіанства, взяли опять къ себѣ отосланнихъ женъ; а это можетъ относиться только ко многимъ женамъ. Изъ свадебныхъ обычаевъ латышей, береговыхъ эстовъ и жителей Эзеля, описанныхъ Эйнгорномъ, Гіэрномъ и Люцомъ (при чемъ совершалось мнимое похищеніе), видно, что въ древнѣйшія времена дѣвушекъ или покупали, или похищали; это утверждаютъ также Фабриціусъ (стр. 10), Меніусъ (стръ 226) и Ніэнштедъ (гл. 3). Въ Прусской Литвѣ также существовалъ обычай обмѣна и покупки женщинъ, что видно изъ распоряженія въ 1249 г. папскаго легата Іакова, запрещающаго этотъ обычай. По свидѣтельству Генриха Латышскаго, между ливами господствовало во всѣхъ отношеніяхъ право сильнаго. Мы видимъ, что сыновья латыша Талибада отмстили эстамъ за его мучительную смертъ опустошительнымъ набѣгомъ; при неимѣніи какихъ бы то ни было законовъ должно быть существовала, какъ и въ прусской Литвѣ, кровавая месть. Между различными племенами, ливами и, семгаллами, семгаллами и литовцами, латышами и литовцами, латышами и ливами были постоянныя распри и грабежи. Такъ Генрихъ Латышскій упоминаетъ объ одномъ изъ старшинъ ливовъ, Руссинѣ какъ о заклятомъ врагѣ эстовъ и говоритъ о латышахъ, что ихъ всѣ притѣсняли, и что отъ литовцевъ они не могли спастись даже съ самыхъ глухихъ лѣсахъ.

Важные договоры иногда подтверждались, наступая на оружіе. Часто рѣшенія, даже въ общественныхъ дѣлахъ, предпринимались

жребіемъ, на который вѣроятно смотрѣли какъ на судъ Божій. Встрѣчается также и собственно судъ Божій. Такъ жизнь одного христіанскаго священника была только тѣмъ спасена, что лошадь переступила копье ногой жизни. И у Ругійцевъ и Лужичанъ существовали такія же гаданья. Если жертвенное мясо упадало на лѣвую сторону, то у эстовъ это считалось худымъ знакомъ.

Чистоту тѣла поддерживали частыми купаніями.

Военные походы начинались обыкновенно до наступленія распутицы, на первой недѣлѣ поста; призывъ на войну совершался посредствомъ пословъ. Войско, называемое у эстовъ малева, откуда происходитъ можетъ быть позднѣйшее названіе мальвія, состояло изъ пѣхоты и всадниковъ и иногда дѣлилось на три отряда, на главный корпусъ съ двумя крыльями. Иногда, именно при отступленіяхъ, войско строилось клиномъ, широкая сторона котораго обращалась къ непріятелю. Битва начиналась криками и ударами по щитамъ. Сперва развѣдывали о непріятелѣ черезъ лазутчиковъ или вожаковъ (custodes viarum); внезапныя нападенія на деревни происходили безпрерывно. Чтобъ задержать непріятеля дѣлали завалы и засѣки, и въ засѣку, которую устраивали въ самой чащѣ лѣса, приводили женъ, дѣтей и сносили свое лучшее имущество. Мирные договоры были скрѣпляемы жертвами и размѣномъ оружія, которое присылалось обратно вслучаѣ объявленія войны.

Мертвыхъ сожигали со всѣмъ оружіемъ у всѣхъ народовъ Прибалтійскаго края, также какъ и въ прусской Литвѣ и Скандинавіи, при великомъ плачѣ и попойкѣ; поздней осенью совершалась по покойникамъ тризна. Этотъ обычай держался еще многія столѣтія послѣ введенія христіанства въ краѣ, напр. въ Курляндіи у особенной секты, какъ разсказываетъ путешественникъ XV столѣтія, фландрійскій рыцарь Гильбертъ фонъ Ланной. Пепла, подобно славянамъ и германцамъ, въ урны не собирали. Часто остатки сожженыхъ труповъ находили въ могилахъ между утварью, часто возлѣ лошадиныхъ костей, такъ что если эти могилы, которыхъ найдено въ числѣ 70-и только въ латышской Лифляндіи, туземцевъ, то тутъ долженъ былъ существовать древне прусскій обычай сожигать и лошадь умершаго. Во многихъ могилахъ однако нашлись несожженые трупы съ оружіемъ, украшеніями, утварью, остатками одежды и возлѣ нѣкоторыхъ были урны изъ мало прожженой глины, можетъ быть наполненныя нѣкогда кушаньемъ, какъ говорятъ Эйнгорнъ и Беклеръ и какъ то дѣлаютъ лапландцы и вотяки. Если это могилы туземцевъ, что можно съ вѣроятностію предположить, то при обычаѣ сожиганія мертвыхъ существовалъ у туземцевъ также обычай ихъ хоронить, о чемъ между тѣмъ Генрихъ Латышскій не упоминаетъ. Онъ только разсказываетъ, что въ Литвѣ однажды 50 женъ, мужья которыхъ пали на войнѣ, сами повѣсились, въ надеждѣ соединиться съ ними послѣ смерти Это же говоритъ Дуисбургъ о древне прусскихъ слугахъ и служанкахъ, которыхъ убивали при смерти ихъ господъ.

Гражданскія и политическія отношенія.

Ни одно изъ различныхъ племенъ, населявшихъ Прибалтійскій край, не соединялось въ государственно цѣлое. Генрихъ Латышскій называетъ ихъ отдѣльныхъ начальниковъ seniores, majores natu, старшинами, которые были вмѣстѣ предводителями на войнѣ (duces) и въ замкахъ (seniores castri), и часто управляли всѣмъ округомъ (provinciis). Ихъ также называютъ князьями (principes) и королями (reges). Вѣроятно они избирались, или частью ихъ безмолвно признавали, но такъ какъ у туземцевъ не было даже слѣдовъ какихъ либо законовъ или определѣленного образа правленія, то и образъ назначенія этихъ старшинъ былъ очень произволенъ. Наслѣдственными они не были, точно также какъ не были наслѣдственными позднѣйшіе ваннемсы или старшины эстонскихъ килегундъ; обстоятельство, что послѣ смерти старшины сакаланъ Лембита, его братъ заключилъ миръ съ нѣмцами, не есть еще доказательство наслѣдственности достоинства старшины. Скорѣе мужество рѣшало выборъ. Такъ старшину Руссина Генрихъ Латышскій называетъ самымъ храбрымъ изъ латышей. Подобные же старшины (умнѣйшіе, лучшіе) встрѣчаются и у самаитовъ. Для рѣшенія важныхъ дѣлъ составлялись народныя собранія (у Генриха Латышскаго майа); въ Эстоніи для рѣшенія такихъ дѣлъ народъ собирался въ Рюгеле въ Гаріенѣ. Слѣдовъ наслѣдственнаго дворянства, существовавшаго уже кажется въ Пруссіи, именно въ Самландіи, въ Прибалтійскомъ краѣ не замѣчается, и изъ неопредѣленныхъ выраженій Генриха Латышскаго знатнѣйшіе, primores, лучшіе meliores, еще нельзя составить никакаго определѣннаго заключенія. Потомки бывшихъ начальниковъ удержались въ пяти миляхъ отъ Газенпота подъ именемъ курляндскихъ королей и въ Кирхгольмѣ, гдѣ такъ называемый король пожалованъ формально леннымъ помѣстьемъ въ 7 гаковъ; первые получили въ разныя времена, напр. въ 1454 и 1621 годахъ особенныя права, которыя подтвердились въ 1644, 1688 и 1700 годахъ. Вообще церковное и политическое состоянія здѣсь не успѣли еще сложиться столь определѣнно, какъ у древнихъ пруссовъ, у которыхъ власть сосредоточивалась въ рукахъ духовнаго главы (криве), который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и предводителемъ войска. По словамъ Эйнгорна и Гіэрна младшій сынъ, какъ и по древнему русскому закону, наслѣдовалъ отцовскій дворъ. Гіэрнъ говоритъ, что и у эстовъ было тоже самое.

Религія и образованіе.

О религіозныхъ понятіяхъ туземцевъ Прибалтійскаго края мы очень мало знаемъ. Что говорится о литовцахъ и финнахъ нельзя безусловно относить къ латышамъ и эстамъ, вѣрованія которыхъ, послѣ ихъ раздѣленія съ родственнымъ племенемъ, могли сложиться совсѣмъ иначе. Древнѣйшіе писатели, какъ напр. Эйнгорнъ, осто-

рожнѣе въ этомъ отношеніи иныхъ новѣйшихъ, какъ напр. Бергманна и Паррота, которые слишкомъ гадательно высказываютъ свое мнѣніе насчетъ почитанія латышами въ Ромовѣ божеской тройственности, или какъ Гіэрна и Менеціуса, которые представляютъ длинные списки идоловъ, между тѣмъ какъ у латышей не осталось никакихъ свидѣтельствъ о почитаніи идоловъ, названныхъ въ этихъ спискахъ, и при колеблющихся понятіяхъ многобожія, не опредѣленнаго пластическимъ искусствомъ, типы боговъ не могли строго различаться между собою, легко смѣшивались и означали большею частью мѣстныя божества. Были ли латыши когда либо въ связи съ Ромовой, главнымъ пребываніи древне-прусскаго почитанія божествъ, неизвѣстно. Латыши главнымъ образомъ поклонялись Перкуну, Потримпосу и Пекольсу, какъ богамъ неба, земли и преисподней. Кромѣ того упоминается о множествѣ божествъ обоего пола, какъ то: старомъ отцѣ (какъ у эстовъ), вѣроятно названіе бога вообще, богѣ весны и земли (Пергрубисъ), богѣ богатства и жатвы (Пильнитисъ), богѣ цвѣтовъ, пчелъ, овецъ, конопли, бурь, воздуха, любви (лиго), отцѣ и матери земли, матери моря, садовъ, скота, огня, цвѣтовъ, вѣтра, лѣса, богинѣ счастья, плодовъ, богатства и рожденія. Кромѣ того были домашніе боги, хозяинъ дома (маясъ кунгсъ) или Цимнѣксъ и господинъ навоза, маленькіе кобольды или добрые духи, и духи злые. Изъ праздниковъ упоминается о рождественскомъ и весеннемъ, или празднике всѣхъ душъ. Обо всемъ этомъ мы у латышей находимъ только отрывочныя сказанія. Генрихъ Латышскій не называетъ латышскихъ божествъ, но только говоритъ, что туземцы вообще служили идоламъ. Брандисъ и Діонисій Фабриціусъ говорятъ, что латыши боготворили солнце, луну и звѣзды, также змѣй и другихъ животныхъ, камни и деревянныхъ идоловъ, послѣднее подтверждаетъ Ніэнштедъ. Фабриціусъ и Кельхъ упоминаютъ о богѣ грома Перкунѣ, который былъ членомъ Ромовской тройцы. Эйнгорнъ разсказываетъ, что въ его время призывали еще разныхъ богинь, какъ лѣсную, мать скота, мать лѣса, мать моря и что богиня счастья лайме особенно призывалась родильницами; далѣе приводитъ еще богинь полей и дорогъ, и какъ предметы обожанія солнце, луну, громъ, молнію и вѣтеръ. Далѣе онъ говоритъ о богѣ богатства Пукѣ, который приноситъ всякое счастье хозяину, если онъ держитъ его въ особенной комнатѣ, и ежедневно его кормитъ и поитъ. Также до XVII столѣтія почитали святыя деревья, именно дубы. Еще и теперь, не подозрѣвая значенія слова, латыши поютъ пѣсни въ честь лиго вмѣстѣ съ пѣснями въ честь Іоанна Крестителя. Кто въ этомъ не признаетъ произвольности чувства къ природѣ, которое безъ дальнихъ околичностей олицетворяетъ всякую силу, являющуюся или угрожающую ему и всякій любой предметъ принимаетъ символомъ какой нибудь опредѣленной силы природы. Эйнгорнъ упоминаетъ о жертвахъ, бывшихъ еще въ употребленіи и въ его время, о жертвѣ противъ чумы, жертвѣ, называемой собаръ или складчиною, потому что приносимые въ жертву скотъ и зерно складывались вмѣстѣ; о жертвѣ, приносимой въ декабрѣ волкамъ; далѣе

о жертвѣ смерти и о вечерѣ колодъ (около Рождества), на которомъ при веселой пирушкѣ таскали деревянную колоду и сожигали ее. Многіе писатели, какъ напр. Діонисій Фабриціусъ, говорятъ о домашнихъ змѣяхъ, которыхъ кормили молокомъ, и на которыхъ смотрѣли какъ на родъ домашнихъ боговъ. О жрецахъ и жрицахъ нѣтъ нигдѣ рѣчи, хотя они въ древней Пруссіи играли значительную роль. Генрихъ Латышскій упоминаетъ о предсказателѣ (Harulus, Ariolus), который при случаѣ спрашиванія воли боговъ (такіе случаи часто встрѣчаются), управлялъ этимъ торжественнымъ дѣйствіемъ. Ніэнштедъ полагаетъ (гл. 3), что старшины были вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецами. У самаитовъ конечно были жрецы, которые приготовляли жертвы, предсказывали по нимъ и опредѣляли долю боговъ въ военной добычѣ (послѣднее было и у литовцевъ). Приносились въ жертву собаки, козлы и другія животныя (жертвы козловъ долго существовали и въ Самландіи, гдѣ онѣ были запрещены въ 1677 г. герцогомъ Прусскимъ). Что вѣра въ отдѣльныя формы высшаго существа, т. е. въ отдѣльные идолы не твердо укоренилась, доказываетъ разсказъ Генриха Латышскаго о томъ, какъ латыши спрашивали своихъ собственныхъ боговъ, и именно жребіемъ, какую имъ принять вѣру, русскую или нѣмецкую. Гаданія кажется были въ большомъ употребленіи, и вѣра въ колдовство значительно распространена. Она продолжалась до временъ Ніенштеда и встрѣчается въ разныхъ формахъ, напр. благопріятнымъ знакомъ было, если лошадь наступала правой ногой или если щепка падала на правую сторону.

Эстонскія вѣрованія составляли также только отрывки отъ вѣрованій финскихъ. Высшій богъ финновъ назывался Юмала, какъ эсты еще и теперь называютъ Бога. Далѣе у финновъ встрѣчаются: богъ грома Укко (у эстовъ Куке или Пилькенъ), мѣстопребываніе котораго дерптскіе эсты назначали у святаго ручья Веганда въ Оденпэскомъ приходѣ (молитва къ нему записана въ 1644 г. пасторомъ Гуплафомъ); его супруга Рауна; мать земля (манъ-эммепъ, по эстонски ма эмма) также супруга Укко; Вайнемоненъ, богъ пѣнія и кузнечнаго мастерства; его младшій братъ Ильмариненъ, родъ вулкана; его отецъ Каве (по одной рунѣ онъ тождественъ съ Укко); боги солнца, луны и звѣздъ; боготворимый медвѣдь, родившійся въ семизвѣздіи и его супруга; мать великановъ, госпожа сѣвера съ своими сыновьями; богиня любви, дѣвственная Имми; боги и богини зимы, лѣса и охоты (неизвѣстные теперь эстамъ), божественный кузнецъ Карелойненъ, божественная пчела, птичка міра, богъ войны (у эстовъ Туррисесъ, тождественъ съ богомъ грома); богъ смерти, который перевозитъ черезъ быстрый потокъ тѣни въ преисподнюю; обвитая змѣями Гита, нѣсколько парокъ, которыя собираютъ страданія и причиняютъ муки; боги моря, водяныя и древесныя нимфы, лѣсные и горные духи, домашній богъ Тонтъ (и у эстовъ), маленькіе земные духи, которые по мнѣнію эстовъ показываются въ ночь новаго года въ образѣ карликовъ, наконецъ еще разные великаны, старые короли

и миѳическіе быки ужасной величины. Изъ праздниковъ упоминается о весеннемъ праздникѣ Духова дня, праздникѣ на Рождествѣ (въ честь Укко), праздникѣ въ честь медвѣдя и такъ далѣе.

Адамъ Бременскій говоритъ, что эсты боготворили драконовъ и птицъ. Генрихъ Латышскій упоминаетъ объ ихъ идолахъ и разсказываетъ объ удивленіи эстовъ, что изъ идоловъ не потекла кровь, когда христіанскій священникъ порубилъ ихъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ разсказываетъ о Тарапитѣ, какъ великомъ богѣ жителей Эзеля, который будто бы родился въ Лаппегунде и бѣжалъ оттуда на Эзель. По словамъ Гіэрна (книга I), эсты боготворили солнце, луну и звѣзды, змѣй и другихъ животныхъ, камни и чурбаны. Что они знали человѣческія жертвы, видно изъ разсказа Генриха о томъ, какъ ливы хотѣли принесть въ жертву своимъ богамъ священника Дитриха, и какъ дѣйствительно принесли въ жертву въ 1204 г. многихъ плѣнниковъ, видно также изъ словъ Адама Бременскаго, который опредѣленно говоритъ, что эсты покупали людей, чтобъ принесть ихъ въ жертву. У болѣе кроткихъ латышей подобныя жестокости не встрѣчаются, но вѣроятно онѣ бывали у самаитовъ.

Тара или Юмала есть названіе божества вообще, но оно носитъ въ многочисленныхъ и поэтическихъ сагахъ эстовъ имя старца (Ваннавеесъ) или стараго отца (Ваннаисса) Таравита или скорѣе Тарааввита значитъ по эстонски Тара помоги, потому приведенное Генрихомъ Латышскимъ названіе Тара съ незначительными звукоизмѣненіями означало у многихъ финскихъ племенъ имя Бога и можетъ быть дало поводъ къ названію Тарбате, Дорпатъ (Дерптъ). „Старый отецъ“ жилъ, по словамъ саги, разсказанной Фэльманномъ, на своемъ высокомъ небѣ; въ его сѣняхъ блистало высокое солнце. Героевъ онъ создалъ, чтобъ пользоваться ихъ совѣтами, искуствомъ и силой. Старшій между героями былъ Ваннемуйне (по переводу Фельманна, старшій надъ другими). Онъ его создалъ старикомъ, съ сѣдыми волосами и бородой и даровалъ ему мудрость старости, но сердце у него было молодое и онъ обладалъ даромъ поэзіи и пѣнія. Старый отецъ пользовался его совѣтами, и когда его чело омрачалось заботами, Ваннемуйне игралъ передъ нимъ на своей чудесной арфѣ и пѣлъ ему свои пріятныя пѣсни. Второй былъ Ильмарине въ лучшемъ мужескомъ возрастѣ и мужской силѣ; на челѣ его была написана мудрость, а въ глазахъ раздумье. Ему былъ предоставленъ даръ искуства. Третій былъ Леммекюне, свѣжій юноша, своевольный, всегда веселый и расположенный ко всякимъ шалостямъ. Другіе герои, какъ Виббрапе, могущественный стрѣлецъ изъ лука, были менѣе замѣчательны. Но всѣ они считали другъ друга братьями, и старецъ называлъ ихъ своими дѣтьми. Ихъ мѣстопребываніе было Каллеве или Кальове или Кальовальдъ (область скалъ).“

„Тогда старецъ пришелъ къ героямъ и сказалъ: я рѣшился въ своей мудрости сотворить міръ“. Озадаченно посмотрѣли герои на него и отвѣчали: „Если ты что рѣшилъ въ своей мудрости, то это не

можетъ быть худо. И пока они спали, онъ сотворилъ міръ, и когда они проснулись, то протирали себѣ глаза и удивлялись этому творенію. Но старикъ усталъ отъ трудовъ при сотвореніи міра и легъ спать (пукама). Тогда Ильмарине взялъ кусокъ своей лучшей стали и выковалъ изъ него сводъ, распростеръ этотъ сводъ какъ бы палатку надъ землей и прикрѣпилъ къ ней серебряныя звѣздочки и мѣсяцъ; изъ сѣней старца онъ взялъ свѣтило и прикрѣпилъ его помощью чуднаго механизма къ своду (палаткѣ), такъ что оно постоянно то поднимается, то опускается. Полный радости Ваннемуйне взялъ свою арфу, запѣлъ радостную пѣснь, соскочилъ на землю, и пѣвчія птицы послѣдовали за нимъ, и гдѣ его танцующія ноги касались земли, тамъ выростали цвѣты, и гдѣ онъ, сидя на камнѣ пѣлъ, выростали деревья, и пѣвчія птицы садились на нихъ и вторили его пѣнію. Леммекюне радовался въ лѣсахъ и на горахъ, а Виббране пробовалъ свой лукъ. Старецъ проснулся отъ шума и удивлялся, что міръ сдѣлался другимъ, нежели онъ его создалъ. И онъ сказалъ героямъ: хорошо, мои дѣти! Я создалъ міръ грубымъ обрубкомъ, ваше дѣло теперь его украсить. И скоро я населю міръ всякими животными, и потомъ создамъ людей, которые должны будутъ управлять міромъ. Но человѣка я создамъ слабымъ, чтобъ онъ могъ хвалиться своей силой, и вы должны подружиться съ людьми и смѣшаться съ ними, чтобъ выросло поколѣніе, которое не будетъ легко поддаваться злу; зла я не хочу и не могу уничтожить: оно мѣра и жало добра".

Старецъ тогда самъ руководилъ развитіемъ міра, пока оно не пошло въ ходъ. Каждый человѣкъ есть членъ колеса, погоняющій и погоняемый, и каждый есть приготовитель существованія этого колеса. Старецъ болѣе не приходитъ въ тѣлесномъ видѣ на землю и болѣе не хватается своей рукой за колесо; но никто не долженъ на это жаловаться: онъ можетъ быть увѣренъ, что старый отецъ дунулъ въ чело каждаго человѣка, такъ что каждый можетъ избѣжать зла. Но кто покорится судьбѣ, тому это не вмѣняется въ вину; теперь судьба хотитъ вездѣ желѣзной поступью и никто не радуется, если она кого затронетъ и иной болѣе не встаетъ.

Непосредственные потомки героевъ (называемые Каллеве-Пэадъ, сыновьями области скалъ) были первыми владѣтелями земли. Между ними выдается Зони, называемый просто Каллевъ Пэадъ, любимецъ эстонскаго народа, великанъ, ломавшій деревья и лежавшій на нихъ какъ на соломѣ. Онъ былъ младшимъ сыномъ одного могущественнаго владѣтеля земли и моря, который будто погребенъ на высокомъ Ревельскомъ скалистомъ берегу, и именно на большой горѣ, тамъ, гдѣ стоялъ древній Данилинъ. Русское названіе Ревеля Колывань, взятое съ эстонскаго отъ Калева и Ванъ, старый, напоминаетъ также эту сагу. Вдова Зони положила его въ могилу, вырытую ею самою (доказательство тому что, какъ было замѣчено выше, не всѣ трупы сожтигались), и принесла на могилу камней (какъ

на многихъ могилахъ въ Ашерадѣ, Эзелѣ и Нейгаузенѣ). Изъ ея слезъ образовалось верхнее озеро у Ревеля; его сыновья кинули жребій камнями, кому владѣть землею и моремъ. Младшій изъ нихъ Калевъ Пегъ бросилъ камень далѣе всѣхъ за Садьервское озеро. Этотъ камень, будто бы и нынѣ еще лежащій около озера, есть кусокъ гранита, раздвоенный молніей, величиною въ 1½ человѣческаго роста. Въ морѣ у Або есть подобный же камень, который, по вѣрованіямъ финовъ, Калевамъ Пойка будто бы бросилъ (но не попалъ) въ первую тамъ построенную церковь. Въ Финляндіи ходятъ сказанія (саги) о 12 сыновьяхъ великанахъ Калевама, которые строили большіе замки; эти саги изданы Ленротомъ. Когда чужемцы угрожали краю, Каллеве-Пегъ прошелъ черезъ Пейпусъ съ 10-ю дюжинами досокъ; вода достигала ему только до пояса, не смотря на то, что одинъ Алоцкивскій колдунъ поднялъ воду до высоты горъ. Потомъ онъ сѣлъ отдохнуть на холмѣ (по словамъ Крузе въ старомъ крестьянскомъ замкѣ), названномъ кроватью Калева Пега. Во время его сна, колдунъ укралъ у него и бросилъ въ рѣку его мечъ, тотъ самый мечъ, который его дядя въ Финляндіи ежедневно ковалъ въ продолженіи семи лѣтъ, изъ семисортоваго желѣза при семи магическихъ изреченіяхъ и окрасилъ въ семи водахъ (между прочимъ въ Аа и Вирцъервѣ, гдѣ теперь живутъ только латыши). Въ слѣдующіе четыре дня, впродолженіе которыхъ великанъ выдержалъ нѣсколько приключеній и создалъ колючую шкуру ежа, который ободрялъ его во время битвы, бросивъ ему кусокъ своей шубы, онъ дошелъ до Ревеля, который онъ построилъ; мѣста его ночлеговъ еще и теперь видны. А Ассама, между малымъ Маріеномъ и Везенбергомъ, онъ прогналъ враговъ, приставшихъ къ Финскому заливу. Но его конь — великанъ, при скачкѣ съ одной вершины горы на другую, низринулся внизъ, и изъ живота его образовалось еще и нынѣ существующее и проклятое героемъ болото съ четырьмя рвами, произведенными ногами животнаго. Въ другой разъ, когда онъ удалился въ глубь лѣса около Аа, и его войско было уничтожено желѣзными воинами, трое изъ послѣднихъ пришли къ нему требовать подчиненія, но онъ ихъ кинулъ въ размаха и вбилъ глубоко въ землю. Другаго переговорщика онъ послалъ къ Аа, чтобъ тотъ вытащилъ его палку, на которой была привѣшена приманка для раковъ. Но этотъ не могъ этого сдѣлать, потому что палка была стволомъ дерева, а приманкою была лошадь. Великанъ вытащилъ палку и сказалъ переговорщику: иди къ твоимъ и скажи имъ, что ты видѣлъ; я слишкомъ силенъ, чтобъ вамъ служить и не нуждаюсь въ васъ, чтобы жить. Причиной его смерти былъ его собственный мечъ, который отрѣзалъ ему обѣ ноги, когда онъ переходилъ черезъ рѣку. Онъ самъ еще прежде наказалъ мечу отрѣзать тому ногу, кто его будетъ носить, причемъ онъ имѣлъ въ виду колдуна. Его тѣло закрыло одинъ лофъ земли, его стоны достигли самаго неба, откуда приходили его друзья и вливали напрасно цѣлебный сокъ изъ травъ въ его раны. Его духъ вознесся къ богамъ. Старый отецъ обезпокоился и, чтобъ дать ему занятіе, поручилъ ему наблюдать порядокъ въ аду. По словамъ другой саги, и теперь еще видны

слѣды его пальцевъ длиною въ футъ на кускѣ камня около Пейпуса у Перзекивви. Этотъ камень великанъ будто бы перебросилъ съ другаго берега, чтобъ убить имъ волка, терзавшаго ягненка. Великанъ господствовалъ надъ землей и доставлялъ ей избытокъ, но исчезъ совершенно съ появленіемъ Христа, и былъ пригвожденъ къ вратамъ ада. Указываютъ также около Садъервскаго озера его сѣдалище, на скалу въ 1½ раза больше человѣческаго роста, со спинкой и двумя грубыми ручками, которая будто бы получила эту форму отъ прикосновенія къ ней тѣла великана. Тоже самое говоритъ Саксонъ о Старкатерѣ. И на Эзелѣ сохранились саги объ одномъ великанѣ, Толлѣ, который былъ ваннемомъ (предводителемъ) въ Теллистѣ (около Аренсбурга), и у котораго былъ капустный огородъ на Руно, куда онъ ходилъ пѣшкомъ. Умирая, онъ завѣщалъ своимъ друзьямъ призвать его, когда прійдетъ непріятель. Позванный однажды шалуномъ мальчикомъ, онъ явился, увидѣлъ, что его только дразнили, и съ тѣхъ поръ не является болѣе.

Не лишена поэтичности эстонская сага объ утренней и вечерней заряхъ, которыя тушитъ и опять зажигаютъ небесное свѣтило. Эти зари были нѣкогда слугой и служанкой стараго отца, изъ рода, которому дарована была вѣчная юность. Они воспламенились другъ къ другу любовью, и старый отецъ хотѣлъ было ихъ соединить бракомъ, но они пожелали вѣчно остаться женихомъ и невѣстой. Только разъ въ годъ они сходятся на четыре недѣли въ полночный часъ, и когда вечерняя заря кладетъ потухающее солнце въ руку своего возлюбленнаго, то онъ жметъ ей руку и цѣлуетъ ее, и ея щека краснѣетъ и отражается на небѣ, пока возлюбленный опять зажигаетъ свѣтило и желтая полоса на небѣ объявляетъ о восходѣ солнца. Старый отецъ всегда украшаетъ поля великолѣпными цвѣтами ко дню пламенной встрѣчи, и соловьи взываютъ вечерней зарѣ: мѣшкотная дѣвушка, ночь длинна!

Курляндскія саги мало извѣстны. Тосмарское озеро, около Либавы, образовалось, по словамъ сагъ, точно такъ же, какъ Мертвое море въ Палестинѣ, но колдунъ, вмѣстѣ съ тѣмъ латышскій Геркулесъ, указалъ наводненію его границы. Это указываетъ, какова была образованность у первобытныхъ народовъ, которая, по свидѣтельству Генриха Латышскаго, находилась на низкой степени. Въ отношеніи образованности, эсты, воинственные, плававшіе по морю, одаренные большою силою воображенія и говорящіе очень благозвучнымъ языкомъ, стояли, быть можетъ, выше другихъ туземцевъ, хотя творческая фантазія эстовъ очень часто проявляется при величайшемъ невѣжествѣ и величайшей грубости нравовъ. Хотя оба народа, повидимому, не знали письменности до прибытія нѣмцевъ, но ихъ языкъ очень развитъ грамматически, именно эстонскій, грамматика котораго, по словамъ Фельмана, одного изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ этого языка, насчитываетъ два различныя образа склоненія для опредѣленнаго и неопредѣленнаго дѣйствія, въ первомъ двѣнадцать, во второмъ восемь различныхъ падежей; въ эстонскомъ языкѣ считается пять спряженій. Въ латышскомъ языкѣ существуетъ тридцать различныхъ согласныхъ буквъ, шесть

падежей (кромѣ пяти нѣмецкихъ еще locatif), по нѣкоторымъ грамматикамъ шесть склоненій и три или четыре спряженія. Но изъ этого грамматическаго богатства никакъ нельзя заключить о высотѣ духовнаго развитія народа. Народныя пѣсни эстовъ и латышей собраны въ новѣйшее время первыя Нейсомъ и Крейцвальдомъ, вторыя Бютнеромъ. Многія, именно латышскія повѣствовательныя пѣсни, сохранились отъ глубокой древности, новѣйшія же народныя пѣсни придерживаются старыхъ источниковъ. Эстонскія пѣсни мало поэтичны, но онѣ вѣрное отраженіе грубой и простой народной жизни и не поднимаются выше изображенія этой жизни. Нѣкоторыя эстонскія пѣсни содержатъ воспоминанія о язычествѣ и католицизмѣ; латышскія также вспоминаетъ о послѣднемъ. Нѣкоторыя волшебныя пѣсни напоминаютъ о войнахъ, бывшихъ въ старину съ нѣмцами и русскими, и притѣсненіяхъ туземцевъ. Другія элегическаго содержанія. Но самыя многочисленныя у эстовъ и латышей пѣсни относятся къ повседневнымъ событіямъ жизни, у латышей большею частью очень короткія и часто четырехъ-строчныя пѣсни свадебныя, любовныя, плясовыя, игорныя, дѣтскія; праздничныя и застольныя; у эстовъ — шуточныя, насмѣшливыя и сатирическія пѣсни, послѣднія отличаются остротой.

Здѣсь Рихтеръ приводитъ нѣсколько образчиковъ народной поэзіи эстовъ и латышей; въ замѣнъ этихъ образчиковъ предлагаемъ изложеніе содержанія эстонской поэмы „Сынъ Калева“ и нѣкоторыя выписки изъ книги Спрогиса, „Памятники латышскаго народнаго творчества“.

Приложенія къ статьѣ Рихтера о Прибалтійскомъ краѣ до прибытія нѣмцевъ.

I.

СОДЕРЖАНІЕ ЭСТОНСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭМЫ „СЫНЪ КАЛЕВА“.

(Статья священника Линденберга).

Эстонская поэма „Сынъ Калева“ собрана изъ устъ народа и издана докторомъ Крейцвальдомъ, природнымъ эстомъ, въ 1862 году. Она переведена на нѣмецкій и, кажется, даже на французскій языки.

Изъ всѣхъ древнихъ преданій эстовъ, „Сынъ Калева“ безспорно самое древнее. Сколько въ немъ вымысла и сколько дѣйствительнаго, судить трудно. Нужно полагать однакоже, что въ основу его легло что-либо дѣйствительное, на основаніи котораго позднѣйшее народное творчество создало уже тотъ получеловѣческій и полубожескій образъ, который теперь стоитъ предъ нами. Но тутъ очевидно, что первые творцы этого сказанія жили еще въ младенческомъ періодѣ, когда люди не въ состояніи были дѣлать различія между возможнымъ и невозможнымъ. Далѣе, такъ какъ надъ созданіемъ этой поэмы трудилось цѣлое племя въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ ней встрѣчаются историческія несообразности, такъ напримѣръ, смѣшивается время языческое со временемъ христіанскимъ, „Сынъ Калева“ сталкивается съ рыцарями, которые жили и дѣйствовали въ нашемъ краѣ, по крайней мѣрѣ, 1500 лѣтъ позже „Сына Калева“ и прочее, но не смотря на эти историческія несообразности, неизбѣжныя во всякомъ народномъ сказаніи, и на то, что поэма эта дошла до насъ не въ цѣлости, она содержитъ въ себѣ чрезвычайно много истинно-поэтическихъ картинъ изъ древней народной жизни и древнихъ вѣро-

ваній эстовъ. Само собою разумѣется, что въ настоящей краткой статьѣ я не могу изложить и десятой доли того, что содержится въ самой поэмѣ, составляющей 254 страницы самой убористой печати въ два столбца стиховъ.

„Сынъ Калева" былъ самый младшій изъ 12-ти своихъ братьевъ. О другихъ его братьяхъ не сохранилось никакихъ сказаній, въ поэмѣ только говорится, что подъ конецъ жизни старика „Калева" росли у него дома только два сына, и что послѣдній его сынъ, герой поэмы, родился у него послѣ его смерти. Въ устахъ народа этотъ послѣдній его сынъ всегда называется „Сынъ Калева", а иногда и просто „Калевъ", какъ отецъ его. Необыкновенную свою силу онъ обнаруживаетъ уже въ колыбели, въ которой онъ сперва въ пеленкахъ чрезвычайнымъ своимъ крикомъ не даетъ покою своей матери, потомъ разрываетъ пеленки, ломаетъ колыбель и, такимъ образомъ, падаетъ на полъ, гдѣ начинаетъ упражнять свою силу. Послѣ похожденій юности, онъ по жребію дѣлается царемъ надъ Эстоніею на мѣсто отца. Двое старшихъ братьевъ послѣ жребія выселяются изъ Эстоніи, потому что малоплодородная страна не въ состояніи была бы прокормить столь могучихъ мужей. Но въ самой первой порѣ мужества славный „Сынъ Калева" долженъ разстаться съ этимъ міромъ за то, что онъ однажды ошибкою сгоряча пролилъ невинную кровь и чрезъ него погибла одна дѣвушка. Хотя золотое и счастливое для нашихъ предковъ время правленія „Сына Калева" было гораздо раньше временъ историческихъ, однако разсказъ объ немъ въ настоящемъ его видѣ растянулъ слѣды его жизни еще на цѣлое тысячелѣтіе послѣ Рождества Христова, изъ чего ясно, что позднѣйшее творчество еще много работало надъ первоначальнымъ преданіемъ: отсюда и историческія несообразности. Ближайшіе родственники и сподвижники „Сына Калева" были: сыновья Алева, Сулева и Олева; впрочемъ, послѣдній является издалека пришедшимъ гостемъ, съ которымъ познакомился герой уже послѣ. „Сынъ Калева" превосходитъ ихъ всѣхъ силою. Хотя „Сынъ Калева" отличается нечеловѣческою силою, однако умъ его является во многихъ случаяхъ дѣтскимъ, что опять свидѣтельствуетъ, что первые творцы сказанія объ немъ жили еще въ младенческомъ періодѣ.

Разсмотримъ же вкратцѣ главное содержаніе всѣхъ 20 пѣсней поэмы.

I.

Въ первой пѣснѣ говорится, что сыновья небеснаго дѣдушки*) сочетались съ дочерьми человѣческими и плодомъ ихъ любви были исполины на землѣ. Такого получеловѣческаго и полубожескаго происхожденія были и наши могучій „Калевъ" и его могучіе сыновья. Сѣверный орелъ перенесъ на своихъ крыльяхъ „Калева" чрезъ море и уронилъ его на берегу Эстляндіи въ Вирроскомъ округѣ; онъ сдѣлался первымъ владѣтелемъ нашей страны. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того одна вдова, возвращаясь съ пастбища, нашла

*) Эсты такъ называли своего главнаго бога.

цыпленка и тетеркино яйцо, которые она понесла домой и положила въ лукошко подъ покрышку рости. Изъ цыпленка и тетеркина яйца выросли двѣ прекрасныя дѣвушки — Сальма и Линда. Къ нимъ ходили свататься много жениховъ, какъ-то: мѣсяцъ, солнце, звѣзда, многіе могучіе духи и „Калевъ". Сальма вышла за звѣзду, а Линда за Калева. О сватовствѣ и брачномъ пирѣ въ поэмѣ разсказывается очень подробно. По окончаніи брачнаго пира, обѣ молодыя четы отправляются по домамъ. О Сальмѣ, поднятой звѣздою высоко въ поднебесье, дальше въ поэмѣ ничего не говорится, но оставшаяся на землѣ Линда встрѣтится и впереди.

II.

Во второй пѣснѣ разсказывается, что Линда въ счастливомъ бракѣ родила много сыновей, которые всѣ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, выселились въ чужіе края; послѣдній сынъ явился на свѣтъ уже послѣ смерти отца, онъ былъ самый могучій изъ всѣхъ братьевъ, такъ что память объ немъ одномъ сохранилась въ народномъ преданіи. О будущей славѣ послѣдняго сына предсказалъ отецъ еще до своей смерти въ сумеркахъ одного счастливаго вечера, прибавивъ, что отеческій глазъ въ этомъ свѣтѣ его не увидитъ: вмѣстѣ съ этимъ онъ завѣщаетъ супругѣ своей, чтобы царство его по жребію досталось нераздѣльно одному сыну — сильнѣйшему, дабы чрезъ раздѣлъ царства не открылись междоусобія и, такимъ образомъ, не пало могущество народа; другіе сыновья, какъ могучіе богатыри, могутъ вездѣ искать себѣ мѣсто жительства подъ широкимъ небомъ, потому что богатыря не свяжутъ канаты и не удержатъ цѣпи. Вскорѣ послѣ этого завѣщанія старикъ „Калевъ" заболѣваетъ и, не смотря на всѣ старанія Линды, умираетъ, потому что противъ смерти нѣтъ лѣкарства. Линда сама вырываетъ глубокую могилу покойному мужу, умываетъ его трупъ, одѣваетъ и укладываетъ въ объятія земли на вѣчный покой. Чтобы могила не осталась неизвѣстною будущимъ поколѣніямъ, скорбная вдова собираетъ со всѣхъ сторонъ обломки скалъ на могилу „Калева". Эта куча камней стоитъ еще до настоящаго времени въ Ревелѣ подъ названіемъ домусъ-гора. Въ одинъ день выпалъ у вдовы камень изъ пращи, сдѣланной изъ собственныхъ волосъ, которою она таскала камни; усталая, она не въ силахъ болѣе поднять тяжелый камень, садится на оный и горько оплакиваетъ безпомощное положеніе вдовы. Слезы ея такъ обильны, что изъ нихъ образуется озеро, существующее въ настоящее времени подъ Ревелемъ, а на берегу этого озера лежитъ камень, сидя на которомъ плакала Линда. Вскорѣ наступаетъ ей время родить; она переноситъ страшныя мученія и, наконецъ, только при помощи боговъ разрѣшается отъ бремени сыномъ, который, какъ сказано, уже въ колыбели обнаруживаетъ свою необыкновенную силу, а потомъ и въ играхъ дѣтства. Многіе пріѣзжаютъ сватать богатую вдову, но она всѣмъ отказываетъ. Послѣдній женихъ, финскій кудесникъ, возвращается домой съ угрозой, что отмститъ гордой вдовѣ за ея отказъ.

III.

Третья пѣснь начинается разсказомъ объ одномъ случаѣ изъ отрочества „Сына Калева“. Въ одинъ жаркій день „Сынъ Калева“ сидѣлъ на берегу моря. Богъ грома и молніи Pikker-taat катался въ своей мѣдной телѣгѣ по желѣзному мосту, такъ что во всѣ стороны летѣли огненныя искры; злые духи, бывшіе также на берегу, глумились надъ Pikker-taat'омъ, бросаясь въ море. „Сынъ Калева“, какъ ястребъ, бросился за ними, поймалъ всѣхъ ихъ въ мѣшокъ и вынесъ къ Pikker-taat'у для наказанія. Послѣ этого однажды все трое братьевъ отправились въ лѣсъ на охоту. На охотѣ они убили сперва медвѣдя, котораго младшій братъ бросилъ себѣ на плечи, чтобы нести домой; при выходѣ изъ лѣса на полянѣ встрѣтился имъ олень, который былъ также убитъ и младшимъ братомъ брошенъ себѣ на плечи рядомъ съ медвѣдемъ; въ ельникѣ, на другомъ концѣ поляны, нашли они слѣды буйвола, который былъ отысканъ, убитъ и также взятъ младшимъ братомъ; затѣмъ убили они нѣсколько дюжинъ волковъ, лисицъ и зайцевъ, всѣ шкуры которыхъ забралъ тотъ же братъ. Утомившись, герои садятся въ лѣсу отдохнуть и для препровожденія времени начинаютъ пѣть. Отъ пѣнія старшаго брата являются на деревьяхъ зеленыя почки и листья; отъ пѣнія средняго брата — различные плоды. Наконецъ, запѣлъ и младшій братъ и отъ его пѣнія зашумѣло море и эхо раздавалось въ скалахъ и вездѣ запѣли пѣвчія птицы. Въ это время финскій кудесникъ увелъ ихъ мать Линду; но на горѣ Ира кудесникъ былъ низверженъ божественною силою и Линда превращена въ каменный столпъ, чтобы впередъ никто не могъ соблазнять цѣломудренную вдову. Возвратившись домой, братья находятъ домъ пустымъ и по слѣдамъ на дворѣ догадываются, что случилось недоброе. Младшій братъ бѣжитъ на отцовскую могилу, оттуда на морской берегъ, но нигдѣ не находитъ слѣдовъ матери. Старшіе братья, ложась спать, совѣщаются на другой день пуститься на поиски матери.

IV.

Въ это время младшій братъ бросается съ берега въ море и плыветъ къ Финляндіи. Могучими руками разбиваетъ онъ волны морскія, не подозрѣвая того, что это первое его путешествіе приготовило ему раннюю смерть. Вечерняя звѣзда указываетъ ему дорогу на морѣ, пока не достигаетъ онъ одного острова, гдѣ отдыхаетъ немного. Только что сонъ начинаетъ смыкать его очи, какъ слуха его достигаетъ дивное пѣніе неизвѣстной дѣвицы о своемъ далекомъ другѣ. „Сынъ Калева“ уперся спиною о береговую скалу и сидя слушаетъ пѣніе; вскорѣ глаза его увидѣли самую пѣвицу, которая сидѣла у огня подъ дубомъ и караулила ею же сотканный холстъ, разостланный для бѣленія. „Сынъ Калева“ начинаетъ пѣть въ отвѣтъ дѣвицѣ, зовя ее къ себѣ; съ трепетомъ подходитъ къ нему дѣвица и садится съ нимъ рядомъ. Раньше, чѣмъ утренняя заря занялась, молодыя сердца были уже соединены. Но внезапно вскрикнула

дѣвушка, какъ будто проснувшись отъ сна; родители ея приняли сначала крикъ этотъ за сонъ, но потомъ старикъ островитянинъ вскакиваетъ съ постели, хватаетъ въ руки дубину и бѣжитъ къ дочери, чтобы узнать причину ея крика. Богатырскій видъ незнакомца уменьшилъ его храбрость; дочь не смѣетъ поднять заплаканныхъ глазъ; но „Сынъ Калева", не сознаваясь въ соблазнѣ, безстрашно спрашиваетъ: не видали ли вчера вечеромъ финскаго кудесника мимо плывущаго? Старикъ отвѣчаетъ, что не видали, и съ своей стороны спрашиваетъ: откуда и какого происхожденія молодой человѣкъ? Горделиво разсказываетъ „Сынъ Калева" о своей родѣ и мѣстѣ рожденія; но какъ только назвалъ онъ своего отца и матерь, дѣвушка до того испугалась, что зашаталась и упала со скалы въ море. „Сынъ Калева" въ туже минуту бросается за нею, но холодное море не возвращаетъ своей добычи; изъ глубины подымается онъ одинъ. „Прощай, скорбный отецъ! говоритъ „сынъ Калева" — твоя дочь упала въ море, а моя мать попала въ сѣти вора; одинаково несчастны мы оба". Скорбь по пропавшей матери не даетъ ему времени оплакивать погибель дѣвушки; онъ плыветъ по морю дальше; родители дѣвушки съ длинными граблями идутъ искать въ морѣ дочь свою, но слышатъ изъ глубины морской пѣснь, изъ которой ясно узнаютъ, что дочь ихъ на вѣки разсталась съ этимъ міромъ и счастлива съ водяными нимфами.

V.

Въ началѣ пятой пѣсни мы находимъ „Сына Калева" уже на берегу Финляндіи, гдѣ онъ во время утренней прохлады отдыхаетъ отъ усталости. Всеобщая тишина въ природѣ усыпляетъ его крѣпкимъ сномъ. Пока онъ спитъ, пѣвецъ спѣшитъ къ родителямъ погибшей дѣвушки. Вмѣсто дочери они вытащили со дна морскаго орлиное яйцо, старый желѣзный шлемъ и молодой дубъ. Дубъ посадили они у качелей, на которыхъ качалась ихъ дочь; яйцо положили въ желѣзный шлемъ, гдѣ согрѣвали оное днемъ лучи солнечные, а ночью сама старуха въ постели, пока не вышелъ изъ него орленокъ, съ маленькимъ человѣчкомъ подъ крыломъ. За симъ пѣвецъ возвращается снова къ „Сыну Калева", котораго находитъ только что проснувшимся отъ крѣпкаго сна. Онъ спѣшитъ прямо вовнутрь Финляндіи, вездѣ ища слѣдовъ матери. Наконецъ, спускается онъ съ горы въ долину, въ долинѣ находится домъ кудесника и самъ хозяинъ отдыхаетъ подъ тѣнью деревъ. „Сынъ Калева" вырываетъ изъ земли съ корнями молодой дубъ, срываетъ вѣтви его и съ этою тяжелою дубиною идетъ впередъ, такъ что земля дрожитъ подъ ногами. Проснувшійся кудесникъ отъ страха едва находитъ время взять изъ за пазухи горсть пуха и съ заключительными словами бросить въ воздухъ, гдѣ пухъ превращается въ закованныхъ въ желѣзо воиновъ, конныхъ и пѣшихъ, которые всѣ нападаютъ на богатыря. Но богатырь дубиною своею въ короткое время убиваетъ ихъ всѣхъ. Безпомощный кудесникъ сознается теперь въ своимъ преступленіи и разсказываетъ, какъ онъ

потерялъ вдову на горѣ Ира. „Сынъ Калева“ не вѣритъ его разсказу и убиваетъ его; обыскиваетъ потомъ домъ кудесника, но нигдѣ не находитъ матери. Утомленный борьбою и скорбію, онъ опять засыпаетъ. Его утѣшаетъ пріятный сонъ: Линда въ красотѣ молодости поетъ на качели. Изъ этого видѣнія онъ заключаетъ, что матери нѣтъ болѣе въ живыхъ.

VI.

Въ шестой пѣснѣ „Сынъ Калева“ возвращается къ берегу моря, чтобъ отправиться домой, съ поникшей головою, какъ птица съ опущенными крыльями, у которой нѣтъ болѣе охоты летать. Но вотъ во время утренней прохлады поднимаются у него въ головѣ вдругъ новыя мысли, побуждающія его къ новымъ подвигамъ. Онъ вспомнилъ, что въ Финляндіи живетъ искусный кузнецъ, приготовляющій отличное оружіе. Онъ поварачиваетъ въ сторону, чтобы отыскать кузнеца и добыть у него хорошій мечъ. Не зная дороги, онъ идетъ совершенно на удачу и блуждаетъ по дремучимъ лѣсамъ, куда никогда не заходила человѣческая нога. Утомленный и тѣлесно и душевно, онъ садится подъ широколиственное дерево, описываетъ настоящее свое скорбное положеніе въ лѣсу и говоритъ: „Отецъ мой оставилъ этотъ міръ раньше, чѣмъ я увидѣлъ свѣтъ, мать улеглась въ смертную постель, и я не видѣлъ ея смерти, братья мои далеко въ Вирроніи, другіе на турецкихъ границахъ; одинъ я, какъ чайка въ волнахъ, какъ орелъ на утесѣ“. Дроздъ и кукушка совѣтуютъ ему повернуть къ закату солнца, гдѣ ему встрѣтится хромоногая старуха, которая укажетъ жилище кузнеца. Дѣйствительно, такимъ образомъ онъ находитъ кузнеца. Шумъ мѣховъ и стукъ молотовъ слышны были издалека. Запачканный въ сажѣ кузнецъ встрѣчаетъ ласково издалека пришедшаго гостя, велитъ вынести цѣлую охапку мечей на пробу, но ни одинъ изъ этихъ мечей не могъ выдержать удара могучей руки: всѣ они или притуплялись, или разбивались въ дребезги. Кузнецъ, не желая продолжать такой не совсѣмъ выгодной для него шутки, приказываетъ сыновьямъ своимъ вынести изъ комнаты самый дорогой мечъ, надъ которымъ онъ съ тремя сыновьями трудился семь лѣтъ, укрѣпляя его приличными заклинаніями и закаляя въ семи водахъ. Этотъ царь-мечъ велѣлъ приготовить для себя самъ „Калевъ“, но умеръ раньше, чѣмъ кузнецъ успѣлъ приготовить мечъ. Могучій младшій сынъ его вертитъ тяжелый мечъ съ вихремъ нѣсколько разъ вокругъ головы, ударяетъ онымъ потомъ по наковальнѣ, такъ что наковальня и столбъ ея разсѣкаются пополамъ, но остріе меча не повредилось. „Сынъ Калева“ безъ торгу обѣщаетъ требуемую цѣну за мечъ. Кузнецъ по этому случаю задаетъ пиръ. Когда хмѣль забрался въ головы всѣхъ, развязался языкъ „Сына Калева“: онъ сталъ хвастать своею побѣдою надъ островитянкою и говорилъ съ такими подробностями, какія порядочному мужчинѣ неприличны. Это оскорбляетъ старшаго сына кузнеца и онъ начинаетъ укорять гостя за обезчещеніе дѣвушки. Отуманенный хмѣлемъ, „Сынъ Калева“

болтаетъ послѣ этого еще глупѣе о своемъ достойномъ порицанія поступкѣ, такъ что подымается ссора; вгорячахъ „Сынъ Калева" выхватываетъ мечъ и отсѣкаетъ сыну кузнеца голову. Кузнецъ сначала приказываетъ другимъ сыновьямъ отплатить разбойнику, но потомъ одумывается и предоставляетъ отмщеніе высшимъ силамъ: „разбойникъ, заклинаетъ кузнецъ, самъ долженъ погибнуть отъ этого меча, которымъ онъ пролилъ невинную кровь." Шатаясь выходитъ „Сынъ Калева" изъ дому на дворъ и со двора вонъ, чтобы найти тѣнь, гдѣ бы успокоиться отъ душевнаго волненія и головной боли. Онъ засыпаетъ на муравѣ и отъ храпѣнія его дрожитъ земля, словно отъ землетрясенія. Въ концѣ пѣсни пѣвецъ переносится словно на тотъ уединенный островъ, гдѣ „Сынъ Калева" на пути въ Финляндію отдыхалъ отъ долгаго плаванія и погубилъ дѣвушку. Вытащенный со дна моря и посаженный у качелей дубъ выросъ въ это короткое время въ такое огромное дерево, что заслоняетъ солнце. Долго ищутъ человѣка, чтобы срубилъ это дерево, пока, наконецъ, найденный изъ подъ крыла орленка карликъ не беретъ этотъ трудъ на себя. Подошедши къ дереву, карликъ начинаетъ вытягивается и выростаетъ такимъ, что въ продолженіе трехъ дней срубаетъ дубъ. Стволъ дуба покрываетъ весъ островъ съ одного края до другаго, верхушка падаетъ въ море. Изъ ствола дерева дѣлается одинъ мостъ отъ острова къ финскому, а другой къ нашему берегу; изъ верхушки строются красивые корабли и маленькіе города; изъ остатковъ дѣлаются избушки для бѣдняковъ, вдовъ и сиротъ, и, наконецъ, домикъ для пѣвца, гдѣ создавались чудныя пѣсни.

VII.

Въ седьмой пѣснѣ „Сынъ Калева" просыпается отъ тяжелаго сна; событія послѣднихъ дней стоятъ предъ нимъ какъ въ туманѣ, словно неясныя сновидѣнія. Въ задумчивости идетъ онъ къ берегу, несчастный мечъ виситъ на поясѣ; онъ находитъ у берега лодку убитаго кудесника, входитъ въ нее и направляетъ ее къ берегу. Плывя мимо несчастнаго острова, онъ слышитъ изъ волнъ пѣніе утонувшей дѣвицы, которая укоряетъ его за двукратное убійство. Съ сокрушеннымъ сердцемъ плыветъ онъ далѣе; скорбь по потерянной матери воскресаетъ въ немъ съ новою силою въ одинокомъ путешествіи. Вступивъ на родный берегъ, онъ слышитъ съ вершины горы Ира голосъ Линды, подобно дѣвицѣ, укоряющей его за убійство, но въ то же время совѣтующей ему остерегаться меча, потому что невинно пролитая кровь потребуетъ кроваваго возмездія.

На другое утро „Сынъ Калева" встрѣчается дома съ братьями, которые разсказываютъ ему о своихъ напрасныхъ исканіяхъ матери. Младшій братъ, съ своей стороны, передаетъ имъ о своемъ путешествіи въ Финляндію, но умалчиваетъ о смерти дѣвушки и кузнецова сына и о пѣсняхъ, слышанныхъ имъ изъ волнъ и съ вершины горы. Подъ покровомъ ночи, когда другіе братья спятъ, онъ идетъ на могилу отца; голосъ умершаго отца увѣщеваетъ его загладить свои злодѣянія и объясняетъ, что волны жизни текутъ по указанію боговъ.

VIII.

На другой день братья отправляются втроемъ въ путь, останавливаются на короткое время въ одномъ селеніи, гдѣ ихъ принимаютъ за жениховъ и, наконецъ, приходятъ къ озеру Саадъ, не далеко отъ Дерпта. Здѣсь бросаютъ они жребій о томъ, кто изъ нихъ долженъ остаться властителемъ на мѣсто отца. Младшій братъ бросаетъ свой камень далѣе всѣхъ и его нарицаютъ эстонскимъ царемъ. Старшіе братья прощаются съ нимъ и отправляются въ чужіе края искать счастія, потому что богатырь нигдѣ не встрѣтитъ препоны.

При воцареніи молодаго царя, кромѣ обычая нарицанія, мы не видимъ ни народной присяги, ни веселыхъ пировъ, ни роскошнаго дворца, ни царедворцевъ; напротивъ, подобно отцу, первымъ своимъ долгомъ онъ поставляетъ улучшеніе земледѣлія. Онъ запрягаетъ своего коня въ плугъ и пашетъ запущенную пашню, чтобы она сдѣлалась плодоносною. Этимъ первымъ своимъ дѣломъ самый славный изъ властителей эстовъ далъ знать своему народу, чтобы онъ уважалъ земледѣліе. Однажды усталый отъ солнечнаго зноя и трудной работы, молодой царь засыпаетъ недалеко отъ нынѣшней Екатерининской кирхи въ Вирроніи, запутавъ ноги коня, чтобы онъ не могъ уйти далеко. Хищные звѣри нападаютъ на коня и растерзываютъ его. Слѣды коня показываютъ до настоящаго времени.

IX.

Солнце уже склонялось къ вечеру, когда проснулся „Сынъ Калева". Онъ свищетъ и зоветъ коня, но отвѣта нѣтъ. Онъ отправляется по слѣдамъ искать его и находитъ шкуру растерзаннаго коня, кровь и куски сала. Въ сильномъ гнѣвѣ онъ приказываетъ замолчать вѣтру и шуму лѣсному, пока онъ произнесетъ проклятіе на хищниковъ. Но этого недовольно: онъ хватаетъ мечъ, летитъ по лѣсамъ и болотамъ и истребляетъ всѣхъ хищныхъ звѣрей, попадающихся ему. Поздно вечеромъ онъ разстилаетъ на землю шкуру растерзаннаго коня и ложится спать. Здѣсь приходитъ будить его гонецъ съ береговъ Вирроніи съ худою вѣстію, что вражеское нападеніе навело страхъ на жителей. „Сынъ Калева" бранитъ гонца, какъ смѣетъ онъ открыто унижать храбрость народа, который, вѣрно, не испугается враговъ. Онъ приказываетъ крѣпко стоять противъ враговъ и обѣщаетъ прійти на помощь въ случаѣ опасности.

Едва успѣлъ онъ снова закрыть глаза, какъ предъ нимъ сталъ какой-то другой пришлецъ. Молодой царь жалуется, что и ночью не даютъ ему покою, жалѣетъ о своемъ тяжеломъ положеніи, говоря, что и птицѣ дана лучшая доля, потому что она можетъ свободно летать куда угодно и находитъ въ гнѣздѣ спокойный отдыхъ. Пришлецъ, сѣдоволосый и сѣдобородый старецъ, умѣлыми рѣчами прогоняетъ мрачность съ чела царскаго. Старецъ говоритъ: „когда ты росъ еще дома и поднялся до дуба, тамъ было у тебя довольно времени размышлять о будущемъ, ибо тамъ и птицы на вѣткахъ

пѣли: „у царя десять бременъ, сотня трудовъ у властителя, тысяча дѣлъ у сильнаго, десять тысячъ у „Сына Калева". Что я сегодня сюда пришелъ, отъ этого послѣдуетъ тебѣ много пользы. Хотя ты и принимаешь меня за незнакомаго пришельца, однако я самый старый твой другъ и твоего племени. Не я ли невидимо помогалъ вамъ, когда ещё не родились твои родители, когда еще не было ни земли Гаррійской, ни земли Вирроской? Не приходилъ ли я къ вамъ раньше созданія звѣздъ, луны и облаковъ? Въ сильномъ вѣтрѣ привѣтствовалъ я тебя, тепломъ солнечнымъ расширилъ тебя" . . . Затѣмъ онъ предсказываетъ „Сыну Калева" богатую жатву тамъ, гдѣ онъ провелъ борозды своимъ плугомъ; но такъ какъ еще много осталось работы, то онъ пришелъ оконченную работу осмотрѣть, а остальную направить, потому что безъ божественной помощи ни въ чемъ не можетъ быть успѣха. „Сынъ Калева" спрашиваетъ: „Ты, бывшій моимъ другомъ до рожденія моихъ родителей, раньше Вирроніи и звѣздъ, — скажи мнѣ, дорогой старецъ, гдѣ живешь ты?" Незнакомецъ отвѣчаетъ: „Дорогой „Сынъ Калева", не спрашивай о томъ, кто явился, какъ вѣтеръ, выслушай лучше о будущемъ, о дняхъ будущихъ поколѣній". Затѣмъ старецъ предвѣщаетъ краткую счастливую долю народа подъ властію могучаго „Сына Калева" и сокращеніе счастливыхъ дней при его слабыхъ преемникахъ. Наконецъ, старецъ говоритъ, что совершившееся въ Финляндіи пролитіе невинной крови произнесетъ приговоръ надъ „Сыномъ Калева", потому что смерть произноситъ смерть. „Заклятій финскаго кузнеца, слезъ нѣжной матери и сестеръ ничто не смоетъ съ меча, зла этого ничто не можетъ загладить. Бодрствуй и храни себя отъ меча, чтобъ онъ не сдѣлался мстителемъ, потому что кровь требуетъ цѣны крови, беззаконіе не дремлетъ, зло не имѣетъ удержку." Послѣ сихъ словъ тѣнь старца исчезла. Скорбію отозвались послѣднія слова старца въ сердцѣ „Сынъ Калева", какъ плачевный вопль вѣтра во время дождя.

Что этотъ старецъ былъ не кто иной, какъ самъ богъ Тора или Укко, это ясно изъ его словъ. Его слова подобны бурѣ въ сравненіи съ слабыми словами прежде упомянутыхъ духовъ, и послѣ этого уже никакой духъ не говорилъ съ „Сыномъ Калева". По исчезновеніи старца, „Сынъ Калева" уснулъ крѣпкимъ сномъ. Проснувшись утромъ, онъ не могъ ничего ясно припомнить изъ словъ старца, они смѣшались съ сновидѣніями, такъ что онъ не могъ разобрать, что было на яву, что во снѣ. Утромъ рано отсылаетъ онъ вирроскаго гонца домой, даетъ ему наставленіе касательно отраженія враговъ и обѣщаетъ свою помощь въ случаѣ нужды. Видно, что „Сынъ Калева" хотѣлъ испытать храбрость народа, насколько онъ стоекъ безъ его помощи. Въ концѣ пѣсни мы находимъ аллегорическій разсказъ о томъ, что война вообще ничего другаго не приноситъ, кромѣ несчастія, вслѣдствіе чего лучше воздерживаться отъ нея, нежели искать ея. Гонцу встрѣчаются одни за другимъ воронъ, коршунъ, волкъ, медвѣдь, голодъ и чума, ибо всѣ они почуяли уже, какая пожива имъ будетъ отъ исполненія военныхъ вѣстей.

X.

Въ десятой пѣснѣ разсказывается въ шуточномъ тонѣ о нѣкоторыхъ подвигахъ „Сына Калева", въ которыхъ участвовали также сынъ Алева и одинъ оруженосецъ. Пѣсня начинается ссорою двухъ сыновей Пагарета, для которыхъ прежнее жилище въ болотѣ Кикерпера стало тѣсно; они просятъ сына Алева раздѣлить между ними болото. Сынъ Алева исполняетъ ихъ просьбу, обманываетъ глупаго духа, который за оказанную услугу обязался натаскать полную бездонную шапку золота. Въ заключеніе „Сынъ Калева" побѣждаетъ водянаго духа въ бросаніи камней и тяганіи палки. Въ своихъ разсказахъ сынъ Алева приводитъ разъ пословицу, что быкъ узнается по рогу, а мужъ по слову. Эти слова тяжелымъ камнемъ ложатся на сердцѣ молодаго царя, потому что онъ до сего времени не заплатилъ еще финскому кузнецу за мечъ. Онъ посылаетъ немедленно сына Алева съ деньгами и вещами, уплачиваетъ долгъ и велитъ за долгое ожиданіе прибавить къ обѣщанной цѣнѣ. Самъ онъ остается въ раздумьи о предстоящей войнѣ и приходитъ къ убѣжденію, что необходимо построить болѣе крѣпкія убѣжища для стариковъ, слабыхъ и убогихъ; для сего намѣревается отправиться чрезъ Пейпусъ за досками. Далѣе разсказывается о томъ, какъ „Сынъ Калева" спустился въ колодезь отыскивать кольцо дочери Кью, которая уронила оное, вытаскивая ведро воды. Кудесники бросаютъ богатырю на голову жернова, чтобы погубить его, но „Сынъ Калева" не обращаетъ вниманія на эту шутку и чрезъ нѣсколько времени выходитъ изъ колодца, держа на пальцѣ жерновъ. Показывая жерновъ дѣвицѣ, онъ спрашиваетъ ее, не ея ли это кольцо, такъ какъ онъ ничего больше въ колодцѣ не нашелъ.

XI.

На пути къ Пейпусу молодой царь долженъ итти чрезъ дремучій лѣсъ; отъ его могучихъ шаговъ измѣняется поверхность земли, такъ что слѣды цѣлаго стада слоновъ въ сравненіи съ его слѣдами кажутся слѣдами муравьиными: „отъ его ногъ въ болотахъ оставались ямы, холмистыя мѣста дѣлались ниже . . . ." Съ цѣлымъ возомъ досокъ на плечахъ онъ идетъ чрезъ озеро, хотя страшный звѣроподобный кудесникъ дуетъ на озеро и подымаетъ волны съ намѣреніемъ утопить богатыря. На берегу озера „Сынъ Калева" ложится отдохнуть. Во время сна кудесникъ похищаетъ его мечъ, который онъ даже при помощи волшебства едва въ состояніи поднять, но, при переходѣ чрезъ рѣку Кэпа, онъ уронилъ мечъ въ воду, откуда и волшебныя слова не могутъ его поднять. Похититель бѣжитъ. Проснувшись и не находя меча, „Сынъ Калева" сейчасъ догадывается, кто похитилъ его, пускается въ погоню за похитителемъ и находитъ своего спутника на днѣ рѣки. Онъ спрашиваетъ его, какъ онъ сюда попалъ, на что боевой товарищъ отвѣчаетъ, что кудесникъ похитилъ его тайкомъ, но что онъ на заманиванія водяной дѣвушки бросился изъ подъ мышки вора въ воду, гдѣ теперь нимфа тѣшитъ его на

серебряной постели. „Сынъ Калева“ снова спрашиваетъ его, развѣ теперь ему пріятнѣе тѣшиться въ неизвѣстности съ нимфою, нежели красить свое лезвіе вражескою кровію. Мечъ отвѣчаетъ со скорбію, что у него никогда не изгладится воспоминаніе о лучшихъ дняхъ, когда рука могучаго въ священномъ гнѣвѣ рубила имъ враговъ, но что за совершеніе имъ злодѣйства онъ не можетъ болѣе соединиться съ его рукою.

„Сынъ Калева“ поетъ любезному товарищу печальную пѣснь и увѣщеваетъ его привѣтствовать ласково своимъ сіяніемъ всѣхъ храбрыхъ мужей, которыхъ только онъ увидитъ здѣсь на берегу рѣки; если же кто либо изъ Калевовъ придетъ сюда, то привѣтствовать его словомъ и отвѣчать птичьимъ пѣніемъ искусному пѣвцу. Въ заключеніе прибавляетъ: „если въ будущемъ найдетъ тебя кто либо подобный мнѣ, то безъ зова выходи изъ воды и соединись съ рукою богатыря, какъ вѣнчанная невѣста его. Если же тотъ, кто тебя прежде самъ носилъ *), вступитъ въ эту рѣку, тогда, любезный товарищъ, перерѣжь ему обѣ подколѣнныя жилы.“

Шагая впередъ съ досками, онъ наткнулся на какого-то человѣка, который едва головою достигалъ его колѣнъ, а былъ неменьше нынѣшнихъ людей. Человѣкъ этотъ просилъ защиты. „Сынъ Калева“ взялъ и всунулъ его въ свою дорожную сумку и велѣлъ разсказывать что либо забавное. Несчастный разсказываетъ, что онъ вчера вечеромъ заблудился въ лѣсу, попалъ въ одну хижину, хозяйка которой ласково накормила его и уложила подъ столъ спать. Поздно ночью возвратились изъ лѣсу ея сыновья, наѣлись гороху и легли спать одинъ у передней, а другой у задней стѣны, и храпѣніемъ своимъ перебрасывали карлика въ воздухѣ отъ одной стѣны къ другой, такъ что всю ночь онъ не могъ сомкнуть глазъ.

XII.

Въ дальнѣйшемъ своемъ пути „Сынъ Калева“ долженъ вступить въ борьбу съ тремя могучими сыновьями кудесника, похитившаго его мечъ. Онъ разбиваетъ почти всѣ свои доски въ дребезги о головы ихъ, но въ кудеснической водѣ вышаренные мужи ничего не чувствуютъ. Во время самой горячей борьбы дребезжащій тоненькій голосокъ изъ подъ куста совѣтуетъ ему бить по головамъ враговъ ребромъ досокъ. Этимъ способомъ заставилъ онъ сыновей кудесника обратиться въ бѣгство. „Сынъ Калева“ велитъ совѣтнику выйти изъ подъ куста и слышитъ въ отвѣтъ, что бѣдняга голъ, потому что небесный дѣдушка при созданіи его забылъ дать ему шубу. Это былъ ежъ. „Сынъ Калева“ отрываетъ кусокъ отъ полы своей шубы и бросаетъ оный ему въ награду за совѣтъ. Спустя нѣсколько времени „Сынъ Калева“ останавливается, чтобы подкрѣпиться хлѣбомъ, и находитъ въ своей сумкѣ карлика мертвымъ отъ ударовъ кудесни-

*) «Сынъ Калева» хотѣлъ сказать: кто тебя сюда принесъ, т. е. кудесникъ, но заклинаніе финскаго кузнеца смѣшало его слова, такъ что вмѣсто сюда (seie), онъ сказалъ самъ (ise), вслѣдствіе чего слова его отнеслись уже къ нему самому.

никовыхъ сыновей, у которыхъ на концѣ бичей были привязаны жернова. „Сынъ Калева“ жалѣетъ объ немъ и погребаетъ его самъ.

На слѣдующемъ ночлегѣ является въ нему опять коварный кудесникъ, наводитъ на него долгій сонъ, такъ что молодой царь спитъ семь недѣль сряду. Наконецъ, онъ просыпается отъ сновидѣнія. Такъ какъ большая часть досокъ были перебиты о головы кудесниковыхъ сыновей, то онъ долженъ вторично отправиться чрезъ Пейпусъ за досками. На берегу онъ видитъ стадо овецъ, изъ котораго волкъ утащилъ одну овцу; на крикъ пастуха мальчика, „Сынъ Калева“ хватаетъ камень, бросаетъ оный прямо въ голову волка и, такимъ образомъ, спасаетъ овцу изъ его пасти. Въ концѣ пѣсни помѣщенъ необыкновенно трогательный разсказъ и пѣсня о кругломъ сиротѣ пастухѣ мальчикѣ, нашедшемъ въ единственное утѣшеніе себѣ яйцо жаворонка, изъ котораго вышелъ ягненокъ, спасенная отъ волка овца.

XIII.

На возвратномъ пути изъ за Пейпуса „Сыну Калева“ удается научиться заклинанію змѣй; заклинаніе это поетъ одна старуха колдунья подъ вересковымъ кустомъ. Спустя нѣсколько дней послѣ этого онъ подошелъ къ одной страшной пещерѣ. Трое мужчинъ сидятъ тамъ вокругъ котла съ супомъ; отъ нихъ „Сынъ Калева“ узнаетъ, что они адскіе повара. Это подстрекаетъ любопытство его и онъ, забывая свое царство, отправляется въ адъ, чтобы познакомиться тамъ съ рогатыми и собственными глазами посмотрѣть на тамошнюю жизнь; счастливый случай даетъ ему возможность при этомъ спасти несчастныхъ. Спустясь внизъ, онъ долженъ сначала своимъ огромнымъ тѣломъ проходить чрезвычайно тѣсное пространство, потомъ попадаетъ въ болѣе широкій проходъ, гдѣ на потолкѣ виситъ горящая лампа. Въ концѣ этого прохода подлѣ дверей стоятъ два ушата, изъ которыхъ въ одномъ находится жидкость бѣлая какъ молоко, а въ другомъ черная какъ смола. За дверьми слышно пѣніе прядущей дѣвушки, жалущейся на свою несчастную нынѣшнюю долю, сожалѣющей о веселой жизни на землѣ и молящейся объ избавленіи. „Сынъ Калева“ нѣжно поетъ ей въ отвѣтъ, хочетъ выломать своею громадною силою дверь, но не можетъ. Тогда дѣвица велитъ ему омочить руку въ ушатъ съ черною жидкостію. Богатырь дѣлаетъ это и выбиваетъ однимъ ударомъ кулака дверь. Въ слѣдующей комнатѣ на стѣнѣ висятъ мечъ, верба и шапка изъ мелкихъ лучинъ. Дѣвица совѣтуетъ „Сыну Калева“ взять шапку и вербу, потому что при ихъ помощи можно все сдѣлать. Но глаза молодаго человѣка разгорѣлись на мечъ, и онъ считаетъ шапку и вербу пустяками. Однако ради потѣхи онъ пробуетъ силу ихъ обѣихъ и находитъ слова дѣвицы справедливыми. Дѣвица призываетъ съ работы и двухъ сестеръ своихъ, и всѣ они вмѣстѣ теперь играютъ и рѣзвятся какъ дѣти всю ночь. „Сынъ Калева“ обѣщаетъ имъ свободу и болѣе счастливую жизнь на землѣ.

XIV.

На другой день дѣвицы показываютъ ему все богатство подземнаго царства, потому что самого рогатаго не случилось къ счастію дома. На вопросъ Калева, кто ихъ хозяинъ, дѣвицы отвѣчаютъ, что, кто родилъ его, имъ неизвѣстно. Вслѣдствіе огромныхъ своихъ владѣній, онъ часто выходитъ изъ своего подземнаго жилища, и никто не знаетъ, куда онъ уходитъ и откуда приходитъ. Въ глубинѣ земли находится еще семь міровъ, наполненныхъ душами умершихъ людей, которымъ назначены тамъ жилища. По опредѣленію Тора, всѣ эти души назначены въ служеніе рогатому. Только одинъ разъ въ годъ, въ день поминовенія душъ, освобождаются онѣ отъ работы адской и имъ позволяется посѣщать родственниковъ. Изъ этихъ душъ сатана выбираетъ себѣ слугъ и служанокъ столько, сколько для него нужно. Сегодня ожидаютъ хозяина домой: онъ отправился въ надземный міръ, гдѣ никогда долго не остается.

Дѣвицы открываютъ „Сыну Калева", что онѣ похищены живыя изъ надземнаго міра. По милости Тора онѣ, правда, одарены вѣчною, неувядающею молодостію до тѣхъ поръ, пока не полюбятъ мужчины, но можетъ ли это вознаграждать потерянную свободу и неугасимое желаніе сердца. „Сынъ Калева", убѣжденный въ своей побѣдѣ надъ рогатымъ, вторично обѣщаетъ имъ свободу. Дѣвицы употребляютъ женскую хитрость, чтобы укрѣпить его къ предстоящей борьбѣ съ сатаною и ослабить сатану, и для этого перемѣняютъ склянки съ жидкостями силы и слабости.

Возвратившись, сатана немедленно вступаетъ въ единоборство съ „Сыномъ Калева". „Сынъ Калева", выпившій жидкость силы, втискиваетъ сатану, какъ изгородный колъ, въ землю; но врагъ исчезаетъ предъ нимъ въ землю, почему „Сынъ Калева" долженъ оставить борьбу до другаго раза. Онъ надѣваетъ теперь мечъ, набираетъ огромные мѣшки всякаго богатства, беретъ мѣшки на плечи, а дѣвушекъ сажаетъ на мѣшки, и отправляется къ выходу, гдѣ оставилъ доски; здѣсь сначала беретъ на плечи доски, потомъ мѣшки и, наконецъ, дѣвушекъ. Дѣвушки безъ его вѣдома захватили и шапку невидимку, но онъ бросаетъ ее въ огонь, обѣщаясь доставить имъ счастіе и безъ помощи волшебной шапки.

XV.

Своякъ сатаны съ 70-ю адскими буршами спѣшитъ догнать бѣглецовъ, но „Сынъ Калева" при помощи вербы проводитъ рѣку между собою и преслѣдователями и насмѣшливо отвѣчаетъ на вопросы свояка сатаны. На пути къ дому, сынъ Алева сообщаетъ, что во время семинедѣльнаго сна царя была жестокая война въ Эстоніи. Возвратившись домой, „Сынъ Калева" встрѣчается съ сыномъ Олева, искуснымъ строителемъ городовъ, заключаетъ съ нимъ условіе, чтобы онъ выстроилъ городъ, матеріалы для котораго обѣщаетъ представить самъ; городъ долженъ быть такъ крѣпокъ, чтобы враги не могли его

взять. Дѣвушекъ царь передалъ попеченію сына Алева; на младшей женился самъ сынъ Алева, на старшей сынъ Сулека, а среднюю похитилъ одинъ колдунъ, но могучіе свояки освободили ее и на ней впослѣдствіи женился сынъ Олева.

XVI.

Далѣе „Сынъ Калева" отправляется искать конца свѣта, чтобы своею собственною рукою ощупать ту послѣднюю грань, гдѣ небо соединяется съ землею. Постройка новаго города, вѣроятно, подвинулось уже такъ далеко, что не нужно было опасаться нападенія враговъ. „Сынъ Калева" велитъ мастеру устроить прочные корабли; но финскіе и лапландскіе кудесники предсказываютъ ему, что сѣверные духи (сѣверное сіяніе) сожгутъ его корабли, и говорятъ, что только на желѣзномъ кораблѣ можно достигнуть крайняго сѣвера, гдѣ рука небеснаго дѣдушки соединила небо съ землею. „Сынъ Калева" велитъ сдѣлать корабль изъ чистаго серебра и даетъ ему имя Леннокъ (летунъ), а для себя и для своихъ спутниковъ заказываетъ латы, для высшихъ изъ золота и серебра, для нисшихъ изъ желѣза и стали. Моряки отправляются въ путь, финскіе кудесники дуютъ на море, такъ что подымается страшная буря и путешественники съ трудомъ достигаютъ береговъ Лапландіи. „Сынъ Калева" съ нѣкоторыми товарищами высаживается на берегъ, чтобъ осмотрѣть эту страну и узнать, какимъ путемъ удобнѣе всего достигнуть края свѣта. Одинъ кудесникъ, по имени Варракъ, совѣтуетъ ему быть осторожнымъ, потому что на пути встрѣтится много опасностей, и, наконецъ, за большую плату берется самъ быть ихъ путеводителемъ. Кромѣ условленной платы онъ требуетъ еще отъ царя, чтобы онъ отдалъ ему то, что у него дома желѣзною цѣпью приковано къ стѣнѣ. „Сынъ Калева" легкомысленно обѣщаетъ все, даже не вспомнивъ, что у него дома приковано цѣпью къ стѣнѣ.

Путешественники плывутъ все дальше на сѣверъ. Однажды корабль попадаетъ въ водоворотъ и начинаетъ тонуть, но Варракъ заставляетъ кита на своей спинѣ вынести корабль изъ водоворота. Другой разъ они пристали къ острову искръ, гдѣ какія-то невидимыя силы выбрасывали изъ земли огонь, дымъ и кипятокъ. Сынъ Сулева отваживается итти осматривать это чудное явленіе, но нестерпимый жаръ заставляетъ его возвратиться съ ругательствами. Плывя далѣе, они пристали къ одному пустынному берегу; шесть человѣкъ отправляются для осмотра страны. Утомившись отъ долгаго хожденія, они ложатся въ одной рощѣ отдыхать, земля эта называется Гигла; дочь одного жителя этой земли идетъ въ огородъ ломать капустныя листья для коровы, находитъ спящими подъ капустными листьями путешественниковъ, забираетъ ихъ въ свой передникъ, несетъ ихъ домой къ отцу и спрашиваетъ, что это за насѣкомыя. Чтобы узнать, что это за существа, отецъ дѣвушка предлагаетъ нашимъ путешественникамъ разныя загадки и изъ ихъ отвѣтовъ узнаетъ,

что они также люди. По просьбѣ заблудившихся спутниковъ, дѣвушка забираетъ ихъ опять въ свой передникъ и несетъ на берегъ морской. Плывя далѣе на сѣверъ между ледяными горами, моряки вдругъ видятъ на небѣ борьбу сѣверныхъ духовъ, поражающихъ другъ друга серебряными копьями и потрясающихъ золотыми щитами, отъ которыхъ на небѣ является почти солнечный свѣтъ. При видѣ этого страшнаго явленія, большая часть моряковъ теряетъ мужество, но „Сынъ Калева" говоритъ шутливо: „духи сѣвера, производите движеніемъ своихъ копій и щитовъ для насъ огненный свѣтъ, чтобы при немъ мы могли продолжать наше путешествіе. Луна не захотѣла итти съ нами, солнце давно спряталось". Наконецъ путешественники достигаютъ страны, жители которой имѣютъ собачьи тѣла, но человѣческія головы (вѣроятно, эскимосы въ звѣриныхъ шкурахъ). Они мужественно обороняются, не позволяютъ морякамъ проникнуть въ ихъ страну. Здѣсь издыхаетъ отъ колдовства боевой конь „Сына Калева"; въ отмщеніе за это, онъ страшно опустошаетъ эту страну. Кудесники здѣшніе приходятъ умолять его о пощадѣ; онъ внимаетъ ихъ мольбѣ и даже произноситъ благословленіе этой странѣ. Одинъ изъ кудесниковъ совѣтуетъ ему не ѣхать дальше на сѣверъ, потому что скорѣе они найдутъ тамъ смерть, нежели конецъ свѣта. „Сынъ Калева", дѣйствительно, поворачиваетъ назадъ къ родинѣ и находитъ отъ своего путешествія такую пользу, что возвращается умнѣе, нежели былъ, отправляясь изъ дому. Когда они, наконецъ, вступаютъ на родной берегъ, кукушка весело поетъ имъ: „На родной землѣ цвѣтетъ счастіе, жизнь дома приноситъ больше пользы, дома узнаютъ тебя дворовыя собаки, приходятъ знакомые привѣтствовать, родственникъ съ совѣтомъ, ласковѣе свѣтятъ солнце и звѣзды."

XVII.

Новому городу, построенному сыномъ Олева на могильномъ холмѣ „Калева", „Сынъ Калева" даетъ названіе Линданиса (грудь Линды), потому что это мѣсто будетъ питать дѣтей Эстоніи, какъ грудь матери. Семь лѣтъ „Сынъ Калева" живетъ въ новомъ городѣ спокойно, послѣ чего наступаетъ война, на которую „Сынъ Калева" отправляется самъ въ первый разъ. Его борьба съ врагами описывается въ самомъ гиперболическомъ видѣ. Предводимые своимъ молодымъ царемъ, эстонцы мужественно поражаютъ враговъ и принуждаютъ ихъ обратиться въ бѣгство. Во время преслѣдованія враговъ конь „Сынъ Калева", перепрыгивая съ одного холма на другой, спотыкается, падаетъ и издыхаетъ. Въ слѣдствіе этого несчастія нѣкоторые изъ враговъ спасаются. По изгнаніи враговъ, „Сынъ Калева" распускаетъ воиновъ по домамъ и велитъ, чтобы всѣ помнили эту борьбу и подражали оказанному въ ней мужеству: „Пусть мужи стоятъ твердо противъ враговъ какъ желѣзныя стѣны, какъ стальныя башни, какъ дубъ и скала. Земля наша да будетъ неприкосновенна и свободна; сильнѣйшій да будетъ царемъ, храбрѣйшій начальникомъ другихъ,

власть въ государствѣ пусть остается въ однѣхъ рукахъ, въ противномъ случаѣ возникнутъ вредныя междоусобія".

Распустивъ войско, „Сывъ Калева" вмѣстѣ съ тремя родственниками своими отправляется домой. Въ большомъ лѣсу усталые и проголодавшіеся путники находятъ предъ одною пещерою старуху, варящую въ огромномъ котлѣ щи. Старуха и двое путниковъ ложатся спать, поставивъ одного сторожить котелъ до сваренія капусты. Три раза сряду приходитъ превратившійся въ карлика сатана пробовать щи и каждый разъ одною поварѣшкою опорожниваетъ котелъ и тѣмъ лишаетъ путниковъ возможности подкрѣпить усталое тѣло. Сыновья Олева, Алева и Сулева собственными глазами видятъ это странное происшествіе, но „Сынъ Калева", сдѣлавшійся уже поопытнѣе, полагаетъ конецъ этой неумѣстной шуткѣ карлика, обманомъ выманиваетъ у него колдовской колокольчикъ, дающій силу, и тѣмъ принуждаетъ его обратиться въ бѣгство. Богатыри наполняютъ теперь свои голодные желудки и отдыхаютъ до утра, услаждаемые самыми пріятными сновидѣніями по добротѣ дочерей богини муравы и цвѣтовъ.

XVIII.

Проснувшись отъ сна, „Сынъ Калева" не будитъ своихъ товарищей, но входитъ въ пещеру, куда скрылись ночью сатана и старуха; отъ ихъ исчезновенія въ пещерѣ осталась глубокая яма, изъ которой выходитъ черный паръ. „Сынъ Калева" спускается въ эту яму и при встрѣчѣ съ опасностями, по совѣту многихъ маленькихъ животныхъ, звонитъ своимъ колокольчикомъ и, наконецъ, достигаетъ преисподней. Рогатый нѣсколько разъ посылаетъ свои адскія войска наказать дерзкаго нарушителя адскаго покоя; они встрѣчаютъ его на стальномъ мосту чрезъ рѣку, въ которой вмѣсто воды течетъ жидкая горячая сѣра. „Сынъ Калева" побѣждаетъ всѣхъ встрѣчающихся ему и бросаетъ ихъ съ моста въ рѣку, кулакомъ разбиваетъ адскія ворота, идетъ чрезъ дворъ къ дому сатаны, разбиваетъ и его двери и вступаетъ на порогъ. Въ первой комнатѣ сидитъ за прялкою душа его умершей матери; на правой сторонѣ ея стоитъ чашечка съ водою жизни, а на лѣвой чашечка съ водою увяданія. Линда указываетъ пальцемъ на первую чашечку. „Сынъ Калева" пьетъ изъ указанной чашечки и съ необыкновенною силою начинаетъ бросать обломки скалъ объ твердую стѣну, пока стѣна не падаетъ. Начинается сильная борьба съ самыми избранными адскими воинами. Наконецъ выступаетъ самъ рогатый, обличая „Сына Калева" въ грабежѣ, совершенномъ въ первое его путешествіе въ преисподнюю. „Сынъ Калева" отвѣчаетъ, что здѣсь словесная брань не поможетъ, и обвиняетъ сатану въ трусости, такъ какъ онъ въ первый разъ, не окончивъ борьбы, пустился въ бѣгство и вчера тайкомъ подъ чужимъ видомъ ходилъ щи воровать, и потомъ вызываетъ сатану покончить начатую борьбу, говоря, что для этого онъ только и сошелъ сюда. Онъ обѣщаетъ не вынимать изъ ноженъ меча и колдовской

колокольчикъ отложить въ сторону. Почти обезумѣвшій отъ страха сатана ошибкою выпиваетъ разслабляющую жидкость, а „Сынъ Калева“ пропускаетъ нѣсколько глотковъ укрѣпляющей жидкости.

XIX.

Сатана, хотя и выпилъ разслабляющую жидкости, въ этотъ разъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ первый; борьба продолжается семь дней и семь ночей и кончается только тогда, когда тѣнь Линды указала сыну, что дѣлать съ врагомъ. „Сынъ Калева“ ударяетъ сатану объ полъ, связываетъ его цѣпями и приковываетъ къ стѣнѣ. Сатана сулитъ ему огромный выкупъ, говоря, что и съ нимъ можетъ тоже самое случиться; но напрасно. Съ огромною добычею возвращается изъ ада „Сынъ Калева“ и находитъ у входа сына Алева. Сынъ Алева закалываетъ быка и оба богатыря подкрѣпляютъ себя огромнымъ количествомъ мяса.

Послѣ этого хожденія въ адъ, „Сынъ Калева“ совершаетъ еще многія полезныя дѣла для народа; но объ нихъ не говорится подробно. Однажды во время веселаго пира, на которомъ богатыри съ пѣснями опоражниваютъ кружки и чаши, является къ царю лапландскій кудесникъ Варракъ и требуетъ обѣщаной награды, прикованной цѣпью къ стѣнѣ. Это была прикованная къ стѣнѣ каменной башни старая книга законовъ, оставленная старымъ Калевомъ въ наслѣдство сыну, но о содержаніи которой сынъ до сего времени ничего не зналъ. Книга эта была дороже серебра и золота; въ ней была описана свободная жизнь предковъ, что составляло лучшее ихъ богатство. Для „Сына Калева“ исполненіе даннаго слова дороже всякаго богатства и онъ отдаетъ книгу лапландцу, говоря: „бери, старый Варракъ, эти письмена для коротанія зимнихъ вечеровъ при свѣтѣ лампы. Быть можетъ, найдешь въ этихъ листахъ нѣкоторыя забавныя сказки“.

Спустя нѣсколько времени, подымается снова бранная тревога: изъ-за моря являются закованные въ желѣзо люди и „Сына Калева“ извѣщаютъ, что молодые люди потеряли мужество, потому что мечи ихъ не въ состояніи разрубить желѣзо и топоры сталь, въ которыя одѣты враги. Это озабочиваетъ царя. Поздно вечеромъ онъ идетъ на могилу своего отца искать утѣшенія, но могила отцовская безмолвна; со вздохомъ катятся моремъ волны, съ воплемъ дуетъ вѣтеръ, печальна роса, глаза облаковъ въ слезахъ. Тѣни духовъ колеблясь топчутъ воздухъ. Со скорбію въ сердцѣ возвращается „Сынъ Калева“ домой.

XX.

Отправляясь во второй и уже послѣдній разъ на войну, „Сынъ Калева“ зарываетъ въ землю все свое богатство, которое въ каждую ночь на Ивановъ день горитъ; зарывая, онъ говоритъ, какъ

открыть оное, но до сего дня счастіе это еще не выпало ни на чью долю. На другое утро звукъ военнаго рога созываетъ уже мужей. Борцы за свободу отечества собираются на берегахъ Эмбаха и отсюда отправляются на встрѣчу рыцарямъ, въ борьбѣ съ которыми падаетъ опять боевой конь „Сына Калева“ и много воиновъ. Тяжело раненый, сынъ Сулева спасается отъ смерти при помощи заклинательныхъ словъ, но чрезъ пару дней теряетъ жизнь на берегу рѣки Выганда; сынъ Алева утопаетъ въ озерѣ, на днѣ котораго нѣкоторые счастливцы и теперь еще видятъ его желѣзный шлемъ и прекрасный мечъ.

Дорогою цѣною купленная побѣда надъ врагомъ сокрушаетъ сердце „Сына Калева“, такъ что онъ ни днемъ, ни ночью не находитъ покоя. „Цвѣты счастливаго веселаго времени, говоритъ онъ сыну Олева, пропали съ луговъ раньше наступленія весны. Какъ увядшій на полянѣ дубъ, какъ изсохшая береза весною, стою я одинъ безъ друзей, безъ братьевъ; дни веселія разстались со мною, время счастія приблизилось къ вечеру“. Онъ поручаетъ царство сыну Олева и хочетъ провести остальные дни твои въ уединеніи, вдали отъ міра и отъ людей. На берегу рѣки Гойвы (Аа) находитъ онъ себѣ удобное мѣсто. Рыцари посылаютъ къ нему хитрыхъ пословъ, которые въ глаза льстятъ ему, а за спиною хотятъ погубить его. „Сынъ Калева“ во время проникаетъ ихъ замыслы и убиваетъ ихъ. Въ другой разъ приходитъ болѣе коварный искуситель, старающійся склонить его на сторону рыцарей. „Сынъ Калева“ велитъ ему вытащить изъ рѣки удочку и посмотрѣть, есть ли раки. Посолъ рыцарей не могъ вытащить удочки, потому что она оказалась огромною сосною съ издохшею кобылою на концѣ. „Сынъ Калева“ велитъ ему отправиться домой: „иди домой, братецъ, и разскажи, что видѣлъ и узналъ обо мнѣ. Я могущественнѣе и крѣпче тебя, мои дѣла не позволяютъ мнѣ сдѣлаться чужимъ слугою, величіе — рабомъ, сила — подчиниться чужой власти. Лучше буду я жить одинъ въ бѣдности, нежели подчинюсь неволѣ, чужой власти. Могучую выю „Сына Калева“ не удержитъ никакая привязь и ярмо“.

Удалившійся отъ людей „Сынъ Калева“ бродитъ теперь съ мѣста на мѣсто, по такимъ дебрямъ, куда прежде не заходила ни одна человѣческая нога. Разъ приходитъ онъ къ берегу Пейпуса, гдѣ онъ въ счастливое время такъ часто хаживалъ. Ему нужно было переходить чрезъ рѣку Копу, гдѣ лежалъ его мечъ. Мечъ узнаетъ своего хозяина и думаетъ: „не ты ли самъ прежде носилъ меня? Не время ли теперь наказать тебя?“ и срѣзываетъ обѣ ноги его до колѣнъ. Богатырь умираетъ отъ сильнаго кровотеченія. Освобожденная отъ тѣла душа его паритъ на небо, гдѣ въ преображенномъ тѣлѣ участвуетъ въ пирахъ боговъ.

Здѣсь бы повидимому конецъ жизненному пути его; но пѣвецъ не довольствуется этимъ. Онъ далѣе изображаетъ заботу Тора о томъ, какую бы должность дать на небѣ „Сыну Калева“. Совѣтъ боговъ по этому поводу продолжается довольно долго; наконецъ, рѣшаютъ послать „Сына Калева“ сторожить адскія ворота, чтобы

сатана оттуда не вышелъ. Душа богатыря должна снова войти въ свое прежнее тѣло, которому однако и боги не могутъ возвратить ногъ. Его сажаютъ теперь на лошадь и посылаютъ въ адъ. Подъѣхавъ къ адскимъ воротамъ, онъ, по повелѣнію голоса свыше, ударяетъ кулакомъ въ ворота, сдѣланныя изъ скалы, но рука его остается въ образовавшейся отъ удара трещинѣ, и теперь онъ, закованный въ цѣпи, сторожитъ адскую силу, чтобъ она не вышла. По временамъ силится онъ освободить свою руку, трясетъ ее, такъ что земля и море колеблются, но рука Мана удерживаетъ ее.

„Но наступитъ нѣкогда время, когда всѣ лучины сожгутся сразу съ обоихъ концевъ, тогда пламя огня освободитъ руку отъ скалы и „Сынъ Калева“ поспѣшитъ домой, чтобъ осчастливить своихъ дѣтей и измѣнить судьбу эстовъ“. Этими словами оканчивается поэма „Сынъ Калева“.

II.

О ЛАТЫШСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ.

(Извлеченіе изъ книги Спрогиса: «Памятники латышскаго народнаго творчества.)

Въ 1868 г. въ Вильнѣ вышелъ сборникъ латышскихъ пѣсенъ подъ заглавіемъ „Памятники латышскаго народнаго творчества". Составитель этого сборника г-нъ Спрогисъ во введеніи къ своей книгѣ, между прочимъ, говоритъ:

Мысль — заняться собираніемъ памятниковъ Латышскаго народнаго творчества, съ цѣлью сдѣлать ихъ извѣстными русскому обществу, была давнишнимъ нашимъ желаніемъ. Но только въ 1866 году представилась намъ возможность заняться этимъ дѣломъ. Находясь въ то время на родинѣ — на границѣ трехъ губерній, Лифляндской, Курляндской и Витебской, мы приступили къ собиранію латышскихъ пѣсенъ въ этихъ мѣстахъ, и по преимуществу въ окрестностяхъ мызы Стукмансгофъ и древняго замка Кокенгузена. Этотъ нашъ трудъ увѣнчался успѣхомъ: въ разныхъ латышскихъ деревняхъ намъ удалось записать болѣе 900 пѣсенъ, почти исключительно состоящихъ изъ четырехъ стиховъ. Изъ этого собранія значительная часть записана нами отъ нашей матери, природной латышки.

Въ 1867 году мы опять имѣли случай побывать на родинѣ и снова заняться собираніемъ тѣхъ же пѣсенъ. И на этотъ разъ трудъ не остался безъ успѣха: мы успѣли записать до 600 пѣсенъ — тѣхъ же четырехстишій, и болѣе 50 загадокъ. Такимъ образомъ, первоначальное наше пріобрѣтеніе, вмѣстѣ съ настоящимъ, составило 1550 пѣсенъ и 50 загадокъ.

Обладая такимъ значительнымъ запаćомъ пѣсенъ, мы по чл за лучшее издать ихъ особымъ Сборникомъ, для чего и обратились за матеріальнымъ содѣйствіемъ къ б. Попечителю Виленскаго Учебнаго Округа, Тайному Совѣтнику Ивану Петровичуро Книлову. По его

ходатайству (да будетъ намъ здѣсь позволено вспомнить словомъ живой благодарности его горячее сочувствіе къ нашему труду!) намъ было отпущено б. Главнымъ Начальникомъ Сѣверо-западной Руси Графомъ Э. Т. Барановымъ изъ суммы 15 тысячъ „на полезныя изданія и ученыя командировки въ Сѣверо-западной Русси", въ видѣ пособія — 350 рублей.

Пока шли предварительныя работы по изданію, мы получили отъ разныхъ своихъ знакомыхъ и друзей еще весьма значительный запасъ пѣсенъ—четырехстишій, собранныхъ ими въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ были записаны и наши. Изъ числа 500, такимъ образомъ, вновь пріобрѣтенныхъ нами пѣсенъ, значительная часть принадлежитъ двумъ православнымъ священникамъ — Коконоскому В. В. Окнову и Менгельгофскому И. И. Лійцу, и, наконецъ, студенту Петербургскаго университета Ю. Кузнецову.

Эта новая прибавка пѣсенъ, потребовавшихъ разборки и соединенія въ одно цѣлое съ другими пѣснями, равно особеннаго рода трудности по корректурнымъ работамъ, проистекавшимъ отъ незнакомства наборщиковъ съ латышскимъ языкомъ, не привыкшихъ къ новой системѣ русско-латышской азбуки, — были главнѣйшими причинами того, что выходъ настоящаго Сборника значительно замедлился.

Сдѣлавъ эти необходимыя предварительныя замѣчанія, мы считаемъ нужнымъ изложить свой взглядъ на слѣдующіе важнѣйшіе вопросы — вопервыхъ: въ какой степени было развито употребленіе латышской пѣсни въ древности и каково оно въ настоящее время; вовторыхъ: есть ли между латышскими пѣснями пѣсни историческія, и въ третьихъ: въ чемъ заключается особенность латышскаго поэтическаго генія.

Что латышская пѣсня была въ большомъ уваженіи еще въ глубокой древности, объ этомъ одинаково свидѣтельствуютъ — древнее народное преданіе и сохранившіяся доселѣ въ устахъ народа пѣсни. Основываясь на этихъ двухъ данныхъ, можно подумать, что вся жизнь древняго латыша была одною безпрерывною пѣснею. Тогда все начиналось и сопровождалось пѣніемъ. Пѣли молодые, пѣли старые; пѣли въ будни и праздники; пѣли за работою и во время отдыха. И пѣсня эта была такъ обширна, что обнимала весь міръ латыша. Не было ни одного предмета въ латышскомъ хозяйственномъ быту, даже въ кругу отвлеченныхъ понятій древняго латыша, который бы не былъ обставленъ поэтическими образами. Такъ, земля, море, озеро, рѣка, дождь, снѣгъ, туманъ, вѣтеръ, гора; деревья: дубъ, липа, сосна, черемуха и проч.; травы, цвѣты, ягоды, домашнія растенія, какъ то: папоротникъ, метелка, земляника, брусника, рожь, ячмень, ленъ, капуста, картофель и т. д.; предметы изъ царства животнаго: рыбы, насѣкомыя, лѣсныя и домашнія птицы, лѣсные звѣри, рыбы и домашнія животныя: плотица, щука, пчела, муравей, соловей, куропатка, лебедь, кукушка, пѣтухъ, курица, медвѣдь, волкъ, лось, бѣлка, куница, конь, корова, овца, коза, свинья, собака, кошка и т. дал.; самъ человѣкъ: его рожденье, младенчество, молодость, возмужалость, старость и смерть;

его родственныя отношенія: отецъ, мать, сынъ, дочь, братъ, сестра, мачиха, невѣстка, деверь и проч.; его общественное положеніе: царь, бояринъ, господинъ, староста, крестьянинъ, работникъ, хозяинъ и т. дал.; его занятія: посѣвъ, жатва, молотьба, пряденье, вышиванье, молотье, рубашка, сапоги, кафтанъ, столъ, стулъ, изба и т. под.; небо, небесныя свѣтила: солнце, луна, звѣзды, вечерняя и утренняя звѣзды; міръ сверхчувственный, предметы миѳологическіе: богъ, божьи сыновья, богиня счастія (лайме), богиня несчастія (нелайме), богиня — мать лѣсовъ (межа-мате), богиня — мать мертвецовъ (велю-мате), дочери солнца, и т. дал.; — всѣ эти предметы, и безконечно многіе имъ подобные, служили для древняго латыша, или, лучше сказать, латышки (потому что почти всѣ пѣсни происходятъ отъ ея лица) неисчерпаемою темою для поэтическаго вдохновенія и воспроизведенія народной пѣсни. Со всѣми этими предметами древняя латышка ведетъ свою задушевную бесѣду; она смѣется, плачетъ съ ними, сѣтуетъ о своемъ завѣтномъ горѣ, проситъ у нихъ совѣта, помощи, добивается у нихъ будущаго. И приведенные предметы ни мало не отказываются принять участіе въ ея задушевной бесѣдѣ. Такъ, кукушка кукуетъ — сколько лѣтъ жить латышкѣ, а полетомъ своимъ знаменуетъ — куда увезетъ ее суженый; синица приноситъ печальную вѣсть о томъ, что „милый братъ“ ея пойдетъ на войну; конь погибшаго на войнѣ всадника приноситъ молодой женѣ, плачущей и вопрошающей у него — „куда дѣвался всадникъ?“, — такой отвѣтъ:

Тамъ остался всадникъ,
Гдѣ лежатъ мужи, какъ дубы, —
Гдѣ изъ сабель складываютъ костры,
Изъ шапокъ мечутъ стоги . . .
Не прошло и часу времени,
Двѣ рѣки потекли кровью,
Двѣ рѣки потекли кровью,
А третья горькими слезами! . . .“

Солнышко, на спросъ пастушки:
Гдѣ медлило, что рано не взошло?
Даетъ дружескій отвѣтъ:
Я медлило за горою, согрѣвая сироту.
И такъ далѣе.

Но когда же, поневолѣ рождается здѣсь вопросъ, было у латышей это счастливое время поэзіи? Судя потому, что большая часть сохранившихся доселѣ въ устахъ народа пѣсенъ и другихъ памятниковъ народной словесности носитъ на себѣ отпечатокъ понятій языческихъ, можно почти съ совершенною увѣренностью допустить, что это время, главнѣйшимъ образомъ, относится къ той отдаленной, доисторической эпохѣ латышской жизни, когда латышская земля была еще совершенно свободна отъ нашествія иноземныхъ завоевателей. Тогда, станемъ снова продолжать нашу мысль словами древняго народнаго преданія, латыши жили счастливѣе, чѣмъ нынѣ. Тогда все казалось полнымъ жизни и счастія: и небо было яснѣе, и солнце теплѣе, и воздухъ казался благораствореннѣе; земля отличалась боль-

нимъ плодородіемъ, жатвы были изобильнѣе; процвѣтали промыслы пчеловодства, скотоводства и т. под.; вся чистая, дѣвственная природа, въ безконечномъ разнообразіи своихъ предметовъ, казалось, простерла тогда къ людямъ свои мирныя и полныя любви объятія. Самъ богъ, въ образѣ древняго старца, ходилъ по землѣ, освящая ее прикосновеніемъ своихъ божественныхъ стопъ; сама богиня счастія (лайме) обитала между людьми, распредѣляя между ними свои дары счастія. Тогда для латышей, въ маломъ образѣ, былъ свой золотой, идиллическій вѣкъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ на латышскую землю спустилось завоеваніе пришельцами, употребленіе латышской пѣсни, равно какъ и всѣхъ другихъ поэтическихъ памятниковъ, стало уменьшаться Это уменьшеніе всегда шло паралдельно съ умноженіемъ, въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, для латышей сдавливающихъ тяжелыхъ историческихъ обстоятельствъ. И можно положительно сказать, что въ настоящее время едва ли одна тысячная доля сохранилась изъ того, чѣмъ такъ необъемлемо богата была поэтическая старина латышей. Теперь есть мѣстности, гдѣ совершенно погибла латышская пѣсня и другіе памятники. Нынѣ вообще большая рѣдкость услышать пѣніе древнихъ латышскихъ пѣсенъ — на крестинахъ, свадьбахъ, во время праздниковъ Рождества, Иванова дня (24 іюня), во время производства и по окончаніи деревенскихъ работъ.

Если же и живетъ еще нынѣ латышская прародительская пѣсня и несовсѣмъ еще потеряла свое прежнее уваженіе и почетъ, то это у тѣхъ истыхъ латышей, у которыхъ жизнь сохранила еще часть своей первобытной простоты. Здѣсь бываютъ случаи, когда еще какъ бы очутишься среди древней поэтической жизни латыша: тихо и счастливо повѣетъ тогда на душу идиллическою стариною; тутъ услышишь, какъ иногда въ длинные зимніе вечера старухи, разсѣвшись полукругомъ съ своими прялками около слабо мерцающей лучины, для сокращенія времени, начнутъ разсказывать сказки, загадывать загадки, распѣвать хоромъ пѣсни своей старины. Здѣсь подчасъ еще встрѣтишь, хоть въ маломъ видѣ, то беззавѣтное веселье, то безъискуственное, но радушное угощеніе земледѣльца, чѣмъ такъ славился въ старину всякій латышскій домъ — при отправленіи всякаго рода домашнихъ празднествъ, свадебъ, крестинъ, и т. под. Тутъ каждый живетъ своею полною жизнію: желающій пѣть — поетъ, желающій плясать — пляшетъ, желающій выпить — пьетъ вдоволь; всѣмъ просторъ и полная свобода; но при этомъ почти вовсе неизвѣстны пороки опиванья, безчинія, ссоръ и т. под. безпорядочныхъ явленій. Здѣсь только иногда можно быть счастливымъ свидѣтелемъ, какъ молодыя дѣвушки, возвращаясь вечеромъ съ поля работы, стройно запоютъ хоромъ прародительскую пѣсню, пѣсню, отъ которой поневолѣ заговоритъ въ душѣ, а мысль унесется въ далекую даль латышской старины ...

Разсматривая второй вопросъ, т. е., есть ли между латышскими народными пѣснями — пѣсни историческія, должно дать, говоря вообще, отвѣтъ отрицательный. Выше было замѣчено, что самый

цвѣтущій періодъ латышской поэзіи несомнѣнно относится ко временамъ язычества. Но тогда латыши жили совершенно патріархальною жизнію; отношенія этой жизни не выходили изъ круга домашнихъ требованій и обязанностей. Понятно, что и всѣ предметы, которыхъ въ это время касалось латышское поэтическое чувство, не выходили изъ предѣловъ этого патріархальнаго, домашняго быта. Въ эту эпоху латышской жизни могъ развиться только одинъ родъ поэзіи — родъ поэзіи лирической, какъ плодъ непосредственнаго созерцанія природы и выраженія чувства, возбужденнаго и поэтически настроеннаго предметами этой юной, дѣвственной природы. Тѣ изъ немногихъ пѣсенъ, которымъ, болѣе или менѣе, соотвѣтствуетъ характеръ историческій, относятся лишь къ тому общественному явленію жизни, что древніе латыши выдавали своихъ дочерей за русскихъ, литовцевъ, пруссовъ и поляковъ, и обратно — сами женились на ихъ дочеряхъ. Кромѣ того, земли этихъ народовъ служили для латышей мѣстомъ убѣжища отъ нѣмецкихъ преслѣдованій на родинѣ...

Далѣе этого предѣла латышская историческая пѣсня не развивалась и впослѣдствіи. Но тутъ уже другая причина. Странно было бы утверждать, что древніе латыши не обладали способностью къ самостоятельному развитію въ одно политическое цѣлое. Походъ въ страну латышей великаго князя Владиміра въ концѣ X вѣка, первоначальный простой фактъ прибытія и поселенія нѣмецкихъ купцовъ у устья Западной Двины въ XII столѣтіи, частыя столкновенія съ литовцами суть тѣ историческія явленія, которыя, при благопріятномъ исходѣ, могли бы дать рѣшительный толчокъ къ пробужденію въ древнихъ латышахъ перваго объединяющаго политическаго сознанія. Но въ то время, когда едва упало на ихъ патріархальную почву это сѣмя новой исторической жизни, скромные нѣмецкіе купцы превратились въ страшныхъ завоевателей ихъ земли и свободы. Не обладая искуственными средствами защиты, латыши не могли бороться съ этими опытными и искусными въ военномъ дѣлѣ рыцарями; время отъ времени, они все болѣе и болѣе подпадали подъ нѣмецкую власть; все самобытное и благородное въ ихъ душѣ должно было постепенно стынуть и глохнуть; назначеніемъ ихъ жизни стало отселѣ одно — исполнять велѣнія своихъ суровыхъ господъ, ходить для нихъ на войну, строить ими замки, воздвигать города, и т. д. А отсюда ясно, что при такомъ печальномъ исходѣ дѣла не оставалось у древнихъ латышей ничего такого, что могло бы побудить ихъ къ сохраненію въ своей памяти и къ преемственной передачѣ своимъ потомкамъ историческихъ событій. Да и какимъ утѣшеніемъ и радостью могли отзываться эти событія вѣчнаго страданія въ ихъ истомленной душѣ?.. Нѣтъ! То, что они видѣли вокругъ себя, что постоянно испытывали на себѣ, то имъ во-сто-кратъ легче было забыть и совсѣмъ изгладить изъ своей памяти!...

Разбирая послѣдній — третій вопросъ объ отличительныхъ свойствахъ латышскаго поэтическаго генія, мы должны сказать, что геній этотъ чрезвычайно оригиналенъ и самобытенъ. Творя свою пѣсню, онъ не любитъ долго останавливаться надъ однимъ опредѣ-

леннымъ предметомъ, чтобы въ строгой логической связи обставить его цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ мыслей; онъ, такъ сказать, только касается своимъ поэтическихъ дыханіемъ; онъ, на подобіе пчелы, скользитъ только на его поверхности и улетаетъ тотчасъ, какъ скоро сообщена ему частица его божественной жизни. Оттого-то всѣ латышскія народныя пѣсни состоятъ почти исключительно изъ четырехстишій (т. е. изъ четырехъ стиховъ). Но да не подумаютъ, что латышскія пѣсни, состоящія, по преимуществу, какъ сказано, изъ четырехстишій, составляютъ не болѣе, какъ хаосъ поэтическаго элемента, что латышскій поэтическій геній своею быстро-преходящею лирою хотѣлъ не болѣе, какъ поддразнить поэтически настроенное чувство латыша. Такъ думать было бы весьма ошибочно, да это, наконецъ, противорѣчило бы самой природѣ творящаго генія вообще, который не можетъ не творить полно и развивать своей мысли до конца. Въ хаотическихъ, повидимому, произведеніяхъ латышскаго поэтическаго генія всегда есть своя послѣдовательность и своя логика. Пусть не думаютъ, что латышъ, запѣвъ о дубѣ, составивъ объ немъ одно четырехстишіе, замолкнетъ или немедленно обратится къ другимъ противоположнымъ дубу предметамъ, къ ястребу, зайцу, ржи, человѣку, солнцу и т. дал., улетитъ въ безконечность безсвязія и разнообразія предметовъ. Нѣтъ! Латышъ запѣлъ о дубѣ, и онъ будетъ пѣть о немъ долго, продолжительно. Кончилъ онъ одно четырехстишіе о томъ, что „у ясеня есть жена, а у дуба только нѣтъ", и оттого „дубъ наклоняется ко всѣмъ дуговымъ окраинамъ" — является второе четырехстишіе, гдѣ описывается пышный ростъ дуба, встрѣчающаго, впрочемъ, на этомъ пути себѣ соперницу въ липѣ, „которая прельщаетъ дубъ". За вторымъ четырехстишіемъ третье, въ которомъ восхваляется способность дуба пышно рости даже „въ топкомъ мѣстѣ", такъ что „сама пчелка бросаетъ перекладину къ развѣсистому дубу". Въ четвертомъ четырехстишіи слышится замѣчаніе дубу за то, „зачѣмъ онъ ростетъ въ долинѣ„? Ибо „свиньи, спящія въ долинѣ, обнажаютъ его корень, а дѣвицы, стоящія на горѣ, ломаютъ его вѣтви". Конечно это четырехстишіе, вдохновенное воображеніе народа рождаетъ новое, пятое четырехстишіе, въ которомъ исчисляются еще причины — почему дубу нельзя рости въ долинѣ: ибо „черезъ него будутъ перелетать пчелы, мимо будутъ проходить пчеловоды". И такъ далѣе . . . Какъ свѣтлыя капли утренней росы, отражающія въ себѣ восходящее солнце, падаютъ съ языка поющаго народа все пѣсни и пѣсни . . . вотъ онѣ льются быстрымъ потокомъ, ширятся въ цѣлое море, разрастаются въ одно величественную картину поэтическихъ образовъ о дубѣ. И эта картина есть она живая мысль, одна широкая идея, поэтически сотканная въ одно цѣлое изъ безконечнаго множества разнообразныхъ внутренно съ нею связанныхъ и ей подчиненныхъ мыслей. — Совершенно такому же порядку слѣдуетъ развитіе пѣсни и обо всѣхъ другихъ предметахъ. Думаемъ, что отсюда ясна для всякаго та мысль, что латышскій поэтическій геній отнюдь не обидѣлъ древняго латыша

отсутствіемъ у него своебразнаго единства, послѣдовательности и наконецъ, логики въ его поэтическихъ произведеніяхъ.

Для обращика, приводимъ изъ 4-го отдѣла книги Спрогиса слѣдующія пѣсни:

Крѣвс, Крѣву земе.

1.

Крустѣм калта Крѣву земе,
Ші кунгѣм ізваргота;
Цаур крустѣм сауле леца,
Цаур варгѣм норѣтея.

2.

Крѣвам деву сав‘ масіню,
Пате сев ньему Лейша мейту;
Гай Крѣвос, гай Лейшос,
Вісур ман зноті, — раді.

Лейши.

1.

Пут, баліпь, вара струмпі
Аугста кална галіня:
Лай пак серсті тас масіняс,
Кас Лейшос погаюшас.

2.

Эс грібею Лейшу земі
Зіл‘ угуні дедзінат;
Тікай вѣн ѣгадаю,
Маса Лейшу робежа.

3.

Лейши, Лейши—ман‘ баліньі.
Гарам ману сету яя;
Мужам Лейши палѣкат,
Я ѣкша не накат!

Русскій, Русская земля.

1.

Изъ крестовъ скована Русская земля,
А эта *) обезсилена господами;
Чрезъ кресты восходитъ солнце;
А чрезъ господъ заходитъ.

2.

Русскому я даю свою сестрицу,
А самъ себѣ беру Литвинку;
Хожу къ Русскимъ, хожу я къ Литовцамъ,
Вездѣ мнѣ зятья, — родня.

Литовцы.

1.

Труби, братецъ, въ мѣдную трубу
На верху высокой горы:
Пусть приходятъ въ гости тѣ сестрицы,
Которыя ушли въ Литву.

2.

Я хотѣлъ выжечь Литву
Зеленымъ огнемъ;
Но вспомнилъ,
Что сестрица въ границахъ Литвы

3.

Литовцы, Литовцы—мои братья,
Они проѣзжаютъ мимо моего дома:
На вѣкъ останетесь Литовцами,
Если не зайдете въ мой домъ!

---

*) т. е. земля Латышей.

Прущи.

Данцу,ману кумелінь,
Уз тѣм Прушѣм робежѣм;
Ізданцойс правед ман
Вѣну Прушу дзелтаніті!

Ваџзеце.

1.

Ше невайд таду коку,
Каді кокі Вацземе;
Вірз акменя берзиньш ауга,
Зелта пога галіня.

2.

Эс апкалу ванадзіню,
Айзсутію Вацземе,
Вацземнѣкі бриноас,
Видземс путті брункс нес.

Рига.

1.

Рига, Рига! скайста, скайста!
Кас то скайсту даріная?
Відземнѣку сура вара,
Пакавоті кумеліні.

2.

Сен дзірдею, ну редзею
Рига залю озолінь:
Вара сакне, зелта зарі
Судрабіня лапіням.

3.

Сен то Ригу даудзінаяя,
Ну то Ригу ѣраудзію:
Вісапкарт смілкшу калні,
Пате Рига удені.

4.

Трис рейз Ригу аптецею,
Смілгам шуті забеціні;
Грібе мані Ригас мейтас,
Пар кундзіню патурет.

Пруссаки.

Бѣги, приплясывая, мой конь,
Къ прусской границѣ;
Наплясавшись, приведи для меня
Прусскую красавицу!

Нѣмечина.

1.

Здѣсь нѣтъ такихъ деревьевъ,
Какія деревья въ Нѣметчинѣ:
На камнѣ ростетъ береза,
На ея макушкѣ золотая почка.

2.

Я заковалъ сокола,
Послалъ его въ Нѣметчину:
Удивляются Нѣмцы, что
Лифляндскія птицы носятъ кольчугу.

Рига.

1.

Рига, Рига! красива, красива она,
Но кто ее сдѣлалъ красивою?
Тяжелая неволя Лифляндцевъ,
Ихъ подкованные кони.

2.

Давно я слышала, нынѣ увидѣла
Въ Ригѣ зеленый дубъ:
У него мѣдный корень, золотые сучки,
Серебряные листики.

3.

Давно славили Ригу,
Нынѣ я увидѣлъ Ригу:
Вездѣ кругомъ песчаныя горы,
А сама Рига тонетъ въ водѣ.

4.

Три раза кругомъ я обѣжалъ Ригу
Въ сапогахъ, шитыхъ травою-метелкою;
Рижскія дѣвицы хотѣли удержать меня,
Чтобъ я остался у нихъ господиномъ.

5.

Велц, сауліте, балту креклу,
Мет мелно юріня:
Лай велея Ригас мейтас
Судрабіня валітем!

6

Лѣлі целы, мазі целы,
Віс' уз Ригу айстецея;
Лѣлі пуйші, мазі пуйші,
Віс' уз мейтам каяс ава.

7.

Талу, талу вецайс тевс
Айс Даугавас дуценея;
Саньемѣ, Ригас мейтас,
Савус балтус паладзінюс!

8.

Эс тев лудзу, ваверит,
Ауд ман пукью паладзінь;
Трис гадіны тауту делс
Рига дулгу калдіная.

9

Агрі дзѣд Ригас гайльи,
Агрі седу лайвіня,
Лай паліка Ригас мейтас,
Апгулутас, вепацелтас.

5.

Надѣвай, солнышко, бѣлую рубашку,
Бросай грязную въ море:
Пусть полощутъ ее рижскія дѣвицы
Колотя серебряными вальками.

6.

Большія дороги, малыя дороги,
Всѣ стекаются къ Ригѣ;
Взрослые молодцы, малолѣтніе,
Всѣ готовятъ ноги на дѣвицъ.

7.

Далеко, далеко за Двиною
Потихоньку гремитъ дѣдушка *);
Уберите (съ поля), рижскія дѣвицы,
Свои бѣлыя простыни!

8.

Я прошу тебя, бѣлочка,
Сотки для меня цвѣтистое покрывало;
Три года суженый
Куетъ для меня кровать въ Ригѣ.

9.

Рано запѣли рижскіе пѣтухи,
Рано я сѣлъ въ лодочку,
Чтобъ остались рижскія дѣвицы,
Какъ заснули, безъ пробужденія.

*) Громъ.

ГЕНРИХА ЛАТЫШСКАГО

ЛИВОНСКАЯ ХРОНИКА,

ВѢРНЫЙ РАЗСКАЗЪ

о томъ, какъ христіанство и нѣмецкое господство проложили себѣ путь въ земли ливовъ, латышей и эстовъ.

ПО РУКОПИСЯМЪ,

съ исправленіями поврежденныхъ текстовъ, съ латинскаго на нѣмецкій языкъ перевелъ и объяснилъ

ЭДУАРДЪ ПАБСТЪ.

Книга издана Пабстомъ въ Ревелѣ 10 июня 1867 года
къ празднованію 25-ти лѣтія существованія Эстляндскаго Литературнаго Общества,
и посвящена переводчикомъ Эстляндскому дворянству.

Предисловіе Пабста къ его переводу Ливонской хроники.

Ободренный успѣхомъ, который снискалъ себѣ въ Россіи и за границей мой переводъ Лифляндсвой хроники Рюссова, я посвятилъ многіе часы своего досуга гораздо труднѣйшему дѣлу: обяснить на нѣмецкомъ языкѣ для друзей нашей древней исторіи въ своемъ родѣ столь превосходный и столь важный трудъ Генриха Латышскаго, писанный на латинскомъ языкѣ. Правда, Груберъ еще въ 1740 г. издалъ большую часть этихъ Origines Livoniæ съ латинскими комментаріями; 120 лѣтъ тому назадъ Арндтъ составилъ переводъ труда Грубера, пополнивъ при этомъ пробѣлъ текстовъ, а въ 1853 г. Ганзенъ снова не только присоединилъ къ отпечатанному тексту лучшій переводъ, но старался также пояснить латинскія комментаріи примѣчаніями и дополненіями на нѣмецкомъ иѣыкѣ, такъ какъ Аридтъ мало объяснялъ подлинникъ нѣмецкими примѣчаніями. Эти обстоятельства однако не удержали меня приняться снова за обработку хроники, такъ какъ я, не смотря на высокое уваженіе къ доброй волѣ, къ способностямъ и заслугамъ названныхъ, ученыхъ, не могъ не замѣтить, что мы нуждаемся въ трудѣ, совершенно инаго рода по содержанію и формѣ, туудѣ, приспособленномъ къ настоящему состоянію научныхъ изысканій и вмѣстѣ съ тѣмъ къ желаніямъ болѣе обширнаго круга читателей. Что труды прошлаго столѣтія не удовлетворительны, это сознавалъ уже Ганзенъ: но могъ ли я отваживатьса превзойти Ганзена? Не ошибался ли я, полагая, что филологической и дипломатической точности, составляющей необходимое условіе историческаго изслѣдованія и пріобрѣтающей все болѣе и болѣе значенія, придется еще многое открыть въ лѣтописи, древность которой восходитъ за 640 лѣтъ до нашего времени? Слѣдуетъ-ли отрицать, что въ переводѣ не только нужно, но и возможно

съ точностію держаться словъ и выраженій, цѣлаго образа представленій и тона разскащика? Кромѣ того не прибавились-ли и не разработаны ли въ значительномъ количествѣ вспомогательныя средства изъ древняго времени, столь необходимыя и полезныя для основательнаго пониманія лѣтописи? По этому-то вмѣсто комментаріевъ. которыя въ изданіи Ганзена, гдѣ груберовскія примѣчанія переданы только по латынѣ и обыкновенному чутателю недоступны, можно и должно номѣстить болѣе содержательныя, болѣе обширныя объясненія, а также слѣдуетъ наконецъ достигнуть болѣе удобнаго перечня разсказовъ посредствомъ тщательно и умѣстно составленныхъ заголовковъ. Вѣрно ли я видѣлъ существующіе до сихъ поръ недостатки, устранилъ ли я ихъ и выполнилъ ли строгія требованія, каторыя я при этомъ себѣ задалъ, рѣшить это я со спокойной совѣстью предоставляю тѣмъ, кто для такаго приговора имѣетъ знаніе и право.

Главная заслуга Ганзена состоитъ въ томъ, что ему удалось наконецъ открыть лѣтосчисленіе нашего лѣтописца, за тѣмъ другимъ остается лишь созидать далѣе на заложенномъ имъ хронологическомъ фундаментѣ. За исключеніемъ этого едва ли мой трудъ обязанъ чѣмъ вышеупомянутымъ моимъ предшественникамъ: ихъ переводы не служили мнѣ образцами, а въ комментаріяхъ ихъ находится отчасти многое, что въ наше время считается лишнимъ ученымъ балластомъ, отчасти въ нихъ заключаются устарѣлыя или не совсѣмъ вѣрныя воззрѣнія, между тѣмъ какъ напрасно искать въ нихъ нѣкоторымъ весьма необходимымъ объясненій. Также мало можно извлечь и изъ другихъ новѣйшихъ сочиненій, трактующихъ о хроникѣ Генриха или отдѣльныхъ ея частяхъ, не исключая и моихъ прежнихъ попытокъ; изъ этихъ сочиненій лишь немногимъ удалось ускользнуть моего вниманія и изслѣдованія. Исключеніемъ изъ общей неудовлетворительности служитъ только трудъ г-на Боннеля, который многое поднялъ изъ мрака русскихъ лѣтописей. Въ прочихъ сочиненіяхъ встрѣчается только изрѣдка что либо новое или основательное; справедливыя, заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія можно себѣ уяснить и безъ этихъ сочиненій, такъ какъ при поверхностномъ даже изслѣдованіи правда является намъ какъ на ладони; но за то эти сочиненія богаты совершенно невѣроятными и невѣрными сообщеніями. Въ большей части этихъ сочиненій повторяется только то, что уже значится въ предыдущемъ; именно комментаріи Грубера послужили богатымъ источникомъ вымысла, нѣкоторые даже осмѣливались приписывать слова Грубера самому лѣтописцу.

Только въ новѣйшее время постепенно дознано какъ безконечно еще много труда предстоитъ на этомъ, какъ и на общемъ, поприщѣ лифляндскихъ историческихъ изслѣдованій. Мнѣ кажется не умѣстнымъ предостереженіе отъ слишкомъ скорыхъ сужденій въ этомъ періодѣ перехода и стремленій къ лучшему. Безспорно, что только строгая, но осторожная и свободная отъ предубѣжденій, критика въ состояніи привести къ желанной цѣли, предположивъ, что мы будемъ снабжены достаточнымъ количествомъ матеріала и самаго тщательнаго прилежанія.

Есть нѣкоторыя вещи, которыхъ лѣтописецъ не имѣлъ повода объяснять точнѣе своимъ потомкамъ, или утаилъ ихъ отъ своихъ современниковъ умышленно или неумышленно; эти обстоятельства могутъ быть освѣщены болѣе яркимъ свѣтомъ чрезъ тщательное изслѣдованіе его сочиненія, чрезъ разумныя сравненія и комбинаціи съ помощью грамотъ и другихъ документовъ; но очень многое, что намъ кажется загадочнымъ, можетъ остаться такимъ навсегда, и въ такомъ случаѣ изслѣдователю прилично не выдавать своихъ предположеній за истину, но скорѣе откровенно признаться въ своей жаждѣ знанія и плохой надеждѣ удовлетворить ее. Пусть же не удивляется никто, если я при многихъ новыхъ свѣдѣніяхъ, которыя осмѣлился выдавать за достойныя вѣры (онѣ часто были краткими результатами долгихъ изслѣдованій), ставлю оговорки «можетъ быть», «но,» и ставлю порядочное количество вопросительныхъ знаковъ. И если мнѣ иногда удалось проложить новый путь или проторить новую дорожку сквозь тернистый кустарникъ на топографическомъ поприщѣ нашего лѣтописца, которое сихъ поръ находилось почти въ жалкомъ, необработанномъ состояніи и небреженіи, то и здѣсь я дѣйствовалъ съ величайшею осторожностью, дабы съ лѣсной тропинки не попасть въ болото.

Авторомъ хроники, о которомъ можно узнать что либо опредѣленное единственно изъ самаго сочиненія, и я считаю священника Генриха, въ латышской національности котораго я всегда однако сильно сомнѣвался, такъ какъ уже изъ одного того ясно, что «Henricus de Lettis» въ 16,3, никакъ не можетъ значить «Генрихъ Латышъ». Мѣста хроники, въ которыхъ можно узнать что либо о личности автора, всѣ обозначены въ моихъ примѣчаніяхъ. Вообще, что касается этого вопроса можно согласиться съ тѣмъ, что недавно изложено о хроникѣ Генриха въ сочиненіи доктора Гильдебранда, значительно способствоавшаго лучшему пониманію лѣтописи. Къ моему удовольствію, онъ нерѣдко достигаетъ цѣли, у которой мы съ

нимъ сходимся, и только иногда кажется мнѣ, что его критическій взглядъ не съ должной осторожностью избираетъ путь, по которому я не согласенъ слѣдовать за нимъ. Кромѣ того остается пожалѣть, что онъ только неудовлетворительнымъ образомъ имѣлъ возможность воспользоваться превосходнымъ вспомогательнымъ источникомъ при изслѣдованіи нашей лѣтописи.

Для дальнѣйшаго доказательства въ несомнѣнной справедливости моего мнѣнія, что книга моя не будетъ лишнею, слѣдуетъ принять во вниманіе одно важное обстоятельство, которое уже само по себѣ могло побудить и принудить къ предпринятію новаго труда. Я могъ и долженъ былъ оставить латинскій текстъ лѣтописи, переданный Груберомъ большею частію по гановерской рукописи (впослѣдствіи онъ самъ, Арндтъ и Ганзенъ незначительно измѣнили его частію по рукописямъ, частію по догадкамъ); оставленъ же мною этотъ текстъ потому, что представился лучшій.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отыскалъ я въ Ревелѣ двѣ рукописи хроники, во многомъ разнствующія отъ обыкновеннаго текста ея, и на основаніи ихъ давно бы мой трудъ появился въ свѣтъ, еслибы я могъ достовѣрно узнать: дѣйствительно ли неподдѣльны уклоненія въ этихъ вовсе не древнихъ рукописяхъ, или же эти уклоненія составляютъ только сокращенія и измѣненія первоначальнаго текста, сдѣланныя кое гдѣ переписчиками, такъ какъ мнѣ также были извѣстны просто выписки изъ лѣтописи. Еще старикъ Арндтъ могъ бы въ этомъ дѣлѣ принести много пользы, тѣмъ болѣе, что кромѣ одной изъ ревельскихъ рукописей къ его услугамъ были еще и другія, потому онъ могъ бы отдалиться отъ груберовскаго текста; но онъ не придавалъ вѣсу такимъ бездѣлицамъ, такъ какъ, по его словамъ, онъ не издавалъ opera Ciceronis. Кажется почти непонятнымъ, какъ и Ганзенъ мало извлекъ пользы изъ рукописей. Даже когда я переслалъ ему въ помощь для его изданія одну изъ ревельскихъ рукописей, случилась удивительная вещь: онъ объявилъ рукопись «вполнѣ пустой», а напротивъ указывалъ на другую, изъ которой у него были только скудные отрывки, какъ на достойную вниманія; — въ сущности же та первая можетъ быть только копія второй и заключаетъ въ себѣ тѣже достойныя вниманія вещи!

Наконецъ мои сомнѣнія на счетъ ревельскаго текста разсѣялись и моя медлительность была вознаграждена, когда ландратъ баронъ Робертъ Толль, ревностныя стремленія котораго къ основательному из-

ученію нашего прошлаго не нуждаются въ моей похвалѣ, привезъ изъ Варшавы въ Ревель писанную на пергаментѣ около 1300 года рукопись графа Замойскаго; она была предоставлена мнѣ на достаточное время для помощи при моемъ трудѣ, который я, благодаря Бога, долженъ былъ теперь начать съизнова. Потому что скоро оказалось, что бывшій до сихъ поръ въ употребленіи текстъ полонъ вставокъ и даже ревельскій заслуживаетъ предпочтенія ему. Мнѣ естественно нечего было долѣе колебаться положить въ основаніе своего труда варшавскую рукопись, варіанты которой напечаталъ профессоръ Ширренъ, я даже въ надлежащемъ мѣстѣ (въ примѣчаніяхъ) присоединилъ рубрики или указатели содержанія, хотя они едва ли принадлежатъ самому лѣтописцу и часто стоятъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ; для употребленія какъ заглавія они ни въ какомъ случаѣ не годятся.

Къ сожалѣнію рукопись доходитъ только до 23,8 и еще прежде въ ней встрѣчаются пробѣлы. Для пополненія недостающаго я задумалъ воспользоваться рукописью ревельской гимназіи; рукопись эстляндской библіотеки въ Ревелѣ вѣроятно только копія съ ней. Сомнительно при этомъ было то, что въ первой, начиная отъ 24,5 (съ этого мѣста начинается другая рука), текстъ снова начинаетъ близко походить на груберовскій. Но случилось такъ, что, при обязательномъ посредствѣ доктора Беркгольца, я получилъ рукопись изъ Риги, которая хотя и не слишкомъ древняя, но весьма сходна по слогу съ варшавскою и съ того мѣста, на которомъ прерывается послѣдняя, продолжается совершенно въ томъ же тонѣ и писана довольно достовѣрнымъ текстомъ, исключая нѣкоторыхъ ошибокъ переписчика. Потому вездѣ, гдѣ чего либо недоставало въ варшавскомъ документѣ, я не задумываясь держался преимущественно этой рижской рукописи, которая прежде принадлежала пастору Скодейскому, а теперь составляетъ собственность рижской городской библіотеки, и которая была уже въ рукахъ у Арндта; но онъ ее только одинъ разъ поверхностно разсматривалъ. Само собою разумѣется, что здѣсь требовалось болѣе осторожности, нежели при варшавской рукописи, и потому было обращено тщательное вниманіе какъ на ревельскую рукопись, такъ и на многія выписки изъ лѣтописи, одна изъ которыхъ находится во владѣніи ландрата Толля. И такъ я надѣюсь, что такимъ образомъ мною избрано настоящее средство для приданія всей лѣтописи достовѣрнаго текста и что мною не безъ успѣха, хотя и съ трудностями, обработано поле, на которомъ расло столько сорной травы. Конечно придется кое-что измѣнить въ будущее время.

Тамъ гдѣ какое либо мѣсто въ текстѣ кажется мнѣ испорченнымъ, я это вездѣ обозначилъ; но изъ множества различныхъ способовъ чтенія (чтобы всякій могъ легко сравнить мой текстъ съ отброшеннымъ), я не привелъ только тѣхъ, которые во всякомъ случаѣ не имѣютъ никакой важности.

Раздѣленіе, употребляемое со временъ Грубера, на главы и параграфы сохранено, хотя иногда было бы умѣстно употребить лучшее, которое можно угадать по заглавіямъ; заглавія же вмѣстѣ со всѣмъ что находится надъ текстомъ разсказа, подъ нимъ и возлѣ него, принадлежатъ мнѣ, и я полагаю, что расположеніе этихъ прибавленій будетъ одобрено. Мои хронологическія числа современнаго лѣточисленія; лѣтописецъ же начинаетъ свой христіанскій годъ съ 25-го марта; числа въ скобкахъ по краямъ основаны на чужихъ свидѣтельствахъ. Что касается до многочисленныхъ ссылокъ на документы и грамоты, то я считалъ цѣлесообразнымъ ограничиться собраніями Бунге и Ширрена; вмѣстѣ съ ними можно было бы назвать еще сочиненія нѣкоторымъ заграничныхъ писателей, но ученый будетъ и такъ знать гдѣ искать достовѣрности показанія, не подтвержденнаго цитатой. Указанія на мѣста въ Библіи, которыя нашъ лѣтописецъ такъ любитъ и употребляетъ иногда такимъ удивительнымъ образомъ, могли бы быть, конечно, приведены еще съ большей подробностью, нежели я ихъ помѣщаю. Для сравненія часто такъ чрезвычайно переиначенныхъ географическихъ именъ послужили другіе документы и въ особенности гратоты до 14-го столѣтія; но для разногласія или согласія въ извѣстіяхъ, я употребилъ всѣ тѣ сочиненія, которыя вообще могутъ служить для этого; тутъ дѣйствовалъ я добросовѣстно, хотя по возможности кратко. Я не намѣренъ былъ составлять истолковательнаго реперторія, по этому вообще у меня найдется мало указаній на ошибочныя толкованія древнѣйшія и новѣйшія, но и не названы въ подробности, за нѣкоторымъ исключеніемъ, тѣ немногіе изслѣдователи, драгоцѣнными трудами которыхъ я воспользовался вполнѣ или отчасти. Желаю, чтобы эту книгу, надъ которой я трудился съ терпѣніемъ и любовью весьма долгое время, не сочли ничтожной какъ представители и любители науки, такъ и въ обширнѣйшемъ кругу молодые и старые читатели, и трудившійся да не услышитъ такаго рѣзкаго приговора:

Въ книгѣ твоей, о другъ мой, новости много и правды,
Только въ ней правда не нова, новое жъ въ ней не правдиво.

ЛИВОНСКАЯ ХРОНИКА

ГЕНРИХА ЛАТЫШСКАГО.

Если Господь соизволитъ явить милосердіе міру,
То онъ, во славу Свою, изобиліе блага шлетъ міру.
Свѣтъ и небесъ благоденствіе ниспосылаетъ Онъ міру,
Ясность даритъ и величіе тверди небесной Онъ міру,
Зло и порокъ истребляетъ и злодѣйства по цѣлому міру,
Всякую скорбь, и грѣхи, и болѣзни изъемлетъ Онъ міру,
Ложныхъ боговъ и язычниковъ жертвы изъемлетъ Онъ міру
Ливовъ землѣ Онъ крещенье даетъ, какъ и цѣлому міру,
Воду святую пошлетъ же, небесный подарокъ, Онъ міру,
Даръ драгоцѣнный, награду небесъ, сему тлѣнному міру.

Господи Боже! Такое свое милосердіе намъ ниспошли Ты,
Новый тотъ свѣтъ, да и благъ изобиліе намъ ниспошли Ты,
Свѣтъ и небесъ благоденствіе ласково намъ ниспошли Ты,
Жажду добра и любви къ благочестію намъ ниспошли Ты,
Ненависть къ злу и къ порокамъ же намъ ниспошли Ты,
Грѣхъ отними и спасеніе намъ ниспошли Ты,
Даръ ненавидѣть злодѣйства, знать доброе намъ ниспошли Ты,
Да Твою славу укажемъ язычникамъ, намъ ниспошли Ты.
Да мы окрестимъ водою святою язычниковъ, намъ ниспошли Ты,
Славу и Слово Твои возвѣстить имъ же, намъ ниспошли Ты,
Да ослабѣютъ всѣ мышцы противниковъ, намъ ниспошли Ты,
Да отъ праха земнаго къ Тебѣ вознесемся мы, намъ ниспошли Ты,
Надъ супостатомъ побѣду и радости намъ ниспошли Ты.

ГЛАВА I.

Мейнгардъ, апостолъ Ливовъ и первый епископъ.

Какъ Мейнгардъ, крестившій и строившій у ливовъ былъ возведенъ въ санъ епископа и какъ ливы его обманули.

§ 1. Божеское Привидѣніе, которые промышляло о Раавѣ и Вавилонѣ[1]), т. е. о заблуждающихся язычникахъ, въ наши новѣйшія времена пламенемъ своей любви слѣдующимъ образомъ пробудило погруженныхъ въ сонъ идолопоклонства и грѣха языческихъ ливовъ[2]).

§ 2. Былъ достопочтенный и посѣдѣвшій въ благочестіи мужъ, по имени Мейнардъ, священникъ ордена святаго Августина въ зигебергской обители[1]). Онъ лишь Христа и только проповѣди ради прибылъ (по видимому предъ 1184 г.) въ землю ливовъ, въ сопровожденіи нѣмецкихъ купцовъ, которые, находясь въ дружбѣ съ ливами, не разъ бывали (съ 1159 г.?) въ ихъ землѣ и на корабляхъ приставали къ устьямъ Двины[2]).

§ 3. Названный священникъ, получивъ позволеніе на проповѣдь христіанства отъ короля плоцекскаго Вольдемара, которому языческіе ливы платили дань, и вмѣстѣ съ тѣмъ подарокъ отъ него, приступилъ усердно къ божескому дѣлу и, проповѣдуя христіанство
§ 4. ливамъ, воздвигъ церковь въ деревнѣ Икесколѣ[1]). Въ этой деревнѣ прежде всѣхъ крестились Ило, отецъ Кулева, и Вицо, отецъ Ало, а за ними послѣдовали и друдіе[2]).

§ 5. Въ слѣдующую зиму (въ началѣ 1185 г.) леттоны литовцы опустошили землю ливовъ и очень многихъ изъ нихъ увели въ

полонъ. Отъ ярости литовцевъ тотъ священникъ спасся тѣмъ, что съ икескольцами скрылся въ лѣсахъ [1]. Когда литовцы удалились, Мейнардъ началъ упрекать ливовъ въ неразуміи, что у нихъ нѣтъ никакихъ укрѣпленій; и обѣщалъ что у нихъ будутъ замки, если они рѣшатся сдѣлаться и пребывать дѣтьми Божьими. Ливы приняли предложеніе и поклялись, что примутъ крещеніе [2].

Потому въ наступившее лѣто (1185 г). прибыли каменьщики § 6.
изъ Готланда [1]. Между тѣмъ ливы снова завѣрили въ искреннемъ своемъ намѣреніи принять христіанскую вѣру и обѣщали, хотя и ложно, что часть народа крестится предъ началомъ постройки искескольскаго замка, а когда замокъ (бургъ) будетъ совсѣмъ готовъ, то крестятся и остальные. Тогда каменщики положили основаніе. Пятая часть замка, воздвигавшаяся на счетъ проповѣдника, составляла его собственность, землю же подъ церковь онъ пріобрѣлъ ранѣе того. Когда наконецъ замокъ былъ готовъ [2], крестившіеся отпали, а некрещенные отказались креститься. Однакоже Мейнардъ не отступилъ отъ своего намѣренія.

Въ это время сосѣдніе язычники, семигалы, услышавъ о постройки изъ камня, и не зная, что камни скрѣпляютъ известью, прибыли съ большими корабельными канатами и хотѣли, по неразумію, замокъ стащить въ Двину. Но они были переранены изъ метательныхъ орудій и отступили, ничего не сдѣлавъ [3].

Подобными же лживыми обѣщаніями обманули Мейнарда § 7.
сосѣдніе жители Гольма [1], и получивъ замокъ хитростію, достигли хорошаго себѣ успѣха. Шестеро изъ нихъ, неизвѣстно съ какою цѣлію, крестились, именно: Вилиндп, Ульденаго, Ваде, Вальдеко, Герведеръ, Вицо.

Въ то время (1186 г.), когда строились вышеназванные § 8.
замки, Мейнардъ былъ бременскимъ архіепископомъ посвященъ въ епископы [1].

Но по окончаніи втораго замка, хитрецы забыли клятвы и § 9.
никто изъ нихъ не принялъ крещенія. Проповѣдникъ скорбѣлъ, конечно, и въ особенности, когда они [1] разграбили его имущечтво, избили кулаками его людей и рѣшились его самого удалить изъ ихъ земли; крестившіеся въ водѣ думали омовеніемъ [2] въ Двинѣ смыть съ себя крещеніе и отослать его въ Германію.

О Дитрихѣ, помощникѣ Мейнгарда.

Епископъ Мейнардъ имѣлъ помощникомъ себѣ въ проповѣды- § 10.
ваніи евангелія Теодориха, брата цистерціенскаго ордена, впослѣдствіи (съ 1211 г.) епископа эстонскаго. Его-то ливы изъ Торейды [1]) вознамѣрились принести въ жертву своимъ богамъ, дабы посѣвы на ихъ поляхъ были плодоноснѣе и нивы ихъ не терпѣли отъ

ливней. Народъ собрался, и чтобы узнать волю боговъ на счетъ жертвоприношенія, бросили жребій: положили копье на землю и повели коня чрезъ него: конь ступилъ, по волѣ Божіей, чрезъ копье ногою, опредѣленною для жизни. Братъ въ это время молился и рукою благословлялъ народъ. Кудесникъ утверждалъ, что христіанскій Богъ сидитъ на хребтѣ коня и направляетъ конскія ноги и что потому надобно обмыть хребетъ коня, чтобы сбросить Бога. Когда это сдѣлали и конь снова ступилъ чрезъ копье ногою жизни, брата Теодориха оставила въ живыхъ [2]).

Тотъ же самый братъ, когда былъ посланъ въ Эстляндію, подвергался смертной опасности отъ язычниковъ во время солнечнаго затмѣнія, бывшаго въ день Іоанна Крестителя (23 іюня 1191 г.), ибо язычники говорили, что онъ пожираетъ солнце.

Въ это время какой-то раненый ливъ изъ Торейды просилъ брата Теодориха объ исцѣленіи, и обѣщалъ креститься, если излѣчится отъ раны. Братъ истолокъ травы, хотя и не зналъ дѣйствія ихъ, но воззвалъ ко Господу Богу и когда крестилъ лива, тотъ получилъ душевное и тѣлесное здравіе. И тотъ ливъ былъ первый принявшій христову вѣру въ Торейдѣ [3]).

Одинъ больной позвалъ брата Теодориха и просилъ у него крещенія, но упорное сопротивленіе женщинъ [4]) воспрепятствовало исполненію этого святаго намѣренія. Но когда болѣзнь усилилась, невѣріе женщинъ поколебалось: больной былъ окрещенъ и порученъ Господу Богу; когда же онъ умеръ, то одинъ новокрещенецъ, находившійся въ семи миляхъ отъ дома больнаго, видѣлъ и узналъ, какъ душу его ангелы возносили на небо.

Какія дальнѣйшія бѣдствія претерпѣвалъ Мейнгардъ.

§ 11 Когда вышеназванный епископъ увѣдилъ упорство ливовъ и тщету своихъ трудовъ, онъ собралъ клериковъ и братьевъ [1]) и отправился къ купеческимъ кораблямъ, которые хотѣли уѣхать на пасху въ Готландъ, съ тѣмъ чтобы оставить край. Хитрые ливы боялисъ и подозрѣвали, чтобы къ нимъ не пришло христіанское войско; потому они со слезами и лицемѣріемъ старались отговорить епископа отъ его намѣренія и говорили подобно тому, который говорилъ св. Мартину [2]), хотя и не съ такимъ намѣреніемъ: «Зачѣмъ, отче, оставляешь насъ? и на кого оставляешь насъ безпомощныхъ? Удаляющійся пастырь подвергаетъ своихъ овецъ опасности отъ пасти волковъ». И всѣ ливы снова обѣщали ему принять крещеніе. Довѣрчивый епископъ повѣрилъ имъ, и по совѣту купцовъ и полученному вмѣстѣ съ тѣмъ завѣренію, что придетъ войско, возвратился къ ливамъ. Нѣкоторые изъ нѣмцевъ, датчанъ, нормановъ и другихъ народовъ обѣщали ему, вслучаѣ нужды, при-

везти войско. По отъѣздѣ купцовъ, гольмскіе ливы привѣтствовали возвращающагося епископа іудинымъ лобзаніемъ, говоря: «Радуйся равви!» и спрашивали почемъ соль или ватмалъ [3]) въ Готландѣ. Отъ глубокой горести онъ не могъ воздержать слезъ. Онъ переправился въ Икесколу и удалился снова въ свой домъ. Онъ назначилъ день для народнаго собранія, чтобы напомнить объ обѣщаніи креститься, но они не явились и обѣщанія не исполнили.

По совѣту своихъ, онъ вознамѣрился отправиться въ Эстляндію, съ тѣмъ чтобы оттуда уѣхать въ Готландъ съ зимовавшими тамъ купцами. Ливы замыслили убить его на дорогѣ. Однако одинъ торейдецъ [4]), Анно, предупредилъ епископа объ опасности и побудилъ его возвратиться домой. Послѣ много численныхъ затрудненій, онъ возвратился въ Икесколу и жилъ тутъ, не имѣя возможности оставить край.

Путешествіе Дитриха къ папѣ, который разрѣшилъ крестовый походъ въ Ливонію. Опустошеніе Вирланда.

Для того, чтобы получить совѣтъ отъ папы, Мейнардъ скрытно послалъ къ папѣ [1]) посломъ брата Теодориха изъ Торейды. § 12.
Когда послѣдній увидѣлъ, что ему нельзя выйти изъ края, онъ прибѣгъ къ благочестивой хитрости, чтобы избавиться отъ преслѣдованія ливовъ. Онъ поѣхалъ верхомъ облаченный въ стулу (церковное облаченіе), съ молитвенникомъ и святою водою, будто для посѣщенія больнаго и тѣмъ объяснялъ спрашивавшимъ причину своей поѣздки. Такимъ образомъ онъ благополучно пробрался чрезъ земли ливовъ [2]) и предсталъ къ святому отцу.

Когда святой отецъ услышалъ о числѣ новокрещенныхъ, то нашелъ, что не только не слѣдуетъ дозволять отпаденій, а нужно сильно удерживать въ вѣрѣ, принятой добровольно, и далъ отпущеніе грѣховъ всякому, кто возложитъ на себя крестъ для возстановленія новоучрежденной церкви [3]).

Въ это время [1]) самъ епископъ съ однимъ шведскимъ герцогомъ [2]), нѣмцами и готами, предпринялъ войну противъ куровъ [3]). § 13.
Но буря отнесла ихъ въ Вирландію [4]), провинцію Эстоніи, гдѣ они пристали и трое сутокъ опустошали землю. Когда Вирландцы начали переговоры о принятіи крещенія, герцогъ собралъ съ нихъ дань, распустилъ паруса и уѣхалъ домой къ досадѣ нѣмцевъ.

Смерть Мейнгарда.

Между тѣмъ блаженной памяти епископъ Мейнардъ, послѣ многочисленныхъ трудовъ и огорченій, слегъ въ постель и по-

чувствоватъ приближеніе смерти, призвалъ къ себѣ старшинъ Ливоніи и Торейды и спросилъ ихъ, желаютъ-ли они, послѣ его смерти, быть безъ епископа. Но они единогласно завѣрили, что съ радостію желали бы имѣть епископа и отца[1]). И нѣкоторое время спустя, епископъ кончилъ свои дни[2]).

Примѣчанія къ главѣ I.

§ 1. 1) Псаломъ 86, 4. Раавъ есть библейское названіе Египтянъ.

2) Въ спискѣ Замойскаго всегда Lyvones. Ливы жили въ юго-западной части нынѣшней Лифляндской губерніи; въ настоящее время они всѣ олатышены; ливы составляли племя родственное съ эстами и финнами; объ ихъ отношеніяхъ къ курамъ смотри § 13.

§ 2. 1) Монастырь Зегебергъ въ Гольштейнѣ; сравн. 6, 3; 9, 6; 10,7; но Зегебергъ не былъ монашескимъ монастыремъ. Мейнгардъ у другихъ называется canonicus, regularis, также sacerdos.

2) По варіанту къ гл 29, 9 бременскіе купцы являлись къ Двинѣ уже въ 1159 или 58 году. Подробности о нѣмецкихъ купцахъ сообщаетъ риѳмованная хроника (краткая замѣтка Кранца), но вѣрны ли эти подробности? Разсказы Ніэнштета, Фабриціуса и Мельхіора Фукса должны быть отвергнуты.

§ 3. 1) Плоцеке, Плосцеке — это Полоцкъ. Полоцкому князю Владиміру, конечно, были подвластны лишь ливы, жившіе по Двинѣ. По видимому, существовали отношенія между Двинскими плавателями и Полоцкомъ; о сношеніяхъ съ Псковомъ см. гл. 11, 7. Соглашеніе съ Владиміромъ и начало проповѣди могли послѣдовать ранѣе 1184 г. Икескола находилась на Двинѣ у нынѣшняго имѣнія Икскуль. Очень можетъ быть, что нынѣ существующая въ Икскулѣ старая каменная церковь въ своихъ главнѣйшихъ частяхъ построена Мейнгардомъ. Но очень можетъ быть, что первоначально выстроенная церковь была деревянная (см. § 6). Кюла по ливски значитъ деревня.

§ 4. 1) Упоминаемый здѣсь Вицо не тотъ Вицо въ Гольмѣ, о которомъ упоминается въ § 7. Сохранившаяся понынѣ каменная купель, быть можетъ, служила при первыхъ крещеніяхъ.

§ 5. 1) Летоны — это литовцы. О времяни этаго набѣга см. гл. 29, 1. Варіантъ: «священникъ Мейнгардъ съ икескольцами сразился съ непріятелемъ, летонами, въ лѣсахъ». Это очень не вѣроятно.

2) Тутъ разумѣются лишь ливы въ Икесколѣ и (§ 7) въ Гольмѣ; другіе ливы имѣли свои замки.

§ 6. 1) Готландъ островъ со значительнымъ торговымъ городомъ Висби, отчасти населеннымъ нѣмцами. Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказано, что прибыли мастеровые (художники) всякаго рода и lapicodæ т. е. каменщики. Но подобные люди развѣ не были нужны при постройкѣ церкви? См. § 3.

2) Сравн. гл. 9. 11 и гл. 13. Трудно допустить, чтобы постройка была кончена въ одинъ годъ. Рифмованная хроника приписываетъ постройку замка купцамъ. Очень можетъ быть, что купцы дали денегъ на постройку.

3) Семигали — это латышское племя въ области Курляндской Аа. Не стояли-ли они на льду рѣки во время своей попытки? Сравни сказаніе объ эзельскихъ разрушителяхъ башенъ. Метательныя орудія — ballistarii — самострѣлы, бывшіе въ употребленіи въ Западной Европѣ, но неизвѣстные ни прибалтійскимъ язычникамъ, ни русскимъ.

§ 7. 1) Всякій островъ въ нижнихъ частахъ Двины называется до сихъ поръ по нѣмецки гольмомъ. Гольмъ Генриха, впослѣдствіи, по имяни святаго, названный Мартинсгольмомъ, а не Мейнгардсгольмомъ, лежитъ между Икскулемъ и Ригою противъ Кирхгольма, построеннаго впослѣдствіи на сѣверномъ берегу Двины. Не можетъ быть, чтобы область гольмцевъ ограничивалась однимъ этимъ маленькимъ островомъ. Построенный замокъ былъ каменный. См. гл. 16, 3. Въ деревнѣ была также построена во времена Мейнгарда церковь. См. гл. 2, 2; гл. 6, 7. Нѣкоторые слѣды древнихъ построекъ сохранились до настоящаго времени. Арнольдъ Любекскій говоритъ о подаркахъ, сдѣланныхъ Мейнгардомъ ливамъ; не замки-ли были этими подарками? или же сравни гл. 2, 2.?

1) Съ 1185 г. архіепископомъ бременскимъ былъ Гартвигъ III. По словамъ Арнольда (онъ ошибочно упоминаетъ уже о Ригѣ въ эти времена), посвященіе послѣдовало въ 1186 г, что вполнѣ согласуется съ показаніями Генриха въ гл. 29, 1, выше въ § 5 и въ этомъ § 8. Въ грамотахъ папы Климента III отъ сентября и октября 1188 г. впервые упоминается о епископѣ Мейнгардѣ и его епископствѣ, подчиненномъ архіепископству бременскому. Въ надгробной надписи Мейнгарду (позднѣйшаго времени) ошибочно сказано, что онъ былъ епископомъ только четыре года до 1196 г.; это произошло вѣроятно потому, что 1193 г. буллы Целестина приняты за первый годъ епископства Мейнгарда. § 8.

1) Здѣсь слѣдуетъ разумѣть не однихъ исключительно гольмцевъ, но и другихъ ливовъ. Епископъ жилъ въ Икскулѣ. § 9.

2) Не купаніемъ-ли? Сравни гл. 2, 8; гл. 9, 8; гл. 26, 8.

1) Торейда — это окрестности нынѣшнаго Трейдена, по обѣимъ сторонамъ рѣки Лифляндской Аа. § 10.

2) Подобное же гаданіе посредствомъ лошади было у вендскихъ народовъ въ сѣверо-восточной Германіи.

3) Варіантъ: первый изъ знатнѣйшихъ. Здѣсь, конечно, подразумѣвается Кауно, знаменитый впослѣдствіи предводитель трейденцевъ и ревностный христіанинъ, хотя имя его (Яковъ, не данное-ли при крещеніи? сравни гл. 11, 6 и гл. 14, 8) впервые встрѣчается въ гл. 4, 4 и 7, 5. Сравни риѳм. хрон., гдѣ также названъ Кауно.

4) Не были-ли то его жены (сравни гл. 30, 1). Послѣ принятія крещенія, браки между очень близкими родственниками должны были быть расторгнутыми. См. документы 13, 45. Это обстоятельство могло озабочивать языческую жену и другихъ женщинъ. Сравни гл. 26, 8.

1) Clerici — это духовные не принадлежавшіе ни къ никому особому ордену; братья же — это орденскіе духовные: монахи и въ особенности члены, основаннаго Мейнгардомъ въ Икскулѣ, конвента. § 11.

2) Собственно это слова Сулпиція Севера тамъ, гдѣ онъ пишетъ о смерти св. Мартина.

3) Ватмалъ — это грубая шерстяная матерія. У лифляндскихъ нѣмцевъ до сихъ поръ существуютъ слови watmal, watman, по ливски wadmal, по латышски wadmals.

4) См. гл. 4, 4; о его деревнѣ въ гл. 11 5.

1) Съ 1191 по 1198 папою былъ Целестинъ III. § 12.

2) Не по морскому берегу;

3) Сравни гл. 2, 3. Целестинъ уже въ 1193 г., узнавъ отъ пріѣзжихъ изъ Ливоніи о дѣлахъ и положеніи Мейнгарда, ободрялъ его и поощрялъ къ настойчивости. См. грам. 11.

1) Прежде ли посылки Дитриха или прежде чѣмъ состоялся крестовой походъ? § 13.

2) То былъ ярлъ Биргеръ 1, герцогъ Остготландскій.

3) Куры были столь же извѣстны своими морскими разбоями, какъ и эзельскіе эсты. Куры составляли лишь вѣтвь ливскаго народа, они жили по западному берегу Курляндіи и на сѣверномъ выступѣ его. Живущіе на этомъ послѣднемъ мѣстѣ такъ называемые ливы суть потомки тѣхъ куровъ, прочіе куры всѣ олатышены. Старикъ Мейнгардъ, котораго не выпускалы изъ края, по видимому, не принималъ личнаго участія въ походѣ.

4) Виронія — сѣверный берегъ Эстоніи; по эстонски Вирома — значитъ земля.

1) Нѣкоторые изъ старшинъ были еще язычниками. Единогласное завѣреніе могло послѣдовать и отъ страха, чтобы христіанское войско не вторглось въ ихъ землю. § 14.

2) Онъ былъ погребенъ въ Икскульской церкви. Спустя, быть можетъ много лѣтъ послѣ Генриха, тѣло »исповѣдника« было перенесено въ рижскій соборъ, въ которомъ до сихъ поръ сохранились остатки памятника и надпись на немъ. Въ надписи сказано, что Мейнгардъ умеръ 12 октября 1196 г., но вѣрно-ли это? Въ одной изъ кельнскихъ рукописей означено, что Мейнгардъ умеръ 14 августя.

ГЛАВА II.

Бертольдъ, второй ливонскій епископъ.

Какъ епископъ Бертольдъ встрѣтивъ сопротивленіе въ ливахъ, возвратился въ Германію и получилъ согласіе на крестовый походъ.

§ 1. По совершеніи обычнаго отпѣванія и послѣ того какъ тѣло епископа, при притворныхъ восклицаніяхъ и слезахъ ливовъ, было предано землѣ, начали говорить о назначеніи ему преемника и обратились за посвященіемъ въ епископы способнаго лица въ бремеискую церковь. Назначили достопочтенную персону изъ цистерціенскаго ордена, лукскаго абата Бертольда. Первоначально онъ не хотѣлъ принимать назначенія, однакоже послѣ согласился на просьбы архіепископа и принялъ на себя епископскій санъ[1]).

§ 2. Сдѣлавшись епископомъ, онъ, поручивъ себя Господу, отправился въ Лифляндію попытать счастья безъ войска, прибылъ въ Икесколу и, вступивъ въ управленіе церкви[1]), собралъ къ себѣ знатнѣйшихъ ливовъ, какъ язычниковъ, такъ и христіанъ, и угостивъ ихъ напитками и одаривъ ихъ, сказалъ, что онъ прибылъ на ихъ зовъ и наслѣдуетъ своему предшественнику со всѣми его правами. Ливы первоначально ласково его приняли. Но при освященіи гольмскаго кладбища начали спорить между собою, сжечь-ли епископа въ церкви[2]), убить-ли его или утопить: они утверждали, что бѣдность побудила его пріѣхать къ нимъ[3]).

§ 3. Когда епископъ смекнулъ, что затѣвается недоброе, онъ тайно удалился на корабли и возватился въ Готландъ[1]), откуда пробрался далѣе въ Саксонію и принесъ жалобу на паденіе лиф-

ляндской церкви какъ папѣ, такъ архіепископу и всѣмъ христіанамъ. Потому папа обѣщалъ прощеніе грѣховъ всякому, кто возложитъ крестъ на себя и вооружится противъ вѣроломныхъ Ливовъ, на что и вручилъ Бертольду (въ 1177 г.), подобную, какъ и его предмѣстнику, грамоту (буллу)[2]).

Какъ Бертольдъ снова прибылъ съ войскомъ и велъ тщетные переговоры съ ливами.

Епископъ такимъ образомъ, собравъ войско, прибылъ съ § 4. нимъ въ Лифляндію и двинулся къ Гольмскому замку[1]), стоявшему на островѣ посреди рѣки. Тутъ онъ послалъ гонца въ замокъ спросить, желаютъ-ли они принять крещеніе, а принявшіе желаютъ-ли не отступить отъ христіанства. Они воскликнули, что не хотятъ ни признавать вѣры, ни держаться ея. Епископъ не могъ имъ ничего сдѣлать, потому что корабли оставилъ позади себя. Потому онъ воротился съ войскомъ на то мѣсто, гдѣ теперь Рига[2]), и совѣтовался со своими, что дѣлать дальше.

Между тѣмъ ливы собрались и въ готовности къ бою заняли § 5. позицію по ту сторону горы Риги[1]). Они однакоже прислали гонца къ епископу спросить, по какой причинѣ онъ привелъ войско. Епископъ отвѣчалъ: Изъ за того, что они изъ христіанства возвращаются къ язычеству. Возражая, ливы говорили: Эту причину мы устранимъ; отошли войско и возвращайся въ мирѣ со своими на твое епископство. Тѣхъ, которые приняли вѣру, ты можешь принуждать сохранять ее, но другихъ привлекай къ вѣрѣ любовію, а не побоями[2])». Епископъ для вѣрности потребовалъ, чтобы они дали ему заложниками своихъ сыновей[3]); нѣкоторые отказались на отрѣзъ. Но чтобы, между тѣмъ, собрать часть заложниковъ[4]), они просили и получили краткое перемиріе и по обычаю для увѣренія въ мирѣ прислали копья. Во время перемирія они убили многихъ нѣмцевъ, отправившихся на фуражировку. Увидя то, епископъ отослалъ обратно ихъ копья и отказалъ имъ въ мирѣ.

Бертольдъ убитъ въ сраженіи; ливы подчиняются.

Ливы тогда начали, по языческому обычаю, кричать и § 6. вопить, а съ другой стороны саксонскія войска готовились къ бою и внезапно напали на язычниковъ. Ливы бѣжали. Епископъ, увлеченный быстротою своего коня, которымъ дурно правилъ, очутился посреди бѣгущихъ; двое схватили его, а третій, по имени Имаутъ, пронзилъ его копьемъ въ спину, а другіе разорвали епископа на куски (24 іюля 1198 г.[2]). Ливы, опасаясь § 7. преслѣдованія войска, бѣжали дальше, потому что увидѣли рыцарскій шлемъ, снятый съ убитаго нѣмца; однако шлемъ этотъ ливъ,

убившій нѣмца, надѣлъ на себя. Войско было, конечно, раздражено потерею своего вождя и какъ на конѣ, такъ и съ кораблей, огнемъ и мечемъ, начали опустошать поля ливовъ.

Когда ливы увидѣли это, то, чтобы избѣгнуть еще большихъ потерь, возобновили миръ и, призвавъ къ себѣ священниковъ, позволили въ первый день въ Гольмѣ окрестить около 50 человѣкъ, а на другой день въ Иксколѣ окрестилось около 100 человѣкъ. Они приняли въ замки къ себѣ священниковъ и положили давать на содержаніе каждаго священника по мѣркѣ зерна съ плуга[3]). Войско, видя это, успокоилось и приготовилось ѣхать домой.

§ 8. Тогда ливы, потерявшіе своего пастыря, послали, по совѣту клериковъ и братьевъ, посла въ Германію, чтобы тамъ ходатайствовать о преемникѣ ему. И такъ саксонское войско, довѣряя невѣрному миру, возвратилось домой. Остались священники и остался одинъ купеческій корабль.

Ливы, снова вѣроломные, доводятъ христіанъ до крайняго бѣдствія.

Чуть лишь вѣтеръ надулъ паруса и вотъ вѣроломные ливы опять приступили къ своимъ обычнымъ купаньямъ, они начали погружаться въ Двину и говорили: «Мы теперь смываемъ съ себя воду крещенія и христіанство водою Двины и отрекаемся отъ принятой вѣры, которую и отсылаемъ за удаляющимися саксонцами». Кто то изъ удалявшихся домой саксонцевъ вырѣзалъ на древесной вѣтви подобіе человѣческой головы; ливы вообразили, что это и есть богъ саксонцевъ[1]) и думали, что онъ-то и причиняетъ имъ наводненіе и язву, потому они, по своему обычаю, наварили меду, бражничали[2]), и рѣшили отдѣлить голову отъ дерева, привязать ее къ бревну и пустить ее, какъ саксонскаго бога, вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою чрезъ море въ Готландъ за тѣми, что уплыли отъ нихъ.

§ 9. По истеченіи одного мѣсяца, они нарушили миръ, напавъ на братьевъ, мучили ихъ, и воровскимъ и насильственнымъ образомъ расхитили ихъ имущество. А такъ какъ они увели съ собою и лошадей, то поля остались не запаханными, чрезъ что церковь понесла убытку почти на 200 марокъ[1]). И такъ клиръ бѣжалъ изъ Икесколы въ Гольмъ и не зналъ, какимъ образомъ и въ какомъ мѣстѣ найти себѣ безопасность.

§ 10. Слѣдующимъ постомъ ливы снова собрались и положили умертвить всякаго духовнаго, который останется на ихъ землѣ послѣ пасхи. Потому духовные, какъ изъ страха смерти, такъ и для того, чтобы искать себѣ пастыря, удалились въ Саксонію[2]). Ливы положили также перебить и купцовъ, которые оставались въ ихъ землѣ[2]), но купцы дали старшинамъ подарки и тѣмъ спасли свою жизнь.

Примѣчанія къ главѣ II.

§ 1. 1) По словамъ Арнольда и Альберика, Бертольдъ уже въ время Мейнгарда дѣйствовалъ въ Ливоніи; по Арнольду, клиръ и народъ въ краѣ желали Бертольда имѣть своимъ епископомъ. Монастырь Лука или Локкумъ находился вв Гановерѣ къ югу отъ Ніенбурга. Арнольдъ говоритъ, что Бертольдъ долженъ былъ получать отъ бременской церкви 20 марокъ ежегодно.

§ 2. 1) Въ лѣтописи сказано — вступилъ во владѣніе вдовьимъ имуществомъ церкви. Слѣдуетъ-ли тутъ разумѣть помѣщеніе для духовныхъ, dos, сравни гл. 15, 2, или же имущество вообще?

2) Къ гл. 1, 7. Была-ли церковь деревянною? Сравни гл. 6, 7; гл. 7, 9; къ гл. 1, 3 и 6.

3) Не обижались-ли они сборами на погребеніе? Язычники находили неприличнымъ погребать умершихъ; куры (гл. 14, 5) и эсты (гл, 12, 6; гл. 26, 8) и ливы, конечно, жгли трупы умершихъ (гл. 21 4).

§ 3. 1) Удалился тайно, потому что иначе туземцы его не выпустили бы. Икскульскій конвентъ остался (см. гл. 4, 2) въ Ливоніи.

2) Папою былъ тотъ же самый Целестинъ, но онъ умеръ 8 января 1198, слѣд его булла состоялась въ 1197 г.

§ 4. 1) По словамъ Арнольда, войско отправлялось въ Ливонію чрезъ Любекъ. Епископъ двинулся по сухому пути къ замку, но не вступалъ въ замокъ, остановившись на сѣверномъ берегу Двины.

2) — Locus Rige сказано въ текстѣ. Это мѣсто — не горы Риги, и ни рѣчки Риги, а именно мѣсто, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ городъ Рига.

§ 5. 1) Пески, Песчаная гора или Кубебергъ у позднѣйшаго города? Генрихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потомъ упоминаетъ о »старой« горѣ у Риги, гл. 7, 8. По риомованой хроникѣ, послѣдующія сраженія происходили на Пескахъ у Риги; но Герману на Песчаной горѣ (пескахъ), по Фабрицію на Поповой горѣ (mons pontificus, Пфафенбергъ), получившей такое названіе отъ смерти здѣсь Бертольда.

2) Въ подлинникѣ игра словъ: verba и verbera (слова и побои). Подобная игра этими словами встрѣчается у Цицерона и у Овидія.

3) Конечно только сыновей почетнѣйшихъ лицъ, какъ впослѣдствіи часто случалось.

4) Слѣд. они все-таки согласились дать заложниковъ.

§ 6. 1) О подобныхъ крикахъ язычниковъ сравни гл. 4, 5; гл. 15, 3; гл. 23, 9, также глав. 25, 4. Ударяли мечами о щиты. См. гл. 23, 9 (15, 7. 28, 5).

2) Сраженіе происходило 24 іюля. По Альберту Штаде, сраженіе происходило въ 1198 г.; по Арнольду, въ одинъ жаркій день; по другимъ нѣмецкимъ источникамъ, въ ночь съ 20 на 21 октября, наканунѣ дня св. Урбана. Тѣло Бертольда похоронено въ икскульскій церкви (гл. 10, 6) и впослѣдствіи перенесено въ рижскій соборъ.

3) Въ томъ смыслѣ, въ какомъ нынѣ употребляется слово »гакенъ«. т. е. пространство земли, для обработки котораго нуженъ въ годъ одинъ плугъ.

§ 8. 1) Срави гл. 10, 14, а также гл. 24, 5.

2) Собрались на пиршество для совѣщаній.

§ 9. 1) Варіантъ: martires и martyres т. е. мордокъ, куньихъ мордокъ (вм. денегъ), но нѣкоторые читали, что церковь потеряла 200 мучениковъ.

§ 10. 1) Срокъ послѣ пасхи назначенъ потому, что послѣ пасхи могли прибыть корабли. По гл. 4, 2, братья находились еще въ Икскулѣ, потому бѣжавшій (см. выше § 9) клиръ составляли непринадлежавшіе къ конвенту клерики, неимѣвшіе собственнаго имущества. Иначе Генрихъ противорѣчитъ самому себѣ.

2) Оставались-ли послѣ пасхи, или во всю зиму, какъ клерики? По § 8, оставался только одинъ корабль, съ которымъ клерики и купцы могли уѣхать до пасхи Купцы, которымъ предстояло выѣхать, подарками продолжили срокъ до пасхи. Тѣмъ не менѣе былъ возможенъ приходъ кораблей до пасхи, и кромѣ того упомянутые купцы могли оставаться въ странѣ по торговымъ дѣламъ и послѣ пасхи, быть можетъ, до прихода ихъ собственныхъ кораблей, или даже до 1200 г (см. гл. 4, 2). Или же до 1200 г. не было никакого сообщенія съ Ливоніею?

ГЛАВА III.

Епископства Альберта, третьяго ливонскаго епископа, первый годъ.

Какъ епископъ Альбертъ приготовлялся къ крестовому походу.

Въ лѣто Господне 1198 высокопреподобный Альбертъ, бре-
§ 1. менскій каноникъ, былъ посвященъ съ санъ епископа.[1])

Послѣ посвященія, лѣтомъ онъ отправился въ Готландъ и здѣсь отличилъ знакомъ креста около 500 человѣкъ къ походу въ Ливонію. Отсюда онъ отправился чрезъ Данію и получилъ подарки отъ короля Канута, герцога Вольдемара и архіепископа Абсолона[2]).

По возвращеніи въ Германію, онъ въ день Рождества Христова въ Магдебургѣ роздалъ многимъ знаки креста, гдѣ король Филипъ съ супругою коронованы были[3]). И на совѣтѣ у короля спрашивали, будутъ ли тѣ, что отправятся пилигримами въ Ливонію, состоять подъ покровительствомъ папы подобно тѣмъ, кто отправляется въ Іерусалимъ. Отвѣтъ былъ, что всякій станетъ подъ защиту апостольскаго отца, ибо пилигримство въ Ливонію влечетъ за собою полное прощеніе грѣховъ и равнозначительно пилигримству въ Іерусалимъ[4]).

Примѣчанія къ главѣ III.

§ 1. 1) Альбертъ Штаде также означаетъ посвященіе подъ 1198 г. Срав. гл. 2, 6; гл. 8—10. Генриховъ годъ отъ Р. Х. начинается съ 25 марта (Маріинскій годъ, ибо 25 марта празднуется Благовѣщеніе), но вѣрно и то, что Альбертъ въ началѣ марта январскаго года 1199 г., слѣд. еще въ 1198 маріинскаго года, былъ епископомъ. Въ концѣ главы часто однако бываетъ переходъ на слѣдующій годъ епископства. Но кто посвятилъ Альберта? По документамъ, архіепископъ Гартвигъ возвратился въ Нюренбергъ изъ своего большаго пилигримства 28 мая. Объ Альбертѣ сравни гл. 28, 6, также Арнольда и риѳмованную хронику.

2) Герцогъ Вольдемаръ — это герцогъ шлезвигскій, братъ короля, впослѣдствіи бывшій самъ королемъ. Архіепископъ Авесаломъ былъ лундскимъ архіепископомъ.

3) Слѣдовало бы сказать: король при большомъ придворномъ торжествѣ шелъ въ коронѣ. Торжество это воспѣлъ Вальтеръ Фогельвейде; оно было извѣстно въ Германіи. Королевою была Кирена, дочь византійскаго императора Исаака Ангела

4) Папа Инокентій III въ своей буллѣ отъ 5 октября 1199 г. употребилъ тоже самое выраженіе.

ГЛАВА IV.

Епископства Альберта второй годъ.

Альбертъ въ Ливоніи. — Неприязненныя дѣйствія ливовъ до выдачи ими заложниковъ. — Возвращеніе епископа въ Германію.

Во второй годъ своего епископства, онъ отправился съ графомъ Конрадомъ Дортмундскимъ, Гарбертомъ Иборгскимъ и многими пилигримами въ Ливонію; его сопровождало 23 корабля[1]). § 1.

Войдя въ Двину, онъ, поручивъ себя и всѣхъ Господу Богу, двинулся къ Гольмскому замку, отсюда поплылъ дальше, въ Икесколу. Но ливы напали на епископа по дорогѣ, нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и священника Николая, убили. Епископъ, однако, со своими, хотя и съ трудомъ, присталъ въ Икесколу, гдѣ братія, пребывавшая здѣсь со времени перваго епископа, и другіе приняли его съ радостію[1]). Собравшіеся здѣсь ливы заключили миръ съ нѣмцами на три дня, но съ коварнымъ намѣреніемъ, чтобы въ это время собрать свое войско. § 2.

Когда миръ былъ заключенъ, епископъ отправился назадъ въ Гольмъ, и довѣряя миру, отправилъ гонцовъ за своею стулою, епископскимъ орнатомъ и другими необходимыми вещами на корабли, стоявшіе въ устьѣ Двины[1]). Гонцы, взявъ съ кораблей что было нужно, возвращались обратно по той самой дорогѣ, по которой они ѣхали прежде. Но тутъ ливы нарушили миръ и сильно напали на ѣхавшихъ чрезъ Румбулу[2]). Одинъ корабль повернулъ и бѣжалъ, но другой былъ взятъ ливами, которые и перебили всѣхъ, кто на немъ находился. Затѣмъ они пошли на Гольмъ, гдѣ находился епископъ со своими, и осадили его. § 3.

Осажденные терпѣли недостатокъ въ пищѣ какъ для себя, такъ и для лошадей, но, наконецъ, вскопавъ землю въ разныхъ мѣстахъ, нашли закопанными много зерна и другихъ припасовъ. Между тѣмъ пришли на одномъ кораблѣ фризы и начали жечь посѣвы ливовъ и причинять имъ другой вредъ, какой могли, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Ливы, увидя это и опасаясь большей опасности, возобновили и завѣрили миръ, и пошли съ епископомъ и прочими нѣмцами на то мѣсто, гдѣ теперь Рига[3]), гдѣ Ассо и другіе сподобились крещенія[4]).

§ 4. Но епископъ, испытавъ вѣроломства ливовъ, не довѣрялъ ихъ миру, который они неоднократно нарушали, потому потребовалъ заложниковъ отъ Анно, Каупо[1]) и старшинъ земли, которые были призваны нѣмцами на пиръ (Trinkgelage — общественное собраніе), и когда пришли всѣ, то были заперты въ одинъ домъ. Они боялись, чтобы ихъ моремъ не повезли въ Германію, потому знатнѣйшіе изъ нихъ, жившіе по Двинѣ и въ Торейдѣ, представили епископу заложниками своихъ сыновей-мальчиковъ числомъ до 30-ти. Епископъ охотно принялъ ихъ, поручилъ землю Господу Богу, и отправился[2]) въ Германію.

Основаніе города Риги и происхожденіе этого имени.

§ 5. Предъ отъѣздомъ епископа въ Германію, ливы[1]) отвели[2]) ему мѣсто для города, которое онъ назвалъ Ригою, отъ озера ли Риги, или какъ мѣсто орошенное (irrigua), ибо это мѣсто имѣло воды вверху и воды внизу, орошаясь снизу рѣкою; или же потому, что въ ней грѣшники получили прощеніе грѣховъ, чрезъ что получали орошеніе сверху, сподобляясь царства небеснаго; или же Рига значитъ орошенная (rigata) новою вѣрою и служащая источникомъ крещенія сосѣднимъ съ нею язычникамъ[3]).

О вторичномъ посольствѣ Дитриха въ Римъ и запретѣ посѣщенія семигальскихъ гаваней.

§ 6. Зная злобу ливовъ и видя, что безъ помощи пилигримовъ ничего нельзя сдѣлать съ этимъ народомъ, епископъ послалъ брата Теодориха Торейдскаго[1]) въ Римъ за разрѣшительною грамотою на крестовый походъ[2]). Когда Теодорихъ открылъ святѣйшему отцу Иннокентію данное ему порученіе, то названная грамота была милостиво вручена ему[3]).

По просьбѣ и настоянію того же преосвященнаго епископа, римскій престолъ, подъ угрозою анаѳемы, воспретилъ посѣщать
§ 7. съ торговыми цѣлями гавань семигаловъ[4]). Это запрещеніе впослѣдствіи одобряли сами купцы и сами постановили, что всякій, кто будетъ входить въ семигальскую гавань для торговли, долженъ лишиться имущества и жизни. По истеченіи двухъ

лѣтъ послѣ постройки города, нѣкоторые[1]) это постановленіе хотѣли нарушить; всѣ купцы настоятельно совѣтовали имъ не ѣздить въ Семигалію. Однако, нѣкоторые, или изъ неуваженія къ запрещенію апостольскаго отца, или изъ желанія противодѣйствовать общему постановленію купцовъ, поѣхали на своихъ корабляхъ внизъ по Двинѣ. Прочіе купцы, видя одно упорство въ нихъ, привели сверху другіе корабли и сразились съ ними. Двое, именно — лоцманъ и шкиперъ[2]) — были захвачены и жестоко казнены, а прочіе принуждены къ возвращенію.

Примѣчанія къ главѣ IV.

§ 1. 1) Дортмундъ, — это Tremonia въ Вестфаліи; Ибургъ въ Оснабрикѣ.

§ 2. 1) Епископа встрѣтили братья и другіе. Но кто же были эти другіе? Дружина-ли, или нѣкоторые ливы, или купцы (см. гл. 2, 10)?

§ 3. 1) Не въ нынѣшнемъ устьѣ Двины, а восточнѣе, на такъ называемой Старой Двинѣ.

2) Румбула — нынѣ Руммель, послѣдняя быстрина Двины у Дальгольма, но еще довольно далеко отъ Мартинсгольма; въ грамотахъ Rumula, Romele. У Стаблитена быстрина Двины также называется руммелемъ; есть руммель и на Виндавѣ. Слово руммель, быть можетъ, нижне-нѣмецкое. О Румбулѣ упоминается въ гл. 5, 4.

3) Къ гл. 2, 4 Корабли, быть можетъ, между тѣмъ поднялись изъ устья вверхъ по Двинѣ.

4) Acce (нъ) въ гл. 16, 4, старшина трейденцевъ. Варіантъ — Ацо; сравни § 4. Трейденцы были въ числѣ собравшихся ливовъ (см. выше § 2).

§ 4. 1) Почему поименованы эти предводители трейденцевъ? Не потому-ли, что на нихъ было можно въ особенности полагаться?

2) Съ заложниками, см. гл. 5, 1. То были первые заложники, взятые у ливовъ.

§ 5. 1) Варіантъ — старшины ливовъ

2)Demonstrant; подарили или продали.

3) Изъ всѣхъ предположеній Генриха о происхожденіи слова Риги, основанныхъ лишь на созвучіи съ латинскимъ глаголомъ rigare — орошать, правильно лишь одно — именно происхожденіе названія города отъ названія озеро. Риге на нижненѣмецкомъ языкѣ значитъ ручей, канава; слово это впослѣдствіи обратилось въ Ризингъ. Риге, по всей вѣроятности, былъ рукавъ Двины, довольно широкій, и довольно обильный водою, чтобы назвать его озеромъ. Риге или Ризингъ служила рижскою гаванью; впослѣдствіи рукавъ этотъ былъ частію засыпанъ, частію перестроенъ, но подземный Ризинговъ каналъ существуетъ и понынѣ.

§ 6. 1) О Теодорихѣ см. гл. 1, 10 и гл. 12.

2) Litteris expeditionis; варіантъ — утвердительная грамота. Альбертъ вовсе не упомянутый въ папской буллѣ 1199 г. (см. гл. 3, 5), желалъ получить такое же полномочіе на проповѣдываніе крестоваго похода, такое получили его предшественники. См. гл. 1, 12 и гл. 2, 3. Сравни гл. 15, 2 и 19 7.

3) По крайней мѣрѣ папа писалъ новое письмо къ епископу 19 апрѣля 1201 г. см. грам., 13

4) Рѣка курляндская Аа (Муха) впадала въ тѣ времена прямо въ море. Устье рѣки нерѣдко называлось также гаванью. Повидимому, запрещеніе состоялось въ видахъ поднятія значенія Риги, дабы семигальская торговля направлялась исключительно на Ригу.

§ 7. 1) Изъ послѣдующаго разсказа можно предполагать, что то были русскіе, не считавшіе для себя обязательнымъ чужеземнаго постановленія, сравни гл. 7, 7; но почему же объ этомъ умалчивается въ лѣтописи?

2) Въ подлинникѣ gubernator; гл. 25, 2 = rector navis, лоцманъ. Онъ, можетъ быть, былъ взятъ въ Ригѣ. Шкиперъ, ductor navis, былъ въ одно и тоже время хозяиномъ корабля, капитаномъ и купцомъ.

ГЛАВА V.

Епископства Альберта третій годъ.

Альбертъ вторично въ Ливоніи. — Постройка Риги, — Начало рыцарскаго ордена.

§ 1. Въ третій годъ своего посвященія (1201, съ 1 марта), епископъ, оставивъ заложниковъ въ Германіи, возвратился въ Ливонію съ пилиграмами, сколько могъ набрать ихъ.

И въ это самое лѣто на широкой равнинѣ, у которой могла быть корабельная гавань, былъ построенъ городъ Рига [1]).

§ 2. Въ то самое время епископъ приблизилъ къ себѣ Даніила, благороднаго (т. е. изъ высшаго дворянства) мужа и Конрада Мейендорпскаго и пожаловалъ имъ въ ленъ два замка Леневардъ и Икесколу [1])

Миръ съ курами и литовцами.

§ 3. Между тѣмъ куры, услышавъ о прибытіи епископа и о постройкѣ города, прислали, не изъ страха, войны а по зову Христову, посла въ городъ для заключенія мира, на которой согласились христіане и который, по обычаю язычниковъ, былъ утвержденъ пролитіемъ крови [1]).

§ 4. Въ этотъ же самый годъ пришли въ Ригу также, по волѣ Божіей, и летоны искать мира, по заключеніи котораго они немедленно же вступили съ христіанами въ дружескій союзъ [2]). Послѣ этого въ слѣдующую зиму они съ большимъ войскомъ пошли внизъ по Двинѣ въ Семигалію. Но передъ вступленіемъ въ землю семигаловъ они услышали, что король плосцекскій(т. е. князь полоцкій) со своимъ войскомъ вторгся въ Литву, потому они оставили семигаловъ въ покоѣ и поспѣшно обратились назадъ

домой. При переправѣ у Румбулы они нашли двухъ епископскихъ рыбаковъ, напали на нихъ какъ хищные волки и сняли съ рыбаковъ ихъ платье. Нагіе рыбаки пришли въ Ригу и разсказали о случившемся. Тогда пилигримы, развѣдавъ дѣло, схватили нѣкоторыхъ находившихся въ то время въ Ригѣ литовцевъ [3]) и до тѣхъ поръ держали ихъ въ оковахъ, пока ограбленное у рыбаковъ не было возвращено.

Примѣчанія къ V главѣ.

§ 1. 1) О заложникахъ, см. выше гл. 4, 4. Естественная гавань была уже въ рукавѣ Риги, см. о томъ въ гл. 4, 5. Сравни гл. 2, 4 и гл. 4, 3. Въ этомъ году начата постройка города, какъ о томъ пишетъ Альберихъ подъ 1201 г. и Альбертъ Штаде подъ 1203 г. О прибытіи въ городъ первыхъ гражданъ см. гл. 6, 2.

§ 2. 1) Къ имени Даніила въ нѣкоторыхъ спискахъ добавлено Банкеровъ. Мейендорпъ — это Мейендорфъ къ западу отъ Магдебурга. Конрадъ упоминается впослѣдствіи въ гл. 9, 7, — но по икескольскому лену онъ сталъ называться Икскульскимъ, Икскулемъ. Даніилъ и Конрадъ была первыми епископскими вассалами. Леневардъ на ходился на Двинѣ къ востоку отъ Икскуля, у нынѣшняго имѣнія Ленневаденъ, но латышски Лельварде. Замокъ этотъ, по всей вѣроятности, былъ древнетуземный Пятая часть Икескольскаго замка принадлежала церкви (гл. 1, 6); Альбертъ и конвентъ съ 1201 г. имѣли пребываніе свое въ Ригѣ (гл. 6, 4).

§ 3. 1) Т. е. языческимъ жертвоприношеніемъ. О курахъ сравни гл. 1, 13 и гл. 7, 1.

§ 4. 1) Летоны, Letthones, Lettones, Letones, — это литовцы.

2) Миръ и дружба были-ли одно и тоже? Сравни гл. 6, 7, гл. 9, 1; 16, 8; 17, 2; 29, 1; 30. 5. Противорѣчіе въ гл. '14, 10.

3) Литовцамъ дозволено было, вѣроятно, въ силу заключенной дружбы пройти чрезъ городъ. О мирѣ и дружбѣ съ семгалами см. гл. 6, 7. Что же побудило литовцевъ итти въ Семгалію чрезъ Ригу? Семигалы, конечно, не ожидали нападенія съ этой стороны.

ГЛАВА VI.

Епископства Альберта четвертый годъ.

Второе путешествіе Альберта домой. Его братъ Энгельбергъ постановленъ соборнымъ пробстомъ въ Ригѣ. Основаніе въ Ригѣ собора и монастыря въ Динамюндѣ.

§ 1. Въ четвертый годъ (съ 1-го марта 1220) своего посвященія епископъ, поручивъ городъ немногимъ пилигримамъ [1]) служившимъ оградою дома Господня [2]), съ прочими пилигримами отправился въ Германію.

§ 2. Послѣ его отъѣзоа прибылъ въ Ригу братъ епископа, Энгельбертъ, изъ духовныхъ Неймюнстера [1]), который вызванъ былъ въ Ригу съ первыми бюргерами, и подъ руководствомъ епископа онъ началъ распространять имя Христово между язычниками вмѣстѣ съ братомъ Теодорихомъ Торейдскимъ и Алабрандомъ и прочими братьями, которые проживали въ Ливоніи подъ мона-
§ 3. шескимъ орденскимъ уставомъ [2]). По истеченіи непродолжительнаго времяни, братья конвента Пресвятой Дѣвы Маріи [3]) въ Ригѣ избрали его пробстомъ, ибо изъ того же самаго (августинскаго) ордена, изъ Зигебергскаго монастыря, былъ избранъ первымъ ливонскимъ епископомъ блаженной памяти Мейнардъ, который впервые учредилъ ихъ конвентъ въ Икескольскомъ приходѣ.
§ 4. Этотъ конвентъ и епископское мѣстопребываніе Альбертъ, въ третій годъ своего посвященія (1201 г.), перенесъ изъ Икесколы въ Ригу, посвятивъ епископскую каѳедру [1]) и всю Ливонію въ честь Пресвятой Богоматери Маріи.

§ 5. Также онъ, епископъ, основалъ при устьѣ Двины монастырь цистерціенскихъ монаховъ; каковой монастырь онъ назвалъ Динаминдомъ или горою св. Николая[1]). Аббатомъ этого монастыря онъ посвятилъ своего сотрудника по евангелію, брата Теодориха Торейдскаго.

Основаніе рыцарскаго ордена меченосцевъ.

§ 6. Въ это время названный братъ Теодерихъ, предвидя вѣроломство ливовъ и невозможность противиться массѣ язычниковъ, а также для того чтобы увеличить число вѣрующихъ и сохранить церковь между язычниками, учредилъ рыцарскій орденъ братьевъ воинства Христова[1]), которому папа Иннокентій далъ уставъ Тампліеровъ и знаки для ношенія на одеждѣ, именно мечъ и крестъ, и повелѣлъ ордену быть въ повиновеніи епископу.

Вражда и дружба съ семигалами.

§ 7. Потомъ Семигалы, нежившіе въ мирѣ съ ливами[1]), сожгли гольмскую церковь[2]) и всю деревню, и затѣмъ долго осаждали замокъ, но не могли взять его и отступили. Господу Богу изволившу, дабы юное насажденіе христіанской вѣры ширилось и миръ господствовалъ всюду, тѣ самые семигалы прислали въ Ригу пословъ для заключенія мира и такимъ образомъ, когда миръ былъ закрѣпленъ по языческому обычаю, они, прежніе враги нѣмцевъ и ливовъ, сдѣлались ихъ друзьями[3]).

Примѣчаніе къ VI главѣ.

§ 1. 1) Пилигримы только что прибыли; въ 1203 г. исполнился годъ ихъ бытности здѣсь.

2) Собственно — ставшимъ на тверди. См. Іезаніиля, гл. 13, 5. Выраженіе это часто повторяется у Генриха.

§ 2. 2) Энгельбертъ въ подлинникѣ названъ homo religiosus. Religio — это орденскій уставъ. Неймюнстеръ, новый монастырь въ Гольштейнѣ, къ сѣверо-западу отъ Зегеберга.

2) Теодорихъ (Дитрихъ) Торейдскій былъ монахомъ (гл. 1, 10), онъ могъ къ этому времени уже возвратиться изъ Рима.

Алабрандъ (Алебрандъ) въ грам. 23 названъ Alobrand sacerdos (не настоятель-ли рижскаго собора?

§ 3. 1) Конвентъ canonici regulares, канониковъ съ черным одѣяніемъ.

§ 4. 1) Каѳедральный соборъ находился не на нынѣшнемъ мѣстѣ, а вмѣстѣ съ пребываніемъ конвента восточнѣе, въ древнѣйшей городской части и дальше отъ Двины. Сравни гл. 13, 3 и гл. 18, 6.

§ 5. 1) На восточномъ берегу Старой Двины, у гавани. Св. Николай былъ патрономъ судоходства.

§ 6. 1) Fratres militiæ Christi. Названіе меченосцевъ появилось впослѣдствіи. Папа Инокентій III въ 1210 г. далъ имъ уставъ Тампліеровъ; рыцари на бѣлой мантіи нашивали крестъ, а подъ крестомъ мечъ, отсюда произошли названія меченосцы, братья меча.

2) Не была-ли она деревянною? См. гл. 2, 2. Въ главѣ 7, 9 объ ней упоминаетъ снова.

3) Миръ былъ закрѣпленъ, конечно, жертвоприношеніемъ. См. гл. 5, 3, а также гл. 5, 4 и гл. 9, 2.

ГЛАВА VII.

Епископства Альберта пятый годъ.

Третья поѣздка епископа въ Ливонію и морская побѣда его пилигримовъ надъ пиратами эзельцами близъ Висби.

§ 1. Въ пятый годъ (съ 1-го марта 1203 г.) своего достоинства, епископъ возвратился изъ Германіи и привезъ съ собою благородныхъ мужей Арнольда Мейендорпскаго, Бернарда Зегузенскаго [1]), Теодориха своего брата со многими почетными мужами и рыцарями, съ коими онъ не отрекся дѣлить счастіе и невзгоды, посылаемыя Господомъ Богомъ, и ввѣрился волнующемуся морю.

И когда онъ въ Датскомъ королевствѣ присталъ къ мѣстности Листріи [2]), то нашелъ предъ нею языческихъ эстовъ съ острова Озиліи [3]) съ 16 кораблями, которые недавно сожгли церковь, перебили людей и нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ, опустошили землю, расхитили колокола и церковныя вещи, какъ то привыкли до сихъ поръ дѣлать какъ языческіе эсты, такъ и куры, въ Даніи и Швеціи. Тогда пилигримы вооружились, чтобы отомстить потери христіанъ. Но когда язычники узнали, что пилигримы ѣдутъ въ Ливонію, то изъ большаго страха прибѣгли къ обману, сказавъ, что они съ рижанами заключили миръ. Христіане имъ повѣрили, и на тотъ разъ эсты ушли изъ ихъ рукъ, но однакоже они не извлекли себѣ пользы изъ своей хитрости и попались въ собственныя свои сѣти.

Пилигримы, съ помощію Божіею, здравы и невредимы, пристали въ Висби (на Готландѣ) и были дружески приняты горожанами и находившимися тамъ въ то время гостями [4]) Спустя

нѣсколько дней прибыли и эсты со всею добычею. И когда пилигримы увидѣли плывущихъ эстовъ, то начали упрекать горожанъ и купцовъ, отчего это они дозволяютъ врагамъ Христова имени проходить мимо ихъ гавани. Но горожане и купцы § 2.
медлили[1]), предпочитая жить въ мирѣ съ эстами; тогда пилигримы пошли къ своему епископу и просили его дозволенія сразиться съ эстами. Епископъ, узнавъ желаніе пилигримовъ, старался отклонить ихъ отъ принятаго ими намѣренія, частію потому, что было очень возможно, что непріятель во время боя можетъ подвергнуть ихъ большой опасности[2]), частію и потому, что церкви, находившіяся между язычниками и ждавшія прибытія пилигримовъ, не могли возмѣстить убыли ихъ. Но пилигримы, надѣясь на милосердіе Божіе, не отступали отъ своего намѣренія. Нѣтъ разницы, говорили они, между язычниками эстами или ливами, и просили епископа, чтобы онъ согласился на это ихъ требованіе и вмѣнилъ бы имъ это въ отпущеніе грѣховъ. Видя ихъ настойчивость, епископъ сказалъ, что благочестивѣе итти въ сраженіе съ послушаніемъ, ибо послушаніе паче жертвы, но далъ имъ свое согласіе и вмѣнилъ имъ, какъ они требовали, въ прощеніе грѣховъ мужественно помѣряться въ битвѣ съ язычниками. Такъ пилигримы соревновали сражаться во имя Христа и, вооружившись, поспѣшно приготовили корабли, съ которыми хотѣли итти сражаться, къ выходу въ море. Замѣтивъ своихъ противниковъ, эсты надѣялись, что, отведя 8 разбойничьихъ судовъ поодаль отъ прочихъ судовъ, они успѣютъ окружить пилигримовъ и взять корабли, снаряженные противъ нихъ. Но нѣмцы быстро напали на нихъ, взошли на два разбойничьихъ эстскихъ корабля, убили тутъ 16 человѣкъ, взяли корабли съ колоколами, священническими облаченіями и плѣнными христіанами и привели ихъ въ Висби. На третій разбойничій корабль вскочилъ одинъ одаренный большою силою нѣмецъ; держа обѣими руками обнаженный мечъ, онъ рубилъ имъ на всѣ стороны и одинъ положилъ на мѣстѣ 22 человѣка враговъ. Въ то время, когда онъ въ этой сѣчѣ работалъ всѣми силами, восемь человѣкъ остававшихся еще въ живыхъ, подняли вверхъ парусъ; вѣтеръ надулъ парусъ и такимъ образомъ тотъ человѣкъ попалъ въ плѣнъ и послѣ, когда корабли собрались, былъ убитъ; и тотъ корабль, по малому числу людей, былъ преданъ огню[3]).

Когда все это было совершено столь знаменитымъ образомъ, § 3.
пилигримы возблагодарили Господа Бога за дарованную имъ побѣду, и епископъ отослалъ къ преосвященному Андрею, лундскому архіепископу[1]), людей и вещи, захваченныя язычниками въ Даніи.

Теперь пилигримы не хотѣли больше оставаться въ Висби[1]): § 4.
они продолжали дальнѣйшій путь и прибыли въ Ригу. Горожане

и другіе [2]), что проживали въ Ригѣ, очень обрадовались ихъ прибытію, вышли къ нимъ навстрѣчу и сдѣлали почетный пріемъ какъ мощамъ, такъ и епископу со всею его дружиною.

Дитрихъ Трейденскій съ предводителемъ ливовъ Кауно въ Германіи и у папы Иннокентія.

§ 5. Когда послѣ этого братъ Теодорихъ [1]) съ пилигримами, которые весь этотъ годъ служили въ Ливоніи воинами Божіими, отправлялся въ Германію, то взялъ съ собою одного лива, по имени Каупо [2]) который былъ какъ бы королемъ и старшиною торейдскихъ ливовъ. Они вмѣстѣ проѣхали большую часть Германіи и наконецъ братъ Теодорихъ привезъ Каупо въ Римъ [3])
§ 6. и представилъ его апостольскому отцу. И апостольскій отецъ принялъ его очень милостиво, поцѣловалъ его и, подробно распросивъ [1]) о положеніи народовъ, обитавшихъ въ Ливоніи, усердно благодарилъ Господа за обращеніе въ христіанство ливскаго нерода. По окончаніи нѣсколькихъ дней оный достопочтенный папа Иннокентій одарилъ Каупо подарками, именно подарилъ сто золотыхъ, и когда онъ хотѣлъ возвращаться въ Германію, папа съ истинною нѣжностію простился съ нимъ, благословилъ его, а брату Теодориху вручилъ, для доставленія ливонскому епископу, библію [2]), писанную рукою покойнаго папы Григорія.

Нападеніе полоцкаго и герсикскаго князей на Ливонію.

§ 7. Въ это самое лѣто [1]) (1203 г.) король плоцекскій неожиданно вторгся въ Ливонію и осадилъ Икескольскій замокъ. Ливы, какъ народъ невооруженный [2]), не оказали ему никакого сопротивленія и обѣщали дать ему деньги [3]). Король взялъ деньги и снялъ осаду. Между тѣмъ нѣкоторые нѣмцы, съ самопалами (арбалетами) и метательными орудіями заняли, по приказанію епископа, Гольмскій замокъ, и когда король подошелъ сюда и хотѣлъ овладѣть замкомъ, то они переранили у него очень много лошадей и заставили русскихъ, которыхъ стрѣлы не перелетали чрезъ Двину [4]), бѣжать.

§ 8. Но король Герсике [1]) подступилъ съ летонами [2]) къ Ригѣ, здѣсь захватилъ пасшійся на лугу скотъ горожанъ, взялъ въ плѣнъ двухъ священниковъ Іоанна Бехтскаго и Фолькгарда Гарпенштедскаго [3]), которые у старой горы съ пилигримами рубили лѣсъ, и убилъ Теодориха Брудегама, который съ горожанами преслѣдовалъ его.

Чудо съ гробомъ благочестиваго монаха.

§ 9. Въ это время благочестиво исполнялъ обязанности пастыря въ Гольмскомъ приходѣ одинъ монахъ, по имени Зифридъ, и

денно и нощно служа Господу Богу, поучалъ ливовъ примѣромъ своего добраго образа жизни. Наконецъ Господь положилъ предѣлъ его многотрудной жизни, и онъ умеръ. Тѣло его, по обычаю вѣрующихъ, множество новокрещенныхъ несли въ церковь[1]) и провожали его со слезами. И когда они, какъ дѣти для своего любимаго отца, дѣлали гробъ изъ хорошаго дерева, то нашли, что доска, отпиленная для покрышки на гробъ, была на цѣлый футъ короче чѣмъ было нужно. Тогда они начали искать подходящаго куска дерева, чтобы надставить доску, и когда нашли такой кусокъ, то примѣрили его къ той доскѣ, и хотѣли было прибить его къ доскѣ гвоздями. Но когда они положили ту доску на гробъ, чтобы вѣрнѣе примѣрить, сколько не достаетъ ей въ длину, то увидѣли, что эта доска не человѣческимъ, а божескимъ искуствомъ удлинилась сама собою и приходилась какъ разъ по гробу. Обрадованные прихожане бросили приготовленную надставку и похоронивъ своего пастыря по обычаю вѣрныхъ, благословили своего Господа, совершившаго такое чудо ради своего святаго[2]).

Примѣчаніе къ VII главѣ.

1) Зеегаузенъ близъ Мейендорфа.

§ 1. 2) Листеръ, въ то время особая область, у Блекингеня.

3) Островъ Эзель, — въ риемованной хроникѣ этотъ островъ называется Озелемъ.

4) Т. е иноземными купцами.

1) О другомъ поведеніи ихъ см. гл. 1, 13 т. гл. 3, 2.

§ 2. 2) Эсты были многочисленнѣе христіанъ, ибо на 16 корабляхъ, считая по 30 чел. на каждомъ, имѣли 480 человѣкъ.

3) Пилигримы, быть можетъ, вступили бы въ сраженіе и безъ разрѣшенія епископа. Сравни гл. 12, 2.

4) Piraticae. По словамъ Генриха, только эзельцы и куры имѣли такіе корабли; но разбойничими кораблями назывались и корабли, построенные извѣстнымъ образомъ, хотя и не были разбойничьими (см. грам. 567); не были-ли то бригантины?

5) Довольно непонятно: развѣ не могли остальные 13 кораблей помочь этому кораблю плыть дальше или тушить пожаръ на немъ? Въ другихъ спискахъ хроники въ этомъ мѣстѣ прибавлено: ими — самими по ихъ волѣ. Не сѣверный ли тутъ обычай сжигать мертвыхъ съ ихъ кораблями?

1) Преемнику Авесалома, того самаго, который одарилъ Альберта См. гл. 3, 3.

§ 3. 1) Отъ досады-ли на жителей, или же изъ желаніе новыхъ битвъ?

§ 4. 2) Кого разумѣть подъ другими? Иноземныхъ купцовъ или ливовъ?

§ 5. 1) Варіантъ: Теодорихъ старшій; слово старшій вѣроятно прибавлено для отличія этаго Теодориха отъ брата епископа Теодориха же (см. § 1).

2) Но Каупо уже названъ въ гл. 4, 4 объ немъ, по видимому, упоминается въ гл. 1, 10. Подобная забывчивость повторяется въ гл. 9, 5; гл. 22, 3; гл. 23, 9.

3) Они возвратились въ Ливонію осенью 1204 г. См. гл. 8, 2.

§ 6 1) Сравни въ рифмованной хроникѣ путешествіе Копе въ Ригѣ (но съ Мейнгардомъ)!

2) Bibliotheca. Эта библіотека, быть можетъ, есть та самая библія, которая впослѣдствіи находилась въ рижскомъ соборѣ и которую, по преданію, писалъ св. Іеронимъ, а папа подарилъ Каупо. Сн. Regeste 1319.

§ 7. 1) Въ лѣто, когда Дитрихъ выѣхалъ изъ Ливоніи.

2) Inermes. Тутъ идетъ дѣлъ о недостаткѣ доспѣховъ, сравни гл. 10, 8; гл. 12, гл. 15, 3. Arma часто означаетъ желѣзные доспѣхи, нагрудники и т. п. Конрада (гл. 5, 2) не было здѣсь: онъ также не позаботился о вооруженіи своего замка. Безъ arma и безъ самострѣловъ замки мало помогали ливамъ.

3) Какія же это деньги? Не уплоченная-ли дань? См. гл. 1, 3; гл. 14, 9; гл. 16, 2; сравни Арнольда Либекскаго. Или же полоцкій князь напалъ въ отмщеніе за набѣгъ (гл. 4, 7), бывшій въ этомъ же 1203 году.

4) У русскихъ не было самострѣловъ. См. гл. 10, 12.

§ 8. 1) Герсикъ, Герсеке, Герцеке, Герцихенъ, Герзекенъ назывался русскимъ замкомъ (гл. 13, 14) и русскимъ городомъ; находился къ востоку отъ Кокенгузена къ Динабургу на сѣверномъ берегу Двины. Остатки каменной стѣны у Штокмансгофа не есть-ли остатки Герсика? Илиже Герсикъ лежалъ восточнѣе, противъ Дубены, сравни гл. 29, 2? Названіе Герсика происходитъ, вѣроятно, отъ русскаго слова городище и въ самомъ дѣлѣ словами герсикъ и городище обозначалась часть Новгорода. Князь Герсикскій Висцевальде, Виссевальде, впервые названный по имени въ гл. 13, 4, былъ Всеволодъ Генрихъ называетъ его другомъ литовцевъ, но онъ навѣрное зависѣлъ отъ полоцкаго князя, хотя объ этомъ Генрихъ и умалчиваетъ, Этотъ Всеволодъ (какъ и князь кокенгузенскій, гл. 9, 10) принималъ участіе въ походѣ на Ливонію.

2) Сравни миръ по гл. 5, 4. Съ какимъ же незначительнымъ числомъ литовцевъ былъ заключенъ этотъ миръ.

Бехта въ Ольденбургѣ; Гарнштетъ между Бехтою и Бременомъ въ Гановерѣ.

4) Дѣлали-ли они замки, см. гл. 12, 4 и гл. 15, 7 или же просто рубили дрова?

§ 9. 1) Церковь были сожжена, гл. 6, 7.

2) Сравни Псал. 4, 4 и 67, 36

ГЛАВА VIII.

Епископства Альберта шестой годъ.

Какъ, послѣ третьяго отъѣзда епископа, на Ригу напали литовцы и ливы.

Въ шестой годъ (съ 1 марта 1204 г.) епископъ, опасаясь, § 1.
что городъ, еще небольшой и слабый, при маломъ числѣ вѣрующихъ могъ подвергнуться сильной опасности вслучаѣ нападенія язычниковъ, снова отправился въ Германію, чтобы собрать пилигримовъ. И ревностно заботясь о крещеніи, онъ ежегодно предпринималъ путешествія въ Германію и обратно, причемъ ему приходилось испытывать частыя и почти невыносимыя затрудненія.

Послѣ его отъѣзда, летоны (литовцы), столь ненавидѣвшіе имя христіанъ, въ соединеніи съ ливами изъ Аскрода и Ленаварда[1]), тогда еще язычниками, въ числѣ 300 человѣкъ подошли къ Ригѣ и снова пытались увести захваченное ими городское стадо, пасшееся на лугахъ. Въ это время въ Ригѣ находилось мало мущинъ и рижане не рѣшались всѣ сразу выйти изъ города изъ опасенія засады, могшей скрываться въ сосѣднихъ лѣсахъ. Но 20 храбрыхъ мужей преслѣдовали непріятеля, отбили скотъ и когда призвали въ помощь всемогущаго Бога и когда подошли рыцари изъ города, то вступили въ бой съ язычниками у Старой горы. И была жаркая схватка, бились до истощенія силъ. Нѣкоторые ливы на ладьяхъ спустились внизъ по Двинѣ, чтобы, пользуясь отсутствіемъ жителей въ городѣ, напасть на него съ другой стороны. Но Господь Богъ защитилъ своихъ: нѣкоторые изъ города напали на нихъ со стрѣлами и обратили

въ бѣгство. Когда тѣ бѣжали, отступили и летоны съ ливами, захвативъ всего три лошади, принадлежавшія горожанамъ и нѣмцы, единодушно благодаря Господа Бога за сохраненіе людей и за возвращеніе скота, весело возвратились въ городъ.

Какъ Дитрихъ и Каупо возвратились домой. Приключенія нѣкоторыхъ пилигримовъ на Балтійскомъ морѣ.

§ 2. Послѣ этого, до наступленія зимы, нѣкоторые рыцари[1]), именно Арнольдъ Мейндорпскій и Бернардъ Зегузенскій и нѣкоторые другіе, вновь возложившіе на себя крестъ и остававшіеся въ Ригѣ[2]), пожелали возвратиться въ Германію. Когда все было изготовлено, что нужно для путешествія, они снялись съ якоря наканунѣ дня рождества Пресвятой Дѣвы Маріи (7 сентября) и когда выходили изъ Двины, то по Божьему соизволенію встрѣтились предъ гаванью[3]) съ тремя кораблями, везшими
§ 3. другихъ пилигримовъ. На этихъ корабляхъ находились братъ Теодорихъ и Каупо, возвращавшіеся изъ Рима, и опечаленные рижане обрадовались ихъ прибытію. Но чѣмъ больше радость объемлетъ христіанъ, тѣмъ больше горе и страхъ проникаютъ массы язычниковъ.

§ 4. Вышеназванные рыцари, долго плавая со своими спутниками по морскимъ волнамъ, прибыли наконецъ къ эстонскому краю. Тутъ эстонцы хотѣли перебить ихъ и воспользоваться ихъ имуществомъ и напали на нихъ на 10-ти разбойничьихъ и 12-ти другихъ судахъ[1]). Но Господь сохранилъ своихъ, ибо ихъ не постигло никакое несчастіе или горе отъ враговъ; напротивъ одно разбойничье судно было разбито христіанами и нѣкоторые изъ язычниковъ были убиты, а нѣкоторые плачевно утонули въ морѣ. Другой разбойничій корабль христіане зацѣпили желѣзными крючьями и хотѣли притянуть его къ себѣ, но язычники предпочли погибнуть въ морѣ, чѣмъ попасть въ руки христіанъ; они побросались одинъ за однимъ съ корабля въ воду и перетонули, а другіе корабли поворотили назадъ и успѣли спастись. И хотя всемогущій Богъ ниспосылаетъ на избранныхъ своихъ разныя бѣдствія для испытанія ихъ подобно золоту въ огнѣ[2]), но никогда не оставляетъ ихъ совершенно, напротивъ отклоняетъ отъ нихъ всякое зло и вселяетъ тѣмъ большій страхъ въ ихъ врагахъ. Когда путешественники послѣ того во время дальнѣйшаго плаванія много дней страдали отъ очень многихъ бѣдствій, въ особенности отъ голода, холода и жажды, и имѣли очень уже скудный запасъ съѣстныхъ припасовъ, они приняли къ себѣ 500 христіанъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и находившихся на берегу, и изъ милосердія дѣлились съ ними съѣстными припасами. И когда имъ ничего уже не оставалось какъ уме-

реть съ голоду—вотъ какой исходъ указало имъ Провидѣніе[3])!—большой купеческій корабль пришелъ, частію подарилъ, частію продалъ имъ съѣстные припасы, и оживилъ алчущихъ, и были сыты[4]). При дальнѣйшемъ плаваніи они подверглись еще наибольшей опасности, ибо буря занесла ихъ на опасныя скалы и они съ большою лишь трудностью отплыли отъ нихъ. Затѣмъ на канунѣ Андреева дня (29 ноября) они достигли гавани въ Висби; отсюда же, запасшись съѣстными припасами, поплыли по направленію къ Даніи. Но тутъ захватили ихъ необыкновенно сильные морозы, такъ что они не могли на кораблѣ пристать къ берегу, потому они оставили корабль во льду, а сами чрезъ Данію пошли въ Германію, забравъ съ собою свои пожитки.

Примѣчанія къ VIII главѣ.

§ 1. 1) Аскрадъ, Ашарадъ, Ашрадъ, на Двинѣ близъ нынѣшней Ашераденской церкви, восточное поселеніе придвинскихъ ливовъ.

§ 2. 1) Благородные мужи, см. гл. 7, 1.

2) При отъѣздѣ Альберта (§ 1), имъ кончился годъ пребыванія въ Ливоніи. Новые пилигримы (хотя немногочисленные, гл. 9, 2) подоспѣли во время.

3) Т. е. въ устьѣ Двины.

§ 4. 1) Другія суда не были ли меньшихъ размѣровъ? См. гл. 15, 3. Не были ли то либурны (мелкія судна). См. гл. 19, 2 и гл. 5.

2) Іона гл. 23, 10.

3) Ев. отъ Луки 1, 78.

4) Еванг. отъ Матѳея гл. 14, 20, отъ Марка гл. 8, 8

ГЛАВА IX.

Епископства Альберта седьмой годъ.

Пораженіе литовца Суэльгата нѣмцами и семигалами.

§ 1. Въ седьмомъ году[1]) (съ 1-го марта 1205), постомъ, когда большая часть этихъ народовъ дѣлаетъ свои набѣги, летоны въ числѣ около 2,000 всадниковъ напали на эстовъ. И когда литовцы подвигались вдоль по Двинѣ и проходили мимо Риги[2]), въ этотъ городъ зашелъ со своими товарищами одинъ богатый и могущественный литовецъ, по имени Суэльгатъ[3]). Между рижанами, встрѣтившими его мирно, былъ одинъ, по имени Мартинъ[4]), который поднесъ Суэльгату меду (напитокъ). Когда онъ выпилъ меду, то, послѣдовавъ за войскомъ, говорилъ своимъ товарищамъ: «А вы не видѣли, какъ у нѣмцевъ, подносившихъ намъ медъ, тряслись руки? Чуть лишь слухъ о нашемъ прибытіи до нихъ дошелъ[5]), какъ они перепугались такъ, что и теперь не перестаютъ дрожать. Теперь пока мы еще не будемъ разрушать города, но когда побѣдимъ всю область, противъ которой идемъ, то возьмемъ въ полонъ этихъ людей и перебьемъ ихъ всѣхъ, а ихъ деревню[6]) уничтожимъ. Ибо едва ли въ этомъ городѣ хватитъ на столько пыли, чтобы ея достало по полной горсти нашему народу»[7]).

§ 2. Спустя нѣсколько дней въ Ригу прибылъ одинъ семигальскій[1]) старшина, по имени Вистгардъ[2]), услышавшій о набѣгѣ литовцевъ и, предупреждая нѣмцевъ[3]), говорилъ имъ, зачѣмъ они дозволили врагамъ мирно пройти мимо границы[4]): литовцы, ознакомившись съ мѣстностію, могутъ со временемъ уничтожить

городъ съ его жителями. Но рижане, по своей малочисленности[5]), не хотѣли начинать никакой войны до возвращенія епископа; потому вышеназванный воинственный Вестгардъ подстрекалъ ихъ въ бою, обѣщая, что онъ приведетъ на помощь очень много семигаловъ и просилъ, чтобы рижане дали ему нѣсколько человѣкъ, знающихъ военное дѣло, которые бы умѣли предводительствовать войскомъ и устроить его къ бою. Нѣмцы, видя настойчивость этого человѣка, сказали, что они согласны на его предложеніе, но только онъ долженъ представить, по выбору ихъ, отъ каждаго семигальскаго поселка по одному заложнику. Съ удовольствіемъ согласился на это Вестгардъ, воротился къ своимъ съ радостію, взялъ названныхъ[6]) заложниковъ съ собою и собралъ многочисленное войско. Приведя войско, онъ сдалъ заложниковъ нѣмцамъ и поелику заложники оказались достаточно надежными, потому семигаламъ и была оказана помощь и дружба[7]). Тогда дружина епископа съ братьями воинства Христова и рыцарь Конрадъ Икескольскій[8]) съ немногими другими, безъ которыхъ можно было обойтись (въ городѣ), отправились къ войску и съ семигалами начали ждать на возвышенныхъ мѣстахъ возвращенія летоновъ. Между тѣмъ послали способныхъ соглядатаевъ въ § 3.
Торейду, чтобы они тщательно развѣдали и сообщили о пути непріятеля. Вышеназванный предводитель семигаловъ собралъ также съ отдѣльныхъ домовъ въ Ригѣ съѣстные припасы, которые онъ и роздалъ войску, пришедшему съиздалека.

Летоны возвращались съ безчисленнымъ множествомъ плѣнныхъ и несмѣтною добычею скота и лошадей. Вступивъ въ Ливонію, они шли отъ деревни къ деревнѣ и дошли наконецъ до замка Кауно[1]), гдѣ, довѣряя миру ливовъ[2]), расположились на ночлегъ у нихъ. Высланные нѣмцами и семигалами соглядатаи, съ точностію развѣдавъ о возвращеніи летоновъ, донесли обо всемъ своему войску, а на другой день пошли на развѣдки другіе соглядатаи, которые и узнали, что летоны хотятъ возвращаться домой не прежнею дорогою, а черезъ Роденпойсъ[3]) и Икесколу. Войско (малева)[4]) обрадовалось этому и наперерывъ другъ предъ другомъ стало готовиться къ бою[5]). Летоны подходили со своею добычею и плѣнными, число которыхъ было больше тысячи, и раздѣлили свое войско на двѣ части, поставили плѣнныхъ въ серединѣ и подвигались по глубокому снѣгу впередъ по одиночкѣ одинъ за другимъ[6]) Но чуть лишь передовые замѣтили предъ собою слѣды людскихъ ногъ, они, подозрѣвая засаду, остановились, задніе же вмѣстѣ съ плѣнными подходили и такимъ образомъ составился клинъ. Какъ только семигалы увидѣли массу летоновъ, то нѣкоторые перепугались до того, что, не отваживаясь на битву, искали какъ бы уйти въ безопасное мѣсто. Это

подмѣтили нѣкоторые изъ нѣмцевъ; они обратились къ рыцарю Конраду и настоятельно просили у него дозволенія имъ, нѣмцамъ, первымъ сразиться съ врагами Христа и представили ему, что гораздо полезнѣе со славою умереть за Христа, чѣмъ съ позоромъ и безчестіемъ ихъ народа предаться бѣгству. И Конрадъ, по рыцарскому обычаю, надѣвъ латы на себя и на коня, съ немногими бывшими тутъ нѣмцами напалъ на летоновъ. Летоны, испугавшись блеска рыцарскихъ доспѣховъ (Господь Богъ также навелъ на нихъ ужасъ), отступили назадъ предъ ними на всѣ стороны. Тогда предводитель семигаловъ, видя, какъ летоны, по Божьему милосердію, пришли въ ужасъ, ободрилъ своихъ, чтобы мужественно шли на враговъ и когда войско собралось, то летоны были всюду разсѣяны какъ овцы по дорогѣ[7]), и отъ острія меча погибло ихъ 1200 человѣкъ.

§ 4. Одинъ изъ епископской дружины, Теодорихъ Спилингъ, нашелъ Суэльгата, который говорилъ объ истребленіи божьяго города[1]); онъ увидѣлъ его сидящимъ въ саняхъ и пронзилъ ему бока копьемъ. Нѣкоторые изъ семигаловъ, увидѣвъ его барахтающимся, отрубили ему голову, положили въ свои сани, нагруженныя множествомъ литовскихъ головъ[2]), и увезли ее въ Семигалію.

Нѣкоторые изъ плѣнныхъ эстовъ, которые поступали въ прежнее время непріязненно противъ христіанъ, были также изрублены мечемъ[3]). Такимъ образомъ христіане, въ союзѣ съ языческими семигалами, одержали полную побѣду надъ обоими народами, именно надъ летонами и эстами.

Послѣ побѣды надъ летонами и эстами нѣмцы и семигалы поворотили назадъ и начали опустошать землю этихъ народовъ. И получивъ безчисленную добычу — какълошадей и скота, такъ платья и оружія, они, по милости Божіей, возвратились домой, благодаря Господа, цѣлыми, здравыми и невредимыми.

§ 5. Разсказывалъ одинъ священникъ[1]), по имени Іоаннъ, находившійся въ это время въ плѣну въ Литвѣ, что 50 женщинъ, по причинѣ смерти ихъ мужей, приняли смерть чрезъ повѣшеніе[2]), поелику вѣрили, что они въ другой жизни тотчасъ же будутъ снова жить со своими мужьями.

Какъ епископъ, при четвертомъ своемъ прибытіи, привезъ съ собою много пилигримовъ.

§ 6. Когда въ Германіи много народа возложило на себя крестъ, тогда господинъ епископъ возвратился на корабляхъ и взялъ съ собою своего брата Ротмара изъ Зигебергскаго монастыря[1]), ибо имѣлъ полномочіе отъ благочестивѣйшаго апостольскаго отца Инокентія брать съ собою въ спутники своего подвига изъ каж-

даго монастыря по одному брату, кто захочетъ[2]). Такъ ведомые тѣмъ, кто повелѣваетъ вѣтрами и моремъ[3]), они прибыли въ Ригу, гдѣ господинъ епископъ, давно уже ожидаемый своими, былъ съ подобающею честью принятъ со всѣмъ воинствомъ пилигримовъ. Тутъ былъ предводитель войска[4]) графъ Генрихъ Стумпенгузенскій, Коно Изенборгскій, благородный мужъ, и другіе рыцари какъ изъ Вестфаліи, такъ и Саксоніи, съ прочими пилигримами.

О Динаминдскомъ монастырѣ и его аббатѣ Дитрихѣ. О крестовомъ походѣ противъ ливовъ въ Икскуль. Леневарденъ и Ашераденъ.

Поелику епископъ съ помощію и совѣтомъ столь многихъ мужей желалъ расширить виноградникъ Господень[1]) между язычниками, потому они, послѣ прибытія къ Двинѣ, построили монастырь для цистерціенскихъ монаховъ въ Динаминдѣ, настоятелемъ (аббатомъ) котораго епископъ поставилъ вышеназваннаго брата Теодориха и послалъ въ икескольскій замокъ Конрада Мейендорпскаго, которому онъ этотъ замокъ еще прежде отдалъ въ ленъ[2]), дабы чрезъ его прибытіе ливы знали, что къ нимъ прибудетъ епископъ съ нѣкоторыми пилигримами, котораго они должны встрѣтить какъ дѣти отца, а также для того, чтобы условиться съ Конрадомъ на счетъ сохраненія мира между ливами и дальнѣйшаго распространенія вѣры[3]). § 7.

Когда ливы, тѣ самые, кои, сподобившись крещенія отъ перваго ливонскаго епископа Мейнарда, смѣялись надъ вѣрою Христовою и часто говорили[1]) что погруженіемъ въ Двину они очистились отъ крещенія, услышали о прибытіи епископа, то съ прочими, кои были еще язычниками, начали готовиться къ побѣгу[2]). И когда наступило утро, то они позвали къ себѣ вышеназваннаго Конрада и замышляли скрытно его убить. Но какъ замѣченная при прицѣливаніи стрѣла рѣдко попадаетъ въ цѣль, то онъ, зная о ихъ хитрости, прибылъ къ нимъ со своими товарищами одѣтый въ свои доспѣхи и давалъ имъ, когда многіе заговорили съ нимъ, каждому подлежащій отвѣтъ. Между тѣмъ прибыли передовые люди епископа. Ливы, изумленные этимъ еще болѣе, предались бѣгству и, ввѣривъ свое спасеніе челнамъ, поплыли съ женами и дѣтьми къ Леневардскому замку, чѣмъ довольно ясно показали, что они ни мало не заботятся о принятомъ уже прежде крещеніи. Когда пилигримы увидѣли, какъ новообращенные ливы безчинствуютъ, забывая прежде принятую вѣру, то воспламенились ревностію ко Господу и пошли преслѣдовать бѣгущихъ. Замѣтивъ, что они, соединившись съ прочими леневардскими язычниками, оставили деревни и удалились съ ними въ глубь лѣсовъ, пилигримы зажгли ихъ замокъ и § 8.

§ 9. обратили его въ пепелъ. Когда послѣ этого пилигримы двигались по Двинѣ, ливы изъ аскротскаго замка[1]), увидѣвъ, что сдѣлалось, нашли себѣ болѣе безопасныя убѣжища въ лѣсахъ. Затѣмъ, когда ихъ замокъ, по милости Господа, былъ сожженъ, они дали заложниковъ и заключили миръ съ нѣмцами, обѣщая въ скоромъ времени прійти въ Ригу креститься, что впослѣдствіи такъ и исполнилось.

Договоръ съ русскимъ кокенгузенскимъ княземъ Вячко.

§ 10. Когда куконойскій король Ветсеке (Вячко)[1]) услышалъ, что латинскіе пилигримы пришли въ столь значительныхъ силахъ и находятся вблизи его владѣній, именно въ трехъ миляхъ, то прислалъ гонца къ епископу съ просьбою прислать ему проводника, и такимъ образомъ прибылъ на кораблѣ къ епископу. Тутъ-то они, подавъ другъ другу правыя руки и привѣтствовавъ другъ друга, заключили прочный миръ, который, впрочемъ, не долго продолжался. По заключеніи мира, король простился со всѣми и весело возвратился домой къ себѣ.

Дальнѣйшія непріязненныя дѣйствія противъ двинскихъ ливовъ. Рыцарь Конрадъ Мейендорфскій занимаетъ Икескульскій замокъ.

§ 11. Когда это происходило и пилигримы возвращались домой по своей дорогѣ, на нихъ жестоко напали въ густомъ лѣсу по дорогѣ въ Мемекуль[1]) ливы изъ Леневардскаго и Икескольскаго замковъ.

Но нападеніе ихъ обошлось безъ большой опасности для пилигримовъ и они прибыли въ Икесколу.

Увидѣвъ, что этотъ замокъ (Икескола) сильно укрѣпленъ (онъ былъ построенъ епископомъ Мейнардомъ) и пустъ, то показалось имъ, что ливы не достойны имѣть такое укрѣпленное мѣсто, ибо они хотя и были крещены, но все являлись бунтовщиками и невѣрующими. И по этой то причинѣ они ввели Конрада во владѣніе этимъ леномъ и оставили ему изъ пилигримовъ нѣсколькихъ храбрыхъ и готовыхъ къ бою мужей. Они хотѣли также снабдить его хлѣбомъ и для того сжали спѣлые уже посѣвы ливовъ частію серпами, а частію мечами. А какъ они не были въ состояніи выдержать частыхъ засадъ язычниковъ, то жали всѣ вооруженные. И когда замокъ былъ наполненъ хлѣбомъ сверху до низу, то епископъ, довольный подобнымъ распоряженіемъ, поручилъ Господу Богу остающихся здѣсь людей, а самъ съ прочими пилигримами отправился въ Ригу.

§ 12. Вскорѣ послѣ этого, когда пилигримы вышли изъ Икескольскаго замка для сбора зерноваго хлѣба[1]), на нихъ въ лѣсахъ напали ливы и умертвили 17 человѣкъ[2]), изъ которыхъ одних

принесли въ жертву своимъ богамъ, другихъ жестоко замучили. Однако, не смотря на эти и подобные поступки, противники Христа не только не зажали ротъ христіанамъ для проповѣди слова Божія[3]), но напротивъ изъ распространенія вѣры увидѣли, что она съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе силъ, защищаясь и научая.

Двинскіе ливи покоряются

Такимъ образомъ произошло, что всѣ ливы, жившіе по Двинѣ, § 13.
въ смущеніи сердца и съ пристыженнымъ духомъ, дали заложниковъ и. примирившись съ епископомъ и прочими нѣмцами, обѣщали, что тѣ, кто еще пребывалъ въ язычествѣ, примутъ крещеніе. Такъ случилось, что некрещеный и преданный языческимъ обычаямъ народъ, повинуясь зову Христа, приведенъ былъ подъ иго Господне, оставилъ тьму язычества и узрѣлъ истинный свѣтъ, который есть Христосъ. Поэтому имъ справедливо дозволено было имѣть снова деревни и поле и то, что они потеряли по праву; но они были совсѣмъ исключены изъ замка[1]), устроеннаго близъ деревни Икесколы, и за тѣмъ какъ Леневардскіе такъ и Икескольскіе ливы воротились во свояси.

О духовномъ зрѣлищѣ въ Ригѣ.

Въ эту же самую зиму (1206 г.) была устроена въ Ригѣ[1]) § 14.
мистерія (духовное представленіе), съ тѣмъ чтобы язычники изъ представленія въ лицахъ могли научиться первымъ началамъ христіанской вѣры. Содержаніе этого представленія, на которомъ находились какъ новообращенные, такъ и язычники, было тщательно переводимо имъ толмачемъ. Но когда Гедеонъ въ доспѣхамъ началъ бороться съ филистимлянами, то язычники изъ страха, чтобы ихъ не перебили, начали убѣгать изъ представленія, но были съ предусмотрительностію позваны назадъ.

Церковь малое время пребывала въ тишинѣ и покоилась въ мирѣ. Но упомянутое зрѣлище было какъ бы прологомъ и предвѣщаніемъ будущаго, потому что въ этомъ зрѣлищѣ были представлены войны Давида, Гедеона и Ирода, тутъ изображалось въ лицахъ ученіе ветхаго и новаго завѣта, а въ будущемъ приходилось посредствомъ многочисленныхъ войнъ обратить язычниковъ и посредствомъ ученій ветхаго и новаго завѣта указать, какимъ образомъ они могутъ достичъ истиннаго миродателя и вѣчной жизни.

Примѣчанія къ IX главѣ.

§ 1. 1) Въ варіантѣ прибавлено: достоинства епископа Альберта въ лѣто Господне 1204 г. Поэтому литовцы выступили въ походъ въ мартѣ 1205 г. предъ 25 числомъ. Постомъ здѣсь означается не великій постъ, а постъ вообще, какъ то часто встрѣчается въ лѣтописи. См. 2, 10, Срав. гл. 18, 6 и 22, 9.

2) Существовали-ли въ это время между литовцами и Ригою миръ и дружба по гл. 5, 4 и вопреки гл. 7, 8 и 8, 1? И почему литовцы избрали эту дорогу? Хотѣли-ли они что развѣдать (см. ниже § 1 и 2), или думали по льду пробраться на Эзель? Ср. гл. 13, 4. Сюда могутъ относиться стихи 1424—84 риѳмованной хроники.

3) Нѣсколько измѣненная форма этаго имяни встрѣчается тоже въ § 5 и въ гл. 25, 2. Упоминаемый въ гл. 11, 5 литовскій предводитель былъ-ли Суэльгатъ или кто либо другой?

4) Варіантъ: Мартинъ фризъ.

5) Т. е. когда мы проходили мимо города.

6) Городъ Риги былъ еще не великъ, а городскія стѣны были не высоки и не обширны.

7) 1 Царствъ, гл. 20, 10. Язычникъ говорить библейскимъ языкомъ! Конечно подобно сирійцу Бенгададу. Сравни гл. 13, 4.

§ 2. 1) По гл. 23, 4 старшина Терветенской земли.

2) Такъ онъ названъ въ спискѣ Замойскаго; онъ же называется Вестгардъ и Вестардъ; въ риѳмованной хроникѣ Вестеръ.

3) О дружбѣ семгаловъ см. 6, 7; о враждѣ ихъ съ литовцами см. гл. 5, 4; гл. 12, 2.

4) Не чрезъ границу-ли ихъ земли?

5) Пилигримовъ (см. гл. 8, 2), значитъ, было не много.

6) Какихъ же названныхъ? Названныхъ прежде? Но могли-ли въ Ригѣ на сколько обстоятельно знать лично семгаловъ? Вмѣсто названныхъ не будетъ ли помянутыхъ, т. е. изъ числа тѣхъ, которыхъ рижане желали получить.

7) Слѣд. къ заключенной (гл. 6, 7) дружбѣ теперь присоединилась и помощь? Срав. гл. 5, 4.

8) Конрадъ Икескольскій, повидимому, еще находился въ Ригѣ. См, гл. 5, 2; гл. 9, 7.

§ 3. 1) Трейденъ? См. прим. къ гл. 15, 3.

2) Гл. 5, 4? Или довѣрившись ихъ обѣщенію пребывать въ мирѣ. Сравни гл. 10, 11.

3) Роденпойсъ — деревня у Егельскаго озера. Нынѣшнее имѣніе и церковь Роденпойсъ лежатъ восточнѣе прежняго Роденпойса, почти по срединѣ между Трейденомъ и Искскулемъ.

4) Малева, мальвеа — войско. См. гл. 19, 9; гл. 20, 2; гл. 23, 7. Слово малева употреблялось до XIV столѣтія, по большей части въ смыслѣ военнаго похода. По всей вѣроятности это древнее эстонское слово.

5) По всей вѣроятности они не остались на возвышенныхъ мѣстахъ (прималомъ Кангерѣ, у Аллаша?).

6) Большая часть литовцевъ были на лошадяхъ, см. § 1; предводитель ѣхалъ въ саняхъ, см. ниже § 4.

7 1 Царстъ, гл. 22, 17.

§ 4. 1) Объ этомъ можно было узнать лишь отъ плѣнныхъ, но теперь онъ не шелъ на Ригу.

2) Какъ знакъ побѣды. Сравни гл. 10, 8; гл. 21, 3.

3) Не эзельцы-ли? Гл. 7, 1; гл. 8, 4; Гл. 9, 1.

§ 5. 1) Надобно полагать, что это тотъ самый Іоаннъ, о которомъ упомянуто въ гл. 7, 8.

2) Литовцы вѣрили въ загробную жизнь, которая продолжалась по образцу земной. Самоубійство чрезъ повѣшеніе было въ наибольшемъ употребленіи у литовцевъ; сравни гл. 25, 4.

§ 6. 1) См. гл. 1, 2; гл. 6, 3.

2) Сравни гл. 18, 8 и Арнольда.

3) См. Евангеліе отъ Матѳея 8, 26; отъ Луки 8, 25.

Belli dux, вѣроятно предводитель этого крестоваго ополченія. Ср. гл. 28, 5 Стумпетузенъ замокъ въ Гоѣ. Изенбургъ замокъ на Рурѣ.

§ 7. 1) Псал. 79, 12. Іезекіиля 17, 7.

2) Къ гл. 5, 2. Не отправился-ли Конрадъ только теперь въ первый разъ въ свой замокъ?

3) Не намекъ-ли это на выступленіе въ походъ крещеныхъ ливовъ? Сравни гл. 10, 8.

§ 8. 1) См. гл. 1, 9; гл. 2, 8.

2) Ночью, повидимому, тотчасъ-же по прибытіи Конрада въ замокъ.

§ 9. 1) Нынѣ двѣ такъ называемыя батареи близь церкви; позднѣйшій нѣмецкій ашераденскій замокъ находился далѣе къ востоку.

§ 10. 1) Куконойсъ, нынѣ Кокенгузенъ, и Герсике, русскія поселенія по Двинѣ, выше Ашерадена, принадлежали къ полоцкому княжеству.

§ 11. 1) Мемекюль — должно быть лежала между Ашераденомъ и Икскулемъ; кюле по ливски значитъ — деревня.

§ 12. Зачѣмъ же они собирали еще, когда замокъ былъ уже полонъ хлѣба?

2) Хотя пилигримы и были вооружены?

3) Псаломъ 62, 12; посланіе къ Римлянамъ 3, 19.

§ 13. 1) Теперь уже можно было упоминать объ Икскулѣ, какъ объ укрѣпленномъ замкѣ.

§ 14. 1) На площади или не на кладбищѣ-ли? Сравни гл. 13, 4. Мистерія была играна, вѣроятно, на латинскомъ языкѣ.

ГЛАВА X.

Епископства Альберта восьмой годъ.

Какъ ливы возбудили полоцкаго князя Владиміра противъ нѣмцевъ, но аббатъ Дитрихъ устранилъ опасность.

§ 1. Когда начался восьмой годъ (съ 1-го марта 1206), епископъ хотѣлъ снискать дружбу и расположеніе Вольдемара, короля плоцевскаго, которыми пользовался у него предмѣстникъ епископа, Мейнардъ, и послалъ въ подарокъ къ королю боеваго коня съ доспѣхами чрезъ аббата Теодориха. Но дорогою аббатъ былъ ограбленъ летонскими (литовскими) разбойниками; онъ потерялъ все, что имѣлъ съ собою[1], но ему удалось лишь живымъ и невредимымъ предстать къ королю.

По прибытіи въ городъ, аббатъ засталъ тамъ нѣсколькихъ ливовъ тайно высланныхъ туда своими старшинами, съ тѣмъ, чтобы побудить короля къ изгнанію нѣмцевъ изъ Ливоніи; они передали ему, въ льстивыхъ и обманныхъ рѣчахъ, все, что могли коварнымъ образомъ выдумать или сказать противъ епископа и его людей; они заявили, что епископъ съ дружиною своею сдѣлались нестерпимыми имъ и что иго вѣры для нихъ несносно[2]) Король вполнѣ повѣрилъ ихъ словамъ: потому приказалъ всѣмъ, находившимся въ его королевствѣ[3]), немедленно же готовиться къ походу, чтобы, пользуясь сильнымъ теченіемъ рѣки Двины[4]), на корабляхъ или на связанныхъ между собою бревнахъ[5]) съ необходимыми для похода припасами скоро и удобно плыть къ Ригѣ[6]).

Нѣмецкіе послы ничего не знали ни о наущеніяхъ ливовъ, ни о намѣреніи короля. Получивъ приказаніе явиться къ коро-

лю, они, въ присутствіи ливовъ, были спрошены, съ какою цѣлію прибыли къ королю. Послы сказали, что они прибыли мира и дружбы ради; тогда ливы воскликнули, что послы и не хотятъ, и не держатъ мира. Поелику же слова ливовъ были преисполнены проклятія и горечи, то возбудили сердце и духъ короля скорѣе къ войнѣ, чѣмъ къ миру.

Король, опасаясь обнаруженія своихъ скрытныхъ намѣреній, § 2.
удалилъ отъ себя нѣмцевъ и велѣлъ имъ оставаться въ постояломъ дворѣ. Однако же аббатъ, продолжая переговоры[1]), посредствомъ подарка и денегъ успѣлъ подкупить одного изъ королевскихъ совѣтниковъ и отъ него безъ дальнихъ проволочекъ узналъ о королевскомъ замыслѣ. Послѣ этого открытія, чудотворное Провидѣніе Господа Бога явилось на помощь аббату и измѣнило дѣла къ лучшему. Именно аббатъ узналъ, что въ томъ городѣ находится какой-то нищій изъ Гольмскаго замка; онъ подкупилъ этого нищаго полумаркою серебра, чтобы тотъ отнесъ письмо къ рижскому епископу и всей церкви вѣрующихъ; а въ письмѣ аббатъ написалъ обо всемъ, что слышалъ и видѣлъ. Отъ этого произошло то, что многіе изъ пилигримовъ, которые уже приготовились ѣхать за море, снова приняли крестъ и возвратились въ Ригу (изъ Динаминда). Самъ епископъ, приготовившійся было ѣхать съ другими, простился съ отъѣзжавшими, и также воротился въ Ригу къ своимъ.

Король, узнавъ о поступкѣ аббата, приказалъ позвать его § 3.
къ себѣ и спрашивалъ, посылалъ-ли онъ гонца въ Ригу. Но аббатъ, не устрашившись лика короля, отвѣчалъ, что онъ чрезъ кого-то переслалъ письмо. Тогда прочіе послы, которые были посланы вмѣстѣ съ нимъ изъ Риги, изъ страха королевскаго гнѣва неотступно начали просить аббата и внушать ему, чтобы онъ отрекся отъ своихъ словъ. Однакоже аббатъ зналъ, что сказаннаго слова не воротишь: потому отказался отрекаться отъ того, что говорилъ королю.

Король, видя, что подобнымъ образомъ онъ ничего не достигнетъ, ибо его намѣреніе было открыто, прибѣгнулъ не къ военной силѣ, а къ хитрости, потому что кто льстивыми словами говоритъ, тотъ жалитъ, какъ змѣя, крывающаяся въ травѣ. Аббатъ былъ отосланъ домой, а вмѣстѣ съ нимъ съ лукавымъ намѣреніемъ[1]) было снаряжено русское посольство съ мирными предложеніями. Русскіе послы обязаны были, по выслушаніи обѣихъ сторонъ, ливовъ и епископа, опредѣлить, на чьей сторонѣ была правда, и это рѣшеніе должно было имѣть силу.

Русскіе повѣренные въ Ливоніи; собраніе мятежныхъ ливовъ на рѣкѣ Огерѣ; епископъ Альбертъ отказывается прійти въ собраніе.

Отпущенные королемъ, послы отправили изъ Кукенойса, русскаго замка, котораго они достигли очень скоро[1]), діакона Стефана (другаго однако, а не первомученика!)[2]) съ аббатомъ въ Ригу пригласить епископа, дабы онъ прибылъ къ посламъ къ 30 мая, дню, назначенному для переговоровъ на одномъ мѣстѣ у рѣки Вогене[3]). Послы разослали гонцовъ всюду по деревнямъ и сзывали ливовъ и летовъ, собственно называемыхъ летигалами, съ ихъ соратниками на собраніе. Пришли ливы, не столько изъ повиновенія королевской волѣ, сколько, готовые служить на погибель христіанъ. Леты и летигалы[5]), въ то время еще язычники, довольные жизнію христіанъ и охотно видѣвшіе ихъ благосостояніе, не пришли къ переговорамъ коварныхъ и не склонились подарками, которые имъ давали русскіе, причинить зло нѣмцамъ.

§ 4. Когда вышеназванный Стефанъ пригласилъ епископа отъ имени королевскихъ пословъ прійти къ тѣмъ переговорамъ, то епископъ, по совѣту своихъ, далъ ему слѣдующій отвѣтъ: «Извѣстенъ, говорилъ онъ, общій обычай во всѣхъ странахъ, что посолъ своего государя приходитъ или посѣщаетъ того, къ кому онъ посланъ, и что князь, какъ бы онъ ни былъ снисходителенъ или ласковъ, никогда не выходитъ изъ своей крѣпости на встрѣчу посламъ. Подобаетъ, говорю, дабы посольство и послы находились въ нашемъ городѣ, дабы ихъ можно было принять и угостить съ честію. Приходите же безъ всякихъ опасеній къ почетному пріему» [1]).

Съ приближеніемъ назначеннаго дня (30 мая), вооруженные ливы собрались у рѣки Вогеле на переговоры. Старшины изъ Гольмскаго замка, зачинщики всей бѣды, отправились сюда на
§ 5. кораблѣ и, приставъ къ Икесколѣ, звали ѣхать съ собою и находившихся тамъ нѣмцевъ. Но нѣмцы, опасаясь коварства ливовъ, отказались ѣхать. Тогда они продолжали начатый путь и совѣщались со своими земляками объ изгнаніи христіанъ [1]).

Мученическая смерть двухъ икскульскихъ ливовъ у рѣки Огера.

Между тѣмъ два новокрещеные икескольца, именно Киріанъ и Лайянъ пришли къ Конраду, который начальствовалъ въ замкѣ, и настоятельно просили его отпустить ихъ на сборище ливовъ, дабы они могли узнать о замыслахъ, какіе затѣваются противъ христіанъ. Они надѣялись на большое число своихъ родственниковъ и друзей, и потому не боялись итти къ страшному скопищу противниковъ. Конрадъ, предвидя, какъ подобный

поступокъ неблагоразуменъ при испытанной уже злобѣ ливовъ, совѣтовалъ имъ остаться; но, видя ихъ настойчивую просьбу, позволилъ имъ итти къ сборищу.

По прибытіи въ кругъ (на совѣщаніе), они тотчасъ же были принуждаемы старшинами отказаться отъ вѣры во Христа и отречься нѣмцевъ. Они, крѣпкіе въ любви къ Господу, сказали, что къ принятой вѣрѣ прилѣпились всѣмъ сердцемъ и что никакія мученія не могутъ отлучить ихъ отъ любви и общенія съ христіанами. Тогда въ сердцахъ ихъ родственниковъ возникла противъ нихъ ненависть большая, чѣмъ любовь, которую они имѣли къ нимъ прежде. По общему приговору ливовъ, ихъ связали по ногамъ веревками и разорвали пополамъ: страшныя мученія причинили имъ, вынули внутренности, оторвали руки,
ноги [1]). Нѣтъ сомненія, что они со святыми мучениками за столь § 6.
великое претерпѣнное мученіе сподобились вѣчной жизни. Тѣла ихъ покоятся въ икескольской церкви и положены рядомъ съ могилами епископовъ Мейнарда и Бертольда, въ коихъ положены первый какъ исповѣдникъ, а второй какъ мученикъ, убитый, какъ сказано выше, тѣми же самыми ливами.

Мятежники собираются въ Гольмскомъ замкѣ.

Послѣ этого ливы постановили между собою собраться изо всѣхъ частей ихъ земли, овладѣть ближайшимъ къ городу гольмскимъ замкомъ, покорить рижанъ, которыхъ въ то время было немного числомъ [1]), и Ригу разрушить. Постановивъ и условившись въ этомъ, они, забывъ о принятомъ причастіи, забывъ крещеніе, отрекшись вѣры, не соблюдая мира, а начиная новую войну, толпами повалили къ Гольму и пришли сюда (31 мая), всѣ вмѣстѣ какъ тѣ, чтобы были призваны отъ литовцевъ, такъ и торедцы и вейнальцы [2]).

Мученическая смерть священника Іоанна и двухъ другихъ въ Гольмѣ.

Теперь гольмцы, всегда алчные къ кровопролитію, схватили § 7.
своего священника Іоанна, отрубили ему голову, а тѣло разсѣкли на куски. Этотъ мужъ родомъ изъ Вирланда [1]) изъятый отъ язычества съ дѣтства, былъ преосвященнымъ Мейнардомъ освобожденъ изъ плѣна и для наученія священному писанію отданъ въ Зегебергскій монастырь [2]). Оказавъ очень хорошіе успѣхи въ ученіи, онъ былъ перевезенъ въ Ливонію епископомъ Альбертомъ, рукоположенъ въ священники, и въ гольмскомъ приходѣ [3]) много народа обратилъ вь христіанство. Онъ то наконецъ, по совершеніи своего труда съ двумя другими [4]), Гергардомъ и Германомъ, за исповѣданіе вѣры, какъ выше сказано, сподобились вѣчной

жизни пальмою мученичества. Ихъ тѣла и кости были собраны другими священниками и епископомъ со своею капитулою благочестиво преданы погребенію въ Ригѣ въ церкви пресвятой Маріи.

Что гольмскіе ливы сдѣлали послѣ; взятіе ихъ замка христіанами.

§ 8. Когда это совершилось и толпы ливовъ скоплялись въ гольмскомъ замкѣ, нѣкоторые изъ новокрещеныхъ, Лембевальдъ съ нѣкоторыми другими, пребыли вѣрными и, оставивъ въ Гольмѣ своихъ женъ и семейства, пошли въ Ригу и представили епископу, какимъ образомъ онъ можетъ защититься отъ противниковъ, ибо они желали успѣха болѣе христіанамъ, чѣмъ своимъ коварнымъ ливамъ.

Ливы пробыли въ замкѣ нѣсколько дней. И нѣкоторые изъ нихъ пошли къ Ригѣ, гдѣ увели лошадей съ луговъ, перебили людей, какихъ застали, и совершали всякое зло, какое только могли сдѣлать. Наконецъ нѣкоторые изъ пресыщенія воротились домой, а нѣкоторые остались (въ Гольмѣ).

Епископъ, услышавъ объ отступленіи нѣкоторыхъ, созвалъ братьевъ рыцарства и горожанъ и пилигримовъ и спрашивалъ, что дѣлать противъ замысловъ ливовъ. Всѣмъ казалось выгоднымъ, призвавъ на помощь всемогущаго Бога и поручивъ ему юную церковь, начать войну съ тѣми, что въ Гольмѣ, ибо лучше всѣмъ умереть за вѣру Христову, чѣмъ претерпѣвать ежедневныя мученія. Потому поручили городъ епископу; сильнѣйшіе же между нѣмцами, вмѣстѣ съ рижскими ливами[1]) вооружились, взяли самострѣлы и другія съ собою, сѣли на корабли и пристали къ гольмскому замку на двѣнадцатый день послѣ Тройцы (4 іюня).

Непріятели предвидѣли нападеніе и мужественно стали противъ нѣмцевъ, чтобы защитить берегъ и не допустить высадки. Христіане, по причинѣ своей малочисленности, замялись, ибо ихъ было всего 150 человѣкъ, а непріятелей многочисленныя толпы. Но испросивъ въ своемъ молитвенномъ пѣніи божьяго милосердія, они ободрились и выскочили изъ судовъ; изъ нихъ первый выскочилъ Арнольдъ, братъ рыцарства, за нимъ епископская дружина изъ другаго корабля съ прочими пошли на непріятеля, сражаясь сперва въ водѣ, укрываясь (щитами) отъ камней и стрѣлъ непріятеля, летавшихъ на нихъ во множествѣ. Послѣ упорнаго боя, они овладѣли наконецъ берегомъ. Ливы, поражаемые стрѣлами, дали тылъ; одни изъ нихъ были убиты; другіе, хотѣвшіе переплыть Двину, утонули; иные обратились въ замокъ, а другіе хоть переплыли рѣку и тѣмъ спаслись, но не избѣгли ада.

Былъ между ними Ако, ихъ начальникъ и старшина, зачинщикъ всей измѣны и всего зла, который наущалъ короля плоцекскаго къ войнѣ съ рижанами, который поднималъ летоновъ (литовцевъ), который призывалъ торейдцевъ и всю Ливонію къ нападенію на христіанъ. Онъ былъ убитъ въ числѣ прочихъ, и голова убитаго съ извѣстіемъ о побѣдѣ была послана епископу. Епископъ со своими клериками, отслуживъ обѣдню, въ благочестіи и молитвѣ ждалъ прибытія кого либо, кто бы извѣстилъ его о происходившемъ, но сердце его было исполнено упованіемъ къ Господу. И вотъ вдали неожиданно появился челнокъ, въ которомъ ѣхалъ какой-то братъ рыцарства съ нѣсколькими ранеными и представилъ епископу голову Ако, какъ знакъ побѣды. Епископъ, исполненный радости со всѣми, что остались дома, возблагодарилъ Бога, который посредствомъ немногихъ доставилъ спасеніе своей церкви[2]).

Между тѣмъ христіане подошли къ переводнымъ укрѣпленіямъ[1]), подложили огонь къ стѣнамъ замка, метательными орудіями начали бросать огонь и камни въ замокъ, и самострѣлами переранили весьма многихъ на валу, — такъ что тѣхъ, которые остались невредимыми, оказалось уже мало для защиты; по тому торейдцы запросили мира. Миръ былъ данъ, и имъ, почти всѣмъ перераненымъ, было позволено выйти изъ замка. Но гольмцы, зачинщики зла, принуждены были сдаться; ихъ старшины были отведены въ Ригу и тамъ, по заслугамъ, ввержены въ оковы; остальные же, находившіеся въ замкѣ, по причинѣ таинства крещенія, которое они давно уже приняли, были пощажены и имъ не было причинено никакого зла. § 9.

Все, что знаменитаго совершилось въ Ливоніи, Господь Богъ совершилъ не силою многихъ, а силою не многихъ, потому за многократныя побѣды да прославится Господь во вѣки.

Голодъ въ Ригѣ. Нѣмцы овладѣваютъ замкомъ Гольмомъ.

Въ это время произошелъ въ городѣ голодъ и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и Господь Богъ послалъ епископскаго священника Даніила изъ Готланда съ двумя судами, наполненными до верху зерновымъ хлѣбомъ и тому подобнымъ, что нужно было.

Этого самаго Даніила послалъ епископъ со своими воеводами (фохтами, судьями) Гевегардомъ и Армбрустеромъ и нѣкоторыми другими занять вышеназванный замокъ Гольмъ, дабы ливы не могли призывать туда ни русскихъ, ни язычниковъ, и не могли противиться христіанамъ. Гольмскихъ старшинъ послѣ этого епископъ взялъ съ собою въ Германію, чтобы тамъ они, всегда невѣрные, видѣли и слышали обычаи христіанъ и научились быть вѣрными.

Первый походъ противъ ливовъ на рѣкѣ Аа.

§ 10. Послѣ того рижане, вспомнивъ о всѣхъ несправедливостяхъ, совершенныхъ противъ нихъ торейдскими язычниками, и о томъ, какъ часто сіи послѣдніе нарушали миръ[1]), призвали къ себѣ на помощь семигаловъ, чтобы отомстить своимъ противникамъ. Семигалы были всегда непріязненны противъ торейдцевъ[2]), потому они обрадовались предложенію рижанъ и пришли къ нимъ съ Вестардомъ, своимъ полководцемъ, въ числѣ 3000 человѣкъ. Прибывъ къ Койвѣ[3]), они раздѣлили войско, и одну половину ввѣрили предводительству Каупо, тому самому, который по возвращеніи изъ Рима (въ 1204 г.), пребывая вѣрнымъ, скрылся въ городѣ отъ преслѣдованія ливовъ и жилъ почти весь этотъ годъ между христіанами[4]). Другая половина войска приготовилась дѣйствовать со стороны Дабреля[5]). И Каупо со своимъ войскомъ двинулся на свой замокъ, въ которомъ находились его родственники и друзья, въ то время пребывавшіе еще въ язычествѣ. И когда они нежданно увидѣли идущее противъ нихъ войско, то впали въ уныніе и тоску, такъ что лишь немногіе рѣшились защищать замокъ, а большинство бѣжало изъ замка, ища спасенія въ лѣсахъ и горныхъ ущеліяхъ. Христіане мужественно подошли къ замку, побѣдили и принудили непріятеля къ отступленію, ворвались въ замокъ и, преслѣдуя язычниковъ, убили ихъ 50 человѣкъ; прочіе спаслись бѣгствомъ. Такимъ образомъ христіане взяли много вещей и добычи и зажгли замокъ.

Ливы, находившіеся на другой сторонѣ Койвы въ замкѣ Дабреля, увидя дымъ и пламя, воздымавшіеся отъ горѣвшаго замка Каупо, всѣ собрались въ свой замокъ въ страхѣ, чтобы его не постигла такая же участь. Они стали на укрѣпленія его, и въ ожиданіи врага приготовились къ упорному сопротивленію. Ихъ старшина, Дабрель, ободрялъ ихъ, подобно филистимлянамъ, говоря имъ: «Будьте мужественны, филистимляне, не бойтесь, да не послужите евреямъ. Пилигримы вмѣстѣ съ семигалами цѣлый день нападали на замокъ, но не могли осилить его, и когда нѣкоторые изъ нихъ съ немногими пытались взобраться въ замокъ съ другой стороны, то ливы пятерыхъ изъ нихъ убили, а прочихъ принудили къ отступленію. Пилигримы видѣли, что замокъ крѣпокъ и непреоборимъ[6]), потому отступили отъ него и, разоривъ окрестности, пошли на соединеніе со своими (т. е. съ другою половиною войска, находившеюся подъ начальствомъ Каупо). И подъ Ригою они соединились съ цѣлымъ войскомъ и подѣлили между собою всю добычу, какую принесли съ собою. Епископъ возблагодарилъ Господа Бога и съ удовольствіемъ отослалъ семигаловъ домой въ ихъ землю.

Четвертое путешествіе Альберта въ Германію.

После того епископъ, возобновивъ миръ съ ливами[1]), рѣшился § 11.
отправиться въ Германію. И когда онъ вышелъ въ море, то во всю ночь свирѣпствовала столь сильная буря, что на другой день корабль его пригнало снова въ Двину. Отдохнулъ онъ здѣсь нѣсколько дней въ веселіи съ утра до вечера[2]); его не смущало ни солнце счастія днемъ, ни луна неудачи ночью[3]), онъ не утомлялся въ совершеніи дѣла Божія, благодарилъ Господа и снова пошелъ на туже самую опасность, отъ которой избавился, но Господь Богъ даровалъ тихую погоду и онъ поѣхалъ въ Германію, чтобы собрать пилигримовъ, которые бы могли защитить ливонскую церковь[4]).

Попытка полоцкаго князя противъ Икскуля и о томъ, какъ онъ осаждалъ Гольмъ.

Послѣ того нѣкоторые ливы, упорные въ своемъ коварствѣ, § 12.
послали[1]) гонца къ плоцекскому королю съ извѣстіемъ о своихъ пораженіяхъ и потеряхъ, и просили его, чтобы онъ пришелъ къ нимъ на помощь противъ нѣмцевъ[2]) тѣмъ болѣе, что въ Ригѣ осталось мало народа, ибо другіе уѣхали съ епископомъ. Король послѣдовалъ зову и предложенію ливовъ, созвалъ войско со всѣхъ мѣстъ своего королевства, какъ равно призвалъ и другихъ королей, своихъ сосѣдей и друзей (князей герсикскаго и кокенгузенскаго) и съ большою военною силою на корабляхъ отправился внизъ по Двинѣ. Когда русское войско пристало къ Икесколѣ, то нѣкоторые изъ воиновъ были тяжело ранены изъ самострѣловъ рыцаря Конрада.

Замѣтивъ нѣмцевъ въ замкѣ, они поплыли внизъ по рѣкѣ и, неожиданно ставъ подъ гольмскимъ замкомъ, осадили его со всѣхъ сторонъ. Но ливы, не знавшіе о русскомъ войскѣ, частію разбѣжались по лѣсамъ, частію собрались съ нѣмцами въ замкѣ; тогда замокъ заперли, поставили самострѣлы на валу и переранили очень многихъ. Но и русскіе, незнавшіе самострѣловъ, а употреблявшіе лишь луки, поранили многихъ въ замкѣ, и много дней сражались стрѣлами, потомъ нарубили множество дровъ, притащили ихъ къ замку и пытались зажечь его. Но работа ихъ оказалась тщетною, многіе изъ нихъ при подноскѣ дровъ были ранены и убиты изъ самострѣловъ. Тогда король разослалъ всюду гонцовъ и къ торейдцамъ[3]), и къ летамъ, и къ ближайшимъ язычникамъ, чтобы всѣ они собрались къ походу противъ рижанъ. Обрадованные торейдцы тотчасъ же пришли къ королю. И когда они явились, имъ однимъ было поручено стаскивать дрова, чтобы поджечь замокъ, при чемъ ихъ было много перебито стрѣлами, ибо они не были вооружены. Не леты ни

сами не пришли, ни гонцовъ не прислали. Русскіе сдѣлали себѣ также небольшую камнеметную машину на подобіе нѣмецкой, но какъ они не знали камнеметнаго искуства, то и переранили нѣкоторыхъ изъ своихъ, ибо камни летѣли назадъ. Нѣмцы, будучи въ незначительномъ числѣ, именно въ числѣ только 20, боялись измѣны со стороны ливовъ, которыхъ много было въ замкѣ, потому денно и нощно стояли вооруженные на бруствере, оберегая валъ, какъ отъ друзей внутри, такъ и отъ враговъ извнѣ. Ливы же ежедневно совѣтовались съ королемъ, какъ бы перехитрить осажденныхъ и выдать ихъ въ руки русскихъ. Если бы дни войны не сокращались[4]), то рижане, какъ и гольмцы, по малочисленности своей едва могли бы защищаться. Въ Ригѣ также былъ страхъ, потому что городъ не былъ еще укрѣпленъ, и внѣ Риги былъ страхъ, потому что земляки ихъ были осаждены въ Гольмѣ. Нѣкоторые ливонскіе развѣдчики пришли къ королю и сказали ему, что всѣ поля и дороги къ Ригѣ наполнены трехъ-зубчатыми мелкими желѣзными гвоздями, показали ихъ ему и сказали, что какъ ноги ихъ лошадей, такъ и ихъ собственныя тѣла, были исколоты такими гвоздями. Отъ страха и ужаса король съ войскомъ не двигался къ Ригѣ. И освободилъ Господь Богъ уповающихъ на него[5]). Торейдцы увидѣли корабли въ морѣ и донесли о томъ королю; король, 11 дней осаждавшій замокъ безъ всякаго успѣха и потерявъ много народа убитыми, отступилъ, изъ опасенія прибытія нѣмцевъ, отъ замка со всѣмъ своимъ войскомъ, взялъ съ собою всѣхъ раненыхъ и убитыхъ[6]), и на корабляхъ возвратился въ свою землю. Гевегардъ, епископскій воевода (фохтъ, судья), умеръ послѣ того отъ небольшой раны. Прочіе же, здравые и невредимые, благословили Господа, который руками немногихъ и на этотъ разъ защитилъ свою церковь противъ супостатовъ ея.

Датскій король на островѣ Эзелѣ; его прелаты Андрей и Николай въ Ригѣ.

§ 13. Въ это время король Даніи съ большимъ войскомъ, которое онъ собралъ три года тому назадъ, присталъ къ Озиліи, вмѣстѣ съ тѣмъ присталъ лундскій архіепископъ Андрей[2]), возложившій крестъ на несмѣтное множество людей для отомщенія невѣрующимъ и возложенія ига христіанской вѣры на язычниковъ. Но какъ послѣ построенія замка не нашлось никого, кто бы рѣшился оставаться въ немъ для защиты отъ нападеній язычниковъ; потому король зажегъ замокъ и съ своимъ войскомъ возвратился въ свою землю[3]).

Но вышеназванный лундскій архіепископъ и епископъ Ни-

колай (шлезвигскій) на двухъ корабляхъ, наполненныхъ съѣстными припасами, со всею ихъ дружиною отправились въ Ригу (осенью 1206 г.). И когда они вошли въ Двину, то были благоговѣйно приняты пробстомъ церкви св. Маріи, Энгельбертомъ, со всею капитулою. И когда услышали о большомъ угнетеніи церкви и о томъ, какъ Господь снова освободилъ ее, то возрадовались тому и благодарили Бога за сохраненіе его церкви столь малымъ числомъ людей посреди язычниковъ. И потомъ созвалъ архіепископъ весь клиръ и поучалъ ихъ, читалъ имъ псалтырь и провелъ такимъ образомъ всю зиму (1206—1207 г.) въ благочестивыхъ дѣяніяхъ.

Вся земля ливовъ покоряется и принимаетъ крещеніе.

За войнами послѣдовало богословское ученіе, ибо въ это время послѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ войнъ вся земля ливовъ была покорена и окрещена. Послѣ отступленіи русскаго короля съ его войскомъ, страхъ Господень объялъ ливовъ во всей ихъ землѣ, и торейдцы, какъ и другіе ливы, жившіе по Двинѣ, послали пословъ въ Ригу просить того, что служитъ къ миру[3]. Торейдцевъ упрекали въ томъ, что, заключивъ миръ, они часто нарушали его. Ибо умертвивъ многихъ (христіанъ въ Торейдѣ, приверженцевъ Каупо), они причинили много зла Каупо, который ихъ оставилъ и постоянно жилъ съ христіанами, всѣ имѣнія его опустошили огнемъ, отобрали поля, переломали его ульи, кромѣ того очень много войнъ предпринимали противъ рижанъ. Вслѣдствіе этого имъ отказали въ мирѣ, такъ какъ они не умѣютъ быть дѣтьми мира и нарушаютъ его во всякое время. Но они начали настойчиво просить мира, просить крещенія, обѣщаясь принять къ себѣ священниковъ и быть имъ во всемъ послушными. Леневардцы обѣщались также помириться съ господиномъ Даніиломъ, который ихъ замокъ уже давно получилъ въ ленъ себѣ, и давать ему ежегодно отъ плуга по полуталанту ржи[4]. И это количество они платятъ дороже и до дня сего[5].

Дѣятельность священниковъ, въ особенности Даніила, въ Ливоніи у Вендена и у латышей.

Рижскій пробстъ, принявъ мальчиковъ почетнѣйшихъ жителей всей Ливоніи заложниками, послалъ, по убѣжденію архіепископа, священниковъ для проповѣди евангелія во всей Ливоніи. Первымъ[1] между проповѣдниками былъ Алебрандъ, который отправился въ Торейду, щедро раздая слово проповѣди и таинство крещенія; онъ устроилъ тутъ приходы и выстроилъ церковь въ Куббезелѣ[2]. Священникъ Александръ въ Метзеполѣ[3] окрестилъ всѣхъ жителей этой земли; онъ проживалъ здѣсь, сѣя сѣмена § 14.

евангелія и началъ строить церковь[4]). Священникъ Даніилъ, который при осадѣ гольмскаго замка претерпѣлъ различныя испытанія[5]), былъ посланъ къ леневардцамъ. Они дружелюбно приняли его и были крещены имъ.

И когда онъ прибылъ въ одну деревню, называющуюся Сидегунда[6]), то созвалъ весь народъ къ слушанію слова Божія. Тутъ пришелъ ночью одинъ ливъ изъ лѣсной чащи и, разсказывая о своемъ видѣніи, говорилъ ему: «Я видѣлъ бога ливовъ, который предсказалъ намъ будущее. Изъ дерева выросло изображеніе бога отъ груди до головы[7]) и богъ сказалъ мнѣ: завтра утромъ придетъ летонское войско и изъ страха предъ этимъ войскомъ мы не отважимся собраться вмѣстѣ.» Но священникъ видѣлъ, что это есть навожденіе злаго духа, ибо въ это осеннее время не было никакихъ дорогъ, по которымъ летоны могли бы прійти; онъ помолился и поручилъ себя Богу. Когда же настало утро и о томъ, что предсказывало привидѣніе ливамъ, не было ни слуху, ни духу, то они всѣ собрались и священникъ, предавъ проклятію служеніе идоламъ и сказавъ, что подобныя привидѣнія суть навожденія злаго духа, началъ проповѣдывать, что есть единъ Богъ, творецъ всѣхъ вещей, и едина вѣра и едино крещеніе[8]), и этимъ и подобнымъ образомъ увѣщевалъ ихъ покланяться единому Богу. И когда они это услышали, то отреклись діавола и его дѣлъ и обѣщали вѣрить въ Господа Бога, и крестились, сколько ихъ ни было. Окрестивъ реминцевъ[9]), онъ пошелъ къ аскадернцамъ и когда тѣ съ радостію приняли слово Божіе и сподобились таинства крещенія, то возвратился въ Торейду. И когда онъ пришелъ въ замокъ Дабреля, то былъ дружески принятъ жителями его; онъ и здѣсь сѣялъ слово Божіе и крестилъ. Послѣ этого онъ оставилъ эти края и пошелъ къ Вендену. Венденцы въ то время были покорны и убоги; ихъ вытѣснили съ Винды (Венда, рѣка Виндава), рѣки въ землѣ куровъ; они жили на Старой горѣ, близь которой нынѣ построенъ городъ Рига; куры ихъ отогнали и отсюда, причемъ нѣкоторые были убиты, а прочіе бѣжали къ летамъ[10]). И жили они тутъ[11]) между летами, радуясь прибытію священника. Послѣ крещенія ихъ, священникъ, поручивъ насажденный виноградникъ и засѣянное поле Господу Богу, возвратился въ Ригу.

§ 15. Послѣ того онъ былъ посланъ къ идумейцамъ, гдѣ онъ окрестилъ очень многихъ, какъ летовъ, такъ и идумейцевъ, и построилъ церковь на Ропѣ[1]), и пребывалъ между ними[2]), указывая путь къ вѣчной жизни.

Священники свѣтскими судьями.

Но торейдцы, принявшіе таинство святаго крещенія со всѣми духовными правами, просили своего священника Алебранда, дабы онъ рѣшалъ дѣла не только духовныя, но и гражданскія, по христіанскимъ правамъ. Прежде ливы были очень коварны и каждый отбиралъ у своего ближняго то, что у него было; при принятіи ими крещенія все это имъ было запрещено: насиліе, разбой, воровство и тому подобное. Тѣ, которые были ограблены до крещенія и печалились о потерѣ своего имущества, не смѣя послѣ крещенія силою отнимать пограбленное у нихъ, просили свѣтскаго суда, чтобы уладить дѣло возвращенія имущества. Потому-то священникъ Алебрандъ съ самаго начала и судилъ какъ духовныя, такъ и свѣтскія дѣла. Эту принятую на себя должность, онъ, по Божьему соизволенію и ради отпущенія своихъ грѣховъ, честно исполнялъ, усмирилъ кражи и разбои, возвратилъ неправильно взятое и тѣмъ указалъ ливамъ путь законной жизни. Ливамъ нравился этотъ обычай христіанъ въ первый годъ, въ теченіе котораго судебная власть правилась вѣрующими[5]) такимъ образомъ, но послѣ того власть эта перешла въ руки разныхъ свѣтскихъ судей по всей Ливоніи, Летигаліи и Эстоніи, которые и начали злоупотреблять ею, отправляя свои должности болѣе ради наполненія своихъ мѣшковъ, чѣмъ по Божьей справедливости.

О солнечномъ затмѣніи.

§ 16. Въ эту зиму (28 Февраля 1207 г.) солнце находилось въ затмѣніи въ теченіе большей части дня.

Епископъ Альбертъ принимаетъ Ливонію въ ленъ отъ Германской имперіи.

§ 17. Епископъ Альбертъ проходилъ (съ 1206 г.) по мѣстечкамъ, улицамъ и церквамъ Германіи, ища пилигримовъ. Пройдя Саксонію и Вестфалію, онъ явился, наконецъ, ко двору короля Филипа. А такъ какъ епископъ не могъ ждать помощи ни отъ какого короля, то обратился къ имперіи германской и Ливонію получилъ (въ ленъ) отъ имперіи; вслѣдствіе чего блаженной памяти[1]) король Филипъ обѣщалъ ему выдавать въ пособіе ежегодно по сту марокъ, но обѣщаніями богатъ не будешь.

Примѣчаніе къ X главѣ.

§ 1. 1) Однакоже у него осталось кое-что на подарки. См. ниже § 2.
2) Необходимо вспомнить о дани, которую ливы платили русскимъ. См. гл. 7, 7.
3) Конечно и тѣмъ, которые жили въ Герсикѣ и Кокенгузенѣ (см. гл. 7, 8; гл. 9, 10).
4) При вскрытіи Двины весною, обыкновенно въ апрѣлѣ, теченіе въ этой рѣкѣ бываетъ весьма сильное.
5) На плотахъ или не на стругахъ-ли?
6) Для нечаяннаго, повидимому, нападенія послѣ предполагаемаго отъѣзда пилигримовъ См. ниже § 2 и 12.

§ 2. 1) Сравни гл. 16, 2 (подать и деньги); гл. 15, 1 (съѣстные припасы и зерновой хлѣбъ).

§ 3. 1) Въ чемъ состояло лукавство, Генрихъ не объясняетъ Сравни § 4.
2) Пользуясь, конечно, весеннею быстротою Двины, § 1.
3) Иронически. См. Дѣянія св. Апостолъ гл. 6 и 7.
4) Впослѣдствіи Воге, Вога, нынѣ Огеръ, рѣка впадающая въ Двину восточнѣе Икскуля и протекавшая по срединѣ земель, на которыхъ жили придвинскіе ливы.
Letthigalli, Letigalli отъ древне-латышскаго слова gals — земля.
Леты или летгалы были восточными сосѣдями ливовъ одного происхожденія съ семигалами и селонами. Нѣкоторые леты были данниками русскихъ; здѣсь, конечно, разумѣются вольные леты.

§ 4. 1) Епископъ ведетъ себя какъ владѣтельный князь и основывается на дипломатическомъ этикетѣ. Главное же дѣло состояло въ томъ, что онъ не хотѣлъ ни подчиниться третейскому суду русскихъ, ни подвергнуться личной опасности.

§ 5. 1) Русскіе исчезаютъ въ разсказѣ Генриха.
2) Арнольдъ Любекскій также упоминаетъ объ этихъ мученикахъ.

§ 6. 1) Однакоже въ Ригѣ оставалось нѣкоторое число пилигримовъ. См. § 2, 8, 10, 12.
Двина по ливски называлась Вена, Вейна, отсюда слово Вейнала значитъ Двинская область. Отъ древне-ливскаго слова Вейна, значившаго широкое устье, а также проливъ, произошло слово Двина. Въ гольмскомъ замкѣ, повидимому, не было нѣмецкаго гарнизона.

§ 7. 1) См. гл. 1, 13.
2) См. гл. 1. 2; 6, 3; 9, 6.
3) Повидимому, онъ былъ преемникомъ Сигфрида; см. гл. 7, 9.
4) Священниками? Варіантъ: другими братьями (духовными)?

§ 8. 1) Жили-ли въ Ригѣ или передъ Ригой? См. гл. 14. 5. Ливы тутъ впервые выступаютъ въ походъ вмѣстѣ съ нѣмцами.
2) См. псаломъ 73, 12.

§ 9. 1) Menia suburbuna. Suburbium есть предмѣстье.

§ 10. 1) Сравни § 12.
2) Довольно странно: не были-ли семигалы гдѣ-либо пограничными сосѣдями торейдцевъ?
3) Древне-ливское названіе Лифляндской или Трейденской Аа было Койва или Гойва. — Рѣка эта въ настоящее время у эстонцевъ называется Койвою (у латышей Гауя), отъ ливскаго слова кевъ, эстонскаго кеивъ, означающихъ березу.
4) Въ нѣкоторыхъ спискахъ добавлено: и выучился нѣмецкому языку. — О преслѣдованіи Каупо сравни § 13.
5) Съ южной стороны рѣки, гдѣ близь Зегевольда старшина Добрель (Дабрель) имѣлъ свой замокъ Затезель (см. гл. 16, 3).
6) Укрѣпленное мѣсто Затезеле (близь Зегевольда), принадлежавшее Дабрелю, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, было доступно лишь съ сѣвера и то по узкой тропинкѣ.

§ 11. 1) Не съ южными торейдцами, конечно Но былъ-ли то миръ (см. § 9) или только перемиріе? Ср. гл. 9, 3.
2) Псал. 64, 9.
3) Псал. 120, 6.
4) Прежныхъ пилигримовъ епископъ взялъ съ собою. Германія здѣсь названа Генрихомъ Alimania, въ предшествовавшихъ же главахъ онъ писалъ обыкновенно Theuthonia.

§ 12. 1) Не лѣтомъ-ли? Объ осени упоминается въ § 14.
2) Почему же онъ не приходилъ прежде? Онъ, конечно, самъ ждалъ отъѣзда Альберта. См. § 1 и 2.
3) Слѣд. полоцкаго князя звали только одни двинскіе ливы. Сравни § 13.
4) Ев. отъ Мат. гл. 24, 22.
5) Псал. 21, 5.
6) По русскому обычаю, соблюдавшемуся еще въ 16 стол. Ср. гл. 14, 5.

§ 13. 1) Для отмщенія эзельцамъ за ихъ набѣгъ въ 1203, см. гл. 7, 1—3.
2) Объ архіепископѣ Андреѣ см. гл. 7, 3. 13 января 1206 г. папа разрѣшилъ Андрею позвящать епископовъ для новокрещеныхъ земель.
3) См. посланіе къ Римл. гл. 14, 19. Выраженіе „что служитъ къ миру" часто употребляется Генрихомъ.
4) Что слѣдуетъ понимать подъ словами полуталантъ ржи, не объясняютъ и документы. О ливскихъ талантахъ серебра (лисфунтъ т. е. ливскій фунтъ) упоминается въ гл. 18, 5.
5) Въ варіантѣ прибавлено: хотя мѣра увеличена. Ср. гл. 15, 5. Платили-ли они что либо до настоящаго времени? Вообще о сборахъ съ ливовъ упомянуто только въ гл. 2, 7. О десятинѣ см. гл. 11, 3 и гл. 15, 5. Ср гл. 2, 2. Леневардцы и Торейдцы не были исключены изъ ихъ замковъ. См. гл. 9, 8; гл. 16, 3 и сравни гл. 10, 9. Ливы оставались покойными до гл. 14, 5.

§ 14. 1) Не важнѣйшимъ-ли?
2) Нынѣшняя Кремонская церковь близь имѣнія Кипсаль. Въ грамотахъ Кубзеле писалось Кубецеле, Кубести и пр. Не жилъ-ли здѣсь Каупо? Ср. гл. 15, 3. Онъ погребенъ здѣсь. См. гл. 21, 4. Многія названія мѣстностей оканчиваются на зеле или зиле. Сравни гл. 16, 3; гл. 29, 3.
3) Метзеполь, въ грамотахъ Мезеполь, Мецеполе, — это самый сѣверный ливскій поселокъ, при морѣ. По ливски метса значилъ лѣсъ.
4) Въ какомъ мѣстѣ — нигдѣ не объяснено.
5) Сравни § 9 и 12.
6) Нынѣшнее имѣніе Сиггундъ лежитъ, кажется, сѣвернѣе бывшаго Сидегунда
7) Сравни гл. 2, 8.
8) Посл къ Ефес гл. 4, 5
9) Мѣстность Ремииъ — это Ланггольмъ, по латышски Риманъ муйжа, восточнѣе Ашерадена.
10) Съ которыми они, вѣроятно, были одинаковаго происхожденія. Трудно допустить, чтобы то были славянскіе венды.
11) Въ Венденской мѣстности, нынѣшнемъ Аррашѣ. Здѣсь было впослѣдствіи главное мѣстопребываніе меченосцевъ. Ср. гл. 12, 6; гл. 14, 8. Нынѣшній Венденъ возникъ позднѣе.

§ 15. 1) Рѣка эта, в. гл. 14, 10, гл. 15, 2 и 22, 4 и названа Раупою. Нынѣ она называется Браслемъ и впадаетъ въ Аа.
2) Въ гл. 15, 7; гл. 17, 4, 6 и въ гл. 18, 2 оба эти народа или ихъ земли ставятся также рядомъ другъ съ другомъ. Не были-ли идумейцы смѣшаннымъ народомъ?
3) Варіантъ: христіанскаго императора.
4) Едва-ли это вѣрно: лѣтописецъ вообще неблагопріятствуетъ ливамъ.
5) Кѣмъ же именно, кромѣ Алебранда?

§ 17. 1 Онъ былъ убитъ 21 іюня 1208 г.

ГЛАВА XI.

Епископства Альберта девятый годъ.

Отъѣздъ датскихъ прелатовъ: пятое прибытіе Альберта съ новыми пилигримами.

§ 1. Въ девятомъ году (съ 1 марта 1207 г.), послѣ того какъ вся земля ливовъ была окрещена [1]), церковь пребывала въ тишинѣ и наслаждалась миромъ, ожидая своего епископа.

Лундскій архіепископъ и канцлеръ [2]) со всѣми своими приготовился къ отъѣзду домой, въ вербное воскресенье (15 апрѣля) прибылъ въ Готландъ и въ этой землѣ праздновалъ святую пасху (22 апрѣля).

Рижскій же епископъ прибылъ въ Ригу въ Тройцынъ день (10 іюня) и радостно былъ принятъ всѣми. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ графъ Перемунтскій (Пирмонтскій), Годескалькъ, и другой графъ и очень много другихъ пилигримовъ, благородныхъ и знатныхъ мужей. Они, радуясь миру церкви, такъ возвысили и увеличили городскія стѣны, что городу съ тѣхъ поръ нечего было бояться нападеній язычниковъ [3]).

Князь Кокенгузенскій Вячко дѣлится съ Альбертомъ.

§ 2. Король кукенойскій Весцека [1]), услышавъ о прибытіи епископа и пилигримовъ, собралъ своихъ мужей и пошелъ на встрѣчу епископа. Придя въ Ригу, онъ былъ всѣми принятъ почетнымъ образомъ. Здѣсь онъ провелъ много дней въ домѣ епископа, пользуясь его гостепріимствомъ, наконецъ сталъ просить помощи у епископа противъ летоновъ (литовцевъ) и предложилъ ему за

за то половину своей земли и своего замка[2]). Епископъ принялъ предложенное, одарилъ короля многими подарками, обѣщалъ ему помощь какъ воинами, такъ и оружіемъ, и отпустилъ его съ миромъ домой.

Назначеніе въ ливскіе приходы священниковъ.

Затѣмъ епископъ, радуясь о присоединеніи и крещеніи ливовъ, послалъ священниковъ къ нимъ, какъ въ Торейду, такъ и въ Метзеполе, и въ Идумею и въ мѣста по Двинѣ, а послѣ постройки церквей священники были введены въ свои приходы.

Какъ Альбертъ раздѣлилъ съ нѣмцами Ливонію.

Въ это же самое время Господь Богъ со дня на день увеличивалъ число и дружину братьевъ рыцарства. По мѣрѣ того какъ увеличивалась численность и трудъ рыцарства, оно должно было получить увеличеніе въ даяніяхъ и имуществѣ, дабы, неся въ войнахъ и другихъ трудахъ тягости дня, могло получить, въ видѣ утѣшенія, динаріи за свою работу[1]). Потому они, братья рыцарства, просили епископа отдать имъ съ ежедневнымъ содержаніемъ третью часть какъ всей Ливоніи, такъ третью часть и другихъ некрещеныхъ еще сосѣднихъ земель или народовъ, которыхъ Господь Богъ посредствомъ ихъ, рыцарей, и другихъ рижанъ[2]) въ будущемъ подчинитъ христіанской вѣрѣ, дабы они, рыцари, неся большіе расходы, могли пользоваться и большими доходами. Поелику же епископъ о такихъ мужахъ, кои, подобно каменьщикамъ, денно и нощно стояли предъ домомъ Господа[3]), отечески заботился и желалъ увеличить ихъ число, потому онъ, дабы вознаградить ихъ за труды и издержки, предоставилъ имъ третью часть одной Ливоніи, ибо онъ самъ получилъ Ливонію съ верховною властію и правами отъ императора[4]), и передалъ имъ третью часть со всѣми правами и верховною властію, но относительно передачи непокоренныхъ или некрещеныхъ земель онъ отказалъ имъ на томъ основаніи, что не можетъ давать того, чего самъ не имѣетъ. Но рыцарство настаивало на своихъ просьбахъ; потому таковыя были перенесены на усмотрѣніе святѣйшаго отца, который, поручивъ непокоренныя еще земли Господу Богу, положилъ отдать рыцарямъ третью часть изъ покоренныхъ земель съ тѣмъ, чтобы епископу была предоставлена, какъ признаніе послушанія, четвертая часть десятины въ ихъ частяхъ. По просьбѣ епископа братья рыцарства раздѣлили (въ 1207 г.) земли ливовъ на три части и предоставили епископу, какъ отцу, первому выборъ. Епископъ взялъ себѣ часть Каупо, именно Торейду, рыцари же взяли себѣ вторую часть, т. е. земли по другой стороны Койвы, третья

§ 3.

часть въ Метзенолѣ была также предоставлена епископу. Что же касается до земельныхъ участковъ, которые были прежде дѣлежа розданы въ ленъ другимъ (т. е. нерыцарямъ), то они получили впослѣдствіи полное вознагражденіе въ другихъ (нерыцарскихъ) частяхъ.

Послѣ такого раздѣла земель ливовъ, епископъ послалъ священниковъ въ свои части, предоставивъ братьямъ рыцарства заботиться самимъ объ ихъ части[5]).

Исторія объ одномъ неправедномъ судѣ.

§ 4. Въ этомъ самомъ году (1207) былъ посланъ въ Торейду Годфридъ[1]), рыцарь изъ пилигримовъ, для исполненія должности фохта (судьи) по свѣтскимъ законамъ. Разбирая въ приходѣ споры и пререканія между тяжущимися, онъ собралъ множество денегъ и подарковъ, изъ которыхъ малую часть отдалъ епископу, а большую часть присвоилъ себѣ. Нѣкоторые другіе пилигримы были раздражены этимъ; разломали его сундукъ и въ немъ нашли 19 марокъ серебра, собраннаго воровскимъ образомъ, не считая очень многаго другаго, что онъ уже растратилъ. И поелику онъ поступалъ нагло, нарушая законъ, угнетая бѣдныхъ, допуская несправедливости и обирая новообращенныхъ, то по справедливому суду Господа Бога произошло такъ, что онъ, къ ужасу другихъ, впалъ въ такой стыдъ, что, какъ нѣкоторые разсказывали, умеръ впослѣдствіи позорною смертію.

О разбойничьемъ нападеніи литовцевъ на трейденцевъ и какъ Господь Богъ чудеснымъ образомъ спасъ своихъ слугъ въ Куббезелѣ.

§ 5. За тѣмъ летоны (литовцы) вспомнили о своихъ, которые были убиты рижанами и семигалами за два года предъ тѣмъ[1]), розослали гонцовъ по всей Литоніи и собрали многочисленное войско. И шли, переправившись чрезъ Двину, въ теченіи всей ночи наканунѣ Рождества Христова (съ 24 на 25 дек. 1207), въ Торейду, и утромъ рано перешли чрезъ Койву, и разсѣялись по всѣмъ деревнямъ, а такъ какъ они въ этомъ краѣ не нашли никакой военной оберегательной дружины, то много народу перебили и много взяли въ полонъ.

Въ день Рождества Христова, два священника, именно Іоганнъ Штрикъ и другой Теодерихъ (по другимъ спискамъ Теодорихъ Раббе или Раббіусъ) со взѣмъ причтомъ совершали для ливовъ богослуженіе въ церкви, въ Куббезелѣ. По окончаніи первой обѣдни (миссы), Іоганнъ началъ уже служить вторую, какъ прихожане услышали о приближеніи войска и бѣжали изъ церкви. Тѣ, которые скрылись въ чащѣ лѣсовъ, спаслись, а тѣ, кото-

рые спѣшили къ своимъ домамъ, были захвачены по дорогѣ и многіе изъ нихъ были убиты. И въ то время, когда въ церкви было прочтено послѣдованіе евангелія, литовцы прискакали сюда на своихъ быстрыхъ лошадяхъ, и напали не на церковь, гдѣ Господь Богъ хранилъ своихъ, а на домъ священника[2]), гдѣ ограбили лошадей и скотъ, а платье, съѣстные припасы и все, что ни нашли въ домѣ, уложили въ свои сани. И летоны грабили священническое подворье (curia, приходскій домъ) столь долго, что священникъ тѣмъ временемъ совершилъ въ церкви пресвятое таинство тѣла и крови Господней и не колебался самого себя принести въ жертву Господу и поручилъ себя Богу; сослужилъ ему въ обѣднѣ священникъ Теодерихъ и привратникъ, который не пропустилъ богослуженія изъ страха предъ язычниками. И когда по милости Господней обѣдня была кончена, они собрали священные сосуды и одежды и сложили ихъ въ углу ризницы, сѣли сами въ этомъ углу и спрятались тамъ. Едва только они окончили эту уборку, какъ одинъ летонъ вошелъ въ церковь, обошелъ всю церковь и былъ почти у самой ризницы, но когда увидѣлъ, что алтарь обнаженъ, и что на немъ ничего не было, что бы годилось ему, то сказалъ: ба! и вышелъ изъ церкви къ своимъ. Ограбивъ все, что ни нашли, летоны пошли своею дорогою. И чуть они лишь вышли со двора, какъ пришла другая толпа ихъ, сильнѣйшая прежней; найдя домъ уже ограбленнымъ, они поспѣшили за своими. Одинъ летонъ въѣхалъ на лошади въ церковь и ненайдя тутъ ничего для грабежа и не подозрѣвая о спрятанномъ въ углу, поспѣшилъ за своими. Пришла и третья толпа литовцевъ; одинъ изъ нихъ проѣхалъ чрезъ церковь въ своихъ саняхъ и не замѣтилъ священниковъ. Священники возблагодарили Господа за сохраненіе ихъ здравыми и невредимыми отъ язычниковъ; по удаленіи же летоновъ, они вечеромъ вышли изъ церкви и бѣжали въ лѣса. Не ѣвши трое сутокъ, они на четвертые сутки (28 декабря) пришли въ Ригу.

Пораженіе возвращавшихся въ литовцевъ.

Летоны, опустошивъ кругомъ всю землю, къ ночи собрались всѣ въ деревнѣ Анно и утромъ рано (26 дек. 1207) пошли домой, забравъ съ собою женщинъ и дѣтей и большую добычу.

Ночью же на Рождество Христово ливы послали гонца къ епископу извѣстить, что въ Ливонію ворвалось летонское войско, а потомъ пришелъ другой гонецъ и разсказалъ, сколько язычники перебили людей и захватили въ плѣнъ, какъ опустошили храмы и сколько зла нанесли юной церкви.

Услышавъ это, епископъ созвалъ пилигримовъ и братьевъ рыцарства и купцовъ, и увѣщевалъ ихъ ради прощенія грѣховъ стать за домъ Господень и освободить церковь отъ супостатовъ. Всѣ повиновались епископу и приготовились къ бою — и послали ко всѣмъ ливамъ и летамъ (крещенымъ), грозя и говоря: «Кто не пойдетъ и не послѣдуетъ за воинствомъ Христа, тотъ уплатитъ три марки пени!« Всѣ испугались этого, и послѣдовали, и вышли къ Двинѣ на встрѣчу рижанамъ. Направляясь къ Леневарду, они соединились тутъ и ждали въ тишинѣ внутри замка возвращенія летоновъ. Послали также соглядатаевъ высмотрѣть, куда идутъ летоны; они встрѣтили летоновъ, переправлявшихся черезъ Двину по льду съ плѣнными и добычею у Леневарда. Но предводитель летонскаго войска со своими спутниками подъѣхалъ ближе къ замку, вызвалъ старшинъ замка и, спросивъ, гдѣ собраніе христіанъ, говорилъ: «Ступайте туда и скажите христіанамъ: два года тому назадъ вы перебили мое возвращавшееся изъ Эстоніи войско, когда они спали; теперь же найдете и меня и всѣхъ моихъ бодрствующими».

Христіане, услышавъ это, поспѣшили на брань Господню и раннимъ утромъ пошли за непріятелемъ (по дорогѣ въ Зельбургъ). И когда въ третьемъ часу они перешли Двину у Аскраде, то нашли тамъ летоновъ. Язычники, замѣтивъ, что ихъ преслѣдуютъ, съ ужасомъ узнали, что предстоитъ имъ, и всѣ начали кричать великимъ воплемъ, созывая своихъ, и поворотились на встрѣчу христіанамъ. Христіане, не испугавшись ни ихъ числа, ни ихъ вопля, а возложивъ упованіе на Господа, съ поднятыми знаменами бросились на летоновъ и убивали ихъ направо и налѣво: бой былъ жаркій съ обѣихъ сторонъ. Летоны, быстрѣйшіе и болѣе жестокіе, чѣмъ другіе народы, какъ сказано выше, были готовы къ бою и потому продолжительно и храбро противостояли христіанамъ, но наконецъ дали тылъ. Какъ скорыми на бой, такъ и быстрыми на бѣгство, явились они; одни изъ нихъ убѣжали въ лѣса, другіе побѣжали по дорогѣ, оставивъ на мѣстѣ плѣнныхъ и добычу. Христіане преслѣдовали ихъ цѣлый день, перебили многихъ изъ нихъ, а прочіе спаслись бѣгствомъ. По возвращеніи къ награбленному летонами, они освободили отъ оковъ женщинъ и дѣтей новообращенныхъ со своими плѣнными. И соединились всѣ новокрещеные, какъ ливы такъ и леты, съ нѣмцами и вознесли Господу Богу благодареніе за потерянную и найденную овцу, лучше сказать за овцу, спасенную отъ ярости волковъ. И подѣлили добычу и послали плѣнныхъ къ ихъ друзьямъ (роднымъ) свободными.

Взятіе Зельбурга.

По освобожденіи Господомъ Богомъ его церкви отъ нападенія язычниковъ, епископъ боялся, что послѣ его отъѣзда можетъ произойти подобное же вторженіе и опустошеніе всей земли ливовъ, потому онъ и вознамѣрился разрушить замокъ селоновъ[1]), который при вторженіяхъ и опустошеніяхъ служилъ имъ убѣжищемъ. И послалъ епископъ своихъ гонцовъ по всей Ливоніи и Летигаліи съ призывомъ всѣхъ, кто принялъ уже христіанскую вѣру, къ военному походу. И когда собралось большое войско, послалъ епископъ аббата Теодориха и Энгельберта, пробста (протоіерея), со всею своею дружиною и пилигримами, а также вмѣстѣ съ ними и братьевъ рыцарства Христова, для покоренія селоновъ. Придя къ Аскраду и перейдя чрезъ Двину, они нашли тѣла убитыхъ передъ тѣмъ летоновъ непогребенными; они давили ихъ по дорогѣ и въ стройномъ порядкѣ подошли къ замку селоновъ. И осадили замокъ со всѣхъ сторонъ, гдѣ многихъ, находившихся внутри замка, переранили стрѣлами, а многихъ въ деревняхъ взяли въ плѣнъ, иныхъ убили; нанесли дровъ и разложили большой огонь, день и ночь не давали покоя замку и тѣмъ навели страхъ на селоновъ. Тогда старшины селоновъ тайно обратились къ войску и запросили мира. Но имъ сказали: «Буде вы желаете истиннаго мира, то откажитесь отъ служенія идоламъ и примите истиннаго мироносца, который есть Христосъ, въ свой замокъ, креститесь и немедленно же удалите изъ вашего замка летоновъ (литовцевъ), противниковъ Христова имени». Эти условія мира были приняты, они обѣщали дать заложниковъ, принять крещеніе, удалить летоновъ и быть во всемъ послушными христіанамъ. По принятіи отъ нихъ мальчиковъ въ заложники, войско прекратило военныя дѣйствія. Аббатъ же и пробстъ и прочее духовенство вошли въ замокъ, гдѣ приготовляли селоновъ къ принятію крещенія, окропили замокъ святою водою и на валу водрузили хоругвь пресвятыя Маріи. И радуясь обращенію язычниковъ и благодаря Бога за преуспѣяніе церкви, они съ летигалами и ливами возвратились благополучно въ свою землю. § 6.

Первыя сношенія съ эстами въ Уганіи. — Алебрандъ креститъ латышей, живущихъ по рѣкѣ Зеддѣ, которыхъ первымъ духовнымъ пастыремъ былъ Генрихъ.

Въ это время священникъ Алебрандъ былъ посланъ съ нѣкоторыми въ Угаунію[1]), чтобы похлопотать о возвращеніи купцамъ ихъ товаровъ, которые были однажды у нихъ отобраны, когда они везли ихъ на саняхъ въ Плицековъ (Псковъ) и которые унганійцы, по совѣту ливовъ, отбили у нихъ дорогою; много § 7.

тутъ было товаровъ, именно на 900 марокъ и больше. Но унганійцы товару ни возвращали, ни давали опредѣленнаго отвѣта, возвратятъ ли его впослѣдствіи.

Такимъ образомъ Алебрандъ, не успѣвъ въ хлопотахъ, возвращался домой, дорогою же проповѣдывалъ слово Божіе и принятіе крещенія летигаламъ, жившимъ по Имерѣ [2]), тѣмъ болѣе что уже вся земля ливовъ и нѣкоторые изъ летигаловъ приняли слово Божіе. Они возрадовались прибытію священника, ибо много терпѣли отъ нападеній летоновъ и всегда были угнетаемы ливами, почему и надѣялись посредствомъ нѣмцевъ получить и облегченіе и защиту себѣ. Они съ радостію приняли слово Божіе, однако, предварительно бросили жребій и запросили своихъ боговъ, принять ли имъ крещеніе отъ русскихъ изъ Пскова съ прочими летигалами изъ Толовы, или же подчиниться латинцамъ, ибо русскіе въ это время [3]) пришли къ нимъ и крестили летигаловъ изъ Толовы, которые были всегдашними ихъ данниками. И жребій палъ на латинцевъ и они были подчинены съ ливонскою церковію рижанамъ. И крестилъ Алебрандъ нѣкоторыя деревни и возвратился въ Ригу и донесъ обо всемъ епископу. Епископъ, преисполненный радости и ревностный въ заботахъ о церкви, послалъ Генриха, своего ученика [4]), посвященнаго въ духовный санъ, съ тѣмъ же Алебрандомъ назадъ въ ту сторону. И когда крещеніе въ той области совершилось, Алебрандъ воротился домой. Другой же (т. е. Генрихъ), когда была устроена церковь, которую получилъ въ ленъ, жилъ здѣсь между ними и, подвергаясь многимъ опасностямъ, непрерывно проповѣдывалъ блаженство будущей жизни.

Нападеніе на князя Вячко въ Кокенгузенѣ и какимъ образомъ онъ былъ помилованъ.

§ 8. Въ это время возникъ раздоръ между королемъ кукенойскимъ (Вячко) и леневарденскимъ рыцаремъ Даніиломъ. Вышерѣченный король причинялъ большія безпокойства людямъ Даніила и не прекращалъ ихъ, не смотря на частыя напоминанія оставить людей въ покоѣ. Тогда люди Даніила поднялись вмѣстѣ съ нимъ ночью и быстро двинулись на королевскій замокъ. На разсвѣтѣ они подошли къ замку и нашли, что всѣ, кто былъ внутри замка, спали, а стража на валу плохо караулила замокъ; тогда они проворно полѣзли на валъ и благополучно взошли на него. Войдя въ замокъ, они не хотѣли убивать русскихъ, такъ какъ русскіе были христіане, но грозя имъ мечами, однихъ обратили въ бѣгство, а другихъ взяли въ плѣнъ и заковали въ оковы. Между прочими они захватили и самаго короля, и его также заковали. И все имущество, какое было найдено въ замкѣ, они

снесли въ одно мѣсто, приставили къ нему стражу, и позвали своего господина, Даніила, находившагося вблизи, прійти къ нимъ. Даніилъ, однако, пожелалъ знать, что думаетъ епископъ объ этомъ дѣлѣ, и потому онъ разсказалъ все рижанамъ. Епископъ, почти огорченный со всѣми своими, не только не одобрилъ того, что сдѣлано, но приказалъ освободить короля въ его замкѣ и возвратить ему все имущесво. И призвалъ епископъ короля къ себѣ, подарилъ ему много подарковъ и далъ ему лошадей и нѣсколько паръ драгоцѣннаго платья. И весьма дружественно угостивъ во время пасхи (6 апрѣля 1208 г.) короля со всѣми его приближенными и кончивъ полюбовно всѣ споры между нимъ и Даніиломъ, онъ отпустилъ короля домой въ его замокъ.

Епископъ не забылъ также обѣщанія, которое онъ далъ королю, когда принималъ отъ него половину его замка, и послалъ съ королемъ 20 надежныхъ мужей съ ихъ доспѣхоми и лошадьми, воиновъ (изъ епископской дружины) самострѣлы и каменьщиковъ укрѣпить замокъ и охранять его отъ литовцевъ, и снабдилъ посланныхъ всѣмъ нужнымъ для ихъ содержанія. Съ ними-то король и возвратился въ Кукенойсъ съ веселымъ лицомъ, но и съ коварствомъ въ сердцѣ, оставивъ епископа въ Динаминдѣ, который, по заведенному обычаю, хотѣлъ отправляться въ Германію для сбора пилигримовъ на слѣдующій (1209) годъ. Ибо всѣ тѣ, кто кончилъ годъ своего пилигримства, приготовились ѣхать домой въ Германію, но долго оставались въ Динаминдѣ, такъ какъ, по соизволенію Господню, дулъ противный вѣтеръ и не дозволялъ имъ выйти въ море.

Измѣна и бѣгство Вячки изъ Кокенгузена.

Вышеназванный князь[1]), возвратясь въ Куконойсъ и не сомнѣ- § 9.
ваясь, что пилигримы съ епископомъ уже отправились въ Германію, къ тому же зная, что въ Ригѣ осталосъ очень мало народа, не хотѣлъ уже болѣе скрывать коварства въ своемъ сердцѣ, но началъ совѣщаться со всѣми своими мужами. Выждавъ удобное время и день, когда почти всѣ нѣмцы вышли на работу къ выломкѣ изо рва камня для постройки замка и свои мечи и доспѣхи сложили на верху рва, не опасаясь короля, какъ своего господина или отца, и вотъ королевскіе слуги и всѣ его мужи внезапно прибѣжали ко рву, захватили мечи и доспѣхи нѣмцевъ, убили многихъ изъ нихъ, такъ какъ они были безоружны и лишь занимались своею работою, а нѣкоторые изъ нихъ бѣжали денно и ночно и придя въ Ригу, разсказали о случившемся. Было убито 17 мужей, а трое спаслись бѣгствомъ. Тѣла убитыхъ русскіе бросили въ Двину и такимъ образомъ переслали ихъ до-

мой къ рижанамъ. Рижане вынули изъ воды тѣла убитыхъ на службѣ Господней и погребли ихъ благочестиво и со слезами.

Затѣмъ тотъ король послалъ лучшихъ коней, взятыхъ у нѣмцевъ и самострѣлы и латы и прочее къ великому королю Вольдемару (Владиміру, полоцкому князю) сказать, что Вольдемаръ могъ бы созвать войско и, придя немедленно, взять Ригу, ибо, Вячко увѣрялъ, тамъ мало мужей, (воиновъ) осталось: лучшіе изъ нихъ имъ перебиты, а прочіе уѣхали съ епископомъ. Услышавъ это, слишкомъ легковѣрный Вольдемаръ призвалъ къ походу всѣхъ своихъ друзей и мужей своего королевства[2]).

Между тѣмъ епископъ, задержанный въ Динаминдѣ противнымъ вѣтромъ, свѣдавъ объ избіеніи своихъ и объ измѣнѣ въ своей церкви, созвалъ пилигримовъ, разсказалъ имъ со слезами потери, понесенныя церковью, и приглашая ихъ быть защитниками и мущественными пособниками церкви, увѣщевалъ и ободрялъ ихъ снова принять знаки креста ради совершеннѣйшаго прощенія предъ тѣмъ забытыхъ грѣховъ и обѣщалъ имъ за большій, предпринятый съ ихъ стороны трудъ соединенный съ продолжительнымъ пилигримствомъ, большее отпущеніе грѣховъ и вѣчную жизнь. Когда это пилигримы услышали, то триста человѣкъ изъ нихъ снова возложили на себя крестъ и не побоялись воротиться въ Ригу и стать защитниками дома Господня. Кромѣ того епископъ принялъ многихъ на жалованье и послалъ ихъ въ Ригу. Кромѣ того пришли въ Ригу всѣ нѣмцы, разсѣянные по Ливоніи, съ другими старшинами ливовъ на защиту церкви.

Русскіе, услышавъ о собраніи нѣмцевъ и ливовъ въ Ригѣ, испугались за себя и за свой замокъ, ибо злое совершили, и потому не осмѣлились ждать прибытія рижанъ подъ замокъ: они собрали свое имущество, раздѣлили между собою лошадей и оружіе нѣмцевъ, зажгли замокъ Кукенойсъ и бѣжали каждый своею дорогою. Жившіе въ Кукенойсѣ летигалы и селоны[3]) поспѣшили скрыться въ чащѣ лѣсовъ. Часто поминаемый, причинявшій зло король (Вячко) никогда уже не возвращался въ свое королевство[4]), удалившись въ Россію.

Примѣчанія къ XI главѣ.

1) Объ этомъ Андрей заявилъ папѣ въ 1207 г. § 1.
2) Канцлеромъ, по видимому, былъ епископъ Николай, упоминаемый въ гл. 10, 13; но не былъ-ли канцлеромъ епископъ Петръ Рескильдскій?
3) Тѣмъ не менѣе стѣны впослѣдствіи были снова возвышены. Сравни гл. 12, 1 и 13, 3.

1) См. гл. 9, 10. § 2.
2) Что говорили полочане объ этомъ? Но опасенія наказанія побудили, быть можетъ, Вячко сдѣлать этотъ шагъ; но едва-ли онъ имѣлъ въ виду исполнять свои обѣщанія.

1) См. Ев. отъ Мат. гл. 20; 12, 2. § 3.
2) Т. е. принадлежащихъ къ рижской церкви. См. гл. 10, 10.
3) См. гл. 6, 1, а также Іезекіиля гл. 13, 5.
4) Т. е. отъ имперіи. См. гл. 10, 17.
5) Не надобно забывать, что епископъ былъ леннымъ господиномъ рыцарскаго ордена,

1) По видимому онъ былъ преемникомъ Алебранда (см. гл. 10, 15) въ епископской Торейдѣ. § 4.

1) См. гл. 9, 3. § 5.
2) Котораго же именно?

1) Зельбургъ, по лѣвой сторонѣ Двины, восточнѣе Кокенгузена. Латыши въ старинныхъ документахъ называются также селоками, селами. § 6.

1) Угаунія, Унгаунія (у нѣкоторыхъ Угенонсъ, Угенузенъ, Огонія) — это земля, населенная эстами, между Оденпэ (Медвѣжья Голова) и Дерптомъ. Эсты Перновскаго уѣзда называютъ Эмбахъ (Амовжу) Унна. Латыши до сихъ поръ зовутъ эстовъ иггаунсъ. § 7.
2) Имера, Эмере, нынѣ Зедда — рѣчка, впадающая въ Буртнѣкское озеро. По этой рѣкѣ къ сѣверу жили еще латыши (см. гл. 15, 7), но потомъ начиналась эстонская земля Саккала.
3) Во время прибытія латинцевъ. Ср. гл. 18, 3. Русскіе первоначально не проповѣдовали крещеніе язычникамъ, см. гл. 16, 2; гл. 28, 4 (сравни 1, 3), но начали заботиться объ обращеніи язычниковъ въ христіанство только съ прибытіемъ нѣмцевъ. Съ гл. 14, 2; гл. 2о, 3.
4) Scholaris — не воспитанный-ли въ монастырѣ?

1) Regulus, см. гл. 9, 10. § 9.
2) Походъ, однакоже, не состоялся.
3) Оба эти народа были, конечно, туземными жителями, состоявшими подъ русскимъ господствомъ. Сравни гл. 12, 1; гл. 29, 5; гл. 14, 5; гл. 25, 5.
4) Впослѣдствіи онъ находился въ Юрьевѣ (Дерптѣ). См. гл. 25, 2; гл. 27, 5; гл. 28, 6.

ГЛАВА XII.

Епископства Альберта девятый годъ.

Какъ, послѣ пятаго отъѣзда Альберта, былъ преслѣдуемы кокенгузенскіе бѣглецы.

§ 1. По совершеніи этого, епископъ въ десятый годъ (съ 1-го марта 1208 г.) своего посвященія поручилъ свою церковь въ Ливоніи Господу Богу и пилигримамъ и всѣмъ ливонскимъ христіанамъ, а самъ отправился въ Германію какъ по многоразличнымъ дѣламъ церкви, такъ и для того, чтобы собрать пилигримовъ и вещи, коими могла быть вспомоществуема еще новая и многонуждающаяся церковь. И перебывалъ онъ и проповѣдовалъ во многихъ мѣстахъ, перенося многія тягости.

Но оставшіеся въ Ригѣ укрѣпились между собою и взялись сильно и укрѣпили городъ со всѣхъ сторонъ. Услышавъ о сожженіи Кукепойскаго замка и о побѣгѣ русскихъ, они послали нѣкоторыхъ преслѣдовать ихъ, между посланными былъ Мейнардъ и нѣкоторые другіе изъ слугъ епископа. Посланные предслѣдовали бѣглецевъ и нашли нѣкоторыхъ въ лѣсахъ и болотахъ, именно летигаловъ и селоновъ, данниковъ короля, которые знали о его королевскихъ замыслахъ и были ему помощниками въ измѣнѣ и избіеніи нѣмцевъ; схватили также нѣсколькихъ и русскихъ, добычу и имущество которыхъ они взяли и отобрали у нихъ нѣкоторые доспѣхи нѣмцевъ. И предали тяжкой заслуженной смерти виновныхъ, кого только нашли[1]), за то, что знали объ измѣнѣ и не истребили измѣнниковъ въ этомъ краю.

Пораженіе союзныхъ семигаловъ и нѣмцевъ въ Литвѣ.

Въ это время рижане и пребывавшіе въ Ливоніи христіане § 2.
надѣялись на продолжительный миръ, но миръ не послѣдовалъ, искали они хорошаго, но вотъ искушеніе![1]) Ибо послѣ побѣга русскихъ они надѣялись, что уже избѣгли Харибды, а между тѣмъ имъ грозила опасность отъ Сциллы.

Ибо Вестгардъ, предводитель семигаловъ, помня нанесенныя ему пораженія летонами и грабежи, кои они совершали по границамъ Семигаліи, приготовился къ походу противъ летоновъ и въ Ригѣ сталъ неотступно просить помощи христіанъ, присовокупляя, что онъ въ другой разъ придетъ на помощь рижанамъ для покоренія другихъ язычниковъ[2]) и кромѣ того говоря, что жребій его боговъ палъ на благопріятную сторону. Но старшины рижанъ, не обращая вниманія на жребій его боговъ, отказали ему въ помощи по причинѣ своей малочисленности[3]) и не хотѣли въ это время начинать войны съ летонами. Но наконецъ они уступили настоятельнымъ просьбамъ Вестгарда и упрямой смѣлости тѣхъ неразумныхъ мужей, которые хотѣли итти вмѣстѣ съ семигалами, и положили не возбранять имъ войны, но послать ихъ въ бой съ послушаніемъ[4]), дабы тѣла ихъ и души не впали въ тяжкую опасность. Такимъ образомъ послали съ Вестгардомъ 50 мужей или нѣсколько больше, рыцарей и стрѣлковъ, о также многихъ братьевъ рыцарства Христа; они взяли съ собою Даніила, идумейскаго священника[5]), и пошли въ землю семигаловъ.

Сидя на коняхъ и въ блескѣ своихъ доспѣховъ, они пришли туда и были приняты семигалами самымъ дружественнымъ образомъ. Семигалы разослали гонцовъ по всей своей землѣ и собрали большое войско. И когда они пришли къ Летоніи, стали на ночлегъ и начали пытать своихъ боговъ о будущемъ; бросили жребій, прося милости боговъ, со спросомъ: не разошелся ли слухъ о ихъ прибытіи и выступятъ ли летоны на бой съ ними. Выпалъ жребій, что слухъ разошелся и летоны готовы къ войнѣ. Отъ этого семигалы почти остолбенѣли и предложили нѣмцамъ воротиться, ибо очень боялись нападенія. Но нѣмцы, возражая, говорили: «Нейдетъ такъ дѣлать, чтобы бѣжать и тѣмъ позорить нашъ народъ! Нѣтъ, пойдемъ на нашихъ противниковъ и сразимся съ ними. И не могли семигалы ничѣмъ ихъ отговорить. Было семигаловъ безчисленное множество, на которое нѣмцы и надѣялись, хотя ливень могъ бы ихъ всѣхъ затопить. Тѣмъ не менѣе они мужественно вступили въ Летонію, раздѣлили войско на отряды, кои и пошли по деревнямъ, но деревни были уже пусты: мужчины съ женщинами и дѣтьми спаслись бѣгствомъ. Затѣмъ изъ страха предстоящаго сраженія семигалы немедленно

собрались всѣ вмѣстѣ и, не мѣшкая, приготовились къ отступленію въ тотъ же день. Летоны, замѣтивъ это, поскакали на своихъ быстрыхъ лошадяхъ за ними и, по своему обычаю, заскакивая справа и слѣва, и быстро убѣгая и быстро преслѣдуя, много семигаловъ переранили, бросая въ нихъ копья и дубины. Тогда нѣмцы построились клиномъ и, прикрывая тылъ войска, позволили семигаламъ итти впереди. Тѣ неожиданно предались бѣгству; одни давили другихъ въ тѣснотѣ, иные побѣжали въ лѣса и болота; вся тяжесть боя пала на нѣмцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ защищались наихрабрѣйшимъ образомъ и долго бились съ летонами, но по своей малочисленности не могли противостоять массѣ ихъ. Тутъ были очень мужественные люди, Гервинъ и Рабодо и многіе другіе. Послѣ продолжительнаго и упорнаго боя они частію пали отъ ранъ, частію были взяты въ плѣнъ и отведены въ Летонію. Другіе же спаслись бѣгствомъ, и воротясь домой въ Ригу, разсказали о происшедшемъ.

Какъ христіане отказались впредь пользоваться помощью язычниковъ противъ другихъ язычниковъ.

§ 3. Городъ, услышавъ о побѣгѣ своихъ и о смѣлости летоновъ, опечалился и арфа рижанъ внезапно перемѣнилась въ вопль, и пѣніе ихъ сдѣлалось гласомъ плачущаго[1]). И, вознеся молитву къ Небу, всѣ старѣйшіе и разумнѣйшіе люди рѣшили впредь не только не полагаться на численность язычниковъ, но и не сражаться вмѣстѣ съ язычниками противъ другихъ язычниковъ, а уповая на Господа, мужественно выступать противъ языческихъ народовъ только съ крещеными ливами и летами. Такъ и сдѣлалось. Ибо въ этомъ самомъ году хоругвь пресвятой Дѣвы, подъятая ливами, летами и нѣмцами, была внесена въ Унгаунію, а затѣмъ и по всѣмъ эстамъ и окрестнымъ языческимъ народамъ, чему помогъ Господь Богъ, единъ побѣждающій всѣ царства.

Литовцы получаютъ воздаяніе въ Семигаліи.

§ 4. Затѣмъ летоны съ большимъ войскомъ ворвались въ Семигалію и начали убивать и опустошать все встрѣчное. Семигалы однако подстерегали ихъ дорогою, срубили лѣса[1]) и перебили летоновъ почти всѣхъ, когда они возвращались домой. Изъ добычи они послали почетнымъ образомъ подарокъ рижанамъ[2]).

Прибытіе въ Ливонію новыхъ духовныхъ лицъ.

§ 5. Въ это время Господь Богъ, въ утѣшеніе своей церкви, послалъ на Двину многихъ орденскихъ духовныхъ: Флорентія, аббата

цистерціенскаго ордена, Роберта, каноника кельнской церкви, Конрада, бременца, съ нѣкоторыми другими, изъ коихъ одни избрали одѣяніе святой жизни въ Динаминдѣ, другіе у братьевъ рыцарства, иные предались дѣлу проповѣди. Прибытію ихъ очень обрадовалась еще малая церковь и, укрѣпленная послѣ печальныхъ войнъ, возблагодарила Господа, не оставляющаго утѣшеніемъ своимъ во всѣхъ искушеніяхъ. Ему же подобаетъ честь и слава во вѣки. Аминь.

Тщетные переговоры съ эстами въ Унгауніи.

Послѣ того какъ вся земля ливовъ и Летигалія крестились, старшины леттовъ: Руссинъ изъ замка Сотекле (между Зунцелемъ и Пебальгомъ), Варидотъ изъ Аутина (Ауцемъ близь Вендена), Талибальдъ изъ Беверина, а также Бертольдъ, братъ рыцарства изъ Вендена, послали пословъ къ эстамъ въ Унгаунію требовать удовлетворенія за тѣ несправедливости, которыя эсты совершили въ отношеніи леттовъ. Ибо летты (латыши) предъ принятіемъ крещенія были оскорбляемы и презираемы ливами и эстами и терпѣли отъ нихъ много несправедливостей; потому-то летты и радовались прибытію священниковъ, такъ какъ послѣ крещенія могли пользоваться тѣми же правами и тѣмъ же миромъ, какъ всѣ крещеные. Но эсты не только не обратили никакого вниманія на слова пословъ и не хотѣли дать никакого удовлетворенія, но отправили вмѣстѣ съ ними своихъ пословъ въ Летигалію. И какъ братья рыцарства проживали уже тогда въ Венденѣ, то они и послали Бертольда, какъ перваго между своими[1]), разобрать споры леттовъ съ эстами. Съ епископской стороны (то есть области) прибылъ священникъ Генрихъ и много леттовъ. И начали договариваться о томъ, что служитъ къ миру и справедливости. Но эстскіе послы пренебрегали мирными предложеніями леттовъ, отреклись возвратить имъ неправильно взятое и отказали леттамъ во всемъ. И договаривавшіеся, погрозивъ другъ другу копьями, разошлись по домамъ, не достигнувъ никакого мира. § 6.

Первый походъ христіанъ въ Унгаунію.

Между тѣмъ изъ Готланда прибыли[3]) нѣкоторые купцы и нѣмцы[4]). Тогда Варидотъ съ другими старшинами леттовъ прибылъ въ Ригу и началъ настойчиво просить помощи противъ несправедливости эстовъ. Тутъ и рижане вспомнили про свои обиды и какъ безчисленное множество товаровъ было прежде того отобрано унганійцами у ихъ купцовъ, потому они выслушали летскихъ старшинъ и обѣщали войско, ибо и собственные послы, рижанъ которые были неоднократно посылаемы по поводу

возвращенія захваченныхъ товаровъ, возвращались осмѣянные унганійцами, не хотѣвшими возвращать несправедливо захваченное.

Призвавъ всемогущаго Бога и пресвятую Богородицу Марію на помощь, рижане съ братьями рыцарства и Теодорихомъ, братомъ епископа, и купцы и прочіе нѣмцы пошли въ Торейду. И со всей земли ливовъ и Летигаліи они созвали сильное и большое войско, шли день и ночь и вступили въ Унганію. Опустошивъ деревни, перебивъ язычниковъ и отмщая обиды огнемъ и мечомъ, христіане, наконецъ, всѣ вмѣстѣ подошли къ замку Оденпэ[5]), что значитъ медвѣжья голова, и зажгли этотъ замокъ. Затѣмъ, отдохнувъ трое сутокъ, на четвертые сутки они возвратились въ свою землю со скотомъ, съ плѣнными и со всею добычею. Летты же, возвратившись въ свою землю, укрѣпили свои замки (городки, бурги) и приготовились къ бою; созвали въ замки своихъ и стали ждать войско эстовъ въ готовности сразиться съ нимъ.

Нападеніе эстовъ изъ Унгауніи и Саккалы на землю летовъ и осада Беверина.

Тогда унганійцы позвали къ себѣ на помощь саккалянъ[6]) и внезапно вторглись въ землю леттовъ въ Трикатской области; сожгли живаго одного летта, по имени Вардеке, другихъ взяли въ плѣнъ, причинили леттамъ много зла и осадили замокъ Беверинъ, нападая весь день на леттовъ, находившихся въ замкѣ. Но летты сами вышли изъ замка и мужественно вступили въ бой со своими противниками; пятерыхъ изъ нихъ убили и овладѣли лошадьми ихъ и воротились въ замокъ къ своему священнику, который въ то время находился тамъ, и вмѣстѣ съ нимъ возблагодарили Господа, побоgórowшаго имъ. Храбрѣйшій изъ нихъ былъ Ровоамъ[7]): онъ ворвался въ середину враговъ, убилъ двоихъ изъ нихъ и здравъ и невредимъ воротился къ своимъ въ замокъ, славя Бога за проявленное надъ нимъ предъ язычниками чудо. Также и священникъ ихъ, не обращая вниманія на нападенія эстовъ, взошелъ на валъ замка, гдѣ, въ то время какъ другіе сражались, игралъ на музыкальномъ инструментѣ, прославляя Бога. Варвары, услышавъ музыку и ясные звуки инструмента, перестали биться и стояли въ молчаніи, ибо въ своей землѣ не слышали такой музыки, и спрашивали о причинѣ такой радости. Но летты отвѣчали имъ: послѣ недавно принятаго крещенія они видятъ, что Господь Богъ защищаетъ ихъ и потому они радуются и славятъ Господа. Тогда эсты предложили возобновить миръ. Но летты говорили: «Еще вы не возвратили ни нѣмцамъ забранныхъ товаровъ, ни намъ забранныхъ вами имуществъ.

Не можетъ быть между христіанами и язычниками едино сердце и едина душа, пока вы не станете подъ то же самое, что и мы, иго христіанства, не примете постояннаго мира и не будете славить единаго Бога».

Эсты, услышавъ это, въ досадѣ отступили отъ замка; летты преслѣдовали ихъ и поранили многихъ. И ночью они послали къ магистру рыцарства Христа въ Венденѣ, Венно[8]), который въ то время находился тамъ, просить его, чтобы онъ со своими шелъ преслѣдовать эстовъ. Магистръ созвалъ всѣхъ окрестныхъ леттовъ, и когда настало утро, пришелъ къ Беверину и нашелъ, что войско язычниковъ давно уже ушло, и онъ преслѣдовалъ язычниковъ цѣлый день. Въ слѣдующую ночь наступилъ, однако, такой сильный морозъ, что почти всѣ лошади перехромали; отъ этого магистръ не могъ настигнуть непріятелей, ибо тѣ, перебивъ скотъ и выпустивъ на свободу плѣнныхъ, бѣжали своею дорогою и, не выжидая боя, каждый воротился въ свою землю.

Вторженіе латышей въ Саккалу съ блестящимъ успѣхомъ.

Тогда беверинскіе летты, огорченные смертью своихъ, которыхъ убили эсты и сожгли огнемъ[9]), послали ко всѣмъ окрестнымъ леттамъ готовиться въ походъ, чтобы съ Божіею помощью отмстить своимъ противникамъ. Такимъ образомъ произошло, что храбрѣйшій изъ леттовъ Руссинъ и Варидотъ со всѣми леттами, кои въ то время находились въ ихъ областяхъ, собрались въ большомъ числѣ у вышеназваннаго замка Беверина. И сговорились они итти на эстовъ и приготовились опустошать ихъ деревни. Вооружившись чѣмъ кто могъ, они устроили войско, шли день и ночь и вступили въ саккаланскую землю, гдѣ нашли мущинъ, женъ и дѣтей въ ихъ домахъ, въ деревняхъ и истребляли людей, гдѣ только ни находили, съ утра до вечера, какъ женщинъ такъ и дѣтей, и убили 300 человѣкъ изъ значительнѣйшихъ мужей и старшинъ саккаланской земли, кромѣ безчисленнаго множества другихъ, и истребляли до тѣхъ поръ, пока не ослабѣли руки и плечи ихъ. И когда всѣ деревни обагрились многою кровью язычниковъ, тогда на слѣдующій день летты пошли въ обратный путь, унося съ собою много добычи, собранной по деревнямъ и уводя много большаго и малаго скота и не мало дѣвушекъ, которыхъ однѣхъ щадятъ въ этихъ земляхъ. И воротились всѣ домой, останавливаясь много дней въ дорогѣ въ ожиданіи, что оставшіеся въ живыхъ эсты сдѣлаютъ нападеніе на тылъ отступавшихъ леттовъ. Но эсты не преслѣдовали леттовъ за такое кровопролитіе, собрали только трупы убитыхъ леттами людей, сожгли ихъ, сопровождая тризну мно-

гими воплями и погребальными пирами по своему обычаю. Летты же достигли озера Астигерве (нынѣ Буртнекское озеро), раздѣлили между собою всю добычу и благополучно воротились домой въ Беверинъ. Здѣсь находились братъ рыцарства Бертольдъ, а также ихъ собственные священники съ нѣкоторыми епископскими рыцарями и стрѣлками, они всѣмъ имъ дали подарки. А какъ тогда было воскресенье gaudete т. е. радуйтеся (18 декабря 1208 г.), то всѣ они единодушно съ радостію прославили Господа, воздавшаго посредствомъ новокрещеныхъ столь великое воздаяніе прочимъ язычникамъ. Руссинъ же, при возвращеніи въ беверинскій замокъ, отверзъ свои уста и говорилъ: «Дѣти дѣтей моихъ, сказалъ онъ, будутъ разсказывать своимъ дѣтямъ даже до третьяго и четвертаго колѣна[10]), какъ дѣйствовалъ Руссинъ при истребленіи саккалянъ!»

Перемиріе съ эстами.

Фохтъ ливовъ, Германъ, услышавъ это, почти негодовалъ на леттовъ за то, что они столь часто воюютъ съ эстами, присталъ къ леттамъ и созвалъ всѣхъ старшинъ ливовъ и леттовъ и держалъ совѣтъ какъ съ ними, такъ и съ нѣмцами. А поелику нѣмцы въ то время еще скудно и лишь въ маломъ числѣ населяли край, то всѣ согласились начать съ эстами переговоры о мирѣ до прибытія господина епископа, который въ это время находился въ Германіи и собиралъ пилигримовъ на слѣдующій годъ. Такое постановленіе совѣта понравилось и эстамъ и они приняли миръ, ибо, послѣ истребленія своихъ знатнѣйшихъ мужей, большой страхъ начали питать къ леттамъ. И не окончивъ спорныхъ дѣлъ, они заключили перемиріе между собою срокомъ на одинъ годъ.

Примѣчанія къ XII главѣ.

§ 1. 1) Всѣ были виновны, потому казнили кого только нашли.

§ 2. 1) См. Іерем. гл. 14, 19. Іезекіиля гл. 7, 25.
2) Семигалы были въ то время сами язычниками.
3) Однакоже въ Ригу воротилось 300 вооруженныхъ пилигримовъ. См. гл. 11, 9 и сравни гл. 12, 1.
4) См. гл. 7, 2.
5) См. гл. 10, 15.

§ 3. 1) См. Іова гл. 30, 31.

§ 4. 1) Устроили завалы. Сравни гл. 7, 8.
2) Варіантъ: Дали рижанамъ, въ утѣшеніе понесеннаго пораженія, знатный подарокъ.

§ 6. 1) Т. е. въ Венденѣ; гросмейстеромъ же ордена былъ въ то время Венно, проживавшій въ Ригѣ.

2) См. гл. 11, 7.

3) Въ Ригу.

4) Пилигримы?

5) Оденпэ, Одемпэ, по эстонски Ottepa отъ слова otta — медвѣдь и pa — голова. Русскіе называютъ это поселеніе Медвѣжьей головой.

6) Саккала мѣстность въ Оберъ-паленской области по рѣкѣ Зеддѣ.

7) Вѣроятно, это имя было дано при крещеніи.

8) Венно (по др. спискамъ Винно) проживалъ обыкновенно въ Ригѣ; Бертольдъ въ Венденѣ былъ въ родѣ комтура, подчиненнаго Венно.

9) Выше упомянуто только объ одномъ сожженомъ.

10) См. книгу Товита гл. 9, 12.

ГЛАВА XIII.

Епископства Альберта одинадцатый годъ.

Шестое прибытіе Альберта въ Ливонію. Укрѣпленіе Кокенгузена. Нападеніе латышей на литовцевъ.

§ 1. Въ одинацатый годъ своего посвященія (съ 1 марта 1209 г.) епископъ Альбертъ воротился изъ Германіи въ сопровожденіи большаго числа пилигримовъ. Между пилигримами были Родольфъ Іерихонскій[1]) и Вольтеръ Гаммерслевенскій[2]) и очень много другихъ дворянъ, рыцарей и клериковъ и прочаго народа, которые не убоялись опасностей моря и пристали въ Ливонію.

Послушавъ совѣта пилигримовъ, епископъ приказалъ собраться всѣмъ ливамъ и леттамъ, которые уже давно крещены были, и въ воспоминаніе злодѣйства, совершеннаго въ прошломъ году королемъ Весцекой (Вячко) противъ его, епископа, и своихъ, когда тотъ король коварно умертвилъ рыцарей и его дружину, песланныхъ по его же просьбѣ съ большими издержками на помощь противъ летоновъ, отправился самъ со всѣми пилигримами и своимъ войскомъ въ Кукенойсъ. И когда онъ оставилъ вышеназванную гору, которую нашелъ кипѣвшею отъ нечистоты прежнихъ жителей червями и змѣями, то приказалъ и повелѣлъ ту гору очистить и укрѣпить прочнымъ валомъ. И былъ построенъ крѣпкій замокъ, и для охраны замка были оставлены рыцари и стрѣлки съ епископскою дружиною, которымъ епископъ приказалъ крѣпко беречься какъ отъ лукавства леттовъ, такъ и коварства русскихъ. Епископъ предложилъ также вышеназванному Родольфу Іерихинскому половину замка, а братьямъ ры-

царства ихъ третью часть. Оставивъ ихъ тутъ и устроивъ все, епископъ возвратился домой въ Ригу.

Между тѣмъ летты съ двумя отрядами войска вторглись въ Летонію (Литву) и, убивъ нѣкоторыхъ летоновъ, а нѣкоторыхъ взявъ въ плѣнъ, воротились къ своимъ къ Кукенойсъ, и потомъ воротились съ епископомъ и всѣми епископскими людьми домой.

Убіеніе перваго магистра Венно; преемникомъ ему избранъ Вольквинъ.

Въ это время между братьми рыцарства находился нѣкто Вигбертъ, сердце котораго склонялось больше къ любви міра, чѣмъ къ строгости орденскаго устава; сѣялъ онъ также боль- § 2.
шой раздоръ между братьями рыцарства. Этотъ Вигбертъ, ненавидя общеніе святой жизни и презирая рыцарство Христово, пришелъ къ Идумейскому священнику[1]) и сказалъ, что онъ здѣсь будетъ ждать прибытія епископа и что желаетъ быть во всемъ послушнымъ епископу. Но братья рыцарства, Бертольдъ изъ Вендена съ нѣкоторыми другими рыцарями и слугами погнались за бѣглецомъ, схватили его въ Идумеѣ, привезли обратно въ Венденъ и заковали въ оковы. Услышавъ о прибытіи епископа, Вигбертъ сталъ просить, чтобы его освободили и дозволили прибыть въ Ригу, обѣщая, что онъ будетъ послушенъ епископу и братьямъ. Братья возрадовались тому, и въ надеждѣ, что братъ Вигбертъ, подобно брудному сыну, пришелъ въ разумъ, послали его съ честью въ Ригу и снова приняли его въ свое общество. Но онъ обратился, подобно Іудѣ между братьями, лишь на короткое время и, подобно волку между овцами, скрывъ затаенное намѣреніе своего коварства, ждалъ только удобнаго времени, чтобы насытить злобу своего сердца.

И произошло такъ въ одинъ праздникъ; когда прочіе братья съ другими людьми пошли въ монастырь (въ соборъ?), онъ между тѣмъ позвалъ къ себѣ магистра рыцарства и Іоганна, ихъ священника (капелана рыцарства), подъ видомъ открыть ему свою тайну, и тутъ на верху въ домѣ внезапно нанесъ магистру ударъ въ голову своимъ боевымъ топоромъ, который онъ всегда носилъ съ собою, и повалилъ на томъ мѣстѣ какъ магистра, такъ и священника, и убилъ ихъ. Прочіе братья, свѣдавъ о томъ, преслѣдовали его, когда онъ бѣжалъ изъ дома въ часовню (церковь св. Георгія), схватили его, предали его свѣтскому суду и казнили его тяжкою смертію, какую онъ заслужилъ (былъ колесованъ, какъ сказано въ риѳмованной хроникѣ).

Похоронивъ съ большою печалію своего вѣрнаго и благочестиваго магистра Венно съ священникомъ, рыцари поставили на мѣсто магистра не менѣе благочестиваго и ласковаго и всѣми

добродѣтелями одареннаго мужа, Вольквина. И съ тѣхъ поръ какъ въ присутствіе, такъ и въ отсутствіе епископа онъ предводительствовалъ воинствомъ Господа во всѣхъ походахъ, и исходилъ всѣ окрестные языческіе народы, и помогали ему всѣ его братья, и помощь и побѣда Господа Бога пребывала всегда съ нимъ.

Смертъ пробста Энгельберта; Іоганъ назначенъ ему преемникомъ. Новое одѣяніе рижскихъ канониковъ.

§ 3. Въ этомъ же году умеръ Энгельбертъ, пробстъ (протоіерей) церкви святыя Маріи; тогда епископъ взялъ къ себѣ изъ шетанскаго[1]) конвента мужа кроткаго и разумнаго во всѣхъ путяхъ его, Іоанна, и поставилъ его пробстомъ вмѣсто своего умершаго брата и ввѣрилъ попеченію его церковь святыя Маріи.

И поелику оный Іоаннъ принадлежалъ къ ордену святаго Августина и носилъ бѣлое одѣяніе, потому епископъ для единообразія перемѣнилъ черное одѣяніе и капуцины (головной уборъ) канониковъ названной церкви на бѣлые. А какъ въ тѣ времена былъ еще страхъ[2]) предъ язычниками какъ внутри, какъ и внѣ, то и жилъ тотъ конвентъ внутри перваго города въ первоначально выстроенной церкви. Послѣ же пожара той церкви[3]), начали строить церковь святыя Маріи внѣ стѣнъ у Двины и тутъ стали жить.

Пилигримы же въ этомъ году (1209) трудились надъ возвышеніемъ стѣнъ и надъ прочимъ, чѣмъ могли служить Господу Богу.

Взятіе и сожженіе русскаго замка Герсике, принадлежавшаго князю Всеволоду.

И когда прибижались осенніе дни, епископъ въ постоянныхъ

§ 4. заботахъ о споспѣшествованіи и защитѣ ливонской церкви держалъ совѣтъ со своими приближенными и тщательно обдумывалъ, какимъ бы образомъ освободить юную церковь отъ преслѣдованій со стороны летоновъ и русскихъ. И вспомнили они все зло, которое король Герсике съ летонами причинилъ рижскому городу, ливамъ и леттамъ[1]), и потому рѣшили итти войною на противниковъ христіанскаго имени. Именно король Виссевальде (князь Всеволодъ), былъ всегдашнимъ врагомъ христіанскаго имени и преимущественно латинцевъ; онъ былъ женатъ на дочери одного могущественнаго летона[2]), а породнившись и подружившись съ летонами, онъ нерѣдко бывалъ предводителемъ ихъ войска[3]), дозволялъ имъ переправу черезъ Двину[4]) и доставлялъ имъ съѣстные припасы во время ихъ походовъ какъ въ Россію, такъ въ Ливонію и Эстонію. Летоны

по этой причинѣ сдѣлались господами надъ всѣми, проживающими въ этихъ краяхъ народами, какъ христіанами, такъ и язычниками, такъ что рѣдкій изъ нихъ смѣлъ жить въ своей усадьбѣ (деревушкѣ) и преимущественно не смѣли летты. И потому они всегда оставляли свои дома пустыми и скрывались въ чащѣ лѣсовъ, но и тутъ не спасались отъ летоновъ: летоны преслѣдовали ихъ по лѣсамъ, убивали однихъ, брали въ плѣнъ другихъ, уводили ихъ въ свою землю и брали у нихъ все, какъ свое. И бѣгали русскіе чрезъ лѣса и деревни предъ летонами, даже предъ немногими, какъ бѣгаютъ зайцы предъ лицомъ охотника, а ливы и летты служили летонамъ пищею и кормомъ, подобно овцамъ, неимѣющимъ пастыря, въ пасти волковъ[5]).

Послалъ такимъ образомъ Господь пастыря и освободилъ своихъ овецъ, ливовъ и латышей, уже крестившихся, изъ пасти волковъ; то былъ епископъ Альбертъ. Онъ созвалъ войско отъ всѣхъ земель ливовъ и леттовъ и пошелъ вмѣстѣ съ рижанами и пилигримами и со всѣмъ своимъ народомъ вверхъ по Двинѣ къ Кукенойсу. А такъ такъ Герсике всегда былъ какъ бы дьявольскою сѣтью и для всѣхъ жителей на этой сторонѣ Двины, крещеныхъ и некрещеныхъ, король же Герсике всегда враждовалъ и велъ войны съ рижанами и не хотѣлъ заключать съ ними мирныхъ договоровъ, потому епископъ и двинулъ свое войско на его городъ.

Но русскіе, увидя войско, идущее издалека, выступили противъ него изъ городскихъ воротъ. И когда нѣмцы напали на нихъ вооруженною рукою и нѣкоторыхъ убили, то они не могли больше противиться и бѣжали; нѣмцы, преслѣдуя ихъ, вошли вмѣстѣ съ ними въ ворота. И изъ уваженія къ христіанскому имени, нѣмцы убили только немногихъ, большую же часть взяли въ плѣнъ, дозволяя также многимъ спастись бѣгствомъ; женщинъ и дѣтей, по взятіи города, пощадили и многихъ изъ нихъ взяли въ плѣнъ. Когда же король со многими другими бѣжалъ чрезъ Двину къ кораблямъ, тогда была взята королева и доставлена къ епископу съ дѣвушками и женщинами и всѣмъ ея имуществомъ. Все войско въ этотъ день стояло такимъ образомъ въ городѣ и собрали много добычи, снося со всѣхъ угловъ города одежду и серебро и пурпуръ и сгоняя скотъ въ множествѣ, и взяли изъ церквей колокола и иконы и прочія вещи и серебро и золото во множествѣ, и съ собою забрали, благодаря Господа за дарованную неожиданно побѣду надъ противниками и за преданіе города своимъ такому раззоренію.

На другой день, по опустошеніи всего, они приготовились къ отступленію и зажгли городъ. И когда король съ другаго берега Двины увидѣлъ пожаръ, то громко возопилъ, и рыдая,

говорилъ: «О Герсике, любезный городъ, о наслѣдство моихъ отцовъ! О непредвидѣнное раззореніе моего народа! Ахъ, не родиться бы мнѣ лучше на свѣтъ, чѣмъ видѣть пожаръ моего города и истребленіе моего народа!» [6])

Послѣ того епископъ и войско, раздѣливъ между собою всю добычу, съ королевою и всѣми плѣнными воротились въ свою землю.

Какъ герсикскій князь Всеволодъ сдѣлался плѣнникомъ епископа Альберта.

И послали королю сказать, что онъ долженъ прибыть въ Ригу, если по крайней мѣрѣ теперь желаетъ имѣть миръ и получить обратно плѣнныхъ. Онъ прибылъ и просилъ о прощеніи своихъ прегрѣшеній, назвалъ епископа отцомъ и смиренно просилъ латинянъ, какъ своихъ собратьевъ по Христѣ, да забудутъ они содѣянное зло, даруютъ ему миръ и возвратятъ жену и плѣнныхъ, причемъ онъ ссылался на огонь и мечь какъ на тяжкое наказаніе, коему латиняне его подвергли. Тогда епископъ со своими обнялъ просящаго короля и предложилъ ему мирныя условія и говорилъ: «Если ты впредь будешь избѣгать общенія съ язычниками и посредствомъ ихъ не будешь тревожить нашу церковь и вмѣстѣ съ тѣмъ не будешь опустошать землю твоихъ русскихъ сохристіанъ посредствомъ летоновъ; если ты свое королевство навсегда принесешь въ даръ церкви святыя Маріи съ тѣмъ, однако же, чтобы получить его обратно изъ нашихъ рукъ, и утѣшишь насъ постояннымъ мирнымъ единеніемъ съ нами, тогда только мы отдадимъ тебѣ обратно королеву со всѣми плѣнными и обѣщаемъ тебѣ всегда давать вѣрную помощь». Эти условія мира были приняты королемъ; онъ обѣщалъ впредь быть всегда вѣрнымъ церкви святыя Маріи и увѣрялъ, что будетъ избѣгать общенія съ язычниками и будетъ принадлежать христіанамъ. Передавъ свое королевство названной церкви, онъ получилъ оное обратно изъ рукъ епископа при торжественномъ врученіи трехъ знаменъ, призналъ епископа своимъ отцомъ и увѣрялъ, что впредь будетъ открывать ему всѣ злые замыслы летоновъ. Тогда ему была отдана королева и другіе плѣнные и онъ весело возвратился въ свою землю [7]), созвалъ своихъ людей, которые ушли оттуда, и началъ снова отстраивать свой замокъ. Тѣмъ не менѣе онъ не отставалъ отъ замысловъ летоновъ, забылъ обѣщанную вѣрность и часто возбуждалъ язычниковъ противъ нѣмцевъ, находившихся въ Кукенойсѣ.

Набѣгъ на Унгаунію и миръ епископа съ этою землею.

§ 5. Затѣмъ, когда истекъ срокъ перемирію, заключенному съ унгаунійцами, Бертольдъ, магистръ рыцарства въ Венденѣ, призвалъ къ себѣ Руссина съ его летами, а также и другихъ летовъ изъ Аутина и пошелъ со своими венденцами въ Унгаунію. И они нашли мужчинъ въ ихъ деревняхъ, ибо тѣ не бѣжали еще въ замокъ, и убили многихъ во всѣхъ деревняхъ, куда только ни приходили; убивъ же многихъ, взяли другихъ въ плѣнъ и получили много добычи, женщинъ и дѣтей повели съ собою, оставивъ деревни запустѣлыми. Причинивъ большое убійство и пожаръ, они воротились домой.

Когда торейдскіе ливы, все еще продолжавшіе тайныя коварныя сношенія съ эстами, услышали про это, то, негодуя на Бертольда Венденскаго и летовъ за возобновленіе войны съ эстами, внушили епископу, дабы онъ отправилъ посла въ Унгаунію для заключенія мира. И послалъ епископъ священника Алебранда въ Одемпе какъ для возобновленія мира, такъ и для истребованія купеческихъ товаровъ (захваченныхъ эстами). И когда эсты всей Унгауніи услышали, что къ нимъ пришли послы епископа, то собрались къ выслушанію ихъ. И разверзъ уста свои Алебрандъ и началъ поучать ихъ вѣрѣ во Христа. Эсты, услышавъ проповѣдь, бросились на священника съ копьями и мечами, чтобы убить его. Но нѣкоторые изъ старшинъ защитили священника, говоря: «Если мы убьемъ этого епископскаго посла, то кто же намъ впредь будетъ вѣрить и пришлетъ посла?» И нежелая слышать слова спасенія, они отправили Алебранда домой къ епископу и вмѣстѣ съ нимъ (т. е. Алебрандомъ и его товарищами) послали своихъ мужей для заключенія мира. И былъ заключенъ миръ между эстами и ливами и леттами епископа по одной сторонѣ рѣки Койвы; Бертольдъ же Венденскій и Руссинъ со своими леттами мира не приняли и приготовились къ войнѣ.

Примѣчанія къ XIII главѣ.

§ 1. 1) Іерихонъ къ востоку отъ Эльбы, близъ Травеминде.
2) Гаммерслебенъ къ сѣверу отъ Гальберштата.

§ 2. 1) Данінлу въ Роопѣ, епископской области.

§ 3. 1) Schetensi, изъ Шеди или Шейды, въ графствѣ Каркъ, близъ Унны.
2) Сравни гл. 10, 12.
3) См. гл. 18, 6.

§ 4. 1) См. гл. 7, 8; гл. 10, 1 и 12.
2) По имени Даугерута. См. гл. 17, 3.
3) Литовцы находились при немъ. См. гл. 7, 8.
4) Литовцы прежде ходили чрезъ Зельбургъ. См. 11, 6.
5) См. Іезекіиля гл. 34, 5; 10.
6) См. 1 Макав. гл. 2, 7.
7) По другимъ источникамъ, князь Всеволодъ Герсикскій получилъ въ ленъ лишь свои наслѣдственныя земли; отъ прочихъ же занятыхъ уже нѣмцами земель, онъ долженъ былъ отказаться. Все это происходило въ срединѣ октября 1209 г. — О верховой власти Полоцка не упоминается; почему вручены были три знамени — также неизвѣстно.

ГЛАВА XIV.

Епископства Альберта двѣнадцатый годъ.

Несчастное сраженіе съ курскими пиратами во время шестаго отъѣзда изъ Ливоніи епископа.

§ 1. Наступилъ епископства двѣнадцатый годъ и церковь малое время пребывала въ спокойствіи. Ибо когда епископъ со своими пилигримами отправился въ Германію, оставивъ въ Ливоніи всѣхъ мужей съ нѣкоторыми пилигримами, куры, противники имени Христова, внезапно появились въ проливѣ[1]) на морскомъ берегу съ восемью разбойничьими судами. Пилигримы, увидя то, вышли изъ когговъ[2]), сѣли на малыя суда и ополчились на язычниковъ, но съ непредусмотрительною поспѣшностію каждое судно торопилось предъ другимъ первымъ достигнуть непріятеля. Куры же разгрузили носы (переднія части) своихъ разбойничьихъ кораблей и направили ихъ противъ идущихъ, уставивъ въ рядъ два корабля и оставивъ промежутокъ между двумя другими кораблями. Пилигримы, подойдя на своихъ первыхъ ладьяхъ или малыхъ судахъ, вошли въ названный промежутокъ между разбойничьими кораблями, но поелику суда пилигримовъ были малы, то и не могли они достигнуть непріятеля, который надъ ними стоялъ въ вышинѣ. Нѣкоторыхъ изъ пилигримовъ куры убили копьями, другіе утонули, иные были ранены, прочіе должны были воротиться къ коггамъ и отступили. Тогда куры собрали тѣла убитыхъ, обнажили ихъ и подѣлили между собою одежду и прочее что нашли на убитыхъ. Однако же готландскіе горожане впослѣдствіи собрали трупы и благочестиво похо-

ронили ихъ. Было около тридцати рыцарей и другихъ, которые тогда убиты были. Епископъ наложилъ трауръ по своимъ на нѣсколько дней, хорошо зная, какъ полезны преслѣдованія тѣмъ, кто терпитъ отъ нихъ, ибо блаженни гонимые правды ради и сосуды скудельничьи укрѣпляетъ печь, а правдивыхъ мужей укрѣпляетъ искушеніе печали.[3])

Русскіе предъ Оденпе и крестятъ тамъ.

Въ это время великій король Ногардіенскій (князь новгородскій Мстиславъ Мстиславовичъ) и король Плицековскій (князь псковскій Владиміръ, братъ Мстислава) со всѣми ихъ русскими пришли съ большимъ войскомъ въ Унгаунію, и, осадивъ замокъ Оденпе[1]), бились съ тамошними жителями восемь дней. И когда въ замкѣ произошелъ недостатокъ въ водѣ и въ съѣстныхъ припасахъ, то они запросили у русскихъ мира. И русскіе дали имъ миръ и крестили крещеніемъ нѣкоторыхъ и взяли съ нихъ[2]) 400 марокъ ногатъ и отошли отъ нихъ и воротились въ свою землю, говоря, что пришлютъ къ нимъ своихъ священниковъ для довершенія бани святаго пакибытія. Но однакоже они того не исполнили[3]), ибо унгаунійцы впослѣдствіи приняли рижскихъ священниковъ, были крещены ими и были подчинены рижанамъ (т. е. рижской церкви). § 2.

О наказаніи куровъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя (послѣ 1210 г.), пришли Фризы съ пилигримами въ вышеназванный островъ Готландъ и застали здѣсь куровъ съ большею добычею и, окруживъ ихъ внезапно, бились съ ними и перебили почти всѣхъ; взяли четыре разбойничьи суда со всѣмъ имуществомъ и привели ихъ въ Ригу; а также взяли съ собою безчисленное множество овецъ, которыхъ куры награбили въ христіанскихъ земляхъ, и привезли ихъ въ Ригу. И была великая радость за воздаяніе, полученное такимъ образомъ курами. § 3.

Епископъ Альбертъ снова въ Германіи.

Епископъ, хотя и сильно огорченный продолжающимися затрудненіями и смертію своихъ, но возложилъ упованіе на Господа и, поручивъ Ему свое путешествіе и дѣла, прибылъ въ Германію, горевалъ предъ добрыми и богобоязливыми людьми о потерѣ своихъ, искалъ по деревнямъ и улицамъ, городамъ и замкамъ кто бы сталъ каменьщикомъ предъ домомъ Господнимъ, кто бы возложилъ крестъ на себя и пошелъ за море въ Ливонію для утѣшенія немногихъ, остававшихся тамъ. И нашлись Изо, верденскій епископъ, съ Филиппомъ, рацебургскимъ епископомъ, а § 4.

также падельборгскій епископъ (Бернгардъ), кои приготовились предпринять оный путь на слѣдующій годъ со своими рыцарями и многими другими людьми.

О большомъ народномъ заговорѣ противъ нѣмцевъ. Литовцы предъ Кокенгузеномъ.

§ 5. По отъѣздѣ епископа и послѣ сраженія куровъ съ пилигримами, когда всѣ окрестные народы услышали, какое число пилигримовъ умертвили куры, то они послали гонцовъ другъ къ другу, прежде ливы къ курамъ, куры къ эстамъ, а также къ летонамъ, семигаламъ и русскимъ, и всѣ искали способа, какимъ бы образомъ уничтожить Ригу, какъ бы лукаво добраться до нѣмцевъ и перебить ихъ.

Но летоны думали, что въ Кукенойсѣ осталось мало народу, потому они подошли къ этому замку съ большимъ войскомъ и нашли въ замкѣ Родольфа Іерихонскаго съ прочими епископскими мужами и храбро сразились съ ними. Тутъ изъ замка вышли на нихъ слуги епископа и летты, которые своими копьями перебили нѣсколькихъ летоновъ. Летоны не могли вынести натиска ихъ и отступили къ своимъ.

Опасное нападеніе куровъ на Ригу. Нападеніе на Унгаунію.

Тогда нѣкоторые ливы, жившіе по Адіи[1]) давно уже крещеные, исполненные желчи своего коварства, пошли въ землю куровъ и подняли всю землю противъ рижской церкви и собрали сильное и большое войско, которому передали, что въ городѣ, какъ то въ дѣйствительности и было, осталось очень мало народа. Горожане, услышавъ про это, послали соглядатаевъ къ морю. Куры же, собравшись всѣ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ, въ близости пребывали въ спокойствіи четырнадцать дней (съ конца іюня), призывая своихъ боговъ на помощь и бросая свои жребіи о благопріятномъ времени для нападенія на Ригу. Соглядатаи между тѣмъ воротились въ Ригу, ничего не развѣдавъ.

Въ это время (12 іюля 1210 г.) на двухъ коггахъ прибыли въ Динаминдъ графъ Сладемскій[2]), рыцарь Марквардъ съ другими пилигримами, которые оставались въ Ригѣ на пасху (18 апрѣля 1210 г.) и теперь хотѣли ѣхать домой въ Германію. Они оставили немногихъ на корабляхъ, а сами пошли на ночлегъ въ монастырь. Чуть лишь появился разсвѣтъ слѣдующаго дня (13 іюля), какъ все море покрылось какъ бы густымъ облакомъ; тѣже, что были на корабляхъ, увидя идущихъ на нихъ множество язычниковъ и большое войско, частію приготовились обороняться, а частію бѣжали въ монастырь. Но язычники, въ

надеждѣ захватить городъ въ расплохъ, такъ какъ имъ не предшествовало никакого слуха, не напали на оные пилигримскіе корабли, а начали быстро грести къ городу. Однако же рыбаки съ обѣихъ сторонъ Двины увидѣли ихъ, прибѣжали въ Ригу и сказали, что за ними слѣдуетъ войско.

Тогда горожане (бюргеры) и братья рыцарства и стрѣлки (ихъ было также немного) съ клериками и женщинами возложили все свое упованіе на оружіе; звономъ въ колоколъ[3]), въ который звонили только во время войны, созвали вмѣстѣ народъ, вышли противъ враговъ на берегъ Двины и переранили многихъ изъ нихъ изъ самострѣловъ. И куры оставили свои корабли на Двинѣ и построили свое войско въ полѣ. И несъ одинъ изъ нихъ предъ собою деревянный щитъ, сколоченный изъ двухъ досокъ и дубину, на подобіе пастушескаго жезла, для поддержки онаго, и когда солнце освѣтило бѣлые щиты, то ими освѣтились воды и поле, ибо то было большое и сильное войско. И приблизилось оно къ городу, ливы и стрѣлки встрѣтили его у передоваго укрѣпленія, которое было въ полѣ предъ городскими воротами, и бились съ ними до третьяго часа дня; горожане же зажгли деревню, находившуюся внѣ стѣнъ (деревянный форштатъ, въ которомъ жили ливы). У нѣкоторыхъ изъ нашихъ были трехзубчатые желѣзные гвозди, которые они и разбросали по дорогѣ, по которой наступало войско, и когда нѣкоторые горожане въ бою мужественно подвигались впередъ и многіе изъ нихъ были убиты врагами, прикрывавшимся своими щитами, то при отступленіи они попадали на тѣ гвозди и нѣкоторые были убиты, а другіе спаслись къ намъ[4]). Послѣ того войско пошло къ своимъ кораблямъ. И послѣ утренней ѣды войско приготовилось снова къ бою, и когда они услышали звукъ большаго колокола, то говорили, что христіанскій Богъ ихъ пожретъ и уничтожитъ. И они снова напали на городъ и бились во весь день. Когда же они, сложивъ щиты, начали носить дрова, чтобы поджечь городъ, то многіе изъ нихъ были ранены стрѣлами; коль скоро же кто изъ нихъ падалъ раненымъ камнемъ изъ машины или изъ самострѣла, то тотчасъ же его братъ или другой сотоварищъ отрубалъ ему голову и такимъ образомъ умерщвлялъ его. И когда они окружили со всѣхъ сторонъ городъ и разложили большой огонь, прибыли на лошадяхъ гольмцы на Старую гору[5]) и, погрозивъ непріятелю своими мечами, вошли въ городъ съ другой стороны. Куры, увидя ихъ, отступили снова отъ города и, собравъ тѣла своихъ убитыхъ, возвратились на свои корабли, переправились чрезъ Двину, гдѣ простояли три дня и сожгли трупы, оплакивая убитыхъ.

Торейдскіе ливы, услышавъ объ осадѣ Ригѣ курами и желая истребленія города, собрали многочисленное войско, чтобы итти на помощь курамъ. Ибо нѣкоторые вѣроломные ливы и семигалы и прочіе народы ждали послѣдствія (прибытія) куровъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ итти на истребленіе города. Но гольмцы въ тотъ же самый день (13 іюля) пришли въ городъ, убивъ нѣкоторыхъ куровъ на островахъ и забравъ корабли. Рыцарь Марквардъ воротился изъ Динаминда и прошелъ въ городъ посреди враговъ, и впослѣдствіи вступилъ къ общество братьевъ рыцарства. Каупо со всѣми своими родными и друзьями и вѣрными ливами въ слѣдующую ночь перешелъ въ городъ. Конрадъ Икескольскій съ верхними ливами (т. е. съ верхней Двины), когда наступило утро (14 іюля) прибылъ на поле у города и когда онъ устроилъ большую игру (родъ турнира) на своихъ лошадяхъ, то всѣ пришли изъ города и была большая радость между ними. И двинулись они къ курамъ, вызывая ихъ на бой и будучи въ готовности или мужественно умереть, или побѣдить. Но тѣ, сильно опечаленные трупами своихъ, говорили о своей готовности къ миру и чрезъ три дня отступили.

Ливы же, виновные въ этой измѣнѣ, учинили добровольно удовлетвореніе Богу и дружинѣ епископа, безъ всякой обиды своихъ, и на будущее время обѣщались быть вѣрными. Городъ же, милосердіемъ Божіимъ освобожденный въ этотъ разъ отъ язычниковъ, возблагодарилъ Господа и постановилъ впредь праздновать день святыя Маргариты (13 іюля), въ который онъ былъ освобожденъ отъ осады.

Бертольдъ Венденскій въ это время съ леттами ходилъ въ Унгаунію, тамъ выжегъ много деревень, много перебилъ язычниковъ и причинилъ имъ много зла. Онъ также съ большимъ отрядомъ пришелъ на помощь рижанамъ. Но куры уже отступили, потому всякій воротился въ свою землю.

§ 6. **Взятіе Оденпэ ливонцами.**

Послѣ того оный Бертольдъ собралъ войско и пошли въ нимъ слуги епископа, Сифридъ и Александръ и многіе другіе, и ливы и леты. Придя въ Унгаунію къ замку Оденпе, они нашли въ немъ мало народу [1]; эсты, устрашенные малымъ числомъ своихъ, предложили Бертольду, что они мирно примутъ его съ замокъ. Слуги епископа съ нѣкоторыми ливами, незная, что Бертольдъ уже принятъ въ замокъ, подошли къ замку съ другой стороны, а за ними послѣдовало и все войско. Они овладѣли верхнимъ краемъ горы, взяли валъ укрѣпленія и явившись обладателями замка, перебили мущинъ, женщинъ и дѣтей взяли въ плѣнъ, взяли много добычи, нѣкоторые лишь спаслись бѣгствомъ. Отдох-

нувъ здѣсь одинъ день, подѣливъ между собою добычу, они сожгли замокъ и воротились въ Ливонію.

Посольство въ Полоцкъ; осада Вендена эстами.

Ливонская церковь такимъ образомъ въ тѣ времена претерпѣвала многія искушенія, ибо находилась посреди многихъ языческихъ народовъ и въ сосѣдствѣ русскихъ, у которыхъ у всѣхъ было одно намѣреніе какъ бы искоренить ливонскую церковь. Потому-то рижане положили снарядить посла къ королю Плосцекскому, чтобы хоть съ нимъ заключить мирныя условія. И послали въ Россію Родольфа Іерихонскаго[1]) съ нѣкоторыми другими. § 7.

И когда посольство приближалось къ Вендену[1]), вотъ пришли эсты съ большимъ войскомъ и осадили Венденъ. И Родольфъ со своими нашелъ убѣжище въ этомъ замкѣ. И сражались эсты съ Бертольдомъ и его братьями венденцами три дня у стараго замка, въ которомъ въ то время братья жили вмѣстѣ съ венденцами[2]), и пало много эстовъ, раненыхъ самострѣлами, но и они убили копьями нѣкоторыхъ изъ венденцевъ. Эсты сложили большой костеръ дровъ, подложили огня, чтобы зажечь замокъ, изъ лѣсу притащили большія деревья съ корнями, сдѣлали изъ нихъ родъ больверка, прочно укрѣпивъ его другими деревьями, и, упорно сражаясь подъ прикрытіемъ больверка, напускали огонь на тѣхъ, кто находился въ замкѣ. Не ослабляя боя, они, конечно, причинили бы большое зло, ибо по нерадѣнію нѣкоторыхъ слухи объ осадѣ дошли до рижанъ не на первый или на второй, а только на третій день. Лишь на четвертый день поднялись рижане и пришли въ Зигевальде (нынѣ Зегевольдъ). Въ этотъ самый день эсты, услышавъ, что на нихъ идетъ Каупо со своими друзьями[3]) и большимъ отрядомъ изъ ливовъ и леттовъ, отступили отъ замка Вендена, перешли рѣку Койву и остановились для отдыха и ночлега у озера[4]), которое находилось на пути въ Беверинъ. § 8.

О большой побѣдѣ эстовъ при рѣкѣ Зеддѣ.

Венденскіе братья (рыцари) и Каупо съ ливами и леттами послѣдовали за эстами утромъ и остановились, чтобы подкрѣпиться пищею у того же самаго озера, гдѣ были эсты. Они выслали впередъ соглядатаевъ, изъ которыхъ нѣкоторые, возвратившись, сказали войску, что эсты находятся въ полномъ бѣгствѣ чрезъ Имеру. Тотчасъ же ливы и летты, слишкомъ довѣрчиво положившись на слова соглядатаевъ, приготовились преслѣдовать эстовъ, говоря, что имъ никакъ нельзя ждать медлительныхъ рижанъ. Но Каупо и нѣмцы говорили: «Подождемъ нашихъ братьевъ и тогда сразимся, расправимъ крыло наше и вознесемся въ высоту[5])! Но тѣ не послушались этихъ словъ и,

желая больше погибели нѣмцевъ, преслѣдовали эстовъ, поставивъ однако впереди перваго отряда нѣмцевъ, а сами слѣдуя за ними, дабы, судя по исходу битвы, быть въ скорѣйшей готовности или преслѣдовать эстовъ, или бѣжать съ поля сраженія. И они двинулись къ Имерѣ, не зная, что эстское войско расположилось въ лѣсахъ у Имеры, но тутъ они внезапно увидѣли, что эстское войско идетъ на нихъ. Тогда братъ рыцарства Арнольдъ взялъ знамя и говорилъ: «Станемъ вмѣстѣ, нѣмецкіе братья, и сразимся, не побѣжимъ предъ ними и не опозоримъ нашего народа!» И они ополчились на эстовъ и умертвили нѣкоторыхъ эстовъ и сразились съ ними. И тутъ палъ Бертольдъ, сынъ Каупо, а также его зять Ване, храбрый и добродѣтельный мужъ, и нѣкоторые другіе изъ братьевъ рыцарства, и слуги епископа[6]) Вихманъ и Адлеръ были тяжко ранены. Ливы же, шедшіе позади нѣмцевъ, какъ увидѣли, что со всѣхъ сторонъ изъ лѣсовъ выходитъ множество эстскаго войска, тотчасъ же обратились въ бѣгство, оставивъ нѣмцевъ однихъ. Нѣмцы, увидя это и принявъ во вниманіе свою малочисленность, ибо ихъ было тутъ не больше 20 человѣкъ, начали отступать, сражаясь съ врагами, къ Койвѣ; Родольфъ Іерихонскій былъ раненъ копьемъ и упалъ на землю, но фризъ Вигбольдъ посадилъ его снова на коня, и этотъ фризъ, полагаясь на быстроту своего коня, многихъ освободилъ, то быстро отступая, то снова нападая на враговъ и задерживая ихъ въ тѣсныхъ мѣстахъ. Эсты же преслѣдовали какъ нѣмцевъ, такъ и бѣжавшихъ направо и на лѣво ливовъ и пѣшихъ леттовъ, и схватили ихъ съ сотню человѣкъ, изъ которыхъ часть убили, а другую часть увели назадъ къ Имерѣ и предали тяжкимъ мученіямъ. Изъ нихъ (т. е. захваченныхъ латышей) они сожгли живыми 14 человѣкъ, а другихъ обнажили, и сдѣлавъ мечами на ихъ спинахъ знаки креста[7]), замучили, введя, надѣемся, ихъ такимъ образомъ на небо, въ сообщество мучениковъ.

Тогда эсты, возвратившись въ свою землю и ругаясь надъ христіанами, разослали гонцовъ по всѣмъ землямъ Эстоніи, чтобы сговориться и соединиться между собою и составить едино сердце и едину душу противъ имени христіанъ. Каупо же и ливы и леты, возвратившись съ боя, оплакивали своихъ убитыхъ, огорченные тѣмъ, что тѣ, недавно возродившіеся, потеряли жизнь отъ язычниковъ. И вмѣстѣ съ ними печалилась вся церковь, которая въ тѣ времена подобилась луку, всегда натянутому, но не разрывавшемуся, или ковчегу Ноя, носимому волнами потопа, но не разбивавшемуся, или кораблю апостола Петра, заливаемому волнами, но не потопляемому, или женѣ, преслѣдуемой дракономъ, но не побѣжденной имъ. Ибо за этимъ искушеніемъ

послѣдовало утѣшеніе, а вмѣсто печали Господь Богъ ниспослалъ радость[8]).

Миръ съ полоцкимъ княземъ.

Послали именно Арнольда[1]), брата рыцарства, съ его товарищами къ королю Плосцекскому съ предложеніемъ не желаетъ-ли онъ принять миръ и открыть путь въ свою землю рижскимъ купцамъ. Король дружелюбно принялъ пословъ и радуясь миру, хотя и съ лукавствомъ, но послалъ вмѣстѣ съ ними Лудольфа, разумнаго и богатаго мужа изъ Смоленцеке (Смоленска), чтобы онъ прибылъ въ Ригу и договаривался тамъ о томъ, что было справедливо и служило къ миру. Когда тотъ прибылъ въ Ригу, и разсказалъ королевскую волю, то рижанамъ понравилось это, и въ то время былъ впервые заключенъ миръ навсегда между королемъ и рижанами такимъ образомъ, дабы ливы ежегодно вносили королю надлежащую подать или сами, или епископъ вносилъ за нихъ. И всѣ радовались, что могли теперь безпрепятственно вести войну съ эстами, каковая и произошла. § 9.

Первый походъ въ Зонтакенъ и другія викскія земли.

Когда наступилъ праздникъ Рождества Христова (25 декабря 1210 г.) и усилились зимніе морозы, рижскіе старшины разослали гонцовъ по всей землѣ ливовъ и леттовъ и по всѣмъ замкамъ по Двинѣ и Койвѣ, дабы всѣ собрались и были готовы къ отмщенію языческимъ народамъ эстовъ. Извѣстіе о томъ достигло до Плесцекова (Пскова), который въ то время былъ въ мирѣ съ нами, и пришелъ очень большой отрядъ русскихъ на помощь къ нашимъ; пришли земскіе старшины Руссинъ и Каупо, Нинусъ съ Дабрелемъ и прочими, и выступили рижане съ пилигримами и все войско пошло въ Метзеполе. Получивъ заложниковъ отъ ливовъ, считавшихся невѣрными, войско направилось къ морю. Идя денно и нощно прямо вдоль морскаго берега, они пришли въ первую землю, называемую Зонтагана (южный Викъ). И дорожные сторожа увидѣли войско и бѣжали сказать о томъ своимъ. Но войско поспѣшило и пошло вмѣстѣ съ соглядатаями (дорожными сторожами) въ деревни и застало почти всѣхъ въ ихъ деревняхъ и домахъ. И разсѣялось войско по всѣмъ дорогамъ и деревнямъ, истребило много народу во всѣхъ мѣстахъ и преслѣдовало бѣжавшихъ въ прилегавшія земли и взяло въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, и собралось къ замку[2]). На слѣдующій и на третій день войско исходило кругомъ, опустошая и сжигая все встрѣчное и собрало безчисленное множество лошадей и скота; собрали воловъ и коровъ четыре тысячи, не считая лошадей и прочаго скота и плѣнныхъ, коихъ было безчисленное множество.

Многіе изъ язычниковъ, бѣжавшіе въ лѣса и морской ледъ, замерзли и погибли. На четвертый день, по взятіи и сожженіи трехъ замковъ (бурговъ[3]), войско выступило со всею добычею въ обратный походъ, медленно возвращалось домой, и подѣлило добычу поровну и съ радостію воротились домой въ Ливонію, благодаря Господа Бога, предавшаго враговъ ихъ мщенію. И смолкли эсты съ поношеніями, коими прежде поносили они ливовъ и леттовъ за мученичество ихъ[4]).

Безплодные набѣги эстовъ изъ Саккалы и Унгауніи. Какъ дѣйствовали зонтакцы и ихъ сосѣди въ Метзеполѣ.

Въ слѣдующую лунацію (25 янв. 1211 г.) собрались снова ливы и летты съ рижанами у озера Астигерва и встрѣтили войско саккалянъ и унгаунійцевъ и двинулись на него и бились съ нимъ. Но тѣ дали тылъ и бѣжали. И отсталъ одинъ изъ нихъ и пришелъ къ нашимъ и сказалъ, что другое еще большее войско изъ викской земли въ эту же ночь по другой дорогѣ, что идетъ вдоль моря, намѣревается вторгнуться въ Ливонію. Услышавъ про это, старшины ливовъ поспѣшили къ своимъ женамъ и мальчикамъ (дѣтямъ), чтобъ защитить ихъ отъ враговъ, и каждый воротился въ свое укрѣпленное мѣсто. И тотчасъ же днемъ послѣ того пришли эсты, кои передъ тѣмъ бѣжали изъ Зонтагана и другихъ окрестныхъ земель, съ большимъ войскомъ въ Метзеполе, а какъ тутъ весь народъ находился уже въ замкахъ, потому они зажгли пустыя деревни и церкви и многое поруганіе церквамъ и гробамъ умершихъ христіанъ совершили своими жертвоприношеніями. И собрались рижане въ Торейдѣ для преслѣдованія ихъ, равно и Бертольдъ изъ Вендена и Руссинъ со всѣми леттами въ Раупѣ. Эсты, услышавъ про это, быстро ушли въ свою землю, не ожидая сраженія съ христіанами.

Приготовленія христіанъ къ осадѣ Феллина.

Во время третьей лунаціи (21 февр. 1211 г.), рижане приготовились къ осадѣ замка Филинда (Феллинъ) въ Саккалѣ, и созвали ливовъ и леттовъ изо всѣхъ земель и замковъ, грозя штрафомъ всякому, кто не придетъ, и такимъ образомъ собралось сильное войско. И вмѣстѣ съ ними пошелъ Энгельбертъ[5]), зять епископа, которому въ этомъ году было ввѣрено фохтейство (должность судьи) въ Торейдѣ[6]), съ братьями рыцарства и пилигримами, и пошли въ Саккалу, везя съ собою камено-метныя машины и самострѣлы и прочія орудія, необходимыя при осадѣ замка.

Примѣчанія къ главѣ XIV.

§ 1. 1) Въ проливѣ между Курляндіею и Эзелемъ.
2) Coggo — это широкое, въ носу и кормѣ закругленное ластовое судно.
3) См. Ев. отъ Матѳ. гл. 5, 10 и Іис. Сирах. гл. 27, 6.

§ 2. 1) По гл. 12, 6, ливонцы сожгли этотъ замокъ. См. гл. 13, 5.
2) Что унгаунійцы были данниками русскихъ опровергается въ гл. 20, 3, — Въ Дерптѣ русскіе были съ 1030 г., въ Одемпэ съ 1116 г.
3) Варіантъ: изъ страха предъ нѣмцами.

§ 5. 1) Адіа — небольшая рѣчка, къ сѣверу отъ устья лифляндской Аа.
2) То былъ Генрихъ Сладенскій. Шладенъ лежитъ между Госларомъ и Вольфенбителемъ.
3) Это штуромовой колоколъ на Соборной церкви. Сравни гл. 18, 6.
4) Лѣтописецъ находился, значитъ, въ то время въ Ригѣ. См гл. 13, 1.
5) См. гл. 7, 8. Старая гора здѣсь упоминается въ послѣдній разъ.

§ 6. 1) Русскихъ, по всей вѣроятности, здѣсь уже не было.

§ 7. 1) По § 5, онъ находился въ Кокенгузенѣ.

§ 8. 1) Не хотѣли-ли епископскіе посланники взять съ собою въ Полоцкъ меченосцевъ изъ Вендена? Ср. § 9.
2) См. гл. 12, 6; гл. 10, 14. — Сравни гл. 22, 4; гл. 25, 3 и гл. 29, 8.
3 Родственниками? См. гл. 11, 5; гл. 14, 5.
4) У одного изъ нынѣшнихъ болотъ, къ сѣверу отъ Вольмара.
5) См. 1 Макав. гл. 9, 8. — Сравни Исаіи гл. 40, 31 и Псаломъ 138, 9.
6) О присутствіи епископскихъ людей не было выше упомянуто.
7) Не для обезчещенія-ли христіанскаго креста?
8) О второмъ сраженіи на Имерѣ съ другимъ исходомъ см. гл. 27, 1.

§ 9. 1) См. гл. 10, 8; гл. 14, 8; — Рудольфъ остался, вѣроятно, по причинѣ своей раны
2) Зонтагану; См. гл. 19, 8; гл. 22, 9; гл. 29, 7.
3) Не Леаль-ли? Или же мѣста, упомянутыя въ гл. 29, 7? См. гл. 15, 4.
4) См. § 8. Псал. 78, 12.
5) Энгельбертъ Тизенгаузенскій. См. гл. 28, 8.
6) Какъ преемнику Германа. См. гл. 12, 6.

ГЛАВА XV.

Епископства Альберта тринадцатый годъ.

Первая осада и взятіе Феллина.

§ 1. Въ лѣто отъ воплощенія Господня 1210, а епископства Альберта въ тринадцатое (съ 1 марта 1211 г.) произошла первая осада замка Филинде въ Саккалѣ нѣмцами и ливами и леттами. И нѣмцы послали ливовъ и леттовъ опустошить всю окрестную землю и обобрать всѣ съѣстные припасы и зерновой хлѣбъ. Они прошли по всѣмъ деревнямъ, убили многихъ язычниковъ, а другихъ плѣнными привели къ замку. Тогда Бертольдъ и Руссинъ съ прочими леттами и старшинами, со всѣми плѣнными, коихъ они получили, подошелъ близко къ замку и говорилъ[1]: «Если вы откажетесь отъ поклоненія должнымъ богамъ и съ нами захотите вѣрить въ истиннаго Бога, то мы отпустимъ этихъ плѣнныхъ живыми и соединимся съ вами узами мира въ братской любви!» Но тѣ и слышать не хотѣли ни о Богѣ, ни о имени христіанъ, грозили войной, надѣли на себя нѣмецкіе доспѣхи, которые захватили во время перваго боя въ воротахъ замка, и хвастаясь на верхней окраинѣ замка, приготовились къ сраженію, и своими криками издѣвались позорнымъ образомъ надъ войскомъ. Но Руссинъ и летты схватили всѣхъ плѣнныхъ, умертвили ихъ и бросили тѣла въ ровъ, грозя, что это постигнетъ и тѣхъ, кто былъ въ замкѣ. Между тѣмъ стрѣлки поранили многихъ, заставили всѣхъ защищаться; другіе строили раскатъ (больверкъ); ливы и летты нарубили дровъ, наполнили ровъ доверху и подкатили къ нему раскатъ; летты съ самострѣлами взлѣзли на рас-

катъ, стрѣлами и копьями перебили много народа въ укрѣпленіи, поранили многихъ; пять дней продолжалось сильное сраженіе. Эсты старались зажечь костры дровъ, бросая сильный огонь изъ замка въ саняхъ, но ливы и летты тушили огонь льдомъ и снѣгомъ. Арнольдъ, братъ рыцарства, работавшій денно и нощно, былъ пораженъ камнемъ и переселился въ общество мучениковъ: то былъ весьма богобоязненный мужъ и пребывалъ во всегдашней молитвѣ и о чемъ онъ молился, то, надѣемся, онъ и нашелъ. Нѣмцы поставили машину (каменометную), изъ которой денно и нощно дѣйствовали камнями по укрѣпленнымъ мѣстамъ, убили людей и скота въ замкѣ безчисленное множество, ибо эсты не видѣли ничего подобнаго и домовъ своихъ не укрѣпляли противъ подобныхъ ударовъ. Ливы съ леттами нагромоздили костеръ изъ сухихъ дровъ до самаго досчатаго забора; Эйлардъ Доленскій [2]) влѣзъ на костеръ, за нимъ послѣдовали нѣмцы въ доспѣхахъ, сломали заборъ, но за этимъ заборомъ нашли другое укрѣпленіе, которое не могли разломать; осажденные стали на верху замка и, бросая въ нѣмцевъ камни и полѣнья, заставили ихъ отступить. Нѣмцы сошли внизъ, подложили огонь и зажгли замокъ. Эсты разломали загорѣвшійся заборъ и деревянныя укрѣпленія. Потушивъ пожаръ, они на слѣдующій день (пятый осады) снова взялись за оборону. Но въ замкѣ было много труповъ убитыхъ, недоставало воды и почти всѣ защитники были переранены. Въ шестой день говорили нѣмцы: «Будете ли вы еще противиться и непризнавать нашего Создателя?» Тогда эсты отвѣчали: «Признаемъ, что вашъ Богъ сильнѣе нашихъ боговъ; онъ побѣдилъ насъ и тѣмъ склонилъ наши души къ его почитанію. Потому просимъ: пощадите и насъ милосердно наложите на насъ, какъ на ливовъ и леттовъ, иго христіанства». Вслѣдствіе этого нѣмцы вызвали эстскихъ старшинъ изъ замка, изложили имъ всѣ обязанности христіанства и обѣщали имъ миръ и братскую любовь. Эсты, обрадованные миромъ, обѣщали въ это время принять таинство крещенія съ тѣми же самыми обязанностями, какъ приняли ливы и летты. Затѣмъ, давъ заложниковъ и заключивъ миръ, они приняли въ замокъ священниковъ; священники окропили святою водою всѣ дома и замокъ, мущинъ и женщинъ и весь народъ и такимъ образомъ освятили ихъ предварительно предъ крещеніемъ, но совершеніе таинства крещенія отложили на нѣкоторое время по причинѣ злаго кровопролитія. Когда же крещеніе совершилось, войско воротилось въ Ливонію, прославляя Господа Бога за обращеніе язычниковъ.

Новая война съ эстами и великая напасть съ ихъ стороны.

Потомъ въ праздникъ пасхи (2 апрѣля 1211 г.) купцы, услышавъ о замыслахъ эстовъ и другихъ окрестныхъ язычни-

ковъ какимъ образомъ они думаютъ опустошить, предъ прибытіемъ епископа и пилигримовъ, Ливонію и рижскій городъ, отложили свою поѣздку въ Готландъ, пріостановили свои купеческія дѣла и остались со всѣми своими кораблями въ Ригѣ. Между тѣмъ были посланы въ Эстонію гонцы развѣдать, что замышляютъ язычники. По возвращеніи ихъ, они объявили, что будетъ война, нарушенъ миръ, обнаружили замыслы коварныхъ. И тотчасъ же поднялись Каупо и Бертольдъ Венденскій со своими и слуги епископа и вошли къ ближайшую (южную) саккаланскую землю и пожгли деревни, какія встрѣчались имъ, и перебили всѣхъ мущинъ и, забравъ женщинъ въ плѣнъ, воротились домой въ Ливонію. За ними пошли саккаланцы и пожгли всѣ деревни у Астигерве и дошли до Имеры; убивъ нѣкоторыхъ леттовъ, они взяли въ плѣнъ женщинъ и дѣтей и забрали съ собою добычу. Послѣ нихъ поднялись Ламбито и Меме, старшины Саккалы, съ другимъ войскомъ; они перешли чрезъ Имеру, достигли церкви и сожгли ее, и опустошивъ все, что принадлежало священнику (автору этой лѣтописи), и собравъ со всего прихода скотъ и добычу во множествѣ, они перебили захваченныхъ мущинъ, а женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ увели въ полонъ. И произошла большая напасть на всѣхъ окраинахъ Ливоніи. Ибо саккаланцы и унгаунійцы напали на леттовъ; роталійцы и викскіе жители напали на епископскихъ ливовъ, въ Метсеполѣ и Летегорѣ (нынѣ Лоддигеръ) съ тремя войсками, такъ что одно войско слѣдовало за другимъ; одно уходило домой, другое приходило и ливы не только не имѣли покоя ни днемъ, ни ночью, но эсты преслѣдовали ихъ въ ущельяхъ лѣсовъ, на озерахъ, на поляхъ, убивали ихъ, брали въ плѣнъ женщинъ, угоняли лошадей и скотъ, забирали добычу; мало ливовъ осталось цѣлыми. И смирилъ въ это время Господь Богъ ихъ коварство, дабы впредь они вѣрными были Озилійцы на своихъ разбойничьихъ корабляхъ вошли по Койвѣ въ торейду, совершенно опустошили Куббезельскій приходъ и ограбили всю окрестную страну: умертвили однихъ, увели въ плѣнъ другихъ; иные спаслись отъ нихъ бѣгствомъ въ Ригу, гдѣ требовали помощи противъ нападенія язычниковъ. Но рижане, тщательно оберегавшіе городъ и опасавшіеся измѣны со стороны нѣкоторыхъ вѣроломныхъ, ждали прибытія епископа и пилигримовъ.

Альбертъ и магистръ Вольквинъ у папы.

§ 2. Въ этомъ году (1210) епископъ съ Вольквиномъ, магистромъ братьевъ рыцарства, прибылъ въ Римъ и былъ принятъ святымъ отцомъ наидружелюбнѣйшимъ образомъ. И получивъ милостивую грамоту (отъ 20 окт. 1210 г.) на раздѣлъ земель

ливовъ и леттовъ, а также получивъ полномочіе на новую проповѣдь прощенія грѣховъ, возвращался онъ съ радостію обратно. Пославъ чрезъ Пруссію[1]) милостивыя грамоты, онъ причинилъ тѣмъ не меньшую радость всему народу въ Ливоніи; они со слезами вышли на встрѣчу епископскимъ посламъ, ибо послѣ многихъ тревогъ получили утѣшеніе отъ святаго отца.

Седьмое прибытіе Альберта въ Ливонію съ тремя нѣмецкими епископами и прочими лицами.

Шелъ епископства Альберта тринадцатый годъ и неимѣла церковь покая отъ войнъ.

При возвращеніи епископа изъ Германіи, съ нимъ прибыли три епископа: Филиппъ рацебургскій, Изо верденскій и патель-борнскій епископъ (Бернгардъ), Гельмольдъ изъ Плессе (у Гетингена), Бернардъ изъ Липпе (графъ и монахъ) и другія знатныя лица и очень много пилигримовъ; всѣ ждали ихъ прибытія, дабы они освободили находившихся въ опасности.

Дальнѣйшія распри съ эстами.

Летты теперь, обрадованные прибытіемъ пилигримовъ, собрались на Имерѣ и, двигаясь впредъ съ немногими, встрѣтили большое войско язычниковъ; увидя же многочисленность его, обратились въ бѣгство. Эсты преслѣдовали ихъ, убили нѣкоторыхъ и дошли до Имеры. И идя всю ночь, на утро пришли къ Раупѣ (въ Идумеѣ), гдѣ сожгли церковь и имущество церковное, прошли всю землю, предавая огню деревни и дома, избивая мущинъ, захватывая въ плѣнъ въ чащахъ лѣсовъ женщинъ и дѣтей. Рижане, услышавъ про это, двинулись съ пилигримами и пришли въ Торейду. Но язычники устрашились ихъ прибытія и послѣ трехдневнаго похода быстро возвратились въ свою землю со всею награбленною добычею. Каупо же съ нѣкоторыми нѣмцами и прочими пошелъ за ними въ Саккалу, гдѣ сжегъ много деревень и замки (городки, бурги) Овеле и Пурке[2]), взялъ много добычи, перебилъ много мущинъ, а женщинъ и дѣтей увелъ въ плѣнъ.

Какъ эсты осаждали замокъ Каупо и потерпѣли страшное пораженіе.

Между тѣмъ озильцы и ревельцы[1]) и ротальцы созвали § 3.
большое и сильное войско со всѣхъ пограничныхъ викскихъ земель и съ ними были всѣ старшины Озиліи и Роталіи и всей Эстоніи[2]), имѣли они многія тысячи всадниковъ и многія тысячи такихъ, кои пришли на корабляхъ и двинулись въ Ливонію. И всадники съ ихъ пѣшими людьми пришли въ Метзеполь и спѣшно

направились въ Торейду, другіе переплыли море и поѣхали на разбойничьихъ судахъ вверхъ по Койвѣ и черезъ день сошлись вмѣстѣ съ всадниками у большаго замка Каупо, гдѣ въ то время жили ливы изъ страха предъ язычниками. И осадили они замокъ со всѣхъ сторонъ: съ передней части замка стали всадники, а съ задней стали другіе у своими разбойничьихъ кораблей на рѣкѣ. И вышли противъ нихъ стрѣлки, кои были присланы изъ Риги оберегать замокъ вмѣстѣ съ ливами; стрѣлки многихъ переранили, многихъ перебили, такъ какъ тѣ были не вооружены, ибо неимѣютъ въ употребленіи доспѣховъ, какъ прочіе народы. За тѣмъ эсты послали нѣкоторыхъ изъ своихъ храбрѣйшихъ мужей по всей провинціи опустошать землю; они пожгли деревни и церкви, перебили нападавшихъ на нихъ ливовъ, а другихъ взяли въ плѣнъ, собрали много добычи, погнали скотъ на сборное мѣсто своихъ. И убивали быковъ и прочій скотъ, принося ихъ въ жертву своимъ богамъ, и гадая о милости ихъ. Однаго же животныя, при убоѣ ихъ, падали на лѣвую сторону и тѣмъ показывали неблаговоленіе боговъ и дурное предзнаменованіе. Но они, не оставляя своего намѣренія, подступили къ замки; установили костры дровъ, подкопали гору крѣпости, увѣряя, что они тутъ пребудутъ magetat, т. е. навсегда до тѣхъ поръ, пока или замокъ разрушатъ, или же склонятъ ливовъ на свою сторону, чтобы вмѣстѣ итти одною и тою же дорогою разорить Ригу. И сказалъ одинъ ливъ изъ замка: „maga magamas", что значитъ: «будешь ты лежать здѣсь вѣчно».

Братья рыцарства въ Зигевальде, узнавъ, что дѣлаютъ язычники, объявили о томъ рижанамъ и потребовали помощи пилигримовъ; пришли также гонцы, которые разсказали со слезами всѣ бѣдствія, какія претерпѣли отъ язычниковъ ливы и летты въ осажденномъ замкѣ, и настоятельно просили у епископовъ, дабы они послали своихъ мужей и освободили ихъ церковь. Епископы тотчасъ же воодушевили своихъ рыцарей и пилигримовъ и всему народу вмѣнили въ прощеніе грѣховъ стать на защиту ихъ братьевъ — ливовъ, и отмстить съ Божіею помощію языческимъ народамъ — эстамъ. И ополчились братья рыцарства съ пилигримами, а Гельмгольдъ Плессенскій и рыцари возложили на себя доспѣхи и убранство на коней своихъ и отправились со своими пѣшими людьми и ливами и всѣми своими спутниками къ Койвѣ. И когда они переправились чрезъ Койву и шли впередъ всю ночь, они близко подошли къ язычникамъ. Устроивъ войско къ бою, они послали впередъ пѣшихъ людей на большую дорогу, ведущую изъ Вендекуля[3]), всадники же послѣдовали по дорогѣ направо. И пѣшіе люди двигались осторожно и въ добромъ порядкѣ, а къ утру они достигли горы,

увидѣли замокъ и языческое войско, и долина раздѣляла ихъ. И со звукомъ литавръ и музыкальныхъ инструментовъ и съ пѣснею, одушевляющею сердце мужей, и призывая милость Божію, они устремились на язычниковъ; переправившись чрезъ ручей, они на минуту остановились, чтобы устроиться къ бою. Чуть лишь это увидѣли язычники, какъ съ ужасомъ поняли, что предстоитъ имъ; они бѣгали, хватали щиты, иные побѣжали къ лошадямъ, иные перескочили чрезъ заборъ, но соединились вмѣстѣ, наполнили воздухъ криками и въ большой массѣ устремились на христіанъ, бросая въ нихъ дождь копій. Но христіане копьямъ противопоставили свои щиты. Когда копья были уже разбросаны, они взялись за мечи, подошли ближе, идутъ въ бой, раненые падаютъ, язычники мужественно сражаются до тѣхъ поръ пока рыцари, видя ихъ храбрость, не устремились въ средину ихъ на нарядныхъ коняхъ; рыцари низвергли многихъ на землю, иныхъ обратили въ бѣгство, бѣгущихъ преслѣдовали по дорогѣ и по полямъ и убивали. Ливы съ самострѣлами вышли на встрѣчу бѣгущихъ, сбили ихъ въ кучу и преслѣдовали до того мѣста, гдѣ стояли нѣмцы, такъ что спаслись лишь немногіе, а нѣмцы убили нѣсколькихъ ливовъ, которые были похожи на эстовъ. Но нѣкоторые изъ эстовъ бѣжали по другой дорогѣ, которая шла у замка къ Койвѣ, достигли до другой части своего войска и тѣмъ спаслись, но многіе при спускѣ съ горы были убиты преслѣдовавшими ихъ рыцарями. Здѣсь былъ убитъ Эвергардъ, братъ рыцарства, и нѣкоторые изъ нашихъ рыцарей ранены.

Между тѣмъ вторая часть войска эстонцевъ, видя пораженіе своихъ, скопилась на горѣ, находившейся между замкомъ и Койвой и приготовилась къ оборонѣ. Ливы же, однако, и пѣшее войско христіанъ бросились грабить, захватили лошадей, которыхъ тутъ было много тысячъ, и упустили преслѣдовать оставшихся язычниковъ. Но рыцари и стрѣлки достигли тѣхъ, кто былъ на горѣ и убили изъ нихъ многихъ. Тогда эсты запросили мира и обѣщали принять таинство крещенія. Рыцари, повѣривъ ихъ словамъ, сказали епископамъ[4]), что они могутъ прибыть для крещенія покорившихся. Но тѣ ночью бѣжали къ своимъ разбойничьимъ кораблямъ и задумали уплыть въ море. Стрѣлки, однако, помѣшали по обѣимъ берегамъ Койвы ихъ отъѣзду; другіе пилигримы, пришедшіе изъ Риги съ Бернардомъ Липскимъ къ Койвѣ, навели мостъ на рѣкѣ, построили деревянные подмости на немъ[5]), и приняли подходившіе разбойничьи корабли въ стрѣлы и копья: путь къ бѣгству язычникамъ былъ загражденъ со всѣхъ сторонъ. Въ слѣдующую ночь они въ глубокой тишинѣ тайно сошли со своихъ разбойничьихъ кораблей,

оставивъ на нихъ свои пожитки и бѣжали и погибли съ голоду частію въ лѣсахъ, а частію на дорогѣ. Только немногіе воротились въ свою землю и тамъ разсказали о случившемся.

Эсты потеряли почти двѣ тысячи лошадей, и людей убитыми двѣ тысячи. Когда пилигримы и всѣ, кто принималъ участіе въ сраженіяхъ, воротились въ Ригу и привели съ собою разбойничьи корабли язычниковъ, около трехъ сотъ, не считая мелкихъ судовъ, то раздѣлили лошадей и всю добычу по ровну между собою, подарили церквамъ части, и съ епископами и со всѣмъ народомъ благодарили Бога за то, что онъ первое прибытіе столь многихъ епископовъ ознаменовалъ такимъ знаменитымъ торжествомъ надъ язычниками. Ибо увѣрилась ливонская церковь въ томъ, что Господь Богъ спобораетъ ей, потому что въономъ сраженіи пала глава Эстоніи, т. е. старшины Озиліи и старшины Роталіи и прочихъ земель всѣ въ этомъ сраженіи были убиты. И положимъ такимъ образомъ Господь Богъ конецъ кичливости ихъ и смирилъ надменность сильныхъ.

Посвященіе Дитриха епископомъ Эстоніи.—Бернардъ фонъ деръ Липпе назначенъ аббатомъ въ Динаминдѣ. О прежней судьбѣ Бернарда.

§ 4. Такъ какъ ливонскій епископъ получилъ отъ святаго отца (въ 1210 г.) полномочіе во всѣхъ заморскихъ земляхъ, кои Господу Богу угодно будетъ покорить чрезъ ливонскую церковь христіанской вѣрѣ, избирать и посвящать епископовъ на правахъ архіепископа, потому епископъ Альбертъ принялъ помощникомъ въ своихъ продолжающихся трудахъ Теодориха, аббата цистерціенскаго ордена въ Динаминдѣ [1]) и, обѣщавъ ему епископство въ Эстоніи, посвятилъ въ епископы, на его же мѣсто аббатомъ посвятилъ Бернарда Липскаго (фонъ деръ Липпе).

Этотъ графъ Бернардъ прежде въ своей землѣ бывалъ во многихъ бояхъ и причинялъ пожаръ и хищеніе и былъ за то наказанъ Господомъ Богомъ слабостью въ ногахъ, такъ что его, хромаго на обѣ ноги, много дней возили въ корзинѣ. Но тутъ пробудилась его совѣсть, онъ принялъ обѣтъ цистерціенскаго ордена и, изучивъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ правила ордена и писаніе (священное), получилъ отъ папы полномочіе проповѣдывать слово Божіе и отправиться въ Ливонію. И онъ часто разсказывалъ, что какъ только принялъ крестъ въ землю Пресвятыя Дѣвы, то тотчасъ же окрѣпли его кости, и ноги его выздоровѣли. При первомъ прибытіи въ Ливонію онъ былъ рукоположенъ аббатомъ, а впослѣдствіи былъ семигальскимъ епископомъ. [2])

Ливы вмѣсто десятины обложены опредѣленною податью хлѣбомъ.

Ливы также, послѣ бѣдствій войны, радовались какъ прибытію епископовъ, такъ и побѣдѣ, одержанной надъ ихъ врагами; они собрались отъ Двины и отъ Торейды и отъ всѣхъ областей Ливоніи, умоляли и просили епископовъ, дабы облегчить имъ повинности христіанъ и въ особенности десятину, за то обѣщали неизмѣнную вѣрность какъ въ войнахъ противъ язычниковъ, такъ и во всѣхъ дѣлахъ христіанства. Епископы выслушали ихъ слова и представили рижскому епископу какимъ образомъ ихъ желаніе можетъ быть удовлетворено, дабы навсегда пріобрѣсти ихъ вѣрность. Но какъ епископъ желалъ заботиться о нихъ съ отцовскою нѣжностію и, принявъ также во вниманіе тяжкія войны, которыя еще предстояли съ окрестными народами, согласился на ихъ просьбу и установилъ вмѣсто десятины отъ каждой лошади (плуга) вносить опредѣленную мѣру (хлѣба) по одному шефелю въ 18 дюймовъ[1]), и это установленіе было закрѣплено милостивою грамотою четырехъ епископовъ съ приложеніемъ печати, но съ оговоркою, что если ливы окажутся невѣрными и вовлекутся въ замыслы язычниковъ и сохраненіемъ языческихъ обычаевъ осквернятъ таинство своего крещенія, то и десятина и прочія повинности христіанства немедленно же и всецѣло будутъ возстановлены вновь. § 5.

Альбертъ уѣзжаетъ въ седьмой разъ изъ Ливоніи и оставляетъ четырехъ епископовъ на своемъ мѣстѣ.

По установленіи этого, епископъ Альбертъ, поручивъ свое мѣсто въ Ливоніи тремъ епископамъ и четвертому, который въ то время былъ посвященъ, отправился въ Германію, чтобы собрать пилигримовъ и то, что было нужно на будущій годъ, дабы со временемъ, когда пилигримы перестанутъ являться, ливонская церковь не подверглась большой опасности. § 6.

Саккаланы и унгаунійцы въ землѣ ливовъ и предъ замкомъ Беверином.

Саккаланы между тѣмъ и унгаунійцы, которые еще оставались цѣлыми и невредимыми, созвали большое войско и вошли въ земли леттовъ, которыхъ преслѣдовали въ чащѣ лѣсовъ и захватили и убили многихъ изъ родственниковъ и друзей Руссина. Опустошивъ въ Трикатуѣ Талибальдову и прилегавшія къ ней земли, они собрались у замка Беверина и осадили замокъ; сражаясь весь день съ леттами и разведя большой огонь, они сказали наконецъ: «Отчего вы не просите у насъ мира, развѣ вы забыли вашихъ убитыхъ при Имерѣ?» А тѣ отвѣчали: «А вы сами развѣ не помните вашихъ старшинъ и безчисленнаго § 7.

множества народа, которые были убиты у Торейды; увѣруя въ единаго Бога съ нами, вы приняли крещеніе съ условіемъ постояннаго мира?» Услышавъ это, они въ досадѣ отступили отъ замка и поспѣшно воротились съ добычею въ свою землю.

Походъ христіанъ въ Саккалу и Нурмегундъ до Ервена.

Старшины же леттовъ въ Беверинѣ, Доте и Пайке, пошли въ Ригу, гдѣ убѣдительно просили помощи противъ саккалянъ. И ополчились пилигримы съ братьями рыцарства и Теодорихъ, братъ епископа, и Каупо со своими ливами и Бертольдъ Венденскій съ леттами. Собравъ большое войско въ Метзеполѣ, они двинулись къ морю и три дня шли по морскому берегу. Затѣмъ, поворотившись къ землѣ Саккалянъ, трое сутокъ шли чрезъ лѣса и болота по сквернѣйшей дорогѣ[1]), и изморились ихъ лошади по этой дорогѣ и пало изъ нихъ около 100 штукъ. И наконецъ на седьмой день они дошли до деревень, и разсѣялись по всей землѣ, убивая мущинъ, гдѣ ихъ ни находили, забирая въ плѣнъ мальчиковъ и дѣвочекъ, сгоняя лошадей и скотъ въ деревню Ламбита (впослѣдствіи Оберпаленъ), гдѣ находился ихъ мая, т. е. собраніе (сборный пунктъ). Въ слѣдующіе дни ливы и летты были посланы въ лѣсныя чащи, гдѣ скрывались эсты, и нашли они тутъ много мущинъ и женщинъ, вывели ихъ изъ лѣсовъ со всѣмъ имуществомъ, мущинъ умертвили, а прочихъ привели на сборный пунктъ. И два латыша Доте и Пайке вошли въ одну деревню; тутъ вдругъ напали на нихъ девять человѣкъ эстовъ, и бились они съ ними цѣлый день; латыши (летты) многихъ изъ нихъ ранили и убили, но наконецъ и сами пали. На третій день храбрѣйшіе изъ войска переправились чрезъ рѣку Пала и опустошили тутъ цѣлый край, который называется Нурмегунде[2]); спаливши всѣ деревни и умертвивъ мущинъ, они забрали съ собою женщинъ и лошадей и дошли до Гервіена (нынѣ Ервенъ, по эстонски Ервама).

Возвратившись ночью, они устроили игры[3]), сопровождая ихъ большимъ крикомъ и ударами въ щиты; на слѣдующій день зажгли замокъ (замокъ Ламбита Леоле, у самой деревни) и пошли домой по другой дорогѣ (въ южномъ направленіи), раздѣлили добычу по ровну между собою, и съ радостію воротились въ Ливонію.

О большомъ моровомъ повѣтріи въ Ливоніи и Эстоніи.

И насталъ большой моръ во всей Ливоніи, и начали люди заболѣвать и умирать, и вымерла большая часть народа, начиная съ Торейды, гдѣ трупы язычниковъ лежали непогребенными, до Метзеполя и Идумеи, до леттовъ Вендена, и умерли стар-

шины, по имени Дабрель и Ниннусъ, и многіе другіе. Точно также насталъ моръ въ Саккалѣ и въ Унгауніи и въ другихъ округахъ Эстоніи и многіе, спасшіеся бѣгствомъ отъ острія меча, не избавились горестной смерти отъ язвы[4]).

Набѣгъ латышей изъ Беверина на Унгаунію и Саккалу.

Беверинскіе летты съ немногими пошли снова въ Унгаунію, гдѣ настигли эстовъ, возвратившихся въ свои деревни[5]) за съѣстными припасами. Все, что было мужескаго пола, они перебили, но женщинъ пощадили и взяли ихъ съ собою, забравъ много добычи. Возвращаясь домой по своей дорогѣ, они встрѣтили другихъ леттовъ, которые снова шли въ Унгаунію. Что тѣ оставили, взяли эти; что тѣ не забрали, захватили эти; что спаслось отъ тѣхъ, было перебито этими; въ края и деревни, въ которые тѣ не заходили, пришли эти; захвативъ много добычи и плѣнныхъ и эти возвратились домой. Возвращаясь своею дорогою, они опять встрѣтили другихъ леттовъ, шедшихъ также въ Унгаунію, и то, что прежними леттами не было совершенно разграблено, было совершенно уничтожено этими; всѣхъ мущинъ, какіе имъ попадались, они убивали; не пощадили они ни богатыхъ, ни старшинъ, но всѣхъ предавали острію меча. Руссинъ, какъ и прочіе, мстя за своихъ друзей, всѣхъ, кто ему ни попадался, или сожигалъ живыми, или предавалъ другой мучительной смерти. Когда и эти возвращались въ свои замки (городки, бурги), то и они встрѣтили другихъ леттовъ изъ Беверина съ немногими, и когда тѣ пошли чрезъ лѣса къ саккаланской землѣ, которая Алисте (нынѣ кирхшпиль Галлистъ) называется, то перебили всѣхъ, кого не заставали въ домахъ, отъ малаго до большаго; умертвивъ же многихъ, они забрали съ собою женщинъ и скотъ и подѣлили ихъ между собою вмѣстѣ съ своею добычею. Устрашенные этимъ, жители Алисткаго края[6], какъ и прочіе саккаланцы, послали своихъ пословъ въ Ригу, и, отдавъ своихъ мальчиковъ въ заложники, получили миръ, обѣщаясь въ тоже время принять таинство крещенія.

Походъ нѣмцевъ въ Унгаунію до Юрьева (Дерпта) и до Амовжи (Эмбаха).

Теодорихъ, братъ епископа, со своими слугами, и Бертольдъ Венденскій собрали войско и при наступленіи зимы (1211 г.), пошли въ Унгаунію; они нашли весь край опустошеннымъ леттами и тарбатскій замокъ, который летты сожгли также передъ тѣмъ, оставленнымъ, переправились чрезъ рѣку, называемую Матерью водъ[7]); вступивъ же въ деревни и найдя въ нихъ мало народу, они пошли въ лѣса, гдѣ въ самой густой чащѣ языч-

ники сдѣлали себѣ завалъ изъ срубленныхъ кругомъ большихъ деревьевъ, съ тѣмъ чтобы тутъ, при нашествіи войска, прятать свое имущество. Когда христіанское войско подошло сюда, то они мужественно вышли противъ него и долго защищались, пользуясь трудною дорогою, но не могли противостоять напору христіанъ, дали тылъ и побѣжали въ лѣса. Но христіане преслѣдовали бѣгущихъ, убили попавшихся имъ, взяли въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, забрали множество лошадей и скота и много имущества, ибо сюда бѣжали люди со всего края и снесли сюда все свое добро. Подѣливъ добычу между собою, христіане съ плѣнными воротились домой въ Ливонію.

Походъ христіанъ въ Дерптскую землю, въ Вайгу, Ервенъ, Моху и Нормегунду; возвращеніе чрезъ Вирзіервъ.

Отпраздновавъ праздникъ Рождества Христова, когда усилились морозы и грунты дорогъ замерзли, епископы послали по всѣмъ замкамъ Ливоніи и по всѣмъ леттскимъ землямъ сказать, чтобы они (летты) шли въ походъ съ нѣмцами; и послали своихъ рыцарей съ пилигримами и братьями рыцарства и положили собраться войску у замка Беверина. И вмѣстѣ съ ними пошелъ Теодерихъ, эстонскій епископъ. Отпраздновавъ Крещеніе Господне (6 янв. 1212 г.), войско двинулось въ Унгаунію: оно состояло изъ четырехъ тысячъ пѣшихъ и конныхъ нѣмцевъ и четырехъ же тысячъ ливовъ и леттовъ. Они вошли въ Тарбитскую землю, перешли чрезъ Матерь водъ и пришли къ завалу, который передъ тѣмъ разрушили христіане. И въ то время, какъ пилигримы остановились здѣсь на отдыхъ, ливы и летты и тѣ, кто былъ побыстрѣе изъ войска, пошли въ Вайгу[8]); они опустошили всю землю и собрались у замка Зомелинде[9]). Въ слѣдующій день они[10]) пришли къ своимъ въ Вайгу. И здѣсь они отдыхали три дня, опустошили кругомъ всю землю, дома и деревни предали пламени, многихъ взяли въ плѣнъ, многихъ убили и много добычи набрали. Вступивъ на четвертый день въ Ервенъ (сѣверо-западная часть Вайги), войско разсѣялось по всѣмъ мѣстамъ и деревнямъ, гдѣ захватило и перебило много язычниковъ, забрало въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, забрало множества скота и лошадей и добычи. Собравшись же въ деревнѣ, называемой Каретенъ[11]), войско опустошило огнемъ всѣ окрестности ея. Была же деревня Каретенъ очень красива и велика и обильна народомъ, какъ и всѣ деревни въ Гервенѣ и во всей Эстоніи, которыя въ послѣдствіи часто были опустошаемы нашими и сжигаемы. Возвратившись чрезъ три дня со всею добычею, войско христіанъ сожгло деревни, Моху именно и Нормегунду, и пришло наконецъ къ озеру, называемому Ворцегереве

(нынѣ Вирцъервъ), перешли по льду чрезъ него и съ радостію возвратились въ Ливонію.

Великій князь новгородскій Мстиславъ въ Вайгѣ, Ервенѣ и предъ замкомъ Варболе въ Гарріенѣ.

Когда великій королъ ногардскій, Мистеславе[12]), услышалъ о войскѣ нѣмцевъ въ Эстоніи, то также ополчился съ пятнадцатью тысячами мужей и пошелъ въ Вайгу, а изъ Вайги двинулся въ Гервенъ; не найдя здѣсь нѣмцевъ, онъ двинулся далѣе въ Гарріенъ и осадилъ замокъ Варболе[13]), гдѣ бился съ ними нѣсколько дней. И тѣ, что были въ замкѣ, обѣщали ему дать семьсотъ марокъ ногатъ[14]), если онъ отступитъ, и онъ воротился въ свою землю.

Священникъ Саломонъ креститъ въ Феллинѣ и умерщвленъ вмѣстѣ съ другими Лембитомъ.

По возвращеніи нѣмцевъ изъ похода въ Ригу, эстонскій епископъ послалъ священника Саломона въ Саккалу, дабы онъ преподалъ тамъ слова проповѣди и совершилъ таинство крещенія, принять которое саккаланцы обѣщали прежде того. И онъ (Саломонъ) прибылъ въ замокъ Филинде и былъ принятъ нѣкоторыми и привѣтствуемъ устами, но не сердцемъ, подобно тому какъ Іуда лобзалъ Спасителя. И онъ проповѣдывалъ имъ слова спасенія и крестилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но когда саккаланцы и унгаунійцы услышали о пребываніи русскаго войска въ Эстоніи, то собрали съ всѣхъ своихъ земель свое войско. Священникъ Саломонъ, услышавъ о сборѣ ихъ, вышелъ со своими изъ замка и думалъ воротиться домой въ Ливонію, Лембитъ же саккальскій взялъ со собою отрядъ эстовъ и преслѣдовалъ священника, настигъ его ночью и убилъ его и Теодориха и Филиппа, его переводчиковъ, съ нѣкоторыми другими: всѣ они пали за вѣру Христову и потому, надѣемся, сподобились общенія съ мучениками. Названный Филиппъ происходилъ изъ летонскаго народа (былъ литовецъ), вскормленъ былъ при дворѣ епископа и пребывалъ вѣрнымъ, такъ что былъ посылаемъ переводчикомъ для поученія другихъ народовъ. Поелику же онъ сдѣлался участникомъ мученичества, потому и заслужилъ наслѣдіе вѣчнаго блаженства. § 9.

Какъ Лембитъ напалъ на Псковъ.

По убіеніи названныхъ лицъ, Лембитъ воротился къ своему войску. И въ то время, когда русскіе пребывали въ Эстоніи, онъ между тѣмъ пошелъ въ Россію, напалъ на городъ Плицекове[1]) и началъ побивать народъ. Когда же русскіе, крикомъ

сдѣлали тревогу, то эсты съ добычею и нѣкоторыми плѣнными быстро отступили въ Унгаунію. Когда воротились русскіе, тс нашли свои городъ опустошеннымъ.

Миръ между ливами и латышами съ Эстоніею.

§ 11. Тогда ливамъ и леттамъ и эстамъ, надъ коими тяготѣли язвы и голодъ, прискучили бѣдствія войны и они послали пословъ другъ другу и заключили между собою, за исключеніемъ рижанъ, миръ. Какъ только прекратилась война, прекратилась и смертность между людьми.

Какъ уѣхали два нѣмецкіе епископа, а остался Филиппъ рацебургскій.

§ 12. Затѣмъ, когда прошелъ ледъ въ морѣ и въ Двинѣ, въ Германію воротились верденскій и пальборнскій епископы со своими пилигримами, но рацебургскій епископъ остался въ Ригѣ. Онъ принадлежалъ къ знатнымъ лицамъ при дворѣ императора Оттона и когда послѣдовало отлученіе сего послѣдняго (31 марта 1211 г.), то онъ (рацебургскій епископъ), чтобы избѣгнуть присутствія его[1]), оставался пилигримомъ въ Ливоніи до четвертаго года (до іюня 1215 г.).

Изгнанный изъ Пскова князь Владиміръ прибылъ въ Ригу.

§ 13. Послѣ ихъ отъѣзда (въ мартѣ 1212 г.), плоцековскіе русскіе (псковичи), недовольные своимъ княземъ Вольдемаромъ за то, что онъ выдалъ свою дочь замужъ за брата (Дитриха) рижскаго епископа, изгнали его со всѣмъ его семействомъ изъ Пскова. Онъ бѣжалъ къ плоцекскому (полоцкому) королю, но мало нашелъ у него утѣшенія[1]). Тогда со своими мужами онъ пошелъ въ Ригу, гдѣ съ почетомъ былъ принятъ своимъ зятемъ и епископскою дружиною[2]).

Примѣчанія къ главѣ XV.

§ 1. 1) Кто же именно говорилъ? Сравни гл. 28, 5.

2) Такъ называемый, конечно, по мѣстности въ Германіи (не Люнебергъ-ли то?). — Герлахъ Доленскій былъ въ то время въ Ливоніи. — О Іоганнѣ Доленскомъ см. гл. 28, 8.

§ 2. 1) Была зима и судоходство къ Двинѣ прекратилось. Сравни гл. 23, 11.

2) Овеле не Олерсгофъ-ли? Пурке не Пудеркиль-ли?

§ 3. 1) Жители морскаго прибрежья Ревеля, отъ викской границы до Вирланда. См. гл. 21, 5.

2) Весьма преувеличено.
3) Мѣстность неизвѣстная. Трудно допускать, чтобы то былъ Венденъ.
4) Которые прибыли вмѣстѣ съ ними?
5) Для укрѣпленія-ли моста, или потому, что онъ былъ слишкомъ низокъ?

§ 4. 1) Тутъ смыслъ нѣсколько другой, чѣмъ въ гл. 1, 10.
2) См. гл. 22, 1.

§ 5. 1) Въ вышину и ширину?

§ 7. 1) По всей вѣроятности, они шли по близости рѣки Перновы, окрестности которой и до сихъ поръ еще изобилуютъ болотами.
2) Нурмегундъ, Нормегунде происходитъ отъ эстскаго слова нурмъ — поле; кундъ или кондъ — мѣсто.
3) Ludus. — Не музыка-ли нѣмцевъ? Ср. гл. 28, 5.
4) Въ § 11 упоминается о чумѣ и голодѣ. Въ Ригѣ также былъ моръ, см. гл. 16, 1.
5) Не по причинѣ ли мороваго повѣтрія они оставили деревни?
6) Alistegunde — Алистская земля т. е. низменная земля.
7) Тарбатскій замокъ былъ на возвышеніи, гдѣ впослѣдствіи построена была соборная церковь въ Дерптѣ (Юрьевъ). Mater aquarum (Матерь водъ) — это Эмбахъ (по русски Амовжа или Омовжа), по эстонски эта рѣка называлась Эмаіеги или Эмаіога т. е. мать источника, большая рѣка.
8) Вайга, Вайгала, у русскихъ Клинъ, отъ эстонскаго слова вайя, означающаго клинъ.
9) Нынѣ имѣніе Земель у деревни Ваято. — Линъ по эстонски значитъ городъ; зома — болото. Зомелинде — болотная земля.
10) Кто-же?
11) Нынѣ Гросъ-Кареда.
12) Это Мстиславъ, князь новгородскій. См. гл. 14, 2.
13) По русскимъ лѣтописямъ Воробьинъ и Воробьевъ Носъ.
14) См. гл. 14, 2. Едва-ли замокъ этотъ прежде платилъ дань русскимъ.

§ 10. 1) По русскимъ лѣтописямъ, въ этотъ день на Псковъ нападали литовцы.

§ 12. 1) Дабы не быть сочтену его приверженцемъ и не подвергнуться изгнанію.

§ 13. 1) Полоцкъ былъ во враждѣ съ ливонцами. См. гл. 16, 2.
2) Это произошло послѣ отъѣзда двухъ епископовъ.

ГЛАВА XVI.

Епископства Альберта четырнадцатый годъ

Альбертъ въ восьмой разъ Ливоніи.

§ 1. Наступилъ 1212 г. отъ воплощенія Господня и четырнадцатый епископства Альберта (съ 1 марта). Ливонская церковь радовалась его прибытію съ пилигримами, и всѣ вмѣстѣ съ королемъ Вольдемаромъ встрѣтили его и приняли его, восхваляя Господа Бога. Епископъ далъ королю благословеніе и щедрые подарки отъ всего, что принесъ съ собою изъ Германіи, и приказалъ служить ему во всемъ съ благорасположеннымъ усердіемъ.

Викскіе эстонцы въ устьѣ Аа.

Эсты же собрались со всѣхъ викскихъ земель и съ большимъ войскомъ пристали въ устьѣ Койвы (лифл. Аа). И у нихъ былъ Исфридъ[1]), посолъ рижанъ, котораго они при полученіи извѣстія о прибытіи епископа и пилигримовъ мучили разными муками и потомъ отправили въ Ригу. Сами же бѣжали и воротились въ свою землю.

Миръ съ эстонцами; Саккала теряетъ свою свободу.

И такъ ливы и летты послали пословъ въ Эстонію съ предложеніемъ возобновить миръ, который они заключили между собою[2]). И эсты обрадовались тому и послали съ ними своихъ мужей въ Торейду; сюда былъ позванъ епископъ съ братьями рыцарства и старшинами Риги, и они прибыли вмѣстѣ съ по

слами эстовъ и разсуждали о томъ, на чьей сторнѣ правда и что было причиною столь частыхъ войнъ. И послѣ многихъ переговоровъ былъ заключенъ миръ на три года во всѣхъ земляхъ[3]), но саккаланцы до рѣки Палы должны были подчиниться власти епископа и нѣмцевъ, дабы они, какъ давшіе заложниковъ и обѣщавшіеся принять христіанскую вѣру[4]), могли вполнѣ пользоваться принятыми правами крещенія и христіанства.

Злыя намѣренія нѣкоторыхъ ливовъ.

По заключеніи мира съ эстами, перестала смертность между людьми какъ въ Ригѣ, такъ и въ Ливоніи, и Эстоніи, но не было покоя отъ войнъ. Ибо нѣкоторые вѣроломные ливы, кои въ то время были еще кровожадными сынами, искали какимъ бы образомъ растерзать лоно своей матери, церкви, и какимъ бы способомъ коварно добраться и обмануть братьевъ рыцарства, кои пребывали въ Зигевальдѣ, съ тѣмъ чтобы, по изгнаніи ихъ изъ края, тѣмъ легче можно было изгнать изъ края дружину епископа съ прочими нѣмцами.

Свиданіе и соглашеніе епископа Альберта съ полоцкимъ княземъ Владиміромъ у Герсикѣ.

Между тѣмъ король Плоцекскій прислалъ и позвалъ епи- § 2.
скопа, назначивъ ему день и мѣсто, чтобы онъ предсталъ ему у Герсика для объясненія о ливахъ, прежде платившихъ ему дань[1]), а также, чтобы они уступили для купцовъ безопаснѣйшій путь по Двинѣ, согласно ихъ обѣщанію, и по возобновленіи мира, могли тѣмъ легче противостоять летонамъ. Епископъ взялъ съ собою своихъ мужей и короля Вольдемара съ братьями рыцарства и старшинами ливовъ и леттовъ и отправился на встрѣчу королю; съ нимъ ѣхали купцы на своихъ корабляхъ, и всѣ возложили на себя оружіе[2]) изъ предосторожности противъ засадъ летоновъ по обѣимъ берегамъ Двины. Придя къ королю, они начали переговоры съ нимъ о томъ, что требуетъ справедливость. Но король, обращавшійся съ епископомъ то ласково, то гордо и надменно, потребовалъ, чтобы епископъ отказался отъ крещенія ливовъ, утверждая, что въ его власти состоитъ крестить или некрестить ливовъ, его слугъ. Таковъ именно былъ обычай русскихъ королей, что при покореніи народовъ, они подчиняютъ ихъ себѣ не для приведенія въ христіанскую вѣру, а лишь для того, чтобы они платили имъ подати и деньги[3]). Но епископъ возражалъ на то, что должно повиноваться болѣе Господу Богу, чѣмъ людямъ[4]), и болѣе небесному Царю, чѣмъ земному, ибо то и въ евангеліи предписано, когда говорится: «Шедше, научите всѣ народы, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа»[5]).

И епископъ также настойчиво говорилъ, что не откажется отъ своего намѣренія и не отречется отъ дѣла проповѣди, порученной ему святымъ отцомъ. Но онъ не отрицалъ, что королю подлежитъ дань, ибо и въ писаніи сказано: «Воздадите кесарево кесареви, а Божіе Богови» [6]), поелику епископъ самъ по временамъ давалъ за ливовъ королю ту самую дань, которую они платили; ливы, однако, не желая служить двумъ господамъ, какъ русскимъ, такъ и нѣмцамъ, просили постоянно епископа, чтобы онъ какъ нибудь совершенно освободилъ ихъ отъ ига русскихъ. Но король, недовольный такими толкованіями, разгнѣвался, наконецъ, и грозя предать пламени всѣ ливонскіе замки и самую Ригу, приказалъ своему войску отступить отъ замка и давъ видъ, что хочетъ сразиться съ нѣмцами, построилъ свой народъ на полѣ съ своими стрѣлками и началъ подходить къ нѣмцамъ. Затѣмъ всѣ мужи епископа съ королемъ Вольдемаромъ и братьями рыцарства и купцами, возложивь на себя оружіе, мужественно пошли противъ короля. И когда сошлись обѣ противныя стороны, Іоаннъ, пробстъ церкви Пресвятыя Маріи, и король Вольдемаръ съ нѣкоторыми другими пошли между противниками и сказали королю, дабы онъ не шелъ войною на оную церковь, ибо самъ со своимъ народомъ будетъ побѣжденъ нѣмцами. Нѣмцы были всѣ сильны въ своемъ оружіи и сильно желали сразиться съ русскими. Устрашившись ихъ рѣшимости, король приказалъ своему войску отступить, а самъ пошелъ къ епископу, съ почтительностію назвалъ его своими духовнымъ отцомъ; епископъ съ своей стороны принялъ его какъ сына. И пробыли они вмѣстѣ нѣкоторое время, устно переговаривая и тщательно взвѣшивая все, что къ миру служитъ. Наконецъ король, быть можетъ руководимый Божіимъ вдохновеніемъ, представилъ епископу всю Ливонію вольною (т. е. безданно), дабы между ними былъ заключенъ постоянный миръ, какъ противъ летоновъ, такъ и противъ другихъ язычниковъ, и дабы путь по Двинѣ былъ навсегда воленъ купцамъ. И когда это совершилось, король съ купцами и всѣмъ своимъ народомъ пошелъ вверхъ по Двинѣ и съ радостію возвратился въ Плоцекъ, свой городъ. Епископъ же со своими пошелъ внизъ по Двинѣ и снова прибылъ въ Ливонію.

Споры и переговоры съ аутинскими латышами и нѣкоторыми ливами; заговоръ послѣднихъ.

§ 3. По возвращеніи ихъ, возникъ большой споръ между венденскими братьями рыцарства и аутинскими леттами, которые въ то время находились въ удѣлѣ епископа, о пахатныхъ поляхъ и ульяхъ; братья поранили нѣкоторыхъ леттовъ, почему и была принесена жалоба епискому. Тогда епископъ съ достопочтеннымъ

Филиппомъ, рацебургскимъ епископомъ, позвали братьевъ рыцарства съ ливами и леттами къ собранію, чтобы устранить вражду и возстановить прежнее согласіе между ними. И препирались между собою цѣлыхъ два дня, но никакого соглашенія къ миру не достигли.

Затѣмъ ливы и летты удалились отъ нѣмцевъ и составили заговоръ между собою, который закрѣпили по языческому обычаю наступленіемъ на мечи. Первымъ у нихъ былъ Каупо [1]; его слова клонились къ тому, что онъ никогда не отступитъ отъ вѣры христовой, но что онъ будетъ ходатайствовать за ливовъ и леттовъ предъ епископомъ, дабы имъ были облегчены повинности христіанства. Но прочіе, не заботясь о его намѣреніи, составили заговоръ противъ братьевъ рыцарства и задумали изгнать изъ земли ливовъ всѣхъ нѣмцевъ и христіанъ. Епископы и братья рыцарства, узнавъ про это, возвратились со всѣми своими друзьями (т. е. остававшимися имъ вѣрными, какъ Каупо и др.), каждый въ свою крѣпость.

Непріязненныя дѣйствія заговорщиковъ; мѣры предосторожности нѣмцевъ; столкновенія меченосцевъ съ затезельскими ливами у Зегевольда.

Тогда собрались затезельскіе ливы въ своемъ замкѣ и послали къ леневордцамъ и гольмцамъ и торейдцамъ и ко всѣмъ ливамъ и леттамъ сказать объ ихъ намѣреніяхъ, и всѣ согласились съ ними и начали укрѣплять всѣ свои замки, съ тѣмъ чтобы послѣ уборки хлѣба отступить въ нихъ. И провѣдалъ про то Даніилъ Леневардскій, исправлявшій въ то время тамъ должность фохта; онъ послалъ сюда и захватилъ ливскихъ старшинъ этой области, какъ знавшихъ о злонамѣренныхъ замыслахъ, и бросилъ ихъ въ оковы и сжегъ ихъ замокъ; точно также и рижане, провѣдавъ о презлостныхъ намѣреніяхъ гольмцевъ, послали сюда и разрушили верхній край ихъ каменнаго замка, который имъ построилъ первый епископъ Мейнардъ; также послали въ Торейду и сожгли ночью замокъ торейдцевъ, дабы по собраніи въ замкѣ они не могли оказать упорнаго сопротивленія рижанамъ. Такимъ образомъ, сожженіемъ замковъ были разрушены замыслы вѣроломныхъ.

Но затезельскіе ливы, которые уже прежде воротились въ свой замокъ, начали войну съ зигевольдскими братьями рыцарства, начали преслѣдовать ихъ дружину и нѣкоторыхъ убили. Но братья рыцарства, выступивъ изъ зигевольдскаго замка, который недавно былъ выстроенъ, обратили ливовъ въ бѣгство, преслѣдовали ихъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ убили. Но другіе ливы, въ большихъ силахъ, чѣмъ предыдущіе, выступили про-

тивъ братьевъ рыцарства и преслѣдовали ихъ и нѣкоторыхъ убили и заставили ихъ уйти въ свой замокъ. И такимъ образомъ бились въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Тщетные переговоры съ возставшими ливами.

Епископъ, услышавъ о спорахъ между ливами и братьями рыцарства, послалъ пословъ развѣдать о причинахъ возникшей войны. И пришли послы ливовъ въ Ригу, гдѣ они принесли многія жалобы на Родольфа[2]), магистра братьевъ рыцарства, и говорили, что у нихъ отняты поля и луга и деньги. И послалъ епископъ священника Алебранда, который крестилъ ливовъ, съ нѣкоторыми другими; тѣ пришли туда и тщетно трудились и ничего не могли сдѣлать, чтобы уладить распрю. Тогда пришелъ въ Торейду самъ епископъ съ Филиппомъ рацебургскимъ и позвалъ ливовъ съ братьями рыцарства, чтобы выслушать ихъ претензіи. И стали ливы съ ихъ оружіемъ по той сторонѣ рѣки (Аа) и говорили съ нѣмцами и обвиняли братьевъ рыцарства во многихъ провинностяхъ. Епископъ обѣщалъ, что имъ будетъ возвращено все неправильно взятое, но не обѣщалъ возвращеніе того, что у нихъ взято за ихъ провинности (въ видѣ штрафа), какъ они того заслужили. И по совѣту разумныхъ мужей, епископъ потребовалъ отъ ливовъ, чтобы они дали своихъ мальчиковъ въ заложники того, что не отступятъ отъ христіанской вѣры, но ливы не только не думали давать заложниковъ и быть послушными епископу или братьямъ рыцарства, но желали изгнать изъ края христіанскую вѣру со всѣми нѣмцами. Епископы, замѣтя это, возвратились домой въ Ригу. Тогда одинъ изъ спутниковъ умолялъ епископа со слезами, дабы онъ снова послалъ къ ливамъ рацебургскаго епископа съ пробстомъ уговорить ихъ быть покойными и послушаться благихъ совѣтовъ. И послали Филиппа рацебургскаго съ пробстомъ Іоанномъ и Теодорихомъ, братомъ епископа, и Каупо и очень много другихъ къ вышеназваннымъ лицамъ. И всѣ они сошлись съ ливами предъ ихъ замкомъ и вели переговоры о томъ, чтобы могло послужить къ миру и справедливости. Но нѣкоторые ливы подкрались сзади съ ложнымъ извѣстіемъ, будто братья рыцарства съ своимъ войскомъ опустошаютъ землю. Тогда ливы, съ большимъ крикомъ и шумомъ, схватили пробста и Теодориха, брата епископа, и Гергарда фохта и рыцарей и клериковъ со всѣми слугами и привлекли ихъ въ замокъ и били ихъ и заточили ихъ. Они хотѣли схватить и епископа, но въ томъ помѣщалъ имъ и грозилъ его священникъ и переводчикъ Генрихъ Латышскій[3]). Епископъ, услышавъ крики и бѣшенство ливовъ, потребовалъ, дабы они освободили его священника со всѣми прочими и присовокупилъ

къ этому снова угрозы за такое оскорбленіе. И привели ливы всѣхъ назадъ и епископъ снова началъ уговаривать ихъ не презирать таинство крещенія, не поносить христіанства и Господа Бога, не возвращаться въ язычество и потребовалъ двухъ или трехъ мальчиковъ въ заложники. Но ливы, хотя и съ почтеніемъ, отвѣчали, что они не согласны дать заложниковъ. И говорилъ епископъ: «О вы невѣрныя сердца и суровыя лица и льстивыя уста, познайте нашего Создателя!» И говорилъ: «Будете-ли вы слушаться, пребудете ли спокойными, признаете-ли истиннаго Бога и покинете-ли языческіе обычаи?». Ничего не достигши и подобясь тѣмъ, кто тщетно бьетъ по воздуху[4]), епископъ съ прочими возвратился въ Ригу, а ливы тѣмъ не менѣе начали войну съ братьями рыцарства.

Осада и взятіе Дабрелева замка.

Тогда епископъ, желавшій исторгнуть куколь изъ пшеницы и зло, возникшее въ краѣ, прежде чѣмъ оно усилилось, позвалъ пилигримовъ съ магистромъ рыцарства и его братьевъ и рижанъ и пребывавшихъ вѣрными ливовъ, и всѣ собрались. Составивъ большое войско и забравъ съ собою все, что нужно, они двинулись въ Торейду и осадили тотъ замокъ Дабреля, въ которомъ находились отступники ливы, и не только ливы братьевъ рыцарства, но и ливы епископскіе съ другой стороны Койвы, начальникомъ и старшиною коихъ былъ Везике. И вышли ливы изъ замка съ задней стороны и ранивъ нѣкоторыхъ изъ войска, взяли ихъ лошадей и другія вещи и, воротившись въ замокъ, говорили: «Стойте крѣпко, ливы, и бейтесь, да непослужите нѣмцамъ!» И они бились и защищались много дней. Нѣмцы же камнеметными машинами разрушили укрѣпленія замка, много бросили въ замокъ большихъ каменьевъ, которыми перебили множество людей и скота, другіе стрѣляли въ осажденныхъ стрѣлами и поранили многихъ, другіе построили больверкъ. На слѣдующую ночь вѣтромъ повалило больверкъ, тогда раздались въ замкѣ шумъ и радостные крики и, воздавая поклоненіе своимъ богамъ и древнимъ обычаямъ, они убили звѣрей и выбросили для посрамленія христіанъ изъ замка принесенныхъ въ жертву собакъ и козловъ предъ лицо епископа и всего войска. Но тщетны были всѣ труды ихъ. Ибо нѣмцы воздвигли болѣе крѣпкій больверкъ, скоро сдѣлали деревянную башню, поставили ее надъ рвомъ и прокопали рвы подъ замкомъ. Между тѣмъ Руссинъ съ вала замка началъ говорить съ Бертольдомъ, венденскимъ магистромъ, какъ съ своимъ другомъ, и снявъ шлемъ съ головы и кланяясь съ валу, напоминалъ о прежнемъ

§ 4.

мирѣ и дружбѣ. Тутъ вдругъ стрѣла изъ самострѣла попала ему въ голову, онъ упалъ и затѣмъ умеръ.

Нѣмцы безъ отдыха денно и нощно подкапывались и уже были близки къ верхнему краю замка, такъ что валъ далъ трещину и все укрѣпленіе грозило обрушеніемъ. Тогда ливы, видя съ какой высоты можетъ упасть ихъ столь прочный замокъ, послали въ сокрушеніи сердца и съ пристыженнымъ духомъ своихъ старшинъ, Асса съ прочими, къ епископу съ просьбою о прощеніи и мольбою о неистребленіи ихъ. Епископъ отвѣчалъ на то, что они должны возвратиться къ таинствамъ вѣры, и послалъ свою хоругвь въ замокъ, которая была одними поднята, а другими низвержена. Тогда Ассъ былъ привязанъ къ орудію [1]), бой возобновился и послѣдній бой былъ упорнѣе перваго. Наконецъ ливы покорились; подняли хоругвь Пресвятыя Маріи, били челомъ епископу и усердно просили пощадить ихъ, обѣщаясь немедленно снова принять христіанство, впредь твердо сохранять таинства и навсегда отречься отъ языческихъ обычаевъ. Умилосердился надъ ними епископъ и повелѣлъ войску въ замокъ не входить, бѣгущихъ не убивать и не предавать аду столь много душъ. И войско повиновалось и оказало почтеніе епископу: бой прекратился и войско пощадило невѣрующихъ, какъ бы они были вѣрующими. И епископъ со своими возвратился въ свой городъ и привелъ съ собою старшинъ оныхъ ливовъ, приказалъ прочимъ слѣдовать за собою, дабы возобновить таинство крещенія и возстановить снова тишину прежняго мира.

Новые переговоры съ ливами. Что было поручено имъ и другимъ.

И пришли послы ливовъ, слѣдуя за епископомъ, въ Ригу и просили его всенародно о прощеніи. И епископъ сказалъ: «Если вы откажетесь отъ поклоненія ложнымъ богамъ и отъ всего сердца снова воротитесь къ поклоненію единому Богу и дадите надлежащее удовлетвореніе за столь безмѣрную провинность противъ Бога и насъ, то мы снова возстановимъ нарушенный миръ и васъ снова примемъ въ любви въ братское общеніе». Но ливы говорили: «Какого же удовлетворенія, отче, ты требуешь отъ насъ?» Тогда епископъ, по совѣщаніи съ прочими епископами, рацебургскимъ и гальверштатскимъ деканомъ (Бурхардомъ), который въ то время былъ въ Ригѣ, и со своими аббатами и пробстами, а также съ магистромъ братьевъ ордена и прочими своими разумными мужами, отвѣчалъ имъ и говорилъ: «За то, что вы отступили отъ таинствъ вѣры и братьевъ рыцарства, вашихъ господъ, обезпокоили войною, и всю Ливонію хотѣли снова привести въ язычество, и въ особенности за оскорбленіе

Господа Всемогущаго и за то, что для поношенія нашего и всѣхъ христіанъ, вы предъ нами и предъ лицомъ всего войска выбросили козловъ и другихъ звѣрей, которыхъ вы принесли въ жертву языческимъ богамъ, за все это мы налагаемъ на васъ умѣренную сумму серебра, именно сто озеринговъ[1]) или пятьдесятъ марокъ серебра, со всей вашей земли[2]). Кромѣ того, вы должны возратить братьямъ рыцарства ихъ лошадей и доспѣхи и все прочее, что вы у нихъ взяли». Вѣроломные ливы, услышавъ это и не желая давать никакого удовлетворенія, возвратились къ своимъ и спорили и оговаривались и обдумывали, какимъ бы образомъ удержать у себя награбленное во время войны и какимъ бы образомъ ничего не исполнять изъ наложенныхъ на нихъ епископомъ повинностей, и послали другихъ пословъ, лучше прежнихъ. Они говорили съ епископомъ ясными словами[3]), но въ душѣ замышляли обманъ. Тогда Алебрандъ, ихъ первый священникъ, замѣтилъ ихъ коварство и, удалясь съ ними въ сторону, поучалъ ихъ и говорилъ: «Вы, змѣиное племя, какимъ образомъ вы можете избѣгнуть гнѣва Божія, вы, постоянно наполненные желчи вѣроломства и за свои злодѣянія не хотите еще давать удовлетворенія? Принесите же плоды покаянія[4])! И если вы по истинѣ хотите обратиться къ Богу, то и Господь Богъ пребудетъ съ вами, такъ что вы, до сего времени непостоянные и коварные, сдѣлаетесь постоянными въ путяхъ своихъ, и пребудетъ помощь Господа надъ вами. Ибо вы не имѣли въ вѣрѣ полной крѣпости и принесеніемъ десятины не хотѣли почтить Господа. Теперь умоляйте епископа да проститъ онъ ваши провинности и сподобитъ полнаго прощенія грѣховъ, вы же принимайте на себя всѣ повинности христіанства и платите Господу и его слугамъ десятину отъ вашихъ земныхъ плодовъ, подобно прочимъ народамъ, кои возродились источникомъ святаго крещенія. И увеличитъ вамъ Господь Богъ остальныя девять частей, такъ что вы большое обиліе будете имѣть и въ имуществѣ и въ деньгахъ, и освободитъ васъ Господь Богъ отъ нападеній другихъ народовъ, какъ и отъ всѣхъ вашихъ нуждъ.» Ливы, по выслушаніи такого спасительнаго совѣта, обрадовались и, возвратившись въ Торейду, возвѣстили всѣмъ слово Алебранда священника. И оно понравилось всѣмъ, ибо не нужно было платить денежной пени и они надѣялись въ будущемъ году побѣдить нѣмцевъ съ помощію эстовъ

И пришли всѣ старшины, остававшіеся здравыми, изъ замка Дабреля, а также епископскіе ливы съ другой стороны Койвы, Везике со своими, и другіе изъ Метзеполя въ Ригу и просили епископа, чтобы онъ, какъ училъ Алебрандъ, вполнѣ укрѣпилъ ихъ въ вѣрѣ, а въ удовлетвореніе за ихъ провинности наложилъ

на нихъ десятину. Не понравилась эта просьба ни епископамъ, ни другимъ разумнымъ людямъ, ибо они опасались, что всѣ ихъ обѣщанія ложны и коварны. Епископъ, однако же, преклонился на ихъ усердныя просьбы и въ особенности на просьбы пилигримовъ и всего народа, согласился на прошенія и назвалъ ихъ снова своими дѣтьми, далъ имъ миръ и утвердилъ ихъ обѣщаніе, что они впредь пребудутъ вѣрными и будутъ платить ежегодно десятину.

§ 5. Съ тѣхъ поръ ливы изъ Дабрелева замка платили ежегодно, по обѣщанію, десятину и защищалъ ихъ Господь понынѣ отъ всякихъ нападеній какъ язычниковъ, такъ и русскихъ. Епископскіе же ливы, изъ милосердія и милости къ нимъ епископа, платили мѣру вмѣсто десятины. Идумейцы же и летты, которые на войну не приходили и таинствъ вѣры не поносили, платятъ до сего дня первую мѣру, которая была установлена четырьмя епископами, вмѣсто десятины. Но изъ тѣхъ, которые сами ходили на войну или посылали пословъ, или пошли да воротились съ дороги или же только давали лошадей отправлявшимся на войну, были отштрафованы своими фохтами денежными пенями.

Какъ былъ улаженъ споръ съ аутинскими латышами и какъ псковскій князь Владиміръ былъ фохтомъ въ Ливоніи.

§ 6. Пришли также аутинскіе летты въ Ригу и принесли жалобу епископамъ на венденскихъ братьевъ рыцарства за то, что братья обижаютъ ихъ, кромѣ того отобрали деревья[1]. И они избрали третейскаго судью и было рѣшено, что летты должны свои улья, по принесеніи присяги, получить обратно въ свои владѣнія, братья же рыцарства получатъ поля по ихъ присягѣ, за причиненныя же обиды леттамъ они должны вознаградить ихъ достаточною денежною суммою.

§ 7. И пошелъ король Вольдемаръ съ этими самыми леттами въ Аутинъ и былъ тутъ фохтомъ (судьею) до того самаго времени, когда послѣдовалъ обмѣнъ земель (въ 1213 г.) и братья рыцарства предоставили весь замокъ Кукенойсъ въ распоряженіе епископа, а сами, въ замѣнъ третьей части Кукенойса, снова получили во владѣніе Аутинъ; и было королю Вольдемару предоставлено фохтейство Теодориха, его зятя, въ Идумеѣ, такъ какъ Теодорихъ отправился въ Германію.

Набѣгъ литовцевъ въ Саккалу.

§ 8. Въ то время пришли летоны въ Кукенойсъ, просили мира и свободнаго пути къ эстамъ; имъ былъ данъ миръ и позволено итти на некрещеныхъ еще эстовъ. Они тотчасъ же пошли со своимъ войскомъ, прошли мирно чрезъ землю леттовъ и втор-

глись въ Саккалу, захватили много мужчинъ и убили ихъ, взяли все ихъ имущество, захватили женщинъ, дѣтей и скотъ эстовъ и увели ихъ съ собою. И таща много добычи, они воротились въ свою землю по другой дорогѣ. Нѣмцы были недовольны тѣмъ, что они разорили Саккалу, которая уже подчинилась епископу. Но леттоны отвѣчали, и это была правда, говоря, что эсты ходятъ еще съ распрямленными шеями [1]) и не повинуются не только нѣмцамъ, но и никакимъ другимъ народамъ.

Примѣчанія къ главѣ XVI.

§ 1. 1) Варіанты: Зифридъ, Зигфридъ, Зуфридъ. Сравни о нѣмецкомъ купцѣ Исфридѣ въ гл. 20, 3, и о епископскомъ слугѣ Зифридѣ въ гл. 14, 6.

2) Не былъ-ли миръ, заключенный по гл. 15, 11, только перемиріемъ?

3) Срав. гл. 18, 5. Миръ былъ заключенъ не со всѣми эстами.

4) Срав. гл. 15, 1, 7, 9.

§ 2. 1) Дань была обѣщана по гл. 14, 9.

2) Не доспѣхи-ли?

3) См. гл. 10, 2; гл. 11, 7.

4) См. Дѣян. Апост. гл. 5, 29.

5) См. Ев. отъ Мѳ. гл. 28, 19.

6) См. Ев. отъ Мѳ. гл. 22, 21; срав. Ев. отъ Луки гл. 23, 2.

§ 3. 1) Первымъ по знатности, но Кaупо не принадлежалъ къ заговору.

2) Родольфъ, названный здѣсь магистромъ, едва-ли есть Рудольфъ Іерихонскій, упоминаемый въ гл. 14, 8.

3) De Lettis. — На основаніи именно этого слова, лѣтописца Генриха считаютъ прирожденнымъ латышемъ. — Но Генрихъ скорѣе былъ лишь священникомъ латышскимъ.

4) 1 Посл. къ Коринѳ. гл. 9, 26.

5) Для того, чтобы непріятель не стрѣлялъ въ это мѣсто

§ 4. 1) Слово озерингъ происходитъ отъ древнеславянскаго слова уссерэсъ (уши), означающаго серьги. Но это слово, быть можетъ, происходитъ отъ латышкаго слова аусъ, означающаго ухо. По Арндту, еще въ прошломъ столѣтіи куры и латыши озерингами называли больнія круглыя, серебряныя пряжки, которыми богатыя крестьянки застегивали себѣ на груди рубашки или платки. — Въ гл. 19, 3 Генрихъ упоминаетъ объ озерингахъ, какъ о деньгахъ

2) Неясно: съ какой же именно?

3) Plana. — Варіантъ: льстиво.

4) См. Ев. отъ Мѳ. гл. 3, 8.

§ 6. 1) На которыхъ уставлялись ульи.

§ 8. 1) Іова гл. 15, 26.

ГЛАВА XVII.

Епископства Альберта пятнадцатый годъ.

Восьмой отъѣздъ епископа Альберта въ Германію; епископъ рацебургскій Филиппъ занимаетъ его мѣсто.

§ 1. На пятнадцатомъ году (съ 1 марта 1213) своего посвященія, епископъ ливонской церкви возвратился въ Германію, поручивъ свое мѣсто достопочтенному епископу рацебургской церкви Филиппу. Онъ былъ весьма благочестивъ въ своемъ служеніи Богу и всемъ образѣ жизни, его глаза и руки всегда были воздѣты къ небу, а его неутомимый духъ почти никогда не пребывалъ внѣ молитвы Онъ любилъ рыцарей[1]), поучалъ клериковъ, съ настоящею доброжелательною нѣжностію заботился о ливахъ и нѣмцахъ, и новую церковь между язычниками превосходно просвѣщалъ словомъ и примѣромъ. Въ эти дни церковь нѣсколько вздохнула отъ военныхъ тревогъ, хотя страхъ былъ повседневный внутри и внѣ предъ коварными и злыми замыслами ливовъ и эстовъ: ибо они постоянно искали причинить зло и нѣмцамъ и рижскому городу.

Нападеніе литовцевъ на землю латышей.

§ 2. Но леттоны, не уважая заключеннаго съ нѣмцами мира, пришли къ Двинѣ и, вызвавъ изъ Кукенойскаго замка нѣкоторыхъ, бросили копья въ Двину[1]), чѣмъ объявили миръ и дружбу съ нѣмцами. И собралось большое войско летоновъ, которое переправилось чрезъ Двину и вошло въ землю леттовъ, опустошило деревеньки и перебило многихъ. И они дошли до Три-

катуи, взяли Талибальда, старшину этой земли, въ плѣнъ и Варибуля, его сына. Они переправились также чрезъ Койву и застали людей у Имеры въ ихъ деревняхъ, схватили ихъ и нѣкоторыхъ убили, потомъ вдругъ поворотили назадъ со всею добычею. И когда Рамеко увидѣлъ, что отецъ и братъ его попали въ плѣнъ, ополчился со всѣми леттами, а съ ними и Бертольдъ Венденскій съ братьями рыцарства, и всѣ они пошли за литовцами. И когда Рамеко настигъ летоновъ, то изъ боязни, чтобы они не убили его отца, когда онъ нападетъ на нихъ съ тыла, онъ повернулъ на другую дорогу[2]). Летоны однако замѣтили это, быстро побѣжали и опередили ихъ. Но когда литовцы перешли чрезъ Двину и достигли границъ своей земли, Талибальдъ бѣжалъ отъ нихъ и, проведя десять дней безъ куска хлѣба, радостно возвратился[3]) въ свое отечество.

Смерть литовца Даугерута.

Въ это время Даугерутъ, отецъ жены короля Виссевальда[1]), § 3.
пошелъ со многими подарками къ великому королю Ногардскому (новгородскому князю Мстиславу) и заключилъ съ нимъ мирный союзъ. На возвратномъ пути онъ былъ захваченъ въ плѣнъ братьями рыцарства, отведенъ въ Венденъ и тамъ былъ брошенъ въ оковы. И въ оковахъ онъ пробылъ много дней, пока нѣкоторые изъ его летонскихъ друзей[2]) пришли къ нему. Затѣмъ онъ самъ пронзилъ себя мечомъ[3]).

Фохтъ Владимiръ удаляется въ Россiю.

Между тѣмъ фохтъ идумейцевъ и леттовъ Вольдемаръ, бу- § 4.
дучи судьею въ судахъ и дѣлахъ ихъ, пожиналъ многое, чего не сѣялъ. И поелику рацебургскому епископу, какъ и многимъ другимъ, его судъ не нравился, потому онъ исполнилъ наконецъ желанiе многихъ и удалился въ Россiю.

Столкновенiе съ зелами и литовцами; пораженiе послѣднихъ.

Въ это время кукенойскiе рыцари и летты[1]) часто нападали § 5.
на зелоновъ и летоновъ, опустошали ихъ деревни и границы, однихъ убивали, другихъ уводили въ плѣнъ, часто подстерегали по дорогамъ и много имъ зла причиняли. Тогда летоны собрали войско и переправились чрезъ Двину въ леневардской землѣ, напали на ливовъ въ ихъ деревняхъ, умертвили нѣкоторыхъ, захватили женщинъ, дѣтей и скотъ, взяли много добычи и увели въ плѣнъ старшину этой земли Ульдевена. Но тутъ прибылъ Вольквинъ, магистръ рыцарства Христова, который съ своими братьями и купцами поднялся вверхъ по Двинѣ. Магистръ съ

немногими преслѣдовалъ летоновъ, напалъ на ихъ тылъ и бился съ ними; тутъ палъ начальникъ и старшина летоновъ и былъ убитъ и многіе убиты съ нимъ, но прочіе, что были въ переднихъ отрядахъ, бѣжали и увели съ собою Ульдевена. Впослѣдствіи за выкупъ его дали голову онаго убитаго летона, ибо они требовали отдать имъ хоть бы голову, дабы совершить по языческому обычаю погребеніе и тризну по убитомъ[2]).

Владиміръ снова фохтомъ въ краѣ.

§ 6. Въ слѣдующую зиму Вольдемаръ со своею супругою, сыновьями и всѣмъ своимъ семействомъ воротился въ Ливонію; летты съ идумейцами снова приняли его, хотя и безъ большой радости, и священники Алебрандъ и Генрихъ послали ему зерновой хлѣбъ и подарки. И онъ поселился въ Метимнѣ[1]), гдѣ судилъ и собиралъ съ края, что ему нужно было[2]).

Пораженіе литовцевъ и смерть ихъ предводителя Стекза.

И летоны со своими спутниками снова перешли чрезъ Двину и съ ними былъ ихъ предводитель и начальникъ Стекзе. Нѣмцы обрадовались его прибытію и собрались всѣ вмѣстѣ съ Бертольдомъ Венденскимъ и его братьями и призвали къ себѣ короля Вольдемара съ прочими нѣмцами и леттами; встрѣтили летоновъ, на дорогѣ поставили засаду и напали на нихъ. Тутъ они убили ихъ предводителя, вышеназваннаго Стекза, и очень много другихъ, прочіе же литовцы бѣжали, чтобы дома возвѣстить о происшедшемъ. И малое время церковь пребывала спокойною[3]).

Примѣчанія къ главѣ XVII.

§ 1. 1) Военныхъ людей?

§ 2. 1) Это не тотъ обычай, о которомъ упоминается въ гл. 2, 5, но онъ похожъ на извѣстный древне-римскій обычай.
2) Чтобы напасть на нихъ внезапно
3) Воротился-ли Варибуль съ нимъ?

§ 3. 1) См. гл. 13, 4.
2) Скорѣе родственниковъ. См. гл 11, 5.
3) Потому что никто изъ родственниковъ не явился съ выкупомъ.

§ 5. 1) Кокенгузенскіе? См. гл. 11, 9; гл. 12, 1; гл. 14, 5.
2) Какъ и у эстовъ, см. гл. 12, 6.

§ 6. 1) Не будетъ-ли это Вольмаръ, прежде называвшійся Вольдемаръ, по латышски Вальмаре, по русски Владимерецъ?
2) Сравни § 4 и гл. 18, 2.
3) О возраставшемъ раздорѣ между властителями земли Генрихъ не упоминаетъ ни слова. Папа, получая невѣрныя извѣстія, могъ ошибаться. Въ октябрѣ 1213 г., онъ сталъ на сторонѣ меченосцевъ и новокрещеныхъ противъ Альберта, утвердивъ за ними Саккалу и Гугенгузенъ (Унганію) и имѣнія въ сосѣднемъ Гутландѣ(?!) Папа предложилъ лундскому архіепископу назначить епископа въ Саккалу и Гугенгузенъ, однакоже вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовалъ и въ пользу эстонскаго епископа, защищая его отъ притязаній меченосцевъ и объявивъ его въ 1213 г. и рижскаго епископа въ 1214 г. впредь до великаго собора независимыми отъ митрополитской церкви.

ГЛАВА XVIII.

Епископства Альберта шестнадцатый годъ.

Девятый отъѣздъ Альберта; епископъ Филиппъ снова заступаетъ его мѣсто.

Наступилъ шестнадцатый годъ (съ 1 марта 1214 г.) епископства, и Альбертъ воротился въ Ливонію со многими пилигримами; онъ засталъ церковь пользующеюся нѣкоторымъ спокойствіемъ, и вышеназваннаго достопочтеннаго рацебургскаго епископа управляющимъ оною вмѣсто него. Устроивъ все, что подлежало устроенію, онъ снова поспѣшилъ въ Германію, чтобы удобнѣе прибыть въ слѣдующемъ году на римское церковное собраніе, которое было назначено уже два года тому назадъ[1]), и онъ оставилъ въ Ригѣ вышеназваннаго епископа въ своемъ домѣ и на своемъ содержаніи. Супруга Вольдемара со своимъ семействомъ была также въ Ригѣ и всѣ предупредительно обходились съ нею.[2]) § 1.

Священникъ Алебрандъ укоряетъ фохта Владиміра, который вслѣдствіе того снова удаляется въ Россію.

Вольдемаръ же самъ собиралъ въ Идумеѣ и въ землѣ леттовъ деньги и имущество какъ судья въ гражданскихъ дѣлахъ. И выступилъ противъ него священникъ идумейцевъ Алебрандъ и говорилъ ему: «Ты, о король, удостоенный быть судьею людей, долженъ давать правильный и настоящій судъ, а не утѣснять бѣдныхъ, не отнимать у нихъ имущества, не нападать нашихъ новокрещеныхъ и не отвращать ихъ отъ христіанской § 2.

вѣры». Король былъ недоволенъ этими словами и, грозя Алебранду, говорилъ: «Придется мнѣ, Алебрандъ, поуменьшить богатство и избытокъ твоего дома!». И дѣйствительно, впослѣдствіи (въ 1218 г.) онъ привелъ большое войско русскаго короля въ домъ Алебранда и все опустошилъ, какъ то будетъ сказано ниже [1]). И по истеченіи нѣкотораго времени онъ со всѣмъ семействомъ отправился въ Россію.

Постройка крѣпости Фридланда.

§ 3. Затѣмъ рацебургскій епископъ Филиппъ съ пилигримами и фохтомъ Гергардомъ пошелъ въ Торейду и построилъ замокъ (укрѣпленіе) для епископа, назвавъ оный Бределандомъ [1]), какъ приносящимъ краю миръ; ибо онъ надѣялся, что этотъ замокъ принесетъ краю миръ и въ немъ найдутъ убѣжище какъ священники, такъ и всѣ его мужи.

Толовскіе латыши соединяются съ нѣмцами.

И тутъ пришли къ нему (къ епископу) сыновья Талибальда Толовскаго, Рамеке со своими братьями [2]). Они подчинились власти епископа, съ обѣщаніемъ перемѣнить принятую ими отъ русскихъ христіанскую вѣру [3]) на вѣру по латинскому обычаю и ежегодно давать отъ пары лошадей [4]) по мѣрѣ зерноваго хлѣба [5]), съ тѣмъ, чтобы епископъ всегда защищалъ ихъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время; они съ нѣмцами будутъ составлять едино сердце и едину душу [6]) и получать всегдашнюю защиту противъ эстовъ и летоновъ [7]). И епископъ принялъ ихъ съ радостію и потомъ послалъ вмѣстѣ съ ними своего священника, который былъ недалеко отъ Имеры, съ тѣмъ чтобы этотъ священникъ исполнялъ имъ таинства вѣры и преподалъ имъ христіанское ученіе [8]).

Нападеніе въ расплохъ на замокъ Всеволода Герсике.

§ 4. Между тѣмъ кукенойскіе рыцари Мейнардъ [1]), Іоганъ, Іорданъ и другіе обвиняли Виссевальда, короля Герсикскаго, въ томъ, что онъ не только не является въ теченіи уже многихъ лѣтъ къ епископу, своему отцу [2]), отъ котораго онъ получилъ (въ 1209 г.) свое королевство, но помогаетъ летонамъ и совѣтомъ и дѣломъ [3]), и часто его приглашали и требовали удовлетворенія. Тотъ не слушалъ ихъ и самъ не приходилъ и посла не присылалъ. Тогда рыцари, получивъ согласіе епископа, собрались со своими слугами и леттами и пошли вверхъ по Двинѣ со своими. Приблизившись къ замку Герсике, они схватили одного русскаго и, связавъ его, повлекли ночью къ замку. Русскій перелѣзъ чрезъ ровъ, какъ ему было приказано, и началъ

говорить съ часовымъ, а за русскимъ шли прочіе одинъ за однимъ. И часовой думалъ, что идутъ свои, находившіеся въ отсутствіи. И такъ всѣ поодиночкѣ поднимались вверхъ, пока, наконецъ, взлѣзли на брустверъ укрѣпленія. Тогда всѣ собрались и начали стеречь, чтобы никто изъ русскихъ до свѣту не вышелъ изъ замка. Когда начало свѣтать, то они сошли съ вала и пограбили все, что тамъ было, и взяли многихъ въ плѣнъ и дозволили другимъ спастись бѣгствомъ. Забравъ много добычи и оставивъ замокъ, они воротились домой и раздѣлили между собою то, что принесли съ собою.

Большой походъ въ ротальскую землю.

Истекалъ третій годъ заключеннаго съ эстами мира (съ 1212 по 1215 г.). И созвалъ епископъ всѣхъ священниковъ и учинилъ думу и совѣтъ съ ними, а равно съ рыцарями и старшинами ливовъ, которыхъ онъ также созвалъ, и положилъ быть походу въ Эстонію, такъ какъ эстонцы не только не приходили и не заботились о возобновленіи мира, но напротивъ того постоянно желали разрушенія ливонской церкви. И послалъ епископъ по всѣмъ леттскимъ и ливскимъ замкамъ и по всему рубежу по Двинѣ и Койвѣ, и собралось большое и сильное войско; въ Ригѣ находилось много пилигримовъ и купцовъ, которые всѣ съ радостію пошли съ магистромъ рыцарства и его братьями. Сборъ войска былъ назначенъ при устьѣ Койвы, куда прибылъ и епископъ. Нѣкоторые изъ ливовъ хотѣли послать войско въ землю куровъ, но еще не пришло время милосердію Господа Бога надъ этимъ народомъ. Давъ благословеніе войску, епископъ воротился въ Ригу. § 5.

Войско двинулось къ Салетзѣ (рѣкѣ Салисъ, вытекающей изъ Буртнекскаго озера) и пришло въ землю, называемую Зотагана (иначе Зонтагана); тутъ нѣмцы вспомнили о мирѣ, который они прежде дали жителямъ этой земли, и прошли мирно чрезъ эту землю и не сдѣлали ей никакого зла; и не только не изгоняли людей изъ ихъ домовъ, но не преслѣдовали бѣгущихъ, а шли совершенно спокойно до тѣхъ поръ, пока пришли въ другія земли, которыя никогда не заботились о заключеніи мира съ рижанами, думая, что рижане не могутъ прійти съ войскомъ въ столь далекія страны. И было нашихъ 3000 нѣмцевъ, ливовъ и леттовъ столько же, и отъ Салетзы пошли впредъ по морскому льду, пока пришли, куда намѣревались, именно въ Роталію. Придя сюда, войско разсѣялось по всѣмъ дорогамъ и поселкамъ, и застали всѣхъ мущинъ и женщинъ и дѣтей и всѣхъ людей большаго и малаго въ ихъ деревняхъ, ибо никакого слуха о прибытіи войска до нихъ не доходило. Войско въ гнѣвѣ перебило и

умертвило всѣхъ мущинъ. Но ливы, какъ и летты, самые жестокіе изъ прочихъ народовъ и подобно евангельскому работнику непонимавшіе милосердія къ своему соработнику[1]), убили безчисленное множество народа, при чемъ умертвили нѣкоторыхъ женщинъ и дѣтей, и нехотѣли никого щадить на поляхъ и въ деревняхъ, и оросили кровію язычниковъ всѣ дороги и всѣ мѣста, и преслѣдовали язычниковъ по всѣмъ краямъ, кои прилегаютъ къ морю и называются Ротелевикомъ и Роталіею. Летты съ другими преслѣдовали также нѣкоторыхъ язычниковъ, бѣжавшихъ по морскому льду, тотчасъ же убивали тѣхъ, кого настигали, и забирали ихъ имущество и добро съ собою. И сыновья Талибальда награбили три ливскихъ таланта (лисфунта) серебра, не считая одежды, лошадей и множества добычи, что все они принесли съ собою въ Беверинъ. Точно также и все войско преслѣдовало бѣгущихъ эстовъ въ первый день, и на второй, и на третій, и убивало направо и налѣво, до тѣхъ поръ, пока и сами люди и лошади ихъ не ослабѣли отъ усталости. Наконецъ, на четвертый день, всѣ собрались въ одномъ мѣстѣ со всею добычею, пригнали множество лошадей и скота и повели съ собою женщинъ, мальчиковъ и дѣтей, забрали добычу и съ большою радостію воротились въ Ливонію, благословляя Господа за отмщеніе, содѣянное надъ невѣрными. Посрамились язычники и возсталъ у нихъ большой плачь и вопль; Эстонія оплакивала своихъ дѣтей и не могла утѣшиться, ибо они погибли какъ для сего міра, такъ для будущей жизни, и оплакивала ихъ тѣмъ больше, что убитыхъ было безчисленное множество.

Большой пожаръ въ Ригѣ.

§ 6. Затѣмъ великимъ постомъ (въ 1215 г. постъ начинался съ 3 марта) произошелъ среди ночной тишины[1]) большой пожаръ[2]) въ городѣ Ригѣ и сгорѣла первая часть города, именно та, которая была выстроена первою и первою была обведена стѣною, отъ церкви св. Маріи, которая сгорѣла со всѣми большими колоколами, до дома епископа со всѣми находившимися тутъ домами до церкви братьевъ рыцарства[3]). И народъ былъ огорченъ какъ потерею пріятно звучавшаго военнаго колокола[4]), такъ и убытками, кои причинялись городу. И отлили другіе колокола, больше прежнихъ.

Походъ въ Саккалу и взятіе Лембитова замка Леоля.

§ 7. Отдохнувъ отъ трудностей похода и давъ укрѣпиться лошадямъ, они объявили въ томъ же посту другой походъ. И двинулись (около 1 апрѣля) рижане съ братьями рыцарства, созвали ливовъ и леттовъ и пошли въ Саккалу. Оставивъ въ

тылу замокъ Филинде[1]) и опустошивъ всю окрестную землю, они неожиданно собрались у замка Лембита[2]), называемаго Леоле. Эсты, находившіеся въ замкѣ, мужественно выступили противъ тѣхъ, которые первыми подошли къ замку и навели страхъ на нихъ. Они собрались всѣ вмѣстѣ и поджидали прихода остальныхъ своихъ. На слѣдующій и на третій день они дѣлали нападенія на замокъ, натащили дровъ къ валу и подожгли ихъ, валъ же былъ устроенъ изъ дерева и земли. Огонь началъ подниматься къ верху и достигалъ укрѣпленія. Люди, находившіеся въ замкѣ, видя, что валъ можетъ быть разоренъ огнемъ и чрезъ то взятъ самый замокъ, обѣщали осаждающимъ заплатить деньги, если они отойдутъ отъ замка. Нѣмцы же увѣряли, что они ничего отъ осажденныхъ не желаютъ, кромѣ ихъ крещенія, крестившись же, они получатъ истинный миръ и будутъ братьями нѣмцевъ какъ на этомъ свѣтѣ, такъ и въ будущей жизни. Но тѣ боялись этого и потому не хотѣли предаваться въ руки нѣмцевъ. Ливы и летты со всѣмъ войскомъ развели большой огонь и грозили сжечь ихъ всѣхъ и перебить. Тогда эсты, видя, что валъ уже разрушенъ и боясь быть перебитыми, усердно начали просить о крещеніи, вышли изъ замка и обѣщали креститься. При этомъ присутствовали священникъ Іоаннъ Стрикъ и Отто, священникъ братьевъ рыцарства. Были крещены какъ Лембитъ, главный изъ вѣроломныхъ, со всѣми прочими, такъ женщины, дѣти и мужчины, находившіеся въ замкѣ, и всѣ обѣщали непоколебимо исполнять повинности христіанства, чего они, однако, впослѣдствіи не исполнили. Войско, между тѣмъ, вошло въ замокъ, и опустошивъ все имѣніе, забрало лошадей, воловъ и весь скотъ и много добычи, все это подѣлило между собою и съ радостію возвратилось въ Ливонію, приведя съ собою старшинъ онаго замка Лембита съ другими, которые были отпущены на родину, когда дали своихъ мальчиковъ въ заложники. И всѣ благословили Господа Бога, который чудеснымъ образомъ передалъ въ ихъ руки замокъ, безъ употребленія самострѣловъ или машинъ, и имя Христово распространилось отсюда въ другія земли.

Эзельцы предаютъ мученической смерти священника и его учениковъ.

Былъ въ замкѣ Бределантѣ (см. выше о постройкѣ крѣпости Фридландъ) священникъ цистерціенскаго ордена, Фридрихъ Цельскій, которому епископъ, по папскому полномочію, поручилъ проповѣдь евангелія. Отпраздновавъ въ вербное воскресенье (12 апрѣля), со слезами мистеріи страстей Господнихъ и произнеся окружающимъ слово ободренія креста Господня (19 апрѣля), онъ § 8.

хотѣлъ было со своими учениками и нѣкоторыми другими ѣхать на кораблѣ въ Ригу. И въ устьѣ рѣки Койвы его встрѣтили озилійцы, напали на него, взяли его въ плѣнъ вмѣстѣ съ мальчиками и нѣкоторыми ливами, отвели на свои разбойничьи корабли и, выйдя на берегъ рѣки Адіи, мучили его различными муками. Въ то время, какъ онъ со своими учениками возносилъ молитвы къ Господу, они дубинами раздробили обоимъ черепъ и спину, издѣвались и говорили: Laula laula pappi! (т. е. пой, пой, попъ!) ибо писано: «Грѣшники дѣлаша по хребту, но Господь, который справедливъ, отрубитъ имъ шеи»[1]), какъ ниже будетъ сказано. Потомъ они заострили крѣпкія спицы и забивали ихъ за ногти, разрывали члены за членами, подложили подъ нихъ огонь и жестоко мучили ихъ и, наконецъ, разрубили топорами пополамъ между плечами; они вознесли души ихъ, безъ сомнѣнія, на небо въ сообщество мучениковъ, и бросили ихъ тѣла, какъ написано: «Плоть твоихъ святыхъ дается земнымъ звѣрямъ; они пролили свою кровь за Іерусалимъ какъ воду и не нашлось никого, кто бы похоронилъ ихъ» [2]). Они отвели въ плѣнъ въ Озилію и нѣкоторыхъ ливовъ; тѣ, по возвращеніи своемъ изъ плѣна, разсказали о вышеупомянутомъ.

Герсике снова взятъ: хитрость и побѣда литовцевъ.

§ 9. Мейнардъ же Кукенойскій съ своими сотоварищами рыцарями собралъ снова войско противъ Виссевальда, короля Герсикскаго. Услышавъ про это, Виссевальдъ и послалъ гонца летонамъ. Летоны пришли и на другой сторонѣ Двины ждали нѣмцевъ. И тѣ, что съ Мейнардомъ были, ничего не знали о летонахъ, пришли и взяли Герсике и забрали большую добычу и лошадей и скотъ. И появились летоны на другомъ берегу Двины и просили дать имъ корабль переправиться къ нимъ, такъ какъ они пришли для возобновленія мира. Въ своемъ простодушіи нѣмцы повѣрили коварнымъ словамъ ихъ и послали къ нимъ корабль; летоны одинъ за однимъ вошли на корабль, а за ними все больше и больше народа; наконецъ все летонское войско бросилось въ Двину и начало вплавь приближаться къ нѣмцамъ. Рыцари, видя множество летоновъ, боялись ждать битвы съ ними, нѣкоторые потому сѣли на корабли и внизъ по Двинѣ благополучно воротились въ Кукенойсъ; другіе же, возвращавшіеся съ леттами по дорогѣ, должны были выдержать нападеніе ихъ съ тыла. Летты, видя свою малочисленность, обратились въ бѣгство. Рыцарь Мейнардъ, Іоаннъ и Іорданъ бились съ летонами и, будучи не въ состояніи противостоять столь большому войску, пали, наконецъ, и были убиты. И услышали о томъ епископъ и рижане, и печалились и говорили:

«Какіе герои пали въ борьбѣ, и оружіе ихъ обратилось въ ничто!»

Примѣчанія къ главѣ XVIII.

§ 1. 1) 19 апрѣля 1213 г. Слѣд. Альбертъ выѣхалъ послѣ 19 апрѣля 1214 г. До ноября 1215 года ему оставалось достаточно времени, чтобы прибыть въ Римъ. — Срав. гл. 19, 5. — Досадныя распоряженія папы (см. гл. 17, 6), быть можетъ, побудили его къ раннему отъѣзду. — О большомъ Лютеранскомъ соборѣ см. гл. 19, 5, 7.

2) Сравн гл. 15, 13.

§ 2. 1) См гл. 22, 4. — Въ 1216 г. онъ появляется снова княземъ Псковскимъ. См. гл. 20, 3.

§ 3. 1) Т. е. Фридландомъ. — Объ этой крѣпости упоминается только въ § 8 и въ гл. 21, 7. — Не на мѣстѣ-ли сожженнаго (см. гл. 16, 3) торедскаго замка она были построена?

2) О смерти Талибальда см. гл. 19, 3. — Пребылъ-ли онъ въ православіи? Ср. гл. 12, 6. Сыновья его были: Рамеке (въ гл. 17, 2 Рамеко); Варнбуль (см. гл. 17, 2; по всей вѣроятности о немъ же говорится въ гл 23, 9); Дривинальдъ (см. гл. 19, 3 и гл. 23, 9). — Толовцы до сихъ поръ были лишь союзниками ливонцевъ.

3) См. гл. 11, 7.

4) Ср. гл. 15, 5 и гл. 2, 7.

5) См. гл. 2, 7 и гл. 10, 13. Сравнительно съ мѣрою по гл. 15, 5 и 16, 5, толовцамъ назначено вносить вполовину меньше, чѣмъ прочимъ туземцамъ.

6) См. гл. 12, 6.

7) См. гл. 11, 7.

8) Сравни гл. 11, 6 и 15, 1. — Русскіе продолжали получать дань, хотя, быть можетъ и съ перерывами, см. гл. 20, 5. — Получили дань даже и послѣ того, какъ Альбертъ въ 1224 г. раздѣлилъ Толову съ меченосцами (см. гл. 28, 9), даже до 1285 г.

§ 4. 1) Былъ-ли онъ одинъ господиномъ замка, преемникомъ Рудольфа Іерихонскаго, см. гл 16, 3?

2) См. гл. 13, 4.

3) Ср гл. 16, 2 и 17, 3.

§ 5. 1) Ев. отъ Мѳ гл. 18, 33.

§ 6. 1) См. 1 Царствъ гл. 3, 2.

2) См. гл. 13, 3; гл 19, 6.

3) См. гл. 13, 2.

4) См. гл. 14, 5.

§ 7. 1) Теперь истекъ срокъ мира (см. § 5), но оставался ли Феллинъ спокойнымъ, или же былъ подчиненъ? Ср. гл. 15, 17, 9; гл. 16, 1, 8. — См. гл. 21, 2 и 22, 2.

2) См. гл. 15, 1.

§ 8. 1) См. псаломъ 128, 3.

2) См. пс. 78, 2 и 1 Мак. гл. 7, 17.

ГЛАВА XIX.

Епископства Альберта семнадцатый годъ.

Объ опасномъ замыслѣ эстовъ.

§ 1. Наступилъ епископства Альберта семнадцатый годъ (съ 1 марта 1215) и война возобновилась по всей границѣ Ливоніи. Ибо ротальскій походъ и покореніе Лембита возбудили всю Эстонію противъ Ливоніи, и эстонцы вознамѣрились притти одновременно съ тремя войсками и опустошить Ливонію, чтобы озилійцы осадили Ригу и заградили гавань по Двинѣ, ротальцы чтобы напали на торейдскихъ ливовъ, а саккаланы и унгаунійцы чтобы между тѣмъ опустошали леттскую землю, дабы ливы и летты, занятые собственною войною, не могли прійти на помощь рижанамъ.

Эзельцы хозяйничаютъ на Двинѣ.

§ 2. И пришли озилійцы съ большимъ флотомъ въ Динаминдъ, привели съ собою разбойничьи корабли и ладьи (яхты)[1]), наполнили ихъ камнями и погрузили на морское дно при устьѣ рѣки, и построили деревянныя подмости, которыя также навалили камнями и погрузили въ воду въ устьѣ Двины, дабы преградить доступъ въ гавань прибывающимъ. И нѣкоторые изъ озилійцевъ поплыли на ладьяхъ вверхъ по Двинѣ къ городу и гребя туда и сюда (т. е. лавируя противъ теченія), подъѣхали нахонецъ къ берегу и полю. И братья рыцарства съ другими изъ города стояли у воротъ, а нѣкоторые изъ слугъ[2]) съ ливами,

увидя непріятелей въ полѣ, бросились на нихъ и убили нѣкоторыхъ и преслѣдовали остальныхъ до кораблей; во время бѣгства ихъ одинъ изъ разбойничьихъ кораблей[3]) разбился и потонулъ со всѣмъ, что на немъ было; прочіе же убѣжали и воротились къ своимъ въ Динаминдъ. И ополчились рижане со всѣми своими, сколько ихъ было, и пошли за озилійцами, одни на корабляхъ, другіе сухимъ путемъ. Когда озилійцы увидѣли рижанъ, то переправились на другую сторону Двины, не выжидая битвы съ ними.

И вдругъ рижане завидѣли вдали плывущія въ морѣ двѣ когги, на которыхъ находились Борхардъ графъ Альденборгскій (ольденбургскій графъ Бурхардъ фонъ Вильдесгаузенъ), и братъ епископа Ротмаръ и Теодорихъ. Они приближались къ Двинѣ и видѣли предъ собою непріятеля на морскомъ берегу, а на другомъ берегу видѣли рижанъ, и не могли признать, гдѣ христіане, но рижане подали имъ знакъ, поднявъ знамя. Узнавъ своихъ, и въ то же время замѣченные непріятелями, они направили свои корабли на враговъ и поспѣшили на нихъ. Нѣкоторые изъ рижанъ на своихъ корабляхъ направились по Двинѣ въ тылъ озилійцамъ, а другіе ждали на берегу исхода дѣла. Непріятели, увидя, что христіанское войско окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ, поспѣшно побѣжало къ своимъ кораблямъ, пробралось моремъ между плывшими имъ на встрѣчу и скрылось изъ ихъ глазъ. Рижане послѣдовали за ними, взяли нѣсколько ихъ кораблей, а прочіе бѣжали. И приняли рижане пилигримовъ съ радостію и благословили Господа, пославшаго утѣшеніе своему народу въ семъ бѣдствіи.

Сильнымъ теченіемъ рѣчной воды, а также и бурею на морѣ разрушило сдѣланное озилійцами загражденіе, а что оставалось еще въ водѣ, то нѣмцы все повытаскали и поломали и сдѣлали проходъ въ Двину снова свободнымъ.

Набѣгъ ротальцевъ на Метзеполь.

Въ то самое время, когда озилійцы находились на Двинѣ, § 3.
ротальцы собрали войско съ ихъ викскихъ земель[1]) и вошли въ Ливонію, гдѣ въ Метзеполѣ ограбили и пожгли деревни. И немогли найти никого изъ ливовъ, кои со всѣми своими женами и дѣтьми скрылись въ замкахъ. И ливы собрали отрядъ своихъ, чтобы встрѣтить противниковъ. Ротальцы узнали какъ объ ихъ замыслахъ, такъ и о бѣгствѣ своихъ озилійцевъ съ Двины, и также бѣжали и воротились въ свою землю.

Набѣгъ саккаланъ и унгаунійцевъ на землю латышей; мученическая смерть Талибальда.

Саккаланы и унгаунійцы вошли между тѣмъ въ землю леттовъ съ большимъ войскомъ и осадили замокъ Аутинъ. Братья рыцарства вышли изъ Вендена, чтобы биться съ ними. Получивъ извѣстіе о томъ, они точно также бѣжали.

Придя вечеромъ въ Трикатую, они застали Талибальда, возвратившагося изъ чащи лѣсовъ и мывшагося въ банѣ, они его схватили и начали жечь живаго, угрожая ему смертію, если онъ имъ не всѣ свои деньги покажетъ. И онъ имъ показалъ 50 озеринговъ[2]). Но они его все-таки жгли. Тогда онъ говорилъ: «Я предъявилъ вамъ деньги мои и моихъ сыновей, не жгите же меня», и не показывалъ имъ больше денегъ. Они его снова положили на огонь и жарили какъ рыбу до тѣхъ поръ, пока онъ испустилъ духъ и умеръ. Поелику же онъ былъ христіанинъ и принадлежалъ къ числу вѣрныхъ леттовъ, то мы и надѣемся, что онъ за свое столь великое мученичество воспріиметъ радость въ сообществѣ святыхъ мучениковъ. И воротились эсты въ свою землю и Господь Богъ обратилъ въ ничто ихъ замыслы.

Страшное опустошеніе Унгауніи и какъ сыновья Талибальда отмстили смерть своего отца.

Сыновья Талибальда, Рамеко и Дривинальдъ[3]), увидя, что отецъ ихъ мертвъ, вознегодовали на эстовъ и собрали леттское войско со своими друзьями и родственниками и вступили въ походъ съ венденскими братьями рыцарства и другими нѣмцами. И они вторглись въ Унгаунію, опустошили всѣ деревни и предали ихъ пламени, а всѣхъ мущинъ, какихъ только они настигали, сжигали живыми изъ мщенія за Талибальда, и всѣ замки пожгли, дабы нигдѣ не было убѣжища, и отыскивали унгаунійцевъ по самымъ густымъ чащамъ лѣсовъ и никто не могъ укрыться отъ нихъ. И они настигали унгаунійцевъ въ лѣсахъ и убивали ихъ, а ихъ женъ и дѣтей брали въ плѣнъ и забирали лошадей и скотъ; много собрали добычи и возвратились въ свою землю. Возвращаясь домой, они встрѣтили отрядъ другихъ леттовъ[4]), который вступилъ въ Унгаунію и опустошилъ то, что не опустошили первые. Ибо этотъ отрядъ пошелъ въ тѣ деревни и края, въ которыхъ первые не были, и все, что прежде спаслось отъ первыхъ, не спаслось отъ этихъ. И они взяли много и умертвили всѣхъ мущинъ и повлекли въ плѣнъ женщинъ и дѣтей и забрали съ собою скотъ и множество добычи. На возвратномъ пути они встрѣтили другихъ леттовъ, шедшихъ въ Унгаунію, которые также желали добычи и мщенія за родителей и родственниковъ, убитыхъ прежде эстами, и которые также шли

убивать эстскихъ мущинъ. И эти летты вторглись въ Угаунію, гдѣ причинили опустошеній не меньше, чѣмъ прежніе летты, и забрали плѣнныхъ не меньше того, сколько забрали прежніе летты. Ибо они хватали всякаго, кто выходилъ изъ лѣсу въ поле или деревню за съѣстными припасами, и однихъ предавали огню, другихъ убивали мечемъ, и мучили ихъ различными муками до тѣхъ поръ, пока тѣ показали имъ всѣ свои деньги, провели ихъ по всѣмъ ущельямъ своихъ лѣсовъ и отдали въ ихъ руки своихъ женъ и дѣтей. Но не усмирили тѣмъ духа леттовъ: они обобрали деньги и все имущество, женъ и дѣтей ихъ, все до чиста забрали, что еще оставалось у нихъ. И проходя по всѣмъ землямъ до Матери Водъ въ Дарбетенѣ, они никого не пощадили, но всѣхъ, кто былъ мужескаго пола, умертвили, а женщинъ и дѣтей повлекли въ плѣнъ. Учинивъ такое отмщеніе своимъ противникамъ, они съ добычею весело воротились домой.

И снова собрались вмѣстѣ Бертольдъ Венденскій со своими и Теодорихъ, братъ епископа, со своими рыцарями и слугами, и сыновья Талибальда съ ихъ леттами, и пошли съ войскомъ въ Угаунію и забрали у эстовъ много, чего не забрали прежде летты, и убивали эстовъ, и деревни, оставшіяся цѣлыми, пожгли, и все, что у эстовъ было еще цѣло, они до чиста уничтожили. И прошли они по всѣмъ краямъ, перешли чрезъ Матерь Водъ и доходили до Вайги, и земли, что были по ту сторону рѣки, также ограбили и деревни пожгли, мущинъ перебили, женщинъ и дѣтей въ плѣнъ взяли. Причинивъ зло, какое только можно было причинить, воротились въ Ливонію. И приказали другимъ немедленно же итти снова въ Угаунію и причинить тамъ такое же зло. Когда тѣ ворротились, были снова посланы другіе. И не успокоивались летты и не давали покоя эстамъ въ Угауніи и сами не имѣли покоя до тѣхъ поръ, пока въ это лѣто не совершили девять походовъ въ названную землю и не предали ее такому опустошенію, что ни людей, ни съѣстныхъ припасовъ въ ней не находили. И думали они воевать до тѣхъ поръ, пока эсты или окрестятся, или исчезнутъ съ лица земнаго. И такъ было, что сыновья Талибальда считали болѣе сотни человѣкъ эстовъ, которыхъ они, мстя за отца, то сожгли живыми, то другими различными муками замучили, не считая безчисленнаго множества другихъ, которые были убиты леттами, нѣмцами и ливами.

Унгаунійцы и Сакkаланы принимаютъ христіанство.

Тогда тѣ, что еще оставались въ живыхъ въ Угауніи, § 4.
видя, что имъ никуда нельзя спастись отъ ярости нѣмцевъ и лет-

товъ, послали пословъ въ Ригу и просили того, что служитъ къ миру. И имъ было сказано, что они прежде всего должны возвратить отобранные у нѣцевъ товары[1]). Они говорили, что грабители этихъ товаровъ убиты и увѣряли, что нѣтъ возможности возвратить товаровъ; они просили крестить ихъ и уладить всѣ споры, дабы пріобрѣсти навсегда истинный миръ и братскую любовь нѣмцевъ и леттовъ. И возрадовались тому нѣмцы и заключили съ ними миръ и обѣщали прислать въ Унгаунію священниковъ для совершенія крещенія. Саккаланы, услышавъ о томъ злѣ, какое было нанесено угаунійцамъ, боялись, что ихъ можетъ постигнуть тоже самое, потому также послали пословъ съ просьбою, чтобы и къ нимъ были присланы священники, дабы, по воспріятіи крещенія въ ихъ землѣ, они могли бы быть также друзьями христіанъ. И были посланы священники: Петръ Какувальде Финляндскій[2]) и Отто, священникъ братьевъ рыцарства, и они отправились въ Саккалу и совершили крещеніе до Палы и въ Унгауніи до Магери Водъ. Потомъ они воротились въ Ливонію, ибо не могли жить вмѣстѣ съ ними по причинѣ необузданности другихъ эстовъ.

Какъ епископы Филиппъ рацебургскій и Дитрихъ эстляндскій со своими чудеснымъ образомъ спаслись въ одной эзельской гавани.

§ 5. Но рацебургскій епископъ съ эстонскимъ епископомъ Теодорихомъ спѣшили на римское церковное собраніе (соборъ)[1]), ввѣрились съ пилигримами, отправлявшимися въ Германію, морю и на девяти коггахъ поспѣшно поѣхали въ Готландъ. И на слѣдующую ночь подулъ противный вѣтеръ съ грозою и, перенеся во весь день большую бурю, они были, наконецъ, занесены (15 іюня 1215 г.) въ новую гавань въ Озиліи[2]). Чуть лишь озилійцы провѣдали, что тѣ пришли изъ Риги, какъ начали имъ грозить сраженіемъ, послали по всей Озиліи и собрали большой флотъ, а другіе, что прибыли на лошадяхъ, построили на берегу моря деревянныя подмости (ящики), которые наполнили каменьями, и начали заграждать узкій входъ въ гавань съ тѣмъ, чтобы, по загражденіи гавани, всѣхъ перехватать и убить. Нѣмцы же на своихъ ладьяхъ, т. е. на малыхъ корабляхъ, пристали къ берегу и начали своими мечами жать посѣвы на поляхъ[3]), не зная о томъ что на противоположномъ берегу собирается противъ нихъ войско, и такимъ образомъ они поступали на другомъ берегу каждый день. Наконецъ, озилійцы, устроивъ засаду, захватили восьмерыхъ нѣмцевъ, изъ которыхъ однихъ убили, другихъ взяли въ плѣнъ, и захватили одну ладью. Чрезвычайно ободренные этимъ, озилійцы послали во всѣ провинціи Эстоніи[4]) сказать, что

они взяли въ плѣнъ рижскаго епископа со всѣмъ его войскомъ. И пришли всѣ съ большимъ войскомъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня море показалось намъ[5]) темнымъ отъ кишащихъ на немъ разбойничьихъ кораблей, и они сражались съ нами во весь день. И нѣкоторые изъ нихъ притащили подмости и старыя лодки, погрузили ихъ въ воду, наполнивъ каменьями, и заградили намъ выходъ изъ гавани, отчего напалъ на насъ страхъ и ужасъ и мы думали, что не увернемся отъ ихъ рукъ. Другіе изъ нихъ разложили три большіе костра изъ сухаго дерева, политаго саломъ, на подмостяхъ, построенныхъ изъ большихъ деревъ. И пламя перваго костра, горѣвшаго сильнѣе прочихъ, заносило чрезъ море на насъ, сильный южный вѣтеръ переносилъ пламя черезъ насъ, и эсты разъѣзжали на своихъ разбойничьихъ корабляхъ вокругъ костровъ, поддерживая огонь и направляя его прямо на догги. И были всѣ когги связаны вмѣстѣ, съ тѣмъ чтобы мы могли легче защищаться отъ противниковъ, и тѣмъ болѣе мы боялись, что не спасемся отъ огня. И уже пламя костра, простиравшееся выше, чѣмъ наши когги, достигало до насъ, тогда мы вызвали на верхъ епископа изъ его каюты, гдѣ онъ молился денно и нощно. И онъ пришелъ и увидѣлъ, что, кромѣ Господа Бога, нѣтъ намъ ни совѣта, ни помощи, и возвелъ онъ свои глаза и вознесъ обѣ руки къ небу и молился объ освобожденіи насъ отъ огня. И мы всѣ смотрѣли, и вотъ, вдругъ южный вѣтеръ перемѣнился на восточный, и вѣтеръ съ востока началъ развѣвать вѣтряное знамя, бывшее на парусѣ, въ противоположную сторону, и огонь направился отъ насъ на море. И всѣ мы благословили Господа за спасеніе насъ отъ предстоявшаго пожара. И развели они другой костеръ и третій, противъ котораго мы долго работали, заливая водою, пока, наконецъ, вѣтеръ погналъ огонь отъ насъ. Между тѣмъ эсты подплыли къ намъ и своими копьями и стрѣлами поранили многихъ изъ нашихъ; другіе же, подошедшіе къ намъ тѣмъ же путемъ, бросали въ насъ каменьями и своими дубинами. И пребывали мы въ страхѣ, какъ по причинѣ загражденной гавани, такъ и отъ безсилія къ бою. Тогда нашъ корабельщикъ (шкиперъ) Альбертъ Слукъ сказалъ: «Если вы терпѣливо послушаетесь, то Господь Богъ освободитъ насъ отъ теперешней опасности. Ибо, говоритъ, корабли наши не нагружены, но порожніе и сидятъ не глубоко въ водѣ: мы можемъ вытти другимъ путемъ, если сильные и вооруженные люди сядутъ въ лодки, повезутъ якори и бросятъ ихъ въ глубинѣ, потомъ, пробившись сквозь непріятелей, воротятся къ намъ, а прочіе будутъ тянутъ канатомъ когги къ якорямъ, пока бы не выйдемъ на морскую глубину». И мы повиновались всѣ и пошли чрезъ трудныя мѣста, пока не вышли

въ открытое море. Тѣ же, что везли на лодкахъ якори, рыцари и слуги, претерпѣли самое яростное нападеніе и были тяжко ранены копьями и стрѣлами, а также каменьями эстонцевъ. Наконецъ рыцари и слуги взяли загнутое желѣзо или крюкъ, чтобы бросить его на одинъ изъ разбойничьихъ кораблей и такимъ образомъ сцѣпиться съ нимъ. И они бросили крюкъ на одинъ изъ кораблей и надѣялись было притянуть его къ себѣ, но эстонцы, сильно гребя, отошли отъ нихъ и бѣжали къ другимъ разбойничьимъ кораблямъ. Въ эту самую минуту епископъ обращался съ такою молитвою къ Пресвятой Дѣвѣ: «Яви, что ты мати еси! Яви, что ты мати еси!» и ясно объявилось, что она матерь есть. Ибо оный убѣгавшій разбойничій корабль, большой и наполненный многими людьми, сильно столкнулся съ другимъ кораблемъ и съ большимъ трескомъ разсѣлся на двое, наполнился водою, а люди бросились въ море и перетонули. И ужасъ объялъ всѣхъ другихъ. И когда они увидѣли, что мы вышли уже на глубину, то собрались на берегу моря, и было ихъ многія тысячи, кои пришли со всей Эстоніи, какъ на лошадяхъ, такъ и пѣшкомъ, и около двухъ сотъ разбойничьихъ кораблей, и они негодовали, съ крикомъ и побоями, другъ на друга за то, что ихъ двухъ-недѣльная работа ни къ чему не послужила и за то, что они много своего народа потеряли, изъ которыхъ одни утонули въ морѣ, а другіе были убиты нашими самострѣлами. И они распустили паруса и разсѣялись по морю и отправились каждый своею дорогою. И наши на своихъ ладьяхъ пошли за ними и овладѣли однимъ большимъ разбойничьимъ кораблемъ, который и привели въ Готландъ. И освободила насъ въ оный день Пресвятая Дѣва, точно такъ какъ понынѣ освобождала всѣхъ ливонцевъ отъ всѣхъ ихъ бѣдъ, даже до дня сего.

Какъ епископъ Филиппъ продолжалъ путешествіе до своей блаженной кончины въ Италіи.

§ 6. Послѣ того какъ Господь Богъ освободилъ насъ отъ озилійцевъ, мы стояли въ той гавани (на рейдѣ) цѣлыхъ три недѣли, ибо каждый день была непогода въ морѣ, были сильныя бури и дулъ противный вѣтеръ. И у насъ произошолъ большой голодъ и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и епископъ подѣлилъ намъ все, что у него самаго было, и мы ежедневно дѣлали обѣты и молились да освободитъ насъ Господь Богъ изъ этихъ мѣстъ. И наканунѣ дня Маріи Магдалины (21 іюля), когда мы почти уже полумертвые пѣли респонсоріумъ, пересталъ противный вѣтеръ и Господь Богъ ниспослалъ намъ вѣтеръ попутный; мы распустили паруса и на слѣдующее утро пристали къ Готланду. И стоя на каменномъ подножіи у алтаря, епископъ воз-

благодарилъ Господа и горорилъ: «Прошли мы, господи, сквозь огонь и воду, ибо ты насъ провелъ и укрѣпилъ. Ибо ты, Господи, насъ взыскалъ и очистилъ огнемъ, какъ огнемъ очищается серебро: ты возложилъ узы на насъ и бѣдствіе на хребты наши и людямъ дозволилъ пройти главы наши, но ты освободилъ насъ, Господи, отъ всѣхъ бѣдъ и привелъ насъ на эту крѣпкую скалу»[1])! Епископъ именно всею душею стремилля достичь той скалы, которая Христосъ есть, и исполнилъ наконецъ Господь Богъ его душевное желаніе, и послалъ его въ путь въ Неронію (по другимъ спискамъ Веронію[2]), гдѣ онъ, послѣ кратковременной болѣзни, предалъ Господу духъ свой (14 или 15 ноября 1215 г.) И похоронили тѣло его въ мраморномъ гробѣ, бывшемъ кардинальскомъ, въ монастырѣ августинскаго ордена, который лежитъ у рѣки. И видѣлъ одинъ нероніецъ въ видѣніи голубя, который, подобно молнійной стрѣлѣ, прилетѣлъ съ той стороны Альпъ и спустился на отдыхъ здѣсь, и другіе также увѣряли, что подобныя же явленія ангеловъ видѣли на его гробѣ. И не удивительно, ибо то былъ крѣпкій и непоколебимый мужъ, не отвращавшій помысловъ о Христѣ ни въ счастіи, ни въ несчастіи, не прерывавшій молитвы даже во время рижскаго пожара, когда онъ, когда все горѣло (великимъ постомъ въ 1215 г.), былъ выведенъ изъ своего дома, даже посреди враговъ на морѣ и даже тяжко раненый часовымъ, когда онъ на стѣнѣ ночью пребывалъ въ молитвѣ. Такимъ образомъ, Господь Богъ даровалъ ему мѣста, коихъ онъ желалъ, мѣста крѣпкія и постоянныя на скалахъ. Да пребудетъ душа его у Христа и память о немъ да пребудетъ въ благословеніи.

Епископы Альбертъ и Дитрихъ на церковномъ соборѣ въ Римѣ; крещеніе въ Саккалѣ и Унгауніи.

Въ лѣто отъ воплощенія Господня 1215 (съ 11 по 30 ноября) происходилъ въ римской церкви соборъ, подъ предсѣдательствомъ папы Инокентія, на коемъ присутствовало 400 патріарховъ, кардиналовъ и епископовъ и 800 абатовъ. Между ними ноходился ливонскій епискапъ Альбертъ и эстонскій епископъ[1]). Они донесли какъ святому отцу, такъ и всѣмъ епископамъ о бѣдствіяхъ, войнахъ и прошеніяхъ ливонской церкви, и радовались всѣ какъ обращенію азычниковъ, такъ и многократнымъ войнамъ и побѣдамъ христіанъ. И говорилъ епископъ: «Ты, святой отецъ, святую землю іерусалимскую, землю Сына, не оставляешь своею заботою, потому ты долженъ и Ливонію, землю Матери, которая нынѣ расширилась между язычниками, твоимъ попеченіемъ не оставить безъ утѣшенія. Ибо любитъ Сынъ свою Матерь, и если не желаетъ, дабы его земля была потеряна, § 7.

то, конечно, не желаетъ, чтобы и земля его Матери впала въ опасность». Святой отецъ, отвѣчая ему, говорилъ: «Какъ землѣ Сына, такъ и землѣ Матери мы не преминемъ споспѣшествовать нашимъ всегдашнимъ отеческимъ попеченіемъ». И когда соборъ кончился, папа отпустилъ ливонскаго и эстонскаго епископовъ и возобновилъ имъ полномочіе на проповѣдь и на созывъ пилигримовъ, дабы пилигримы, при прощеніи грѣховъ, возложили крестъ на себя и отправлялись вмѣстѣ съ ними въ Ливонію защищать юную церковь противъ нападеній невѣрующихъ.

Римъ давалъ права, Рига же крестила язычниковъ. Ибо Петръ Какевальдъ и Отто, священники, посланные изъ Риги, окропили святою водою Саккалу и Угаунію и воззвали ихъ къ вѣчной жизни.

Взятіе викскаго замка Зонтагана.

§ 8. Но ротальцы пребывали еще въ возмущеніи и отказывались принимать христіанскій законъ. Положено было итти въ походъ противъ нихъ. Послѣ праздника Рождества Христова было велѣно ливамъ и леттамъ готовиться къ походу и собираться въ путь противъ противниковъ имени Христова. Собрались также нѣмцы съ братьями рыцарства; тутъ былъ также графъ Боргардъ съ пилигримами. Они всѣ вмѣстѣ пошли (въ январѣ 1216) по морскому льду, пока не дошли до первой провинціи Эстоніи. И разсѣялось войско по всѣмъ дорогамъ и деревушкамъ, преслѣдуя убѣгавшихъ эстовъ и убивая, кого настигали; захватили женщинъ, дѣтей и скотъ, собрались у замка Зонтагана, осадили эстовъ въ немъ и бились съ ними девять дней. Нѣмцы построили деревянный больверкъ[1]) и подтащили его къ замку, ливы и летты со стрѣлками взошли на больверкъ и копьями и стрѣлами убили многихъ эстовъ на брустверѣ укрѣпленія, многихъ ранили и заставили ихъ отступить, ибо эсты слишкомъ отважно выступали въ бой и давали стрѣлкамъ случай нанести имъ потери убитыми и ранеными. Наконецъ, потерявъ много убитыми и терпя недостатокъ въ водѣ и съѣстныхъ припасахъ, они рѣшили сдаться и просили мира. Но нѣмцы сказали: «Если вы положите оружіе и примете въ свой замокъ истинный миръ, который есть Христосъ, то мы охотно пощадимъ васъ, и примемъ въ свою братскую любовь». Эсты, услыщавъ это съ радостію[2]) согласились на принятіе крещенія и всѣхъ обязанностей христіанства. Затѣмъ на одинадцатый день[3]) нѣмцы послали въ замокъ священника Готфрида[4]). Онъ благословилъ эстовъ и спросилъ: «Хотите ли вы отречься отъ служенія идоламъ и вѣрить въ единаго Бога христіанъ?» И когда они отвѣчали: «Хотимъ!», то онъ окропилъ ихъ святою

водою и сказалъ: «Потому вы и крещаетесь во имя Отца и Сына и святаго Духа!» По совершеніи этого, эстамъ былъ данъ миръ; послѣ же того какъ сыновья старшинъ были даны въ заложники, войско со всею добычею и плѣнными воротилось въ Ливонію, благословляя Господа за обращеніе язычниковъ, ибо имя Господне благословенно во вѣки.

Первый походъ ливонцевъ на островъ Эзель.

Отдохнувъ нѣсколько дней и собравшись съ силами, рижане снова собрались съ ливами и леттами и пошли по морскому льду, ибо море, вслѣдствіе сильныхъ продолжительныхъ морозовъ, крѣпко замерзло, и они направились на Озилію. И нашли дорогу чрезъ море очень хорошею. И раздѣлили свое войско и пошли по всѣмъ дорогамъ и деревушкамъ, гдѣ застали много народу, и мужчинъ всѣхъ перебили, а женщинъ, дѣтей и скотъ забрали съ собою. Они собрались у одного замка и бились съ тѣми, что были въ замкѣ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ ранили и убили. По причинѣ сильнаго мороза, они не могли, однакоже, взять замокъ, потому возвратились съ добычею и плѣнными тою же дорогою по льду. И нѣкоторые кричали, что за ними идетъ малева (эзельцы), другіе шли къ огню, а нѣкоторые отъ усталости и холода падали и умирали. Прочіе же здравыми пришли домой. § 9.

Какъ полоцкій князь Владиміръ грозилъ войною и скоропостижно умеръ.

Послѣ праздника Воскресснія Господня (послѣ 10 апрѣля 1216), послали эсты къ плоцекскому королю Вольдемару, чтобы онъ пришелъ съ войскомъ и осадилъ Ригу; сами же обѣщали воевать съ ливами и летами, чтобы задержать ихъ отъ поданія помощи рижанамъ и одновременно заградить гавань въ Динаминдѣ. И королю понравилось такое предложеніе коварныхъ, ибо онъ всегда искалъ, какъ бы побороть ливонскую церковь, и послалъ въ Россію и Летонію и созвалъ большое войско изъ русскихъ и леттовъ. И когда всѣ собрались и приготовились къ походу и самъ король хотѣлъ уже садиться на корабль, чтобы плыть вмѣстѣ съ войскомъ, онъ вдругъ упалъ и испустилъ духъ и умеръ скоропостижною и непредвидимою смертію. И все войско его разошлось и воротилось въ свои земли. § 10.

О сторожевомъ кораблѣ на Двинѣ и какъ эзельцы въ Астіервѣ получили добычу.

Когда тѣ, что были въ Ригѣ изъ дружины епископа и братья рыцарства услышали о замыслахъ эстовъ, то купили одну когу, § 11.

укрѣпили ее кругомъ на подобіе замка, посадили въ нее 50 человѣкъ съ самострѣлами и доспѣхами и поставили ее въ устьѣ Двины, дабы стеречь входъ въ гавань, чтобы озилійцы не пришли и не заперли входа, какъ прежде.

Когда же извѣстіе о смерти короля дошло въ Оэилію, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ озилійцы услышали, что стрѣлки и вооруженные люди стерегутъ Двинскую гаванъ, то пошли въ Салетзу, разграбили тутъ леттскія деревни до озера Астигерве, забрали въ плѣнъ женщинъ и перебили мужчинъ. И собрались нѣкоторые изъ леттовъ и преслѣдовали ихъ, и кого настигли, тогн убили, а другихъ преслѣдовали на корабляхъ.

И была церковь спокойною малое время и ожидала прибытія своего епископа.

Примѣчанія къ главѣ XIX.

§ 2. 1) Liburnae, мелкія суда?
2) Варіантъ: слугъ епископа.
3) Но выше упоминались только либурны.

§ 3. 1) Съ Зонтаганою. См. § 8.
2) См. гл. 16, 4.
3) Варіанты: Друнальдъ, Дриналъдъ, Друнвальдъ.
4) Начинается такое жн перечисленіе походовъ какъ и въ гл. 15, 7.

§ 4. 1) См. гл. 11, 7.
2) Варіанты: Какевальде и Какевальдусъ.

§ 5. 1) См. гл. 18, 1 и гл. 19, 7. — Иннокентій назначилъ соборъ на 1 ноября 1215 г.
2) На западномъ берегу Эзеля, гдѣ начинается полуостровъ Сворве?
3) Подобно тому какъ разсказано въ гл. 9, 11.
4) Преувеличено. Ср. гл. 15, 3.
5) Слѣд. Генрихъ находился тутъ; онъ былъ, вѣроятно, въ свитѣ Филиппа. См. гл. 16, 3 и гл. 18, 3.

§ 6. 1) Псал. 65, 10—12.
2) Не Верона-ли это? Провожалъ-ли Генрихъ епископа до Нероніи? По главѣ 20, 2 онъ снова появляется въ краѣ.

§ 7. 1) Альбертъ былъ во второй уже разъ въ Римѣ, см. гл. 15, 2. — Дитрихъ былъ въ четвертый разъ. — См. гл. 1, 12; гл. 4, 6; гл. 7, 5.

§ 8. 1) Такъ какъ девятидневная осада была безуспѣшна. Ср. гл. 30, 4.
2) ?
3) Варіантъ: на двадцатый день.
4) Лоддигерскаго священника. См. гл. 21, 7.

ГЛАВА XX.

Епископства Альберта восемнадцатый годъ.

Епископы Альбертъ и Дитрихъ въ десятый разъ прі-ѣзжаютъ въ Ливонію.

Наступилъ восемнадцатый годъ епископства Альберта (съ 1 марта 1216 г.). Отбывъ отъ римскаго двора и утѣшенный королемъ Фридрихомъ въ Гагеновѣ (Гагенау, сѣвернѣе Страсбурга)[1]), епископъ Альбертъ возвратился домой въ Ливонію съ эстонскимъ епископомъ Теодерихомъ[2]) и съ другими вѣрными рыцарями и пилигримами. Въ Динаминдѣ онъ засталъ своихъ мужей, оберегавшихъ гавань, которые разсказали ему о своихъ походахъ въ Эстонію, а также о смерти короля (Владиміра полоцкаго) и какимъ образомъ они были утѣшены во всѣхъ бѣдахъ своихъ. И была радость въ церкви какъ о прибытіи епископа, такъ и объ освобожденіи ея отъ русскихъ и другихъ народовъ. § 1.

О раздѣлѣ Эстоніи и о походѣ въ Гарріенъ.

И потомъ пошли епископы съ братьями рыцарства и сдѣлали раздѣлъ Эстоніи. Что этотъ раздѣлъ остался безъ исполненія, объ этомъ считаю безполезнымъ упоминать. § 2.

Я лучше разскажу, что рижане снова собрались съ ливами и леттами и магистръ Волквинъ съ его братьями и пилигримами, а также Теодерихъ[1]) съ епископскими мужами, и двинулись съ войскомъ, мирно однакоже, въ Саккалу, которая уже крещена была, и позвали къ себѣ старшинъ этой земли и, по совѣту ихъ, пошли на другихъ эстовъ, а тѣ старшины были ихъ про-

водниками. Въ день Успенія Пресвятыя Богородицы (15 авг.), они вступили въ Гаріонскую землю, которая лежитъ посреди Эстоніи[2]), гдѣ всѣ окрестные народы[3]) ежегодно собираются на собраніе въ Райгелѣ[4]). Придя сюда, наше войско разсѣялось по всѣмъ дорогамъ и деревушкамъ, все пожгло и опустошило, умертвило все, что было мужскаго пола, женщинъ и дѣтей въ плѣнъ забрало, много скота и лошадей обобрало. Наконецъ мы сошлись въ большой деревнѣ Лонѣ[5]), что лежитъ на ручъѣ посреди края, здѣсь мы отдыхали трое сутокъ, всю землю кругомъ опустошили и доходили до ревельскихъ деревень. На четвертый день они (эсты) сдѣлали засаду близь одной деревни и взяли въ плѣнъ девятъ человѣкъ (хрисгіанъ) и нѣкоторыхъ убили. И воротилось войско съ большою добычею и вело съ собою домой безчисленное множество воловъ и овецъ. За войскомъ большою толпою пошли эсты и хотѣли ударить ему въ тылъ, но жребій ихъ боговъ палъ на неблагопріятную сторону. И съ радостію воротились рижане въ Ливонію и мирно подѣлили между собою то, что принесли домой.

Князь псковскій Владиміръ опустошаетъ Унгаунію.

§ 3. Потомъ плоцековскіе русскіе недовольные угаунійцами за то, что они приняли крещеніе латинцевъ, а ихъ крещеніемъ[1]) пренебрегли, начали грозить угаунійцамъ войною и потребовали отъ нихъ оброковъ и податей[2]). Угаунійцы спрашивали у ливонскаго епископа, а также и у братьевъ рыцарства совѣта на этотъ счетъ и требовали ихъ помощи. Тѣ не отрекались, обѣщая жить и умереть вмѣстѣ.

По смерти великаго короля Вольдемара Плоцекскаго (полоцкаго), явился новый противникъ ливонской церкви, Вольдемаръ Плецековскій (псковскій)[3]). Онъ поднялся съ большимъ войскомъ плецековскихъ русскихъ (псковичей), пришелъ въ Угаунію и, сталъ у горы Одемпе[4]), послалъ свое войско по всѣмъ деревнямъ и окрестнымъ землямъ. Войско жгло и грабило всю землю и убило много мущинъ и увело въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. И былъ тутъ изъ нѣмцевъ нѣкто Исфридъ[5]), купецъ, который, потерявъ все свое имущество, бѣжалъ въ Ригу, гдѣ и разсказалъ объ этомъ.

Ливонцы дѣлятъ между собою Эстонію.

§ 4. Тогда собрались старшины рижанъ съ епископами и братьями рыцарства и, принявъ во вниманіе предстоящую войну съ русскими, сдѣлали дѣлежъ эстонскихъ провинцій, которые были подчинены ливонской церкви и крещены (Саккала, Унгаунія и часть Вика) и предоставили ливонской церкви и рижскому епи-

скопу третью часть всѣхъ доходовъ и податей, идущихъ съ Эстоніи, дабы онъ былъ участникомъ какъ въ трудахъ и войнахъ, такъ и въ утѣшеніяхъ; вторую часть обѣщали эстонскому епископу, а третью братьямъ рыцарства за ихъ труды и издержки[1]).

Литовцы занимаютъ Одемпе.

И снова пришли угаунійцы къ епископамъ и просили помощи противъ русскихъ. И послали епископы своихъ мужей съ братьями рыцарства въ Угаунію. Они собрали всѣхъ эстовъ этого края вмѣстѣ и застроили гору Одемпе[1]) вмѣстѣ съ ними и жили здѣсь и сильно укрѣпили замокъ, какъ противъ русскихъ, такъ и противъ другихъ народовъ, кои еще не были до сихъ поръ крещены. § 5.

Русскіе въ Толовѣ; унгаунійцы и нѣмцы въ новгородской области.

Пришли также, обычнымъ образомъ, русскіе въ землю толовскихъ леттовъ (Толову), чтобы собрать свой оброкъ[2]), по собраніи коего они сожгли замокъ Беверинъ[3]). Бертольдъ, магистръ венденскаго рыцарства, видя что русскіе поступаютъ какъ на войнѣ, ибо жгутъ леттскіе замки, послалъ въ погоню за русскими схватилъ ихъ и заточилъ въ темницу. Но когда пришли послы короля Ногардскаго (новгородскаго князя Мстислава), то заточенные были освобождены и съ почетомъ отправлены въ Россію.

Но угаунійцы хотѣли отмстить русскимъ и ополчились съ епископскими мужами, а также и съ братьями рыцарства, и пошли въ Россію къ Новгороду[4]). А такъ какъ земля не была предупреждена объ ихъ вторженіи никакимъ слухомъ, и русскіе въ это время праздновали день Крещенія (6 янв. 1217) пирами и попойками, потому угаунійское войско разсѣялось по всѣмъ дорогамъ и деревнямъ, перебило много народа, взяли въ плѣнъ.

Ливонцы со своими союзниками отправляются въ Ервенъ и Вирландъ; покореніе Ервена.

После праздника Крещенія Господня, рижане послали ко всѣмъ ливамъ и леттамъ, собрали большое войско, пошли въ Саккалу и взяли старшинъ этой земли въ проводники; пришли также угаунійцы съ ихъ нѣмцами. И они двинулись въ Гервенъ, разсѣяли свое войско по всѣмъ деревнямъ и краямъ этой земли и поразили эту землю великою карою, простояли въ деревнѣ Каретенѣ[1]) шесть сутокъ, пожгли и опустошили все кру- § 6.

томъ. И пошли въ Вирландъ тѣ, у кого были лошади посильнѣе, и опустошивъ точно также и эту землю, перебивъ мужчинъ и забравъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, воротились съ большою добычею къ своимъ въ Каретенъ. И пришли сюда старшины той герванской земли просить мира и чтобы они уходили изъ ихъ области. Но нѣмцы говорили имъ: «Если вы хотите истиннаго мира, то должны сдѣлаться дѣтьми истиннаго мироносца, который есть Христосъ, должны креститься, чѣмъ навсегда можете снискать наше братство». Герванцы, услышавъ то, обрадовались, и чтобы помириться съ рижанами, обѣщали принять отъ нихъ крещеніе и давать всегда оброкъ. Затѣмъ мы[2]) нѣкоторыхъ крестили и, взявъ мальчиковъ ихъ въ заложники, возвратились въ Ливонію со всею нашею добычею, прославляя Господа за обращеніе этаго народа.

Какъ русскіе со своими эстонскими союзниками осадили и взяли Оденпе; саккаланы нападаютъ на землю латышей.

§ 7. По возвращеніи ливонскаго войска изъ Гервена, ногардцы (новгородцы)[1]) собрали великимъ постомъ (съ 7 февр. 1218) большое войско русскихъ и съ ними пошелъ король Вольдемаръ Плесцековскій со своими горожанами. И они послали гонцовъ по всей Эстоніи сказать, чтобы эстонцы приходили осаждать нѣмцевъ и угаунійцевъ въ Одемпѣ. И пришли не только озилійцы и гарріонцы, но и саккаланы, кои уже прежде были крещены, въ надеждѣ сбросить съ себя иго нѣмцевъ и такимъ образомъ сбросить съ себя и крещеніе. И пошли русскіе и вмѣстѣ съ ними осадили замокъ Одемпе и бились съ нѣмцами и тѣми, что находилися въ замкѣ, семнадцать дней. И не могли имъ ничего подѣлать, ибо замокъ былъ очень крѣпокъ; епископскіе стрѣлки, находившіеся въ замкѣ, и братья рыцарства поранили много русскихъ и убили изъ своихъ самострѣловъ, но и русскіе стрѣлами изъ своихъ луковъ поранили нѣкоторыхъ въ замкѣ. И когда русскіе, по своему обычаю, пытались взять укрѣпленія горы открытою силою (штурмомъ), то были храбро отбиты нѣмцами и эстами и потеряли много своихъ мужей, которые тутъ были убиты.

И когда епископы съ братьями рыцарства услышали объ осадѣ своихъ, то послали къ осажденнымъ на помощь около 3000 человѣкъ, и пошелъ вмѣстѣ съ ними Вольквинъ, магистръ рыцарства, и Бертольдъ венденскій и Теодерихъ, братъ епископа, съ ливама и леттами и нѣкоторыми пилитрамими. И дойдя по озера Растегерве (нынѣ Рестьервъ между Валкомъ и Кароленомъ), они встрѣтили мальчика, который шелъ изъ замка. Они взяли его въ проводники и къ утру дошли до замка. Оставивъ ози-

лійцевъ на правой сторонѣ, они напали на русскихъ и сразились съ ними. И увидя большое и сильное войско, они отступили въ замокъ, ибо русскихъ и озилійцевъ было до 20 тысячъ: устрашившись ихъ числа, они вошли въ замокъ. И пали нѣкоторые изъ братьевъ рыцарства, храбрые мужи: Константинъ, Бертольдъ[2]) и Илья и нѣкоторые изъ епископской дружины, прочіе же здравыми вошли въ замокъ.

И при множествѣ людей и лошадей возникъ въ замкѣ голодъ и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и сѣнѣ: лошади отъѣдали хвосты другъ у друга. Но такой же недостатокъ произошелъ и въ русскомъ войскѣ, потому, наконецъ, на третій день русскіе начали переговоры съ нѣмцами. Былъ заключенъ миръ, по которому нѣмцы должны были очистить замокъ и итти назадъ въ Ливонію. И король Вольдемаръ позвалъ своего зятя Теодериха, чтобы онъ для скрѣпленія мира отправился съ ними въ Плецековъ (Псковъ). И Теодерихъ повѣрилъ ему и сошелъ къ нему. Но тутъ ногардцы выхватили Теодериха изъ его рукъ и повели его въ плѣнъ съ собою[3]). Нѣмцы же съ ливами и леттами, по заключеніи мира, вышли изъ замка и пошли домой въ Ливонію.

Саккаланы же между тѣмъ напали на землю леттовъ, опустошили тутъ деревни ихъ, увели людей съ Имеры въ плѣнъ и воротились въ Саккалу, не думая о прежде уже принятомъ таинствѣ и не заботясь о мирѣ, который они прежде заключили съ нѣмцами и который они нарушили.

Примѣчанія къ главѣ XX.

§ 1. 1) Фридрихъ былъ въ Гагенау 28 января и 20 марта 1216. — Оба епископа могли оставить Римъ еще въ 1215 г.

2) Дитрихъ былъ въ Кельнѣ 27 апрѣля 1216, слѣд. въ Ригу вмѣстѣ съ Адьбертомъ не могъ прибыть ранѣе какъ въ маѣ мѣсяцѣ.

§ 2. 1) Братъ епископа.

2) Гаріенъ отдѣляется отъ моря Ревельскою землею.

3) Жаль, что они не поименованы.

4) Варіантъ: Ругеле, Рауголе. — Нынѣ деревня Раела, близь имѣнія Райкюль, въ Рапельскомъ кирхшпилѣ.

5) Нынѣ деревня и имѣніе Лоаль.

§ 3. 1) Варіантъ: ихъ, которое есть греческое. — Сравни гл. 11, 7.

2) Оброки и подати, конечно, одно и тоже. Ср. § 4.

3) Въ гл. 18, 2 сказано объ оставленіи Ливоніи Владиміромъ.

4) О сожженіи замка ливонцами, см. гл. 14, 6.

5) См. гл. 16, 1.

§ 4. 1) Здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду: 1) земли не были раздѣлены, такъ какъ владѣніе ими было еще весьма не вѣрно; 2) меченосцы допущены къ раздѣлу, конечно, въ виду предстоявшей войны съ русскими; 3) эстонскія земли были завоеваны не одними меченосцами.

§ 5. 1) Русскіе слѣд. не остались здѣсь,
2) См. гл. 11, 7; гл. 18, 3.
3) См. гл. 12, 6.
4) По русскимъ лѣтописямъ на Шелонскую область напали литовцы.

§ 6. 1) См. гл. 15, 7.
2) Генрихъ слѣд. былъ тутъ.

§ 7. 1) Мстислава въ это время уже не было въ Ногородѣ.
2) То кажется, былъ Бертольдъ Венденскій: обо немѣ дальше нигдѣ уже не упоминается, на его же мѣстѣ является Рудольфъ.
3) Русскіе лѣтописи тоже упоминаютъ объ этомъ событіи: Новгородцы убили въ сраженіи двухъ нѣмецкихъ предводителей, а третьяго (должно быть Дитриха) взяли въ плѣнъ.

ГЛАВА XXI.

Епископства Альберта девятнадцатый годъ.

Дальнѣйшая вражда между Новгородомъ и Саккалою; епископъ Альбертъ въ десятый разъ уѣзжаетъ въ Германію; прибытіе въ Ливонію графа Лауенбургскаго.

Девятнадцатый годъ (съ 1 марта 1217 г.) епископства Альберта пошелъ
И ливонскій край отъ войны покоя не нашелъ.

§ 1. Вышеназванный преосвященный епископъ послалъ своего посла какъ въ Ногардію, такъ и въ Саккалу для утвержденія (послалъ ратификацію) мира, заключеннаго въ Одемпе, и для ходатайства о своемъ братѣ Теодорихѣ. Но они (русскіе), однакоже, преисполненные надменности и гордости, и въ гордости своей высокомѣрные, не только не обращали вниманія на просьбу епископа и на миръ съ нѣмцами, но напротивъ сговаривались съ эстами и обдумывали какимъ бы образомъ подавить нѣмцевъ и разрушить ливонскую церковь.

Вышеназванный епископъ, когда провѣдалъ про это, то отправился съ отъѣзжавшими домой пилигримами въ Германію, ввѣривъ и на этотъ разъ Ливонію защитѣ Господа Іисуса Христа и его Матери. Описывая всѣмъ бѣдствія войны и потери своихъ, епископъ напоминалъ, что храбрые и благородные мужи могли бы стать каменьщиками предъ домомъ Господнимъ и по принятіи креста пилигримствовать (предпринять поломничество) въ Ливонію ради прощенія грѣховъ. И услышалъ графъ Альбертъ Ловенборгскій[1]) о всемъ злѣ, какое русскіе съ эстонцами причиняли ливовской церкви, и, по принятіи креста

прощенія грѣховъ ради, онъ со своими рыцарями и искусными и благородными мужами отправился въ Ливонію и прибылъ сюда съ абатомъ Бернардомъ Динаминдскимъ и пилигримами, хотя и немногочисленными. И графъ Альбертъ былъ принятъ съ большею радостію. Его положилъ Господь въ колчанѣ своемъ, яко стрѣлу избранну[3]), и послалъ въ оное время въ Ливонію для освобожденія своей церкви отъ супостатовъ ея.

Новое ополченіе русскихъ; ливонцы побѣждаютъ эстовъ въ Саккалѣ; смерть эстонскаго предводителя Лембита.

§ 2. По прибытіи его въ Ригу, эсты послали русскимъ очень много подарковъ и просили, чтобы русскіе приходили съ войскомъ разрушать ливонскую церковь. Но въ это время великій король ногардскій, Миславъ, отправился воевать съ королемъ венгерскимъ за королевство Галацію (Галицкое княжество), и на своемъ мѣстѣ въ Ногардѣ оставилъ новаго короля[1]) Онъ послалъ своего посла въ Эстонію и обѣщалъ, что придетъ туда съ королемъ Вольдемаромъ и очень многими другими королями. И радовались тому эстонцы и послали по всей Эстоніи и собрали войско, чрезвычайно большое и сильное, и стали у Палы въ Саккалѣ. Ихъ начальникъ и старшина Лембитъ, созвалъ всѣхъ со всѣхъ земель, и пришли къ нимъ какъ ротальцы, такъ и гаріонцы, какъ вирландцы, такъ и ревельцы, герванійцы и саккаланы, и было ихъ шесть тысячь. И ждали они прибытія русскаго короля пятнадцать дней (съ 6 по 20 сентября 1217) въ Саккалѣ[2]).

Рижане, услышавъ объ ихъ собраніи, ополчились и быстро двинулись на нихъ съ цѣлію предупредить приходъ русскихъ, и пошли съ рижанами графъ Альбертъ со своими рыцарями и слугами, Волквинъ магистръ рыцарства, со своими братьями, Бернардъ, абатъ динаминдскій, пробстъ Іоганнъ, ливы и летты, а также и Каупо, самый вѣрный, который никогда не пропускалъ ни боя Господня, ни походовъ. Всѣ они подошли къ Саккалѣ, гдѣ было мѣсто молитвы и сбора войска, и было ихъ почти три тысячи избранныхъ мужей. И построились нѣмцы по средней дорогѣ, ливы же стали на право, леттамъ же дали на правленіе на лѣво. И послали другихъ по деревнямъ; тѣ захватили нѣкоторыхъ людей и узнали отъ нихъ о множествѣ эстонскаго войска, а также и о томъ, что оно само идетъ на встрѣчу нѣмцамъ и готово къ бою. Услышавъ это, нѣмцы осторожно и въ добромъ порядкѣ двинулись и при наступленіи вечера (20 сентября) стали у замка Филинда (Феллина). Отдохнувъ здѣсь всю ночь и отслушавъ обѣдню, они пошли въ день апостола Матѳея (21 сентября) противъ враговъ и нашли,

что тѣ передвинулись въ другія мѣста.[4]) Они тотчасъ же пошли вслѣдъ за эстами, и когда эсты вдругъ показались изъ лѣсовъ и стали готовиться къ бою, то они пришли на нихъ, и бились нѣмцы на средней дорогѣ, гдѣ былъ большій и сильнѣйшій отрядъ эстовъ, и частію на лошадяхъ и частью пѣшкомъ наступая на эстонскій строй, пробились посреди ихъ, разбили отрядъ ихъ и обратили его въ бѣгство. Летты, сражавшіеся на лѣвомъ крылѣ, § 3. мужественно напали, одновременно съ нѣмцами, на своихъ противниковъ. Противъ нихъ стали саккаланы съ Лембитомъ и прочими старшинами, которые многихъ изъ леттовъ поранили, нѣкоторыхъ убили и долго противились имъ, храбро сражаясь. Но когда саккаланы увидѣли, что средній отрядъ обращенъ въ бѣгство нѣмцами, то также дали тылъ, и летты преслѣдовали ихъ, многихъ изъ нихъ перебили, а прочіе бѣжали. И Веко, братъ Ровоама[1]), узналъ Лембита и преслѣдовалъ и убилъ его и взялъ его платье, а прочіе отрубили ему голову, которую и взяли съ собою въ Ливонію.[2]) И пали тутъ также другіе саккальскіе старшины, Воттель, Манивальдъ со многими другими. Ливы же, что стояли на правомъ крылѣ, видя, что копья эстовъ жестоко летятъ на нихъ, примкнули къ нѣмцамъ и вмѣстѣ съ нѣмцами преслѣдовали бѣгущихъ. Эсты же, выступившіе противъ ливовъ, напали на тѣхъ изъ нашихъ, кои наступали имъ въ тылъ, но были мужественно отражены и обращены въ бѣгство. По обращеніи въ бѣгство всѣхъ эстовъ, ливы, летты и саккалы преслѣдовали ихъ и перебили ихъ въ лѣсахъ столь много, что считали убитыхъ почти съ тысячу, даже несчетное число, ибо не могли сосчитать убитыхъ въ лѣсахъ и болотахъ, и взяли у эстовъ около двухъ тысячъ лошадей и все оружіе и добычу, и на слѣдующій день (22 сентября) все взятое подѣлили поровну между собою.

О блаженной кончинѣ Кауно.

Кауно же, у котораго оба бока были пробиты копьемъ, § 4. благовѣрно размышлялъ о страданіяхъ Господнихъ и причастившись тѣла Господня, испустилъ духъ, исповѣдуя христіанскую вѣру, имѣніе же свое онъ передъ тѣмъ все[1]) раздѣлилъ церквамъ, находившимся въ Ливоніи. И наложили на себя трауръ по немъ какъ графъ Альбертъ, такъ и аббатъ и всѣ, что съ ними были. И сожгли его тѣло, а кости принесли въ Ливонію и погребли ихъ въ Куббезелѣ.[2])

Новое покореніе Саккалы.

Послѣ сраженія, войско пришло къ Палѣ въ деревню Лем- § 5.
бита и стояло здѣсь трое сутокъ, и послали ливовъ и леттовъ

опустошать и жечь всѣ окрестныя страны. И пришелъ къ нѣмцамъ братъ Лембита, Уннепевъ, съ другими, что остались въ живыхъ, и просили о возобновленіи прежняго мира. И нѣмцы говорили имъ: «За то, что вы пренебрегли принятымъ таинствомъ святаго крещенія и вѣру Христову опорозили замыслами съ язычниками и русскими, за то самое Господь покаралъ васъ. Теперь же возвращайтесь вѣрно ко Христу и мы снова примемъ васъ въ общеніе нашей братской любви». И это понравилось имъ, когда же они дали заложниковъ, то имъ вторично былъ данъ миръ[1]) съ условіемъ, чтобы они въ точности исполняли повинности христіанства. Послѣ того войско со всею своею добычею воротилось въ Ливонію и за столь знаменитую, дарованную ему Богомъ побѣду славило Господа Бога, препрославленнаго во вѣки.

Походъ на Эссель не осуществился; походъ къ сѣверу Салиса и покореніе Вика.

По возвращеніи съ побѣды надъ саккаланами, графъ Альбертъ желалъ предпринять другой походъ[2]) въ Озилію и приказалъ строить большую машину и готовиться въ путь. Но въ эту зиму (1217—18 г.) войско хоть и не разъ собиралось, но шли дожди, ледъ на морѣ прошелъ, и потому войско не могло пристать къ Озиліи, которая есть островъ въ морѣ.

За тѣмъ наконецъ великимъ постомъ (съ 3 марта 1218 г.) рижане вмѣстѣ съ ливами и леттами выступили въ походъ противъ другихъ эстовъ. Придя къ Салетзѣ и выславъ впередъ соглядатаевъ, они встрѣтились съ озилійцами. Озилійцы, чуть лишь узнали войско рижанъ, какъ обратились въ бѣгство. Рижане со всѣмъ своимъ войскомъ преслѣдовали ихъ цѣлый день[3]), а на слѣдующій день вступили въ викскую землю, которая лежитъ у Озиліи[4]). Раздѣливъ войско по всѣмъ дорогамъ, они опустошали землю, умертвили всѣхъ мущинъ, какихъ только настигли, повели женщинъ и дѣтей въ плѣнъ, захватили скотъ и много добычи, предавъ пламени деревни и дома. Собравшись вмѣстѣ, войско отдыхало нѣсколько дней по срединѣ земли. И пришли къ нимъ старшины Ганіальскіе (нынѣ кирхшпиль Ганнель у большаго пролива) и Коццо и со всѣхъ земель, что находятся отъ Роталіи до Ревеля и Гаріена, и просили о томъ, что служитъ къ миру, дабы рижане вышли изъ ихъ краевъ. И рижане говорили: «Если вы окропитесь святою водою и сдѣлаетесь вмѣстѣ съ нами дѣтьми нашего мироносца, который есть Христосъ, тогда мы заключимъ съ вами прочный миръ и примемъ своими братьями.» Эсты, услышавъ то, радовались, дали заложниковъ и подчинились ливонской церкви, обязавшись принять крещеніе и платить ежегодный оброкъ. По дарованіи имъ

мира, рижане воротились домой съ большою добычею, славя Бога за покореніе такого народа.

Ервенъ подчиняется снова.

После вторичнаго возвращенія саккаланъ къ христіанской вѣрѣ, пришли также герванійцы, тоже вторично,[1]) и подчинились рижской церкви предъ графомъ Альбертомъ[2]) и всѣми рижскими старшинами и дали своихъ мальчиковъ въ заложники, обѣщаясь принять таинство крещенія и всегда платить ливонской церкви оброкъ или мѣру хлѣба, которая установлена была вмѣсто десятины[3]). И они воротились (изъ Риги) въ свою землю, радуясь спокойствію мира. § 6.

Эзельцы въ Метзеполѣ и Лодигерѣ и какъ священникъ Готфридъ сражался съ ними.

Въ это самое время ополчились озилійцы и пришли въ Метзеполь съ войскомъ и было ихъ до тысячи человѣкъ изъ лучшихъ людей, и они опустошили всю землю въ Метзеполѣ. И потомъ они вторглись въ другой приходъ въ Ледегорѣ и опустошили окрестную землю, убили нѣкоторыхъ мужей, увели въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Когда они приближались къ дому священника, то ихъ увидѣлъ Годфридъ[1]), священникъ, который поспѣшно сѣлъ на своего коня, убѣжалъ отъ нихъ, объѣхалъ свой приходъ и созвалъ всѣхъ мущинъ на бой съ язычниками, послалъ также ночью по сосѣднимъ приходамъ, чтобы они на слѣдующій день приходили на бой. И пришелъ Везике[2]) со своими ливами, а также нѣкоторые епископскіе слуги изъ Бределанта[2]), собрались вмѣстѣ и преслѣдовали озилійцевъ. И было только семь человѣкъ нѣмцевъ изъ епископскихъ слугъ, а восьмой былъ священникъ Годфридъ. Онъ препоясался своимъ оружіемъ и возложилъ на себя доспѣхи какъ исполинъ, ибо желалъ похитить своихъ овецъ изъ пасти волковъ. И они напали на тылъ озилійцевъ и убили нѣкоторыхъ. Но тѣ, оборотившись, долго противились и поранили очень многихъ изъ нѣмцевъ. Но наконецъ послѣ продолжительнаго боя озилійцы обратились въ бѣгство, и пало ихъ около сотни, а другіе бѣжали. И епископскіе слуги съ ливами преслѣдовали озилійцевъ чрезъ Салетзу по тѣсной дорогѣ у моря и отобрали у нихъ до четырехъ сотъ лошадей, которыхъ послѣ съ добычею раздѣлили между собою и благословляли Господа, одержавшаго побѣду надъ противниками посредствомъ немногихъ. § 7.

Примѣчанія къ главѣ XXI.

§ 1. 1) Начиная съ XXI, всѣ главы, за исключеніемъ 27 и 28, начинаются двустишіями.

2) Лауенбургскій. Въ другихъ сочиненіяхъ онъ называется Альбертомъ Орламюндскимъ, Гольштейнскимъ, Нордальбингинскимъ и пр. Онъ былъ племянникомъ датскаго короля Вольдемара II и его вѣрнымъ помощникомъ. На пилигримство въ Ливонію онъ рѣшился еще во времена папы Иннокентія III (ум. въ іюнѣ 1216 г.); Генорій III въ январѣ 1217 г. устранилъ препятствіе къ тому.

3) См. Неліи гл. 49, 2.

§ 2. 1) Сына Мстислава Романовича, Святослава, который прибылъ въ Новгородъ, по русскимъ лѣтописямъ, 1 августа 1217 г.

2) Варіантъ: пять дней. — Русскіе пришли только въ слѣдующемъ году. См. гл 22, 2, 3.

3) Locus orationis et colloquiorum exercitus. Сравни гл. 22, 2; 23, 9; 27, 2. Обыкновенное сборное мѣсто было близь Саккалы у Зедды; графъ Альбертъ въ 1217 г. приказалъ построить здѣсь мостъ.

4) Въ какія же? По риѳмованной хроникѣ это сраженіе происходило въ 1½ миляхъ отъ Феллина.

§ 3. 1) См. гл. 12, 6.

2) Какъ знакъ побѣды. — См. гл. 9, 4.

§ 4. 1) Все-ли имѣніе — или всѣмъ церквамъ? Кауно, по видимому, не оставилъ послѣ себя наслѣдниковъ, хотя родъ Ливеновъ ведетъ свое начало отъ него и, по преданію, дочь Кауно была замужемъ за родоначальникомъ Унгернъ-Штернберговъ.

2) Обычай сожиганія труповъ (см. гл. 2, 2) былъ осуждаемъ церковію. Въ этомъ случаѣ сожгли тѣло, быть можетъ, для того, чтобы не погребать его въ языческой землѣ. Кости не были-ли погребены въ Кремонской церкви? См. гл. 10, 11. — Въ риѳмованной хроникѣ невѣрно сказано, что Копе былъ смертельно раненъ въ битвѣ и умеръ отъ раны дома. — Позднѣйшія сказанія о погребеніи Кауно въ Икскульской церкви, о мечѣ и шпорахъ его, принадлежатъ къ вымысламъ.

§ 5. 1) Сравн. гл. 18, 7.

2) Ливонцы предпринимали уже одинъ походъ на Эзель. См. гл. 19, 9.

3) По морскому берегу. См. § 7 и гл. 14, 10.

4) Зонтагана была покорена по гл. 19, 8; но оставалась-ли она покойною по гл. 21, 2?

§ 6. 1) По гл. 20, 6 крестились лишь нѣкоторые.

2) За отъѣздомъ епископа графъ былъ главнымъ лицомъ въ Ливоніи. Ср. гл. 23, 10. — Епископъ Дитрихъ (см. гл. 21, 1) выѣхалъ также съ Альбертомъ.

3) См. гл. 15, 5 и гл 16, 5.

§ 7. 1) См. гл. 19, 8.

2) См. гл. 16. 4.

3) См. гл. 18, 3, 8.

ГЛАВА XXII.

Епископа Альберта двадцатый годъ.

Епископы Альбертъ и Дитрихъ и другіе просятъ датскаго короля Вольдемара о помощи противъ эстовъ и русскихъ. Новое пилигримство изъ Германіи.

Двадцатый годъ (съ 1 марта 1218 г.) епископства пошелъ
И ливовъ край отъ войнъ покоя не нашелъ.

Въ этомъ году вышеназванный рижскій епископъ и вмѣстѣ § 1.
съ нимъ епископъ эстонскій и аббатъ Бернардъ, въ этомъ году посвященный въ санъ епископа семигальскаго, съ графомъ Альбертомъ, возвратившимся изъ Ливоніи, пришли къ королю датскому[1]) и убѣдительно просили его, дабы онъ въ слѣдующемъ году послалъ въ Эстонію свой флотъ для обузданія эстовъ и для противодѣйствія нападеніямъ русскихъ на ливонскую церковь. И король, услышавъ о большой войнѣ русскихъ и эстовъ противъ литовцевъ, обѣщалъ прійти въ слѣдующемъ году въ Эстонію какъ въ честь Пресвятыя Дѣвы, такъ и ради прощенія грѣховъ своихъ[2]). И радовались тому епископы. И снова удалился (отъ короля) преосвященный епископъ ливонской церкви Альбертъ и собралъ пилигримовъ и проповѣдывалъ имъ прощеніе грѣховъ и послалъ ихъ въ Ливонію, да станутъ они предъ домомъ Господа въ день сраженія и юную церковь да защищаютъ отъ язычниковъ. Самъ же епископъ въ этомъ году не поѣхалъ въ Ливонію, дабы прибыть на будущій годъ съ сильнѣйшими и многочисленнѣйшими, и поставилъ на свое мѣсто гальверштатскаго декана, который съ благороднымъ мужемъ вентской земли Ген-

рихомъ Боревиномъ[3]) и нѣкоторыми другими пилигримами отправился въ Ливонію, дабы окончить тутъ годъ своего пилигримства.

Несостоявшійся походъ противъ ревельскихъ эстовъ; сраженіе съ 16,000 русскихъ.

§ 2. Послѣ праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, когда уже спали лѣтніе жары, былъ объявленъ походъ противъ ревельцевъ и гаріенцевъ, которые пребывали все еще мятежными и были свирѣпѣе прочихъ (эстовъ). И соединились рижане съ ливами и леттами и пошелъ съ ними Генрихъ Боревинъ и магистръ Волквинъ со своими братьями и подошли къ Саккалѣ, гдѣ были мѣста молитвы и сборовъ войскъ и гдѣ графъ Альбертъ построилъ мостъ (чрезъ Имеру), и здѣсь то положили опустошить ревельскую землю. Пройдя въ слѣдующіе дни чрезъ Саккалу, они подошли къ замку Филинде, и тутъ къ нимъ воротились ихъ соглядатаи, которыхъ они посылали созвать старшинъ тѣхъ земель, дабы тѣ (старшины) по обычаю служили имъ проводниками; соглядатаи привели съ собою русскихъ и озилійскихъ пословъ, которыхъ они захватили въ деревняхъ. Послы эти были отправлены русскими для сбора войска по всей Эстоніи и для того, чтобы, когда войско соберется, привести его къ русскому войску, съ тѣмъ чтобы соединенными силами итти на Ливонію. И поставили пословъ среди народа и спрашивали, за чѣмъ они были посланы; тѣ отвѣчали, что большое войско русскаго короля завтра выступаетъ изъ Унгауніи и пойдетъ на Ливонію, они же, послы, были за тѣмъ посланы, чтобы привести къ русскимъ эстонское войско. Получивъ это извѣстіе, ливонское войско тотчасъ же пошло назадъ по той самой дорогѣ, по которой оно пришло, а въ слѣдующіе дни пошло на встрѣчу русскимъ въ Унгаунію по дорогѣ въ Пуйдизъ[1]).

Русскіе весь день переходили черезъ рѣку, называемую Матерью Водъ (Амовжа, Эмбахъ) и также пошли навстрѣчу ливонцамъ; тутъ вдругъ пришли къ намъ наши соглядатаи и сказали, что русское войско уже приближается къ намъ. Мы поспѣшно ополчились и построили войско такимъ образомъ, что ливы и летты должны были сражаться пѣшіе, нѣмцы же на своихъ лошадяхъ. Построивъ войско, мы пошли на русскихъ. И когда мы подошли, то тѣ изъ нашихъ, что были впереди, тотчасъ же напали на русскихъ и бились съ ними и обратили ихъ въ бѣгство, и, храбро преслѣдуя бѣгущихъ, взяли знамя великаго короля ногардскаго (Святослава), а также взяли два другія знамени другихъ королей и убили мужей, несшихъ знамена. И нѣкоторые русскіе пали на дорогѣ то тутъ, то тамъ; все наше войско шло за ними до тѣхъ поръ, пока наконецъ ливы

и летты, шедшіе пѣшкомъ, утомились, и каждый изъ нихъ сѣлъ на своего коня и преслѣдовали русскихъ.

Но русскіе, пробѣжавъ около двухъ миль, достигли небольшой рѣчки, переправились чрезъ нее, и здѣсь остановились, собрали все свое войско и стали бить въ литавры и трубить въ трубы. И король Вольдемаръ Плесцековскій съ королемъ Ногардскимъ обходили войско и ободряли его къ бою. Нѣмцы же, побивая русскихъ до рѣчки, также остановились, ибо ничего не могли подѣлать предъ многочисленностію русскихъ и не могли переправиться чрезъ рѣчку, потому они также собрались на небольшомъ холмѣ у рѣчки и стали поджидать прибытія своихъ, кои шли сзади. И войско построилось вторично, такъ что одни пѣшими, а другіе на коняхъ должны были стать противъ русскихъ. И который изъ ливовъ и леттовъ доходилъ до небольшаго холма у рѣчки, гдѣ были построены отряды, и видѣлъ многочисленность русскаго войска, то тотчасъ, будто его кто нибудь дубиною ударилъ по спинѣ, шелъ вспять и обращался въ бѣгство, и такъ бѣжали одинъ за однимъ, будто русскія стрѣлы летятъ уже на нихъ, пока наконецъ всѣ побѣжали. И остались нѣмцы одни, коихъ числомъ было только двѣсти человѣкъ; но и изъ тѣхъ часть выдѣлилась, такъ что осталась едва сотня человѣкъ и вся тяжесть боя пала на нихъ. Русскіе начали переправляться чрезъ рѣчку и нѣмцы дозволили то; когда же переправилось порядочное число, то нѣмцы тотчасъ же погнали ихъ назадъ къ рѣчкѣ и нѣкоторыхъ изъ нихъ убили. Другіе русскіе снова перешли чрезъ рѣчку и напали на нѣмцевъ, но также были прогнаны. Какой-то силачъ изъ ногардцевъ переправился чрезъ рѣчку, чтобы высмотрѣть расположеніе нашихъ, обошелъ издали ливовъ и встрѣтился съ Теодорихомъ Кукенойскимъ (рыцаремъ); рыцарь отсѣкъ ему правую руку, въ которой онъ держалъ мечъ, преслѣдовалъ бѣгущихъ и убилъ его, а прочіе перебили прочихъ; всякаго кто ни переходилъ чрезъ рѣчку, нѣмцы поражали и такимъ образомъ бой у рѣчки происходилъ отъ девятаго часа дня до солнечнаго заката. Ногардскій король, увидя, что изъ его войска убито уже около пятидесяти человѣкъ, запретилъ своимъ переходитъ чрезъ рѣчку, и все войско русскихъ удалилось къ своимъ огнямъ (на ночлегъ). Нѣмцы же всѣ, здравые и невредимые, съ пѣніемъ пошли домой по своей дорогѣ, безъ однаго рыцаря Генриха Боревина, который палъ, раненый стрѣлою, и другаго одного летта, Веко (см. г. 21), который, прислонившись къ дереву, долго бился одинъ съ девятью русскими, пока наконецъ раненый сзади палъ и умеръ. Всѣ прочіе ливы и летты возвращались домой безъ всякой потери; изъ нихъ многіе, выйдя изъ лѣсовъ, куда они убѣжали, снова при-

соединились къ нѣмцамъ, когда они проходили по ихъ дорогѣ, и вмѣстѣ съ нѣмцами радовались, что ихъ столь малое число спаслось отъ такого множества русскихъ. И всѣ славили милосердіе Спасителя, который ихъ вывелъ и освободилъ изъ рукъ противниковъ, а также и за то, что они, при маломъ числѣ своихъ, убили почти пятьдесятъ человѣкъ русскихъ и забрали ихъ оружіе, добычу и лошадей. Русскихъ же было шестнадцать тысячъ вооруженныхъ человѣкъ, которыхъ великій король ногардскій созвалъ со всей Россіи въ теченіе двухъ лѣтъ съ лучшимъ оружіемъ, какое было въ Россіи.

Какъ русскіе вступили въ земли ливовъ и леттовъ и осаждали замокъ Венденъ.

§ 4. Спустя три дня они (русскіе) пошли въ Ливонію. И прежде всего они опустошили леттскія (латышскія) деревни по Имерѣ и сожгли церкви ихъ и затѣмъ собрались у замка Уреля[1]). Простоявъ здѣсь двое сутокъ, они на третій день пришли во дворъ священника Алебранда въ Раупѣ, какъ то Вольдемаръ однажды предсказывалъ ему. Здѣсь русскіе простояли трое сутокъ и сожгли всѣ окрестныя церкви какъ ливовъ, такъ и идумейцевъ, и опустошили всѣ земли и деревни, полонили женщинъ и дѣтей, а всѣхъ мущинъ, коихъ только настигали, убили, и хлѣбъ, свезенный со всѣхъ полей, сожгли. И пришелъ Герсеславъ (Ярославъ), сынъ Вольдемара, съ войскомъ и осадилъ братьевъ рыцарства въ Венденѣ, и бились съ ними весь этотъ день. И на слѣдующій день онъ переправился чрезъ Койву и двинулся къ королю ногардскому и къ своему отцу въ Идумею, ограбилъ и опустошилъ землю леттовъ и идумейцевъ и ливовъ и другихъ и причинилъ зло, какое только могъ сдѣлать.

Рижане, услышавъ про все зло, какое русскіе причинили въ Идумеѣ, снова ополчились съ Волквиномъ, магистромъ рыцарства, съ Генрихомъ Боревиномъ, съ пилигримами и ливами[3]), и пришли въ Торейду и созвали къ себѣ мужей съ окрестныхъ земель, чтобы снова итти въ бой съ русскими.

Они послали также соглядатаевъ къ нимъ; тѣ тотчасъ же нашли отрядъ русскихъ въ Иммекулѣ[4]) и преслѣдовали его до
§ 5. Раупа. Русскіе воротились къ своимъ и сказали, что идетъ нѣмецкое войско.

Получивъ это извѣстіе, русскіе тотчасъ обратились къ онымъ мѣстамъ[1]), переправились чрезъ Койву, осадили Венденскій замокъ (Альтъ-Венденъ) и бились съ венденцами цѣлый день. Братья рыцарства свезли орудія изъ своего замка (Ней-Венденъ) въ Венденъ и самострѣлами убили много русскихъ и большое число народа переранили; многіе благородные мужи, тяжело раненые,

были унесены съ боя полумертвыми на носилкахъ между двумя лошадьми. Но магистръ венденскаго рыцарства со своими братьями за день предъ тѣмъ пошелъ къ собранію нѣмцевъ. Между тѣмъ все русское войско осадило замокъ рыцарей. Вслѣдствіе того они (рыцари) ночью осторожно прошли посреди враговъ и вступили въ свой замокъ. Когда наступило утро и король ногардскій увидѣлъ, что много его благородныхъ мужей ранено, а другіе убиты и видя также, что ему одному не взять Венденскаго замка, хотя этотъ замокъ былъ самый малый изъ всѣхъ замковъ, какіе были въ Ливоніи, то сказалъ братьямъ рыцарства, что онъ готовъ мириться. Но братья рыцарства не обращали вниманія на такое предложеніе и самострѣлами заставили русскихъ отступить. Такимъ образомъ русскіе, изъ опасенія нападенія шедшихъ на нихъ нѣмцевъ, отступили отъ замка, шли цѣлый день пока пришли въ Трикатуу и поспѣшно вышли изъ края. Придя въ Унгаунію, они услышали, что леттонское § 6.
войско вторглось въ Россію, при возвращеніи же въ Плесцековъ они нашли часть этого города опустошенною летонами[1]).

Набѣгъ латышей на Россію.

Тутъ ополчились нѣкоторое летты съ немногими и вторглись § 7.
въ Россію, гдѣ опустошили деревни и людей перебили, а другихъ въ полонъ взяли и забрали добычу, и, въ отмщеніе за своихъ, причинили всякое зло, какое только могли причинить. И когда они воротились домой, то въ Россію опять пошли другіе летты и не оставили въ ней причинить зло, какое только могли сдѣлать.

Гарріийцы съ русскими предъ Венденомъ; эзельцы на Двинѣ.

Озилійцы также имѣли намѣреніе прійти съ другими эстами § 8.
одновременно съ русскими въ Ливонію, чтобы разорять церкви. Но ихъ намѣренія, вслѣдствіе сраженія нѣмцевъ съ русскими, разстроились: саккаланы не пришли, не пришли также озилійцы, явились только гаріенцы. Они съ нѣкоторыми другими пришли къ русскимъ подъ Венденъ и отступили вмѣстѣ съ ними.

Но озилійцы вошли въ Двину на корабляхъ, взяли въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ съ островов, много скота ограбили и убили одного отшельника, который вышелъ изъ Динаминда и велъ отшельническую жизнь на одномъ сосѣднемъ островѣ, гдѣ ждалъ борьбы на свое мученичество. Борьба совершилась и онъ счастливо и несомнѣнно перенесся въ общеніе святыхъ.

Псковичи притворно желаютъ мира; походъ ливонцевъ въ ревельскую землю.

И плесцековскіе русскіе прислали посла въ Ливонію сказать, что они хотятъ заключить миръ съ нѣмцами. Но то были

лишь ихъ умыслы, всегда злые, съ эстами и преисполненные всякаго обмана.

§ 9. Рижане, замѣтивъ то, послали къ ливамъ и леттамъ и собрали войско, чтобы итти на эстовъ. И около начала великаго поста (около 19 февраля 1219 г.) они пришли къ Залетзѣ и тутъ былъ Волквинъ, магистръ рыцарства, съ Генрихомъ Боревиномъ, были пилигримы, ливы и летты, и шли по морскому льду пока не дошли до Зонтагана. И когда изъ этого замка вышли проводники, то войско всю ночь шло къ ревельской землѣ. И подулъ противъ нихъ холодный сѣверный вѣтеръ и наступилъ такой сильный холодъ, что у многихъ морозъ повредилъ наружныя части ихъ членовъ: одни поотмораживали себѣ носы, другіе руки, иные ноги и у всѣхъ у насъ[1]), когда мы впослѣдствіи воротились домой, сошла кожа съ лица и отросла новая, а нѣкоторые послѣ умерли. Но они раздѣлили войско на три отряда; одинъ отрядъ былъ ввѣренъ Везике съ его ливами, и ему велѣно итти лѣвою дорогою (составить лѣвое крыло), летты составили правое крыло, а нѣмцы, по обычаю, двигались среднею дорогою (главный корпусъ). И Везике оставилъ свою дорогу и со своими ливами пошелъ передъ нѣмцами по средней дорогѣ. Ливы утромъ до разсвѣта зажгли первую встрѣтившуюся имъ деревню, чтобы обогрѣться у огня. И этотъ огонь увидѣли эсты со всей земли и тотчасъ смекнули, что то ливонское войско, и всѣ разбѣжались по своимъ убѣжищамъ. Когда за ливами пришли нѣмцы и нашли деревню сожженою предъ разсвѣтомъ, то думали, что проводникъ сбился съ дороги и убили его тутъ. Когда же наступило утро, они разошлись по окрестнымъ деревнямъ и пожгли ихъ, и перебивъ однихъ и взявъ въ плѣнъ другихъ, они захватили много скота и добычи, вечеромъ же сошлись въ деревнѣ, называемой Ладизе[2]). Переночевавъ тутъ, они пошли въ другую, сосѣднюю деревню, называемую Кульдаль, на слѣдующій день шли дальше, и много получили добычи. На четвертые сутки они прошли по морскому льду (море тутъ близко было) со всею добычею и плѣнными, къ тому мѣсту, по сосѣдству съ которымъ нынѣ датчане построили свой замокъ (Ревель). И шли мы назадъ по льду десять дней; плѣнные и добыча мѣшали намъ итти скорѣе, а также мы поджидали озилійцевъ или другихъ эстовъ, не будутъ-ли они преслѣдовать насъ. Придя къ Залетзѣ, мы подѣлили между собою всю добычу, и съ радостію воротились въ Ливонію, яко веселятся побѣдители, дѣлящіе корысти[3]).

Примѣчанія къ главѣ XXII.

§ 1. 1) 24 іюня 1218 г. происходило въ Шлезвигѣ коронованіе Вальдемара, сына короля датскаго Вальдемара II. Въ рейхстагѣ присутствовало 15 епископовъ, въ томъ числѣ и епископы Альбертъ и Дитрихъ.

2) А также и для расширенія своихъ владѣній и лундскаго архіепископства. Помощь датчанъ, прибѣгнуть къ которой, быть можетъ, совѣтовалъ графъ Альбертъ, подвергла ливонскую церковь большой опасности. Король датскій былъ уже на Эзелѣ. См гл. 10, 3.

3) Генрихъ Борвинъ, сынъ мекленбургскаго князя Генриха Борвина I, подчиненнаго Даніи.

§ 2. 1) Полагаютъ, что это есть южная оконечность Вирцъервскаго озера.

§ 4. 1) Нынѣ имѣніе Ореллепъ, близъ Роопа.

2) См. гл. 18, 2.

3) Двинскими ливами?

4) Нынѣ имѣніе Инцеемъ между Роопомъ и Трейденомъ.

§ 5. 1) Гдѣ стояли лагеремъ въ теченіе трехъ сутокъ. См. § 4.

§ 6. 1) Святославъ вскорѣ послѣ этого былъ изгнанъ изъ Новгорода, его мѣсто заступилъ его братъ Всеволодъ. См. гл. 25, 2

§ 9. 1) Генрихъ слѣд. былъ въ этомъ походѣ.

2) Нынѣ имѣніе Лайцъ, въ Низискомъ кирхшпилѣ.

3) Исаіи гл 9, 3.

ГЛАВА XXIII.

Епископства Альберта двадцать первый годъ.

Воинскій годъ. Епископъ Альбертъ при одиннадцатой поѣздкѣ привозитъ съ собою въ Ливонію герцога Альберта Саксенъ Ангальтскаго съ другими.

Двадцать первый годъ (съ 1 марта 1219 г.) епископства пошелъ
И ливскій край отъ войнъ покоя не нашелъ.

§ 1. Ибо въ этомъ году было предпринимаемо много походовъ и война возобновилась.

При возвращеніи вышеназваннаго епископа изъ Германіи, съ нимъ прибыли въ Ливонію многіе и благородные пилигримы, изъ коихъ важнѣйшимъ былъ Альбертъ Саксонскій, герцогъ изъ Ангальта[1]), Родольфъ Стотльскій[2]), одинъ бургграфъ, одинъ молодой графъ и очень много другихъ, кои изъявили готовность защищать церковь и стать предъ домомъ Господнимъ въ день боя.

Король датскій Вольдемаръ побѣждаетъ эстовъ у Линданиза; смерть епископа эстонскаго Дитриха, Весцелинъ его преемникъ. Покореніе ревельской области.

§ 2. Въ это время ополчился также датскій король съ большимъ войскомъ, и пошелъ съ нимъ преосвященный архіепископъ лундской церкви Андрей, и епископъ Николай (шлезвигскій) и одинъ третій епископъ (Петръ ааргунскій), канцлеръ короля, былъ съ ними также эстонскій епископъ Теодорихъ, посвященный до того времени въ Ригѣ, который оставилъ ливонскую церковь и присталъ къ королю, и Вицлавъ (сынъ Яромира, владѣтеля рюгенскаго и части Помераніи), славянскій князь, со своими. Всѣ съ ихъ вой-

скомъ высадились въ ревельской провинціи и стали въ Линданизѣ, замкѣ ревельцевъ, и сломали старый замокъ и начали строить другой, новый[1]). И ревельцы и гаріонцы собрали противъ нихъ большое войско и послали своихъ старшинъ къ королю съ коварными мирными словами, и повѣрилъ имъ король, незнавшій ихъ коварства, и далъ имъ подарки, и епископы крестили эстовъ и отослали ихъ домой съ друзьями[2]). Когда тѣ возвратились къ своимъ, то эсты, спустя три дня (15 іюня 1219 года) пришли со всѣмъ своимъ войскомъ вечеромъ, когда уже всѣ отъужинали, и напали на датчанъ съ пяти сторонъ и нежданно сразились съ ними. И нѣкоторые изъ эстовъ, думая, что король находится въ палаткѣ, въ которой былъ преосвященный эстонскій епископъ Теодорихъ, бросились въ палатку и убили епископа[3]) И другіе эсты преслѣдовали другихъ датчанъ и убили многихъ изъ нихъ. Но господинъ Венецлавъ (Венцеславъ) со своими славянами стоялъ въ долинѣ, находившейся при спускѣ горы къ морю, и замѣтивъ приближеніе эстовъ, тотчасъ же пошелъ имъ на встрѣчу и сразился съ ними, и обратилъ ихъ въ бѣгство, и преслѣдовалъ ихъ, поражая и убивая ихъ по дорогѣ. Когда же прочіе эсты, преслѣдовавшіе датчанъ, увидѣли бѣгство тѣхъ, что сражались со славянами, то въ свою очередь остановились и прекратили преслѣдованіе датчанъ. Датчане тотчасъ же соединились съ королемъ и съ нѣкоторыми бывшими съ нимъ нѣмцами, пошли на эстовъ, храбро сразились съ ними и эсты побѣжали предъ ними. Обративъ всѣхъ эстовъ въ бѣгство, датчане съ нѣмцами и славянами пошли за бѣжавшими и убили изъ нихъ, посредствомъ немногихъ, болѣе тысячи человѣкъ, а прочіе бѣжали. И король и епископы возблагодарили Господа Бога за дарованную имъ побѣду надъ язычниками. На мѣсто же вышесказаннаго епископа Теодориха они поставили капелана Весцелина[4]). По окончаніи замка и оставленіи людей (гарнизона) въ немъ, король отправился домой въ Данію, а епископы съ королевскими мужами остались тутъ. Весь этотъ годъ они сражались съ ревельцами, до тѣхъ поръ пока тѣ наконецъ приняли таинство крещенія[5]).

Мезотенскіе семигалы принимаютъ христіанство.

По возвращеніи епископа въ Ливонію съ его пилигримами, § 3.
пришли къ нему семигалы изъ Мезіота[1]) и просили у епископа помощи противъ летоновъ. И епископъ сказалъ: «Если вы креститесь и примете христіанскій законъ, то мы дадимъ вамъ помощь и примемъ васъ въ наше братское общеніе». И тѣ отвѣчали: «Принявъ крещеніе, мы, конечно, не избѣгнемъ опасности отъ прочихъ семигаловъ и отъ неукротимости летоновъ, потому

пришли къ намъ своихъ мужей въ нашъ замокъ для защиты отъ нападеній. Они могутъ оставаться у насъ, и преподать намъ какъ таинство крещенія, такъ и научить христіанскому закону». Понравился такой отвѣтъ епископу и рижанамъ, и епископъ послалъ съ ними своего посла, дабы получить согласіе тѣхъ что оставались дома. И приходили тѣ семигалы снова и часто и просили именно, что сказано выше. Тогда наконецъ возсталъ епископъ съ герцогомъ саксонскимъ и нѣкоторыми другими пилигримами, съ пробстомъ церкви св. Маріи и со своими мужами, и отправился въ Семигалію, мирно сталъ у замка Мезіота и созвалъ къ себѣ семигаловъ этой мѣстности. Тѣ, повинуясь епископу, всѣ вмѣстѣ пришли, какъ обѣщали, приняли евангельское ученіе, и крестилось мущинъ около трехъ сотъ, не считая женъ и дѣтей. И была радость о ихъ обращеніи. За тѣмъ епископъ, по ихъ просьбѣ, оставилъ въ замкѣ Мезіотѣ своихъ мужей съ нѣкоторыми пилигримами, а другихъ послалъ въ Ригу привести оттуда на кораблѣ все что нужно было. Самъ же онъ съ герцогомъ и другими воротился въ Ригу.

Непріязненныя дѣйствія семигала Вестгарда Терветенскаго; мученическая смерть Зегегарда

§ 4. Теперь же, Вестгардъ[1]), старшина другихъ семигаловъ изъ сосѣдней земли, называемой Терветеномъ[2]), услышавъ о принятіи мезіотскими семигалами христіанства, собралъ войско со всей своей области, нарушилъ миръ, подошелъ къ замку и цѣлый день бился съ нѣмцами. И они (семигалы) сложили костеръ, подожгли его, но не могли взять замка и храбро бились. И племянникъ Вестгарда былъ убитъ стрѣлою. Огорченный потерею племянника, Вестгардъ со своимъ войскомъ немедленно отступилъ отъ замка. И онъ услышалъ, что другіе нѣмцы плывутъ на кораблѣ рѣкою Миссою[3]). Онъ поспѣшно пошелъ противъ нихъ, и придя къ одному мѣсту, гдѣ рѣка имѣла небольшую глубину, онъ захватилъ человѣкъ 30 или нѣсколько больше нѣмцевъ, и убилъ ихъ, прочіе же убѣжали въ Ригу. Между нѣмцами былъ Зегегардъ, священникъ цистерціенскаго ордена, посланный въ помянутый замокъ изъ Динаминда въ службу епископа Бернарда, епископство котораго (т. е. мѣстопребываніе) было назначено въ томъ мѣстѣ. Находясь на берегу и видя приближающихся язычниковъ, онъ покрылъ голову капюшономъ и ждалъ дикихъ язычниковъ. Вручая духъ свой Господу, онъ былъ убитъ съ прочими, коихъ души, безъ сомнѣнія, утѣшатся у Христа въ сонмѣ мучениковъ, ибо дѣло ихъ свято было, такъ какъ они прибыли крестить язычниковъ и насадить виноградникъ Господень, кото-

рый они воздѣлали своею кровью, и потому души ихъ причтены на небесахъ къ лику святыхъ.

Отпаденіе мезотенскихъ семигаловъ.

Когда нѣмцы, находившіеся въ замкѣ, услышали объ избіеніи своихъ, то, неимѣя ничего нужнаго на годъ, а также имѣя въ виду неукротимую ненависть семигаловъ, летоновъ и куровъ къ христіанскому имени, собрались со своими, очистили замокъ и ушли въ Ригу. Семигалы же, уже крещеные, отпали отъ христіанства, и забывъ принятое таинство, соединились съ другими семигалами и вмѣстѣ съ ними и летонами вступили въ заговоръ и союзъ противъ рижанъ, ливовъ и всѣхъ христіанъ. И всѣ они, какъ крещеные, такъ и язычники, собрались вмѣстѣ въ названный замокъ, окопали его и сильно укрѣпили. Они пошли также въ походъ противъ гольмскихъ ливовъ и начали убивать и грабить ихъ. Ливы въ свою очередъ вошли въ ихъ землю и причинили имъ подобное же зло.

И услышалъ епископъ и герцогъ саксонскій Альбертъ объ избіеніи своихъ и о всемъ злѣ, какое причинили семигалы, и послалъ по всѣмъ ливамъ и летамъ и приказалъ имъ готовиться къ походу, для отмщенія язычникамъ[4]).

Набѣги латышей и псковичей другъ на друга.

Между тѣмъ кукенойскіе летты и нѣкоторые другіе летты § 5.
братьевъ рыцарства, Мелюкъ и Варигрибъ, памятуя о злѣ, какое въ прошломъ году причинили въ Ливоніи плесцековскіе русскіе и ногардцы, пошли въ Россію, гдѣ ограбили деревни и мущинъ перебили, женщинъ въ плѣнъ взяли, и всю плесцековскую землю опустошили. Когда тѣ воротились домой, пошли въ Россію другіе и причинили подобное же зло, и много добычи принесли домой. И они оставили свои плуги и пребывали въ русской землѣ, преслѣдуя русскихъ въ поляхъ, лѣсахъ и деревняхъ, хватая и убивая ихъ, и недавали имъ покоя, и забрали ихъ лошадей и скотъ и женщинъ.

Русскіе же изъ Плесцекова (псковичи) около осени (1219) собрали войско и пришли въ землю леттовъ и ограбили ихъ деревни, и пришли въ земли Мелюка и Варригриба и опустошили все что тѣ имѣли, пожгли хлѣбъ и не оставили причинить всякое зло, какое только могли сдѣлать.

О новомъ покореніи сревнцевъ.

И послалъ магистръ венденскаго рыцарства (Рудольфъ) ко всѣмъ леттамъ чтобы они приходили изгнать русскихъ изъ края. Но когда русскіе отступили, то показалось леттамъ, что изъ

§ 6. преслѣдованія русскихъ они мало что выиграютъ. И направили свое войско въ Саккалу и взявъ саккаланъ съ собою, перешли чрезъ Палу, вторглись въ Гервенъ и поразили край этотъ великою казнію, убили мущинъ, схватили женщинъ, взяли лошадей, скотъ и множество добычи, говоря, что гервенцы ходили на помощь ревельцамъ противъ датчанъ. И пришли тамъ къ Родольфу, магистру рыцарства, старшинѣ оной гервенской земли и говорили, что они уже давно (въ 1218 г.) заключили миръ съ рижанами предъ графомъ Альбертомъ, приняли тоже крещеніе отъ него, и просили Родольфа, чтобы онъ вывелъ свое войско изъ ихъ земли. И получилъ Родольфъ ихъ мальчиковъ въ заложники и возобновилъ миръ съ ними съ тѣмъ, чтобы они всѣ повинности, принятыя до того на себя, и вѣру и законы христіанъ впредь соблюдали. И они сказали братьямъ рыцарства, чтобы тѣ поскорѣе приходили назадъ, чтобы вмѣстѣ съ ними итти въ Вирландъ, дабы и на эту землю наложить иго христіанства. Братья рыцарства обѣщали притти и воротились со всею добычею въ Ливонію.

Походъ на вирландцевъ и крещеніе ихъ.

§ 7. Послѣ гервенскаго похода братья венденскаго рыцарства призвали къ себѣ епископскихъ слугъ, фохта Гергарда[1]) со всѣми ливами и леттами и молодаго графа[2]) изъ епископской дружины съ прочими рижанами, и отправились въ Саккалу, взяли съ собою саккаланъ, а также унгаунійцевъ, и двинулись впередъ въ Гервенъ, выбрали себѣ проводниковъ изъ гервенцевъ и всю ночь шли чрезъ Вирландъ, плодоносную и живописную и имѣющую прекрасныя ровныя поля землю, а за ними шли гервенійцы какъ конные, такъ и пѣшіе. И вирландцы не провѣдали, что на нихъ идетъ ливонское войско, и всѣ находились въ своихъ деревняхъ и домахъ. При наступленіи утра, войско разсѣялось по всей землѣ и было предоставлено опустошать одни мѣста гервенійцамъ, другія унгаунійцамъ, а другія ливамъ и леттамъ[3]). И они застали весь народъ во всемъ Вирландѣ въ деревняхъ и избили все отъ большаго до малаго, и не пощадили никого изъ мужескаго пола, взяли въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, согнали множество лошадей и скота, забрали множество добычи. И нѣмцы устроили свое собраніе въ большой деревнѣ, называемый Турме[4]), ливы и летты собрались на маю (собраніе) въ Ависпѣ[5]), саккаланы стали лагеремъ въ ревельской землѣ, гервенійцы расположились на отдыхъ въ своей землѣ, унгаунійцы опустошили сосѣднюю имъ землю, называемую Пудивиру[6]), и тутъ остановились. Послѣ пятидневнаго сильнаго опустошенія всей земли и избіенія многихъ тысячъ людей, къ намъ[7]) пришли наконецъ зем-

скіе старшины, спасшіеся бѣгствомъ, и усердно просили мира. И говорилъ Родольфъ, магистръ братьевъ рыцарства: «Желаете-ли вы мира, который столь часто[8]) нарушали вашими войнами? Но миръ вамъ не будетъ данъ, кромѣ мира того истиннаго мироносца, который сотворилъ обоя едино, связалъ земное съ небеснымъ и привелъ къ миру нисходящему съ неба, подобно царю, жданному народами, ваше чаяніе и ваше спасеніе, который повелѣлъ своимъ ученикамъ и говорилъ: шедше въ міръ весь, научите всѣ языки, крестите ихъ. Если вы креститесь и будете вмѣстѣ съ нами поклоняться единому Богу христіанъ, то мы дадимъ вамъ тотъ миръ, который оставилъ Спаситель своимъ ученикамъ и примемъ васъ навсегда въ наше братское общеніе». Понравилось имъ это слово и они тотчасъ же сказали, что искренно желаютъ принять на себя всѣ повинности христіанъ и крещеніе отъ рижанъ.

Былъ между ними Табелинъ, прежде еще крещеный нашими въ Готландѣ[9]), и Киріаванъ другой, который просилъ, чтобы мы ему дали добраго Бога и говорилъ, что онъ до настоящаго времени имѣлъ злаго бога. Этотъ самый человѣкъ былъ до этого времени очень несчастенъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, но, крестившись, сдѣлался очень счастливымъ человѣкомъ, какъ то мы послѣ узнали, и всякое благополучіе пришло ему вмѣстѣ съ крещеніемъ. На его настоятельныя просьбы мы тамъ обѣщали ему милосердаго Бога, который дастъ ему временное для довольства въ настоящей жизни и въ будущемъ вѣчную жизнь. И онъ увѣровалъ намъ, и мы его тотчасъ же катехизировали, и Родольфъ, магистръ рыцарства, былъ крестнымъ отцомъ ему. И въ то самое время, когда мы должны были совершить надъ ними священное миропомазаніе, раздался большой крикъ и началась бѣготня нашего войска по всѣмъ улицамъ, говорили, что противъ насъ идетъ большая толпа (малева) язычниковъ. Мы тотчасъ же прекратили совершеніе миропомазанія и другихъ таинствъ, обратились къ служенію мечу и щиту, поспѣшили въ поле, построили наши отряды противъ враговъ и съ нами стояли вирландскіе старшины. А толпа, которую мы считали непріятелями, приближалась къ намъ, были же то саккаланы, наши собратья, возвращавшіеся къ намъ со всею добычею. Тогда воротились мы и докончили крещеніе, крещеніе же прочихъ отложили до своего времяни. И данъ былъ миръ, мы же, получивъ заложниковъ съ пяти провинцій Вирланда[10]), двинулись обратно въ Ливонію со всѣми плѣнными и добычею, славя Господа за обращеніе язычниковъ. И за нами слѣдовали въ Ригу пять старшинъ пяти вирландскихъ провинцій; старшины приняли крещеніе и предали себя и весь Вирландъ Пресвятой Маріи и ливонской

церкви. И по утвержденіи мира они радостно воротились домой въ Вирландъ.

Осада и покореніе Мезотена.

§ 8. Послѣ праздника Рождества Христова (въ 1219 г.) собрались старшины ливонской церкви и объявили походъ противъ отступническаго народа, что скопился въ Мезіотѣ, но выступленію помѣшалъ дождливый южный вѣтеръ. Они снова собрались послѣ праздника Срѣтенія Господня (послѣ 2 февраля 1220 г.) и созвали большое войско изъ земель ливовъ и леттовъ. Съ ними во главѣ былъ преосвященный епископъ ливонскій[1] съ герцогомъ саксонскимъ и всѣми пилигримами, магистръ рыцарства со своими братьями. И съ четырьмя тысячами нѣмцевъ и съ другими четырьмя тысячами ливовъ и леттовъ они двинулись на Гольмъ, везя съ собою большую машину (стѣнобитную) и другія машины поменьше и прочія орудія для осады замка. Идя всю ночь и устроивъ войско на Миссѣ (семигальской границѣ), они двигались далѣе къ замку, взяли деревню, находившуюся по пути[2]), забрали добычу, осадили замокъ и дѣлали нападеніе на него въ теченіе многихъ[3]) дней. Нѣкоторые изъ нихъ строили больверкъ, другіе устанавливали стѣнобитныя машины, другіе взялись за самострѣлы, иные построили ежа[4]) и начали подрываться подъ валъ; другіе натаскали дровъ въ ровъ и потащили сюда больверкъ и подъ нимъ другіе рылись. Много семигаловъ въ замкѣ было ранено каменьями, другіе ранены стрѣлами, и многихъ ливы и летты убили камнями съ больверка. Мятежныя толпы не переставали однакоже отражать нападеніе. Тогда наконецъ установили большія машины и начали ими бросать большіе камни въ замокъ; когда же осажденные въ замкѣ увидѣли величину камней, то пришли въ большой ужасъ. Герцогъ самъ направлялъ машину. Онъ метнулъ первый камень и имъ разгромилъ вышку осажденныхъ и перебилъ людей, находившихся въ ней. Онъ сдѣлалъ второй выстрѣлъ и имъ повалилъ на землю досчатый заборъ и деревянныя части укрѣпленія. Выстрѣлилъ въ третій разъ и камнемъ раздробилъ три большіе дерева укрѣпленія (т. е. самыя крѣпкія части деревяннаго укрѣпленія), людей поранилъ и перебилъ. Видя то, осажденные бѣжали съ передоваго укрѣпленія въ замокъ и искали тамъ безопаснаго мѣста. Но не находя нигдѣ убѣжища, начали просить о пощадѣ, умоляя о дозволеніи сойти къ епископу. Имъ дали миръ и дозволили выходъ; тогда вышли изъ замка Маде и Гайде съ прочими (старшинами). Имъ сказали, что для сохраненія ихъ жизни они должны сдать замокъ со всѣмъ, что находилось въ немъ. Непонравилось имъ такое рѣшеніе, они воротились въ замокъ, и

бой начался ожесточеннѣе прежняго. Были пущены въ ходъ всѣ средства для осады; рыцари возложили на себя доспѣхи, вмѣстѣ съ герцогомъ взошли на валъ, чтобы овладѣть верхнимъ краемъ замка, но были отражены тѣми полумертвыми, что находились въ замкѣ. Тогда осаждающіе нанесли много дровъ, подложили огня и наступили на вѣроломныхъ со всѣхъ пунктовъ, пока наконецъ осажденные, утомившись, покорились на слѣдующее утро и, выходя одинъ за однимъ изъ укрѣпленія, сдавались нашему войску, преклоняя шеи.

Около полудня, когда число вышедшихъ изъ укрѣпленія достигло до двухъ сотъ, вотъ внезапно подходитъ Вестгардъ со своими семигалами и летонами, съ большимъ войскомъ, вышедшимъ изъ лѣсовъ, съ цѣлію напасть на насъ. И мы тотчасъ построили наши отряды противъ нихъ, а у замка поставили нашихъ. И пришли нѣкоторые безумные изъ нашихъ, число же ихъ не можетъ исчислиться, схватили тѣхъ старшинъ, что вышли изъ замка, и убили ихъ сотню и больше безъ вѣдома господъ (всадниковъ), которые вышли въ поле на битву съ язычниками. Но Вивальдъ, аскратскій старшина, подошелъ ближе къ непріятелямъ и крикнулъ, что они могутъ выходить въ поле на бой съ нѣмцами. Однакоже они (литовцы) сказали: «Мы получили отъ семигаловъ плату за то, что придемъ посмотрѣть на ваше войско. Теперь мы видѣли ваше войско и потому возвращаемся домой въ свою землю, ибо не желаемъ нарушать заключеннаго [5]) съ вами мира».

Послѣ ухода летоновъ, нѣмцы обратились къ замку и нашли старшинъ убитыми. Остававшіеся въ замкѣ, увидя, что ихъ старшины убиты, не хотѣли уже выходить изъ него. Начался новый бой. Полетѣли стрѣлы; ливы и летты убили копьями съ больверка многихъ изъ осажденныхъ. Разложили огонь; подкопанный валъ съ укрѣпленіемъ палъ уже на землю. Осажденные, видя невозможность дальнѣйшей защиты, всю ночь усердно просили дать имъ такое ручательство мира, чтобы они могли выйти изъ замка и сохранить жизнь. Епископъ съ герцогомъ и всѣмъ войскомъ сжалился надъ ними и послалъ къ нимъ въ замокъ знакъ святаго креста (распятіе). И осажденные повѣрили имъ и обѣщали впредь никогда не безчестить таинство святаго крещенія, и вышли изъ замка съ женами и дѣтьми, и разошлись по своимъ деревнямъ. Войско же вошло въ замокъ, забрало деньги, имущество, лошадей и скотъ; ливы и летты ничего тутъ не оставили, но все взяли съ собою. Сжегши замокъ, они со всею добычею воротились въ Ливонію, благодаря Бога за отмщеніе, причиненное этому коварному народу, который, измѣнивъ своему слову, отрекся отъ вѣры во Христа, посмѣялся крещенію и безъ страха снова запятналъ себя языческими обычаями.

Походъ противъ гаррійцевъ; пораженіе эзельцевъ въ Ервенѣ у Карреды.

По возвращеніи изъ Семигаліи, рижане снова вспомнили все зло, часто причиняемое ливонской церкви гаріенцами и озилійцами и, давъ въ теченіе двухъ недѣль отдыхъ какъ себѣ, такъ и лошадямъ, снова собрали большое войско изъ ливовъ, леттовъ и нѣмцевъ, и былъ съ ними герцогъ Альбертъ саксонскій ихъ старшина (начальникъ) и магистръ Вольквинъ со своими братьями и Теодорихъ, братъ епископа, съ прочими мужами церкви. И всѣ вмѣстѣ пришли въ Саккалу, гдѣ было мѣсто сбора войскъ и молитвы [1]), и по отслушаніи тутъ обѣдни, они пошли къ Палѣ, куда созвали саккаланъ и унгаунійцевъ, а также гервенцевъ и взяли себѣ проводниковъ изъ нихъ. И раздѣлили все войско на три отряда и, бросивъ жребій, ливы получили дорогу на лѣво (составили лѣвое крыло), эсты же по жребію получили дорогу на право (правое крыло), нѣмцы же съ леттами, по обыкновенію [2]), взяли для себя срединный путь (составили центръ войска).

И такъ поднялись мы [3]) утромъ предъ разсвѣтомъ и двинулись срединнымъ путемъ въ Нурмегундъ и когда солнце взошло, предъ нашимъ лицомъ поднимался огонь и сильный дымъ въ гервенской землѣ. Но гервенцы уже подчинились ливонской церкви, ихъ сыновья были заложниками въ Ливоніи и они изъявили готовность какъ ежегодно платить свой оброкъ, такъ и принять крещеніе. То были озилійцы: они собрали большое войско и жребіемъ пытали волю своихъ боговъ итти ли имъ биться съ датчанами въ Ревель или же напасть на гервенскую землю, и палъ жребій на гервенцевъ. И послалъ ихъ Господь Богъ въ тотъ самый день, когда мы пришли. И въ это самое утро они разсѣяли свое войско по всѣмъ деревнямъ и начали грабить и жечь ихъ. Нѣкоторые изъ нашихъ [4]) увидѣли огонь и дымъ, именно герцогъ Альбертъ со своими рыцарями и магистръ Волькв инъ со своими братьями, и они возложили на себя доспѣхи и двинулись въ Гервенъ на супостатовъ. Найдя всѣ деревни сожжеными и опустошенными, они поспѣшили за озилійцами, и на пути встрѣчали нѣкоторыхъ гервенійцевъ, бѣгствомъ спасавшихся отъ враговъ, и каждый изъ встрѣчныхъ гервенійцевъ приносилъ извѣстіе и говорилъ: «Великою казнію поразили озилійцы нашу землю, спасся я одинъ, чтобы вамъ сказать про то» [5]). Услышавъ о врагахъ христіанскаго имени, мы поспѣшили ударить на нихъ и черезъ девять часовъ захватили четверыхъ изъ нихъ, которые жгли деревню. Убивъ ихъ и взявъ лошадей, мы быстро двинулись на прочихъ, и съ леттами, легкими на преслѣдованіе, пошли на деревню, называемую Каретенъ [6]), гдѣ было ихъ собраніе — мая

Подходя сюда, мы увидѣли, что сильные отряды ихъ вдругъ выходятъ въ поле на бой съ нами. И испуская громкіе вопли и ударяя въ щиты, они двинулись на насъ, а за ними пошли тѣ, что оставались въ деревнѣ. И увидя малое число нашихъ, они набѣгали на насъ и бросали на насъ свои копья. Но и летты и тѣ, что съ нами были, которые пришли первыми и еще были въ небольшомъ числѣ, также кричали и набѣгали на озилійцевъ и бросали въ нихъ свои копья. Но наша дорога была скользка отъ замерзшаго снѣга [7]) и одинъ слѣдовалъ за другимъ и по этой причинѣ нѣмцы далеко отстали назади и до сихъ поръ не приходили, и намъ первымъ тяжело приходилось отъ ихъ замедленіе. И такъ, въ надеждѣ на Господа, мы построили леттовъ на лѣвомъ крылѣ, нѣмцы же, подходившіе по дорогѣ по одиночкѣ, строились направо. И мы очень обрадовались, когда увидѣли приближающимся знамя братьевъ рыцарства, а за нимъ большое знамя герцога. И герцогъ, увидѣвъ малое число нашихъ и множество противниковъ, спросилъ: «Это-ли враги Христа?» И кто-то отвѣчалъ: «Это-они». И онъ сказалъ: «Идемъ на нихъ!» И тотчасъ же они съ братьями рыцарства и другими нѣмцами и леттами быстро двинулись на озилійцевъ, ворвались въ средину ихъ и убивали ихъ на право и на лѣво, и озилійцы валились предъ ними на всѣ стороны подобно сѣну, падающему предъ косцемъ на землю. И избивали ихъ до деревни и бѣгущихъ преслѣдовали по улицамъ и въ домахъ, вытаскивали изъ домовъ и убивали, озилійцы взлѣзали на дома и защищались полѣньями, ихъ стаскивали оттуда и предавали всѣхъ острію меча, и не хотѣли никого щадить. И выбѣжали захваченные въ плѣнъ озилійцами женщины гервенійцевъ и били также дубинами озилійцевъ, которые уже прежде были убиты, и говорили: «Бьетъ тебя Богъ христіанъ!» И преслѣдовали ихъ нѣмцы изъ деревни въ поле и гнали ихъ до рощи ихъ (гервенцевъ) и священную рощу ихъ обагрили кровію многихъ убитыхъ. Летты же, слѣдовавшіе за ними у деревни, пересѣкли дорогу нѣкоторымъ бѣжавшимъ, настигали ихъ то тутъ, то тамъ и убивали, отбирая лошадей и добычу. И воротились летты на мѣсто битвы, забравъ множество лошадей, платья и добычи. Плѣнныхъ же съ женщинами и дѣтьми отдали гервенійцамъ, но лошадей однако и другую всю добычу нѣмцы и летты подѣлили между собою по ровну, — благословляя Господа за столь знаменитую побѣду надъ язычниками, совершенную рукою немногихъ. На мѣстѣ сраженія было убитыхъ около 500 человѣкъ, а на поляхъ и дорогахъ убитыхъ было больше. У насъ же пали двое и у леттовъ двое: братъ Руссина и братъ Дривинальда изъ Астигерва, молодой графъ изъ епископской дружины и одинъ

рыцарь герцога. Да благословится ихъ память, и души ихъ должны почивать во Христѣ!

Вторженіе въ Гарріенъ и первыя распри съ датчанами въ Эстоніи. — Гаррійскія пещеры.

Ливы же, что шли на лѣво по другой дорогѣ и эсты, что были направлены на право, не пришли къ сраженію, и потому въ раздѣлѣ добычи не участвовали. Но они шли всю ночь прямо по своей дорогѣ и вошли въ Гарріенъ. При наступленіи утра, войско ихъ разошлось по деревнямъ, гдѣ перебило мущинъ, полонило женщинъ и забрало много добычи. За ними на слѣдующій день пришли нѣмцы съ леттами и причинили такое же зло и назначили свое собраніе (сборный пунктъ) въ деревнѣ Лонѣ, находящейся въ срединѣ края, ливы же устроили свою маю (собраніе) въ другомъ мѣстѣ, а саккаланы стали у Ревеля. Они преступили запрещеніе старшинъ и опустошили ревельскую землю, которая уже приняли датскую проповѣдь. Но Варбольцы прислали къ намъ просить о мирѣ, и чтобы мы вышли изъ ихъ земли. И магистръ Вольквинъ говорилъ: «Если вы вмѣстѣ съ нами будете чтить единаго Бога, уловитесь въ сѣти святаго крещенія и дадите вашихъ сыновей въ заложники, то мы заключимъ съ вами всегдашній миръ». И понравились эти слова варбольцамъ и они дали заложниковъ.

§ 10. И наши послали также своихъ пословъ къ преосвященному архіепископу Андрею и къ другимъ датскимъ епископамъ и королевскимъ мужамъ, которые находились въ ревельскомъ замкѣ. Тѣ тотчасъ же прислали королевскихъ мужей къ намъ, которые принесли Господу Богу и намъ благодареніе за пораженіе язычниковъ, какъ озилійцевъ, такъ и гаріенцевъ и къ этому присовокупили, что вся Эстонія принадлежитъ датскому королю, такъ какъ она передана ему ливонскими епископами и потребовали, чтобы варбольскіе заложники были переданы имъ (датчанамъ). Но магистръ Вольквинъ, утверждая, что ему ничего неизвѣстно о подаркѣ Эстоніи датскому королю, объявилъ герцогу саксонскому и всѣмъ, которые сюда пришли съ послами, что вся Эстонія должна быть приведена подъ иго христіанской вѣры рижанами посредствомъ хоругви Пресвятой Дѣвы, за исключеніемъ лишь ревельской земли и острова Озиліи, и говорилъ: «Хотя заложниковъ теперешней гаріенской земли мы и представляемъ вашимъ отцамъ и этимъ желаемъ оказать честь королю датскому, но предоставляемъ съ тѣмъ однакоже, чтобы чрезъ то права рижанъ ни въ чемъ не умалились». Мы отпустили тутъ заложниковъ этой земли и воротились съ нашею добычею домой въ Ливонію.

Добыча ливовъ была необыкновенно велика; эту добычу они получили, когда овладѣли подземными пещерами гаріенцевъ, въ которыхъ они всегда искали себѣ убѣжища; при входѣ въ пещеры они разложили огонь и денно и ночью поддерживали его, такъ что всѣ находившіеся въ пещерѣ мущины и женщины задохлись отъ дыма; тогда они вытаскивали изъ пещеръ кого умиравшаго, кого полумертваго, кого мертваго, добивали ихъ, а другихъ взяли въ плѣнъ и изъ пещеръ забрали все ихъ имущество, деньги, одежду, добычи во множествѣ. Задушенныхъ же обоего пола людей во всѣхъ пещерахъ простиралось до тысячи душъ.

И за тѣмъ воротились ливы съ нѣмцами домой, благословляя Господа за то, что Онъ гордыя сердца гаріенцевъ покорилъ христіанской вѣрѣ.

Епископъ Германъ эстонскій; непріязнь къ нему короля Вольдемара.

Въ этомъ году Теодорихъ, преосвященный эстонскій епис- § 11.
копъ, уже не жилъ. Онъ былъ умерщвленъ мечами безбожныхъ въ Ревелѣ и перешелъ, надѣемся, въ общеніе мучениковъ. Ливонскій епископъ Альбертъ на его мѣсто назначилъ Германа, достопочтеннаго аббата монастыря (бенедиктинскаго) святаго Павла у Бремена и послалъ въ Германію чрезъ Курляндію и Замландъ (Пруссію) посла объявить ему это назначеніе. Германъ тогда отправился къ магдебургскому архіепископу, который и посвятилъ его въ епископы Эстоніи. Король датскій, услышавъ про то, воспрепятствовалъ на нѣсколько лѣтъ (до 1224 г.) отправленію его въ Ливонію, на каковомъ основаніи названный епископъ прибылъ къ королю, обѣщаясь принять епископство отъ него и съ вѣрностію пребывать къ королевской зависимости.

Примѣчанія къ главѣ XXIII.

§ 1. 1) Ангальтъ — его родовое имѣніе. Въ герцогствѣ Саксенскомъ онъ послѣдовалъ своему отцу Бернгарду.

2) Стотель къ югу отъ нынѣшняго Бремергафена.

§ 2. 1) О городѣ Ревелѣ упоминанія начинаются съ 1237 г.

2) Какими-же?

3) О смерти епископа упоминаетъ Альберихъ, Альбертъ Штоде. По датскимъ извѣстіямъ, первый эстонскій епископъ съ его клериками былъ умерщвленъ эстами.

4) Королевскаго капелана.

5) Епископство ревельское было подчинено архіепископству лундскому.

§ 3. 1) Нынѣ Мезотенъ, на Курляндской Аа, близъ Бауска.

§ 4. 1) См. гл. 9, 2.

2) Терветенъ находился у имѣнія Гофцумберга, на рѣчкѣ Тервитѣ или Терпентинѣ.

3) Мисса — притокъ рѣчки Экау, впадающей въ курляндскую Аа.

4) 25 октября 1219 г. папа Генорій утвердилъ границы селонскаго епископства, назначенныя Альбертомъ; 28 октября папа писалъ о селенахъ и семигалахъ.

§ 7. 1) См. гл. 16, 3; 18, 3.

2) См. § 1.

3) Гдѣ же остались саккаланы?

4) Нынѣ деревня Торма, къ юго-западу отъ Везенберга.

5) Нынѣ деревня Ависне въ Клейнъ-Маріинскомъ кирхшпилѣ, съ эстонскими древними укрѣпленіями.

6) Южная часть Вирланда. Имѣніе Пойдиферъ, по эстонски Пудивере, въ Симонискомъ кирхшпилѣ, повидимому, удержало за собою старинное названіе мѣстности.

7) Генрихъ слѣд. находился тутъ.

8) О нарушеніи мира упоминается всего только одинъ разъ въ гл. 21, 2.

9) Въ гл. 24, 1 онъ назвалъ пудивирскимъ старшиною. Сравни гл. 29, 7.

10) И по Liber cens. Вирландъ раздѣляется на пять килегундъ.

§ 8. 1) Конечно со своими мужами.

2) Сравни гл. 10, 9.

3) Варіантъ: шести.

4) Ericios. — Сравни гл. 28, 5; 30, 4.

5) Когда же заключеннаго?

§ 9. 1) См. гл. 21, 2.

2) См. гл. 21, 2; 22, 9. Замѣчательно, что теперь летты остаются при нѣмцахъ.

3) Генрихъ слѣд. былъ тутъ.

4) Бывшихъ впереди?

5) См. Іова 1, 15—17. 19. Сравни выше 9, 1; 13, 4.

6) Въ риемованной хроникѣ Каридаль.

7) По риемованной хроникѣ сраженіе также происходило зимою.

ГЛАВА XXIV.

Епископства Альберта двадцать второй годъ.

Петръ и Генрихъ обращаютъ въ христіанство жителей въ восточной Эстоніи; новый споръ съ датчанами объ Эстоніи.

Двадцать второй годъ епископства настал
И ливовъ край лишь малое время покой видалъ.

Оный епископъ озаботился послать въ Эстонію проповѣдни- § 1.
ковъ, ибо всегда имѣлъ попеченіе о всѣхъ церквахъ, потому послалъ въ Саккалу священника Алабранда и Людовика[1]). Они крестили много народа въ Гервенѣ и другихъ земляхъ и воротились въ Ливонію. Епископъ послалъ также посла въ Россію и говорилъ съ новгородцами словами мира[2]). И между тѣмъ[3]) не упустилъ онъ послать въ Эстонію другихъ священниковъ. Изъ нихъ первымъ[4]) былъ Петръ Кайкевальдъ вирландскій и Генрихъ, духовный пастырь латышей имерскихъ. Они пошли въ Эстонію и пройдя чрезъ крещеную уже прежде Унгаунію[5]) ,дошли до рѣки, называемой Матерью Водъ, и остановились въ Дорбстѣ[6]). И отъ этой рѣки начали они сѣять сѣмена христіанскаго ученія и уловили въ святую сѣть пакибытія прилегавшія къ рѣкѣ деревни. И преподавъ таинство святаго крещенія въ Ловекотѣ[7]) и въ другихъ деревняхъ, они пошли въ Задегервъ[8]), созвали народъ и крестили тутъ около 300 человѣкъ, потомъ пошли по другимъ окрестнымъ деревнямъ и совершили въ нихъ тоже самое. И пришли въ Вайгу и поучали народъ этой земли святымъ таинствамъ и всѣхъ крестили и наконецъ пришли въ Ріоль, который былъ послѣднимъ замкомъ этой земли, созвали здѣсь народъ и преподали ему евангельское ученіе и, окрестивъ здѣсь обоего пола 500 человѣкъ, пошли въ Вирландъ.

И они присоединили вирландцевъ изъ первой на пути имъ бывшей земли, которую звали Пудивиру, и крестили народъ изъ 14 деревень вмѣстѣ со старшиною ихъ Табелиномъ, который

впослѣдствіи былъ повѣшенъ датчанами за то, что принялъ крещеніе отъ рижанъ и своего сына отдалъ заложникомъ братьямъ рыцарства. Однако прочіе вирландцы изъ другихъ земель побоялись угрозъ датчанъ, не приняли къ себѣ рижскихъ священниковъ, призвали къ себѣ датчанъ, ибо тѣ были ихъ сосѣдями, и приняли отъ сихъ послѣднихъ крещеніе. Думали такимъ образомъ вирландцы, что единъ Богъ долженъ быть для христіанъ, какъ для датчанъ, такъ и для нѣмцевъ, и едина вѣра и едино крещеніе, и не колебаясь приняли крещеніе отъ датчанъ, своихъ сосѣдей, въ томъ мнѣніи, что изъ этого не возникнетъ никакого раздора. Но рижане выдавали Вирландъ за собою собственность, какъ ими приведенную подъ иго христіанской вѣры, и послали сюда вышеназванныхъ священниковъ, чтобы они крестили тутъ народъ.

§ 2. Но датчане, желавшіе подчинить себѣ эту сосѣднюю имъ землю, послали сюда своихъ священниковъ, какъ бы въ чужую жатву, кои и крестили нѣкоторыя деревни, а въ другія деревни, куда сами не могли поспѣть скоро, послали своихъ, и приказали имъ ставить во всѣхъ деревняхъ большіе деревянные кресты, а также разослали святую воду чрезъ крестьянъ, чтобы они окропили ею женщинъ и дѣтей. Думали датчане предупредить такимъ образомъ рижскихъ священниковъ, и всю землю такимъ путемъ предоставить власти датскаго короля.

Петръ и Генрихъ, замѣтивъ это, пошли въ Гервенъ. И окрестивъ здѣсь во многихъ деревняхъ много народа, они услышали, что въ тѣ страны прибылъ Вольтеръ, датскій священникъ. Тогда они пошли на встрѣчу ему и говорили, что эта земля находится подъ господствомъ рижанъ и утверждали, что этотъ виноградникъ насажденъ подъ хоругвію Св. Дѣвы усердіемъ пилигримовъ и трудомъ рижанъ. За тѣмъ вмѣстѣ съ Вольтеромъ они пошли въ датскій замокъ, гдѣ тоже самое изъяснили преосвященному лундскому архіепископу Андрею. Однакоже оный архіепископъ сказалъ, что вся Эстонія, какъ завоеванная рижанами, такъ и не завоеванная еще ими, принадлежитъ датскому королю, ибо рижскіе епископы уступили ему оную. И онъ отправилъ посла въ Ригу сказать, дабы рижане не брали снятыхъ уже виноградныхъ гроздій и не посылали своихъ священниковъ на проповѣдь въ уголъ Эстоніи. Рижскій епископъ, преосвященный Альбертъ, отвѣчалъ ему, что оный виноградникъ эстонской церкви за нѣсколько лѣтъ до датчанъ насажденъ уже рижанами съ пролитіемъ крови многихъ [1]) и съ многими военными дѣйствіями, и что священники рижскаго епископа появились не въ углахъ Эстоніи, а въ самой срединѣ Гервена, а также въ Вирландѣ и даже въ близости самаго архіепископа.

Различныя отношенія Альберта и меченосцевъ къ датскимъ притязаніямъ.

Датскій король, узнавъ про это, разсердился на рижскаго епископа, и призвалъ его и братьевъ рыцарства явиться къ нему[2]). Но епископъ не пошелъ къ королю, а поспѣшилъ къ святому отцу[3]) съ изложеніемъ этого дѣла; братья же рыцарства, Родольфъ венденскій съ прочими, явились къ королю, и далъ имъ король Саккалу и Унгаунію, которая уже давно была покорена и крещена рижанами, съ окрестными землями, какъ ихъ, рыцарей, третью часть Эстоніи, но изъ дѣлежа король исключилъ ливонскаго епископа и его брата Германа, который недавно былъ посвященъ. И пришла вѣсть о томъ въ Ригу и епископъ Бернардъ[4]) съ прочими рижанами не сочли то добрымъ. И сошлись съ братьями рыцарства и дружелюбно установили подѣлить Эстонію на три части и когда епископамъ была завѣрена и впредь какая же часть, какую они получали прежде, то братьямъ была предоставлена ихъ треть.

Ревельская земля, Гарріенъ, Іервенъ и Вирландъ подчиняются датчанамъ; посвященіе новаго епископа.

Окрестивъ всю ревельскую землю, датчане послали своихъ священниковъ къ гаріенцамъ, и когда гаріенцы крестились, то священники побудили ихъ итти къ гервенцамъ съ войскомъ, дабы, наведя страхъ на нихъ, заставить ихъ отказаться отъ рижскаго господства и принять господство и крещеніе датчанъ. И ходили гаріенцы въ земли герверійцевъ въ одно и тоже лѣто девять разъ со своимъ войскомъ, ограбили и убили многихъ и взяли плѣнныхъ, но и герверійцы убили между прочими датскаго священника[5]). Война продолжалась пока большинство герверійцевъ признали господство и крещеніе датчанъ. Точно также и вирландцы, покоренные прежде рижанами, напуганные угрозами датчанъ, отступились отъ господства рижанъ. За тѣмъ архіепископъ посвятилъ для Вирланда и Гервена новаго епископа[6]); гаріенскія же земли были предоставлены ревельскому епископу[8]).

Несчастіе шведовъ въ Леалѣ.

Между тѣмъ Іоаннъ, король шведскій, со своимъ герцогомъ[1]) § 3.
и своими епископами, собравъ большое войско, прибылъ въ Роталію и думалъ подчинить себѣ какую либо область въ Эстоніи. И онъ сталъ въ леальскомъ замкѣ, для котораго папа утвердилъ епископа Германа[2]), брата ливонскаго епископа, такъ какъ эта земля была прежде еще покорена рижанами и наставлена въ первыхъ началахъ вѣры[3]). И шведы прошли по этой землѣ, поучая и крестя народъ, и строили церкви и дошли до датчанъ въ ревельской землѣ и начали переговоры съ ними[4]). Рижане же

прислали къ нимъ посла сказать, что эта земля приведена ими подъ иго христовой вѣры, и предупреждали шведовъ не вѣрить льстивымъ словамъ коварныхъ эстовъ и беречься ихъ. Оставивъ своихъ мужей въ леальскомъ замкѣ, шведскій король съ герцогомъ Карломъ и однимъ епископомъ[5]) воротился въ Швецію.

И какъ по одну сторону шведовъ въ Леалѣ находились ливонцы, а по другую датчане, сами же они находились посреди ихъ, потому они и мало боялись язычниковъ. Но въ одинъ день (8 августа 1220 г.) чуть лишь начинало свѣтать, приплыли моремъ озилійцы съ большимъ войскомъ и осадили оныхъ шведовъ и бились съ ними и подложили огонь подъ замокъ. И шведы выступили противъ нихъ и бились съ ними, но не могли противостоять такой массѣ язычниковъ, и шведы были пребиты, и замокъ былъ взятъ и герцогъ палъ, и епископъ былъ убитъ огнемъ и мечемъ, и сподобился, какъ мы увѣрены, общенія съ мучениками. И потомъ пришли датчане, которые съ горемъ предали ихъ трупы землѣ. Точно также и рижане, когда узнали объ истребленіи ихъ, наложили на себя трауръ и съ печалію носили его много дней. Убитыхъ было около 500 человѣкъ, только немногіе шведы спаслись бѣгствомъ и скрылись въ замокъ датчанъ. Прочіе всѣ пали отъ острія меча; да будетъ благословенна память о нихъ[6]), и души ихъ да почіютъ во Христѣ!

Какъ епископъ Альбертъ въ одиннадцатый разъ путешествовалъ и, оставленный папою и императоромъ, долженъ былъ съ Германомъ уступить датскому королю.

§ 4. Ливонскій епископъ переѣхалъ чрезъ море и прибылъ въ Любекъ. Узнавъ здѣсь о притязаніяхъ датскаго короля[1]), вышелъ онъ тайно, при помощи своего вѣрнаго друга, изъ города и поспѣшилъ прибыть къ римскому двору и святому отцу, который сострадательно и отечески выслушалъ его просьбы. И король датскій прислалъ своихъ пословъ, которые не мало повредили при римскомъ дворѣ дѣламъ ливонской церкви и пріобрѣли себѣ не малыя выгоды. И ливонскій епископъ отправился тогда къ императору Фридриху, который въ то время[2]) вновь возведенъ былъ въ императорское достоинство, и искалъ у него совѣта и помощи противъ враждебнаго расположенія, питаемаго къ нему, епископу, какъ королемъ датскимъ, такъ и русскими и другими язычниками, ибо Ливонія со всѣми покоренными провинціями постоянно находилась въ связи съ имперіею[3]). Но императоръ, однако, занятый различными и высокими государственными дѣлами, мало доставилъ утѣшенія епископу; ибо онъ далъ обѣтъ посѣтить святую землю Іерусалимскую[4]) и потому не могъ помочь епископу, но совѣтовалъ и говорилъ ему, чтобы епископъ поддерживалъ

миръ и дружбу какъ съ датчанами, такъ и съ русскими, пока юное насажденіе упрочится и окрѣпнетъ.

Не получивъ никакаго утѣшенія ни отъ святаго отца, ни отъ императора, епископъ возвратился въ Германію[5]) и счелъ полезнѣйшимъ послѣдовать совѣту добрыхъ мужей т. е. уступить датскому королю, и не подвергать ливонскую церковь тяжкой опасности. Ибо король датскій запретилъ любекцамъ давать корабли пилигримамъ въ Ливонію[6]) до тѣхъ поръ, пока епископъ не придетъ къ соглашенію съ нимъ. Тогда преосвященный епископъ со своимъ братомъ, епископомъ Германомъ, отправились къ названному королю датскому и предоставили его господству какъ Ливонію такъ и Эстонію, съ тѣмъ условіемъ, однакоже, если прелаты его конвента, а равно его мужи и всѣ рижане съ ливами и леттами согласятся на такое подчиненіе. И въ это время (27 марта 1221 г.) умерла отъ родовъ королева, супруга датскаго короля[7]), и сказалъ нѣкто, что юная церковь, переданная господству этого короля, безъ сомнѣнія во время его правленія подвергнется тяжкой опасности. И оный сказалъ правду, какъ то окажется ниже[7]).

Миссіонерское путешествіе Генриха и Дитриха въ восточную Эстонію до горы идола Таранита.

Въ то время какъ другіе препирались о господствѣ надъ землями, священникъ имерскихъ леттовъ отправился снова въ Эстонію и взялъ съ собою другаго, недавно поставленнаго священника Теодориха. И пройдя Саккалу, они достигли до Палы и начали уловлять въ сѣть святаго крещенія прилегавшую къ этой рѣкѣ землю, которая называлась Нормегундомъ. Они останавливались въ большихъ деревняхъ, созывали народъ и поучали его евангельскому ученію. Всю недѣлю они ходили по этой землѣ и ежедневно крестили по 300, по 400 человѣкъ обоего пола. Потомъ они пошли въ Гервенъ и достигли до послѣдней земли Вирланда, которая называлась Лоппегунде, и еще не была крещена. Здѣсь они въ каждой большой деревнѣ совершали таинство крещенія пока дошли до деревни, называемой Кеттисъ[1]) и крестили тамъ, гдѣ впослѣдствіи датчане построили церковь, какъ построили и въ другихъ деревняхъ, которыя были крещены нами. Достигнувъ наконецъ до деревни, называемой Рейневере[2]), они послали созвать народъ изъ другимъ деревень. Тогда крестьянинъ, бывшій у нихъ старшиною, сказалъ: «Мы всѣ уже, говорилъ онъ, крещены.» И священники спрашивали отъ кого же они крещены, тогда онъ отвѣчалъ: «Когда мы были въ деревнѣ Іолгезимѣ, то тамъ совершалъ таинство крещенія датскій епископъ, онъ то и крестилъ нѣкоторыхъ нашихъ мужей, и далъ намъ

святую воду, и мы воротились въ наши деревни и оною водою окропили и окрестили наши семейства, женъ и дѣтей, что же намъ дальше дѣлать? мы уже крещены и не примемъ ничего больше». Священники, услышавъ то, усмѣхнулись нѣсколько[4]), отрясли прахъ отъ ногъ своихъ, пошли въ другія деревни и на границѣ Вирландской окрестили три деревни. Тутъ находилась гора[5]), и очень красивый лѣсъ, въ которомъ, по сказанію туземцевъ, родился великій богъ Озилійцевъ, называемой Тарапита, который изъ этихъ мѣстъ перелетѣлъ въ Озилію. И одинъ священникъ пошелъ туда и порубилъ изображенія и подобія ихъ божествъ и всѣ туземцы дивились, что изъ идоловъ этихъ не течетъ кровь, и потому тѣмъ скорѣе повѣрили словамъ священника.

Проведя цѣлую недѣлю въ крещеніи этой земли, священники пошли въ другую землю, называемую Моха, и тутъ также провели одну недѣлю, проходя по деревнямъ и ежедневно крестя по 300 и по 500 человѣкъ обоего, пола не окрестили весь народъ въ этой области и не уничтожили обычаи язычниковъ. И изъ этой земли они пошли въ Вайгу и по дорогѣ нашли многія деревни, которыя не были посѣщаемы ни однимъ священникомъ. И окрестивъ здѣсь всѣхъ мущинъ, женщинъ и дѣтей, они пришли въ окрестности озера Вордегервскаго и пришли въ Вайгу. И какъ Вайга была уже крещена, потому они пошли назадъ въ землю, называемую Іогентаганія, и посѣтили нѣкоторыя деревни, остававшіяся еще некрещеными, именно Игетевери, Ветполе и Вазалу[6]) и многія другія, и крестили въ нихъ всѣхъ мущинъ, женщинъ и дѣтей. Проведя здѣсь всю недѣлю и совершивъ въ этой области святое крещеніе, они съ радостію воротились къ Матери Водъ. И совершивъ по обѣимъ сторонамъ этой рѣки дѣло вѣры и обращенія надъ некрещеными, они пошли наконецъ въ Оденпэ. И насажденный и святою сѣтью уловленный виноградникъ поручивъ Господу, да возраститъ оный, они воротились въ Ливонію.

Дальнѣйшія миссіи и непріязнь датчанъ въ Іервенѣ, Вирландѣ и Викѣ; спокойныя миссіи въ Унгауніи; довершеніе крещенія всего эстонскаго материка.

§ 6. По истеченіи небольшаго промежутка времяни, тотъ же священникъ Теодерихъ пошелъ въ Гервенъ и Вирландъ къ своимъ новокрещеннымъ и здѣсь жилъ у нихъ. Датчане, услышавъ про это, напали на него со своими слугами, отобрали у нихъ лошадей и все имущество, и ограбленныхъ отослали домой въ Ливонію.

Послали также братья рижскаго епископа священника Саломона въ Роталію послѣ гибели шведовъ. Ротальцы дружески приняли этого священника и обѣщались охотно служить рижской церкви и не принимать ни господства датчанъ, ни ихъ крещенія.

И они собрали дань со всѣхъ своихъ областей, какъ то и прежде бывало, и послали оную чрезъ названнаго священника рижанамъ. И пришли датчане и все отобрали у него и ограбленнаго отослали домой въ Ливонію.

Также Гартвигъ, молодой священникъ братьевъ рыцарства, пошелъ въ Унгаунію и жилъ тутъ у своихъ братьевъ[1]) и крестилъ кого только ни нашелъ некрещенымъ. Точно также леттскій священникъ[2]) пошелъ въ Унгаунію и пришелъ въ Вальгатабальву у Плесцекова и въ этой деревенькѣ совершилъ таинство крещенія и поучалъ христіанской вѣрѣ. И по совершеніи крещенія возвратился въ Ливонію.

Къ этому времени (къ 1 марту 1221 г.) крещеніе совершено было во всей Эстоніи и много народа было крещено во всѣхъ областяхъ и провинціяхъ Эстоніи, такъ что нѣкоторые изъ священниковъ крестили тысячу человѣкъ и больше, другіе крестили пять тысячъ, а нѣкоторые десять тысячъ и больше И церковь наслаждалась миромъ и возблагодарилъ весь народъ Господа, который послѣ столькихъ войнъ наконецъ обратилъ сердца язычниковъ отъ идолопоклонства къ почитанію его, Господа, благословеннаго во вѣки.

Въ это же время христіане въ іерусалимской землѣ взяли § 7.
египетскій городъ Даміату и пребывали въ немъ (съ ноября 1219 по сентябрь 1221 г.). И церковь Божія одержала всюду на землѣ побѣду и торжество надъ язычниками, хотя и не на продолжительное время.

Осада ревельскаго замка эзельцами и другими эстами.

Въ слѣдующемъ году вскорѣ послѣ пасхи (послы 11 апрѣля 1221 г.) пришли озилійцы съ большимъ войскомъ и осадили датчанъ въ Ревелѣ и бились съ ними 14 дней, зажгли большой огонь и надѣялись такимъ образомъ одолѣть ихъ. Датчане между тѣмъ вышли изъ замка и бились съ ними, но принуждены были отступить въ свой замокъ. И озилійцы, увидѣвъ плывущія въ морѣ четыре догги, испугались, думая, что то плыветъ король датскій съ войскомъ, отступили отъ замка, сѣли на свои корабли и воротились въ Озилію. И датчане тотчасъ же схватили старшинъ ревельской земли, а также и гаріенской и вирландской, и перевѣшали всѣхъ кто участвовалъ съ озилійцими при осадѣ ихъ замка или кто зналъ о злодѣйскихъ ихъ замыслахъ. На прочихъ же датчане наложили двойную и тройную дань противъ той, какую они платили, и наложили многія другія тяжкія повинности на эстовъ, ибо эсты большую ненависть начали питать къ датчанамъ, постоянно изыскивая средства какъ бы ихъ выгнать изъ своей области.

Примѣчанія къ главѣ XXIV.

§ 1. 1) Развѣ Людовикъ не былъ священникомъ? Ср. гл. 19, 7.
2) Не по поводу-ли крещенія въ восточной Эстоніи. Ср. гл. 21, 1 и гл. 22, 8.
3) Прежде чѣмъ состоялось соглашеніе съ русскими?
4) Почетнѣйшимъ? Ср. § 5.
5) Въ 1215 г.
6) Варіанты: Дарбете, Тарботенъ.
7) Нынѣ деревня Лофкатенъ, къ востоку отъ Дерпта.
7) Нынѣ имѣніе Задъервъ, у озера, къ сѣверу отъ Дерпта.

§ 2. 1) Варіантъ: многихъ нѣмцевъ.
2) По датскимъ лѣтописцамъ, король Вольдемаръ въ 1220 г. былъ снова въ Эстоніи. Генрихъ не упоминаетъ объ этомъ.
3) Предъ своимъ отъѣздомъ, Альбертъ основалъ въ Ригѣ госпиталь. Ср. гл. 18, 6.
4) Бернардъ въ 1218 и 1219 г. былъ заграницею; теперь онъ былъ замѣстителемъ Альберта.
5) Не Вольтера-ли?
6) Датчанина Острада. Альберихъ называетъ его епископомъ вирландскимъ; епископомъ ревельскимъ называетъ Весцело. Епископства ревельское и вирландское существовали недолго и подчинялись архіепископу лундскому.
7) Въ добавокъ къ ревельскимъ замлямъ.

§ 3. 1) Варіантъ: герцогомъ Карломъ. Ярлъ Карлъ былъ герцогомъ Остготландскимъ и младшимъ братомъ Биргера, упоминаемаго въ гл. 1, 13; онъ былъ также опекуномъ малолѣтнаго короля.
2) См. гл. 23, 11.
3) См. гл. 19, 8, гл. 21, 5; ср. гл. 22, 9. Большинство викцевъ, конечно, были еще язычниками.
4) Были-ли довольны датчане предпріятіемъ шведовъ
5) Епископомъ линкэнингскимъ, королевскимъ канцлеромъ. Его имя было также Карлъ, онъ былъ сыномъ Магуса брата герцога Карла.
6) Объ этихъ шведахъ Генрихъ въ гл. 25, 2 разсказываетъ нѣсколько иначе.

§ 4. 1) Тогдашняго господина Любека.
2) 22 ноября 1226.
3) Ср. гл. 10, 17. Альбертъ уже разъ посѣщалъ короля Фридрика. См. гл. 20, 1.
4) Въ мартѣ 1221 г. онъ отправилъ войско, а въ августѣ и самъ послѣдовалъ въ Палестину.
5) Императоръ послѣ своего коронованія находился по близости Рима и въ Нижней Италіи.
6) Папа 19 апрѣля 1220 г. снова осуждалъ короля за это.
7) То была Веренгусла или Беренгарія, мать бывшихъ впослѣдствіи королями Эриха, Авеля и Христофа.
8) См. 26, 3.

§ 5. 1) Упомянаемая въ гл. 27, 4 ервенская деревня Кейтисъ, есть, конечно, Кеттисъ. Ервенскій кирхшпилъ св. Іоанна назывался прежде Кетингеномъ, Койтингомъ, Кейтеномъ.
2) Нынѣ деревня Рейневаръ въ Ампельскомъ кирхшпилѣ.
3) Нынѣ деревня Ялгзама, къ сѣверу отъ св. Іоанна.
4) Надъ такимъ страннымъ крещеніемъ.
5) Это, конечно, эбаферская гора въ мало-маріинскомъ кирхшпилѣ, о которой еще въ нашемъ столѣтіи ходили равличния сказанія и сохранились остатки культа. Великій Богъ эстовъ назывался Тара или Таръ. По эстонски Таръ, абита или авита значитъ: Таръ помоги.
6) Игетевери нынѣ деревня Иггаферъ; Ветполѣ, а по другимъ спискамъ Вельполе, нынѣ имѣніе Фетенгофъ къ югу отъ Иггафера; Вазала нынѣ имѣніе Вассуля къ юго-западу отъ Фетенгофа.

§ 6. 1) Меченосцевъ. Ср. гл. 26, 7.
2) Т. е. лѣтописецъ Генрихъ.

ГЛАВА XXV.

Епископства Альберта двадцать третій годъ.

Двѣнадцатый пріѣздъ епископа въ Ливонію, которая не пожелала отдаваться датскому королю, соглашеніе съ архіепископомъ лундскимъ Андреемъ.

Наступилъ двадцать третій годъ (съ 1 марта 1221 г.) посвященія епископа Альберта.

И ливовъ земля
Мало въ покоѣ была.

§ 1. По отъѣздѣ графа Адольфа Даслійскаго[1]) въ Германію, преосвященный рижскій епископъ воротился въ Ливонію съ другими, хоть и малочисленными, пилигримами, между которыми находился Бодо Гомборгскій, благородный мужъ, съ другими рыцарями и клериками. Рижане, при возвращеніи епископа, узнали, что господству короля датскаго должна подчиниться не только Эстонія, но и Ливонія, сильно огорчились этимъ и всѣ едиными устами, какъ прелаты конвента, такъ и церковные мужи и граждане и купцы, и ливы и летты, говорили, что до настоящаго времени они вели войны съ язычниками въ честь Господа Іисуса Христа и Пресвятой Дѣвы, но не въ честь датскаго короля, и что они готовы скорѣе вовсе оставить Ливонію, чѣмъ служить помянутому королю. И извѣстіе о такихъ словахъ достигло до преосвященнаго архіепископа лундской церкви, который изъ осады ревельскаго замка язычниками убѣдился, что ему совершенно необходима помощь рижанъ, потому онъ и послалъ посла къ рижскому епископу и обѣщалъ оставить Ливонію при ея бывшей вольности. И отправился оный рижскій епископъ съ магистромъ

рыцарства и со своими мужами къ архіепископу въ Ревель, и они всѣ получили утѣшеніе и подарки отъ архіепископа, и архіепископъ обѣщалъ имъ усердно помогать въ сохраненіи свободы Ливоніи, лишь бы только нѣмцы съ датчанами дѣйствовали сообща какъ въ мирѣ, такъ и войнѣ съ язычниками и русскими. Въ Саккалѣ и Унгауніи они передали братьямъ рыцарства всѣ королевскія и свѣтскія права, а епископу духовныя. И съ радостію они воротились въ Ливонію [2]).

Датскій фохтъ въ Ригѣ.

§ 2. По ихъ возвращеніи, прибылъ въ Ригу нѣкто рыцарь Годескалькъ, посланный датскимъ королемъ, чтобы принять въ королевскія руки фохтейство въ этомъ городѣ. И воспротивились тому и противорѣчили ему всѣ какъ ливы и летты, такъ и нѣмцы, находившіеся въ Ливоніи, а купцы отказали ему даже дать лоцмана на корабль въ то время, когда онъ ѣхалъ изъ Готланда въ Ливонію и когда возвращался изъ Ливоніи въ Готландъ.

И оный со стыдомъ отправился изъ Ливоніи и прибылъ на большое широкое море ѣхалъ безъ лоцмана и былъ метаемъ противными вѣтрами. И поелику онъ, быть можетъ, прибылъ въ Ливонію безъ воли Того, который повелѣваетъ вѣтрами, потому незаслуженно и поднялись противъ него противные вѣтры, и солнце справедливости ему не свѣтило, потому что онъ оскорбилъ Матерь Господа, Марію, которая называется Звѣздою Міра [1]) и которая поэтому не указала ему вѣрнаго пути. Удаленный такимъ образомъ изъ Ливоніи, оный рыцарь возвратился домой въ Данію и отказался отъ королевскаго фохтейства въ землѣ Пресвятой Дѣвы.

Что Божія Матерь совершила для Ливоніи и чѣмъ предостерегала чужихъ и туземцевъ.

Такъ, такъ Звѣзда Моря всегда покровительствовала свою Ливонію! Такъ, такъ всегда защищала свою духовную землю Повелительница міра и Владычица всѣхъ земель! Такъ, такъ Царица небесъ повелѣвала земными королями! И развѣ она не повелѣвала, когда наказала столь многихъ королей, которые воевали противъ Ливоніи? Развѣ она не наказала (въ 1216 г.) скоропостижною смертію великаго короля Вольдамара Плосцекскаго, когда онъ пришелъ съ войскомъ въ Ливонію? Развѣ она не наказала великаго короля Ногардскаго, который въ первый разъ опустошилъ (въ 1218 г.) Ливонію, лишеніемъ его королевства, ибо онъ съ позоромъ былъ изгнанъ своими же гражданами [2]), и не наказала другаго короля Ногардскаго, который во второй разъ (въ 1221 г.) ограбилъ Ливонію и за то былъ побитъ (въ 1222 г.)

татарами[3])? Развѣ она мало огнемъ и мечемъ наказала короля Виссевальда герсикскаго, который грабилъ рижанъ?[4]) И развѣ не она предала тяжкой смерти въ Тарбетѣ (въ 1224 г.), какъ о томъ будетъ сказано ниже, короля Висцека, который умертвилъ епископскихъ мужей въ Кукенойсѣ? Слѣдуетъ-ли мнѣ упоминать о шведахъ, которые вторглись въ ротальскія земли, покоренные хоругви Пресвятой Дѣвы? Развѣ шведы не были умерщвлены (въ 1220 г.) озилійцами? И развѣ не Она подвергла продолжительному и чудесному плѣненію (съ 1223 по 1225 г.) короля датскаго, совершенному рукою немногихъ, а за то, что онъ думалъ было подчинить Ливонію своей власти?[5]) Развѣ не Она умертвила (въ 1205 г.) Свелегата,[6] какъ и многихъ другихъ начальниковъ и старшинъ леттоновъ[7]) (въ 1213, 14 и 21 годахъ) посредствомъ рабовъ своихъ, ливонцевъ? И развѣ Ако, одинъ изъ начальниковъ коварныхъ ливовъ въ Гольмѣ, со многими другими не былъ умерщвленъ (въ 1206 г.) рижанами[8]) и развѣ не погибъ (въ 1212 г.) въ Дабрельской замкѣ Руссинъ, старшина леттовъ?[9]) И развѣ торейдскіе старшины, пребывавшіе вѣроломными, не пали жертвами заразы (въ 1211 г.)? И развѣ старшины озилійцевъ, какъ и старшины ротальскихъ земель у Торейды не были истреблены (въ 1211 г.) рижанами?[10]) Развѣ Лембитъ,[11]) Витамасъ съ прочими вѣроломными старшинами Сакалы не были умерщвлены (въ 1217 г.) рижанами? И развѣ не всѣ погибли, кто пребывалъ и очерствѣлъ въ вѣроломствѣ?

Смотри же, какъ Божія Матерь милостива къ своимъ, которые вѣрно служатъ ей въ Ливоніи, и какъ Она всегда защищаетъ ихъ отъ всѣхъ ея противниковъ, и какъ Она жестока ко всѣмъ тѣмъ, которые нападаютъ на ея землю или посягаютъ на вѣру и честь ея Сына въ этой землѣ! Смотри же, какъ много казнила Она великихъ королей, смотри, какъ много истребила Она съ лица земли начальниковъ и старшинъ вѣроломныхъ и язычниковъ и какъ часто своимъ давала побѣду надъ ихъ противниками! Ибо она до сихъ поръ всегда защищала свое знамя въ Ливоніи, предшествуя ему или послѣдуя за нимъ, и давала ему торжество надъ противниками. И кто не погибъ изъ воевавшихъ противъ Ливоніи королей или язычниковъ?

Замѣчайте же и смотрите вы, начальники русскихъ или язычниковъ или датчанъ или старшины всякихъ народовъ! Бойтесь этой столь кроткой Матери милосердія, молитесь этой Божіей Матери, ищите милости этой грозной мстительницы ея противникамъ! Не нападайте на ея землю, да пребудетъ она вашею матерью, какъ до сего времени была противницею всѣхъ ея противниковъ и тѣхъ, кто оскорбилъ ея слугъ въ Ливоніи и тѣмъ самымъ оскорбилъ ее самое.

Глядите же и смотрите вы, владѣтели и фохты земли Пресвятой Дѣвы, не угнетайте слишкомъ бѣдныхъ, а также бѣдныхъ ливовъ и леттовъ и всякихъ новокрещеныхъ слугъ Пресвятой Дѣвы, которые имя Христа, ея Сына, приносятъ другимъ народамъ и еще будутъ приносить вмѣстѣ съ нами! Имѣйте предъ глазами страшную смерть, которая постигла всѣхъ противниковъ ея, глубоко раздумайте про то и ужасайтесь! Ибо Пресвятая Дѣва не вмѣняетъ въ заслугу большую дань, которую даютъ новокрещеные, и милость ея не пріобрѣтается деньгами, и не желаетъ Она тяжкаго ига, но ига милосерднаго, такого ига, о которомъ Сынъ ея говоритъ: «мое иго кротко и тягость моя легка», и Который требуетъ, дабы вы вѣрили въ его имя и признавали, что онъ съ Отцомъ есть истинный и единый Господь и вѣрно имѣли жизнь во имя Того, который благословенъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Раздоръ въ краѣ по поводу отношеній къ Даніи.

§ 3. Въ это же самое время (лѣтомъ 1221 г.) рижскіе граждане и купцы сошлись съ ливами и леттами у Торейды, поклялись и заключили союзъ между собою дѣйствовать сообща противъ короля датскаго, какъ противъ общаго ихъ противника. И братья рыцарства послали своихъ слугъ, и схватили нѣкоторыхъ ливскихъ старшинъ и бросили ихъ въ оковы въ Зигевальдѣ. Чрезъ что замыселъ прочихъ былъ разрушенъ.

Набѣгъ русскихъ и литовцевъ на земли леттовъ, ливовъ и на Унгаунію.

И прислали русскіе изъ Плесцекова мирный договоръ, заключенный въ Оденпэ, обратно[1]) и пошли съ большимъ войскомъ, которымъ предводительствовалъ король Ногардскій, тотъ самый, что въ слѣдующемъ году былъ умерщвленъ татарами[2]). И въ этомъ войскѣ было болѣе 12000 человѣкъ русскихъ, которые собрались изъ Ногардіи какъ и изъ другихъ русскихъ городовъ биться съ христіанами, находившимися въ Ливоніи. И русскіе пришли въ землю леттовъ, стали тутъ и ждали двѣ недѣли прибытія летоновъ и опустошили все, что было въ сосѣдствѣ. Потомъ они подошли къ Вендену; братья рыцарства со своими венденцами вышли изъ воротъ имъ на встрѣчу, но не могли преодолѣть многочисленности русскихъ, потому сожгли дома и деревню и заперлись въ замкѣ. Но русскіе оставили замокъ, переправились чрезъ Койву, пришли въ Торейду и ограбили всю землю, пожгли всѣ деревни и церкви и хлѣбъ, который уже былъ собранъ съ полей, захватывали людей и убивали ихъ и много зла причинили краю. Летоны же, которые шли тою же

дорогою близь Вендена, слѣдовали за русскими, переправились чрезъ Койву и пришли къ нимъ, и чему русскіе причинили мало зла, тому литовины причинили зло совершенное.

И выступилъ изъ Риги магистръ братьевъ рыцарства со своими и рыцарь Бодо съ нѣкоторыми пилигримами и мало другихъ слѣдовало за ними по причинѣ раздора, бывшаго въ краѣ. И направился магистръ со своими и съ прочими, что за нимъ слѣдовали, къ Койвѣ и загородилъ русскимъ берегъ, такъ что они не могли перейти въ его область. И нѣкоторые изъ ливовъ переправились чрезъ рѣку и преслѣдовали толпу летоновъ, которые съ плѣнными и добычею шли отъ Койвемунда и убили изъ нихъ 20 человѣкъ, а прочіе бѣжали къ русскимъ. И ливы нашли въ деревнѣ Когельзѣ[3]) другую толпу русскихъ и убили изъ нихъ семь человѣкъ, другіе же убѣжали къ своимъ, а другіе спаслись, скрывшись въ лѣсахъ. И говорили русскіе: «Не добро быть здѣсь, ибо ливы и нѣмцы могутъ окружить насъ со всѣхъ сторонъ», и они поднялись въ полночь и начали выступать изъ края. Въ слѣдующую начь они пришли въ Икевальду[4]) и всю окрестную землю ограбили и пожгли. На третью ночь такое же зло они учинили въ Имерѣ. И вошли въ Унгаунію, четыре дня опустошали эту землю, и воротились домой въ Россію.

Леттоны же, не отваживавшіеся отдѣлиться отъ русскихъ изъ страха предъ нѣмцами, шли съ русскими до Плесцекова и оставались тутъ цѣлый мѣсяцъ, а потомъ пошли домой въ свою землю[5]).

Пораженіе литовцевъ на возвратномъ пути.

Братья же рыцарства съ прочими, которые преслѣдовали до Имеры, полагали, что они встрѣтятъ летоновъ на Двинѣ и потому пошли назадъ и устроили на летоновъ засаду съ кокенойскою дружиною епископа, и они ждали летоновъ въ теченіе трехъ недѣль. Братьямъ рыцарства надоѣло однако такое выжиданіе и они воротились въ Ригу. Но Теодорихъ, кокенойскій рыцарь, съ другими рыцарями и слугами епископа и съ немногими леттами пошелъ къ Плесцекову, и по дорогѣ семь дней разыскивалъ летоновъ, наконецъ напалъ на слѣды ихъ и тотчасъ же пошелъ по нимъ. И было тутъ лишь 15 человѣкъ нѣмцевъ, леттовъ было больше, всего же всѣхъ было 89, а язычниковъ было 600. Они оробѣли было предъ такимъ числомъ, но возложили все свое упованіе на Господа и мужественно пошли на язычниковъ. Летоны же, видя наступающихъ на себя, построили противъ нихъ свое войско и 200 своихъ лучшихъ всадниковъ поставили въ сторонѣ для преслѣдованія нѣмцевъ, § 4.

когда они побѣгутъ, а остальные пошли на нѣмцевъ. Нѣмцы по причинѣ своей малочисленности не могли биться съ ними, но за нихъ стоялъ Тотъ, который во время оно соизволилъ, чтобы одинъ зналъ тысячу и двое обратили въ бѣгство десять тысячъ. Уповая на Него, они съ развернутымъ знаменемъ пошли на летоновъ. И когда они шли въ бой, то съ той и другой стороны пало нѣсколько человѣкъ, и какъ узкая дорога пролегала по лѣсу, то нѣмцы шли въ бой впереди, а летты шли сзади и кричали, какъ имъ было внушено, на языкѣ нѣмцевъ: «берите ихъ, хватайте, бейте на смерть»! Летоны испугались этихъ криковъ и думая, что за этими противниками идетъ много нѣмцевъ, обратились въ бѣгство, и палъ ихъ храбрѣйшій, а изъ другихъ пало около сотни человѣкъ, прочіе же побросали оружіе и побѣжали въ лѣса. И собрали нѣмцы всю добычу ихъ, и чего не могли забрать собою, то предали огню, и взяли около 400 лошадей, которыхъ и повели съ собою, и возблагодарили Того, который сразился за нихъ. Изъ нѣмцевъ три человѣка было убито, которыхъ души должны почивать во Христѣ, Аминь.

Летоны, бѣжавшіе въ лѣса, по причинѣ зимняго времени и трудности перехода чрезъ Двину, частію утонули въ Двинѣ; а частію перевѣшались[1]) въ лѣсахъ, такъ что изъ нихъ никто не воротился въ свою землю, потому что они опустошили землю Пресвятой Дѣвы, Сынъ которой отомстилъ имъ за это. Да прославится Онъ во вѣки!

О датскомъ насиліи въ Викѣ.

§ 5. Рижскіе купцы пошли со своими товарами въ Роталію и пришли датчане и схватили ихъ, говоря, что земля принадлежитъ датскому королю, и связали купцовъ и отвели ихъ въ Ревель. Рижскій епископъ и магистръ рыцарства послали съ требованіемъ отослать купцовъ назадъ. И датчане не хотѣли отпускать. Затѣмъ датчане были увѣдомлены, что рижане идутъ на нихъ съ войскомъ, тогда они немедленно же отослали купцовъ назадъ.

Набѣгъ на псковскія и новгородскія области.

И пошли рижане не въ Эстонію, а съ ливами и леттами пошли въ Унгаунію и, призвавъ къ себѣ саккаланъ и унгаунійцевъ, пошли въ Россію на тѣхъ своихъ противниковъ, которые опустошали Ливонію. И они оставили Плесцековъ въ тылу у себя и вторглись въ ногардское королевство, опустушили кругомъ всю землю, пожгли дома и деревни, и взяли въ плѣнъ много народа, а другихъ убили. И подошли летты къ одной церкви,

бывшей недалеко отъ города Ногардiена и забрлали иконы, колокола, церковные сосуды и пр., и пришли обратно къ войску съ большею добычею. И отплативъ такимъ образомъ своимъ противникамъ, все войско воротилось домой безъ всякой потери, и русскiе перестали безпокоить ливонскую церковь.

Летты, также и саккалане и унгаунiйцы безпрестанно вторгались въ Россiю, убили тутъ много народа, и много народа обоего пола увели въ плѣнъ и взяли много добычи. Точно также и кукенойскiе летты и нѣмцы безпрестанно вторгались въ Россiю, и много добычи брали и уводили съ собою много плѣнныхъ.

Какъ меченосцы распоряжались въ Унгаунiи и Саккалѣ.

Въ это время братья рыцарства со своими слугами приняли на себя фохтейство во всѣхъ замкахъ Унгаунiи и Саккалы и собирали дани, отдѣляя епископу его часть, и построили всѣ замки и укрѣпили ихъ накрѣпко, выкопали въ нихъ цистерны и снабдили замки военными припасами и самострѣлами. Эсты изъ боязни русскихъ стекались въ замки и стали жить въ нихъ.

Набѣги унгаунiйцевъ и саккалянъ на земли по ту сторону Наровы.

Въ срединѣ земли по очень глубокому снѣгу унгаунiйцы съ войскомъ выступили въ походъ и, пройдя чрезъ Вирландъ, перешли чрезъ Нарову, опустошили сосѣднюю землю и забрали съ собою плѣнныхъ и добычу. По возвращрнiи унгаунiйцевъ домой, саккаланы пошли тою же дорогою, перешли чрезъ Нарву и вторглись далеко вглубь земли, называемой Ингарiей и принадлежащей къ ногардскому королевству. И нашли эту землю полною людьми, ибо никакiе слухи не предупредили объ ихъ набѣгѣ, и они казнили эту Ингарiю очень большою казнiю, перебили мужчинъ и много народа и взяли нѣкоторыхъ въ плѣнъ, и овецъ и скота множество истребили, что не могли взять съ собою. И воротились съ большою добычею, и наполнилась Эстонiя и Ливонiя русскими плѣнными и за все зло, какое русскiе причинили ливамъ, первые получили двойное и тройное отмщенiе. § 6.

Примѣчанія къ главѣ XXV.

§ 1. 1) Дассель, между Эймбекомъ и Гекстеромъ.

2) Архіепископъ Андрей потомъ въ 1221 г. возвратился въ Германію.

§ 2. 1) Въ просторѣчіи, по неправильному толкованію значенія еврейскаго имени Мвріамъ (Миріамъ, Марія).

2) Святославъ. См. гл. 22, 2-6.

3) Всеволода брата и преемника Святослава. См. гл. 25, 3; гл. 26, 1; гл. 22, 6. Генрихъ не зналъ, что и Святославъ палъ въ сраженіи съ татарами.

4) См. гл. 13, 4; гл. 18, 4, 9.

5) См гл. 28, 1.

6) См. гл. 9, 1. 4.

7) См гл. 17, 5; гл. 25, 4.

8) См. гл. 10, 8.

9) См. гл. 16, 4.

10) См. гл. 15, 3.

11) См. гл. 21, 3

§ 3. 1) Былъ-ли Оденпэскій договоръ (см. гл. 20, 8; ср. гл. 21. 1) когда либо ратификованъ во Псковѣ? Не досадовали-ли русскіе на то, что Унгаунія была предоставлена ливонцамъ?

2) Всеволодъ. См. § 2; гл. 26,1 .

3) Нынѣ имѣніе Кольценъ, къ сѣверо-западу отъ Трейдена.

4) Въ 1529 г. упуминается о деревнѣ Икваньденѣ подъ Гросъ-Роппомъ.

5) Въ русскихъ лѣтописяхъ упоминаютъ о походѣ на Венденъ (по русски Кесь, по латышски Цезисъ) и о помощи со стороны литовцевъ.

§ 4. 1) См. гл. 9, 5. Сравни рифмованную хронику, 1546.

ГЛАВА XXVI.

Епископства Альберта двадцат четвертый годъ.

Побѣда татаръ надъ вальвами и русскими, послѣ которой русскіе возобновляютъ миръ съ Ливоніею.

Двадцать четвертый годъ епископства пошелъ.
И край все мирнаго покоя не нашелъ.

Въ этомъ году татары были въ землѣ языческихъ вальвовъ[1]), § 1.
которыхъ нѣкоторые называютъ партерами и которые не ѣдятъ хлѣба, но питаются сырымъ мясомъ отъ своего скота. И бились съ ними татары и осилили ихъ и предали всѣхъ острію меча, а прочіе бѣжали къ русскимъ и просили ихъ о помощи. И пронеслась молва по всей Россіи, что русскимъ должно сразиться съ татарами, и поднялись короли изо всей Россіи противъ татаръ и не могли осилить ихъ и бѣжали предъ ними. И палъ великій король Мистеслава Кивaскій[2]) съ 1400 человѣкъ, бывшихъ подъ его начальствомъ; но второй, король Галатскій Мистеслава[3]), спасся бѣгствомъ. И изъ числа другихъ королей пало въ той битвѣ около пятидесяти. И татары преслѣдовали русскихъ шесть дней и убили русскихъ болѣе 100 тысячъ человѣкъ, число коихъ единому Богу извѣстно, а прочіе бѣжали. И послалъ король смоленценскій и король плосцекскій въ Ригу и просили о томъ, что къ миру служитъ. И возобновили миръ на прежнихъ условіяхъ, какіе были уже задолго до сего[4]).

Датскій король вступаетъ на Эзель и является благосклоннымъ къ ливонцамъ.

Датскій король, собравъ большое войско, отправился съ § 2.
графомъ Альбертомъ[1]) въ Озилію и началъ строитъ каменный

замокъ. И датчане начали биться съ озилійцами и не могли одолѣть ихъ, но къ нимъ на помощь пришелъ графъ Альбертъ со своими и обратилъ озилійцевъ въ бѣгство, а датчане убили нѣкоторыхъ изъ нихъ, а прочіе бѣжали.

Прибылъ тоже преосвященный рижскій епископъ съ магистромъ рыцарства и своими братьями и нѣкоторыми ливами и съ другими, что были посланы изъ Ливоніи, къ датскому королю въ Озилію. И король былъ доволенъ ихъ прибытіемъ и говорилъ съ ними о подаркѣ, по которому Ливонія была подарена ему. И всѣ[2]) не только не соглашались съ королемъ, но единогласно противорѣчили ему, какъ то имъ было поручено отъ всѣхъ жителей Ливоніи, и просили короля, чтобы онъ бросилъ подобные замыслы и оставилъ вольною землю Пресвятой Дѣвы. Посовѣтовавшись со своими разумными мужами, король предоставилъ епископу Ливонію и все, что къ Ливоніи принадлежитъ, со всею вольностію; королевскія же права въ Саккалѣ и Унгауніи предоставилъ братьямъ рыцарства, а всѣ духовныя права рижскому епископу, съ присовокупленіемъ, дабы епископъ и братья рыцарства оказывали ему, королю, постоянную вѣрность и не отказывались помогать датчанамъ въ войнахъ какъ противъ русскихъ, такъ и противъ датчанъ. И они обѣщали быть всегда вѣрными помощниками какъ королю, такъ и датчанамъ, затѣмъ оставили здѣсь въ новомъ замкѣ Теодориха, брата епископа съ нѣкоторыми братьями рыцарства. И они воротились домой въ Ливонію; король же, окончивъ поспѣшно стѣны замка и оставивъ въ немъ людей (гарнизонъ), воротился домой въ Данію.

Эзельцы разрушаютъ датскій замокъ на своемъ островкѣ и побуждаютъ эстонцевъ къ возстанію на материкѣ.

§ 3. Озилійцы, собравшись со всѣхъ деревень и мѣстъ, осадили названный замокъ и послали къ викскимъ эстонцамъ, дабы они приходили къ нимъ на помощь. И нѣкоторые изъ озилійцевъ пошли въ Варболу и осмотрѣли тамъ каменометныя машины, которыя датчане подарили варболенцамъ, какъ своимъ подданнымъ; возвратившись же въ Озилію, начали строить каменометныя машины и учили строить другихъ, и они понадѣлали себѣ машинъ. И они подошли къ замку съ 17 машинами и бросали въ него въ теченіе пяти дней безпрестанно много большихъ камней и недавали находившимся въ замкѣ людямъ покоя, ибо тѣ не имѣли никакихъ домовъ и строеній, куда бы можно было скрыться отъ камней, и многіе были поранены камнями, но и между озилійцами многіе были ранены и убиты изъ самострѣловъ, однако же они не переставали осаждать замокъ.

Послѣ многодневной битвы, озилійцы такъ сказали тѣмъ, что были въ замкѣ: «Знайте, что васъ никто не можетъ спасти изъ замка, потому совѣтуемъ вамъ заключить съ нами миръ, и тогда выходите всѣ изъ замка здравы и невредимы и оставляйте нашу землю». Осажденные, сражавшіеся подъ открытымъ небомъ, неимѣвшіе домовъ и во всемъ нуждавшіеся, приняли это мирное предложеніе, вышли изъ замка, перенесли свои вещи на корабли, оставили замокъ и землю озилійцевъ; озилійцы же оставили у себя заложниками до учрежденія[1]) мира семерыхъ датчанъ и Теодориха, брата рижскаго епископа. Прочіе же всѣ воротились къ датчанамъ въ Ревель.

Озилійцы разрушили замокъ такъ, что не оставили въ § 4.
немъ камня на камнѣ, и разослали по всей Эстоніи сказать, что они взяли замокъ короля датскаго и изгнали христіанъ изъ своей области, и подстрекали эстонцевъ во всѣхъ земляхъ, чтобы они также сбрасывали съ себя датское иго и изгоняли христіанство изъ своей земли, и говорили, что не трудно взять замокъ датчанъ. И учили какъ строить каменометныя машины и дѣйствовать изъ нихъ и прочихъ военныхъ орудій. И настало бѣдствіе въ краѣ.

Эзельскіе, викскіе и гаррійскіе мятежники въ Варболѣ. Что дѣлали вирландцы и іервенцы.

Когда озилійцы составили съ гаріенцами злостный заговоръ противъ датчанъ и противъ христіанства, то они собрались вмѣстѣ съ викскими эстонцами въ варболійскомъ замкѣ, и убили нѣкоторыхъ датчанъ и ихъ священниковъ, которые жили у нихъ, и послали посла въ Вирландъ, чтобы и вирландцы сдѣлали тоже самое. Вирландцы, однако, съ гервенійцами, будучи простодушными людьми и болѣе смирными, чѣмъ прочіе эстонцы, не только не послушались такихъ подстрекательствъ, но не выдали своихъ священниковъ и отослали ихъ здравыми въ датскій замокъ.

Злодѣйства саккаланъ. Печальная смерть датскаго фохта въ Іервенѣ.

Саккаланы же, однако, жившіе вмѣстѣ съ братьями рыцар- § 5.
ства въ замкѣ Филиндѣ, не могли превозмочь въ сердцахъ своихъ коварныхъ замысловъ противъ оныхъ братьевъ, бросились всѣ со своими мечами, копьями и щитами и схватили нѣкоторыхъ изъ братьевъ и ихъ слугъ и нѣмецкихъ купцовъ и умертвили ихъ. И въ тотъ день было воскресенье (29 января 1223 г.), въ Евангеліи на которое было читано: «И влѣзшу ему въ корабль, по немъ и идоша ученицы его. И се трусъ великъ

бысть въ морѣ»[1]) и въ то время какъ священникъ Теодорихъ началъ служить обѣдню и прочіе братья находились въ церкви, насталъ въ самомъ дѣлѣ большой трусъ и волненіе. Ибо умертвивъ братьевъ и слугъ и всѣхъ нѣмцевъ, кои жили въ землѣ, саккаланы устремились къ церкви не для молитвы, а для пролитія крови, и не для присутствія при обѣднѣ, а для нарушенія спокойствія Іисуса Христа, ибо несли съ собою злобу Каинову. Они оступили церковныя двери, окружили безоружныхъ братьевъ и, чтобы легче выманить ихъ къ себѣ, обѣщали имъ миръ съ коварнымъ подаваніемъ рукъ. Тогда вышелъ къ нимъ Маврикій, бывшій ихъ фохтомъ, довѣрившись вѣроломнымъ. Они тотчасъ же бросились на него и умертвили его. Тогда прочіе съ ужасомъ увидѣли, что предстоитъ имъ, и приготовились къ оборонѣ. Но саккаланы поклялись, что они сохранятъ миръ, тогда братья пошли одинъ за другимъ къ нимъ изъ церкви. Вѣроломные же тотчасъ же схватили ихъ, связали и сковали ихъ, а все ихъ имущество и лошадей заграбили и подѣлили между собою. И тѣла убитыхъ они бросили въ поле на съѣденіе псамъ, ибо они, какъ написано, «положиша трупія рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ твоихъ звѣремъ земнымъ. Проліяша кровь ихъ яко воду окрестъ Іерусалима, и не бѣ погребаяй».

Нѣкоторые и саккаланъ пошли въ другой замокъ, который находился на Палѣ, и здѣсь устроили сдѣлать тоже самое, и по дорогѣ убили своего священника съ другими[2].)

§ 6. Затѣмъ тѣ же саккаланы пошли въ Гервенъ и схватили тамъ Гебба, бывшаго фохтомъ, и повели его съ прочими датчанами назадъ въ свой замокъ и казнили его и другихъ мучительною казнію, растерзали ихъ внутренности и вынули у живаго еще Гебба сердце, зажарили его на огнѣ и, раздѣливъ между собою, съѣли, дабы сильнѣе быть противъ христіанъ; и тѣла убитыхъ бросили на съѣденіе псамъ и птицамъ небеснымъ.

Какъ свирѣпствовали унгаунійцы; смертная опасность, грозившая священнику Гартвигу въ Дерптѣ.

§ 7. По совершеніи столь гнуснаго дѣла, филинскіе старшины въ тотъ же день послали въ Одемпэ и говорили имъ, что и они могутъ сдѣлать тоже самое и показали тарбатцамъ окровавленные мечи, которыми они умертвили нѣмцевъ, и послали имъ лошадей и платье убитыхъ въ знакъ справедливости говореннаго. И тѣ съ радостію приняли это извѣстіе, бросились на братьевъ рыцарства, и убили Іоанна, который былъ ихъ фохтомъ, и всѣхъ ихъ слугъ; также убили мечемъ очень многихъ купцовъ. Прочіе спаслись, спрятавшись; впослѣдствіи они были

брошены въ оковы. И все имущество братьевъ рыцарства и прочихъ нѣмцевъ и купцовъ они разграбили и подѣлили между собою и тѣла убитыхъ бросили непогребенными на полѣ. Души убитыхъ почіютъ въ мирѣ во Христѣ.

Въ Тарбатѣ въ это время у братьевъ рыцарства былъ собратъ ихъ священникъ Гартвигъ; они посадили его на жирнаго быка, ибо и самъ священникъ былъ толстъ, и повели его изъ замка и бросили жребій кого изъ нихъ, быка или священника, принести въ жертву своимъ богамъ. И жребій палъ на быка; они его тотчасъ же принесли въ жертву. Священнику же, по волѣ боговъ, оставили жизнь. Онъ, однакоже, получилъ сильную рану, отъ которой впослѣдствіи излечился.

Что дѣлали дальше, при помощи русскихъ, возмутившіеся эстонцы.

Пронеслась тогда молва по всей Эстоніи и Озиліи, что наступило время сражаться съ датчанами и нѣмцами и изгнать христіанство изъ всѣхъ областей. Эстонцы призвали себѣ на § 8.
помощь русскихъ какъ изъ Ногардіи, такъ и изъ Плесцекова, заключили миръ съ ними и однихъ русскихъ поставили въ Тарбатѣ, другихъ въ Филиндѣ, а иныхъ въ другихъ замкахъ, чтобы русскіе бились тутъ съ нѣмцами и латинами и всѣми христіанами; эстонцы подѣлились также съ русскими лошадьми и деньгами и имуществомъ братьевъ рыцарства и имуществомъ купцовъ и всѣмъ, что только они ни награбили. И они укрѣпили свои замки, построили каменометныя машины во всѣхъ замкахъ и учились дѣйствовать самострѣлами и подѣлили между собою множество самострѣловъ, которые они награбили у братьевъ рыцарства. И они снова взяли къ себѣ своихъ женъ, которыхъ оставили при принятіи христіанства, и вынимали тѣла своихъ умершихъ съ кладбищъ, вынули ихъ изъ гробовъ и сожгли по прежнему языческому обычаю. И они омывали водою свои дома и замки и выметали ихъ вѣниками и думали такимъ образомъ совершенно уничтожить таинство крещенія во всѣхъ ихъ областяхъ.

Сдѣлка саккаланъ съ рижанами.

И послали саккаланы посла въ Ригу и сказали, что они § 9.
не прочь возстановить съ рижанами миръ, но христіанской вѣры впредь никакъ не примутъ, пока у нихъ будутъ однолѣтніе или въ аршинъ высотою мальчики. И они истребовали возвратить имъ ихъ мальчиковъ, бывшихъ заложниками, и обѣщали отдать за каждаго заложника по одному брату рыцарства и купцу изъ

числа тѣхъ, кои находились у нихъ еще въ живыхъ въ оковахъ; что и было исполнено.

Божеское знаменіе на дитяти убійцы.

§ 10. Въ то время жилъ христіанскій купецъ въ домѣ одного эстонца въ Саккалѣ и когда всѣ нѣмцы, находившіеся въ краѣ, были умерщвляемы, то и оный эстонецъ напалъ на своего гостя и убилъ его. Послѣ того жена убійцы родила сына, и у новорожденнаго мальчика оказались свѣжія раны на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его отецъ ранилъ невиннаго, и раны на мальчикѣ были во всемъ похожи на раны убитаго. Раны у мальчика, однако, зажили впослѣдствіи, но отъ нихъ остались знаки даже до сего дня. И многіе, видѣвшіе то, дивились и свидѣтельствовали это возмездіе Божіе; оный же убійца скоро былъ умерщвленъ войскомъ христіанскимъ.

Осада эстонцами ревельскаго замка.

§ 11. Тогда возобновилась война во всѣхъ областяхъ Эстоніи. Ибо озилійцы и викцы и варбольцы вмѣстѣ съ гервенійцами и вирландцами осадили датчанъ въ Ревелѣ и осаждали до тѣхъ поръ, пока войско не освободило осажденныхъ. Когда осажденные въ замкѣ изнемогали уже отъ усталости, пошли наконецъ нѣмцы съ датчанами на осаждающихъ и напали на нихъ, и Господь Богъ обратилъ эстонцевъ въ бѣгство, и пало ихъ множество убитыми отъ христіанъ, а прочіе бѣжали. И христіане забрали и ихъ скотъ и лошадей и много добычи и прославили Господа, освободившаго ихъ отъ столь великаго зла.

Вражда летовъ съ унгаунійцами.

§ 12. Теперь, когда летты увидѣли все зло, какое эстонцы причинили Ливоніи, то тотчасъ же начали войну съ ними. И Рамеко со своими и Варигербе съ другими леттами пришли въ Унгаунію, начали тутъ опустошать деревни, брать въ плѣнъ людей, убивать ихъ и взяли много добычи. По возвращеніи ихъ домой, другіе летты пошли по ихъ слѣдамъ и причинили такое же зло. Точно также и эстонцы, преслѣдуя леттовъ, пришли въ землю ихъ и причинили тутъ подобное же зло.

Какъ меченосцы во время дальнѣйшей войны съ эстонцами одобрили наконецъ требованія епископовъ Альберта и Германа

§ 13. Затѣмъ уже братья рыцарства вторглись въ Унгаунію и, ограбивъ и сжегши нѣкоторыя деревни, причинили эстонцамъ такое же зло, какое эстонцы причинили братьямъ рыцарства. И когда братья рыцарства воротились въ Ригу, то епископскіе

мужи и всѣ нѣмцы просили ихъ, чтобы они помогли имъ противъ необузданности эстонцевъ. Тогда братья рыцарства единогласно сказали имъ: «Если вы предоставите церкви Пресвятой Маріи и рижскому епископу третью часть въ Эстоніи и епископу Герману возвратите его третью часть и сами удовольствуетесь своею третьею частію, то мы охотно будемъ помогать вамъ». И они обѣщали немедленно отдать епископамъ слѣдующія имъ части. Тогда поднялись всѣ мужи церкви и созвали войско отъ ихъ ливовъ и леттовъ и ополчились съ рижанами и братьями рыцарства. И они пошли въ Саккалу и при наступленіи утра появились у замка Филинде. И изъ замка вышли эстонцы и бились съ ними до третьяго часа. И эстонцы отступили, тогда войско разсѣялось по всѣмъ деревнямъ и опустошило землю, брало въ плѣнъ и убивало всѣхъ, кого ни находило. И войско снова собралось и пошло въ Ливонію къ замку, стоявшему у Палы, и билось съ эстонцами трое сутокъ. И другіе переправились чрезъ Палу, опустошили и выжгли всю Нурмегунду и убили очень многихъ. Придя къ своимъ, они со всѣмъ войскомъ воротились въ Ливонію. И у всѣхъ мущинъ, коихъ они вели плѣнными, они отрубили головы въ возмездіе этимъ лживымъ и коварнымъ языческимъ народамъ. Добычу же они подѣлили между собою и благословили Того, который благословенъ во вѣки.

Примѣчанія къ главѣ XXVI.

§ 1. 1) Вальвы — это нѣмецкое названіе половцевъ.
2) Это Мстиславъ Романовичъ кіевскій.
3) Это Мстиславъ Мстиславичъ галицкій.
4) См. гл. 16, 2; сравни гл. 19, 10.

§ 2. 1) Графомъ Альбертомъ луэнбургскимъ. См. гл. 21, 1.
2) Слѣд. и меченосцы. Сравни гл. 24, 4; гл. 25, 1. 3.

§ 4. 1) До королевскаго утвержденія. Сравни гл. 20, 8; гл. 21, 1.

§ 5. 1) Ев. отъ Матѳея гл. 8, 29.
2) Быть можетъ феллинскаго священника Дитриха.

ГЛАВА XXVII.

Епископства Альберта двадцать пятый годъ.

Большое нашествіе эстонцевъ на земли леттовъ и ливовъ; пораженіе эстонцевъ у Зеды.

Наступилъ (съ марта 1223 г.) двадцать пятый годъ епископства, и церковь все не имѣла никакого покоя отъ войны.

§ 1. Ибо когда епископъ Бернардъ, который былъ первымъ епископомъ семигаловъ, со многими пилигримами воротился изъ Германіи, саккаланы и унгаунійцы съ жителями прилегавшихъ къ нимъ земель собрали большое войско и, придя въ Имеру, опустошили всю землю леттовъ и убили многихъ леттовъ и взяли женщинъ въ плѣнъ. И свое войско разсѣяли по всей провинціи и великою казнію паразили край. Ибо одни вторглись въ Трикатуу, другіе въ Розулу, иные въ Метзеполь, иные въ Торейду и застали многочисленныхъ мужчинъ и женщинъ во всѣхъ деревняхъ, и убили многихъ изъ нихъ и увели другихъ въ плѣнъ; и собравъ большую добычу, предали огню всѣ деревни и церкви. И потомъ они всѣ съ добычею собрались въ Леттегорѣ [1]) Рамеко же съ немногими другими леттами шелъ въ тыл уэстонцевъ до Уреле [2]) и случайно наткнулся на Варемара, который былъ начальникомъ русскихъ въ Филиндѣ, и умертвилъ его со многими другими русскими и эстонцами, и забравъ оружіе и множество добычи, воротился въ Венденъ.

И вѣсть о злѣ, какое постигло ливовъ и леттовъ, дошла до Риги, и плакали и печалились всѣ о погибшихъ своихъ собратьяхъ. И они не медлили, но оставили свои кошели

хлѣбы и платья и всѣ какъ всадники, такъ и пѣшіе, братья рыцарства съ пилигримами и купцами и ливами пошли въ Торейду. И пославъ лазутчика, они узнали, что непріятель уже выступилъ изъ Ледегора, и потому пошли за нимъ слѣдомъ денно и нощно, вслѣдствіе чего пѣшіе люди и другіе, истомленные чрезвычайнымъ трудомъ, воротились въ Ригу. Но были мужественныя сердца, желавшія отмстить невѣрнымъ и стать защитниками дома Господня, они не пошли назадъ. Между ними былъ Іоганъ, пробстъ церкви св. Маріи, священникъ Даніилъ, Вольквинъ, магистръ братьевъ рыцарства, они-то ободрили прочихъ мужественно сразиться съ вѣроломными отступниками. Къ нимъ подошли также братья рыцарства изъ Зигевольда и Вендена и ливы и леты.[3]) И они пошли за непріятелемъ по дорогѣ, лежавшей у Койвы. Непріятель же пошелъ по другой дорогѣ, которая ведетъ къ церкви близь Имеры; поставивъ на ночь въ церкви своихъ лошадей и совершивъ здѣсь другія безчинства, эстонцы ограбили и сожгли хлѣбъ и домъ и все, что принадлежало священнику, и при наступленіи утра двинулись къ Имерѣ.

И произошло такъ, что въ то время, когда она часть непріятельскаго войска перешла мостъ чрезъ Имеру[4]), неожиданно появились христіане, шедшіе по другой дорогѣ, и напали на средину непріятельскаго войска. И встрѣтили ихъ храбрѣйшіе изъ эстонцевъ, но ихъ устрашилъ тотъ, который во время оно устрашилъ филистимлянъ и заставилъ ихъ бѣжать предъ Давидомъ. И нѣмцы вступили въ бой съ ними, и дали эстонцы тылъ и побѣжали предъ христіанами. И нѣмцы предслѣдовали ихъ, разсѣевая и давя по дорогѣ, по которой они шли, и убили многихъ изъ нихъ. Другіе преслѣдовали бѣгущихъ по мосту и бились съ ними на мосту; тутъ палъ раненный копьемъ Теодорихъ, братъ рыцарства, храбрый благочестивый мужъ, прочіе же перешли по мосту и напали на эстонцевъ. Тѣ же, побросавъ добычу и лошадей и умертвивъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ, бросились бѣжать въ лѣса. И было убитыхъ эстонцевъ шесть сотъ и болѣе, другіе погибли въ лѣсахъ, другіе утонули въ Имерѣ, а иные со стыдомъ воротились домой и принесли вѣсть о своемъ пораженіи. Христіане же какъ нѣмцы, такъ ливы и летты, забрали добычу эстонцевъ и лошадей и скотъ, и все подѣлили между собою по ровну. И плѣннымъ собратьямъ своимъ какъ мущинамъ, такъ и женщинамъ, они дали прежнюю свободу, и прославили и возблагодарили Того, кто не только въ этотъ разъ, но и всегда споборалъ имъ въ Ливоніи и даровалъ имъ знаменитыя побѣды подъ отступническими народами.

Ливонцы снова овладѣваютъ Феллиномъ и замкомъ на Палѣ.

Послѣ того какъ эстонцы, отступившіе отъ вѣры Іисуса Христа, потерпѣли пораженіе на Имерѣ, послалъ епископъ Бернардъ[1]) по всей землѣ ливовъ и эстовъ и позвалъ всѣхъ, какъ мужей церкви, такъ и братьевъ рыцарства съ ливами и летами итти на войну съ эстонцами. Всѣ повиновались призыву и собрались на войну; къ войску пристали пилигримы и купцы. Одни приплыли на кораблѣ въ Койву, другіе пришли пѣшкомъ, иные на лошадяхъ и въ числѣ восьми тысячъ собрались на мѣсто молитвы и совѣщаній. По совершеніи молитвъ и совѣщаній, они пошли въ Эстонію, и обложили вторично замокъ Филинде, который за десять лѣтъ тому назадъ былъ завоеванъ нѣмцами и приведенъ подъ иго христовой вѣры, построили тутъ малыя стѣнобитныя машины, сдѣлали очень сильную и высокую деревянную башню, изъ которой можно было подкопаться подъ замокъ Но имъ очень много мѣшали самострѣлы тѣхъ, что находились въ замкѣ. Ибо очень много самострѣловъ, взятыхъ у братьевъ рыцарства, имѣли они противъ самострѣловъ христіанъ и построили камнеметныя машины противъ машинъ христіанъ. И бились другъ съ другомъ много дней. Ибо осада началась въ августѣ въ праздникъ цѣпей св. Петра (1 августа) и осажденные ослабѣли и сдались въ день Успенія Пресвятой Богородицы (15 августа). Стояли именно страшные жары, и въ замкѣ находилось множество людей и скота, истомились они отъ голода и жажды; настала сильная зараза отъ чрезвычайнаго смрада отъ убитыхъ въ замкѣ, и начали люди заболѣвать и умирать, прочіе же, оставшіеся въ живыхъ, не могли противиться и потому сдались со своими въ руки христіанъ, въ особенности когда увидѣли, какъ замокъ въ другой уже разъ былъ зажигаемъ христіанами и они съ крайнимъ трудомъ защищали себя и замокъ. И осажденные заключили миръ съ христіанами и вышли изъ замка; они снова приняли иго христіанскаго ученія и обѣщали не отступать впредь отъ таинствъ вѣры и за свое преступленіе учинить удовлетвореніе. И пощадили ихъ братья рыцарства и нѣмцы, хотя они и заслужили лишенія какъ жизни, какъ и всего имущества. Но русскіе, кои находились въ замкѣ и пришли на помощь къ отступникамъ, послѣ взятія войскомъ замка были всѣ повѣшены предъ замкомъ, на страхъ другимъ русскимъ. По заключеніи мира, христіане вошли въ замокъ, и забравъ все, что въ замкѣ было, и выведя лошадей и скотъ, подѣлили все между собою по ровну, а людямъ дозволили разойтись по ихъ деревнямъ.

Послѣ дѣлежа добычи, христіане пошли къ другому замку, который былъ на Палѣ, и точно также напали на него. Но

тутъ осажденные изъ страха покоренія ихъ замка, изъ страха заразы и смертности, бывшихъ въ вышесказанномъ замкѣ, и изъ страха предъ подобнымъ же зломъ, сдались немедленно въ руки христіанъ; они просили лишь о пощадѣ жизни и о свободѣ, а все свое имущество отдали въ руки войску. И христіане даровали имъ жизнь и свободу и разослали ихъ по ихъ деревнямъ, и взяли много добычи, лошадей, овецъ и скотъ и все, что въ замкѣ было. И благодаря Господа за пріобрѣтеніе вновь двухъ замковъ и за покореніе вновь этого отступническаго народа, воротились они съ большою радостію въ Ливонію.

Походъ русскихъ чрезъ эстонскую землю; осада ими и эстонцами датскаго замка.

Были также посланы саккаланскіе старшины въ Россію съ деньгами и многими подарками, чтобы пригласить русскихъ королей на помощь противъ нѣмцевъ и латинянъ. И послалъ король суздальскій своего брата[1]) и многочисленное войско съ нимъ на помощь къ нигардскимъ, иногардскіе и король плецековскій[2]) со своими горожанами послѣдовали за нимъ, и было войско силою около 20,000 человѣкъ. И пришли въ Унгаунію близь Тарбаты, и послали имъ тарбатцы большіе подарки, а братьевъ рыцарства и нѣмцевъ, находившихся въ плѣну у нихъ, они передали въ руку короля[3]), и лошадей и самострѣлы и многое другое и просили о помощи противъ латинянъ. И поставилъ король своихъ мужей въ замкѣ, дабы они имѣли господство въ Унгауніи и во всей Эстоніи. И пошелъ король въ Одемпэ и сдѣлалъ здѣсь тоже самое. За тѣмъ онъ направилъ свое войско въ Ливонію къ Пуйдизѣ и за нимъ послѣдовали унгаунійцы и было очень большое войско. И встрѣтились имъ тутъ озилійцы, которые присовѣтовали королю направить его войско на Ревель противъ датчанъ, потому что побѣдивъ датчанъ, легко будетъ совладать съ ливонцами, и говорили, что въ Ригѣ находится много пилигримовъ, готовыхъ сразиться съ непріятелемъ. И послушался ихъ король и съ войскомъ пошелъ другою дорогою съ Саккалу. И послику онъ нашелъ всю Саккалу покоренною нѣмцами и два замка завоеванными и своихъ русскихъ повѣшенными у Филинда, потому онъ очень прогнѣвался, и гнѣвъ свой положилъ на саккаланъ, казнилъ эту землю большою казнію, и всѣ бывшіе въ замкѣ, которые спаслись отъ нѣмцевъ и отъ большой заразы, теперь были перебиты, а прочіе спаслись въ лѣсахъ. И когда онъ со своимъ большимъ войскомъ двинулся въ Гервенъ, то призвалъ къ себѣ гервенійцевъ, вирландцевъ, варбольцевъ съ озилійцами и со всѣми ими осадилъ датскій замокъ Линданизе и бился съ датчанами четыре недѣли. И онъ не могъ побѣдить ни датчанъ, § 3.

ни ихъ замка, ибо въ замкѣ было много самострѣловъ и датчане перебили много русскихъ и эстонцевъ. Король Суздальскій наконецъ со стыдомъ воротился со всѣмъ своимъ войскомъ въ Россію. Очень большое и сильное было то войско и оно пыталось было взять датскій замокъ по образцу и искуству нѣмцевъ, но не могло ничего сдѣлать; опустошили и ограбили только окрестныя земли и наконецъ воротились домой въ свою землю.

Нападеніе нѣмцевъ на Дерптъ, подчиненіе іервенцевъ.

§ 4. Между тѣмъ братья рыцарства и другіе нѣмцы съ немногими осадили тарбатскій замокъ и бились съ ними пять дней. И они не могли, по малочисленности своей, взять столь сильный замокъ, опустошили только окрестную землю и со всею добычею воротились въ Ливонію.

Братья рыцарства снова собрали войско, вторглись въ Эстонію и поразили герванцевъ большою казнію, за то, что они постоянно начинали войны съ датчанами, и умертвили и взяли въ плѣнъ много герванійцевъ и взяли большую добычу. И пришли къ нимъ герванійцы въ Кейтисъ[1]) и обѣщали нѣмцамъ и всѣмъ христіанамъ постоянную вѣрность. Затѣмъ войско немедленно выступило изъ ихъ области и воротилось со всею добычею домой въ свою землю.

Какъ опасный русскій князь Вячко основалъ въ Дерптѣ свое мѣстопребываніе.

§ 5. Потомъ ногардцы послали короля Висцека, который прежде (въ 1208 г.) умертвилъ мужей рижскаго епископа въ Кукенойсѣ, и дали ему денегъ и двѣсти мужей и поручили ему начальство въ Дарбатѣ и въ другихъ земляхъ, которыя онъ покоритъ своему господству. И прибылъ оный король со своимъ мужами къ Дарбату и его съ радостію приняли въ замкѣ, чтобы имѣть больше силъ противъ нѣмцевъ, и дали ему дань съ окрестныхъ земелъ. И противъ тѣхъ, которые дани не дали, приготовилъ войско и опустошилъ всѣ земли, которыя не покорялись ему, отъ Вайги до Вирланда, отъ Вирланда до Гервена и Саккалы, и причинялъ онъ христіанамъ всякое зло, какое причинить могъ.

Ливонцы покоряютъ Лоаль съ другими гаррійскими замками и принуждаютъ къ подчиненію имъ гервенцевъ и вирландцевъ.

§ 6. Послѣ праздниковъ Рождества Христова, рижане вознамѣрились осадить Тарбатскій замокъ и соединились съ братьями рыцарства и пилигримами и съ ливами и съ леттами у Астигервѣ

и составили большое войско. И они вспомнили о датчанахъ, которые претерпѣвали долговременное бѣдствіе и противъ которыхъ давно уже воевали всѣ окрестныя земли и народы, потому они отложили походъ въ Дарбату, а со всѣмъ войскомъ отправились въ Гаріенъ и осадили замокъ Лоне, бились съ осажденными двѣ недѣли, построили стѣнобитныя машины и очень крѣпкую деревянную башню, которую подтащили къ замку, чтобы изъ подъ нея подкапываться въ замокъ, а сверху удобнѣе поражать непріятеля. И когда датчане услышали про то, то обрадовались тому и пришли къ нимъ и благодарили ихъ за то, что они сжалились надъ ними и пришли къ нимъ на помощь. Потомъ осаждающіе многихъ перебили изъ самострѣловъ и машинъ, прочіе же изъ осажденныхъ начали заболѣвать и умирать. Кромѣ того тѣ, что копали, подошли уже столь близко къ валамъ, что осажденные думали, что имъ всѣмъ придется провалиться въ ровъ. Наконецъ осажденные начали просить войско даровать имъ жизнь и свободу. И войско согласилось даровать имъ жизнь и зажгло замокъ, но лошадей и воловъ и скотъ и имущество и деньги и все, что было въ замкѣ, нѣмцы взяли себѣ и подѣлились взятымъ по ровну съ ливами и летами; но людей возвратили датчанамъ и отослали ихъ свободными въ ихъ деревни[1]).

Между тѣмъ нѣмцы послали нѣкоторыхъ изъ своего войска къ тремъ другимъ маленькимъ замкамъ въ окрестности и грозили имъ войною, если тѣ не сдадутся въ ихъ руки. И сдались эти три замка окрестности въ руки рижанъ и прислали имъ дань и очень много вайпы на этотъ походъ[2]).

И войско рижанъ направилось въ Гервенъ и нѣкоторые начали опустошать землю. И встрѣтились съ ними гервенійцы и вирландцы и просили мира съ обѣщаніемъ впредь не отступать отъ таинствъ христіанской вѣры. И они заключили съ ними миръ и имѣли милость къ нимъ, получивъ отъ нихъ заложниковъ. Однако же датчане впослѣдствіи сильно безпокоили ихъ и нападали войною за то, что они приняли отъ рижанъ и миръ и иго христіанства.

И рижское войско съ радостію воротилось въ Ливонію и возблагодарило Іисуса Христа, который всегда изъ всѣхъ походовъ выводилъ ихъ здравыми и невредимыми.

Удивленіе русскаго посла въ Ригѣ.

Между тѣмъ въ Ригѣ пребывали послы русскаго короля и ждали исхода дѣла и очень удивлялись тому, что рижане никогда не возвращаются домой безъ побѣды и съ пустыми руками, ибо стрѣла Іонаѳанова никогда не летитъ назадъ и щитъ его не

склоняется въ войнѣ и мечь Сауловъ не дѣйствовалъ попусту, въ то время какъ большому и сильному войску короля русскихъ никогда не удавалось завоеваніемъ хотя бы единый замокъ привести подъ иго христіанской вѣры.

Примѣчанія къ главѣ XXVII.

§ 1. 1) Нынѣ Лодигеръ.
2) Нынѣ Ореллепъ. См. г. 22, 4.
3) Въ риѳмованной хроникѣ также разсказывается о сраженіи на Имерѣ, послѣдовавшемъ вскорѣ послѣ большаго эстонскаго возстанія, 893—1174.
4) См. гл. 22, 2.

§ 2. 1) Бернардъ очевидно заступалъ мѣста Альберта, какъ и въ главѣ 24, 2. Бернардъ упоминается здѣсь въ послѣдній разъ.

§ 3. 1) Великій князь суздальскій Георгій послалъ своего брата Ярослава на помощь; объ этомъ походѣ на Эстонію и Колывань (русское названіе Ревеля) упоминаютъ русскія лѣтописи.
2) Владиміръ.
3) Ярослава, который тоже неправильно названъ королемъ Суздальскимъ.

§ 4. 1) Кеттисъ по гл. 24, 5. Не есть-ли это нынѣшняя деревня Кейсъ?

§ 5. 1) Какъ датскихъ подданныхъ.
2) Вайпа по эстонски значитъ грубое сукно.

ГЛАВА XXVIII.

Епископства Альберта двадцать шестой годъ.

Новыя нападенія на Дерптскій замокъ.

Наступилъ (съ 1 марта 1224 г.) двадцать шестой годъ со времени посвященія епископа Альберта и церковь не успокоилась отъ войнъ.

§ 1. Ибо король Висцека въ тарбатцами тревожилъ всѣ окрестныя земли и хотя летты и ливы часто выступали противъ нихъ, но, по малочисленности своей, не могли имъ ничего сдѣлать. Братья рыцарства также снова собрали послѣ пасхи (послѣ 14 апрѣля) войско и осаждали Дарбату и бились пять дней съ ними, но не могли, по малочисленности своихъ, овладѣть замкомъ. И они опустошили землю кругомъ и съ добычею воротились въ Ливонію.[1])

Какъ епископы Альбертъ и Германъ пришли наконецъ къ соглашенію съ датскимъ королемъ. Альбертъ въ тринадцатый разъ прибываетъ въ Ливонію.

Между тѣмъ достопочтенный епископъ Альбертъ воротился домой изъ Германіи[2]) со многими пилигримами и всею своею свитою, и вмѣстѣ съ нимъ прибылъ его братъ, не менѣе достопочтенный епископъ Германъ, давно уже избранный и посвященный въ епископы Эстоніи. Король датскій не допускалъ его уже нѣсколько лѣтъ (съ 1220 г.) на эстонское епископство, но когда король датскій былъ уведенъ нѣмцами[3]) въ плѣнъ въ Саксонію, то вышеназванный рижскій епископъ съ онымъ своимъ братомъ отправились къ королю, чтобы получить его согласіе и утвер-

жденіе. И понравилось королю, что онъ идетъ въ Ливонію, а изъ Ливоніи въ Эстонію на свое епископство.

Когда епископы прибыли въ Ригу, то рижанами и всѣми, кто тогда находился въ Ливоніи, были приняты съ большою радостію, и всѣ радовались и благодарили Бога за то, что послѣ многихъ золъ и печальныхъ войнъ почти вся Эстонія, за исключеніемъ дарбатскаго замка, была снова покорена и возвращена, надъ непокоренными же тяготило небесное мщеніе.

Дѣленіе Вика, Унгауніи, Саккалы между обоими епископами и меченосцами.

§ 2. И братья рыцарства условились съ оными епископами и мужами церкви и со всѣми рижанами о дѣлежѣ эстонскихъ земель,[1]) принадлежавшихъ Ригѣ. И они отдали епископу Герману Унгаунію въ ея землями, братья рыцарства получили по жребію Саккалу, церкви же св. Маріи и рижскому епископу былъ предоставленъ Викъ съ семью килегундами. И когда викцы узнали, что будутъ принадлежать рижской церкви, то радовались тому и заплатили полностію подати за два года, которыя они не внесли по причинѣ нападеній датчанъ. Унгаунійцы также радовались господству епископа Германа, радовались и въ Одемпэ, но ихъ утѣснялъ король Висцека со своими тарбатцами, который былъ петлею и сущимъ дьяволовъ для саккаланъ и другихъ окрестныхъ эстовъ.

Тщетное предложеніе Вячку въ Дерптѣ оставить эстонскихъ мятежниковъ; необходимость осады.

§ 3. И епископы послали посла къ королю въ Дарбату и потребовали, чтобы онъ отступилъ отъ тѣхъ мятежниковъ, кои находились въ замкѣ, кои опозорили таинство св. крещенія, кои отреклись отъ вѣры въ Іисуса Христа и обратились въ язычество, кои братьевъ рыцарства, ихъ собратій и господъ частію убили, частію взяли въ полонъ и изгнали изъ ихъ округовъ, кои всѣ сосѣднія земли, исповѣдующія вѣру христову, ежедневно грабятъ и опустошаютъ. И король не хотѣлъ отступить отъ нихъ, по тому что ногардцы и короли русскихъ подарили ему на вѣчныя времена этотъ замокъ и обѣщали оборонять его отъ нападеній нѣмцевъ. И въ томъ замкѣ къ одному королю собрались всѣ злодѣи съ окрестныхъ земель и изъ Саккалы, измѣнники и убійцы ихъ братьевъ, братьевъ рыцарства и купцовъ, зачинщики злыхъ замысловъ противъ ливонской церкви. Начальникомъ и господиномъ ихъ былъ оный король, древній корень всякаго зла въ Ливоніи, который нарушилъ миръ съ истиннымъ миpоносцемъ и всѣми христіанами, который вѣрныхъ мужей, посланныхъ ему

рижанами на помощь противъ нападеній летоновъ, коварнымъ образомъ умертвилъ и ограбилъ все ихъ имущество[1]). Всѣ они надѣялись на крѣпость своего замка, презирали миръ христіанъ и только и думали, что причинять ежедневно зло христіанамъ. Ибо и въ самомъ дѣлѣ названный замокъ былъ сильнѣе, чѣмъ всѣ эстонскіе замки, такъ какъ братья рыцарства передъ тѣмъ укрѣпили его съ большими трудами и издержками и снабдили его военными запасами и самострѣлами, что все ограблено было вѣроломными. Кромѣ того у короля было множество его русскихъ стрѣлковъ, кромѣ того они наготовили камнеметныя машины по образцу озилійцевъ и прочіе военные припасы.

Была въ то время эстонская церковь подвержена многимъ военнымъ бѣдствіямъ; она подобилась женѣ, которая егда рождаетъ скорбь имать, яко пріиде годъ ея, и рожденіе которой преслѣдуется дракономъ, онымъ бегемотомъ, который поглощаетъ рѣку и уповаетъ, яко войдетъ Іорданъ во уста его. Названная церковь никоимъ способомъ не могла освободиться отъ столъ великой военной опасности, ибо она была еще малою и слабою; ее могла освободить лишь ливонская церковь, которая всегда была ея истинною и первою матерью по трудамъ покоренія и которая родила ея банею пакибытія въ вѣрѣ Іисуса Христа, хотя многія матери несправедливо овладѣвали этою дочерью и всегда лживо присвоивали ее себѣ, къ числу которыхъ принадлежитъ русская церковь, всегда безплодная и бездѣтная, которая приводитъ земли подъ свое иго не изъ надежды возрожденія ихъ въ вѣрѣ Іисуса Христа, а изъ надежды и дань не добычу. § 4.

Походъ на Дерптъ; осада и взятіе этого замка.

Съ тѣмъ чтобы ливонская церковь могла освободить отъ тогдашняго зла эстонскую церковь, которую она родила Іисусу Христу, послалъ преосвященный рижскій епископъ и созвалъ какъ братьевъ рыцарства, такъ и мужей церкви съ пилигримами и купцами и рижскими гражданами со всѣми ливами и леттами, и объявилъ идти въ походъ всѣмъ, кто только принадлежалъ къ ливонской церкви. И въ вѣрномъ послушаніи собрались всѣ со своими войсками у озера Растигерве и призвали къ себѣ брата вышеназваннаго достопочтеннаго рижскаго епископа, не менѣе достопочтеннаго епископа Германа со всѣми его мужами, священниками и рыцарями. И совершивъ здѣсь таинства[1]) совѣщанія и молитвы, они послали впередъ лучшихъ и храбрѣйшихъ людей изъ войска, дабы они денно и нощно шли чрезъ Унгаунію и на слѣдующее утро могли достичь дарбатскаго замка. Епископы снова раздѣлили свои отряды и назначили однимъ итти для нападенія на замокъ, а другіе направили въ Вирландъ для разо- § 5.

ренія мятежныхъ еще жителей этой земли. Чрезъ три дня они доставили въ изобиліи овецъ и скотъ и все что нужно войску. Послѣ того епископы съ пилигримами шли дальше и въ день Успѣнія Пресвятой Дѣвы подошли къ замку, такъ какъ въ этотъ день въ прошломъ году былъ взятъ замокъ Филинде.

Поля покрылись палатками и осаждающіе открыли нападеніе на замокъ, приготовили камнеметныя машины и въ большомъ числѣ военныя орудія, устроили больверкъ или деревянную башню, очень крѣпкую, высотою равною съ вышиною замка, башню они искусно сдѣлали въ восемь дней изъ большихъ и очень высокихъ деревъ, подвинули эту башню черезъ ровъ и тотчасъ же начали подкапываться подъ землею. Распорядились, что половина войска, копала денно и нощно, такъ чтобы одни копали, а другіе уносили выкапываемую землю, отъ этого, когда наступило утро, большая часть скатовъ вала обрушилась; тогда осаждающіе тотчасъ же придвинули больверкъ къ замку. Между тѣмъ послали переговорщиковъ къ королю, священника и рыцаря, знатныхъ мужей, съ обѣщаніемъ королю свободнаго выхода, обѣщали, что король можетъ выттп со всѣми своими мужами и лошадьми и со всѣмъ имуществомъ, если только выступитъ изъ замка и оставитъ этотъ вѣроломный народъ. Но король ждалъ помощи отъ ногардцевъ и упорно говорилъ, что онъ ни во какомъ случаѣ не оставитъ замка.

Между тѣмъ въ палаткахъ разнеслась вѣсть, что идутъ русскіе, опустошавшіе землю, нѣмцы тотчасъ же приготовились итти противъ нихъ, выступили въ поле, а другихъ оставили продолжать осаду замка. Но какъ русскіе не приходили, потому они воротились назадъ для нападеній на замокъ. Многихъ на верхнемъ краю укрѣпленія они поранили стрѣлами изъ самострѣловъ, другихъ убили каменьями изъ машинъ, а изъ метательныхъ орудій бросали въ замокъ раскаленное желѣзо и горшки съ огнемъ. Много страха навели они въ замкѣ тѣмъ, когда одни приготовляли орудія, называемыя ежемъ и свиньею [2]), другіе стаскивали дрова, другіе подкладывали огонь, и бились такимъ образомъ въ теченіе многихъ дней. Но и тѣ, что находились въ замкѣ, машинами дѣйствовали противъ машинъ христіанъ и стрѣлами дѣйствовали противъ стрѣлъ осаждающихъ. И осаждающіе копали безъ отдыха день и ночь, отчего башня подвигалась къ замку все ближе и ближе. Не давали никакого отдыха уставшимъ. Днемъ бились, по ночамъ устраивали игры и кричали; ливы и летты ударяли мечами о щиты и кричали, нѣмцы били въ литавры и играли въ свистки и другіе музыкальные инструменты, русскіе играли въ свои инструменты и съ криками по ночамъ всѣ оставались безъ сна.

Всѣ христіане собрались снова и искали совѣта у Бога. Между ними былъ Фредерихъ, предводитель, и Фредегельмъ, предводитель, и одинъ фохтъ пилигримовъ, благородный и богатый, который сказалъ: «Нужно, говорилъ онъ, взять этотъ замокъ открытою силою и учинить возмездіе злодѣямъ на страхъ другимъ. Въ прочихъ замкахъ, которые до сихъ поръ были покоряемы ливонцами, вы всегда оставляли жизнь и свободу осажденнымъ, а отъ этого исчезъ всякій страхъ между прочими. Теперь же, кто изъ нашихъ первый взойдетъ въ замокъ, долженъ быть превознесенъ большою почестью и ему нужно дать лучшую лошадь и знатнѣйшаго плѣннаго, какой только не окажется въ замкѣ, кромѣ короля: этого мы повѣсимъ на самомъ высокомъ деревѣ и вознесемъ выше всѣхъ!» Понравился всѣмъ такой совѣтъ, они дали обѣтъ Богу и Пресвятой Дѣвѣ; утромъ, по окончаніи обѣдни, тотчасъ же началось сраженіе, начали стаскивать въ кучу дрова, но вся работа была преждевременною, ибо часъ возмездія Господня еще не наступилъ. Въ девятомъ часу эстонцы разложили въ замкѣ большой огонь, сдѣлали въ укрѣпленіи большое отверстіе и чрезъ него выкатили наполненные огнемъ колеса, направили ихъ на башню и бросили на нихъ много дровъ. Однако нѣкоторые изъ христіанъ въ крѣпкихъ доспѣхахъ разметали огонь, уничтожили колеса, усмирили силу пламени и защитили свою башню. Между тѣмъ другіе изъ войска натащили дровъ и сожгли мостъ. Всѣ русскіе побѣжали противъ этихъ мужей къ воротамъ.

Но Іоаннъ Аппельдеринъ[1]), братъ епископа, величественный рыцарь, взялъ огонь въ руки и началъ первый всходить на § 6.
валъ, за нимъ слѣдомъ шелъ его слуга Петръ и имъ удалось безпрепятственно подойти къ самому укрѣпленію. Когда это увидѣли прочіе изъ войска, то всѣ побѣжали и полѣдовали за ними; короче сказать, всякій спѣшилъ, чтобы первому взобраться на верхъ, дабы тѣмъ возвысить славу и хвалу Іисуса Христа и его Матери Маріи и самому получить хвалу и награду за свой трудъ, и взобрался первый кому пришлось (кто это былъ не знаю, Богъ то вѣсть) и за нимъ пошли всѣ отряды. Каждый помогалъ своему товарищу подняться въ замокъ, а другіе устремились въ отверстіе, чрезъ которое были выкачены изъ замка колеса съ огнемъ, первые очищали дорогу послѣдующимъ и мечами и копьями гнали эстовъ изъ укрѣпленія. Когда много нѣмцевъ вошло въ замокъ, то за ними пришли летты и нѣкоторые изъ ливовъ. И тотчасъ начали убивать народъ какъ мущинъ, такъ и нѣкоторыхъ женщинъ, и не щадили, пока число убитыхъ не дошло до тысячи. Русскіе же, послѣ продолжительнѣйшей защиты, были наконецъ побѣждены и бѣжали сверху во внутрь укрѣпленія, были отсюда снова вытѣснены и умерщвлены

вмѣстѣ съ королемъ[2]); было ихъ около двухъ сотъ. Другіе изъ войска стали вокругъ замка и не пропускали никого изъ него,, ибо кто только выходилъ изъ замка, чтобы бѣжать, какъ попадалъ въ руки тѣхъ, которые подстерегали ихъ внѣ замка. Такимъ образомъ изъ всѣхъ мущинъ, бывшихъ въ замкѣ, остался въ живыхъ только одинъ человѣкъ. То былъ вассалъ великаго короля суздальскаго, посланный съ другими русскими въ оный замокъ. Братья рыцарства одѣли его и послали домой въ Ногардію и Суздаль на добромъ конѣ, чтобы онъ возвѣстилъ своему господину о происшедшемъ.

По умерщвленіи всѣхъ мущинъ, началось у христіанъ большое торжество и игра на свирѣляхъ и музыкальныхъ инструментахъ съ боемъ въ литавры за то, что совершилось возмездіе злодѣямъ и всѣмъ вѣроломнымъ, собравшимся сюда изъ Ливоніи и Эстоніи и здѣсь умерщвленнымъ. Затѣмъ они взяли оружіе русскихъ и одежду и лошадей и всю добычу, какую нашли въ замкѣ, и оставшихся еще въ живыхъ женщинъ и дѣтей, зажгли замокъ и тотчасъ же на другой день съ большою радостію возвратились въ Ливонію, прославляя Небо за побѣду, которую имъ даровалъ Господь Богъ, яко благъ и въ вѣкъ милость Его.

Ногардцы же съ большимъ войскомъ пришли къ Плесцековъ и хотѣли освобождать замокъ отъ осады нѣмцевъ. Но услышавъ, что замокъ взятъ и ихъ мужи умерщвлены, воротились съ большою скорбію и неудовольствіемъ въ свой городъ.

Какъ паденіе Дерпта подѣйствовало на другихъ эстовъ.

§ 7. Озилійцы освободили изъ плѣна[1]) Теодериха, брата епископа, и отпустили домой въ Ливонію. Викцы же пришли въ Ригу и воротились подъ повиновеніе епископу и уплатили сполна двойную дань, которую они не платили по причинѣ датчанъ два года, обѣщали постоянную вѣрность рижской церкви и воротились къ христіанской вѣрѣ. Точно также и варбольцы принесли подати и подарки и во всемъ подчинились рижанамъ; однакоже рижане не опредѣлили о нихъ ничего рѣшительнаго, и приняли только семь областей въ Викѣ, на которыя они имѣли полное право, потому что рижанамъ никогда не недоставало правъ на Викъ, который принадлежалъ имъ въ силу завоеванія его для христіанской вѣры и въ силу крещенія; дань и заложниковъ оный Викъ всегда давалъ рижанамъ, но никогда датчанамъ. Вирландцы, также и Гервенійцы, услышавъ о взятіи дарбатскаго замка, пришли въ Ригу и поднесли господамъ[2]) лошадей и подарки.

Утвержденіе епископа Германа въ Оденпэ и Дерптѣ; основаніе дерптскаго епископства.

§ 8. Епископъ Германъ отправился со своими въ Унгаунію и

началъ строить замокъ Одемпэ и поставилъ сюда благородныхъ мужей и знатныхъ рыцарей, именно Энгельберта, своего зятя, Тизенгузенскаго и Теодериха, своего брата и Гельмгольда Люнебургскаго, разумнаго и благороднаго мужа, и Іоанна Доленскаго, и подарилъ въ ленъ каждому изъ нихъ землю, одну килегунду: также взялъ съ собою другихъ нѣмцевъ для сожительства въ томъ замкѣ, дабы они замокъ и землю защищали отъ противниковъ и учили христіанской вѣрѣ эстовъ, ихъ подчиненныхъ; эстамъ же, какъ вѣроломнымъ, еще не было позволено жить въ замкѣ вмѣстѣ съ ними. Оный епископъ призвалъ къ себѣ въ Унгаунію тоже священниковъ и подарилъ имъ въ ленъ церкви и одарилъ ихъ достаточно хлѣбомъ и полями. На эстонцевъ же съ надлежащимъ поученіемъ онъ наложилъ десятину, какъ назначено Господомъ Богомъ, и эстонцы приняли оную и начали вносить оную ежегодно. За тѣмъ онъ приказывалъ эстонцамъ давать своимъ священникамъ и вассаламъ нужное и вѣрно исполнять обѣщанія. Онъ назначилъ также Ротмара, своего брата, пробстомъ, мѣстомъ для конвента назначилъ Дарбатъ и приписалъ къ нему двадцать четыре деревни и доходы и полей достаточно, постановивъ, чтобы сюда поставлены были регулированные каноники и опредѣлилъ, что тутъ должна быть его соборная церковь.

Какъ меченосцы устраивались въ Саккалѣ и подѣлились нѣкоторыми землями съ епископомъ Германомъ.

Братья рыцарства отправились въ Саккалу и, будучи владѣтелями замка Филинде, начали укрѣплять его самымъ сильнымъ образомъ и поставили священниковъ въ церквахъ и предоставили имъ достаточные доходы какъ съ хлѣба, такъ и съ полей и взяли десятину съ эстонцевъ. Кромѣ того они получили полное во всѣхъ отношеніяхъ удовлетвореніе за все у нихъ отнятое и за убытки, имъ причиненные какъ въ Унгауніи, такъ и въ Саккалѣ. Они подѣлили также Вайгу и половину ея присоединили къ Унгауніи, а другое половину съ Саккалою, Нормегундою и Мохою удержали за собою[1]). § 9.

Миръ съ русскими и сдѣлка относительно леттовъ въ Толовѣ.

Прислали также русскіе изъ Ногардіи и Плесцекова пословъ въ Ригу и просили того, что служитъ къ миру. И приняли ихъ рижане и заключили миръ съ ними и заплатили русскимъ

дань, которую они всегда имѣли въ Толовѣ[2]). Толовскихъ же леттовъ рижскій епископъ подѣлилъ со своими братьями рыцарства; епископъ взялъ себѣ двѣ части, а третью предоставилъ братьямъ рыцарства.

Примѣчанія къ главѣ XXVIII.

§ 1. 1) О подобной же попыткѣ упоминается въ гл. 27, 4.

2) Сравни гл. 26, 2. 29 марта 1224 г. епископъ Альбертъ со своимъ братомъ Ротмаромъ находился еще въ Гольштейнѣ.

3) Графомъ Генрихомъ Шверинскимъ. Король находился въ плѣну до 21-го декабря 1225 года.

§ 2. 1) Сравни гл. 26, 13. Дѣлежа Ервена и Вирланда производимо не было.

§ 3. 1) См. гл 11, 9.

§ 4. 1) См. гл. 27, 2. Solennia. Сравни гл. 21, 2,

2) Ericios et porcos. Сравни гл. 23, 8

§ 5. 1) Поэтому къ именамъ епископа Альберта и его прочихъ братьевъ: Энгельберта, Ротмара, Германа и Дитриха присоединяется прозваніе Апельдерновъ. Показаніе, что Альбертъ былъ изъ семейства Буксгевденовъ, появляется впервые въ 15-мъ столѣтіи. Упоминаемые въ древнихъ документахъ Іоаннъ Апельдерло и Іоаннъ Бекесговеде могли быть разныя лица. Впрочемъ село Бексгеведе и мѣстечко Апелеръ (безъ сомнѣнія старинный Апельдеръ или Апельдерло) лежатъ довольно близко одно отъ другаго къ югу отъ Бремергафена.

2) Русскія лѣтописи подъ 1224. г. также упоминаютъ о взятіи Юрьева (русское названіе Дерпта) и смерти князя Вячко.

§ 6. 1) См. гл. 26, 3.

2) Начальству, господамъ земли.

§ 7. 1) Этотъ раздѣлъ земель былъ уже произведенъ въ іюлѣ 1224 г.

2) 16 ноября 1224 г. папа пригласилъ христіанъ въ Россіи поддерживать своими пожертвованіями епископовъ ливонскаго, зелонскаго и леальскаго. За два дня передъ тѣмъ онъ опредѣлилъ границы зелонскаго епископства. Русскіе первые крестили туземцевъ въ Толовѣ. См. гл. 11, 7; гл. 18 3; сравни гл. 20, 5.

ГЛАВА XXIX.

Епископства Альберта двадцать седьмой годъ.

Край успокаивается наконецъ.

Годъ двадцать седьмой (съ 1 марта 1225 г.) епископства пошелъ
И лишь тогда ливовъ край спокойствіе нашелъ.

Только по взятіи такого сильнаго тарбатскаго замка и умерщвленія всѣхъ эстовъ и русскихъ съ ихъ королемъ, всѣ окрестныя земли и обитавшіе въ нихъ народы почувствовали страхъ къ рижанамъ и нѣмцамъ, и всѣ эти народы прислали своихъ пословъ съ подарками въ Ригу какъ русскіе, такъ викскіе эсты и озилійцы, семигаллы и куры, а также летты, и искали мира и дружбы съ нѣмцами изъ боязни, чтобы они и съ ними не сдѣлали того же, что сдѣлали съ тарбатцами. И рижане приняли ихъ и дали миръ всѣмъ, кто только ни просилъ о немъ, и сдѣлалась земля покойною предъ ихъ лицемъ. И вышли эсты изъ своихъ замковъ и отстроили вновь свои сожженныя деревни и церкви; точно также ливы и летты повыходили изъ глубины лѣсовъ, въ которыхъ они въ теченіе многихъ лѣтъ во время войнъ скрывались, и каждый воротился домой въ свою деревню и къ своимъ полямъ, пахали и сѣяли съ большею безопасностію, какой они не имѣли за сорокъ лѣтъ предъ симъ, ибо леттоны и другіе народы какъ предъ проповѣдью слова Божія въ Ливоніи, такъ и послѣ крещенія ихъ никогда не оставляли ихъ въ покоѣ и безопасности. Нынѣ же они успокоились на своихъ поляхъ и въ работахъ и не было никого, кто бы ихъ устрашалъ. И при совершенномъ уразумѣніи христіанской вѣры они познали Іисуса § 1.

Христа Сына Божія, который послѣ печальныхъ войнъ и убіенія многихъ, послѣ мора и многихъ золъ умилосердился наконецъ надъ своимъ оставшимся народомъ, даровавъ ему миръ и утвержденіе. И опочилъ весь народъ подъ кровомъ Господа и благословилъ Того, кто благословенъ во вѣки.

Епископъ моденскій, назначенный папскимъ легатомъ, прибываетъ въ Ригу.

§ 2. Въ этомъ году достопочтенный рижскій епископъ послалъ къ римскому двору своего священника Мавритія просить для Ливоніи легата отъ апостольскаго престола. И святой отецъ соизволилъ на эту просьбу и послалъ съ онымъ священникомъ въ Ливонію канцлера своего двора достопочтеннаго мутинскаго епископа [1]). И онъ прибылъ со своими людьми и пилигримами и всею своею свитою на Двину, и изъ Риги вышли къ нему на встрѣчу, приняли его и проводили въ городъ съ большою радостію. Онъ радовался самъ и благодарилъ Іисуса Христа за то, что виноградникъ Господень, столь знаменито насажденный, и Церковь вѣрующихъ, орошенную многою кровію, нашелъ столь великою и далеко распространенною, что ея вѣтви простирались на десять дней пути до Ревеля и на столько же дней пути по другой дорогѣ въ Плесцековъ или вдоль Двины до Герсике, церковь, имѣвшую уже пять различныхъ епископствъ съ ихъ епископами. И онъ послалъ своего посла къ римскому двору, написавъ святому отцу о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ Ливоніи.

Легатъ въ Ригѣ и его первый объѣздъ до Феллина.

§ 3. Легатъ самъ въ заботахъ о новообращенныхъ часто созывалъ ливовъ и другихъ, кои находились въ городѣ, мущинъ и женщинъ, коимъ онъ рачительно преподавалъ слово Божіе и съ радостію удѣлялъ отпущеніе грѣховъ. Потомъ, желая видѣть другихъ ливовъ, а также леттовъ и эстовъ, отправился онъ въ Торейду въ сопровожденіи достопочтеннаго рижскаго епископа и Іоанна, пробста церкви св. Маріи, и многихъ другихъ мудрыхъ и разумныхъ мужей. И прежде всего онъ прибылъ въ Куббезелѣ, гдѣ служилъ обѣдню для ливовъ и проповѣдывалъ слово спасенія, дабы укрѣпить ихъ въ католической вѣрѣ. И потомъ тоже самое совершилъ онъ въ Витизелѣ [1]) и Литегорѣ и потомъ въ Ветзеполѣ, въ Идумеѣ и землѣ леттовъ, посѣвая всюду евангельскія сѣмена и научая каждаго приносить добрые плоды и рачительно поучая христіанской вѣрѣ. И потомъ онъ отправился въ Унгаунію, гдѣ онъ нашелъ церковь вѣрующихъ, какъ нѣмцевъ, такъ и эстовъ, и замокъ Одемпэ населеннымъ новыми

жителями [2]) и крѣпко построеннымъ, и благословилъ Господа за то, что и въ Эстоніи онъ нашелъ общину вѣрующихъ. И наставляя эстовъ въ вѣрѣ Іисуса Христа и поучая нѣмцевъ, онъ предостерегалъ ихъ, чтобы они въ дружескомъ сожительствѣ не обижали другъ друга и чтобы нѣмцы не отягощали новообращенныхъ и не возлагали на рамена ихъ невыносимаго ига, а возлагали на нихъ легкое и кроткое иго Господне и всегда поучали бы ихъ таинствамъ вѣры. И онъ благословилъ ихъ и отправился въ Саккалу, гдѣ въ первомъ приходѣ [3]), который нашелъ у озера Ворцегерве, онъ наставлялъ благочестивымъ поученіемъ недавно обращенныхъ эстовъ, дабы они никогда не отступали отъ вѣры нашего Господа Іисуса Христа. И отсюда отправился далѣе въ замокъ Филинде, принадлежавшій братьямъ рыцарства, который они въ это время уже накрѣпко отстроили. И братья рыцарства вышли изъ замка и встрѣтили съ радостью легата апостольскаго престола и приняли его въ замокъ и разсказали о всѣмъ злѣ, которое они здѣсь претерпѣли отъ эстовъ изъ за христіанской вѣры. И онъ созвалъ эстовъ, мущинъ и женщинъ, къ ихъ церквамъ и отправился къ нимъ [4]) и усовѣщевалъ ихъ и предупреждалъ, чтобы они воздерживались отъ злыхъ дѣлъ и не позорили таинствъ вѣры. Точно также и братьямъ рыцарства онъ благочестиво преподавалъ святое ученіе и поучалъ ихъ, дабы они не обременяли тяжко своихъ подданныхъ, этихъ неразумныхъ эстовъ, при взиманіи десятины или при другихъ какихъ дѣлахъ, чтобы тѣ не были вынуждаемы при подобныхъ дѣлахъ отступать въ язычество. Прибыли также сюда къ нему послы датчанъ изъ Ревеля, которые были имъ съ радостію приняты, и разсказали ему о своихъ бѣдствіяхъ и войнахъ. Точно также пришли къ нему послы отъ эстовъ изъ Вика, всюду сражавшихся съ датчанами, и просили его, чтобы онъ защитилъ ихъ земли и провинціи, какъ они о томъ всегда просили рижанъ, отъ датчанъ и озилійцевъ, и онъ принялъ ихъ [5]). И потомъ онъ отправился въ землю леттовъ. И въ Трикатуѣ собрались къ нему всѣ летты со всей земли, называемой Толовою, и онъ съ радостнымъ чувствомъ проповѣдывалъ имъ слово Божіе и рачительно излагалъ таинства вѣры.

И отсюда онъ отправился въ Венденъ, гдѣ былъ очень внимательно принятъ братьями рыцарства и другими, жившими здѣсь нѣмцами, и здѣсь же онъ нашелъ многихъ вендовъ и леттовъ. Когда наступило утро и собрались летты, то онъ съ усладою [6]) проповѣдывалъ имъ усладительное ученіе Господа Іисуса Христа, часто напоминая имъ страданія Господа Іисуса; сихъ утѣшенныхъ онъ исполнилъ усладительною радостію, вос-

хвалилъ также ихъ вѣрность и непоколебимость и то, что они первые добровольно приняли всѣ военныя тревоги христіанской вѣрности и потомъ никогда, подобно ливамъ и эстамъ, не оскверняли таинства крещенія, прославлялъ ихъ покорность и терпѣніе, съ какими они имя нашего Господа Іисуса Христа радостно несли къ эстамъ и другимъ народамъ, и многихъ из своего народа, кои были убиты за вѣру Христову, послали въ общество, какъ мы вѣримъ, мучениковъ. Онъ не оставилъ также наставленіемъ и вендовъ, какъ рачительно же наставлялъ ихъ господъ, братьевъ рыцарства, дабы они всегда налагали на своихъ подвластныхъ легкое иго и дружественно жили съ ними. И потомъ такое же ученіе вѣры онъ преподалъ въ Зигевальдѣ и со всѣмъ усердіемъ предупреждалъ ливовъ, дабы они впредь не возвращались въ язычество, не бросали таинства крещенія. И постоянно и рачительно наставлялъ онъ братьевъ рыцарства и другихъ нѣмцевъ въ другихъ земляхъ, дабы они ливовъ и леттовъ и другихъ новокрещеныхъ учили христіанской вѣрѣ и на рамена ихъ возлагали кроткое иго Іисуса Христа и щадили бы ихъ въ десятинахъ и другихъ сборахъ, чтобы они отъ большаго отягощенія не возвращались къ невѣрію. И по совершеніи всего этого, онъ возвратился въ Ригу.

О нѣкоторыхъ дѣлахъ легата въ Ригѣ.

§ 4. И пришли въ Ригу[1]) нѣмцы, ливы и леты и искали у него правды въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, и онъ отвѣчалъ каждому по его дѣлу и жалобѣ и устранилъ многіе споры. Услышали также ногардскіе русскіе и другіе изъ другихъ городовъ о легатѣ апостольскаго престола въ Ригѣ и прислали своихъ пословъ къ нему и просили его утвердить миръ, который уже давно былъ заключенъ съ нѣмцами[2]). И онъ выслушалъ такія просьбы, причемъ многими поученіями укрѣпилъ въ ихъ вѣрѣ, и отправилъ ихъ съ радостію по домамъ въ ихъ земли. И пришелъ къ нему также семигальскій начальникъ Вистгардъ, котораго онъ звалъ къ себѣ; онъ приглашалъ его къ вѣрѣ въ Іисуса Христа многими изъясненіями и продолжительными бесѣдами, но Вистгардъ въ закоренѣлости своего невѣрія не понималъ слова спасенія и еще не принялъ крещенія, только снова обѣщался принять въ будущемъ и взять съ собою въ Семигалію легатскаго проповѣдника[3]). Изо всѣхъ окрестныхъ земель приходили взглянуть на легата римскаго двора. Между ними былъ также Виссевальдъ, король герсикскій, графъ Борхардъ, епископы датскіе изъ Ревеля, озилійцы, также и викскіе эсты, которые просили его покровительства и обѣщали принять священниковъ со всѣми обязанностями христіанъ, только чтобы легатъ освободилъ отъ напа-

деній датчанъ. И онъ обѣщалъ имъ всякое освобожденіе и послалъ своего посла къ датчанамъ и озилійцамъ съ предложеніемъ оставить войну, принять его миръ и повиноваться его предписаніямъ.

Путешествіе легата вдоль по Двинѣ.

§ 5. Легатъ, желая видѣть другихъ новообращенныхъ, посѣтилъ ливовъ въ Гольмѣ и, отслуживъ здѣсь обѣдню и посѣявъ сѣмена святаго ученія, отправился далѣе въ Икесколу, гдѣ онъ праздновалъ память перваго святаго епископа, и также здѣшнихъ ливовъ укрѣплялъ въ служеніи Богу. Затѣмъ былъ въ Леневардѣ и Аскратѣ, гдѣ не менѣе отвращалъ ливовъ отъ служенія идоламъ и рачительно поучалъ почитанію единаго Бога. Наконецъ въ Кукенойсѣ точно также удѣлялъ святое ученіе какъ нѣмцамъ, такъ русскимъ и леттамъ и зелонамъ, кои жили тутъ вмѣстѣ, съ постояннымъ напоминаніемъ нѣмцамъ, дабы они не обременяли своихъ подвластныхъ невыносимыми тягостями, но чтобы ревностно уча ихъ вѣрѣ Христа, вводили христіанскія привычки и устраняли языческіе обычаи и чтобы научали ихъ больше своимъ добрымъ примѣромъ, чѣмъ словами.

Нѣмцы изъ Оденпэ отбираютъ Вирландъ у датчанъ; легатъ беретъ подъ покровительство папы Вирландъ, Іервенъ Гаріенъ и Викъ.

§ 6. По возвращеніи легата апостольскаго престола въ Ригу, осенью поднялись нѣмцы, находившіеся въ Одемпэ[1]), со своею ихъ свитою на зовъ вирландскихъ старшинъ пришли въ Вирландъ, заняли вирландскіе замки и изгнали изъ нихъ датчанъ, говоря, что Вирландъ первоначально былъ приведенъ подъ иго христіанской вѣры ливонцами посредствомъ хоругви Пресвятой Дѣвы. И они начали господствовать во всѣхъ провинціяхъ и замкахъ Вирланда. Когда легатъ услышалъ про это, то позвалъ къ себѣ оныхъ нѣмцевъ и принудилъ ихъ посредствомъ церковной цензуры[2]) предоставить названную землю покровительству святаго отца; онъ послалъ также пословъ къ датчанамъ въ Ревель и принудилъ и ихъ передать въ его руки названную землю, какъ и прочія земли, о которыхъ нѣмцы спорили съ датчанами. Датчане не осмѣлились противу рожна прати, обѣщались повиноваться римскому двору и передали въ руки пословъ легата. Вирландъ, Гервенъ, Гаріенъ и Викъ, послали въ Ригу съ ними письмо за печатью и утвердили названный подарокъ. По совершеніи этого, легатъ послалъ въ Вирландъ своихъ мужей, пилигримовъ и священниковъ, устранилъ всѣхъ нѣмцевъ и датчанъ и взялъ подъ свою власть названныя земли.

Путешествіе легата въ Іервенъ, Вирландъ, въ ревельскій замокъ, гдѣ онъ предоставилъ Гаріенъ датчанамъ обратно; крещеніе въ Викѣ.

§ 7. Послѣ праздника крещенія Господня, когда снѣга и морозы сдѣлали дорогу въ этихъ холодныхъ странахъ удобною для путешествія, легатъ выѣхалъ изъ Риги съ клериками и слугами и взялъ съ собою епископа семигальскаго Ламберта[1]), пробста рижской церкви Іоанна, также рижскихъ гражданъ и нѣкоторыхъ братьевъ рыцарства со многими другими. Проѣхавъ землю ливовъ, онъ прибылъ въ землю леттовъ, а оттуда въ Саккалу, не смотря на слабость своего здоровья. Отдохнувъ въ Филиндѣ двое сутокъ, онъ отправился въ Гервенъ и былъ встрѣченъ всѣми герванійцами въ деревнѣ Каретенѣ, гдѣ онъ съ радостію проповѣдывалъ слово Божіе и утверждалъ народъ въ католической вѣрѣ. По принятіи ихъ въ руки святаго отца, онъ продолжалъ путь къ первому замку Вирланда, который называется Агелинде[2]). Принятый дружелюбно и съ почетомъ, онъ созвалъ къ себѣ народъ, преподалъ ему спасительное ученіе вѣчной жизни и проповѣдывалъ имя Іисуса Христа. Отсюда онъ отправился далѣе въ Тарванпэ[3]) и здѣсь совершилъ тоже самое. И сюда прибыли призванные имъ датчане, и былъ заключенъ миръ сперва между нѣмцами и датчанами, а потомъ съ эстами всѣхъ земель. Потомъ легатъ отправился въ землю Табелина[4]), гдѣ пришли къ нему всѣ старшины Вирланда и слушали отъ него ученіе и вѣру христіанъ, и онъ принялъ ихъ всѣхъ въ руки святаго отца и поставилъ изъ нихъ старшинъ и судью для всѣхъ ихъ земель. И потомъ отправился обратно въ Тарванпэ. И отсюда онъ отправился въ датскій замокъ въ Ревелѣ и здѣсь дружелюбно былъ принятъ датчанами и шведами и всѣми, кто тамъ жилъ. И потомъ потребовалъ выдать вирландцамъ ихъ мальчиковъ, кои были тутъ заложниками. И они не хотѣли было выдавать ихъ въ его руки, но, постигнутые церковною цензурою, вынуждены были наконецъ выдать ихъ, и легатъ отослалъ этихъ заложниковъ домой къ ихъ родителямъ въ Вирландъ. Варбольцы приняли также миръ легата и пришли къ нему въ Ревель, однакоже, по настоятельнымъ просьбамъ датчанъ, онъ передалъ ихъ обратно датчанамъ съ прочими гаріенцами. Тѣже кулигунды, кои называются викскими, со всѣмъ прочимъ Викомъ и Вирландомъ и Гервеномъ онъ взялъ подъ власть святаго отца. Ревельскіе эсты собрались также къ нему вмѣстѣ съ датчанами, которымъ онъ преподавалъ слово вѣчнаго спасенія и ревностно напоминалъ, дабы они въ совмѣстномъ дружескомъ сожительствѣ впредь избѣгали козней невѣрныхъ.

Устроивъ все это, послалъ онъ своего священника въ Викъ, а самъ чрезъ Саккалу возвращался въ Ригу. Оный же

священникъ, Петръ Какевальдъ по имени, съ своимъ собратомъ, другимъ священникомъ[5]), отправился въ Зонтагану и викцы приняли ихъ съ радостію и слышали отъ нихъ слово Божіе и крестились отъ нихъ мущины, женщины и дѣти, кои прежде оставались некрещеными какъ въ Зонтаганѣ, такъ въ Маянпатѣ и Пуэнкалѣ. И затѣмъ они съ радостію также возвратились въ Ливонію, благодаря Господа за расширеніе вѣры.

Легатъ устраиваетъ соборъ въ Ригѣ и прекращаетъ свои дѣла.

По возвращеніи легата апостольскаго престола въ Ригу, § 8.
собрались къ нему епископы, священники и клерики, братья рыцарства съ вассалами церкви и рижскіе граждане и въ ихъ присутствіи онъ составилъ въ церкви св. Маріи торжественный соборъ по поводу распоряженій Иннокентія[1]), напомнивъ имъ и добавивъ кое-что новое, что казалось ему необходимымъ для церкви юнаго насажденія. Затѣмъ, по совершеніи всего и рѣшеніи, что имъ могло быть рѣшено, онъ далъ отпущеніе, простился и благословилъ всѣхъ и отправился къ кораблямъ, поручивъ Ливонію Пресвятой Богоматери Маріи и ея возлюбленному Сыну, Господу Іисусу Христу, ему же подобаетъ честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Предварительное заключеніе этой лѣтописи.

Отраду чувствую, о прошломъ вспоминая,
А остальное знаешь ты, о Дѣва Пресвятая.
Марія, Богоматерь, Пречистая Дѣва,
Помилуй ты меня и защити отъ Божескаго гнѣва.

Многое и знаменитое совершилось въ Ливоніи со времени § 9.
обращенія языческихъ народовъ къ вѣрѣ Іисуса Христа, чего не писано здѣсь или о чемъ не упомянуто, дабы не навести скуки на читателя. Но и то немногое писано во славу Господа нашего Іисуса Христа, восхотѣвшаго, чтобы Его вѣра и имя были перенесены по всѣмъ народамъ. Господу поспѣшествующу и утверждающу, который совершилъ такія дѣла и даровалъ своимъ въ Ливоніи многія великія и знаменитыя побѣды надъ язычниками и чаще малому числу мужей, чѣмъ многому и въ честь Его любимой Матери и Господа нашего Іисуса Христа всѣ эти новокрещеныя земли посвящены.

И дабы оная слава, подобающая Ему за столь знаменитыя дѣла, не пришла въ забвеніе въ будущемъ упущеніемъ нерадивыхъ людей, я рѣшился по желанію господъ и товарищей скромнымъ образомъ написать и потомкамъ оставить, дабы и они воздали хвалу Господу и возлагали на него свое упованіе и

не забывали дѣла Господня и поучались въ заповѣдяхъ Его. Ничего другаго здѣсь не написано, какъ только то, что мы почти все видѣли собственными глазами, а чего не видѣли своими глазами, то узнали отъ тѣхъ, которые это видѣли и при ономъ были. И это мы написали не изъ лести или временной выгоды, а прощенія нашихъ грѣховъ ради, и во славу Господа нашего Іисуса Христа и Пресвятой Дѣвы Маріи, Матери Господа, который со Отцомъ и св. Духомъ всегда былъ, есть и будетъ благословленъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Примѣчанія къ главѣ XXIX.

§ 3. 1) Однакоже туземцы были исключены изъ замка. См. гл. 28, 8.
2) См. гл. 25, 2.
3) По всему вѣроятію *въ* Тарвастѣ.
4) Въ Феллинскомъ замкѣ, конечно, эсты также не жили.
5) Развѣ они же довольствовались господствомъ Альберта? См. гл. 28, 2. 7; гл. 29, 1. Но и датчане имѣли также притязанія на Викъ. Легатъ съ этихъ поръ беретъ подъ папскую защиту всѣ спорныя эстонскія земли. О Викѣ сравни § 4, 7; гл. 30, 2.
6) Laetitia, конечно, игра словъ съ именемъ леттовъ; сравн. гл. 19, 3.

§ 4. 1) Послѣ своего перваго путешествія Вильгельмъ въ августѣ былъ въ Ригѣ.
2) См. гл. 28, 9; 26, 1.
3) Къ епископству Ламберта, кромѣ селоновъ, принадлежала лишь малая часть семгалловъ.

§ 6. 1) См. гл. 28, 8.
2) Т. е. угрозою отлученія.

§ 7. 1) Преемника Бернгардта. Сравни гл. 27, 2; гл. 28, 9 и 29, 4.
2) Не у имѣнія ли Вагъ?
3) Кирхшпиль св. Екатерины прежде назывался Торвестевере, Тристферъ..
4) Самая южная часть Вирланда. Табелинъ, конечно, ужъ не жилъ. Смотри гл. 24. 1.
5) Быть можетъ лѣтописцемъ Генрихомъ.

§ 8. 1) Положеніе Латеранскаго собора. Гл. 19, 7.

ГЛАВА XXX.

(Продолженіе лѣтописи).

Епископства Альберта двадцать восьмой годъ.

Какъ легатъ оставилъ Ливонію и на Готландѣ проповѣдывалъ крестовый походъ противъ эзельскихъ пиратовъ.

Наступилъ (съ 1 марта 1226 г.) двадцать восьмой годъ епископства Альберта, и ливонская церковь пользовалась всюду миромъ; въ этомъ году легатъ апостольскаго престола оставилъ Ливонію и долго стоялъ на корабляхъ въ морѣ, ожидая благопріятнаго вѣтра. И вдругъ онъ увидѣлъ возвращающихся изъ Швеціи озилійцевъ съ большою добычею и плѣнными. Озилійцы причиняли [1]) много горя и позора плѣннымъ женщинамъ и дѣвицамъ, безчестили ихъ, брали ихъ себѣ въ наложницы и дозволяли себѣ съ ними недозволенное, ибо кое же согласіе Христово съ веліаромъ или кая часть вѣрну съ невѣрнымъ [2]), и продавали ихъ курамъ и другимъ язычникамъ. Легатъ узналъ о всемъ злѣ, какое озилійцы причинили въ Швеціи, какъ жгли церкви и убивали священниковъ и таинства позорили и прочее многое зло причинили, и печалился онъ о плѣнныхъ и молилъ Господа о возмездіи злодѣямъ. По прибытіи въ Готландъ, сѣялъ онъ слово Божіе и призывалъ всѣхъ христіанъ возложить на себя знакъ святаго креста прощенія грѣховъ ради и итти на нечестивыхъ озилійцевъ. Нѣмцы повиновались и приняли крестъ; готы отказались, датчане не слушали слова Божія. Одни лишь нѣмецкіе § 1.

купцы восхотѣли купить небесныя блага, добыли себѣ лошадей, вооружились, прибыли въ Ригу. Радостно встрѣтили рижане прибывшихъ, радовались также ливы и летты и крещеные эсты, что имъ предстоитъ нести Христово имя къ некрещенымъ озилійцамъ.

Распри папскаго коммисара Іоанна съ датчанами въ Эстоніи.

§ 2. Въ этомъ году магистръ Іоаннъ [1]), сотоварищъ легата, принялъ въ управленіе земли, о которыхъ нѣмцы и датчане спорили между собою, именно Вирландъ, Гервенъ и Роталію. Миръ былъ нарушенъ [2]) и оный магистръ Іоаннъ началъ съ датчанами войну. Датчане опустошали въ Роталіи и жгли и взяли много добычи. Они преслѣдовали слугъ магистра, убили пятьдесятъ человѣкъ изъ нихъ и осадили пятьдесятъ изъ нихъ въ замкѣ Маянпата, но чрезъ три дня сжалились надъ ними, ибо они были христіане, и отпустили ихъ. Тогда легатъ поручилъ очень многимъ нѣмцамъ итти въ Вирландъ па помощь оному Іоанну какъ противъ датчанъ, такъ и противъ озилійца Тобена. Но когда рижане услышали объ этой войнѣ, то послали посла и заключили миръ съ датчанами, дабы легче можно было побѣдить озилійцевъ и расширить вѣру между язычниками.

Сборъ христіанъ на перновскомъ Эмбахѣ и переходъ по льду на Эзель.

§ 3. Послѣ праздниковъ Рождества и Крещенія Господня, снѣгъ покрылъ землю и ледъ волны, отчего поверхность глубины сдѣлалась крѣпкою и вода твердою какъ камень, и произошелъ ледъ и дороги улучшились какъ на сушѣ, такъ и по водѣ. Когда дорога открылась по морю, то рижане, желавшіе сѣтью святаго крещенія уловить оныхъ озилійскихъ язычниковъ, кои жили на островѣ моря, немедленно объявили походъ и созвали всѣхъ на рѣку, называвшуюся Матерью водъ[1]). Послѣ празднованія дня Фабіана и Севастьяна (20 января), собрались всѣ нѣмцы[2]), рижане, ливы съ леттами и эстами со всѣхъ ихъ земель и послѣдовали за высокопочтеннымъ господиномъ, ливонскимъ епископомъ, съ которымъ вмѣстѣ находился семигальскій епископъ и магистръ Болквинъ съ своими братьями и пилигримами, и несли съ собою свое продовольствіе и оружіе. Послѣ обѣдни, всѣ двинулись по льду на Озилію. Было то большое и сильное войско, около 20,000 человѣкъ въ немъ было. Когда войско это, раздѣленное на отряды, со знаменами, на лошадяхъ и саняхъ ступило на морской ледъ, то отъ бряцанія оружія и движенія саней и криковъ людей и лошадей, кои то тамъ, то

индѣ падали и снова поднимались на льду, поднялся шумъ будто отъ великаго грома, а ледъ былъ гладокъ какъ стекло, ибо передъ тѣмъ при южномъ вѣтрѣ шелъ дождь, покрывшій ледъ водою, а потомъ наступилъ морозъ. И съ большимъ трудомъ они шли по морю, пока наконецъ съ радостію достигли береговъ Озиліи.

Переговоры съ эзельцами въ Моонѣ; осада и взятіе этого замка.

На девятый день[1]) они прибыли наконецъ къ замку Моне[2]) и рѣшились отдохнуть здѣсь ночью, имѣвъ стычку съ тѣми, что были въ замкѣ. Тѣ, изъ страха предъ угрожавшимъ сраженіемъ и предъ дѣйствіемъ самострѣловъ, отступили въ свои дома въ замкѣ и ночью прислали епископу и прочимъ начальникамъ войска слова, полныя обмана, говоря, что они примутъ вѣру Христову и миръ христіанъ, а ихъ мысль была та, что когда войско пойдетъ дальше, то свой вредъ и убытки они воротятъ на заднихъ отрядахъ. И епископъ съ прочими начальниками хотѣли было принять условія и даровать миръ, но помѣшали тому обманъ и оскорбленіе тѣхъ, ибо нѣсть премудрости и нѣсть совѣта противъ Господа[3]); и какъ они не хотѣли отстать отъ своихъ презрѣнныхъ обычаевъ и желали еще пить христіанскую кровь и причинять прочія мерзости, потому въ своихъ злобныхъ чувствахъ не заслужили дарованія святаго крещенія, и какъ свою надежду они возлагали на крѣпость своего замка и мира не хотѣли и всякое постыдное творили, потому скорѣе смерти, чѣмъ крещенія заслуживали, и поелику они мира не избрали, то и миръ отошелъ отъ нихъ и наступило единое мщеніе. § 4.

Нѣмцы сначала хотѣли было взойти на валъ и надѣялись проникнуть въ замокъ, но каменьями и копьями осажденныхъ принуждены были къ отступленію. Вслѣдствіе сего они вынуждены были сражаться какъ искуствомъ, такъ и силою. Они построили машины, бросали изъ каменометныхъ орудій камни въ замокъ, приготовили свинью[4]) и подъ нею подкапывались подъ замокъ, пока не достигли до середины вала; потомъ, оттащивъ свинью, они построили на ея мѣстѣ крѣпкую деревянную башню, на которую влѣзли сильно вооруженные и стрѣлки, которые и начали метать стрѣлы и копья по озилійцамъ и по укрѣпленію. Тѣ отбивались отъ нихъ копьями. На шестой день, первый послѣ Срѣтенія Господня (3-го февраля), ибо день Срѣтенія не могъ быть оскверненъ кровію убитыхъ,- началось раннимъ утромъ жаркое сраженіе; осаждающіе загнуь тымъ желѣзомъ или желѣзными крюками начали вытаскивать большія бревна, коими держалось укрѣпленіе, отчего част укрѣпленія повалилась на землю. Конечно, христіанское войско

кричали они, молится Богу. И они начали взывать, конечно, къ своему Тарапиту. Осажденные взывали къ дереву, осаждающіе къ Іисусу, и во имя Его и Его славы храбро наступили и достигли верхняго края вала, и храбрѣйшіе изъ нихъ заставили осажденныхъ къ отступленію. Первый, взошедшій на валъ, былъ встрѣченъ многими ударами копій и камней, но, конечно, Господь Богъ сохранилъ его невредимымъ отъ столь многихъ разъяренныхъ враговъ. Ибо когда онъ поднялся на верхъ, то тотчасъ же былъ отбитъ назадъ непріятельскою толпою, а когда онъ снова и неразъ поднимался, то всякій разъ былъ отбиваемъ, какъ только достигалъ верхушки вала, пока наконецъ оный нѣмецъ

Со своимъ длиннымъ мечемъ
Сталъ предъ вражескимъ копьемъ

и подкрѣпляемый, конечно, ангеломъ Господнимъ, достигъ вершины укрѣпленія, находившейся надъ головами непріятелей. А чтобы непріятельскія копья не могли его ранить снизу, онъ положилъ щитъ подъ ноги

И стоя на своемъ щиту,
Не поддавался онъ врагу,

пока Господь послалъ ему на помощь другаго и третьяго. Къ несчастію третій былъ сбитъ и упалъ съ вершины внизъ, но оставшіеся двое тѣмъ не менѣе бились со множествомъ враговъ. Противъ нихъ выступило пятеро озилійцевъ; они поднялись на укрѣпленіе сзади нихъ и бросили въ нихъ свои копья. Первый озиліецъ былъ пораженъ копьемъ.

И нѣмецъ такъ съ мечемъ напалъ,
Что тотъ упавши ужъ не всталъ,

а прочіе бросились въ бѣгство. Другіе нѣмцы наступали и храбро поднимались наверхъ, чтобы явиться на помощь первому. Хотя они были смѣло отражаемы неукротимыми врагами и многіе изъ нихъ были ранены, а другіе убиты, однако же, уповая на Господа, они съ большимъ трудомъ отбили толпу враговъ и овладѣли наконецъ верхнимъ краемъ укрѣпленія. Очень трудно было подниматься на валъ, ибо гора была высокая и обледенѣлая, и каменная стѣна на горѣ какъ ледъ была замерзшею, такъ что негдѣ было стать крѣпкою ногою. Однако же имъ, подкрѣпляемымъ ангеломъ Господнимъ, удалось кому по лѣстницѣ, кому по веревкѣ подняться на валъ и стать на пяты бѣгущаго непріятеля. Гласъ радости и спасенія раздался у христіанъ, гласъ въ Рамѣ, плачь и рыданіе и вопль отчаянія у язычниковъ! Нѣмцы вторглись въ замокъ и убивали народъ.

Озилійцевъ языческій людъ не былъ пощаженъ
Частью перебитъ, а частью взятъ въ полонъ.

Ливы и летты окружили замокъ и не дали никому спастись изъ него бѣгствомъ. По одолѣніи враговъ, побѣдители возрадовались и воспѣли хвалу Господу, — ибо Господь всегда защищалъ Давида отъ филистимлянъ, освобождая своихъ и даруя имъ побѣду надъ врагами. Нѣмцы взяли замокъ, собрали добычу, забрали имущество и цѣнныя вещи, вывели изъ замка лошадей и скотъ, что же осталось, то предали огню. Огонь пожралъ замокъ озилійцевъ, но христіане весело забрали добычу.

Эзельскій замокъ Вольде сдается нѣмцамъ; эзельцы принимаютъ крещеніе.

Когда монскій замокъ былъ обращенъ въ пепелъ, то войско двинулось къ другому замку, находившемуся въ срединѣ Озиліи и называемому Валдіею [1]). Вальдія же былъ самый крѣпкій замокъ изъ всѣхъ замковъ озилійцевъ. Предъ этимъ замкомъ стало войско и стало приготовлять осадныя орудія, именно: каменометныя машины и большую машину, и стало рубить большія ели и сосны, чтобы изъ нихъ сдѣлать башню противъ замковаго укрѣпленія. Ливы же, летты и эсты съ нѣкоторыми нѣмцами пошли по всѣмъ окрестнымъ землямъ и взяли лошадей и дорогой скотъ и вещи и много добычи, много хлѣба и прочаго и предали деревни огню. Вальдійцы же, будучи не въ состояніи противиться камнямъ, бросаемымъ въ нихъ, и стрѣламъ, и видя приготовляемыя машины для скорѣйшаго взятія замка, устрашились Господа и просили мира и имѣя примѣръ истребленныхъ монцевъ, говорили мирными словами и усердно просили преподать имъ таинство святаго крещенія. То была радость для христіанъ: воспѣли хвалу Господу и миръ былъ дарованъ народу. Потребовали въ заложники сыновей знатнѣйшихъ лицъ. Такимъ образомъ вальдійскіе озилійцы сдѣлались дѣтьми послушанія, будучи до того дѣтьми высокомѣрія; кто былъ прежде волкомъ, сталъ ягненкомъ; кто былъ преслѣдователемъ христіанъ, сдѣлался теперь его собратомъ; кто не думалъ принимать мира, ни давать заложниковъ, тотъ усердно просилъ крещенія и безстрашно соглашался на постоянную дань. Въ заложники были выданы мальчики знатнѣйшихъ людей, коихъ первыхъ достопочтенный рижскій епископъ съ радостію и великимъ благоговѣніемъ катихизировалъ и крестилъ. Другіе священники крестили другихъ. Священники были съ радостію отведены въ замокъ, чтобы проповѣдывать Христа и изгнать Тарапита, бывшаго богомъ озилійцевъ; они освятили колодезь, находившійся въ срединѣ замка, наполнили водою бочку и § 5.

катехизировали прежде всего старшинъ и знатныхъ озилійцевъ, потомъ другихъ мущинъ и женщинъ, крестили и мальчиковъ. И насталъ очень большой натискъ мущинъ и женщинъ и дѣтей, кои съ утра до вечера кричали: «Скорѣе меня крестите!» такъ что сами священники, коихъ было пять, а потомъ шесть, устали отъ труда крещенія. Священники крестили такимъ образомъ съ величайшимъ благоговѣніемъ многія тысячи народа и съ величайшею радостію видѣли, какъ всѣ стремились къ таинству крещенія, и радовались сами также, въ надеждѣ, что этотъ трудъ послужитъ къ прощенію ихъ собственныхъ грѣховъ. И чего они не успѣли совершить въ этотъ день, то довершили на другой и третій день.

По совершеніи въ замкѣ Вальдіи таинства, пришли послы изъ всѣхъ замковъ и килегундъ Озиліи искать мира и просить таинства крещенія. Радовалось тому войско и когда были получены заложники, то былъ данъ миръ и обѣщана братская любовь. Сказали, что озилійцы должны отпустить на волю плѣнныхъ шведовъ, тѣ повиновались, обѣщались отпустить, взяли съ собою въ замки священниковъ, дабы они проповѣдывали Христа, изгоняли Тарапита съ прочими языческими богами и крестили народъ. Крестили такимъ образомъ священники весь народъ обоего пола во всѣхъ замкахъ Озиліи съ большимъ веселіемъ и плакали отъ радости, что банею пакибытія доставили Господу Богу столь многія тысячи; доставили духовный плодъ, богоугодную новую невѣсту изъ язычниковъ.

Язычниковъ водою окрещаютъ,
Ихъ лица слезы орошаютъ.
Такъ то и Рига окропляетъ всегда язычниковъ:
Такъ то она окропляетъ и нынѣ Озилію въ морѣ.
И окрещая ее же, даритъ ей небесное царство,
Воды глубинъ ей даетъ, а также и воды высотъ.
Эти подарки небесъ наполняютъ сердца отрадой.

Хвала Всевышнему Господу нашему Іисусу Христу и благословенной Дѣвѣ Маріи, доставившей своимъ рабамъ, рижанамъ, въ землѣ озилійцевъ столь много радости, что они побѣдили мятежниковъ, крестили тѣхъ, которые добровольно и покорно явились, внесли подати и дали заложниковъ. Что до сихъ поръ невозможно было королямъ, то совершила Благословенная Дѣва въ краткомъ времени посредствомъ своихъ рабовъ, рижанъ, къ славѣ своего имени.

Такъ какъ все это уже совершилось, т. е. народъ вездѣ крещенъ, Тарапитъ изгнанъ, Фараонъ утопленъ, плѣнные освобождены, то рижане съ великою радостію возвратились во свояси.

За вами всегда побѣда идетъ,
И торжество великое васъ ждетъ.
Хвала и честь Создателю и Богу,
Несись за то къ небесному чертогу.

Примѣчанія къ главѣ XXX.

§ 1. 1) Кто же далъ знать делегату о дѣйствіяхъ эзилійцевъ?
2) Второе посланіе къ Коринѳяномъ гл. 6, 15.

§ 2. 1) Священникъ легата.
2) Датчанами? Датскій король съ 21 декабря 1225 года получилъ свободу и осенью 1226 года началъ вновь войну со своими сосѣдями въ Германіи.

§ 3. 1) Слѣдуетъ разумѣть рѣку Пернаву.
2) Т. е. нѣмецкіе купцы, такъ какъ о пилигримахъ вслѣдъ за тѣмъ упоминается особо.

§ 4. 1) Конечно, это былъ чрезвычайно продолжительный путь.
2) Крестьянскій замокъ на островѣ Моонѣ, который лѣтописецъ смѣшиваетъ съ Эзелемъ, существуетъ и понынѣ.
3) Притчи Соломона, гл. 21, 30.
4) См. гл. 28, 5.

§ 5. 1) Крестьянскій замокъ у Вольде, как и другіе замки на Эзелѣ, существуетъ и по нынѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Матеріалы и статьи по исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

I. **Письма** императора Петра I къ князю Аникитѣ Ивановичу Репнину за 1710 годъ.
II. **Указы и рескрипты** императора Петра I къ лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ.
III. Рижскій бургомистръ **Брокгаузенъ.**
IV. **Указы** императрицы Екатерины II объ учрежденіи Рижскаго и Ревельскаго намѣстничествъ.
V. **Записки Нейендаля.**
VI. **Записки бургомистра Бульмеринга.**
VII. **Полузабытыя имена.**

I.

Письма императора Петра I къ князю Аникитѣ Ивановичу Репнину за 1710 г.

После Полтавской побѣды (преславной викторіи по петровскому выраженію) фельдмаршалъ В. П. Шереметевъ получилъ царское повелѣніе двинуться въ Лифляндію для окончательнаго покоренія Прибалтійскаго края. Въ іюлѣ 1709 г. русскія войска, предназначенныя для дѣйствія въ Лифляндіи, двинулись изъ Малороссіи. Въ составѣ ихъ находилась и дивизія князя Репнина (другими частями командовали Галлартъ, Брюсъ, Ренель и Головинъ). Въ октябрѣ Шереметевъ сталъ подъ Ригою, гдѣ начальствовалъ шведскій генералъ графъ Стрембергъ, успѣвшій еще до прибытія русскихъ привести Рижскую крѣпость въ оборонительное положеніе, ввести въ нее 22 полка, вооружить жителей, увеличить артиллерійскіе и провіантскіе запасы, однимъ словомъ приготовиться къ упорной защитѣ. Шереметевъ сталъ близъ Митавскаго форштадта и немедленно же овладѣлъ Коберъ-шанцемъ

9 ноября къ осадному корпусу прибылъ самъ Петръ и приказалъ бомбардировать Ригу. Бомбардированіе началось по полуночи на 14 ноября; первыя три бомбы бросилъ самъ государь и писалъ Меньшикову и министрамъ своимъ при иностранныхъ дворахъ: «Сего дня о пятомъ часу по полуночи бомбардированіе началось Риги, и первыя три бомбы своими руками въ городъ отправлены, о чемъ зѣло благодарю Бога, что сему проклятому мѣсту сподобилъ мнѣ самому отмщенія начало учинить.*)

Преданіе говоритъ, что первая бомба попала въ соборную лютеранскую церковь (Domkirche), вторая въ больверкъ, третья въ частный домъ. Въ залѣ городской библіотеки вдѣлана въ стѣну и сохраняется понынѣ бомба: говорятъ, что это та самая бомба, которая попала въ Domkirche.

Бомбардированіе не послужило ни къ чему. Петръ ясно видѣлъ, что продолжать осаду сильно укрѣпленнаго города, неимѣвшаго недостатка ни въ гарнизонѣ, ни въ боевыхъ запасахъ, при наступившихъ холодахъ и дурной погодѣ, безполезно и невозможно, и потому повелѣлъ фельдмаршалу Шереметеву отвести войска на зимнія квартиры въ Курляндію, для блокады же Риги оставить князя Репнина съ 7000 корпусомъ.

---

*) Петръ никакъ не могъ забыть, что во время его перваго путешествія за границу, тогдашній рижскій комендантъ не дозволилъ ему подробнаго осмотра крѣпости,— чего комендантъ и не могъ, и недолженъ былъ дозволять по закону.

Царское повелѣніе не замедлило исполненіемъ. Шереметевъ расположился въ Курляндіи, подъ Ригою остался Репнинъ; самъ же царь отправился 15 ноября въ Петербургъ. Здѣсь онъ пробылъ не болѣе мѣсяца: успѣлъ заложить въ память полтавской баталіи церковь во имя св. Самсона и корабль „Полтава", а 7 декабря отправился въ Москву,— гдѣ и встрѣтилъ новый 1710 годъ, дѣятельно переписываясь съ Шереметевымъ и зорко слѣдя за арміею, оставленною въ Прибалтійской окраинѣ.

Всю зиму провелъ Репнинъ подъ Ригою, пресѣкая подвозъ съѣстныхъ припасовъ шведамъ и бросая, по временамъ, въ городъ бомбы, причинявшія частые пожары. Стрембергъ оставался въ бездѣйствіи. Причина этому недостаточна объяснена: съ гарнизономъ втрое сильнѣйшимъ блокаднаго отряда онъ могъ бы если не разбить на голову Репнина, то по крайности поставить его въ невозможность вредить Ригѣ. Можетъ быть причиною этого бездѣйствія была чума, появившаяся въ рижскомъ гарнизонѣ вслѣдствіе тѣсноты расположенія и недостатка въ свѣжихъ съѣстныхъ припасахъ.

Представляемъ теперь рядъ писемъ государя, которыя онъ писалъ Репнину, стоявшему подъ Ригою.

1.

Господинъ генералъ. — Отпиши къ посланнику прусскому Кейзерлингу (которой обрѣтается въ Пруссахъ, отъ васъ не въ дальномъ разстояніи, въ Рагантѣ) дабы онъ выслалъ къ вамъ мастеровъ такихъ, что дѣлаютъ палаты на прусскую моду, которые мастеры тамъ еще въ бытность нашу наняты были. Буде же нынѣ за повѣтріемъ оттоль вывесть ихъ невозможно, то вели искать такихъ мастеровъ въ Курляндіи и въ Жмудахъ, и нанять человѣкъ десятокъ или полтора, которые бы умѣли такіе палаты дѣлать, что промежду брусьевъ кирпичемъ стѣны выкладывать, также которые бы умѣли дѣлать и черепицы и выслать ихъ въ *С.-Петербургъ* и хотя вышепомянутые, что въ Пруссахъ наняты, заповѣтрили или незаповѣтрили, однакожъ ты отъ себя въ Курляндіи или въ Жмудахъ конечно найми, *что зѣло намъ нужно.* Изъ Преображенскаго въ 21-й день января 1710 году. Piter.

P. S. *Сего моменту письмо ваше отъ 22-го числа сего мѣсяца получилъ.*

После Полтавскаго сраженія Петръ отправился въ Кіевъ, а оттуда въ Торнъ для свиданія съ королемъ польскимъ Августомъ II, гдѣ и былъ заключенъ съ симъ послѣднимъ новый союзный договоръ (Октябрь 1709 г.). Изъ Торна государь поѣхалъ въ Маріенвердеръ, гдѣ видѣлся съ королемъ прусскимъ, а отсюда прибылъ къ арміи подъ Ригу.

2.

(Собственноручное). Господинъ генералъ. Вчерашняго дня давно ожидаемаго курьера изъ Константинополя получили, который изрядную привезъ вѣдомость, что Турки не точію твердо миръ укрѣпили, но и короля Шведскаго безъ оборонно отъ себя отпускаютъ, чего для сегодня здѣсь будетъ благодарный молебенъ и стрѣльба (что и вамъ учинить надлежитъ), и сіе изволь всѣмъ въ арміи объявить и отъ меня тѣмъ поздравствовать. Piter. Изъ Москвы, въ 7-й день февраля 1710 г.

P. S. Казаковъ, которые пришли съ Митрофаномъ Слабановымъ, которые съ Хопра и прочихъ мѣстъ, кромѣ Корсунскаго, чтобъ съ ишли тамъ въ половинѣ марта.

Изрядная вѣдомость и торжество оказались впослѣдствіи преждевременными. Карлъ XII, бѣжавшій послѣ Полтавскаго сраженія, въ Турцію, не думалъ еще оставлять владѣній султана.

3.

Господинъ генералъ. Подтверждаемъ вамъ, дабы вы (мастеровъ такихъ, что дѣлаютъ палаты на прусскую моду, что промежду брусьевъ кирпичемъ стѣны выкладываетъ, также и глину набиваютъ, также которые умѣютъ дѣлать и черепицу), конечно наняли въ Курляндіи или въ Жмудахъ человѣкъ десятокъ или полтора и выслали въ Петербургъ не мѣшкавъ съ симъ посланнымъ, ибо оные зѣло нужно надобны. Piter. Изъ Преображенскаго, въ 16-й день февраля 1710 г.

P. S. Письмо ваше купно и знамя образцовое дошли, которое мы видѣли, однакожъ нынѣ дѣлать ихъ погоди, пока всѣ полки жалованьемъ по губерніямъ опредѣлятся.

(На особой при письмѣ запискѣ: При семъ посланы къ вамъ книжки новой печати: Кугорнова, о шлюзахъ, штурмовая).

4.

Господинъ генералъ. Письма ваши чрезъ Кишкина до насъ дошли, также и мастеровые люди, которыхъ вы наняли, сюда пріѣхали за что вамъ благодарствуемъ, а что на дачу тѣмъ мастеровымъ людямъ денегъ вы заняли о и томъ г-ну фельдмаршалу Шереметеву отъ насъ писано, дабы велѣлъ вамъ выдать. Piter. Изъ С.-Петербурга, въ 30-й день марта 1710 г.

Въ половинѣ марта 1710 г. вся армія Шереметева сосредоточилась у Риги. Въ распоряженіи фельдмаршала было 24 полка пѣхотныхъ, 8 конныхъ и 2100 казаковъ. Прежде всего фельдмаршалъ приказалъ окончить начатыя въ прошломъ году батареи. Постройкою ихъ завѣдывалъ полковникъ Ласси (въ послѣдствіи фельдмаршалъ графъ и прибалтійскій генералъ-губернаторъ). Къ концу марта батареи были готовы и тогда Шереметевъ принялъ всѣ мѣры, чтобы пресѣчь всякое сообщеніе Риги съ моремъ и съ Динаминдомъ. Съ этою цѣлію на урочищѣ Гофенбергѣ (на нынѣшнемъ Форбургѣ, за Царскимъ садомъ) былъ заложенъ генералъ-адъютантомъ Савельевымъ шанецъ, отъ этого укрѣпленія чрезъ Двину были набиты сваи и наведенъ пловучій мостъ, соединившій оба берега Двины. Шведы употребляли всѣ усилія помѣшать работамъ, но безуспѣшно. Съ 23-го марта новыя батареи открыли огонь по городу. 30 марта русскія войска, подъ начальствомъ бригадира Штауфа и полковника Ласси, овладѣли укрѣпленнымъ форштатомъ (нынѣ Петербургскій) и такимъ образомъ обложили Ригу со всѣхъ сторонъ. Фельдмаршалъ надѣялся и послѣдствія оправдали его расчетъ, принудить Стремберга къ сдачѣ тѣсною блокадою.

Съ половины марта въ русской арміи обнаружилась чума, свирѣпствовавшая въ то время не только въ Ригѣ и ея окрестностяхъ, но и въ Курляндіи. Войска наши терпѣли большую убыль, терпѣли большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, но тѣмъ не менѣе отбивали вылазки рижскаго горнизона съ постояннымъ успѣхомъ.

15-го апрѣля прибылъ къ арміи князь Меншиковъ, въ честь его новое укрѣпленіе по правую сторону Двины названо Александръ-шанцемъ, Коберъ же шанецъ переименованъ въ честь царя Петръ-шанцемъ.

Тѣсная блокада Риги продолжалась весь апрѣль, май и іюнь мѣсяцы. Шведы не могли подать никакой помощи осажденнымъ, у которыхъ голодъ и чума достигли до крайней степени, истребляя ежедневно по нѣскольку десятковъ, а въ нѣкоторые дни и сотни людей.

Въ то время, когда Шереметевъ блокировалъ Ригу, русскія войска подъ начальствомъ Апраксина вступили въ Финляндію и осадили Выборгъ. Осада Выборга продолжалась съ 21-го марта по 12-е іюня. Городъ этотъ сдался на капитуляцію самому царю, прибывшему къ Выборгу 11-го іюля.

Царь былъ чрезвычайно доволенъ своими успѣхами въ Финляндіи, но торжество его смущалось опасеніями, чтобы Шведы не подали помощи Ригѣ, и еще болѣе тревожили его донесенія Шереметева о чумѣ, развившейся въ осадномъ корпусѣ. Желая имѣть о ходѣ болѣзней въ арміи и о распоряженіяхъ къ недопущенію къ Ригѣ какой бы то нибыло помощи подробныя свѣдѣнія, независимо отъ донесеній фельдмаршала, царь написалъ Репнину собственноручно слѣдующее письмо:

5.

Господинъ генералъ. Поздравляемъ васъ взятіемъ сего мѣста и что мы здѣсь уже съ помощію Божіею. Здѣсь неимѣя дѣла будемъ къ вамъ. Для Бога дай правдивую вѣдомость—какъ начавшаяся болѣзнь и язвы ужли престаютъ, и также гораздоль осмотрѣно у васъ и расположено о сикурсѣ. Сіе письмо никому не кажи. Piter. Изъ Выборга въ 16-й день іюня 1710 года.

Приводимъ отвѣтъ Репнина на это письмо. Онъ сохранился въ черновомъ спискѣ и вложенъ въ приведенное письмо:

Премилостивѣйшій царь государь! За милостивое вашего царскаго величества поздравленіе компerасу вашему о взятіи Выборга города рабски благодарствую, о вѣдомости жъ которой ваше величество изволите требовать доношу.

Начавшаяся болѣзнь таково жъ, какъ и прежде: помираетъ на день человѣкъ отъ 10 и до 20 и болѣе, о которыхъ я могу вѣдать. А помираютъ отъ лихорадки горячей и отъ огневой, и безъ знаковъ и со знаками, а больше безъ знаковъ, въ сутки и вдвои и въ три, а больше шести сутокъ не лежатъ, а которые чрезъ шестеры сутки перележатъ, и изъ тѣхъ больше оздоравливаютъ, а который изъ нихъ изъявитъ знакомъ подъ пазухи и тѣ мало оживаютъ. И по сіе число изъ моей дивизіи выздоровѣло отъ вышепомянутыхъ болѣзней больше 200 человѣкъ, изъ которыхъ 73 человѣка служатъ. Объявлются и такіе, что всѣмъ здоровы и въ одну минуту безъ болѣзни умираютъ, только таковыхъ гораздо не много. А нынѣ слышимъ, что помянутыя болѣзни суть и въ кавалеріи, которая при насъ, и въ Лифляндіи обыватели помираютъ, чего ради по доношенію моему посланъ въ Лифляндію офицеръ и лекарь освидѣтельствовать какими болѣзнями умираютъ. И когда студено и [illegible] съ погоды, то [illegible] болѣзни бываютъ и умираютъ, а

когда жара и вѣтеръ съ полудни, то умножаются больныхъ и умершихъ. И весьма опасаются іюля и августа, понеже сказываютъ дни жаркіе бываютъ, еще жъ дни каникула. О сикурсѣ какъ увѣдали, тогда генералы имѣли консилію, дабы пасы у Динамента и Педсторѣ къ Пернову осмотрѣть, гдѣ и какъ непріятеля удержать. И изъ Динамента смотрѣли пасовъ господинъ фельдмаршалъ и господа генералы Галартъ, Брюсъ, Ренель, Головинъ и я при нихъ былъ, а потомъ былъ туда посланъ я съ инженеромъ Шахеромъ смотрѣть и абрисъ учинить. А къ Пернову посланъ по дорогѣ инженеръ-подполковникъ Терсонъ, и говорили въ консили: ежели сикурсъ непріятельской выдетъ на берегъ при Динаментѣ и пойдетъ, то держать всѣми, а при Ригѣ въ апрошахъ и въ шанцахъ оставить по нѣсколько людей; и ежели непріятель выдетъ на берегъ у Пернова и будетъ къ намъ маршировать, то послать генерала Рена съ конницею и держать при пасахъ, а самимъ съ пѣхотою на пасѣ при Новомъ Млушѣ, гдѣ стоялъ въ зимѣ генералъ-поручикъ Боуръ; а въ апрошахъ при Ригѣ, работѣ въ шанцахъ, оставить же людей по нѣскольку, токмо коликому числу быть противъ непріятеля и въ апрошахъ и въ шанцахъ еще не объявлено, а нынѣ опредѣлено имѣть команду какъ надъ конницею, такъ и надъ пѣхотою при Динаментѣ и по Двинѣ генералу Рену. А люди не могутъ себѣ купить поживленіе, понеже офицерамъ и солдатамъ должнаго жалованья не давано на 3 мѣсяца, и истинно офицеры, которые дослужились изъ солдатъ и въ малыхъ окладахъ, у другихъ просятъ чтобъ накормили, и Вашему Царскому Величеству доношу яко вѣрный рабъ истину, беру смѣлость поздравить рабски Вашему Величеству съ прошлогодскою викторіею сего числа, дай Боже и впредь также. — Вашего царскаго Величества нижайшій рабъ князь Реппинъ. Отъ Риги изъ лагеря, іюня 27 дня 1710 года.

Шведы не показывались нигдѣ и, очевидно, оставили Ригу на произволъ судьбы. 11-го іюня Шереметевъ предложилъ Стрембергу сдаться и далъ трое сутокъ на размышленіе Стрембергъ, ободряемый слухами о приближеніи къ Ригѣ Карла XII, отвергъ предложенія Шереметева. Тогда фельдмаршалъ приказалъ бомбардировать Ригу со всѣхъ своихъ батарей Десять дней продолжалось бомбардированіе, многія городскія зданія были разрушены, многія сгорѣли, гарнизонъ понесъ огромную потерю, и когда у Стемберга осталось способныхъ къ строю 420 рейтеровъ, 215 драгунъ и 505 пѣхотницевъ, онъ потребовалъ десятидневнаго перемирія. Шереметевъ согласился на перемиріе до 29-го іюня, а потомъ продолжилъ оное до 1-го іюля.

Въ этотъ день начались переговоры о сдачѣ и кончились 4-го іюля. Собственно, заключено было тогда три капитуляціи: одна, въ 22-хъ пунктахъ, съ городомъ и гражданами, другая, въ 33 пунктахъ, съ дворянствомъ, и третья, въ 65 пунктахъ, съ непріятельскимъ войскомъ.

По заключеніи и подписаніи капитуляціи, Репнинъ вступилъ въ Ригу и своими войсками смѣнилъ всюду шведскіе караулы. Въ тотъ-же день фельдмаршалъ назначилъ его генералъ губернаторомъ, Остена губернаторомъ, а Айгустова комендантомъ Риги.

Вступивъ въ Ригу, Репнинъ немедленно же послалъ поздравленіе царю съ прі-

обрѣтеніемъ этого важнѣйшаго пункта въ Лифляндіи, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо:

6.

Г-нъ генералъ. Письмо ваше писанное изъ Риги іюля 4-го числа до насъ дошло, въ которомъ вы поздравляли имъ счастливымъ взятіемъ Риги, противъ чего такожъ и мы взаимно васъ поздравляемъ, и притомъ объявляемъ: которые дѣла вручитъ вамъ, по отъѣздѣ своемъ, г-нъ генералъ-фельдмаршалъ Шереметевъ и оные извольте исправлять съ прилежаніемъ, а именно и описи въ Ригѣ королевской казны, также долговыхъ писемъ, о чемъ мы подлинно свѣдомы, что есть въ Ригѣ многія долговыя письма чѣмъ Литвяне и прочіе виноваты, и оныя крѣпости всѣ надлежитъ взять, чтобъ они между рукъ неразошлись, и какъ то учините, о томъ намъ дайте знать не помѣшкавъ. *Также посылаю при семъ роспись имянамъ Катерины моей сродникомъ, ежели оные обрѣтаются въ Ригѣ извольте освѣдомиться и писать ко мнѣ.* Изъ С.-Петербурга. Piter. Въ 24-й день іюня, 1710 г.

Роспись: Торговыя Яганъ, Іонусъ Васильевской, Анна Доротея, также ихъ дѣтей и домашнихъ сохранить до времени: отписать объ нихъ, что есть ли они въ Ригѣ.

Рѣчь идетъ объ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, впослѣдствіи императрицѣ всероссійской. Подробности о родѣ ея см. въ исторіи Петра I. Устрялова, томъ 4, стр. 127—141.

Отвѣта Репнина не сохранилось, по крайней мѣрѣ его нѣтъ въ нашемъ сборникѣ.

12 іюля 1710 г. шведскій гарнизонъ (5132 ч.) вышелъ изъ города, а 14-го іюля Шереметевъ торжественно вступилъ въ Ригу. Въ началѣ августа фельдмаршалъ выѣхалъ изъ Риги для свиданія съ царемъ, поручивъ командованіе войсками Репнину. Такимъ образомъ общее управленіе ново-завоеваннымъ городомъ и командованіе войсками, въ немъ находившимися, сосредоточилось въ рукахъ Репнина.

7.

Г-нъ генералъ. Понеже, какъ можно видѣть изъ писемъ г-на фельдмаршала Шереметева, что повѣтренная болѣзнь отъ часу подъ Ригою и въ Ригѣ умножилась, отъ которой многое число помираетъ солдатъ, того для какъ возможно старайтесь о соблюденіи людей и разставьте ихъ рѣже, нетокмо что полкъ отъ полку далѣе, но и рота отъ роты особливо въ удобныхъ (гдѣ есть лѣса и воды чистые) и отъ Риги не вближнихъ мѣстахъ, а именно чтобъ отъ Риги ближе не были какъ миляхъ въ трехъ или больше первые, а другіе и далѣе, въ чемъ зѣло надобно вамъ приложить свои труды, ибо въ томъ все состоитъ и обо всемъ чаще къ намъ пишите, дабы мы свѣдомы были что у васъ будетъ чиниться *который день или время умножается и коли умаляется болѣзнь, а нынѣ время здѣсь холоднѣе стало, такъ ли у васъ? а когда холоднѣе, то всегда легче бываетъ. Также дохтуры здѣсь говорили, чтобъ жечь у всякой роты (невеликимъ огнемъ, но болше дымомъ) можжевельникъ, а буде*

того нѣтъ, то навозъ конскій или иное что дурное вонять, которой дымъ зѣло потребенъ противъ сихъ болѣзней. Piter. Изъ С.-Петербурга, августа въ 11 день 1710 г.

8.

Господинъ генералъ. Посланъ отъ насъ къ господину фельдмаршалу Шереметеву капитанъ-поручикъ Ушаковъ, и когда онъ туда пріѣдетъ и что будетъ предлагать господину фельдмаршалу и вамъ и потому исполняйте, *и для Бога чаще пишите, что у васъ дѣлается, а наипаче о болѣзняхъ*. Piter. Изъ С.-Петербурга, августа въ 19-й день 1710 г.

Чтобы оградить Россію отъ вторженія мороваго повѣтрія, Петръ повелѣлъ небольшими отрядами войскъ содержать кордоны отъ устья Наровы до Двины. Ушакову было предписано осмотрѣть расположеніе пограничныхъ отрядовъ и донести: въ точности-ли пограничные начальники исполняли предписанныя имъ правила, сколько въ арміи со дня взятія Риги убыло людей, уменьшается-ли болѣзнь, довольно-ли лѣкарей, лѣкарствъ въ войскахъ, также освидѣтельствовать «по всѣмъ ли указамъ управлено и что не управлено, и за чѣмъ», равно донести и о томъ «есть-ли моленіе по полкамъ» о прекращеніи язвы.

Не смотря на чуму, свирѣпствовавшую по всей Лифляндіи, военныя дѣйствія не прекращались. Динаминдская крѣпость сдалась генералъ-маіору Буку безъ сопротивленія вскорѣ послѣ взятія Риги. 14 августа сдался генералъ-поручику Боуру Перновъ. Перновскій комендантъ полковникъ Яковъ Генрихъ фонъ Швенгель съ ввѣреннымъ ему гарнизономъ (за исключеніемъ артиллеристовъ, ушедшихъ въ Ревель) вступилъ въ русскую службу.

Вслѣдъ за Перновомъ сдался Аренсбургъ маіору Эрнгельму, и наконецъ 29-го сентября сдался Боуру и Ревель. Съ паденіемъ Ревеля прекратилось владычество Шведовъ въ Лифляндіи и Эстляндіи.

9.

(*Собственноручное*). Господинъ генералъ. По полученіи сего письма, велите готовить по Двинѣ (мужиками) и по рѣчкамъ, которыя въ оныя впали, кривуль 7 или 10 тысячъ, которыя бъ въ отрубѣ тонѣ 4-хъ вершковъ не были, стебель долиною въ три и четыре аршина, а корень какъ выдетъ (однакожъ что долѣ, то лучше), такожъ давайте чаще знать о болѣзняхъ тамошнихъ. Piter. Изъ Поповой мызы, въ 31-й день августа 1710 года.

10.

Г-нъ генералъ. Письма ваши, писанныя сентября 12, 18 и 20 чиселъ до насъ дошли (купно и съ табелью коликое число надобно въ дополику рекрутъ), на которыя отвѣтствуемъ: о провіантѣ и о прочихъ дѣлахъ противъ пунктовъ вашихъ писано къ вамъ напредь сего, о чемъ и при семъ дупликатъ прилагается. Ординальную заморскую почту, съ которой сбирались въ Ригѣ пошлины, учреди нынѣ прямо Лифляндтами до Нарвы и пошлину вели брать противъ того жъ почему сбирались въ Ригѣ прежде всего. О гарнизонѣ рижскомъ опредѣлено здѣсь дабы отпустить на корабляхъ швед-

скихъ, и о томъ къ вице-адмиралу шведскому Ватрангу писано; и когда онъ пришлетъ къ вамъ корабли, тогда отпусти токмо одних рядовыхъ, а офицеровъ отнюдь не отпускай. Piter. Изъ С.-Петербурга, въ 3-й день октября 1710 г.

P. S. Писали вы, что корабли съ товарами въ Ригѣ будутъ, а ежели на этихъ корабляхъ будутъ вина, и вы нѣсколько бочекъ ихъ купите, ибо здѣсь въ питьяхъ нужда есть у многихъ, которые съ радостію разберутъ токмо надобно ихъ поставить не въ городѣ, но индѣ въ удобныхъ мѣстахъ и отъ мору въ безопасныхъ.

Въ пунктахъ Репнинъ испрашивалъ:

1. Кому сгонять струги къ Витебску для провоза провіанта на осень въ армію? — *Обывателямъ* *).

2. Кому сбирать арендныя деньги? — *Выбрать изъ тамошней шляхты добраго человѣка и надъ нимъ надсматривать.*

3. Откуда взять провіантъ — *Съ Лифляндіи и Польши, а въ случаѣ нужды изъ Курляндіи.*

4. Какой гарнизонъ оставить въ Ригѣ и откуда брать провіантъ для него? — *До февраля опредѣлить изъ дивизіи, а провіантъ брать изъ ближайшихъ къ Ригѣ мѣстъ.*

5. Гдѣ быть винтеръ-квартирамъ? — *Учинитъ генеральный совѣтъ, когда прибудетъ Шереметевъ.*

6. Писарьми великая нужда. — *Послать поповичей и подъячихъ по нѣскольку человѣкъ изъ Пскова и Новгорода.*

7. Откуда давать жалованье Арфельденскому полку, взятому изъ Динаминдскаго гарнизона? — *Изъ денегъ, которые съ тинфами, или изъ доходовъ городскихъ и поземельныхъ платить.*

По капитуляціи 4-го іюля, шведскому гарнизону дозволялось выступить изъ Риги и отправиться моремъ въ свое отечество. Но Петръ, не утвердивъ сей статьи повелѣлъ половину гарнизона, со всѣми офицерами и начальниками, задержать впредь, до приказанія на томъ основаніи, что русскій резидентъ въ Швеціи князь Хилковъ былъ задержанъ въ Стокгольмѣ, не смотря на то, что и другіе русскіе плѣнные были уже вымѣнены на равностепенныхъ имъ шведскихъ плѣнныхъ, которые прибыли въ отечество. Стрембергу было тогда же приказано отправить въ Стокголмъ маіора извѣстить шведское правительство и князя Хилкова о задержаніи половины Рижскаго гарнизона и всѣхъ офицеровъ впредь до того времени, когда русскіе плѣнные возвратятся въ Россію. Шведское правительство (регентство, ибо Карлъ XII находился все это время въ Турціи) не соглашалось отпускать русскихъ, тогда Петръ приказалъ: всѣхъ офицеровъ рижскаго гарнизона отправить въ Москву, отпустивъ на родину, какъ изложено въ вышеприведенномъ письмѣ, только однихъ нижнихъ чиновъ. Стремберга поселили въ Москвѣ и въ послѣдствіи вымѣняли на генерала Адама Вейде, находившагося въ плѣну въ Швеціи съ Нарвскаго сраженія.

Хотя Репнинъ и былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Риги, тѣмъ не менѣе управленіе общественными дѣлами въ Лифляндіи ему было подчинено лишь до октября мѣсяца. Въ этомъ мѣсяцѣ (17 числа) государь подписалъ наказъ объ управленіи Лифляндіею уполномоченному (подъ этимъ титуломъ царь разумѣлъ генералъ губернаторское

---

*) Отвѣты царя напечатаны курсивомъ.

званіе) тайному совѣтнику барону Левенвольде, оберъ коммисару Зыбину, совѣтнику Георгу Фридриху фонъ Рицу и Герману Фридриху фонъ Фитингофу. Наказомъ симъ предписывалось Левенвольду: 1) привести въ порядокъ разоренныя войною вотчины; 2) привести въ извѣстность казенныя подати и пошлины; 3) сдать въ аренду публичныя (казенныя) мызы; 4) возстановить ландтагъ, съ правомъ дворянству избирать изъ своей среды ландратовъ (земскихъ совѣтниковъ) и ландмаршала; 5) возвратить помѣщикамъ отнятыя у нихъ шведами (по редукціи) мастности; 6) замѣстить вакантныя мѣста въ коронныхъ вѣдомствахъ; 7) возстановить вездѣ суды и расправы по прежде существовавшему порядку; 8) согласиться съ дворянствомъ и городами о расположеніи и содержаніи русскихъ войскъ; 9) наблюдать, чтобъ жители не были ничѣмъ отягощаемы, и наконецъ 10) выморочныя имѣнія предоставлять въ распоряженіе государя.

Репнинъ пробылъ въ Ригѣ всю осень и зиму 1710 г.

11.

Г-нъ генералъ. По полученіи сего письма, пошли кого нибудь изъ офицеровъ (который бы умѣлъ по нѣмецки говорить) въ Кенигсбергъ и вели ему тамъ сыскать купца прозваніемъ Ганемана и взять у него кость (или зубье), которую у него оставилъ нашего полку капитанъ Левъ Измаиловъ. *Прошу сіе какъ наискорѣе учинить* и прислать сюда. Piter. Изъ С.-Петербурга, въ 10-й день октября 1710 года.

P. S. Также вели тому офицеру поискать тамо дерево гронадилу и купить хотя фунтовъ 100, ежели больше неможно.

При семъ посланное письмо изволь послать въ Кенигсбергъ съ тѣмъ офицеромъ, который туда пошлется къ купцу Ганеману.

12.

Господинъ генералъ. Письмо ваше, писанное октября отъ 8 дня, до насъ дошло, на которое инаго отвѣтствовать не имѣемъ кромѣ того, что о сборѣ провіанту, какъ писано къ г-ну фельдмаршалу Шереметеву (изъ того указу присемъ прилагается копія), по которому надобно вамъ исполнять. Также надобно вамъ осмотрѣть въ Ригѣ ружье и собрать въ одно мѣсто и отписать къ намъ коликое число онаго есть; также подтверждаемъ, дабы вы послали въ Кенигсбергъ офицера для кости, очемъ и прежде къ вамъ писали, также вели поискать такой кости въ Ригѣ и буде съищется, то пришлите сюда. Piter. Изъ С.-Петербурга, въ 17-й день октября 1710 года.

P. S. А что вы писали объ артиллеріи, что удержали до указу, и о томъ уже указу не для чего ожидать, ибо славу Богу и безъ того сдѣлалось.

Въ письмѣ къ Шереметеву, отъ 18 октября, Петръ писалъ:

Письмо ваше я получилъ, на которое отвѣтствую, что денегъ съ Литвы брать не надлежитъ, ибо уже время не остается, чтобъ подрядомъ исправиться было возможно, но положили хлѣбъ на ближнія больше бочки съ дыму (ибо въ дыму на худой конецъ 20 дворовъ есть) и дайте универсалы такіе, что сей хлѣбъ для того берется, что для мора и разоренія Лифляндіи взять негдѣ, такожъ и

на квартиры зимнія не пойдутъ въ Литву, а ежели кто не дастъ хлѣба, то принуждены будемъ на квартиры въ Литвѣ войска разставить. Изволь не описывая стараться о пропитаніи вамъ ввѣреннаго войска, понеже намъ, будучи такъ далеко, сего управить невозможно.

Въ рижской крѣпости найдено 83 мѣдныхъ, 226 чугунныхъ пушекъ, 7 мѣдныхъ и 11 чугунныхъ мортиръ и 5 мѣдныхъ гаубицъ. Въ цитадели сдано Репнину 15 мѣдныхъ и 239 чугунныхъ пушекъ, 48 чугунныхъ мортиръ и 2 чугунныя гаубицы.

Рижская цитадель, начатая постройкою въ 1650 г., по проекту шведскаго генералъ-квартирмейстера Штерншильда, и перестроенныя вновь въ 1670 г., по проекту полковника фонъ Дальберга, находилась всегда въ казенномъ вѣдомствѣ, сперва шведскомъ, а потомъ русскомъ. Рижская же крѣпость находилась въ вѣдомствѣ рижскаго магистрата, который содержалъ отъ себя какъ крѣпостные верки, такъ и инженеровъ и алтиллеристовъ. Городская крѣпость поступила въ инженерное вѣдомство по Высочайшему повелѣнію въ 1851 г. и въ 1857 г. упразднена окончательно.

Рижская же цитадель упразднена въ 1867 г.

13.

(Собственноручное). Г-нъ генералъ. Пасалъ ваша милость, что людей по Двинѣ мало и лѣсовъ собрать и согнать не кому, но понеже сіе зѣло нужно, того для какъ нибудь сіе учини, хотя тѣми рекрутами, которые нынѣ въ Полоцкѣ, также и жителей сколько возможно сыскать. Piter. Съ Осиновой рощи, въ 18-й день октября 1710 года.

14.

Г-нъ генералъ. Письмо ваше писанное изъ Риги октября отъ 10-го дня до насъ дошло, на которое отвѣтствуемъ: понеже отъ кораблей голландскихъ, которые пришли съ товарами, опасаться нечего, ибо они пришли изъ здоровыхъ мѣстъ, того для лимоновъ, сельдей, также буде есть хорошіе анчоусы извольте сюда прислать съ нарочнымъ курьеромъ, и чтобъ въ Ригу и прочія опасныя мѣста той посылки не завозить, но прямо бы съ кораблей отпустить и посланному прикажи, чтобъ онъ также опасныя мѣста какъ возможно объѣзжалъ мимо, а лососей рижскихъ въ то время отвѣдаемъ, когда Богъ дастъ сами къ вамъ будемъ. Что же вы пишите, что лѣсовъ въ Ригѣ сгонять некѣмъ, очемъ пока подтверждаемъ вамъ, дабы вы какъ возможно потщились то исполнить, ибо нужда того требуетъ, и ежели тамошнимъ обывателямъ того учинить будетъ невозможно, то хотя рекрутами вели дѣлать, и прикажи, чтобъ какъ возможно беречь отъ болѣзни, ибо къ новымъ людямъ повѣтренная болѣзнь пуще прилипаетъ нежели къ тѣмъ, которые уже въ томъ воздухѣ обыкли. Piter. Изъ С.-Петербурга, въ 27-й день октября 1710 г.

P. S. Винъ всякихъ извольте купить больше, ибо зимою когда мы будемъ къ вамъ, также и губернаторы наши всѣ тудажъ съѣдутся, то съ радостію раскупятъ, и прикажи то питье поставить въ такихъ погребахъ, гдѣ мору не было. Также пиво и полупиво вели приготовить, а пивоваръ отсель посланъ.

Предложеніе Петра посѣтить въ Ригу 1710 году не осуществилось. Карлъ XII, находившійся въ турецкихъ владѣніяхъ, употреблялъ всевозможныя усилія вовлечь Порту въ войну съ Россіею и скоро достигъ своей цѣли. Въ ноябрѣ 1709 г., какъ извѣстно, возобновленъ былъ миръ между Россіею и Портою, въ которомъ было положено условіе Карла XII не держать въ Турціи и изгнать изъ турецкихъ владѣній тѣхъ казаковъ, которые передались Карлу во время вторженія его въ Малороссію. Договоръ этотъ долго не исполнялся, потому Петръ въ октябрѣ 1710 г. потребовалъ отъ Порты рѣшительнаго отвѣта: хочетъ-ли султанъ выполнить договоръ и если хочетъ, то пусть удалитъ шведскаго короля изъ своихъ владѣній. Порта отказалась отъ выполненія договора и 30-го ноября объявила войну Россіи.

Петръ, по полученіи извѣстія о разрывѣ мира со стороны турокъ, немедленно же повелѣлъ князю Мих. Мих. Голицыну двинуться къ молдавскимъ границамъ съ 10-ю драгунскими полками и туда же итти Шереметеву съ 22-мя пѣхотными полками.

Въ концѣ 1710 г. Шереметевъ съ ввѣренными ему войсками выступилъ изъ Ливоніи. Репнинъ, какъ начальникъ дивизіи, оставилъ Ригу и также отправился въ Турецкій походъ. На его мѣсто, по повелѣнію царя, командующимъ оставшимися въ Лифляндіи войсками и оберъ-комендантомъ Риги былъ назначенъ генералъ-маіоръ Яковъ Васильевичъ Полонскій

Девять лѣтъ провелъ князь Аникита Ивановичъ въ непрестанныхъ походахъ и сраженіяхъ и наконецъ въ 1719 г., со ввѣренною ему дивизіею, снова сталъ подъ Ригою лагеремъ. Въ этомъ году состоялось его назначеніе генералъ-губернаторомъ Лифляндіи на мѣсто князя Петра Алексѣевича Голицына.

II.

Рескрипты и указы Императоратора Петра I къ лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ

Объявляя 17-го августа 1700 г. войну Шведамъ, которые «не только ограбили Русскихъ толь нужными отеческими пристаньми, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли», — Петръ первоначально имѣлъ въ виду укрѣпиться на берегахъ Финскаго залива, Лифляндію же съ Эстляндіею соглашался предоставить въ обладаніе Польшѣ. Щадя Ингрію, Карелію и вообще земли, которыя должны были отойти къ Россіи, Петръ при началѣ Сѣверной войны вовсе не думалъ щадить ни Лифляндіи, ни Эстляндіи, но приказалъ Шереметеву, «дабы войска Шведскія не имѣли въ Лифлянтахъ довольства», разорить эту страну. Шереметевъ во всей точности исполнилъ приказаніе: въ 1702 г. Лифляндія была опустошена. «Все разорили и опустошили безъ остатку, доносилъ Шереметевъ царю, осталось цѣлаго Перновъ, да Ревель и межъ ими сколько осталось около моря, и отъ Колывани къ Ригѣ около моря же, да Рига, а то все опустошено и разорено въ конецъ». Въ слѣдующемъ 1703 г. Шереметевъ «учинилъ плѣнъ и разореніе» Эстляндіи. Въ 1704 году 13 іюля былъ взятъ Дерптъ, а 15 августа генералъ-губернаторомъ всѣхъ покоренныхъ у шведовъ земель назначенъ князь Меньшиковъ. Во власти Шведовъ оставались къ 1705 году только города: Рига, Перновъ, Аренсбургъ и Ревель. Немедленно послѣ Полтавской побѣды Петръ приступилъ къ покоренію этихъ городовъ. Начали съ Риги. Съ паденіемъ Ревеля, въ концѣ сентября 1710 г., завершилось покореніе Лифляндіи и Эстляндіи, — тѣмъ не менѣе Петръ готовъ былъ и тогда уступить и Ригу и Ливонію Польскому королю и Рѣчи Посполитой. Но извѣстно, что обороною Польши Петръ навлекъ на себя войну турецкую, въ которой, въ противность договору, былъ оставленъ Польшею. Война кончилась сильною неудачею. Петръ принужденъ былъ въ 1711 г. отдать туркамъ многіе города, стоившіе многихъ милліоновъ и только съ этого времени твердо рѣшился, въ вознагражденіе потерь, понесенныхъ въ турецкой войнѣ, присоединить на вѣчныя времена къ Россіи Ливонію со всѣми ея городами и крѣпостями.

1-го марта 1712 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе всѣхъ привиллегій рыцарства, земства и городовъ, всѣхъ правъ, судовъ, статутовъ, обычаевъ съ оговоркою однакоже: «елико сообразно они съ общими государства нашего законами и установленіями». Все внутреннее управленіе земли и городовъ оставлено въ томъ видѣ, какъ было при шведахъ.

Первымъ русскимъ комендантомъ Риги былъ назначенъ въ 1710 году Ласси, но онъ былъ скоро отозванъ къ арміи, выступившей въ Турцію. Его мѣсто заступилъ генералъ-маіоръ Яковъ Васильевичъ Полонскій. Въ началѣ 1711 года онъ былъ утвержденъ оберъ-комендантомъ Риги и Лифляндскимъ губернаторомъ, генералъ же губернаторомъ Лифляндіи и Эстляндіи окончательно назначенъ князь Меньшиковъ. Полонскій умеръ въ Ригѣ въ 1713 г. Съ рескриптовъ къ Полонскому мы и начинаемъ рядъ указовъ Петра I къ лифляндскимъ губернаторамъ.

1711-й годъ.

1.

Господинъ генералъ-маіоръ. Пошли немедленно изъ Рижскаго гарнизону довольное число солдатъ съ добрымъ командиромъ на встрѣчу къ тѣмъ къ нашимъ людямъ, которые изъ Эльбингскаго гарнизона проводятъ Шведскій гарнизонъ, который взятъ въ Эльбингѣ и прикажи оныхъ Шведовъ у нихъ принять у Мемеля или и гдѣ хотя въ Курляндіи, и препроводи къ себѣ въ Ригу, а тѣхъ провожатыхъ людей веди немедленно возвратить опять въ Эльбингъ въ гарнизонъ и чтобъ шли туда на-скоро. Петръ. Мая въ 19-й день 1711 годъ.

Мѣсто, откуда посланъ сей рескриптъ, не означено; но надобно полагать, что изъ Польши, ибо 25 февраля 1711 г. послѣдовало объявленіе въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ о войнѣ съ Турціею, 6-го марта царь выѣхалъ изъ Москвы въ Польшу, 9-го апрѣля былъ въ Луцкѣ, 24-го въ Яворовѣ, а 30 мая было въ Ярославѣ, гдѣ и заключенъ договоръ съ королемъ Августомъ о дѣйствіяхъ въ Помераніи и противъ турокъ.

Эльбингъ, послѣднее мѣсто, которымъ владѣли Шведы въ Польшѣ, послѣ Полтавскаго сраженія, сдался русскимъ въ началѣ 1710 г.

2.

Господинъ оберъ-комендантъ. Понеже имѣемъ мы вѣдомость, что у Риги близко города въ госпиталѣ и у Динаминда явилось повѣтріе, о чемъ отпиши къ намъ не мѣшкавъ — давно ли оная болѣзнь зачалась и нѣтъ-ли въ самой Ригѣ и далеко-ли отъ города госпитали, гдѣ тѣ больные лежатъ. Петръ. Изъ Эльбинга, ноября 3-го дня 1711 годъ.

Чума открылась въ половинѣ мая 1710 г., во время осады Риги. Она свирѣпствовала съ одинаковою силою какъ у осаждающихъ (отъ чумы умерло 30 тысячъ человѣкъ), такъ и осажденныхъ (умерло 9800 человѣкъ). Лѣтомъ 1711 г. появилась снова, и въ третій разъ, уже послѣдній, появилась въ началѣ іюля 1712 г. и продолжалась въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ.

Изъ Эльбинга Петръ, вмѣстѣ съ царицею Екатериною Алексѣевной, проѣхалъ въ Петербургъ. 18-го ноября былъ въ Ригѣ и пробылъ здѣсь до 6-го декабря. Въ это время онъ купилъ близъ набережнаго крѣпостнаго вала (теперешняя пристань) на Новой улицѣ домъ. Домъ этотъ царь велѣлъ перестроить себѣ во дворецъ Нынѣ въ этомъ домѣ помѣщается уѣздное училище (съ 1805 года).

1712-й годъ.

3.

Господинъ оберъ-комендантъ. Понеже слышали мы, что вы деньги 110 тысячъ рублевъ въ Эльбингъ уже послали, однакожъ сего нашего адъютанта Шестемирева нарочно мы послали, дабы оныя деньги какъ наискорѣе до князя Меньшикова были отвезены; того дня отпишите къ тому, кто отъ васъ съ тѣми деньгами послалъ, дабы оному нашему адъютанту въ томъ былъ послушенъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, 15 апрѣля 1712 г.

Меньшиковъ въ это время уже былъ въ Помераніи, куда онъ выступилъ съ войсками 1 марта 1712 г.

4.

Господинъ генералъ-маіоръ. Мундиръ, который привезенъ съ Москвы въ Ригу (на тѣ полки, которые въ Померіи), отправивъ не мѣшкавъ до Мемля на Курляндскихъ подводахъ, а отъ Мемля до Эльбинга водою, и пошлите за тѣмъ мундиромъ провожатыхъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, 8 іюня 1712 г.

5.

Чтобы усилить и оживить военныя дѣйствія въ Помераніи, Петръ самъ отправился туда въ іюнѣ 1712 г. 25 іюня онъ былъ въ Ригѣ и пробылъ здѣсь до 30 іюня, Въ этотъ день онъ отправился, въ сопровожденіи царицы Екатерины Алексѣевны, въ Штетинъ, гдѣ стоялъ Меньшиковъ. Въ бытность въ Ригѣ онъ подписалъ слѣдующій указъ:

Господину эгемарату Левенвольду (Geheimerath, тайный совѣтникъ баронъ Левенвольде былъ полномочнымъ управляющимъ земствомъ и дѣлами Лифляндскаго рыцарства).

а.

О всякихъ провозахъ вещей и прочихъ дѣлахъ будутъ писать къ нему изъ Сената нашего, то повиненъ исправлять.

б.

Ежели во время нужное непріятельскаго нападенія для содержанія крѣпости что понадобится, всевозможное послѣднее чинить съ земли вспоможеніе.

в.

Число деревъ на палисады и казармы и прочее, когда отдѣлаются поселяне отъ работы полевой, то требуемое число лѣсу уѣздными мужиками выручить и, Двиною сплавя, вручить оберъ-коменданту.

г.

На 6000 человѣкъ давать по полпуду солода на мѣсяцъ, да мяса по четыре фунта на недѣлю или, вмѣсто мяса, свинова

сала, или коровья масла по 3 фунта человѣку каждому. Петръ. Въ Ригѣ 30 іюня 1712 г.

6.

Господинъ генералъ-маіоръ. Получили мы третьяго дни въ вечеру вѣдомость отъ королевскаго величества Дацкаго, что городъ Шведскій Штадтъ купно съ Вигеръ-шанцемъ въ 27 прошлаго мѣсяца взятъ на дискрецію, и сею новиною первою васъ поздравляемъ. Для посылки на экзекуцію дайте Петру Бестужеву Олонецкаго полку драгунъ толикое число, коликое онъ будетъ требовать. Петръ. Изъ Грабсвальда, 1 сентября 1712 г.

P. S. Къ господину Левенвольду о дачѣ солдатамъ мяса и прочаго нынѣ повторительно указъ посланъ.

Не смотря на взятіе въ Бременской области крѣпости Штада, Померанскій походъ 1712 года былъ совершенно неудаченъ. Отъ огорченій Петръ заболѣлъ и въ октябрѣ 1712 г. поѣхалъ лѣчиться въ Карлсбадъ и Теплицъ.

Петръ Бестужевъ—царскій коммисаръ въ Курляндіи. Надобно вспомнить, что въ 1719 г. молодой герцогъ Курляндскій Фридрихъ-Вильгельмъ предложилъ руку царской племянницѣ Аннѣ Іоанновнѣ и, поставивъ условіями брака выводъ изъ Курляндіи царскихъ войскъ и обязательство не брать съ нея контрибуціи, просилъ въ приданое 200 тысячъ рублей. Петръ согласился на условія, согласился дать и 200 тысячъ рублей, но только въ разные сроки и съ тѣмъ, чтобы за приданое считать только 40 тысячъ рублей, а остальные 160 тысячъ считать данными герцогу въ займы на выкупъ его заложенныхъ имѣній, а выкупленныя имѣнія отдать Аннѣ Іоанновнѣ въ закладъ, при чемъ Іона будетъ получать ежегодно по 5%. Брачный контрактъ былъ подписанъ $^{10}/_{21}$ іюля 710; 31 октября совершено вѣнчаніе въ Петербургѣ съ торжествомъ. Герцогъ получилъ деньги: 50 тысячъ послѣ утвержденія договора, 50 тыс. въ день брака; но неумѣренные пиры разстроили его здоровье: полубольной онъ выѣхалъ изъ Петербурга, и проѣхалъ всего двѣ станціи. Въ Кипени (45 верстъ отъ Петербурга) онъ долженъ былъ остановиться и тутъ умеръ $^{10}/_{21}$ января 1711 г. Имѣнія герцога поступили въ закладъ Аннѣ Іоанновнѣ; для управленія ими и сбора доходовъ былъ назначенъ Петръ Бестужевъ. (О немъ см. ниже, особенно указъ № 118).

Экзекуція, о которой пишетъ царь Полонскому, по всей вѣроятности, назначалась для взысканія какого нибудь долга съ арендаторовъ имѣній герцогини.

7.

Господинъ генералъ-маіоръ. Олонецкой драгунской полкъ изъ Курляндіи выведите и поставьте около Риги, такожъ и другой полкъ драгунской, который присланъ будетъ отъ господина фельдмаршала Шереметева, остановите въ Рижскомъ же уѣздѣ, чтобъ нашихъ людей нынѣ въ Курляндіи никого не осталось. Петръ. Изъ Карлсбада, 11 октября 1712 года.

Какъ невѣрны и какъ ненадежны были доставки писемъ даже чрезъ курьеровъ, можно судить изъ того, что одинъ экземпляръ этого рескрипта былъ доставленъ въ Ригу 29-го октября, чрезъ курьера Шкурина, второй отданъ Полонскому курьеромъ Соловымъ 15-го ноября, наконецъ третій экземпляръ полученъ 2-го января 1713 чрезъ какого-то полковника.

8.

Господинъ генералъ-маіоръ. По полученіи сего указу два

полка драгунскіе, Олонецкой и другой, который присланъ отъ фельдмаршала Шереметева, отправь въ Курляндію и вели имъ тамъ расположиться немедленно. Петръ. 12-го декабря 1712 года. Изъ Гистроу.

P. S. Амуницію, которая привезена изъ Эльбинга къ Мемелю, вели перевозить въ Ригу исподволь обывательскими Курляндскими подводами.

14-го декабря былъ посланъ Полонскому дубликатъ этого указа. Въ немъ приписано: «P. S. Драгунскому командиру, кто будетъ съ драгунами въ Курляндіи, велите для нашей ѣзды съ Курляндскихъ обывателей собрать подводы и проставить отъ Мемеля до Риги противъ того, какъ въ прошломъ году разставлены, и чтобъ оныя готовы были Января къ 10 или къ 15 числу».

Изъ Гистроу Петръ, по просьбѣ Датскаго короля, двинулся въ войскомъ за Шведами въ Голштинію, разбилъ ихъ при Швабштедѣ, потомъ поѣхалъ въ Гановеръ для склоненія курфирста къ союзу и общему дѣйствію противъ Швеціи, съ тою же цѣлію заѣзжалъ въ Берлинъ для свиданія съ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I; но, видя безполезность переговоровъ, рѣшился оставить Меньшикова у Фридрихштадта, а самому ѣхать въ Россію, чтобы дѣйствовать противъ Шведа со стороны Финляндіи. Въ мартѣ 1713 г. царь уже былъ въ Петербургѣ и началъ готовиться къ походу въ Финляндію, стягивать къ Петербургу войска и проч.

Перечень указовъ императора Петра I за 1712-й годъ, вошедшихъ въ полное собраніе законовъ Россійской имперіи.

2495. Марта 1-го. Жалованная грамата шляхетству и земству эстляндскаго княжества — въ подтвержденіе древнихъ ихъ привилегій, правъ и статутовъ.

2496. Марта 1-го. Меморіалъ лифляндскаго шляхетства и земства и резолюція, данная на пункты въ ономъ заключающіеся, за отсутствіемъ государя, княземъ Меншиковымъ. О назначеніи ландратамъ чиновъ и жалованья, о допущеніи ихъ ко всѣмъ совѣщаніямъ и о прочемъ, служащемъ къ дополненію акордныхъ пунктовъ іюля 4 дня 1710 г.

2501. Марта [illegible]-го. Жалованная грамота городу Ревелю, въ подтвержденіе всѣхъ древнихъ онаго города привилегій, правъ, судовъ, законныхъ постановленій и обычаевъ.

2565. Августа 4-го. Сенатскій. О сборѣ провіанта въ губерніи и о поставкѣ онаго чрезъ Смоленскъ въ Ригу (всего муки и крупъ [illegible]5,75[illegible] четвертей).

2577. Августа 29-го. Сенатскій. О сборѣ со всей губерніи провіанта для поставки въ Ригу.

2582. Сентября 12-го. Сенатскій. Объ учрежденіи отъ Рославля на Смоленскъ, на Луки Великіе, на Псковъ и прочіе города до Риги почтовыхъ станцій для скорѣйшаго сношенія съ генералъ-фельдмаршаломъ Шереметевымъ (по 3 почтовыхъ подводы съ людьми).

2602. Ноября 6-го. Сенатскій. О строеніи въ Перновѣ и въ Динаминдѣ церквей (пріискавъ палаты по тому пристойныя, церковниковъ и священниковъ послать изъ Псковской епархіи и антиминсы, а деньги на строеніе церквей изъ Спб. губерніи).

1713-й годъ.

9.

Господинъ генералъ-маіоръ. Рязанскій пѣхотный полкъ, также и Воронежскій, который былъ въ Эльбингѣ, отправьте немед-

ленно въ Петербургъ; буде же оные полки по письмамъ сенатскимъ или фельдмаршала Шереметева отправлены на Украйну, то ихъ повороти и вели итти конечно въ Петербургъ, чего для нарочно пошли къ нимъ штабнаго, добраго офицера и прикажи по дорогѣ къ Петербургу, для поспѣшенія къ маршу солдатамъ, собрать подводы, чтобъ они скорѣе поспѣли въ Петербургъ, о чемъ командирамъ тѣхъ полковъ указъ при семъ посылается. Петръ. Изъ Берлина, 28 февраля 1813 года.

10.

Господинъ генералъ-маіоръ. Когда наша невѣстка кронъпринцесса въ Ригу пріѣдетъ, тогда Олонецкій драгунской полкъ изъ Курляндіи выведите въ Лифлянды, потомъ по малу велите оному полку маршировать сюда, чтобъ оной полкъ могъ сюда поспѣть мая къ 2 числу. Петръ. Изъ С.-Петербурга, 17 апрѣля 1713 года.

Кронъ-принцесса — это Софія Шарлота Бланкенбургская, супруга Алексѣя Петровича. Бракъ ихъ былъ совершенъ въ Торгау 15 октября 1711 г.

Вскорѣ по полученіи этого рескрипта Полонскій умеръ. На его мѣсто назначенъ сенаторъ князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ (1660 — 1722) съ титуломъ Рижскаго губернатора, комендантомъ же былъ назначенъ генералъ-маіоръ фонъ-Бушъ. Голицынъ прибылъ въ Ригу 11 іюля 1712 г. Рескрипты съ № 11 до № 103 адресованы къ нему.

11.

Господинъ губернаторъ. Которые мастеровые люди присланы изъ Голландіи отъ князя Куракина и чрезъ Бранта къ рижскому купцу Кордесу (ежели оные еще не отправлены) немедленно сюда отправьте, такожъ и прочихъ мастеровыхъ людей, которые отправлены изъ Помераніи отъ князя Меньшикова, такожъ и изъ Гамбурга, и особливо которые дѣлаютъ суда именуемыя эверсы, и прочихъ такожъ немедленно сюда отправите съ симъ нашимъ посланнымъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, 28-го іюля 1713 г.

P. S. Письмо твое, писанное изъ Риги, до насъ дошло, въ которомъ пишите о инструкціи, что вамъ не дано, которую мы нынѣ приказали вамъ дать господамъ высокимъ сенаторамъ.

Вина венгерскія, которыя привезены въ Ригу, отправьте сюда изъ Риги на подводахъ до Дерпта, а отъ Дерпта до Нарвы водою, не пропустя удобнаго времени, а именно съ половины августа мѣсяца, противъ того какъ прежде и оберъ-коменданту Полонскому писано; того для заранѣе пишите въ Дерптъ къ коменданту Монастыреву и къ оберъ-коменданту Нарвскому Нарышкину, дабы они у Дерпта изготовили для тѣхъ винъ суда, на которыхъ тѣ вина довозить до Нарвы.

12.

Господинъ губернаторъ. Письмо твое, писанное изъ Риги

(при самомъ отъѣздѣ изъ Петербурга сюда) до насъ дошло, въ которомъ пишите о указѣ, что вамъ тамъ будучи чинить, и на оное мы письменно указъ дали Сенату, дабы вамъ полную инструкцію немедленно послали. Такожъ зѣло нужно, чтобъ вы подрядили въ Польшѣ дубовыхъ лѣсовъ корабля на три, а буде столько невозможно, то хотя на два (60-ти пушечныхъ), который бы лѣсъ нынѣшнею осенью вырубить, и зимою вывозить на берегъ и весною по полой водѣ ставить въ Ригу, къ чему свѣдущій человѣкъ есть у васъ въ Ригѣ тесть Ольсуфьева Аристъ фонъ Дальненстернъ, который на такія дѣла гораздо свѣдомъ и можетъ вамъ добрый совѣтъ дать. Такожъ пошли кого свѣдущаго человѣка на островъ Эзель осмотрѣть, что есть ли тамъ дубовые лѣса и ежели есть годные на корабельное строеніе, то вели ихъ описать и сею осенью въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцахъ, сколько возможно, вырубить. Такожъ, ежели возможно, купите въ Ригѣ изъ торговыхъ два галіота, которые не стары были *и на парусахъ нарочиты и, освѣдомляя о Шведскихъ корабляхъ, пошлите ихъ въ Ревель, а потомъ въ Петербургъ, понеже сей осени они намъ нужны для изготовленія на оныхъ мортировъ къ будущему лѣту.* Петръ. Изъ Гельсингфорса, 11 августа 1713 г.

Подчеркнутое писано Петромъ собственноручно.

Финляндскій походъ начался 26 апрѣля 1713 г. Галерный флотъ, въ авангардѣ котораго шелъ самъ Петръ, какъ контръ-адмиралъ, высадилъ въ началѣ мая 18-ти тысячное войско у Гельсингфорса. Шведскій генералъ Армфельдъ, не ожидая приступа, очистилъ городъ и бѣжалъ въ Борго. Русскіе, овладѣвъ Гельсингфорсомъ безъ боя, направились къ Борго, а царь уѣхалъ въ Петербургъ, ввѣривъ предводительство войсками князю Мих. Мих. Голицыну. Въ августѣ царь снова прибылъ къ войскамъ въ Финляндію.

13.

Господинъ губернаторъ. Человѣкъ двухъ или трехъ рыболововъ такихъ, которые умѣютъ ловить камбалы, вышлите въ С.-Петербургъ нынѣшней осенью. Петръ. 18 августа 1713 г.

14.

Господинъ губернаторъ. Объявляемъ вамъ, что, по укрѣпленіи Гельсингфорса и его гавани, съ арміею путь свой восприяли въ 17-й день сего мѣсяца прямо въ Абоу, а непріятельская армія стояла тогда (подъ командою генераловъ-маіоровъ Армфельда и Фитингофа) при деревнѣ Зомерсъ на половинѣ дороги въ боку къ правой сторонѣ, и отъ взятыхъ подтверждалось, что намѣрены непріятели насъ держать на рѣкѣ Салѣ; а когда приближались къ рѣкѣ Карисъ-ла-неро, то передовые наши наѣхали тутъ полковника Штерншканца съ 500 пѣшихъ и съ 250 конныхъ, который мостъ передъ собою сжегъ, а рѣка вся зѣло порожиста, гдѣ непріятель крѣпко насъ боронилъ, однакожъ наши зѣло храбро поступили: переметавъ бревна и огорѣлыя клѣтки, ползкомъ чрезъ мостъ подъ своимъ

ружьемъ перешли и непріятеля сбили, гдѣ взяли оберъ-офицеровъ 6, капраловъ и рядовыхъ 58 (да убито болѣе 100 человѣкъ), которые такожъ вышеописанное подтвердили. Но когда потомъ къ вышеописанной рѣкѣ пришли, то непріятеля тамъ не нашли, и тако въ 28 день сего мѣсяца безъ всякаго сопротивленія всѣ въ столичный Финскаго княжества въ городъ вошли, и съ помощію Божіею сіе княжество овладѣли, а непріятель, какъ нынѣ слышно, намѣренъ итти въ Остенъ-Ботенъ, которому послѣдовать такожъ будемъ. И съ сею новиною васъ поздравлю. Петръ. Изъ Абоу, въ 30 день августа 1713 г.

Русскіе настигли шведовъ въ октябрѣ и разбили ихъ при рѣкѣ Пелкени у Тамерсгофа. Къ концу 1713 года вся Финляндія до Каяніи уже уже была въ рукахъ русскихъ.

15.

Понеже голландскій резидентъ Дебій, будучи въ С.-Петербургѣ, подалъ намъ меморіалъ, въ которомъ написалъ, что голландскіе штаты, получа извѣстіе о обидномъ состояніи подданныхъ своихъ купцовъ, которые имѣютъ торговлю чрезъ Балтійское море въ завоеванныхъ городахъ нашихъ, а именно въ Ригѣ, о нападкахъ и о насиліи отъ комендантовъ и офицеровъ, которые на приходящіе и отходящіе корабли тотчасъ ставятъ солдатъ и корабельщиковъ съ корабля берутъ, подъ притворомъ объявляя имъ, будто къ губернатору или къ коменданту отводятъ, межъ которымъ временемъ, въ отбытіи оныхъ шиноровъ съ кораблей, многіе непорядки чинятся и осмотръ нагрузки и свидѣтельство паспортовъ и наемныхъ писемъ, такожъ вѣдомости берутъ о цѣнѣ товаровъ, и по чемъ оные куплены, изъ чего не иное что происходитъ, токмо отъ подданныхъ ихъ неохота ко отправленію ихъ купечества въ наши города, и чтобы тѣ дѣла освидѣтельствовать и учинить по нихъ сатисфакцію. И по полученіи сего указу велите отыскать, кто имъ такія обиды прежде въ Ригѣ чинилъ, и по сыску кто явятся виноватые, о томъ къ намъ пишите, и впредь не токмо какихъ обидъ имъ чинить, но и доброе имъ призрѣніе имѣть и ласку всякую казать, дабы вящѣе тѣмъ ихъ пріучать, нежели отгонять. Петръ. Мѣста и времени не означено. — Отмѣтка: подано 17 сентября 1713 г.

16.

Господинъ губернаторъ. Понеже увѣдомились мы нынѣ изъ донесенія посла князя Куракина, что будто въ Ригѣ въ вывозѣ хлѣба въ Голландію купцамъ ихъ голландскимъ чинится остановка, что отъ насъ никогда не было запрещено: того ради смотри ты накрѣпко сего, чтобъ имъ голландскимъ купцамъ въ покупкѣ въ Ригѣ хлѣба и въ отпуску онаго, по прежнему обыкновенію съ платежемъ установленной пошлины, задержки не было. *Паки подтверждаю, чтобъ сего вы на-крѣпко смотрѣли, ибо въ томъ собственный нашъ интересъ есть.* Петръ.

Чиселъ и мѣста нѣтъ. На рескриптѣ отмѣчено: подалъ капитанъ Мазовской 7 октября 1713 года.

17.

Господинъ губернаторъ. При семъ посланное письма къ князю Долгорукову въ Копенгагенъ отправьте изъ Риги какъ наискорѣе на первой почтѣ, ибо нужное есть. Петръ. Изъ С.-Петербурга, 3 ноября 1713 г.

Въ Даніи въ это время сильно безпокоились по поводу договора, заключеннаго $\frac{\text{25 сентября}}{\text{6 октября}}$ Меньшиковымъ съ прусскимъ королемъ о секвестраціи Штетина, Рюгена, Штральзунда и Висмара. Объ этой секвестраціи, въ которую замѣшался и герцогъ Голштейнъ-Готторпскій, шла дѣятельная переписка между датскимъ и русскимъ дворами

18.

Господинъ губернаторъ. По полученіи сего указу объявите Смоленской губерніи всѣхъ городовъ купецкимъ людямъ, которые имѣютъ юфтью и пенькою торгъ у города Архангельскаго, чтобъ помянутые товары къ будущей веснѣ для продажи ставили въ Петербургъ сухимъ путемъ и водою, кому какъ способно, а къ городу Архангельскому и въ Ригу помянутыхъ товаровъ конечно бы не возили, подъ потеряніемъ своихъ пожитковъ; а о хлѣбѣ и прочихъ всякихъ товарахъ, кромѣ юфти и пеньки, дается на волю кто куда захочетъ изъ сихъ двухъ мѣстъ сюда или къ городу чтобъ безъ запрещенія возили; и для того сей нашъ указъ заранѣе всѣмъ объявить, и написавъ прибить по городамъ Смоленской губерніи вездѣ какъ у церквей, такъ и по градскимъ воротамъ, дабы всѣ вѣдали и невѣденіемъ никто бъ не отговаривался. Петръ. Данъ въ С. Петербургѣ, ноября въ 5 день 1713 г.

Смоленскъ еще въ іюлѣ 1713 г. былъ приписанъ къ Рижской губерніи См. указъ о томъ въ П. С. З. томъ V, № 2703.

19.

Господинъ губернаторъ. Понеже о состояніи Смоленской губерніи надобно вамъ взять къ себѣ всякое вѣдѣніе, а особливо сдѣлать такую вѣдомость, что въ Смоленскую и въ прочихъ городахъ Смоленской губерніи всѣмъ, какъ приказнымъ, такъ и прочихъ всякихъ чиновъ людямъ, дается въ годъ по окладу денежнаго и хлѣбнаго жалованья (кромѣ тѣхъ, которые посылаются въ положенный окладъ со Смоленской губерніи на армію, и сдѣлавъ такую вѣдомость, пришлите сюда къ намъ къ генварю мѣсяцу Смоленской губерніи съ ландрихтеромъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, 15 ноября 1713 г.

20.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше я получилъ, въ которомъ вы пишите отвѣтъ зѣло тупо и нерадѣтельно о подрядѣ лѣсовъ на корабли. Я зѣло удивляюсь, что вы указъ (см. выше № 12) и такое нужное дѣло пренебрегаете, что вамъ учинить не тяжело, ибо

по вся годы множество клепки пригоняютъ въ Ригу. Но надобно послать въ тѣ мѣста и осмотря договориться со шляхтою, по чемъ такое дерево станетъ и о томъ немедленно писать. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 15 день ноября 1713 г.

21.

Господинъ губернаторъ. За прошлый 1712 г. доимку, также и на нынѣшній 1713 г. настоящіе доходы съ рижскаго дистрикту и съ прочихъ земель, которые сбирали въ Ригу, которые въ бытность геймарата господина Левенвольда были не выбраны, нынѣ выберите вы, чтобъ оные въ доимкѣ не остались. Противъ посланной при семъ челобитной рижскаго генералъ-суперъ-интенданта Бренинга жалованье за прошлые мѣсяцы, справя съ кого надлежитъ, велите ему выдать, также и впредь давать потому какъ мы, будучи въ Ригѣ, дачу ему опредѣлили отъ геймарата господина Левенвольда. *Такожъ не забывай о подрядѣ лѣсовъ на корабли, о чемъ уже многократно мы къ вамъ писали.* Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 28-й день ноября 1713 года.

Уполномоченный отъ русскаго правительства тайный совѣтникъ баронъ Левенвольде вѣдалъ дѣла земства и рыцарства Лифляндскаго до 1713 г. Въ этомъ году, 14 октября, состоялся указъ: быть лифляндскому шляхетству подъ вѣдомствомъ рижскаго губернатора, а лифляндскому купечеству у оберъ-инспектора Исаева. Этимъ же указомъ назначено отпускать изъ рижскихъ доходовъ губернатору рижскому жалованья по 3,000 р въ годъ. (См. П. С. З., томъ V, № 2723).

22.

Ежели изъ Гамбурга или изъ другихъ мѣстъ прибудутъ въ Ригу эверсовые мастеры или иные какіе, и тѣхъ, какъ наискорѣе, отправляйте сюда. Петръ. Мѣста и времени не означено.

23.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше, писанное декабря отъ 8 дня, до насъ дошло, въ которомъ пишите, что по Двинѣ-рѣкѣ и въ другія мѣста, гдѣ рубятъ клепку, осмотрѣть и подрядить ты послалъ, и то изрядно, что посланные отъ васъ осмотрятъ; только подряжать до указу не вели, а между тѣмъ вели хорошенько освѣдомиться, въ которыхъ мѣста клепка есть и будутъ-ли подрядчики и по чемъ станутъ просить, и какъ о томъ и подлинную вѣдомость получишь, тогда къ намъ отпиши. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 22 день декабря 1713 г.

24.

Господинъ губернаторъ. По полученіи сего письма вышли сюда изъ Риги нѣмецкіе литеры съ наборщикомъ, который можетъ набрать, а станка и прочихъ инструментовъ, которые къ друку принадлежатъ, не присылайте, ибо всѣ они здѣсь есть. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 22 декабря 1713 г.

P. S. При семъ посланныя письма къ господамъ генераламъ Репнину и Долгорукову велите послать съ нарочнымъ.

Въ это время царь отправилъ въ Копенгагенъ генералъ-адъютанта Ягужинскаго какъ въ помощь послу Долгорукову, такъ и для того чтобы успокоить датчанъ и побудить ихъ войти въ 1714 года въ Шонію.

Репнинъ (князь Аникита Ивановичъ, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ и лифляндскій генералъ губернаторъ) находился въ отрядѣ Меньшикова въ Помераніи

Перечень указовъ за 1713-й годъ, вошедшихъ въ полное собраніе законовъ Россійской имперіи.

2653. Марта 5 Сенатскій. О дачѣ въ Ригѣ гарнизоннымъ солдатамъ соли по 2 фунта человѣку на мѣсяцъ. (Давалось во четыре; соль выслана изъ Москвы изъ Помѣстнаго приказа и куплена въ Ригѣ 5000 пуд.).

2659. Марта 23, Резолюція сената на доношеніе оберъ-инспектора Исаева О пошлинахъ въ Ригѣ съ товаровъ сбираемыхъ. (Велѣно съ привозныхъ изъ Россійскихъ городовъ на Ригу товаровъ пошлину имѣть въ Ригѣ, а не въ тѣхъ городахъ, изъ которыхъ тѣ товары отпущены будутъ.

2664. Апрѣля 17. Сенатскій. Объ отправленіи въ Ригу для пріема провіанта въ цѣловальники купецкихъ людей. (Для пріема въ Рижскій гарнизонъ опредѣленнаго съ губерній провіанта послать въ цѣловальники изъ купецкихъ людей изъ Московской 3, изъ Архангельской 1 и Казанской 2 и того 6; быть имъ въ Ригѣ пока весь у нихъ провіантъ примутъ сполна).

2703. Іюня 28. Именный. О бытіи Рижской губерніи особо и о припискѣ къ оной Смоленска. (Учинить съ сентября мѣсяца).

2722. Октября 12. Именный, данный сенату. О приготовленіи камня и лѣсу для постройки Ревельской гавани и о положеніи съ Лифляндіи и Эстляндіи сбора работниковъ. (Положить работниковъ, чтобъ изготовить къ генварю лѣсу 4 саженнаго 1200 и 6 саженнаго 8000, камня отъ 400—500 сажень, распорядить все по гакамъ).

2723. Октября 14. Именный, объявленный изъ сената. О бытіи Лифляндскому шляхетству подъ вѣдомствомъ рижскаго губернатора, и купечеству у оберъ-инспектора (Ревелю и Дерпту со всѣми къ нимъ мѣстами быть отъ Рижской губерніи особымъ, а прочимъ быть подъ веденіемъ губерніи Рижской, губернатору рижскому жалованья давать изъ рижскихъ доходовъ на 3000 руб. Ему губернатору приказано писать гетману или подскарбію Литовскому объ убыткахъ Россійскимъ купцамъ и о установленіи въ Литовскихъ мытахъ или пошлинахъ).

2742. Ноября 28 Именный, объявленный изъ сената. О владѣніи дерптскимъ обывателямъ мызами и о взятіи съ нихъ денегъ по обѣщанію ихъ. Указано: дерптскимъ обывателямъ мызами природными своими по жалованнымъ грамотамъ владѣть по прежнему, также и публичными мызами владѣть имъ же изъ оброку, а съ тѣхъ мызъ платить въ С.-Петербургскую губернію по своему обѣщанію, а съ мызъ же генералъ-фельдмаршала графа Шереметева, оберъ-коменданта Нарышкина, генералъ-маіора Велинскаго и полковника Еспнова и съ новопоселенныхъ откупщиковъ взять, почему съ гака надлежитъ по разсмотрѣнію генералъ-губернатора Меньшикова, и чтобъ съ Дерптскаго уѣзда положено было платить по 25000 ефимковъ въ годъ (по рублю за ефимокъ русскими деньгами), а когда потребуется хлѣбомъ, то за ефимокъ платить почетверти ржи).

1714-й годъ.

25.

Господинъ губернаторъ. Предъ симъ писали мы къ вамъ, дабы выслать вамъ сюда изъ Риги нѣмецкіе литеры и прочее что къ

нимъ принадлежитъ (кромѣ станка друкарнаго, ибо станки здѣсь есть), такожъ одного друкаря, который бы зналъ Шведскій языкъ (и ежели еще не выслали, то вышлите съ симъ посланнымъ, какъ наискорѣе), буде же нѣтъ такого, чтобы зналъ по шведски, то пришлите какой есть нѣмецкаго языка. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 11-й день января 1714 г.

26.

Господинъ губернаторъ. Получили мы вѣдомость, что саксонскихъ войскъ въ Курляндію пришли два полка, да и еще туды идутъ, отъ которыхъ сосѣдей имѣйте добрую осторожность, дабы вамъ незаппо чего неучинили Петръ. Января 1714 г.

Саксонскія войска вступили въ Курляндію въ концѣ 1713 года и тотчасъ-же наложили на эту страну значительно большую контрибуцію. Они стояли въ Курляндіи до тѣхъ поръ, пока царь не указалъ вдовствующей герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ имѣть постоянное пребываніе въ Митавѣ, т. е. до 1716 г.

Извѣстно, что всѣ старанія Петра побудить своихъ союзниковъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Швеціи въ 1714 году, были безуспѣшны. Ему приходилось вести войну одному. Не надѣясь на союзниковъ, государь обратилъ все свое вниманіе на окончательное покореніе Финляндіи и на усиленіе своего флота.

27.

Господинъ губернаторъ. По посланному къ вамъ указу отъ господъ сенаторей о приготовленіи въ Ригѣ муки и крупъ, сколько возможно старайтесь, и для того заранѣе изъ наличнаго провіанту, который нынѣ есть въ рижскомъ гарнизонѣ, изготовьте къ половинѣ мая мѣсяца сухарей сколько возможно, а послѣ то число, что на сухари изойдетъ, замѣнить въ гарнизонъ изъ подъ провіанту, который изъ Смоленска полою водою привезутъ. Такожъ необходимая есть нужда, дабы къ тому времени подрядами поставили въ Ригѣ 96 тысячъ ведръ пива такого, какое дается матросамъ на корабляхъ, и чтобъ оное было горько, дабы скоро не окисло, и вели варить съ такимъ уговоромъ: сколько того пива принято будетъ, за то и деньги будутъ заплачены. *Сіе конечно учините, необходимая нужда торопиться.* Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 25 день февраля 1714 г.

28.

Господинъ губернаторъ. Вчерашняго числа получили мы изъ Финляндіи отъ господина генералъ-лайтенанта князя Голицына вѣдомость, что когда оный увѣдомился (о непріятелѣ, что оный стоялъ у Вазы), то собрався съ нѣкоторою частію людей, а именно въ 8 тысячъ человѣкъ, на онаго пошелъ и 19 февраля у деревни Лапола; увидѣли онаго въ ордеръ-баталіи стоящаго: когда приблизились наши, то оной зѣло десператно нашихъ атаковалъ, а именно давъ залпъ изъ всѣхъ четырехъ шеренгъ вдругъ и потомъ съ багинетами пошли. Наши, видя то ихъ намѣреніе, принуждены тожъ чи-

нить; но нашимъ то гораздо успѣло, что по вытерпѣніи непріятельскаго огня свой задали, и потомъ кололись; однакожъ съ помощію Божіею наши люди викторію одержали, такъ счастливо развѣ немногіе ушли, а прочіе всѣ на мѣстѣ остались и въ полонъ взяты, о чемъ пространнѣе объявлено въ печатной реляціи, и съ сими зѣло изрядными вѣдомостями вамъ поздравляемъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 3 день марта 1714 г.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ пораженія Армфельда у деревни Лаппо было покореніе всей Финляндіи, завершившееся взятіемъ крѣпости Нейшлота. Побѣдою при Лаппо русскіе обязаны 'нерѣшимости' шведскаго генерала де-ла-Барра, неумѣвшаго во время подкрѣпить Армфельда своею кавалеріею.

29.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше, писанное изъ Риги Марта отъ 5 дня, до насъ дошло, на которое отвѣтствуемъ: провіантъ также и сухари по первому указу приготовляйте, а пива готовить не велите. Библіотеку Курляндскую, которая есть въ Ригѣ, пришлите сюда къ намъ съ посланнымъ отъ доктора Арескина *не мѣшкавъ*. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 11 день марта 1714 г.

Библіотека Курляндская взята царемъ въ Митавѣ. Она состояла изъ 2500 книгъ и, по всей вѣроятности, принадлежала покойному герцогу. Нынѣ эта библіотека находится въ Императорской Академіи Наукъ.

30.

Господинъ губернаторъ. Каковъ указъ вновь о раздѣленіи движимыхъ и недвижимыхъ вещей послѣ отцовъ дѣтямъ состоялся, оной посылаю при семъ (который надрукованъ, дабы вездѣ разослать, и у церквей прибить), по чему вы должны чинить, а наипаче въ великомъ осмотрѣніи имѣть 16-й пунктъ: для того ибо обычай есть проклятымъ ябедникомъ всѣ указы своими вымыслы портить. Того дня, буде какія дѣла явятся о недвижимомъ, раздѣломъ, куплею или инако какимъ бы ни есть образомъ иное ни было, а по сему указу оныхъ рѣшить не возможно будетъ, о томъ писать (какъ указъ гласитъ) хотя бъ и сущая правда была; также смотрѣть, дабы задними числы не дѣлали, что все на васъ взыскано будетъ по 16 артикулу. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 24-й день марта 1714 г.

30.

Господинъ губернаторъ. Увѣдомлены мы, что не токмо на нынѣшній 1714, но и на прошедшій 1713 годы не прислано въ адмиралтейство по положенному окладу на вашу губернію многаго числа денегъ; того ради, по полученіи сего указу, какъ наискорѣе въ высылкѣ тѣхъ денегъ исправляйтесь. А ежели вы оною высылкою денегъ скоро не исправитесь и учинится отъ того въ покупкѣ на флотъ матеріаловъ, также и въ дачѣ жалованія морскимъ служителямъ какая остановка, и въ томъ принуждены вы будете жестокой отвѣтъ дать. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 23-й день апрѣля 1714 г.

32.

Господинъ губернаторъ. Доноситель сего письма, Питершанскаго полку подпоручикъ Иванъ Бентинъ билъ челомъ намъ дать ему чинъ капитанской въ томъ же полку, и ежели есть ваканція, то напишите его капитаномъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, апрѣля въ 27 день 1714 г.

33.

Господинъ губернаторъ. Ежели корабль Перло отъ Риги къ Ревелю ке пошелъ, то вы онаго не отпускайте до указу, пока мы о томъ впредь отпишемъ, ибо вчерашняго дня получили мы вѣдомость что около Ревеля есть непріятельскіе корабли; того для опасно, чтобъ онаго не взяли, также и офицеровъ морскихъ, которые пріѣхали въ Ригу, конечно отправьте ихъ въ Ревель сухимъ путемъ, а не моремъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, мая въ 13 день 1714 г.

34.

Господинъ губернаторъ. Когда пріѣдетъ въ Ригу гротирнаго и фонтаннаго дѣла мастеръ Георгъ Матернови, который принятъ въ службу нашу, то онаго немедленно сюда отправьте, и велите въ небытіи нашемъ явиться генералъ-фельдцехмейстеру Брюсу.

Такожъ когда вамъ объявитъ рижскій житель Іоганнъ Голландеръ[1]) присланные изъ Гамбурга два сундука съ рамами отъ картинъ, то оные пришлите сюда. — Петръ. Изъ С.-Петербурга, 7 мая 1714 года.

35.

Господинъ губернаторъ. Послали мы въ Ригу подпоручика Гаврила Меншикова для осмотру гукара, который пришелъ изъ Голландіи (на которомъ пріѣхали морскіе служители), и ежели оный, по осмотру его, годенъ будетъ, то велите оный сторговать и купить; только смотрите того, чтобъ въ цѣнѣ передачи не было; *буде же гораздо дорого, то отпишите.* — Петръ. Съ корабля св. Екатерины, мая въ 14 день 1714 г.

36.

Господинъ губернаторъ. Доноситъ намъ присланный отъ васъ изъ Риги друкарь Янъ Клеммеръ, что въ домкирхѣ[2]) схоронена въ гевельбѣ[3]) королевская библіотека и друкарня; чего для того друкарня нынѣ послали къ вамъ съ подпоручикомъ Гавриломъ Меншиковымъ, и какъ они пріѣдутъ, тогда помянутаго друкаря взявъ съ собою, сходи въ тою кирху самъ и гдѣ укажетъ мѣсто, гдѣ оная

---

[1]) Дѣдъ Адама Васильевича Олсуфьева?

[2]) Въ Соборной церкви.

[3]) Въ подвалѣ.

библіотека и некарня схоронены, то велите разломать и, вынявъ что чего явится, велите описать и тое опись прислать къ намъ, и какъ оное обыщете, то разыщите для чего о томъ прежде не объявили тѣ, которые о томъ вѣдали, и о томъ къ намъ пишите-жъ.— Петръ. Съ корабля св. Екатерины, мая въ 14 день 1714 г.

Неизвѣстно, о какой библіотекѣ и друкарнѣ доносилъ Клеммеръ и что по розыскѣ оказалось. Можетъ быть, Клеммеръ разумѣлъ *городскую* библіотеку, но она помѣщалась и въ то время, какъ и нынѣ, не въ гевельбѣ (погребѣ), а въ смежномъ съ домкиркою домѣ, въ которомъ нѣкогда жили члены архіепископскаго капитула. Рижская городская библіотека учреждена, по распоряженію магистрата, въ 1553 г., слѣд. принадлежитъ къ древнѣйшимъ общественнымъ библіотекамъ въ Европѣ. Къ первоначальному основанію ея послужили книги изъ упраздненныхъ католическихъ монастырей въ Ригѣ. Въ настоящее время городская библіотека содержится частію изъ городскихъ средствъ, частію изъ небольшаго капитала, пожертвованнаго литераторомъ Беренсомъ. Книги выдаются для чтенія всякому желающему безплатно. Въ библіотекѣ имѣется книгъ до 50000 томовъ.

37.

Господинъ губернаторъ. Воевода Троцкой господинъ Огинской отсель отправленъ, и когда пріѣдетъ въ Ригу, тогда велите ему отвесть квартиру, ибо онъ будетъ тамъ нѣкоторое время жить, и пока будетъ тутъ жить и чего будетъ отъ васъ требовать, то чините по возможности въ его нуждахъ всякое вспоможеніе. — Такожъ просилъ онъ насъ, чтобы ему дать шлюпку, того для дайте ему одну шлюпку изъ тамошнихъ, а именно ту, которая была у бывшаго оберъ-коменданта Полонскаго, и какъ онъ отъѣдетъ въ свое отечество, то надобно вамъ имѣть съ нимъ корреспонденцію. — Петръ. Съ корабля св. Екатерины, въ 20 день мая 1714 г.

Огинскій пріѣзжалъ въ Петербургъ подъ видомъ своихъ частныхъ дѣлъ, въ сущности пріѣзжалъ просить царя сдѣлать предложеніе королю Августу о выводѣ саксонскихъ войскъ изъ Польши.—Польша и Литва, во время Сѣверной войны, подверглись сильному разоренію. Шведы опустошили лучшія польскія области. Саксонцы обременяли жителей большими контрибуціями. Въ 1714 г. писалъ къ царю князь Вас. Влад. Долгорукій: «житье польское—несносно имъ, не могутъ выдержать; такъ стали убоги, что повѣрить нельзя»—тѣмъ не менѣе саксонскія войска были выведены изъ Польши только въ 1715 г., когда поляки взялись за оружіе, начали биться съ саксонцами и обнаружили явное намѣреніе пристать, какъ выразился русскій резидентъ въ Варшавѣ Дашковъ, не только къ шведу, но и къ самому дьяволу, если саксонцы не оставятъ Польши и Литвы.

38.

Господинъ губернаторъ. Писалъ ты къ намъ, что морскихъ служителей, которые отправлены отсель отъ капитана-поручика Синявина изъ Риги въ ихъ отечество, на чемъ отправить, и понеже инаго способу въ томъ лучше сказать невозможно, то оныхъ отправляйте на отходящихъ отъ Риги чужестранныхъ торговыхъ корабляхъ человѣкъ по 20 или 30 на корабль, давъ имъ на дорогу провіанту по ихъ трактатамъ, противъ того какъ помянутой Синявинъ къ вамъ писалъ. — Также поморскихъ служителей, которые задержаны за

подводами въ Либавѣ, пошлите, дабы ихъ какъ наискорѣе въ Ригу привесть, и ежели добровольно Курляндскіе обыватели подводъ подъ нихъ не дадутъ, то, для собранія подъ тѣхъ подводъ, пошлите туда капитана съ ротою драгунъ, и велите подводы добрымъ порядкомъ собрать какъ наискорѣе, на которыхъ имъ до Риги доѣхать, *изъ Риги сюда. Сіе какъ наискорѣе учините, ибо зѣло нужны оные намъ.* — Петръ. Съ корабля св. Екатерины, стоящаяго у Ревеля, іюня въ 14 день 1714 г.

P. S. Деревья померанцовыя и прочія (которыя взяты изъ Курляндіи) отправьте въ Ревель моремъ, усмотря случай, когда отъ непріятеля опасности не будетъ; а ежели за опасностью отъ непріятеля моремъ послать будетъ невозможно, то отправьте ихъ сухимъ путемъ до Дерпта (въ удобное время, когда дѣловая пора минуетъ или крестьянамъ досугъ будетъ), а отъ Дерпта до Нарвы водою.

Въ этомъ году Петръ, въ бытность свою въ Ревелѣ, основалъ ревельскій военный портъ и приказалъ исправить ревельскую гавань, существовавшую еще въ XVI столѣтіи, когда Ревель поступилъ въ числѣ Ганзейскихъ городовъ.

39.

Господинъ губернаторъ. По полученіи сего вели немедленно Ильѣ Исаеву купить бочекъ десятокъ сала говяжья и прислать сюда на розставныхъ или на почтовыхъ подводахъ, какъ наискорѣе. — Петръ. Съ корабля св. Екатерины, въ 23 день іюня 1714 г.

40.

Господинъ губернаторъ. Отправлены отсель съ корабля Лаферма англійской морской капитанъ Порнесъ, а съ нимъ морскихъ служителей и матросовъ 221 человѣкъ. И когда оные прибудутъ въ Ригу, то отправляйте ихъ въ ихъ отечество такимъ же образомъ, какъ и первыхъ, кои отсель прежде отправлены на отходящихъ изъ Риги портовыхъ корабляхъ; а до тѣхъ мѣстъ, пока они будутъ жить въ Ригѣ, велите имъ давать провіантъ какъ матросамъ, такъ и офицерамъ равную порцію, также и на проѣздъ дайте имъ провіанту на 6 недѣль. Петръ. Съ корабля св. Екатерины, іюня въ 23 день 1714 года, отъ Ревеля.

41.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше, писанное изъ Риги іюня отъ 29 дня, до насъ дошло, въ которомъ пишите, что нѣкоторые англійскіе матросы, прибывшіе отселѣ въ Ригу, желаютъ въ нашу службу, и оныхъ принимайте, для чего мы нарочно къ вамъ послали морскаго флота офицера Калмыкова, который будетъ ихъ выбирать; а по чему имъ обѣщать жалованья, тому съ помянутымъ Калмыковымъ послана къ вамъ вѣдомость, и въ договорахъ именно велите писать на сколько лѣтъ кто пойдетъ въ службу и по чемъ

имъ жалованья платить и, договорясь, съ онымъ отправляйте ихъ сюда.—Такожъ пишете, что прежде сего у штабъ и оберъ-офицеровъ рижскаго гарнизону солдаты косили сѣно наймомъ, и ежели кромѣ солдатъ нанять имъ будетъ некого, то велите солдатамъ на нихъ косить по найму, только смотрите того, чтобы волею нанимались, а не въ неволю ихъ офицеры заставливали. — Петръ. Съ корабля св. Екатерины, стоящаго при Ревелѣ, іюня въ 26-й день 1714 года.

P. S. Которые матросы или унтеръ-офицеры приняты будутъ въ нашу службу и безденежно сюда ѣхать не похотятъ, то дайте имъ хотя по небольшому денегъ, и о томъ къ намъ опишите, которыя мы велимъ вамъ заплатить.

42.

Господинъ губернаторъ. Обрѣтавшимся при Ригѣ изъ полевой арміи двумъ полкамъ драгунскимъ и другимъ двумъ пѣхотнымъ (которые были у васъ) велите нынѣ быть въ диспозиціи господина генерала князя Репнина, такожъ когда онъ будетъ у васъ просить пороху и свинцу, то велите ему отпускать; и понеже пороху довольно есть въ Смоленскѣ, того для велите оттоль въ Ригу привесть сколько вамъ потребно, дабы впредь для всякаго случая въ Ригѣ пороху было довольно. Петръ. Съ корабля св. Екатерины, въ 2-й день іюля 1714 года.

43.

Господинъ губернаторъ. Письмо твое, писанное іюня отъ 29 дня, до насъ дошло, въ которомъ пишите, что резидентъ Платеръ объявилъ, дабы воеводѣ Троцкому Огинскому (пока онъ будетъ въ Ригѣ жить) былъ ежедневный столъ на 12 персонъ, также и людямъ его давать ежедневную порцію и на лошадей раціоны. И понеже такъ зѣло убыточно, того для. когда онъ, воевода Троцкой, въ Ригу прибудетъ, то отпущайте ему оптомъ на недѣлю (или на мѣсяцъ) съ людьми его вообще по нѣскольку скотины и для его собственнаго стола по нѣскольку птицъ, также красное и бѣлое вино и пиво отпускать къ нему же бочками вдругъ, усматривая, дабы безубыточно было, а не поить запросомъ, а въ раціонахъ отказать, для того что нынѣ кормъ лошадямъ есть на полѣ, токмо развѣ для стоялыхъ лошадей дать ему нѣсколько четвертей овса. Что пишите о англійскихъ офицерахъ и матросахъ, что оные вамъ доскучаютъ, дабы ихъ отпустить на двухъ нарочно нанятыхъ галіотахъ, за которые съ насъ просятъ немало число денегъ, и въ томъ имъ съ ласкою отказать, и не все по ихъ прихотямъ дѣлайте, но усматривая какъ лучше и безубыточнѣе, на таковыхъ судахъ съ небольшимъ наймомъ ихъ отправляйте. Петръ. Съ корабля св. Екатерины, въ 4 день іюля 1714 г.

44.

Господинъ губернаторъ. Объявляемъ вамъ, коимъ образомъ Всемогущій Господь Богъ Россію прославить изволилъ; ибо, по много дарованнымъ побѣдамъ на земли, нынѣ и на морѣ вѣнчати благоволилъ, ибо сего мѣсяца въ 27 день шведскаго шаутбенахта Нильсона Эрншильда съ однимъ фрегатомъ и 6 галерами и 2 шлюпботами, по многомъ и зѣло жестокомъ огню, у Гангута близь урочища Риликсъ-Фигль взяли. Правда, какъ у насъ въ сію войну, такъ и у алиртовъ[1]) съ Франціею, много не только генераловъ, но и фельдмаршаловъ брано, а флагмана ни единаго. И тако сею, мню, николи у насъ бывшею викторіею вамъ поздравленіемъ; о прочемъ пространнѣе увѣдомитесь изъ реляціи, какова послана къ князю Репнину. Петръ. Изъ флота отъ Гангута, іюля въ 29 день 1714 г.

Побѣда при Гангутѣ одержана Петромъ лично, и не даромъ онъ всегда гордился ею. За сраженіемъ при Гангутѣ слѣдовало покореніе Аланда и рѣшительный перевѣсъ русскихъ морскихъ силъ предъ шведскими на Балтійскомъ морѣ. За побѣду при Гангутѣ Петръ былъ провозглашенъ въ сенатѣ вице-адмираломъ.

45.

Господинъ губернаторъ. Письмо твое, писанное изъ Риги іюля отъ 24 дня, до насъ дошло, въ которомъ пишешь, что на дачу жалованья Рижскаго гарнизона офицерамъ и солдатамъ и на прочіе расходы прислать къ вамъ за ефимки мелкихъ денегъ; того для послали мы нынѣ указъ въ Ревель къ оберъ коменданту, чтобъ онъ отпустилъ къ вамъ изъ Ревеля мелкихъ денегъ до 20 тыс. рублевъ, которые велите Ильѣ Исаеву принимать и вмѣсто ихъ присылать къ намъ въ Петербургъ ефимки. Петръ. Изъ Гельсингфорса, съ корабля св. Екатерины, августа въ 24 день 1714 г.

46.

Указъ рижскому губернатору господину князю Голицыну.

Понеже здѣсь каменное строеніе зѣло медленно строится, оттого что каменщиковъ и прочихъ художниковъ того дѣла достать трудно и за довольную цѣну, что ради запрещается во всемъ государствѣ на нѣсколько лѣтъ (пока здѣсь удовольствуется строеніе) всякое каменное строеніе какого бы имени не было, разореньемъ всего имѣнія и ссылкою, и для того сей указъ объяви во всѣхъ городахъ и уѣздахъ своей губерніи, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался, и какъ всѣмъ объявленъ будетъ, о томъ къ намъ пишите. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 17 день сентября 1714 г.

47.

Господинъ губернаторъ. Отправили мы отсель капитана Колюбакина съ тремя бригантинами въ Эльбингъ для взятія оттоль

[1]) Союзниковъ.

завоеванной артиллеріи и амуниціи, которую мы взяли у шведовъ, а прежде велѣли ему заѣхать въ Ригу, и какъ онъ Ригу пріѣдетъ, то дайте ему лоцмановъ двухъ человѣкъ которые прежде всего до Мемля моремъ хаживали, или изъ рыбаковъ, кои бывали тамъ, и отправить его въ назначенное мѣсто немедленно; и понеже помянутую артиллерію и амуницію, которая нынѣ привезена будетъ къ Мемлю, надобно отправлять оттоль по зимнему пути къ Ригѣ сухимъ путемъ и когда оной капитанъ къ вамъ изъ Мемля пріѣдетъ и какъ настанетъ зимній путь, то объявите курляндскимъ обывателямъ, чтобы они немедленно изготовили подъ помянутую артиллерію подводы, а для лучшаго исправленія и конвоя пошлите отъ себя въ Курляндію нѣсколько ротъ драгунъ по своему разсужденію, и велите оную артиллерію и амуницію къ Ригѣ перевозить. Петръ. Изъ С.-Петербурга, во 2 день октября 1714 г.

48.

Господинъ губернаторъ. Писалъ сюда изъ Голландіи князь Куракинъ, что высланный отъ него по указу нашему пилотажнаго дѣла мастеръ, по пріѣздѣ своемъ въ Ригу, живетъ больше двухъ мѣсяцевъ, а вы его по сіе время не отправили, и ежели оной мастеръ еще изъ Риги сюда не поѣхалъ, то отправьте его сюда немедленно и отпишите съ намъ, для чего онъ тамъ долгое время былъ не отправленъ. Также ежели впредь отъ него князя Куракина мастеровые или иные какіе люди, нанятые въ нашу службу, въ Ригу пріѣдутъ, то отправляйте сюда безъ замедленія, о чемъ мы и прежде сего къ вамъ писали, *ибо въ задержаніи оныхъ кредитъ теряютъ, такъ что многіе, на то смотря, неохотно ѣдутъ, и для того гораздо опасись.* Петръ. Изъ С.-Петербурга, 17 дня октября 1714 г.

49.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше, отъ 17 дня октября писанное, до насъ дошло, въ которомъ пишите, что около рижскаго порта непрестанно являются три капера шведскихъ. Того для освѣдомится объ нихъ, откуда они являются и непристаютъ ли у Эзеля или у Дагеръ-орта и сколь велики видаютъ ихъ купеческіе корабли. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 1 день ноября 1714 г.

P. S. Также зѣло мы удивляемся, что не можете освѣдомиться о томъ суднѣ, что отъ Пернова пошло: въ морѣ ли пропало, или непріятель взялъ.

50.

Господинъ губернаторъ. Повелѣно вамъ дивизіи генерала князя Репнина полки поставить на винтеръ-квартиры въ Ригѣ, въ Перновѣ и въ уѣздахъ оныхъ городовъ, о чемъ уже вы и отвѣтствовали въ Сенатъ письмомъ своимъ, что оное исполните; но понеже

нынѣ объявлялъ помянутый князь Репнинъ, что онымъ полкамъ квартиръ еще вы не опредѣлили, отчего солдаты не малую нужду терпятъ въ нынѣшнее осеннее время, того для мы подтверждаемъ вамъ, дабы о расположении оныхъ квартиръ, такожъ и о провiантѣ и о фуражѣ помянутымъ полкамъ конечно вы учинили по посланнымъ къ вамъ указамъ изъ Сенату немедленно, *понеже на васъ то взыскано будетъ.* Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 5-й день ноября 1714 года.

51.

Господинъ губернаторъ. Морскаго флота капитанъ англичанинъ Янъ Нарбурiй, который нанятъ въ нашу службу, нынѣ живетъ въ Кенигсбергѣ для того, что не имѣетъ денегъ чѣмъ ему до Риги доѣхать, того для отправьте къ нему (или переведите чрезъ вексель) столько денегъ, чѣмъ ему можно до Риги доѣхать, а какъ прiѣдетъ въ Ригу, то отправьте его сюда. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 5 день ноября 1714 г.

Англичанинъ капитанъ Янъ Нарбурiй въ Кенигсбергѣ живетъ на дворѣ торговаго человѣка Рина.

52.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше, писанное октября отъ 8 дня, съ пунктами гетмана Потѣя до насъ дошло, на которое не имѣемъ что отвѣтствовать, понеже нынѣ посылаемъ отъ себя къ нему Потѣю капитана отъ гвардiи Горохова, съ которымъ обо всемъ пространно приказано. Того для о семъ объяви присланному ротмистру отъ гетмана Потѣя и его отпусти. Петръ. Изъ С.-Петербурга въ 10 день ноября 1714 г.

Дѣло шло о выводѣ саксонскихъ войскъ изъ Польши и Литвы. Гетманъ Потѣй выдалъ универсалы противъ войскъ королевскихъ и просилъ покровительства царя. Августъ II собрался было въ походъ противъ Потѣя, но послушался убѣжденiй Долгорукова и въ походъ не ходилъ. Потѣю дано было знать, что царь не желаетъ возстанiя. Литва успокоилась на время. Возстанiе противъ саксонскихъ войскъ и короля началось въ Польшѣ въ 1715 г.

53.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше ноября отъ 22 дня до насъ дошло, въ которомъ пишите, что посла французскаго, ѣдущаго къ намъ, пропускать-ли, на что отвѣтствуемъ не только что онаго пропустить, но принять и отправить его сюда съ честiю надлежитъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, декабря въ 5 день, 1714 г.

54.

Господинъ губернаторъ. Перновскаго коменданта полковника Панина отпусти къ господину генералу князю Репнину для службы въ полевую армiю, — а на мѣсто его въ Перновъ примите въ коменданды бригадира Болобанова, и который полкъ вѣдалъ полковникъ

Панинъ, велите вѣдать ему Болобанову. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Декабря въ 12 день 1714 г.

Перечень указовъ за 1714-й годъ, вошедшихъ въ полное собраніе законовъ Россійской имперіи.

2767. Января 30. Именный, данный малороссійскому гетману Скоропадскому. О неотпускѣ пеньки, юфти и сала къ чужимъ пристанямъ. (Возили бы въ Ригу и въ прочіе наши гавани, куда кому способнѣе, ибо самъ можешь разсудить, что лучше въ своемъ государствѣ оныя пошлины (а особливо подъ часъ сей жестокой войны) останутся, нежели чужимъ областямъ.

2768. Января 30. Именный, данный сенату о томъ же.

2831. Іюня 26. Именный, объявленный изъ сената. О бытіи Рижской губерніи въ особомъ управленіи (какъ и прочія губерніи).

2343. Сентября 3. Сенатскій. Объ устройствѣ на границахъ заставъ для непропуска въ чужія пристани пеньки, юфти и сала (не пропускать въ Ригу).

2848. Октября 9. Именный, обявленный изъ сената. О запрещеніи на нѣсколько лѣтъ строить въ всемъ государствѣ каменные домы.

(Продолженіе будетъ).

III.

Рижскій бургомистръ Павелъ Брокгаузенъ.

После 8-ми месячной блокады, начавшейся съ осени 1709 года, Рига, опустошенная голодомъ и чумою, изнуренная недостатками всякаго рода, принуждена была сдаться русскимъ на капитуляцію. 4-го іюля 1710 года фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ торжественно вступилъ въ Ригу и немедленно занялъ крепость и цитадель войсками.

Въ неприглядномъ виде застали русскіе ново-завоеванный городъ: форштаты были вызжены, казармы для войскъ и многіе дома были разрушены бомбами, недостатокъ въ съестныхъ припасахъ былъ одинаково силенъ какъ у горожанъ, такъ и въ войске; къ тому-же въ городе и его окрестностяхъ свирепствовали заразительныя болезни. «Помираютъ солдатъ на день отъ 10 до 20 и больше отъ лихорадки горячей и огневой (писалъ князь Н. Ив. Репнинъ царю изъ лагеря еще 27-го іюня 1710 г.) и безъ знаковъ и со знаками, а больше безъ знаковъ въ сутки и въ двои и въ трои, а больше 6 сутокъ не лежатъ; а которые чрезъ шестеры сутки перележатъ, изъ техъ больше оздоравливаютъ, а которыхъ изъ нихъ изъявитъ знакомъ подъ пазухи и те мало оживаютъ.» Болезнь не унималась и после взятія города, —что сильно тревожило и фельдмаршала и Петра. «Возможно старайтесь о соблюденіи людей», писалъ царь Репнину, принявшему по отъезде фельдмаршала Шереметева (августъ 1710 г.) начальство надъ войсками, «и разставьте ихъ реже, не только что полкъ отъ

полка далѣе, но и рота отъ роты, особливо въ удобныхъ (гдѣ есть лѣса и воды чистыя) и отъ Риги не въ ближнихъ мѣстахъ.»

Войска были выведены, но для содержанія карауловъ, для защиты крѣпости необходимо было расположить часть войскъ въ самой Ригѣ. Магистратъ въ 1810 году возобновилъ было казармы въ городѣ и на форштатѣ, но чрезъ годъ онѣ оказались негодными для жительства: приходилось войска разставлять у самыхъ же горожанъ, что послужило поводомъ къ многочисленнымъ со стороны послѣднихъ неудовольствіямъ.

Жители жаловались, что ихъ принуждаютъ очищать собственные дома для помѣщенія генераловъ, офицеровъ и солдатъ, заставляютъ тѣсниться до самой послѣдней возможности, жаловались преимущественно на то, что ихъ постояльцы не щадятъ домовъ, ломаютъ двери и окна, портятъ печи, не хотятъ очищать конюшень, выбрасываютъ навозъ на улицы, велятъ вывозить нечистоты самимъ горожанамъ, а тѣ для этого неимѣютъ никакихъ средствъ: лошадей ни у кого не оказывалось, да и кормить ихъ было нечѣмъ.

По распоряженію оберъ-коменданта, генералъ-маіора Якова Васильевича Полонскаго, жители Риги должны были доставлять войскамъ съ 1712 года дрова и свѣчи. Исполненіе этой повинности для 9-ти тысячнаго разореннаго населенія Риги было особенно тяжело, потому что дрова и свѣчи приходилось ставить на 3, а иногда и на 4 полка, квартировавшіе въ городѣ,—а какъ было ставить, когда ни денегъ, ни запасовъ ни у кого не было?

Войска, не получая во время топлива, принуждены были съ своей стороны прибѣгать къ крайностямъ. Начальники посылали изъ Риги команды для вырубки окрестныхъ казенныхъ и городскихъ лѣсовъ, рощъ и садовъ и такимъ образомъ добывали топливо.

Безпорядочною вырубкою и истребленіемъ рощъ и садовъ наносился существенный вредъ благосостоянію города, но не было другого исхода, такъ какъ война подорвала всякую торговлю по Двинѣ, подвоза никакого небыло, а на морѣ господствовали шведы и не пропускали ничего идущаго въ Россіи и Ригу.

Между тѣмъ къ генералъ-губернатору шлются настоятельные царскіе указы: «За прошлый 1712 г. доимку, также за нынѣшній 1713 г. настоящіе доходы съ рижскаго дистрикту и съ прочихъ земель, которые сбирались въ Ригу, которые въ бытность гемарата (*) господина Левенвольда были не выбраны, нынѣ выбирайте вы, чтобъ оные въ доимкѣ не остались.» (Указъ князю Голицыну 28-го ноября 1713 г.)

Не успѣли собрать доимку — является новая, неотложная

(*) Тайнаго совѣтника.

нужда: строить ревельскую гавань. Лѣсъ для нея велѣно свозить съ рижскаго, венденскаго и перновскаго уѣздовъ и свозить «конечно симъ зимнимъ путемъ, не упуская удобнаго времени, ибо ежели гавань въ морозы нынѣ не отдѣлается, то послѣ нельзя будетъ ничего дѣлать, и для того опредѣлить къ той лѣсной возкѣ ландрата, чтобъ онъ этой работы смотрѣлъ, то же возьмите съ рижскихъ жителей къ тому гаванному дѣлу 3 тыс. пудъ желѣза и отправьте въ Ревель». (Указъ 28-го декабря 1715 г.).

Жители роптали на воинскій постой, на опустошеніе ихъ домовъ, на свое разореніе, приносили о томъ жалобы и магистрату, и генералъ-губернатору, ссылались на 16 пунктъ капитуляціи, которою имъ обѣщано было освобожденіе отъ необыкновенныхъ налоговъ и экстраординарныхъ контрибуцій, но жалобы ихъ оставались безъ удовлетворенія, да и удовлетворить жалобъ во время еще тяжкой войны, требовавшей огромныхъ усилій и напряженій всей Россіи, небыло никакой возможности.

За неудовлетворенными жалобами слѣдовали неудовольствія и ропотъ, которые не могли не доходить до свѣдѣнія генералъ-губернатора. Не могло укрыться отъ него, что жители Риги несутъ воинскія тягости, повинуясь только принужденію, даютъ квартиры войскамъ крайне неохотно и всѣми средствами заботятся лишь о томъ, чтобы избавиться отъ этой дѣйствительно тяжелой повинности.

Столкновенія съ войсками по случаю отвода квартиръ возникали постоянно. Государь долго дѣлалъ видъ, что многаго не замѣчаетъ, пока наконецъ гнѣвъ его не разразился надъ бургомистромъ Брокгаузеномъ, заявлявшимъ болѣе смѣло свои неудовольствія.

Это столкновеніе имѣло гибельныя послѣдствія для Брокгаузена, на котораго палъ жребій быть жертвою новаго порядка вещей.

Въ ноябрѣ 1715 года сдѣлалось извѣстнымъ въ Ригѣ, что царь, проѣздомъ за границу, пробудетъ въ этомъ городѣ нѣсколько дней [1]).

Тогдашній Лифляндскій генералъ-губернаторъ князь П. А. Голицынъ получилъ отъ государя приказаніе (27-го октября 1715 г.) поставить «подводы на каждыя 20 верстъ по 50 лошадей съ добрыми камисары, также чтобъ одинъ ландратъ дожидался насъ (царя) на рубежѣ Рижскомъ отъ Дерпта и ѣхалъ съ нами для лучшаго управленія».

---

[1]) Послѣ взятія Риги, Петръ не разъ бывалъ въ этомъ городѣ. Въ 1711 г. онъ прожилъ здѣсь съ 18-го ноября по 6-е декабря. Въ 1712 г. съ 25-го по 30-е іюня. Въ 1714 г. съ 6-го по 11-е февраля.

Первенствующимъ бургомистромъ въ магистратѣ былъ въ это время Іоганъ фонъ Бенкендорфъ. Онъ получилъ приказаніе отъ князя Голицына приготовить 5 хорошихъ домовъ для помѣщенія государя и его свиты, припасти 60 стульевъ и нѣсколько кроватей, съ тѣмъ, чтобы кровати эти были получше тѣхъ, которыя были приготовлены въ 1711 г., ибо кровати, поставленныя тогда въ царскихъ покояхъ, были до того плохи, что «тетка его царскаго величества принуждена была провести ночь на полу». Магистратъ получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ свѣдѣніе, что вслѣдъ за царемъ прибудетъ въ Ригу и царица Екатерина Алексѣевна и что въ царской свитѣ находятся: князь Меншиковъ, канцлеръ Гаврила Ивановичъ Головкинъ и вице-канцлеръ баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ.

1-го февраля 1716 г. Петръ прибылъ въ Ригу и остановился въ собственномъ дворцѣ, купленномъ имъ и отдѣланомъ еще въ 1711 г. (нынѣ уѣздное училище, на углу Дворцовой и Новой улицъ, на пристани). Свита же государя размѣстилась въ приготовленныхъ магистратомъ квартирахъ.

Въ числѣ другихъ приближенныхъ прибылъ въ Ригу съ государемъ генералъ-аншефъ Адамъ Вейде (тотъ самый, который былъ взятъ въ плѣнъ шведами подъ Нарвою и вымѣненъ на графа Штремберга). Ему была отведена квартира въ домѣ вдовы королевско-шведскаго коммисара Фридриха Весселинга; но Вейде захотѣлось помѣститься поближе къ царскому дворцу, для чего онъ и обратился къ генералъ губернатору съ просьбою отвести ему квартиру гдѣ либо на Дворцовой улицѣ. Князь Голицынъ спросилъ своего адъютанта: нѣтъ ли подходящей для генерала Вейде квартиры? Адъютантъ указалъ на домъ противъ дворца, принадлежавшій Павлу Брокгаузену, бывшему въ то время бургомистромъ, — человѣку, позьзовавшемуся между горожанами большимъ почетомъ и уваженіемъ [2]). Голицынъ приказалъ адъютанту немедленно же предложить Брокгаузену принять къ себѣ на нѣсколько дней генерала Вейде. Надо знать, что какъ въ Ревелѣ, такъ и въ Ригѣ дома бургомистровъ и ратсгеровъ вовсе были освобождены отъ воинскаго постоя. Адъютантъ, вѣроятно, передалъ желаніе Голицына какъ приказаніе, и Брокгаузенъ не согласился принять къ себѣ Вейде. Голицынъ, узнавъ объ этомъ, прислалъ адъютанта вторично уже съ болѣе настойчивымъ требованіемъ — не упрямиться, а выполнить просьбу его, генералъ-губернатора, немед-

---

²) Пав. Брокгаузенъ, сынъ оберъ-секретаря Рижскаго магистрата, родился въ 1662 г Воспитывался въ рижской соборной школѣ (Domschule), въ 1686 г. вступилъ въ Лейденскій университетъ, въ 1701 г. былъ избранъ ратсгеромъ и вскорѣ бургомистромъ, въ 1711 г. оберъ-фогтомъ, въ 1715 г. оберъ-ландфогтомъ, а въ 1716 г. оберъ квартиргеромъ. (См. статью г. Порта, помѣщенную въ Mittheilungen aus der livländischen Geschichte, томъ X, выпускъ 2, стр. 246—313).

ленно. Брокгаузенъ объявилъ адъютанту, что онъ лично пойдетъ объясниться съ княземъ и дѣйствительно отправился въ замокъ, но на бѣду въ замкѣ князя уже незасталъ, такъ какъ на другой день по прибытіи государя (2-го февраля) пріѣхалъ изъ Ревеля князь Меньшиковъ и царь съ приближенными своими обѣдалъ у него. Въ числѣ гостей былъ, разумѣется, и князь Голицынъ. Брокгаузенъ, узнавъ, гдѣ генералъ-губернаторъ и долго не думая, пошелъ въ квартиру Меньшикова. Въ это время обѣдъ уже кончился и царь со свитою встали отъ стола. Брокгаузенъ вошелъ въ комнату, гдѣ находился Голицынъ, и началъ объясняться съ нимъ по поводу назначенія въ его домѣ квартиры для генерала Вейде, — но объясняться такъ громко и въ такихъ грубыхъ выраженіяхъ, что царь приказалъ немедленно же отправить Брокгаузена на гауптвахту, какъ человѣка, забывшагося въ присутствіи государя и тѣмъ самымъ виновнаго въ оскорбленіи царскаго величества. Брокгаузенъ тотчасъ же былъ отправленъ на гауптвахту, находившуюся при замкѣ, и сданъ караульному офицеру.

Объ арестѣ Брокгаузена дали знать первенствующему бургомистру Бенкендорфу [3]). Съ цѣлію исходатайствовать сотоварищу прощеніе, онъ на другой же день, 3 февраля, рано утромъ отправился къ генералъ адъютанту Павлу И. Ягужинскому и просилъ его заступничества, но Ягужинскій на отрѣзъ отказался вмѣшиваться въ это дѣло. Столь же безуспѣшна была просьба о заступничествѣ у царскаго секретаря Абрама Веселовскаго. Веселовскій сказалъ Бенкендорфу, что царь сильно раздраженъ противъ Брокгаузена, а потому нельзя думать о какихъ бы то нибыло ходатайствахъ. Бенкендорфъ отправился къ Вейде, но не засталъ его дома.

Послѣ обѣда Бенкендорфъ созвалъ чрезвычайное собраніе магистрата и разсказалъ своимъ сочленамъ о безуспѣшности посѣщеній Ягужинскаго, Веселовскаго и Вейде. Что дѣлать, чтобъ помочь Брокгаузену?—Рѣшили было итти къ царю всѣмъ вмѣстѣ съ просьбою о смягченіи наказанія Брокгаузену, но въ это самое время вошелъ въ салу собранія капитанъ Брандтъ, и отъ имени генералъ-губернатора объявилъ, что магистратъ долженъ собраться завтрашняго числа, т. е. 4-го февраля, утромъ въ 4 часа, такъ какъ его царское величество намѣренъ лично быть въ это время въ магистратѣ.

Рижскій магистратъ состоялъ въ 1716 г. изъ 3 бурго-

---

[3]) Бенкендорфъ былъ послѣднимъ рижскимъ бургграфомъ, т. е. судьею въ столкновеніяхъ и спорахъ между дворянствомъ и горожанами, возникавшихъ внутри городскаго округа. Бургграфскій судъ существовалъ съ 1581 г. и уничтоженъ вскорѣ послѣ покоренія Риги русскими. Бенкендорфъ былъ лично извѣстенъ Петру. Въ 1721 г. онъ былъ переведенъ бургомистромъ въ Петербургъ, но въ томъ же году, по неизвѣстной причинѣ, воротился на родину и умеръ въ Ригѣ 7-го іюня 1727 г.

мистровъ и 10 ратсгеровъ. На лицо же было 2 бургомистра и 9 ратсгеровъ. Десятый ратсгеръ, купецъ Генрихъ Каль, за старостію (ему шелъ 81-й годъ отъ рожденія), не посѣщалъ магистрата еще съ 1714 г. [1]).

Въ назначенное Петромъ I время, 4-го февраля, оба бургомистра и ратсгеры уже сидѣли за судейскимъ столомъ. Прошло все утро, но царь не являлся; наконецъ въ 1 часу по полудни вошелъ въ залъ генералъ - губернаторъ и передалъ магистрату, въ переводѣ на нѣмецкомъ языкѣ, слѣдующій указъ царя:

«Господинъ губернаторъ! Понеже мы третьяго дня съ удивленіемъ слышали, что здѣшній бургомистръ Брокгаузенъ, для постоя въ квартирѣ генералу Вейду, не только весьма ослушенъ учинился, но сверхъ того зѣло не вѣжливо и дерзновенно поступилъ, а именно, что самовольно вошедъ въ домъ, гдѣ мы обѣдали, не почитая нашего присутствія, съ настойчивымъ невѣжествомъ, крикомъ и весьма не пристойнымъ лицу подданному отказомъ, при нашемъ присутствіи, вамъ кричалъ, что всѣмъ было въ удивленіе и противно было слышать, за которое великое его преступленіе, грубость и невѣжество повелѣваемъ, дабы магистратъ помянутаго преступника по правамъ судилъ, и каждый бы въ судѣ свою нотацію (какимъ мѣрамъ оному наказану быть достойну) рукою своею подписалъ, и потомъ оные намъ подать. Петръ. Въ 4-й день февраля 1716 года».

Передавая этотъ указъ магистрату, князь Голицынъ приказалъ: разсмотрѣвъ это дѣло, постановить немедленно же приговоръ, который и представить ему, генералъ-губернатору, для доклада его царскому величеству.

Не выслушавъ обвиняемаго, не производя никакого слѣдствія или даже просто дознанія по той причинѣ, что неприлично допрашивать обвиняемаго самимъ государемъ и такимъ образомъ какъ бы подвергать сужденію истину словъ его, члены магистрата тотчасъ же занялись составленіемъ судебнаго приговора надъ Брокгаузеномъ. Голоса однако раздѣлились: шестеро судей [2]) подписали слѣдующее сравнительно гуманное и независимое постановленіе:

«Понеже Его Царскаго Величества Господинъ Сенаторъ и губернаторъ князь Голицынъ, Его Сіятельство, высокопомянутаго Его

---

[1]) Бургомистры: Бенкендорфъ, Брокгаузенъ и Эттингенъ. Растгеры: Циммерманъ, Нордекъ, Клейзингъ, Гроте, Вейеръ, Видау, Шульценъ, Левенштернъ, Бейеръ, Каль.

Во время Шведовъ Магистратаръ состоялъ изъ 4 бургомистровъ и 14 ратсгеровъ,

([2]) фонъ Эттингенъ, Гансъ Клейзингъ, Іоганъ Гроте, Христіанъ Цимерманъ, Петръ Вейеръ и Нордекъ.

Царскаго Величества 4-го дня сего мѣсяца ему опредѣленный ордеръ въ переводной копіи, чтобъ по Его Царскаго Величества всемилостивѣйшему указу Оберъ-лантъ-фохта Павла Брокгаузена, преступленія его ради, по правамъ судить магистрату комуниковалъ: и сего для, по обстоянію его преступленія, како оное въ прежде помянутомъ Его Царскаго Величества высокомъ ордерѣ обстоятельно написано, и что еще высокопомянутое Сіятельство о состояніи онаго дѣла сказывалъ, всепокорнѣйше разсудили: не пристойно имѣетъ быть, что бы противъ святѣйшей Его Величества извѣстіе его допрашивать; но по здѣшнимъ Его Царскаго Величества конфирмованнымъ правамъ справедливо присудили:

когда онъ оберъ - ландъ - фохтъ Павелъ Брокгаузенъ ради квартиры

Его Превосходительству Генералу Вейду нетокмо непослушенъ явился, но сверхъ того зѣло безчинно и дерзновенно учинилъ, ибо своею волею въ домѣ, гдѣ Его Царское Величество кушалъ, и его величества прибытія не почитая неописаннымъ невѣжествомъ кричалъ, и непристойнымъ отреченіемъ, которое подданному непринадлежало во удивленіи и досады высокопомянутому Его Царскаго Величества Господину Сенатору Его Сіятельству Голицыну жаловался; итако весьма не разсудительнымъ образомъ тотъ решпектъ, которой пристойно всепокорнѣйше поданному своему самодержцу дать принадлежало, отставилъ: и за такое его преступленіе и безумнаго обхожденія нетокмо отъ всѣхъ дѣлъ онъ отставленъ и изъ Магистратской коллегіи вѣчно выключенъ, но такожъ на *цѣлой годъ въ заключеніе опредѣленъ да будетъ*. А впрочемъ буди Его Царскаго Величества всемилостивѣйшая воля. Въ 4-й день февраля 1716 года».

Другіе пятеро судей [3]) постановили приговоръ болѣе строгій и сообразный со взглядомъ Петра на дѣло Брокгаузена.

Этотъ послѣдній приговоръ гласитъ въ началѣ слово въ слово, какъ и первый; только въ концѣ, гдѣ назначается степень наказанія, читаемъ слѣдующее измѣненіе:

«За такое его преступленіе и безумнаго обхожденія, *вѣчно въ заключеніе определенъ* и сверхъ того изъ магистратской коллегіи вѣчно выписанъ и отъ всѣхъ своихъ дѣлъ отставленъ да будетъ, а впрочемъ буди Его Царскаго Величества всемилостивѣйшая воля.»

Оба эти приговора были немедленно представлены Петру въ русскомъ переводѣ. Государь остался недоволенъ первымъ изъ нихъ, и второй, опредѣлявшій Брокгаузену вѣчное заключеніе, смяг-

---

[3]) Іоганъ фонъ Бенкендорфъ, Мельхіоръ Видау, Іоганъ Шульценъ, Левенштернъ и Генрихъ Бейеръ.

чилъ по своему, положивъ на немъ такую собственноручную резолюцію:

«Отъ заключенія освобождается, а за вину его послать на вѣчное житье въ Тобольскъ».

Въ тотъ же день, въ суботу, прибыла въ Ригу царица Екетерина Алексѣевна съ великою княжною Екатериною Іоанновною. Думали было, что царица заступится за Брокгаузена, но всякія надежды скоро уничтожились. 8 февраля Петръ выѣхалъ изъ Риги на Митаву въ Данцигъ. За нимъ скоро послѣдовала и Екатерина Алексѣевна, и въ тотъ же день князь Голицынъ прислалъ магистрату предписаніе, коимъ повелѣвалъ, во исполненіе царскаго приговора, отправить Брокгаузена по назначенію въ Тобольскъ въ слѣдующую пятницу, т. е. 10-го февраля, *со всѣмъ его семействомъ.*

Предписаніе это не было однако исполнено во всей точности, ибо 19 февраля князь Голицынъ писалъ уже въ магистратъ, что Брокгаузенъ долженъ быть одинъ отправленъ въ Тобольскъ, семейство же его можетъ быть оставлено въ Ригѣ на волѣ [4]).

Петръ, повидимому, сурово казнилъ дерзкаго ратсгера, видя въ его поступкѣ не одну несправедливость жалобы и не одно неуваженіе лично къ себѣ, но неудовольствіе тѣмъ порядкомъ вещей, который былъ внесенъ въ Лифляндію русскими. Можетъ быть, Государь видѣлъ въ Брокгаузенѣ одного изъ сторонниковъ Швеціи, неискренно присягнувшихъ на вѣрность новому Государю. Вообще, вѣрности ново-завоеванныхъ провинцій царь отнюдь не довѣрялъ. Вотъ, напримѣръ, что писалъ Государь къ князю Голицыну еще въ 1714 году (24-го января):

«Получили мы вѣдомость. что саксонскихъ войскъ въ Курляндію пришло два полка, да и еще туда идутъ, отъ которыхъ сосѣдей имѣйте добрую осторожность, дабы вамъ, внезапно чего неучинили, ибо мы слышали, что король ихъ едваль не сдѣлалъ угоднаго

(⁴) Дальнѣйшая судьба Брокгаузена съ точностію неизвѣстна: никакой оффиціальной переписки о немъ не сохранилось. Рижскій оберъ-пасторъ Либоріусъ Бергманъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" разсказываетъ, не знаемъ только на сколько справедливо, что, по прибытіи царя въ Кенигсбергъ, 16-го февраля, обучавшіеся тамъ лифляндцы привѣтствовали его поздравительною рѣчью. Ораторъ понравился Государю. Юноша этотъ былъ сынъ Брокгаузена и просилъ о помилованіи своего отца. Петръ I, хотя неохотно, но исполнилъ его просьбу. Когда именно состоялся указъ о помилованіи Брокгаузена, опять неизвѣстно,—вѣрно только то, что Брокгаузенъ уже не видѣлъ Риги. По дорогѣ въ Тобольскъ онъ заболѣлъ и умеръ 4-го января 1717 г. въ Солигаличѣ. Плѣнные шведы похоронили его.

Сынъ Брокгаузена, также Павелъ, былъ рижскимъ ратсгеромъ съ 1735 г. и умеръ въ 1743 г. Вдова Брокгаузена умерла въ 1747 году, на 76 году отъ роду.

Курляндіи міра со Шведами, того для смотрите крѣпко на *бургаровъ*, чтобъ съ согласія оныхъ чего не сдѣлали.

P. S. Ежели услышись хотя малыя вѣдомости противныя изъ Курляндіи, тотчасъ у всѣхъ бургаровъ обери ружья».

Еще краснорѣчивѣе указъ, данный князю Голицыну 7 февраля 1716 г., слѣд. почти одновременно съ осужденіемъ Брокгаузена, за день до отъѣзда Государя изъ Риги, изъ котораго лучше всего видно, какъ осторожно относился Петръ къ жителямъ Ливоніи:

«Понеже, какъ видѣть можно, въ семъ городѣ много шведскихъ адгарентовъ (приверженцевъ) есть, того ради зѣло опасно поступать надобно, дабы чего тайнаго неучинили зла, согласясь съ посторонними мнимыми друзьями, чему предварять по слѣдующему:

1) На всякіе три мѣсяца перепись поголовную имѣть жителямъ и ихъ служителямъ.

2) Всѣхъ пріѣзжихъ (ктобъ они нибыли) дневальному полковнику самому распрашивать, и ежели кто мало подозрителенъ будетъ, того брать за арестъ и сыскивать.

3) Мужикамъ, для продажи всячины, учинить рынокъ за городомъ, а въ городъ, кромѣ необходимыхъ нужныхъ потребъ не пущать, яко дрова, сѣно, хлѣбъ, которые только въ двои вороты впускать и выпускать, а именно въ одни отъ рѣки, и въ другіе отъ табашнаго шанца, и когда впускать считать людей и записывать, и чтобъ оные весьма не ночевали въ городѣ, но къ вечеру паки вы ѣзжали, а кто невыѣдетъ сыскивать—у кого ночевалъ по запискѣ, къ кому ѣхалъ; также не надлежитъ въ день болѣе трехъ сотъ человѣкъ впускать.

4) Въ фурманахъ и возахъ осматривать нѣтъ ли ружья и людей, и для того только вскрывать фурманы, а въ нихъ ящиковъ и прочихъ мелочныхъ вещей не разбивать.

5) Ежели войска саксонскіе въ Курляндію или въ Литву на квартиры станутъ, тогда неусыпное око на нихъ имѣть, чтобъ чего не сдѣлали, сложасъ съ жители, чего для тогда двойные караулы конные, частыя патрулины дѣлать, ледъ противъ города пилить и протчую всякую осторожность имѣть, не вѣря никакимъ ихъ ласкательствамъ и увѣреніямъ.

6) Лѣтомъ корабли подъ палубами добрымъ офицеромъ осматривать, дабы чего небыло противнаго; равнымъ же образомъ суды и плоты (на которыхъ чуланы есть), сверху Двины идущіе, осматривать у Юнгфергофа искусному офицеру: нѣтъ ли лишнихъ людей и

негораздо ль много, и ежели много, хотя не лишніе, то къ городу вдругъ не допускать, а именно болѣе тысячи вдругъ не пропущать къ городу».

Ништатскій миръ, окончательно закрѣпившій новозавоеванныя провинціи за Россіею, далъ возможность успокоиться Прибалтійскому краю и мало по малу залѣчить раны, нанесенныя ему великою сѣверною войною.

IV.

Рескрипты и указы Екатерины II лифляндскому и эстляндскому генералъ-губернатору графу Броуну объ учрежденіи Рижскаго и Ревельскаго намѣстничествъ.

Прежде чѣмъ представимъ вниманію читателей нѣкоторые документы о Рижскомъ и Ревельскомъ намѣстничествахъ, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ.

Съ вступленіемъ на шведскій престолъ Карла XI начались серьезныя попытки измѣнить и улучшить внутреннее управленіе Ливоніи и въ особенности улучшить бытъ ливонскихъ крестьянъ. Тогдашнее шведское правительство имѣло въ виду съ точностію опредѣлить отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Есть многія указанія, что шведское правительство уже въ концѣ XVI столѣтія замышляло уничтожить вовсе крѣпостное состояніе. Попытки и мѣры правительства возбудили въ лифляндскомъ и эстляндскомъ дворянствѣ сильное неудовольствіе, въ особенности когда король Карлъ XI издалъ въ 1680 г. повелѣніе о редукціи, т. е. о возвращеніи въ казну всѣхъ имѣній, когда либо составлявшихъ государственное имущество (принадлежавшихъ коронѣ, какъ тогда выражались), и неправильно отошедшихъ въ частную собственность,—о возвращеніи, по-

становленномъ еще въ 1655 г. на шведскомъ сеймѣ и долженствовавшемъ распространяться на все шведское государство.

Редукція имѣній въ Ливоніи была произведена, причемъ изъ 6,322 гаковъ земли, принадлежавшей частнымъ лицамъ, 5,222 гака были возвращены въ казну, такъ какъ владѣльцы ихъ не могли представить никакихъ доказательствъ, въ силу которыхъ они владѣли ими. Затѣмъ послѣдовали весьма дѣльныя распоряженія правительства о крестьянскихъ повинностяхъ, о ревизіяхъ и проч., но возникшая сѣверная война положила предѣлъ реформамъ. Въ 1710 году Лифляндія и Эстляндія были покорены оружіемъ Петра I, и редукція была уничтожена, — 30 сентября 1710 г. состоялась жалованная грамота дворянству княжества Лифляндскаго въ подтвержденіе прежнихъ ихъ правъ, а особливо данныхъ отъ польскаго короля Сигизмунда Августа въ Вильнѣ 1561 г., привиллегій касательно ихъ правъ, статутовъ, вольностей, достоинствъ и законныхъ ихъ маетностей, какъ во владѣніи у нихъ находящихся, такъ и тѣхъ, кои, бывъ наслѣдственными, не по праву у нихъ отняты (П. С. З. ном. 2,301). Подобная же жалованная грамота была дарована и эстляндскому шляхетству 1 марта 1712 г. (П. С. З, ном. 2,495). Въ томъ же 1712 г. была возстановлена и лифляндская ландратская коллегія.

Внутреннее управленіе Лифляндской и Эстляндской губерній со временъ Петра I до Екатерины II оставалось безъ особенно важныхъ и существенныхъ перемѣнъ. Отъ вниманія императрицы не могли укрыться недостатки тогдашняго внутренняго управленія названныхъ губерній. Посѣтивъ Ревель и Ригу въ 1764 г., императрица рекомендовала генералъ-губернатору Броуну обращать особенное вниманіе на бытъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе необходимыя реформы не касались Прибалтійскаго края до самаго начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Извѣстно, что *учрежденіе для управленія губерній Всероссійскія имперіи* состоялось 7-го ноября 1775 г. (П. С. З. ном. 14,392); и съ этихъ поръ начали учреждаться намѣстничества. Основною мыслью учрежденія о губерніяхъ было пробудить самостоятельную жизнь въ городахъ и вообще развить самоуправленіе въ губерніяхъ. Нѣтъ надобности указывать подробности этого, во всякомъ случаѣ, весьма важнаго учрежденія, но необходимо замѣтить, что намѣстничества открывались въ губерніяхъ постепенно. Первое намѣстничество было открыто въ Твери, и наше правительство рѣшилось ввести ихъ повсемѣстно во всей имперіи.

Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій весною 1779 г. писалъ лифляндскому генералъ-губернатору Броуну, что императрица намѣре-

ка преобразовать внутреннее управленіе Прибалтійскихъ губерній и учредить намѣстничества въ Ригѣ и Ревелѣ. Броунъ тотчасъ же предписалъ ландратской коллегіи составить комитетъ и обсудить въ немъ проектъ намѣстническихъ правленій. Въ этотъ комитетъ были избраны: ландратъ Бергъ, бывшій ландратъ Шульцъ фонъ-Ашераденъ, шталмейстеръ баронъ Вольфъ и исправляющій должность ландрата Ренненкампфъ. Въ октябрѣ 1779 г. комитетъ окончилъ занятія и свои соображенія представилъ генералъ-губернатору. Намъ лично неизвѣстенъ текстъ доклада комитета (кажется, онъ нигдѣ не напечатанъ), и потому мы должны воздержаться отъ всякихъ предположеній насчетъ мнѣній названнаго комитета. Тѣмъ не менѣе, имѣемъ нѣкоторыя основанія думать, что возраженія, каковы бы они ни были, противъ учрежденія о губерніяхъ не могли смутить ни Потемкина, ни Вяземскаго, а тѣмъ болѣе императрицу. Введеніе намѣстничествъ въ Ригѣ и Ревелѣ было окончательно рѣшено, но для этого необходимо было принять нѣкоторыя предварительныя мѣры. Прежде всего нужно было рѣшить вопросъ о манленныхъ (помѣстныхъ) мызахъ и разграничить уѣзды. Съ этою цѣлію въ 1781 г. (19-го іюля) состоялся сенатскій указъ о непродаваніи и незакладываніи въ Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи манленныхъ мызъ, затѣмъ въ іюнѣ 1782 г. графъ Броунъ былъ вызванъ въ Петербургъ для полученія окончательныхъ инструкцій къ открытію намѣстничествъ. Лѣтомъ 1782 г. собрался на обыкновенное засѣданіе и лифляндскій конвентъ и постановилъ просить государыню объ оставленіи управленія края по старинѣ, свою просьбу о томъ онъ представилъ графу Воронцову, но тотъ отвѣтилъ, что ходатайства конвента онъ доводить до свѣдѣнія государыни не рѣшается и не будетъ. Есть извѣстія (не выдаемъ ихъ, впрочемъ, за вполнѣ достовѣрныя по неимѣнію документовъ), что одновременно съ Броуномъ поѣхали въ Петербургъ маіоръ Блюменъ съ жалобами на произволъ дворянства и столяръ Эбель съ жалобами на управленіе городскими дѣлами рижскаго городоваго магистрата.

По возвращеніи Броуна въ Ригу, начались приготовленія къ открытію намѣстничествъ. Этими приготовленіями императрица была очень довольна и вотъ что писала Броуну:

«Господинъ Лифляндскій Генералъ-Губернаторъ графъ Броунъ. Мы съ особымъ удовольствіемъ получили разныя донесенія Ваши о пріуготовленіяхъ къ открытію Рижскаго Намѣстничества. Согласны Мы съ представленіемъ Вашимъ какъ на построеніе присутственныхъ мѣстъ въ замкѣ Рижскомъ, такъ и на помѣщеніе оныхъ временное въ тамошнемъ дворцѣ съ покупкою къ оному Бильфельдова дома, позволяя Вамъ употребить на сію покупку показанное въ реляціи Вашей отъ 13 іюля 1782 года количество денегъ изъ тамошнихъ доходовъ насчетъ казначейства для остаточныхъ суммъ учрежденнаго.

Что принадлежитъ до двадцати тысячъ рублей, на публичныя строенія ежегодно опредѣленныхъ, оное учинено сообразно съ другими губерніями, но ежели для поспѣшенія дѣлу на первое время нужно будетъ и болѣе сей суммы, Мы по донесеніямъ Вашимъ не преминемъ дать повелѣнія Наши. Пребываю впрочемъ къ Вамъ благосклонною. Въ С.-Петербургѣ, Марта 9 1783 г.

Екатерина.

3-го марта 1783 года повелѣвалось (П. С. З. ном. 15678) изъ островов, лежащихъ на Балтійскомъ морѣ, Эзеля и др., учредить особую область, раздѣливъ ее по усмотрѣнію Броуна на два уѣзда. 1 апрѣля 1783 г. (П. С. З. ном. 15702) императрица повелѣла графу Броуну и коммерцъ-коллегіи президенту графу Воронцову привести торговыя дѣла города Риги и всего края въ ясность и устройство. (Это пересмотръ трактата 1615 г. и акта Бирона 1762 г. и присоединеніе посада Шлокъ къ Лифляндской губерніи). 3 мая 1783 г. состоялся весьма важный манифестъ (П. С. З. ном. 15719) о соединеніи въ губерніяхъ Рижской и Ревельской помѣстій съ вотчинами, въ силу этого манифеста всѣ манленныя деревни (помѣстья) обращены въ прямыя наслѣдственныя, подобно тому, какъ въ царствованіе Анны Іоанновны въ 1731 г. всѣ недвижимыя имѣнія внутри Россіи—помѣстья и вотчины—соединены подъ одно названіе вотчинъ.

Въ тотъ же день императрица подписала указъ сенату (П. С. З. ном. 15724) о количествѣ податей, подлежащихъ ко взысканію съ купечества, мѣщанъ, крестьянъ и др. обывателей различныхъ губерній, въ томъ числѣ губерній Рижской и Ревельской. Этимъ указомъ повелѣвалось въ Рижской и Ревельской губерніяхъ взимать съ крестьянъ по 70 к. въ годъ, съ купечества по 1% съ капитала по совѣсти ими объявляемаго, съ мѣщанъ по 1 р. 20 к. въ годъ.

3 іюля 1783 состоялись три указа, окончательно преобразовывавшіе внутреннее управленіе Лифляндіи и Эстляндіи. Первымъ указомъ, даннымъ сенату (П. С. З. ном. 15774) повелѣвалось учредить Ревельскую губернію изъ 5 уѣздовъ, съ тѣмъ, чтобы и Балтійскій Портъ былъ уѣздомъ, опредѣленіе же границъ губерній и уѣздовъ предоставить графу Броуну, какъ генералъ-губернатору Лифляндскому и Эстляндскому. Вторымъ указомъ сенату же (П. С. З. 15775) повелѣно учредить Рижскую губернію изъ 9 уѣздовъ: Рижскаго, Венденскаго, Валкскаго, Вольмарскаго, Перновскаго, Феллинскаго, Дерптскаго и Эзельскаго, открытіе девятаго уѣзда и разграниченіе всѣхъ уѣздовъ предоставлялось усмотрѣнію генералъ - губератора. Третій указъ уже былъ данъ прямо на имя графа Броуна. Этотъ указъ хотя и напечатанъ въ П. С. З. ном. 15776, но мы начинаемъ рядъ

рескриптовъ и указовъ по учрежденію намѣстничествъ именно этимъ указомъ, какъ основнымъ для всѣхъ послѣдующихъ. Передаемъ текстъ этого указа съ подлинника, полученнаго графомъ Броуномъ въ то самое время, когда въ Ригѣ въ іюнѣ 1783 г. собрался новый конвентъ. Вотъ, что писала императрица графу Брону:

I.

Божіею Милостію Мы Екатерина вторая и Самодержица всероссійская

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Генералу, Рижскому и Ревельскому Генералъ-губернатору, графу Броуну. Послучаю предлежащаго устроенія Рижской и Ревельской губерній въ образѣ управленія, учрежденіями Нашими предписанномъ, Мы за нужное признали повелѣть Вамъ. *Первое.* Всѣ положенныя въ помянутыхъ учрежденіяхъ мѣста и должности въ сихъ Губерніяхъ опредѣлены быть долженствуютъ, какъ то подробно можно видѣть будетъ въ штатахъ для тѣхъ намѣстничествъ издаваемыхъ. *Второе.* Установляемыя на основаніи учрежденій Нашихъ мѣстъ и опредѣляемые къ разнымъ должностямъ люди обязаны наблюдать каждый по званію своему, дабы законы, симъ Губерніямъ присвоенные и жалованныя грамоты отъ предковъ Нашихъ и отъ Насъ данныя и утвержденныя дворянству и городамъ сихъ намѣстничествъ въ самой точности безъ нарушенія исполняемы были. *Третье.* Земскій штатъ дворянству обоихъ Губерній, Ландратская коллегія или собраніе и тому подобное по жалованнымъ грамотамъ и по утвержденнымъ имъ установленіямъ присвоенное имѣетъ остаться въ своей силѣ, но что касается до выбора губернскихъ и уѣздныхъ Предводителей, въ томъ поступать по учрежденіямъ. *Четвертое.* Городовые Магистраты въ городахъ, гдѣ ихъ не было, устроить вновь на точномъ основаніи учрежденій; но что касается до городовъ Риги и другихъ, кои таковые Магистраты въ пространнѣйшемъ штатѣ и раздѣленные на разные Департаменты по ихъ грамотамъ и установленіямъ имѣютъ, оные оставить на прежнемъ основаніи; учрежденіе же Губернскаго Магистрата въ городахъ Ригѣ и Ревелѣ и зависимость городовыхъ, не исключая Рижскихъ и Ревельскихъ, распространяетъ еще вяще премуищества жителей тѣхъ городовъ по колику на основаніи учрежденій Нашихъ статьи 73-й выборомъ засѣдателей и изъ нихъ толь знатное мѣсто составлено будетъ. *Пятое.* Церковное учрежденіе въ обоихъ губерніяхъ да останется на прежнемъ основаніи безъ отмѣны. *Шестое.* Экономическіе разные чины и потребные до того люди имѣютъ оставлены быть по прежнему до будущаго Генеральнаго по Государству о томъ распоряженіи. *Седьмое.* Поелику нынѣ послѣдовало же соизволеніе Наше о бытіи Ревельскому намѣстничеству, то и нѣтъ нужды въ соединеніи острововъ въ одну область; но должно оста-

вить ихъ по прежнему, въ которой губерніи какіе изъ нихъ принадлежали, устроя островъ Эзель особымъ уѣздомъ, а прочія приписать по способности къ ближайшимъ уѣздамъ. *Осьмое.* Губернскому Правленію Рижскаго намѣстничества состоя изъ чиновъ учрежденіями назначенныхъ имѣть двѣ экспедиціи, одну Россійскую и другую Нѣмецкую, да и прочимъ мѣстамъ суднымъ дозволяется производить дѣла на нѣмецкомъ языкѣ, исключая Казенныя Палаты, кои въ посылкѣ вѣдомостей къ управляющему должность Государственнаго Казначея и въ экспедиціи его вѣдомства и въ дачѣ отчета долженствуютъ поступать по изданнымъ о томъ вообще для всѣхъ губерній наставленіямъ и указамъ, производя все то, что слѣдуетъ до отношенія къ Государственному Казначею или экспедиціямъ его вѣдомства на Россійскомъ языкѣ. *Девятое.* Назнача въ городѣ Ригѣ жалованье чинамъ при разныхъ должностяхъ опредѣляемыхъ ефимками, во избѣжаніе всякихъ разсчетовъ, повелѣваемъ до будущаго Нашего соизволенія производить за каждый ефимокъ по рублю по двадцати пяти копѣекъ. Пребываемъ впрочемъ Вамъ Императорскою Нашею милостію всегда благосклонны. Данъ въ Царскомъ Селѣ, Іюня 3 дня 1783 года.

Екатерина.

II.

Господинъ Рижскій и Ревельскій Генералъ-Губернаторъ Графъ Броунъ. На чрезвычайные расходы по случаю открытія намѣстничествъ Рижскаго и Ревельскаго Мы позволяемъ Вамъ употребить по пяти тысячъ рублей въ каждомъ намѣстничествѣ на счетъ казначейства, для остаточныхъ суммъ учрежденнаго изъ таможнихъ доходовъ. Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 3-го дня 1783 года.

Екатерина.

III.

Нашему Генералу Рижскому и Ревельскому Генералу-Губернатору Графу Броуну.

Мы признали за нужное предписать Нашимъ Генералъ-Губернаторамъ и правящимъ ту должность, чтобъ каждый изъ нихъ, въ отсутствіи же его изъ Губерніи, буде онъ отъ столицы Нашей находится далѣе ввѣреннаго ему намѣстничества, Губернаторъ доставлялъ Намъ дважды въ мѣсяцъ и именно отъ 1-го до 15 числа краткія донесенія о благополучномъ состояніи Губерніи, о спокойствіи и безопасности въ нихъ, увѣдомляя притомъ о всѣхъ чрезвычайныхъ важныхъ и примѣчанія достойныхъ происшествіяхъ, и получая такія же извѣстія отъ Городничихъ и нижнихъ Земскихъ Судовъ для составленія изъ оныхъ требуемаго нынѣ Нами донесенія. Пребыва-

емъ впрочемъ Вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны. Въ Царскомъ Селѣ. Августа 24-го дня 1783 года.

Екатерина.

IV.

Господинъ Рижскій и Ревельскій Генералъ-Губернаторъ, Графъ Броунъ. Въ уваженіе, что вы осабочены будете открытіемъ и устроеніемъ Рижскаго намѣстничества и что суровость времени будетъ препятствовать Вашимъ переѣздамъ, Мы повелѣваемъ Вамъ къ открытію Ревельскаго намѣстничества употребить руководствомъ Вашимъ тамошняго Губернатора Генерала Порутчика Гротенгельма. Пребываемъ впрочемъ Вамъ благосклонны. Въ С.-Петербургѣ. Сентября 25-го дня 1783 года.

Екатерина.

V.

Господинъ Рижскій и Ревельскій Генералъ-Губернаторъ Графъ Броунъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ получила я донесеніе Ваше о благополучномъ открытіи Рижскаго намѣстничесчва и свидѣтельство Ваше о благодарности дворянства и всего общества тамошняго къ моему о добрѣ ихъ расположенію. Это есть одно изъ главнѣйшихъ желаній моихъ, впрочемъ я признаю въ полной мѣрѣ труды и подвиги Ваши, подъятые въ семъ дѣлѣ. Пребываю всегда вамъ благосклонная. Въ С.-Петербургѣ. Ноября 5-го дня 1783 года.

Екатерина.

VI.

Нашему Генералу Рижскому и Ревельскому Генералу-Губернатору Графу Броуну.

Изъ представленныхъ намъ вѣдомостей о смѣнѣ рѣшенныхъ дѣлъ и о присутствіи членовъ въ разныхъ мѣстахъ по Губерніямъ въ теченіи прошедшаго года, съ одной стороны видѣли Мы съ удовольствіемъ, что радѣтельнымъ наблюденіемъ Нашихъ Генераловъ-Губернаторовъ, правящихъ ту должность и губернаторовъ и прилежаніемъ большей части людей къ должностямъ опредѣленныхъ великое множество дѣлъ приведено къ окончанію, но съ другой стороны не могло отъ насъ сокрыться, что въ иныхъ Губерніяхъ превосходное число нерѣшенныхъ дѣлъ осталося, и кто изъ присутствующихъ многіе большую половину года не были въ засѣданіи, Мы желаемъ, чтобы Наши Генералы-Губернаторы и правящіе ту должность, въ отсутствіи же ихъ Губернаторы, объявили кому надлежитъ въ Губерніяхъ имъ ввѣренныхъ, что какъ Мы обыкли вниманіе На-

ше обращать на труды и подвиги, подъемлемыя каждымъ въ прехожденіи служенія, на него возложеннаго, такъ и не оставимъ отмѣнные въ томъ успѣхи отличать Нашимъ благоволеніемъ, а равнымъ образомъ на противъ того не можемъ Мы оставить безъ взысканія если кто малымъ въ должности своей радѣніемъ найдется причиною упущеніямъ по службѣ Государственной и медленіемъ въ доставленіи правосудія: почему и надѣемся что отнынѣ впредь всякъ изъ служащихъ усугубятъ труды и старанія свои къ ревностному исправленію должностей ихъ по благоугодности Нашей и на общую пользу. Пребываемъ прочемъ вамъ Императорскою Нашею милостію всегда благосклонны.

Екатерина.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Января 8-го дня 1784 года.

VII.

Господинъ Рижскій и Ревельскій Генералъ - Губернаторъ графъ Броунъ. Мы увѣдомилися, что по прошенію Ревельской Губерніи Гапсальскаго городоваго магистрата приказано ему быть подсуднымъ Рижскому Губернскому Магистрату: а какъ подчиненіе таковое Городоваго Магистрата другой Губерніи Рижскому Губернскому Магистрату не соотвѣтствуетъ силѣ учрежденій Нашихъ, то и соизволяемъ, чтобъ означенный Гапсальскій Магистратъ, оставленъ былъ въ зависимости Ревельскаго Губернскаго Магистрата. Пребываемъ впрочемъ Вамъ благосклонны. Въ С.-Петербургѣ. Апрѣля 15-го дня 1784 года.

Екатерина.

VIII.

Господинъ Рижскій и Ревельскій Генералъ - Губернаторъ Графъ Броунъ. По прочтеніи реляціи Вашей отъ 30 Марта и приложеній приономъ, Мы находимъ, что когда указомъ Нашимъ отъ 3 Іюля 1783 года вамъ даннымъ предписано о сохраненіи правъ тамошнихъ на основаніи жалованныхъ нашихъ грамотъ; то довольно было сей указъ Нашъ въ числѣ прочихъ узаконеній сообщить всѣмъ земскимъ правленіямъ и начальствамъ къ должному исполненію и наблюденію въ точныхъ его словахъ, не прибавляя къ нему, ниже выводя иныхъ заключеній, кромѣ тѣхъ, кои въ самыхъ словахъ его содержатся. Подобная же означенной публикація нимало не была нужна. Всякому безпристрастному и предъубѣжденій чуждому весьма внятно быть можетъ, что учрежденія наши отъ 7 Ноября 1775 года не лишаютъ ни единаго чина или состоянія народнаго принадлежащихъ ему правъ, распространяя еще преимущества каждаго особливо же быть судимымъ отъ своихъ разныхъ управленій Губерніи. Мы обя-

заны были распорядиться единообразно во всей Имиеріи нашей, да и видимъ съ удовольствіемъ, что всѣ области наши въ томъ числѣ такія, кои по жалованнымъ предковъ нашихъ грамотамъ особливыя права имѣютъ, не только не встрѣчаютъ въ учрежденіяхъ нашихъ ничего себѣ вреднаго, предосудительнаго или утѣсняющаго ихъ, но еще признаютъ введеніе ихъ за новый залогъ нашего о добрѣ ихъ попеченія. Не распространяя далѣе изъясненій Нашихъ по содержанію той публикаціи, Мы объявляемъ Вамъ волю Нашу непреложную, что долгъ званія Вашего обязываетъ Васъ прилежно наблюдать, дабы учрежденія Наши въ полной ихъ силѣ и разумѣ точно исполняемы были, не дозволяя въ несходство съ ними никаковыхъ толкованій и поступки, что до сохраненія правъ, жалованными нашими грамотами утвержденныхъ, по силѣ указа Нашего отъ 3 іюля 1783 года когда по сему исполняемо будетъ, то само собою разумѣется, что всѣ тѣ затрудненія и несходства, кои Сенатъ находитъ по многимъ дѣламъ, сами собою будутъ отвращены, въ чемъ Мы на извѣстное наше Вамъ усердіе полагаемся. Впрочемъ по учиненіи уже вышеписанной публикаціи нѣтъ нужды возвращаться и Мы о томъ Сенату дали знать чрезъ Генерала Прокурора. Осталося намъ сдѣлать Вамъ примѣчаніе на тѣ пункты, кои Вы представляете въ реляціи Вашей: *Первое*. Акциденція или доходы съ дѣлъ судьямъ и канцелярскимъ чинамъ, тогда допускаемы были, когда мѣста тамошнія не были снабдены штатомъ; но теперь по назначеніи каждому изъ нихъ жалованья правосудіе отправляемо быть долженствуетъ безвозмездное, и акциденціи никакія въ судныхъ мѣстахъ мѣста имѣть не могутъ. Мы излишнимъ почитаемъ объяснять весь вредъ, который отъ дозволенія ихъ произойти можетъ. *Второе*. Перенесеніе дѣлъ изъ нижняго суда въ верхній и въ Палаты, и платежъ положенныхъ денегъ долженствуютъ производимы быть неиначе, какъ на основаніи учрежденій Нашихъ наблюдая въ томъ совершенное единообразіе съ прочими Губерніями. *Третье*. Равнымъ образомъ, о денежныхъ штрафахъ или пеняхъ, ежели которыя точно въ учрежденіяхъ означены, тому и послѣдовать. *Четвертое*. Что касается до Губернскаго Прокурора, то хотя должность его по учрежденіямъ Нашимъ есть представлять о всемъ, гдѣ онъ встрѣтитъ несходство съ закономъ Генералу-Губернатору: но будучи онъ по словамъ тѣхъ учрежденій око Генерала-Прокурора, не меньше обязанъ увѣдомлять и Генерала Прокурора: между многими тутъ убѣдительными причинами есть то, что нужно, дабы законъ вездѣ одинаково разумѣемъ и исполняемъ былъ. Пребываемъ впрочемъ Вамъ благосклонны. Въ С.-Петербургѣ. Апрѣля 15-го дня 1784 года.

Екатерина.

IX.

Господинъ Рижскій и Ревельскій Генералъ - Губернаторъ

Графъ Броунъ. Для сокращенія излишней роскоши дозволивъ каждому намѣстничеству присвоить особые цвѣты для платья находящимся тамъ у дѣлъ, такожъ дворянству и гражданству, Мы препроводили въ Сенатъ Нашъ рисунки съ описаніемъ для лучшей ясности въ исполненіи, а Вамъ чрезъ сіе дать знать разсудили за благо, дабы Вы старалися вводить оные въ употребленіе для обоего пола жительствующимъ въ губерніяхъ Вамъ ввѣренныхъ, предпочтительно всякому излишнему наряду и украшенію. Сверхъ того желали бы Мы для собственной пользы Нашихъ подданныхъ, чтобъ суть гдѣ заведенныя фабрики суконныя Россійскія и тому подобныя, нужныя вещи для одежды домовыхъ служителей и на прочее домашнее употребленіе оттуда преимущественнѣе были заимствуемы нежели иностранныя, распространяя то и на всякія Россійскія рукодѣлія и произрантенія. Примѣръ начальствующихъ и у дѣлъ находящихся болѣе можетъ служить къ тому побужденіемъ, нежели принужденіе, которое Мы и тутъ не дозволяемъ и вовсе запрещаемъ: но притомъ для удобнѣйщаго и надежнѣйшаго доставленія всякихъ надобностэй въ домашней жизни необходимо нужно есть, чтобъ Наши Генералы-Губернаторы, правящіе ту должность, Губернаторы и прочіе начальствующіе, до коихъ должности то относиться будетъ, поощряли и склоняли торгующихъ въ губерніяхъ размноженію всякаго внутренняго торгу употребляя всевозможныя средства и совѣты къ сильненію людей обработывать болѣе свои внутреннія произрастапія и заниматься устроеніемъ небольшихъ заводовъ, фабрикъ, и сколько можно особливо частныхъ рукодѣлій и становъ, пріохочивать другихъ Россійскихъ купцовъ оныя скупать и развозить по губерніямъ, производя таковыя же закупки и по селеніямъ, гдѣ найдутся какіе либо обдѣланные товары и, снабдевая такимъ образомъ собственнымъ своимъ рукодѣліемъ разные города и уѣзды, чѣмъ гораздо можетъ уменьшиться надобность въ иностранныхъ товарахъ, къ отвращенію многихъ частныхъ людей отъ излишнихъ издержекъ и къ доставленію имъ способовъ обращать избытки ихъ на иное, что либо прочнѣйшее самимъ имъ, потомкамъ ихъ и Государству полезнѣйшее. Таковое соизволеніе Наше долженствуетъ быть всѣмъ извѣстно, для чего списки сего разослать во всѣ присутственныя мѣста, въ Губернскомъ и уѣздномъ городахъ и раздать дворянскимъ Предводителямъ и Городскимъ Головамъ. Впрочемъ Мы удостовѣрны, что Вы по усердію Вашему къ службѣ Нашей и къ пользѣ общей не упустите стараться о достиженіи въ семъ добрыхъ и нами желанныхъ успѣховъ. Пребываемъ всегда Вамъ благосклонны. Въ Москвѣ. Мая 6-го дня 1784 года.

Екатерина.

X.

Господинъ Лифляндскій и Эстляндскій Генералъ-Губернаторъ

Графъ Броунъ. Признавая выгодною покупку мызы Верро для обращенія оной въ уѣздный городъ, Мы предписали Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Генералу Прокурору Князю Вяземскому о заплатѣ за оную по сношенію съ Вами; вслѣдствіе чего Вы можете дѣлать зависящія отъ Васъ распоряженія къ учрежденію въ той мызѣ уѣзднаго города. Что же касается до трехъ полковъ, кои въ случаѣ нужды должны будутъ вступить въ Рижскую губернію, оные еще находятся въ пути изъ Корпусовъ, бывшихъ въ походѣ по настоявшимъ тогда обстоятельствамъ; почему, покуда они до своихъ мѣстъ дойдутъ, ничто не можетъ препятствовать Вашему возвращенію въ Ригу. Пребываемъ впрочемъ благосклонны. Въ Царскомъ-Селѣ. Іюня 14 дня 1784 года.

Екатерина.

XI.

Господинъ Рижскій и Ревельскій Генералъ-Губернаторъ Графъ Броунъ. Для соблюденія всевозможнаго единообразія въ исполненіи учрежденій Нашихъ по губерніямъ, Мы употребляли въ С.-Петербургской губерніи ежегодно, а въ иныхъ при случаѣ проѣздовъ Нашихъ осмотръ, Господами Сенаторами по волѣ Нашей произведенный, разныхъ тамошнихъ Присутственныхъ мѣстъ и вообще теченіе дѣлъ и наблюденіе порядка. Тоже самое поручили Мы нынѣ исполнить въ Рижской и Ревельской губерніяхъ Нашимъ Тайнымъ Совѣтникамъ Графу Воронцову и Князю Долгорукову, повелѣвъ имъ по освидѣтельствованіи Присутственныхъ мѣстъ, не только въ губернскихъ городахъ, но и въ уѣздныхъ тѣхъ, кои или на пути ихъ будутъ, или которые они и сверхъ оныхъ за нужное найдутъ посѣтить, подать Намъ донесеніе; со стороны же Вашей Мы ожидаемъ, что Вы всякое потребное пособіе имъ подать не оставите, изъясняясь съ ними о всемъ, что къ пользѣ службы Нашей простираться можетъ. Пребываемъ впрочемъ Вамъ благосклонны. Въ Царскомъ-Селѣ. Іюня 17 дня 1784 года.

Екатерина.

XII.

Господинъ Рижскій и Ревельскій Генералъ - Губернаторъ Графъ Броунъ. Контрактъ на покупку въ казну мызы Верро у Засѣдателя уѣзднаго Суда Менгдена для учрежденія въ ней уѣзднаго города, повелѣваемъ Вамъ подписать; а объ отпускѣ на заплату за оную пятидесяти семи тысячъ рублей серебряною монетою по сношенію съ Вами данъ указъ Нашъ Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Генералу Прокурору Князю Вяземскому. Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 6 дня 1784 года.

Екатерина.

XIII.

Господинъ Рижскій и Ревельскій Генералъ-губернаторъ Графъ Броунъ. По возвращеніи Нашихъ Тайныхъ Совѣтниковъ Графа Воронцова и Князя Долгорукова, Мы увѣдомлены отъ нихъ были, въ какомъ состояніи нашли они при порученномъ имъ осмотрѣ обѣ ввѣренныя Вамъ губерніи. Съ особливымъ удовольствіемъ пріемлемъ скорое теченіе дѣлъ и сохраненіе порядка по разнымъ частямъ, относя оное во первыхъ къ извѣстному Намъ Вашему усердію къ службѣ Нашей, и при томъ отдавая справедливость трудящимся подъ начальствомъ Вашимъ. Удостовѣрены Мы, что примѣчанія, помянутыми Нашими Тайными Совѣтниками на основаніи учрежденій Нашихъ и сходно съ пользою службы сдѣланныя, исполнены будутъ; особливо же: *Первое.* Чтобъ въ училищахъ тамошнихъ преподаваемъ былъ россійскій языкъ, яко необходимо нужный и безъ котораго знаніе и употребленіе въ должности весьма неудобно. *Второе.* Чтобъ со стороны Казенной Палаты заведеніемъ кирпичныхъ заводовъ, да и вообще отъ Губернскаго Правленія разными благопристойными поощреніями, уменьшаема была по всей возможности чрезмѣрная дороговизна разныхъ матеріаловъ для публичныхъ и частныхъ строеній нужныхъ. *Третіе.* Чтобъ разграниченіе уѣздовъ и губерній скорѣе къ окончанію приведено было. *Четвертое.* Чтобъ положенныя по штату въ Балтійскомъ Портѣ яко уѣздномъ городѣ Присутственныя мѣста въ оный городъ изъ Ревеля выведены были. *Пятое.* Чтобъ въ расправахъ верхней и нижней Ревельскаго намѣстничества между Сельскими засѣдателями не одни чиновные люди отъ нихъ избираемые, но и изъ поселянъ самихъ по узаконенному порядку находилися, и чтобъ въ нижнихъ Земскихъ судахъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ имѣются казеннаго вѣдомства деревни, Сельскіе Засѣдатели выбраны были. Пребываемъ впрочемъ Вамъ благосклонны. Въ Царскомъ Селѣ. Сентября 4-го дня 1784 года.

Екатерина.

XIV.

Господинъ Рижскій и Ревельскій Генералъ-Губернаторъ Графъ Броунъ! Пріемля за благо всѣ распоряженія въ донесеніи Вашемъ, отъ 9-го сего октября изображенныя, относительно населенія и построенія города Верро и о прочемъ и позволяя оныя произвесть въ дѣйство, Мы не мо-

жемъ оставить безъ примѣчанія, что какъ сбереженіе казенныхъ лѣсовъ составляетъ одну изъ важныхъ частей хозяйства, то при назначеніи отпуска лѣса на строеніе тамошнимъ обывателямъ и присутственныхъ домовъ прикажите въ раздѣленіи онаго соображаться примѣрнымъ правиламъ, въ приложеніи при семъ означеннымъ. Пребываемъ впрочемъ Вамъ благосклонны. Въ С.-Петербургѣ. Октября 16-го дня 1784 года.

Ека ерина.

V.

Записки Нейендаля о временахъ дѣйствія въ Ригѣ общаго городоваго положенія съ 1783 по 1797 годъ.

Эта книга излагаетъ факты, слѣдовательно необходимо знать, прежде всего—можетъ ли авторъ сказать правду, желаетъ ли онъ говорить правду.

Я могу сказать правду. Молодымъ человѣкомъ я прибылъ въ Ригу изъ Гамбурга и могъ подмѣтить сходства, которыя Рига имѣла съ Гамбургомъ. Впослѣдствіи я былъ знакомъ съ людьми, любимымъ предметомъ для бесѣдъ которыхъ былъ ихъ отечественный городъ. Я, какъ иноземецъ, замѣчалъ многое, чего они, какъ мѣстные уроженцы, не замѣчали. При введеніи намѣстническаго управленія я былъ секретаремъ 1 департамента рижскаго губернскаго магистрата и завѣдывалъ перепискою по общественнымъ дѣламъ города. Здѣсь я получилъ случай изучить древнее городское управленіе Риги. До закрытія намѣстничествъ императоромъ Павломъ I, я занималъ эту должность, слѣд. я видѣлъ и начало и конецъ ихъ. Я распрашивалъ лицъ, которые могли бы лучше моего описать исторію проис-

ходившаго во время намѣстничествъ, не написали ли они чего либо на этотъ счетъ, дабы сочиненіями ихъ обогатить городской архивъ, но оказалось, что никто не занимался этимъ дѣломъ. Я открылъ имъ свое намѣреніе собрать матеріалы для подобной исторіи. Они одобрили мое намѣреніе и снабдили меня важными сочиненіями, которыми я и воспользовался. Кромѣ того мнѣ, какъ секретарю рижскаго магистрата, былъ доступенъ и архивъ этого присутственнаго мѣста. Слѣд. «я могу» сказать правду. Но «желаю-ли я говорить правду? Отвѣчаю—да, но съ условіемъ, дабы это [illegible]отъ понимать въ томъ смыслѣ, что я вѣрно описалъ лишь то, что, по моимъ убѣжденіямъ, считалъ правдивымъ. При учрежденіи намѣстничествъ я пріобрѣлъ себѣ гражданское положеніе, съ закрытіемъ ихъ я потерялъ на нѣсколько лѣтъ жалованье, слѣдовательно моя выгода стояла на сторонѣ намѣстничествъ. Эта книжечка не предназначается къ печати, потому ни страхъ людей, ни искательство ихъ милостей не оказываютъ на меня вліянія—но тогда ни боязнь, ни надежды не ослѣпляютъ автора, то это значитъ, что онъ, когда пишетъ, желаетъ писать правду.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Описаніе бывшаго рижскаго городскаго управленія.

Городъ Рига, участвовавшій въ завоеваніи Ливоніи и бывшій членъ ганзейскаго союза, въ своемъ гражданскомъ управленіи претерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія, происшедшія съ 13 столѣтіи частію вслѣдствіе войнъ и перемѣны верховныхъ правителей, частію вслѣдствіе внутреннихъ безпокойствъ и смутъ, но основныя черты древняго устройства сохранялись до 1783 г. безъ существенной перемѣны. И прежде Ригѣ случалось покоряться превосходству силы и сносить неправильности, но наступало новое благопріятное время и гражданское управленіе снова возстановлялось. Реформа, начавшаяся въ 1783 г. и продолжавшаяся въ слѣдующіе годы, была столь общею и столь коренною, что отъ старины остались лишь кое-какія развалины. Для лучшаго уразумѣнія этой реформы необходимо описать бывшее городское устройство Риги.

ГЛАВА I.

Бывшее городское управленіе Риги.

Жители Риги раздѣлялись на гражданъ, негражданъ и иноземцевъ.

Кто желалъ быть принятымъ въ рижское гражданство, тотъ долженъ былъ представить въ кемерейный судъ доказательства, что онъ происходитъ отъ честныхъ и свободныхъ родителей и изучалъ,

согласно здѣшнимъ предписаніямъ, или купеческое или ремесленное дѣло. Желавшій приписаться къ мѣстному купечеству, если онъ въ Ригѣ родился или воспитывался въ Ригѣ съ молодыхъ лѣтъ, долженъ былъ представить свидѣтельство отъ здѣшняго купца, что онъ провелъ у него извѣстное число лѣтъ въ изученіи торговаго дѣла и все это время велъ себя добропорядочно, вѣрно и честно; кромѣ того онъ долженъ былъ представить доказательства, что обладаетъ капиталомъ по меньшей мѣрѣ въ 500 рейхсталеровъ или имѣетъ кредитъ на эту сумму. Все это требовалось на томъ важномъ основаніи, дабы въ гражданство и купечество не проскользали люди грубые, неопытные, несвѣдущіе, безнравственные и ненадежные и чтобы они своимъ незнаніетъ, неловкостію или же нечестнымъ веденіемъ торга не имѣли возможности вредить кредиту и доброму имени рижскаго купечества. Если желающій поступить въ гражданство былъ родомъ изъ другаго города или иноземецъ, то долженъ былъ представить достовѣрныя письменныя свидѣтельства о своемъ рожденіи, поведеніи и учебныхъ годахъ. Когда судъ признавалъ желающаго вступить въ гражданство достойнымъ того, то вновь вступающій гражданинъ долженъ былъ принесть присягу на вѣрность и подданство господину земли, а также и въ томъ, что онъ будетъ повиноваться законамъ и постановленіямъ города и нести всѣ городскія тягости и повинности.

Это-то гражданство, состоящее изъ купцовъ, художниковъ, ученыхъ и ремесленниковъ, составляетъ здѣсь городскую общину.

Городская община была раздѣлена на три городскія сословія:

Къ *первому сословію* принадлежалъ магистратъ (совѣтъ) со своими членами, которые образуютъ городское начальство, раздѣленное на различные департаменты и нижніе суды.

Второе сословіе составляютъ купцы или *граждане большой гильдіи.* Въ этой гильдіи принимались братчиками свѣтскіе и духовные ученые, занимавшіе общественныя должности.

Третье сословіе составляли мастера цеховыхъ ремеслъ или *граждане малой гильдіи.*

ГЛАВА II.

О первомъ сословіи или магистратѣ.

Городской магистратъ со своими различными департаментами состоитъ изъ лицъ или ученыхъ или купеческаго званія большой гильдіи. Хотя членамъ рижскаго магистрата дипломомъ шведскаго короля Карла XI отъ 23 ноября 1660 г. предоставлены права личнаго дворянства, хотя прирожденные дворяне изъ древнѣйшихъ родовъ часто находились въ составѣ магистрата, тѣмъ не менѣе члены ма-

гистрата причисляютъ себя къ гражданамъ (бюргерамъ). Должность членовъ магистрата была пожизненною. Ни положеніе, ни обычай не опредѣляли, сколько должно было быть членовъ ученаго и сколько купеческаго званій. До XVIII столѣтія членовъ купеческаго званія было обыкновенно меньше числа членовъ изъ ученаго званія, но съ XVIII столѣтія число членовъ изъ того или другаго званій было одинаково.

Открывающіяся вакансіи членовъ изъ ученаго званія магистратъ замѣщалъ изъ чиновниковъ своей канцеляріи, вакансіи же членовъ изъ купеческаго зданія замѣщались старшинами большой гильдіи. Въ канцеляріи же законовѣды должны были, если обстоятельства дозволяли, проходить степени аускультантовъ и нотаріусовъ, чтобы получить званіе секретарей; они обязаны были присутствовать въ общихъ собраніяхъ магистрата, съ тѣмъ, чтобы тутъ пріобрѣтать какъ судейскую практику, такъ и познаніе общественныхъ обстоятельствъ и нуждъ города, правъ и преимуществъ его, однимъ словомъ для того, чтобы знакомиться съ ходомъ дѣлъ городскаго управленія. Между ними соблюдалась очередь и они поступали въ канцеляріи по старшинству. Кромѣ того они имѣли преимущество предъ старшинами большой гильдіи. Если одинъ изъ секретарей былъ избираемъ ратманомъ, то его мѣсто заступалъ слѣдовавшій за нимъ по старшинству, а это имѣло хорошимъ послѣдствіемъ то, что секретарь знакомился съ дѣлами многихъ департаментовъ и пріобрѣталъ познанія необходимыя будущему судьѣ. Одинъ изъ ученыхъ ратсгеровъ былъ правителемъ канцеляріи. Обращали вниманіе не только на успѣшность занятій канцелярскаго чиновника, но въ особенности на его нравственность. До полудни и по полудни канцелярскіе чиновники должны были находиться въ канцеляріи. Было въ обычаѣ, чтобы нѣкоторые ратсгеры собирались въ ратушѣ по полудни. Такъ какъ канцелярскіе чиновники почти всегда были школьными товарищами между собою, друзья съ юности, а часто и родственниками, потому тѣмъ прочнѣе были узы взаимной любви между ними. Они дѣлились между собою познаніями и опытомъ; что встрѣчалось достойнаго замѣчанія одному, то дѣлалось извѣстнымъ прочимъ. Одинъ предупреждалъ другаго отъ могущихъ встрѣтиться отвѣтственности или непріятности. Этотъ духъ согласія почивалъ на нихъ до глубокой старости. (*)

Когда приходилось замѣщать вакансію ратмана изъ купеческаго званія, то магистратъ долженъ былъ брать на эту вакансію одного изъ старшинъ большой гильдіи по старшинству. Старшины были собственно заранѣе избранные гражданами кандидаты въ члены

*) Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это значитъ, что свѣжему человѣку и свѣжимъ силамъ нечего было и пытаться пробить отверстіе для доступа свѣжаго воздуха въ эту загородку. Примѣч. перев.

магистрата. Къ этимъ двумъ ограниченіямъ магистрата въ выборѣ своихъ членовъ въ новѣйшее время присоединилось еще третье, именно, по § 55 торговаго устава, магистратъ долженъ былъ избранныхъ лицъ представлять генералъ-губернатору на испытаніе и только послѣ одобренія генералъ-губернатора могли вступить въ исправленіе административныхъ или судебныхъ должностей. Чтобы по возможности смягчить (*) это обидное ограниченіе, магистратъ никогда не спрашивалъ ни письменнаго, ни даже словеснаго утвержденія выборовъ у генералъ-губернатора, а представлялъ ему избранныхъ лицъ, предъ самою объявкою ихъ. Тогдашній ганералъ-губернаторъ Броунъ молча дозволилъ такой порядокъ.

Магистратъ вѣдалъ судомъ въ городѣ и его округѣ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Магистратъ же подъ установленнымъ высшимъ надзоромъ вѣдалъ полиціею города и его округа; вѣдомству его подлежало охраненіе общественнаго спокойствія и безопасности и надзоръ за порядкомъ и нравственностью; онъ искалъ средства и пути къ расширенію торговли и промышленности, къ поддержанію кредита во внутренней и иностранной торговлѣ, вообще магистратъ долженъ былъ заботиться обо всемъ, что касалось благосостоянія города или нуждъ городскихъ жителей.

Такъ какъ въ магистратъ могли вступать лишь испытанные люди, потому въ немъ сосредоточились мѣстныя и ученыя званія, которыя тѣмъ успѣшнѣе могли дѣйствовать въ пользу города, что члены магистрата сохраняли за собою свои должности пожизненно и слѣдовательно добытое опытомъ сохранялось въ немъ и увеличивалось Члены магистрата, сдѣлавшіеся банкротами или несостоятельными, должны были оставить свою должность и подвергались судебному слѣдствію и приговору. Пожизненное исправленіе должности и въ особенности тотъ продолжительный путь, который ученые должны были проходить до вступленія своего въ магистратъ, влекли за собою то, что даже посредственный, даже и мало образованный умъ пріобрѣталъ знаніе и опытъ въ дѣлахъ и часто приносилъ большія услуги чѣмъ люди, одаренные блестящими талантами, которые обыкновенно питаютъ отвращеніе отъ тяжелыхъ и сухихъ работъ. Бывали купцы въ магистратѣ, которые вмѣняли себѣ въ такую честь павшій на нихъ выборъ, что не стыдились учиться на старости и съ теченіемъ времени дѣлались такими судьями, что сравнивались во многихъ отношеніхъ съ самими законовѣдами (напримѣръ бургомистръ Барбесъ, торговавшій льномъ).

(*) Авторъ хотя и пишетъ mildern т. е. смягчить, но ему слѣдовало бы согласнѣе съ истиною употребить глаголъ, равнозначительный русскому обойти,—напримѣръ umgehen.

Примѣч. перев.

Магистратъ, какъ отдѣльное сословіе, принималъ участіе съ прочими сословіями во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ города, какъ въ управленіи и увеличеніи городскихъ доходовъ, такъ и въ постройкѣ и содержаніи общественныхъ зданій. Онъ избиралъ и назначалъ въ городѣ и округѣ проповѣдниковъ въ церквахъ и учителей въ школахъ, послѣ испытанія ихъ частію городскою консисторіею а частію управленіемъ города. Магистратъ назначалъ чиновниковъ также и въ городскую полицію и въ другія городскія присутственныя мѣста, какъ то предписано въ § 39 торговаго устава.

Жалованье на содержаніе личнаго состава всего магистрата шло изъ городскихъ доходовъ. Многіе коронные чиновники, въ особенности достигшіе штабъ-офицерскихъ чиновъ, находили, конечно, жалованье членамъ магистрата слишкомъ высокимъ и осуждали это. Но жалованье высоко не было. Члены магистрата, которымъ приходилось жить однимъ жалованьемъ (ученые находились именно въ этой категоріи), получали скудные доходы. Для нихъ было невыгодно, что жалованье если не все, то по крайней мѣрѣ частію не шло натурою, какъ бывало въ 16 столѣтіи. Цѣны на всѣ предметы съ начала 18 столѣтія такъ повысились, а цѣнность денегъ такъ упала, что жить однимъ жалованьемъ было трудно.

Хотя члены магистрата и состояли въ этомъ званіи пожизненно, но честолюбіе и властолюбіе не играли между ними большой роли. Въ магистратѣ каждый членъ занималъ такое мѣсто, которое ему предназначалось, каждый годъ происходило новое распредѣленіе должностей и каждый членъ долженъ былъ довольствоваться тою должностію, которая ему выпадала. При подобномъ порядкѣ, случавшіяся ошибки въ выборахъ и назначеніяхъ могли быть исправлены и всякій могъ занять мѣсто по своимъ способностямъ.

Выше было упомянуто, что большая часть членовъ магистрата съ юныхъ лѣтъ были дружны между собою, отъ этого между ними существовала гармонія, которая въ общемъ имѣла благодѣтельныя слѣдствія. Каждый заботился о чести другаго, а такъ какъ они не господствовали деспотизмомъ, которымъ, конечно, не пріобрѣли бы себѣ никакого уваженія, то они прибѣгли къ лучшему средству: ихъ управленіе было отцовское. Никогда они въ отношеніи гражданъ не допускали беззаконныхъ дѣйствій или произвола. Впрочемъ и установленія были такого рода, что беззаконіе и произволъ не могли происходить. Такъ, напримѣръ, магистратъ могъ по 23 пункту разсмотрѣнныхъ гильдейскихъ шраговъ постановлять рѣшенія о городскихъ дѣлахъ съ однимъ лишь участіемъ, обѣихъ скамей старшинъ Важныя дѣла, касавшіяся податей, должны были быть представляемы на обсужденіе всего гражданства, которое могло дѣлать возраженія, но не имѣло права рѣшать этихъ дѣлъ. Въ новѣйшее время это случалось не разъ, но рѣшеніе не происходило безъ согласія скамьи старшинъ.

Магистратъ смотрѣлъ на общину, какъ на своихъ согражданъ, какими они и есть. Даже своею верховною властію магистратъ пользовался, гдѣ только возможно было безъ ущерба общему благу, съ умѣренностію и снисходительностію. Можно смѣло спросить объ этомъ у честной и благородной части гражданъ, которая не откажетъ подтвердить сказанное здѣсь. (*) Большинство магистрата сознавало все это и умѣло удерживать того либо другаго изъ своихъ членовъ въ надлежащихъ предѣлахъ.

Мы послѣ увидимъ, какое важное участіе принимало здѣшнее гражданство въ городскихъ дѣлахъ. Извѣстно, что многочисленное собраніе всегда обнаруживаетъ дѣятельность или черезъ чуръ большую или слишкомъ малую и дѣйствуетъ всегда подъ вліяніемъ страсти. Часто оно тысячью руками разрушаетъ все и часто опять ползетъ сто тысячью ногами медленнѣе насѣкомаго. Толпа должна быть руководима мыслящими людьми и сдерживаема авторитетомъ ихъ. Фридрихъ II, если не ошибаюсь, сказалъ когда то: у толпы много ртовъ, а мало головъ. Какое бы ни придумать правленіе, но тамъ внутренняя прочность государства весьма шатка, если правители въ немъ не пользуются прерогативами, съ которыми они могли бы являться народу достойными почтенія.

ГЛАВА III.

О второмъ сословіи или большой гильдіи.

Въ первой главѣ уже было сказано, кто принадлежалъ къ этой гильдіи. Такъ какъ купцамъ, принадлежащимъ къ этому сословію, торговля была исключительно присвоена какъ ихъ промыселъ, потому никто, не состоявшій въ большой гильдіи, не имѣлъ права покупать товаровъ изъ первыхъ рукъ отъ иногородныхъ или иностранцевъ и вообще отъ всякаго, кто не былъ здѣшнимъ гражданиномъ, ни продавать товаровъ, полученныхъ отъ сихъ послѣднихъ. Только купецъ большой гильдіи имѣлъ право вести оптовую или розничную, сухопутную или водную, иностранную или внутреннюю торговлю. И хотя въ отношеніи лавочнаго торга мануфактурными или фабричными товарами, пряными кореньями, солью, сельдями и пр. здѣсь существовало особое общество лавочниковъ, имѣвшее собственнаго своего выборнаго эльтермана съ двумя помощниками ему, и всякій купецъ, желавшій вести подобный мелочный торгъ, долженъ былъ вписываться въ это общество, но никто изъ такихъ купцовъ, если онъ состоялъ членомъ большой гильдіи, не могъ быть исключеннымъ изъ того общества (Krämer—Compagnie).

(*) Это еще вопросъ. Русскіе не подтвердили бы навѣрное.

Примѣч. перев.

Эта большая гильдія въ теченіе года имѣла два непремѣнныя собранія, если обстоятельства не требовали болѣе частыхъ собраній. Одно собраніе происходило на масляной недѣлѣ, другое на недѣлѣ предъ михайловымъ днемъ (29-го сентября).

На первомъ собраніи были предлагаемы къ обсужденію или мѣры къ устраненію препятствій, затруднявшихъ торговлю, или мѣры къ улучшенію и развитію торговли и промысла, или мѣры, касавшіяся улучшенія общаго благосостоянія города, и затѣмъ изъ результатовъ сужденій составлялись доклады и предложенія, называемыя масляничными gravamina, которые и передавались магистрату. Кромѣ того на этомъ же собраніи происходилъ выборъ старшинъ на открывшіяся между ними вакансіи, а чрезъ каждые два года происходилъ выборъ эльтермана или предсѣдателя гильдіи, при чемъ на это мѣсто или избиралось новое лицо, или эльтерманъ оставлялся прежній. Избранные эльтерманъ и старшины были потомъ представляемы магистрату, который и утверждалъ ихъ въ этихъ должностяхъ. Число старшинъ большой гильдіи съ эльтерманомъ включительно составляло 40 человѣкъ. Эти то старшины и составляли выборный комитетъ изъ гражданъ большой гильдіи, который входилъ въ ближайшее сношеніе съ магистратомъ какъ первымъ сословіемъ по общимъ городскимъ дѣламъ.

При второмъ обыкновенномъ годовомъ собраніи гильдіи происходилъ выборъ докмана (изъяснителя и ходатая) гражданъ. При этомъ выборѣ въ гильдейскомъ залѣ присутствовалъ и магистратъ, который и утверждалъ докманомъ одного изъ трехъ представляемыхъ ему кандидатовъ отъ гражданства и отъ скамьи старшинъ совмѣстно.

Обязанностью докмана большой гильдіи было защищать права торгующихъ гражданъ и въ случаѣ нарушенія таковыхъ докладывалось о томъ эльтерману, и совмѣстно съ тѣмъ дѣлать надлежащія представленія магистрату. При собраніяхъ гражданъ докманъ долженъ былъ разъяснить гражданамъ представляемые ихъ обсужденію предметы, изложить имъ о нихъ свое мнѣніе и за тѣмъ собрать мнѣнія и рѣшенія гражданъ.

Старшины большой гильдіи, кромѣ другихъ своихъ обязанностей, должны были безплатно исполнять должности старшинъ при церквахъ, госпиталяхъ, сиротскомъ домѣ и прочихъ тому подобныхъ учрежденіяхъ, а также участвовать въ дѣлахъ городской кассы и квартирной коллегіи. На всѣ эти должности старшины избирались скамьею старшинъ и гражданами и утверждались магистратомъ.

Большая часть старшинъ были люди почтенные и зажиточные. Они не получали никакого жалованья; единственною наградою имъ служило общественное уваженіе; къ понесенію же трудовъ ихъ побуждало патріотическое чувство и рвеніе къ благосостоянію города.

Бывали примѣры, что купцы, по скромности своей не ожидавшіе выбора въ старшины, будучи избранными, столь одушевлялись оказаннымъ имъ этимъ выборомъ почетомъ, что ввѣряемыя имъ общественныя дѣла выполняли часто не только съ пожертвованіемъ своего времени, но и съ пожертвованіемъ значительныхъ собственныхъ своихъ денегъ.

Не было примѣра, чтобы порочный человѣкъ, былъ принятъ въ старшины большой гильдіи. Объявленный банкротомъ терялъ право на поступленіе въ члены магистрата. Должности старшинъ были пожизненны и старшины исполняли ихъ до тѣхъ поръ, пока за преклонностію лѣтъ или за болѣзнію они сами не выступали изъ скамьи старшинъ или даже и изъ гражданства, или не были включаемы въ составъ магистрата.

Всякій купецъ избиралъ себѣ родъ торговли, т. е. внутреннюю, или заграничную, рыночную или коммиссіонную, не по своему произволу и размѣру состоянія и кредита, а избиралъ тотъ родъ, который онъ изучилъ и въ которомъ имѣлъ всѣ необходимыя свѣдѣнія и опытность. Кромѣ того, никто не могъ вести одновременно нѣсколько родовъ торговли, напр. крестьянскій и въ тоже время коммисіонный, рыночный и въ то же время лавочный и пр.

Скамья старшинъ большой гильдіи имѣла право по торговому уставу 1765 г. избирать торговаго офиціанта

Скамья старшинъ избирала изъ своей гильдіи на эту должность трехъ кандидатовъ (изъ братчиковъ, впрочемъ) и представляла ихъ магистрату, который изъ трехъ избиралъ одного и представлялъ на утвержденіе генералъ-губернатора; въ случаѣ утвержденія избранный вступалъ въ должность. До изданія сказаннаго устава, право выбора и утвержденія въ этой и другихъ должностяхъ принадлежало исключительно магистрату.

ГЛАВА IV.

О третьемъ сословіи или малой гильдіи

Къ этой гильдіи причислялись всѣ тѣ цеховые ремесленные мастера, которые снискали себѣ право здѣшняго гражданства. Всякій желающій поступить въ цехъ долженъ былъ представить судомъ засвидѣтельствованныя доказательства о своемъ рожденіи отъ свободныхъ и безпорочныхъ родителей, а также доказательства въ томъ, что онъ свое ремесло изучилъ у цеховаго мастера, и гезелемъ вѣрно и честно исполнялъ все, что отъ гезеля требуется уставомъ цеха. Затѣмъ онъ долженъ былъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ мастеровъ, выполнить пробную работу, указываемую шрагомъ. Если цехъ найдетъ работу удовлетворительною, то гезель принимался въ цехъ и былъ представленъ амтовому (цеховому) суду, который и утверждалъ его въ званіи

мастера съ ограниченіемъ однакоже, что онъ, до полученія правъ гражданина, не имѣетъ права вывѣшивать никакой вывѣски о своемъ ремеслѣ.

Каждый цехъ избиралъ на два года своего эльтермана и двухъ его помощниковъ; избранные, если они были безпорочными людьми— утверждались въ своихъ должностяхъ амтовымъ судомъ.

Цеховой эльтерманъ и его помощники заботились о развитіи ремесла и наблюдали за исполненіемъ всего того, что предписывалъ цеху уставъ его (штрагъ). Каждый цехъ имѣлъ право, подъ предсѣдательствомъ элтермана и его помощниковъ, разбирать мелочные споры между мастерами цеха, между мастерами и гезелями или учениками и штрафовать виновныхъ, въ пользу цеховой кассы, умѣренною денежною пенею. Недовольный рѣшеніемъ могъ жаловаться амтовому суду, но если судъ находилъ жалобу не основательною, то виновнаго приговаривалъ къ двойному штрафу.

Мастера всѣхъ цеховъ, взятые вмѣстѣ, составляли гражданство малой гильдіи или третье городское сословіе. Подобно большой, эта гильдія имѣла свою скамью старшинъ, состоявшую изъ 30 человѣкъ съ эльтерманомъ включительно.

Гражданство малой гильдіи собиралось обыкновенно разъ въ годъ въ своемъ домѣ, именно на масляной недѣлѣ, если обстоятельства не требовали никакого другаго собранія. Въ этомъ собраніи разсматривались дѣла, касавшіяся или отдѣльныхъ цеховъ или всего гражданства малой гильдіи, и обсуждались мѣры къ устраненію препятствій, мѣшавшихъ развитію ремеслъ, за тѣмъ составлялись предложенія и жалобы, которыя и были представляемы магистрату. Въ этомъ же собраніи происходили выборы докмана и старшинъ на открывшіяся вакансіи. Чрезъ каждые два года происходилъ выборъ эльтермана гильдіи, который, подобно эльтерману большой гильдіи, былъ утверждаемъ въ своей должности магистратомъ. Старшины малой гильдіи, какъ и старшины большой своимъ званіемъ и преимуществами пользовались пожизненно. Они также несли различныя должности напр. въ сиротскомъ домѣ, городской кассѣ, квартирной коллегіи какъ и старшины большой гильдіи и также безплатно. Старшины и здѣсь составляли избранный малою гильдіею комитетъ, входившій въ сношенія по важнымъ общественнымъ дѣламъ съ магистратомъ и старшинами большой гильдіи.

Неграждане и иноземцы, о которыхъ будет ъсказано ниже, не принадлежали къ городской общинѣ.

ГЛАВА V.

О преимуществахъ и вольностяхъ рижской городской общины.

Рижская городская община была раздѣлена, какъ сказано въ предшествовавшихъ главахъ, на три сословія; эти три сословія при-

нимали различное участіе въ сохраненіи и споспѣшествованіи общему благосостоянію города и его гражданъ.

Было сказано уже, что гражданство большой и малой гильдій кромѣ обыкновенныхъ годовыхъ имѣли право собираться, если того требовали обстоятельства, и на чрезвычайныя собранія. Чрезвычайныя собранія происходили въ важныхъ случаяхъ, когда дѣло касалось или всего города, или правъ всего гражданства, или той, либо другой гильдіи и пр. и созывались, или по распоряженію правительства, или по распоряженію магистрата, или наконецъ по требованію самихъ гильдій. Въ послѣднемъ случаѣ гильдейскіе эльтерманы или докманы обязаны были предварительно заявить первенствующему бургомистру, какъ предсѣдателю магистрата, о причинахъ желаемаго собранія; тогда бургомистръ, по разсмотрѣніи дѣла, или разрѣшалъ собранія собственною властію или же разрѣшеніе предоставлялъ усмотрѣнію всего магистрата.

Въ чрезвычайныхъ собраніяхъ никакое дѣло не могло быть обсуждаемо, кромѣ только того, которое предназначено къ обсужденію или правительствомъ или магистратомъ, или которое было заявлено первенствующему бургомистру эльтерманами или докманами.

Порядокъ, въ которомъ происходили чрезвычайныя собранія, былъ слѣдующій. Когда соберутся обѣ гильдіи, каждая въ своемъ собственномъ домѣ, эльтерманъ со старшинами каждой гильдіи занимаютъ особою комнату, а докманъ съ гражданами занимаютъ другую комнату. Тогда эльтерманы открываютъ собраніе заявленіемъ своимъ старшинамъ о причинахъ созыва собранія и предъявляютъ имъ тѣ дѣла, которыя подлежатъ обсужденію собранія. Старшины обсуждаютъ эти дѣла и постановляютъ рѣшенія или единогласно или по большинству голосовъ. Когда состоится такое рѣшеніе, эльтерманъ со страшинами входитъ въ комнату, въ которой находились докманъ съ гражданами; здѣсь объявлялась гражданству то дѣло, для обсужденія котораго оно было созвано, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялось мнѣніе объ этомъ дѣлѣ скамьи старшинъ. По исполненіи этого, старшины уходили въ свою комнату. Тогда граждане, подъ предсѣдательствомъ своего докмана, начинали въ свою очередь обсуждать дѣло и постановляли рѣшеніе, которое докманъ и сообщалъ скамьѣ старшинъ. Когда рѣшеніе скамьи старшинъ и гражданъ приходили къ соглашенію, или тотчасъ или послѣ переговоровъ, то это рѣшеніе сообщалось для свѣдѣнія скамьѣ старшинъ и гражданамъ малой гильдіи. По составленіи рѣшеній обѣими гильдіями, таковыя представлялись эльтерманомъ и докманомъ каждой гильдіи первенствующему бургомистру, который и вносилъ ихъ па заключеніе магистрату. Если рѣшенія всѣхъ трехъ сословій были единогласны, или магистратъ какъ первенствующее сословіе, соглашался съ мнѣніемъ той, либо другой гильдіи, то это рѣшеніе, на сторонѣ котораго былъ магистратъ, было

обязательнымъ для всей городской общины и магистратъ дѣлалъ надлежащія распоряженія для приведенія его въ исполненіе. Но если мнѣніе магистрата не согласовалось съ мнѣніями ни большой, ни малой гильдіц, тогда каждое сословіе избирало по два депутата, которые всѣ вмѣстѣ обсуждали данный вопросъ и постановляли рѣшеніе, которое и дѣлалось обязательнымъ для всей общины. Подобный способъ постановленія рѣшеній соблюдался во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, касавшихся города.

Всѣ лица, принадлежавшія къ рижской городской общинѣ, имѣли право покупать въ краѣ имѣнія съ крѣпостными людьми и владѣть ими на правахъ наслѣдственной собственности. Дворяне, желавшія продать свои имѣнія подороже, находили это преимущество общины хорошимъ, тѣ же, которые хотѣли купить имѣнія по дешевле, дурнымъ.

Граждане имѣли право варить пиво и другія напитки, гнать водку и эти напитки продавать въ кабакахъ и корчмахъ. Впрочемъ это право не удѣлялось каждому безъ различія, но подчинялось извѣстнымъ положеніямъ.

Рижскій гражданинъ могъ быть обжалуемъ и судимъ лишь мѣстными городскими судами, за исключеніемъ forum contractus, rei sitae и пр.

Граждане были освобождены отъ всѣхъ чрезвычайныхъ или необыкновенныхъ податей, если они не налагались послѣ предварительнаго обсужденія трехъ сословій или же не съ согласія самой общины. Патримоніальныя имѣнія были также освобождены отъ всѣхъ казенныхъ податей; городъ и его имѣнія были свободны и отъ рекрутской повинности.

Граждане имѣли право отъѣзда изъ города со всѣмъ своимъ имуществомъ, но прежде они должны были уплатить городу десятую часть стоимости этаго имущества. По этому поводу часто возникали споры, но право на десятину всегда было утверждаемо за городомъ.

Купцы большой гильдіи имѣли исключительное право покупать товары изъ первыхъ рукъ отъ иноземцевъ или съ кораблей и полученные товары продавать иноземцамъ.

Ремесленники малой гильдіи имѣли исключительное право на производство своего ремесла, такъ что кромѣ нихъ, никто не могъ промышлять тою работою, которою они занимались, а также не могъ быть учрежденъ никакой новый амтъ.

Вообще быть рижскимъ гражданиномъ, рижскимъ купцомъ составляло не малое дѣло, и рижскій купецъ былъ весьма уважаемъ въ сосѣднихъ странахъ: Курляндіи, Литвѣ, Польшѣ и пр.

Рижская городская община распредѣляла сама городскія взносы и подати.

ГЛАВА VI.

О негражданахъ (Beiwohner).

Негражданами были всѣ тѣ лица, которыя не были приняты въ здѣшнее гражданство и промышляли нѣкоторыми мелкими дозволенными промыслами и ручною работою.

Хотя неграждане, какъ недоказавшіе своихъ качествъ и надлежащихъ знаній, и не входили въ составъ городской общины и въ общемъ управленіи не принимали никакого участія, но имъ было дозволено, какой бы націи и религіи они ни были, владѣть въ городѣ и его округѣ землями и домами. Имъ дозволялось даже учреждать общества, называемыя мѣстными амтами. Подобные амты имѣли мастеровъ, гезелей и учениковъ. Работы ихъ вообще не достигали того совершенства, какъ работы нѣмецкихъ ремесленниковъ, но за то они работали дешево, а потому были необходимы для недостаточныхъ людей.

Съ этими мѣстными амтами не должно смѣшивать ненѣмецкихъ или латышскихъ амтовъ, занимавшихся частію обработкою, частію транспортировкою товаровъ и называвшихся рабочими, трепальщиками, соленосцами, вящиками и пр. Они принадлежали не къ негражданамъ, а къ служителямъ. Они же обязаны были, во время осады, служить рабочими въ артиллеріи. По старинному обычаю, въ латышскій амтъ могъ быть принятъ только тотъ, кто многіе годы безукоризненно служилъ у одного и того же господина въ должности кучера, рабочаго и т. п. Средство хорошее для улучшенія состоянія общины, но нельзя не сказать, что подъемъ состоянія вольныхъ латышей былъ очень затрудненъ: предразсудки противъ ихъ происхожденія были почти всеобщи и тягостны для этого народа.

ГЛАВА VII.

Объ иноземцахъ (Fremden).

Иноземцами назывались всѣ тѣ лица, которыя селились въ Ригѣ изъ другихъ городовъ Россіи или изъ иностранныхъ земель и не вписывались въ здѣшнее гражданство или купечество. Они не принимали никакого участія въ управленіи города и, какъ не зачисленные въ составъ общины, не платили никакихъ городскихъ податей и не несли никакихъ личныхъ службъ.

Иноземцы не могли вести мѣстнаго торга или заниматься ремесломъ. Они могли только продавать оптомъ и только мѣстнымъ гражданамъ свои товары и покупать товары для вывоза только отъ мѣстныхъ гражданъ. Съ купленными товарами иноземцы не могли спекулировать и не могли перепродавать ихъ ни иностранцамъ, ни гражданамъ.

Иноземцы, до тѣхъ поръ пока не пріобрѣли правъ здѣшняго

гражданства или не присягнули на подданство имперіи, не имѣли права учреждать здѣсь фабрикъ, заводовъ и пр. Иноземцы не имѣли права владѣть въ Ригѣ на правѣ собственности ни домами, ни землями, но если они вступали въ здѣшнее гражданство или купечество, то и пользовались всѣми правами и преимуществами здѣшняго гражданина. Подобное устройство имѣло въ виду сохраненіе за Ригою значенія не факторіи, но торговаго города. Ввезенные въ Ригу товары должны были составлять собственность гражданина, а не служить предметомъ наживы для иностранцевъ или для пребывающихъ здѣсь иноземныхъ коммисіонеровъ.

Эти, предоставленныя лишь гражданамъ, права побуждали иностранцевъ селиться здѣсь; Рига и возникла и застроилась именно вслѣдствіе этого. Истинный торговый духъ города развивается только между тѣми людьми, которые имѣютъ тамъ собственный очагъ и семейство и принимаютъ участіе въ общемъ благосостояніи. Изъ этого торговаго духа возникаетъ духъ бережливости, домовитости, умѣренности, трудолюбія, мудрости, спокойствія, порядка и правильности. До тѣхъ поръ пока разбогатѣвшіе иноземцы не ввели между нами своей роскоши, названные добродѣтели были не чужды здѣсь.

ГЛАВА VIII.

Объ управленіи городскими доходами.

Управленіе городскимъ хозяйствомъ, состоящее въ подлежащемъ полученіи и храненіи городскихъ доходовъ, въ уплатѣ необходимыхъ издержекъ, въ надзорѣ, отдачѣ въ аренду и управленіе городскихъ имѣній, въ наблюденіи за постройками и содержаніемъ городскихъ строеній и вообще во всемъ томъ, что принадлежало къ городской экономіи, было ввѣрено по королевской шведской резолюціи отъ 1675 г., особенной касса-коллегіи, находившейся подъ распоряженіемъ и управленіемъ городоваго магистрата. Коллегія эта состояла изъ 12 членовъ, изъ которыхъ 2 избирались отъ магистрата, 5 отъ большой гильдіи и 5 отъ малой гильдіи. Въ случаяхъ особенной важности, касавшихся городской экономіи, число членовъ удвоивалось. Эта коллегія, на основаніи § 10 торговаго устава 1765 года, ежегодно представляла генералъ-губернатору отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ, но только въ общихъ чертахъ и только ему одному: отчетъ не поступалъ ни въ какое коронное присутственное мѣсто и хранился лишь у генералъ-губернатора для его свѣдѣнія.

Въ положеніи о касса-коллегіи была допущена важная ошибка, именно, въ немъ не заключалось положительнаго запрещенія членамъ касса-коллегіи принимать на себя городскія работы, вступать по нимъ въ подряды и пр. Въ 1780 годахъ гражданство большой гильдіи сдѣлало предложеніе установить запрещеніе членамъ касса-

коллегіи принимать на себя городскія работы; противъ этого предложенія малая гильдія, по понятной причинѣ, протестовала. Не только нѣкоторые отъ малой гильдіи члены касса-колегіи, но даже служители оной бывали подрядчиками городскихъ работъ. Отъ этого подозрѣніе падало на невинныхъ, а лица, не знакомыя съ дѣломъ или видящія все въ черномъ цвѣтѣ, думали, что магистратъ пользуется городскими деньгами. Лица, которыя если бы были членами магистрата, охотно пользовались бы такимъ образомъ, взваливали на магистратъ и вообще на городъ подобное обвиненіе. Но касса-коллегія была учреждена такимъ образомъ, что пикто не могъ посягнуть на городскія деньги.

Не было также строгаго надзора за лицами, ставившими матеріалы для городскихъ построекъ или бравшими на себя починку старыхъ или возведеніе новыхъ построекъ. Вообще были слишкомъ снисходительны къ лѣности, нерадѣнію и обману. Такъ какъ въ этой коллегіи присутствовало лишъ два члена магистра, именно бургомистръ, какъ предсѣдатель и главный казначей и ратсгеръ, какъ казначей, оба же эльтермана считали себя какъ бы народными трибунами въ коллегіи, потому вліяніе магистрата въ ней не было слишкомъ значительно. Магистратъ избиралъ бухгалтера этой коллегіи, но не иначе какъ изъ трехъ лицъ, предлагаемыхъ гражданствомъ. Всѣ дѣла въ коллегіи рѣшались большинствомъ голосовъ.

Управленіе городскими имѣніями въ патримоніальномъ округѣ города и въ уѣздѣ подлежало исключительно названной коллегіи: она принимала управителей, ревизовала ихъ отчеты, отдавала имѣнія въ аренду. причемъ составляла контрактныя условія, которыя до вступленія въ силу разсматривались и утверждались магистратомъ. Независимо надзора касса-коллегіи за имѣніями, магистратъ назначалъ одного или двухъ инспекторовъ надъ этими имѣніями; инспекторы обязаны были наблюдать за распоряженіями управителей, устранять безпорядки и злоупотребленія, разбирать жалобы крестьянъ на управителей или на арендаторовъ и пр. Но эти инспекторы въ хозяйственныхъ дѣлахъ не дѣйствовали сами собою; касса-коллегія назначала адъюнктами къ нимъ пару гражданъ, безъ предварительнаго согласія и одобренія которыхъ инспекторы не могли ничего предпринимать и, наконецъ, объ всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ должны были доносить касса-коллегіи. Во всякомъ случаѣ, авторитетъ магистрата строго охранялся.

Совѣщанія и заключенія касса-коллегіи могли касаться лишь хозяйственнаго управленія, но ни въ какомъ случаѣ ни подсудности магистрата, ни управленія городомъ. Магистратъ имѣлъ право для общаго благосостоянія города принять ту либо другую мѣру и касса-коллегія должна была приводить въ исполненіе оную, при чемъ всѣ необходимыя хозяйственныя заготовленія и выдача денегъ предоставлялись искючительно касса-коллегіи.

Для совѣщанія объ общихъ городскихъ дѣлахъ, въ особенно-

сти касавшихся городскаго хозяйства, составлялось особое собраніе, обыкновенно изъ 4 бургомистровъ, старшихъ ратсгеровъ и 2 эльтермановъ. Это собраніе обсуждало важныя дѣла, прежде чѣмъ они будутъ переданы въ коммисіи и давало свои разрѣшенія въ мелочныхъ дѣлахъ, напр. въ мелкихъ измѣненіяхъ городскихъ штатовъ, когда эльтерманы не прекословили тому и не требовали, дабы разрѣшеніе подвергалось обсужденію общины. Въ этихъ собраніяхъ дѣла рѣшались съ согласія эльтермановъ; бывали случаи, что личное вліяніе бургомистровъ не оставалось безъ преобладанія въ собраніяхъ.

Магистратъ назначалъ и увеличивалъ жалованье городскимъ чиновникамъ, школьнымъ учителямъ и проповѣдникамъ, но съ согласія, однако же, представителей гражданства. Магистратъ имѣлъ право назначить пособіе заслуженнымъ бѣднымъ или несчастнымъ лицамъ, погорѣлымъ городамъ, церквамъ и пр; имѣлъ право также назначить расходы на вспомоществованіе церквамъ, школамъ, бѣднымъ, воспитывающемуся юношеству и вообще на общественныя нужды; эти права магистрата были признаны за нимъ королевско-шведскою резолюціею отъ 20 апрѣля и 26 августа 1686 г.

Хотя касса-коллегія и управляла въ хозяйственномъ отношеніи патримоніальными имѣніями, тѣмъ не менѣе эти имѣнія не исключались отъ подсудности магистрата. Магистратъ охранялъ права городскихъ имѣній, разбиралъ межевые споры, принималъ присягу отъ чиновниковъ по управленію имѣніями и отъ своего имени заключалъ контракты съ арендаторами.

Для исполненія квартирной повинности, была учреждена съ 1742 г., особая квартирная коллегія, составленная изъ 12 членовъ, избранныхъ изъ сословій, по 4 изъ каждаго. Эта квартирная коллегія ежегодно представляла отчетъ о своемъ управленіи обѣимъ гильдіямъ. Отъ квартирной повинности (военнаго постоя) и вноса установленныхъ для него податей были освобождены члены магистрата, оба эльтермана, проповѣдники, церковные служители, и школьные учители.

Для вспомоществованія купечеству въ его торговлѣ была основана особая касса, называемая т о р г о в о ю к а с с о ю; для учрежденія ея императрица Анна Іоановна пожертвовала городу 100,000 рейхсталеровъ на 10 лѣтъ безъ процентовъ. Эта касса была управляема 9 избранными сословными лицами, изъ которыхъ 3 были отъ магистрата, а 6 отъ большой гильдіи. Управленіе до того времени, когда долгъ казнѣ не былъ уплоченъ, давало отчетъ о состояніи кассы обѣимъ гильдіямъ, такъ какъ все гражданство ручалось въ возвратѣ этого долга;— въ послѣдствіи же, когда долгъ былъ уплоченъ, отчетъ былъ представляемъ только магистрату и большой гильдіи.

Коллегія городскихъ луговъ состояла изъ 4 лицъ большой и изъ 3 малой гильдіи. Она представляла отчетъ гражданству.

Во всѣхъ прочихъ городскихъ управленіяхъ предсѣдательство

ввѣралось частію одному, частью двумъ членамъ магистрата, а также двумъ или многимъ лицамъ отъ гражданства. Всѣ управленія были обязаны отчетностію, но ни одно изъ нихъ не имѣло ничего общаго съ касса-коллегіею. Касса коллегія управляла городскими средствами; въ нее стекались собственно городскіе доходы т. е. то, что принадлежало всему населенію города и изъ чего удовлетворялись общія потребности города. Доходы другихъ управленій не поступали въ касса-коллегію

Со временемъ, многіе изъ управленій; передали въ касса-коллегію свои различные капиталы, частію вслѣдствіе того, что касса-коллегія въ несчастливые годы нуждалась въ деньгахъ для удовлетворенія городскихъ потребностей, частію же вслѣдствіе того, что управленіе не находило болѣе вѣрнаго помѣщенія своихъ капиталовъ, какъ въ касса-коллегіи. Но и тутъ касса-коллегія не имѣла никакой связи съ другими управланіями, кромѣ только того, что платила имъ проценты съ полученныхъ капиталовъ или возвращала по требованіямъ управленій самые капиталы. Независимо общественныхъ хозяйственныхъ управленій и кассы старшинъ большой гильдіи, въ большой гильдіи существовало двѣ кассы, называемыя Tafelgilde или milde Gift. Но какъ эти кассы такъ и фамильные легаты, которыхъ въ Ригѣ было не мало, не имѣли никакого отношенія къ общественнымъ фондамъ, потому объ нихъ и говорить не буду: я упомянулъ лишь о нихъ для того, чтобы показать какимъ духомъ были одушевлены прежніе жители Риги, чтобы обезпечить судьбу своихъ преемниковъ.

Предоставляю теперь судить всякому: удалось ли мнѣ ясно изобразить бывшее до 1783 г. городовое управленіе Риги. Трудно писать о городѣ, послѣ того какъ о немъ писалъ мастеръ своего дѣла, оберъ-ветъ-геръ Іоганъ Кристофъ Беренсъ, но меня ободряетъ лишь сознаніе, что я собралъ и честно употребилъ матеріалы, сообщенные мнѣ моими друзьями для описанія бывшаго городоваго устройства Риги. Я бы могъ поименовать рукописи, официальныя данныя и пр. которыми я пользовался, но на это не имѣю дозволенія.

Этимъ оканчивается изложеніе перваго отдѣла записокъ Нейендаля. Приступая къ изложенію втораго отдѣла ихъ, считаемъ неизлишнимъ остановить вниманіе читатателя на нижеслѣдующемъ. Нейендаль принадлежалъ къ безусловнымъ почитателямъ стариннаго городоваго управленія Риги и, описывая городское устройство Риги, существовавшее до учрежденія рижскаго и ревельскаго намѣстничествъ, онъ никакъ не желалъ видѣть, что община, учрежденная на началахъ чрезмѣрной исключительности, не можетъ хвалиться ни благоусройствомъ, ни процвѣтаніемъ. И, въ самомъ дѣлѣ, въ какой общинѣ можно надѣяться на развитіе промысловъ и

ремеслъ, если въ ней нѣтъ свободы ни промысловъ, ни ремеслъ? Въ какой общинѣ можно ожидать развитія торговли, если въ ней существуютъ такія ограниченія, съ которыми успѣхъ торговли не возможенъ? Нейендаль восхищается стариннымъ городскимъ устройствомъ; оно, если угодно, было отлично хорошо придумано и учреждено, но только для немногихъ, и давало мѣсто чрезмѣрнымъ выгодамъ одной части населенія въ явный ущербъ другой. Меркель совершенно справедливо писалъ, что Рига, со своею ганзейскою стариною, кончила бы непремѣнно тѣмъ, что въ концѣ концовъ измельчала бы и обѣднѣла, еслибы императрица Екатерина II непоспѣшила на помощь падающему городу. Помощъ подана была коренною реформою городскаго управленія. Реформа въ городскомъ управленіи ввела дѣйствительная представительство общины, оживила и ремесла и торговлю, но.... но эта реформа была такъ невыгодна для немногихъ, съ нею эти немногіе теряли такъ много.... слѣд. какъ было не желатъ возврашенія къ старинѣ. Нейендаль, говоримъ, принадлежалъ къ безусловнымъ почитателямъ старинныхъ порядковъ (полагаемъ, что еслибы онъ такимъ не былъ, то никогда бы не былъ, по расформированіи губернскаго магистрата, секретаремъ въ сиротскомъ судѣ), поэтому къ екатерининскому городовому положенію относился несочуственно. Посмотримъ же, что именно побуждало Нейендаля и другихъ его современниковъ (потомки, какъ извѣстно, не далеко ушли во взглядахъ отъ этого бывшаго секретаря сиротскаго суда) относиться несочувственно къ екатерининской реформѣ. Это изложено въ послѣдующихъ главахъ записокъ, къ которымъ мы и переходимъ теперь, но мы ихъ передадимъ лишь въ самомъ сокращенномъ видѣ, дабы впослѣдствіи возвратиться къ нимъ съ особенными объяснительными примѣчаніями.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Матеріалы для хроники Риги съ 1783 по 1796 годовъ.

ГЛАВА IX.

Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. вводились въ Россіи постепенно. Екатерина II, по видимому неторопилась преобразовать управленіе Лифляндской и Эстляндской губерній. Обѣ эти губерніи надѣялись, что онѣ останутся при своихъ привилегіяхъ, утвержденныхъ прежними государями и самою императрицею, и что ихъ старинное управленіе отанется неприкосновеннымъ. Но многіе, ближе знавшіе характеръ императрицы, не безъ основанія опасались, что ее не смутитъ никакая глухая оппозиція старыхъ пергаментовъ, тѣмъ болѣе,

что она положительно высказалась, что для подъема Лифляндіи и Эстляндіи нѣтъ другаго средства, кромѣ введенія намѣстничествъ. Но задолго раньше до учрежденія рижскаго и ревельскаго намѣстничествъ, были дѣланы попытки показать государынѣ, что старинное управлоніе хорошо и не требуетъ перемѣны, что Рига своимъ процвѣтаніемъ и своею неоспоримою нравственностію обязана своимъ гражданамъ, ибо старинное управленіе основывалось на гражданской добродѣтели. Когда въ 1780 г. германскій императоръ Іосифъ II былъ въ Ригѣ, ему былъ представленъ такъ называемый «Листъ къ хроникѣ Ригѣ» написанный талантливымъ и страстно привязаннымъ къ своему родному городу Ригѣ, тогдашнимъ оберъ-ветгеромъ Іоганомъ Кристофомъ Беренсомъ. Въ этомъ листѣ былъ изложенъ взглядъ на тогдашнее наше положеніе и давалось ясно разумѣть, что мы довольны имъ. Екатерина II читала это сочиненіе и оно имѣло большой успѣхъ заграницей. Но эта, какъ и другія попытки показать, что мы должны оставаться тѣмъ, чѣмъ были, оставались безъ послѣдствій.

Съ 1781 по 1783 г. послѣдовали отъ генералъ-губернатора представленія государынѣ въ этомъ же смыслѣ, но государыня, всегда расположенная къ Прибалтійскому краю, не желала дѣлать никакихъ исключеній. Непріятель нѣмцевъ вообще и въ особенности непріятель лифляндцевъ тогдашній, пользовавшійся большимъ вліяніемъ, генералъ-прокуроръ князь Вяземскій поспѣшилъ принять мѣры къ скорѣйшему введенію у насъ намѣстничествъ, чтобы насъ сравнять съ русскими. Тогдашній лифляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ, пользовавшійся большимъ расположеніемъ императрицы, могъ бы отвратить отъ насъ намѣстничества, но этотъ старый солдатъ слѣпое повиненіе считалъ вообще высшимъ нравственнымъ качествомъ всякаго и первымъ качествомъ въ подчиненномъ *).

---

*) Тутъ Нейендаль рѣшительно не правъ. Онъ говоритъ, что князь Вяземскій, недругъ нѣмцевъ, поторопился учредить намѣстничества рижское и ревельское. Дѣйствительно при учреждении намѣстничествъ, онъ, князь Вяземскій, игралъ важнѣйшую роль. Онъ вызвалъ графа Броуна въ Петербургъ, онъ далъ ему надлежащія наставленія для приведенія въ исполненіе реформы, онъ и въ послѣдствіи не оставлялъ Броуна, своего личнаго друга, своими совѣтами Но мы знаемъ, что князь Вяземскій руководился въ этомъ случаѣ не какою либо пріязнію или непріязнію къ краю или къ городу, а точнымъ смысломъ 9 пункта инструкціи, данной ему императрицею еще въ 1764 г. при назначеніи въ важную должность генералъ-прокурора. Онъ и дѣйствовалъ сообразно какъ инструкціи, такъ и видамъ государыни, ибо принялъ должность для содѣйствія нуждамъ и пользамъ государства.

Графъ Юрій Юрьевичъ Броунъ управлялъ Лифляндскою губерніею съ 1 марта 1762 г., а потомъ и Эстляндскою до самой своей смерти, послѣдовавшей въ Ригѣ 18 сентября 1792 г. Онъ дѣйствительно пользовался большимъ расположеніемъ императрицы, но никогда не занималъ первенствующихъ мѣстъ въ государствѣ и былъ въ высшей степени неискательнымъ и безкорыстнымъ человѣкомъ. Во все царствованіе императрицы и въ 30 лѣтъ генералъ-губернаторства онъ получилъ, сравнительно, скудныя награды: 8½ гаковъ земли, въ добавокъ къ пожалованной ему императрицею Елисаветою, прибавку

ГЛАВА X.

До приступленія къ реформѣ Екатерина II повелѣла всѣ манленныя имѣнія обратить въ прямыя наслѣдственныя (*). Это успокоило многихъ, полагавшихъ, что новые порядки будутъ соединенны со старыми и такимъ образомъ выдетъ что либо хорошее. Алчущіе титуломъ и чиновъ и ихъ жены радовались предстоящимъ выборамъ. Случайное благосостояніе, можетъ быть, и гордость большинства членовъ рижскаго магистрата возбудили у русскихъ зависть и жажду мщенія, а у нѣкоторыхъ нѣмцевъ алчность къ судебнымъ должностямъ. Лучшая часть (**) нѣмцевъ желала сохранить старинное устройство, многіе полагали, что надобно подкупить помянутаго врага города, чтобы съ его помощію предотвратить введеніе намѣстничествъ. Однако средства этого нельзя было приложить по бѣдности городской кассы. Изъ Петербурга сдѣланы были попытки склонить край и города, чтобы они сами просили введенія намѣстничествъ; вмѣсто этого, однако, было послано государынѣ прошеніе отъ имени трехъ сословій города Риги, въ которомъ сословія высказывались противъ реформы.

ГЛАВА XI.

Уже въ теченіи двадцати лѣтъ требовались отъ города огромныя суммы денегъ. Постройки амбаровъ и плотинъ, отданныя въ руки неуча, высасывали деньги изъ города.

ГЛАВА XII.

При такомъ заволоченномъ тучами небѣ намъ дали намѣстничества. Въ Ригу прибыло важное русское духовное лицо и освятило наши судебныя мѣста на своемъ славяно-русскомъ языкѣ. Передъ тѣмъ эта особа сказала въ русской Алексѣевской церкви рѣчь, которая впрочемъ была гораздо приличнѣе рѣчи, произнесенной генералъ-суперинтендентомъ въ церкви св. Іакова; темой сей послѣдней рѣчи

столовыхъ по 500 руб. въ мѣсяцъ со времени введенія намѣстничествъ, орденъ Владиміра 1 степени. Вотъ и все: какое же сравненіе съ наградами, полученными главными дѣятелями екатерининскаго вѣка! Графъ Броунъ былъ дѣйствительно точнымъ исполнителемъ повелѣній и воли государыни (въ противномъ случаѣ могъ-ли и оставаться на своемъ мѣстѣ) и какъ генералъ-аншефъ и какъ генералъ-губернаторъ не терпѣлъ если распоряженія правительства не исполнялись.

Примѣч. перев.

*) Въ Россіи было два рода недвижимыхъ имѣній — помѣстья и вотчины. Оба эти рода имѣній соединены подъ одно названіе вотчинъ указомъ императрицы Анны Іоановны отъ 17 марта 1731 г. Въ Лифляндіи и Эстляндіи существовало право помѣстья (манленное); манифестомъ отъ 3 мая 1783 г. всѣ манленныя деревни обращены въ наслѣдственныя.

Примѣч. перев.

**) Будто-бы лучшая? Примѣч. перев.

служили вольнодумцы, которыхъ ораторъ назвалъ: «подлыми бестіями». Рижскій магистратъ хотя по имени и остался въ прежнемъ видѣ, но былъ подчиненъ *губернскому магистрату*. Всѣ члены этого суда находились всѣ безъ изъятія въ полномъ невѣдѣніи всего, что касается судебной практики.

Имъ недано было никакой инструкціи, даже небыло сказано, по какому закону они должны говорить. Въ одномъ отдѣленіи полагали, что слѣдуетъ судить по существовавшимъ до сихъ поръ въ Ригѣ законамъ; президентъ другаго отдѣленія громко заявлялъ, что будетъ говорить сообразно съ указами, прибавивъ, что онъ вѣрноподданный ея императорскаго величества и будетъ держаться ея повелѣній. Исключая одного, всѣ прочіе члены суда были честные мужи, которые отчасти понимали, что подчиненный имъ судья зналъ дѣло лучше ихъ самихъ. Въ особенности отличался одинъ изъ его помощниковъ купецъ Людвигъ Граве своею проницательностью, честностью, даромъ спокойнаго разслѣдованія и точностью въ письменныхъ работахъ и превосходилъ многихъ ученыхъ юристовъ. Вскорѣ послѣ введенія этого губернскаго магистрата вышеупомянутый ратсгеръ Беренсъ издалъ свое сочиненіе: «Утвержденное муниципальное управленіе». Цѣлью этого сочиненія и изданнаго впослѣдствіи другаго: «Бомба Петра Великаго», была показать, что мы, не смотря на нововведенія, все-таки можемъ быть здѣсь счастливы, если съумѣемъ употреблять съ пользою для себя хорошія стороны намѣстническаго управленія—онъ хотѣлъ показать, что находитъ хорошія стороны въ этомъ управленіи—если пріобрѣтемъ настоящее гражданское чувство или же сохранимъ таковое отъ прежнихъ лѣтъ. Но его работа была соткана слишкомъ тонко.

ГЛАВА XIII.

Для скорѣйшаго введенія всѣхъ этихъ новостей, и чтобы уничтожить прежнее управленіе, а также чтобы лишить членовъ магистрата уваженія и значенія, которыя они большею частію умѣли пріобрѣсти своими личными достоинствами или которыя имъ оказывали благонамѣренные и разумные люди, губернаторомъ сюда прислали изъ Петербурга человѣка, который обладалъ качествами, необходимыми для такой должности. Высокомѣрный, дѣятельный, несвѣдущій по судебной части, но обладающій большими умственными способностями, съ желаніемъ реформъ началъ онъ свое дѣло. Но онъ окончилъ лучше чѣмъ началъ. При прощаніи онъ признался, что въ Лифляндіи многому научился, что намѣстническое управленіе здѣсь не нужно. Не смотря на то, онъ слушалъ наушничанія жалкихъ негодяевъ и кто ему первый жаловался, тотъ оставался правъ. Сердце его небыло испорченнымъ, но горячность часто увлекала его въ развратные поступки.

Впослѣдствіи онъ подарилъ своимъ довѣріемъ нѣсколькихъ честныхъ нѣмцевъ и замѣтно было, что онъ дорожилъ здѣшнею публикою, но сосудъ былъ уже разбитъ.

ГЛАВА XIV.

Съ большими усиліями и съ большимъ напряженіемъ умственныхъ силъ старался магистратъ сохранить свое достоинство. Однако и въ этомъ похвальномъ стремленіи многіе видѣли лишь властолюбіе. Уничтоженіе было рѣшено.

Venit summa dies et meluctabile fatum.

Городовое положеніе было введено по строгому приказанію сената.

ГЛАВА XV.

. . . .

ГЛАВА XVI.

Прежде чѣмъ оставить окончательно магистратскую коллегію, надо коснуться еще нѣкоторыхъ фактовъ. Затрудненія, съ какими ей приходилось бороться въ послѣдніе годы ея управленія, были неимовѣрны. Члены ея подвергались личнымъ оскорбленіямъ, ихъ судебные приговоры подвергались рѣшенію лишняго губернскаго магистрата, они подчинены были въ самомъ городѣ восьми ненавидящимъ ихъ начальникамъ, вся ихъ судебная должность подвергалась контролю.

Почти ежедневно случалось, что жители являлись къ прокурорамъ, губернаторамъ и пр. съ жалобами на несправедливости, отчего для судей возникали разныя непріятности. Тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ членовъ магистрата не выходилъ въ отставку.

ГЛАВА XVII.

Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ какъ напр. въ статистической перепискѣ Шлецера утверждается, что сенатъ ввелъ городовое положеніе по прошенію гражданства; это не вѣрно. Правда, что сдѣланы были попытки склонить Ригу на это, но всѣ три сословія Риги постановили на собраніяхъ въ большой и малой гильдіи просить, чтобъ эти нововведенія не были осуществляемы. Прошеніе было отправлено къ государынѣ императрицѣ. Въ послѣдовавшемъ на это прошеніе отвѣтѣ было сказано, что изъ прошенія ничего не видно, въ какихъ именно дѣлахъ новое положеніе не соотвѣтствуетъ старымъ правиламъ и преимуществамъ города. По этому поводу отправлено новое, подробное прошеніе, въ которомъ магистратъ заявлялъ, что онъ отказывается отъ своей привилегіи безапелляціонности въ своихъ рѣшеніяхъ по судебнымъ дѣламъ и, отрекаясь отъ права пополнять себя собственнымъ выборомъ, предоставляетъ выборы новыхъ членовъ гражданству.

ГЛАВА XVIII.

Новое платье худо сидѣло на насъ, какъ ни старались портные. Оказалось необходимо сохранить и занять по возможности многое изъ стариннаго положенія. Судопроизводство страдало, такъ какъ по новымъ началамъ, главное дѣло состояло не въ справедливости, а въ скорости рѣшеній. Сдѣлана была новая попытка съ магистратомъ; изъ него и его отдѣленій образовались три департамента: уголовный, гражданскій и коммерческій. Рижскій сиротскій судъ получилъ предписанный губернскимъ начальствомъ видъ, но внутреннее устройство осталось старое. Рижскій магистратъ какъ городское управленіе не существовалъ болѣе, а всетаки были случаи, гдѣ нужно было къ нему обращаться. Мѣстныя условія потребовали, чтобы по крайней мѣрѣ коммерческому департаменту предоставлена была торговая полиція, вслѣдствіе чего произошли столкновенія съ полицейскимъ управленіемъ. Суды не могли болѣе приводить своихъ рѣшеній въ исполненіе и должны были просить объ исполненіи полицію. Тѣмъ не менѣе въ итогѣ судопроизводство выходило лучше, чѣмъ можно было ожидать при судьяхъ неюристахъ, смѣняемыхъ каждые три года.

ГЛАВА XIX.

Новымъ городовымъ положеніемъ управленіе городомъ разбито было на три части: магистратъ, городскую думу и полицейское управленіе, которые были другъ другу чужды и относились даже враждебно другъ ко другу. Нигдѣ не было средоточія для всѣхъ разнообразныхъ интересовъ городскихъ правленій; не было управленія, которое связывало бы всѣ въ одно цѣлое. Каждое изъ названныхъ трехъ управленій имѣло свой ограниченный кругъ дѣятельности, въ которой сверхъ того подвергалось еще и произволу и мѣшательству постороннихъ вліяній. Новый магистратъ желалъ не отстать отъ стараго относительно блеска и вѣса; это было не по вкусу городской думѣ, имѣвшей большое значеніе влѣдствіе предоставленія ей управленія общихъ городскихъ дѣлъ и городской кассы. Возникали частыя ссоры касательно предѣловъ власти того либо другого управленія; такъ напр. продолжительная тяжба между магистратомъ и городской думою по поводу права патроната, которое въ концѣ концовъ сенатомъ признано за городскою думою.

Еще слѣдуетъ упомянуть и о совѣстномъ судѣ, о которомъ многіе полагали, что онъ будетъ соотвѣтствовать требованіямъ ст. 400 положенія о намѣстничествахъ. Съ начала въ самомъ дѣлѣ все пошло гладко, но впослѣдсвіи, когда члены, отличавшіеся дарованіями и краснорѣчіемъ смѣнены были новыми, неимѣвшими этихъ качествъ, способствовавшихъ обыкновенно къ примиренію партій, то дѣла приняли другой поворотъ и довѣріе и уваженіе къ суду исчезли.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ГЛАВА XX.

Объ управленіи общественными средствами города.

Правленіе городомъ и управленіе общественными средствами губернаторы частію прямо, а частію косвенно приняли на себя; это предоставлялось имъ по новому положенію, но только отчасти. Такъ какъ чиновники изъ гражданства избирались только на извѣстное число лѣтъ, то большая часть изъ нихъ и помышляла какъ бы воспользоваться своимъ положеніемъ. Жаловаться на превышеніе власти было опасно, а форма, по которой должно было приносить такія жалобы высшимъ мѣстамъ, слишкомъ затруднительна.

Управленіе городскими средствами собственно подлежало шестигласной думѣ, которая въ важныхъ случаяхъ должна была обращаться въ общую думу. Первый выборъ членовъ въ шестигласную думу былъ неудаченъ: не понимали всей важности этой думы, лучшихъ гражданъ избирали въ другія доджности, а менѣе способныхъ въ шестигасные. Первый предсѣдатель шестигласной думы, городской голова, былъ легкомысленный эпикуреецъ, правиломъ себѣ поставившій облегчать по возможности свою должность тѣмъ, что обо всемъ, что требуетъ размышленія, представлять на разрѣшеніе губернатору; получивъ разрѣшеніе онъ успокоивался.

Вторичный выборъ въ должность головы палъ на человѣка, пользовавшагося общимъ уваженіемъ гражданъ. То былъ Александръ Готшалькъ Зенгбушъ. Выборъ его былъ тѣмъ замѣчателенъ, что противъ него былъ губернаторъ Беклешовъ. Во время выбора Беклешовъ самъ явился, въ противность обычая и права, въ гильдейскій залъ и рекомендовалъ своего кандидата, но тщетно: граждане настояли на своемъ.

ГЛАВА XXI.

Новая городская дума должна была большую часть своего времени и своихъ умственныхъ силъ обращать на свою защиту отъ притязаній и посягательствъ на ея права сверху и съ низу. Городской голова былъ человѣкъ, положеніе котораго не могло возбуждать зависти. Кромѣ многочисленныхъ предоставленныхъ ему дѣлъ, которыхъ *одному* лицу положительно не было возможно исполнить, онъ занималъ и непріятную хлопотливую должность городскаго церемоніймейстера. Онъ былъ обязанъ почти ежедневно являться къ властямъ и исполнять ихъ желанія и приказанія.

Шестигласной думѣ ввѣрено было столько дѣлъ, что члены ея никакъ не могли успѣть въ исполненіи ихъ такимъ образомъ какъ бы слѣдовало.

Обстоятельство, что чрезъ каждые три года весь личный составъ магистрата перемѣнялся, такъ же не мало содѣйствовало къ увеличенію затрудненій и имѣло вредныя послѣдствія, потому что три года едва были достаточны для того, чтобы войти въ дѣла и познакомиться подробно съ кругомъ дѣятельности, предоставляемымъ каждому изъ членовъ магистрата.

ГЛАВА XXII.

Ни одно изъ мѣстныхъ общихъ дѣлъ не нуждалось такъ въ переустройствѣ, какъ управленіе городскихъ благотворительныхъ учрежденій, большинство которыхъ имѣло денежныя требованія къ городу. Тогдашій губернаторъ Беклешовъ много содѣйствовалъ къ тому, чтобъ уплата долговъ произошла къ обоюдному удовольствію и города и благотворительныхъ учрежденій.

ГЛАВА XXIII.

Губернаторъ Беклешовъ учредилъ подъ названіемъ *управленія благотворительными учрежденіями* особую коллегію, которой, совершенно отдѣльно отъ магистрата, ввѣренъ былъ надзоръ надъ благотворительными заведеніями и городскими школами. Это управленіе находилось въ подчиненіи приказа общественнаго призрѣнія, въ которомъ находилось лишь двое членовъ изъ гражданъ; оппозиція ихъ противъ столь могучаго предсѣдателя, какимъ былъ губернаторъ, была конечно безсильна,—тѣмъ болѣе что коллегія привыкла уже рѣшать дѣла не большинствомъ голосовъ, а по желаніямъ и внушеніямъ губернатора.

ГЛАВА XXIV.

Беклешовъ обращалъ особенное вниманіе на школы и заботился объ ихъ распространеніи. Онъ понималъ, что для того, чтобы поднять свой народъ на равный съ ними уровень, необходимо начать съ устройства школъ Споръ между губернскимъ магистратомъ и шестигласною думою относительно права на назначеніе учителей при соборной школѣ, подало Беклешову желанный поводъ взять въ свои руки и надзоръ надъ городскими школами; онъ самовластно назначилъ директоромъ соборной школы магистрата Гетце.

Вслѣдствіе этого обстоятельства и разныхъ нововведеній, гражданство стало относисься къ соборной школѣ несочувственно и посылать своихъ дѣтей въ частные пансіоны. Приказъ общественнаго призрѣнія учредилъ впрочемъ для русской молодежи екатерининское училищс.

ГЛАВА XXV.

За этими нововведеніями вскорѣ послѣдовали и другія. Изданный 5 сентября 1784 года Кононовскій сенатскій указъ примѣненъ былъ къ Лифляндіи. Указъ этотъ постановлялъ, что въ случаяхъ, гдѣ двѣ трети кредиторовъ, заявившихъ свою несостоятельность, имѣющихъ притязанія на три четверти всей суммы долга, согласятся на сдѣлку, тогда и остальные кредиторы обязаны приступить къ сдѣлкѣ. Дѣйствія указа, первоначально касавшагося лишь купцовъ, подобныхъ Кононову, распространены на всѣхъ, даже и не на торговыхъ людей. Впрочемъ многіе предпочитали не пользоваться постановленіями этого указа, такъ какъ рижскіе жители успѣли сохранить водившуюся за ними издавна честность.

ГЛАВА XXVI.

Новое городовое положеніе внесло въ Ригу множество новыхъ стихій; оно дозволяло каждому записаться въ какое угодно сословіе, такъ что если онъ только платилъ подать съ доходовъ, то пользовался всѣми правами и преимуществами гражданъ.

Выходцамъ, желающимъ возвратиться во внутреннія губерніи, обезпечена была полная амнистія и предоставлено на волю записаться въ какое угодно сословіе; платящіе поголовную подать освобождены даже на три года отъ этой подати. Тутъ то появились цѣлыя толпы разныхъ личностей, записываясь въ то или другое сословіе, и число рабочаго народа значительно уменьшилось. Почти вездѣ можно было наткнуться на такъ называемаго рижскаго купца. Послѣдствія этого порядка дѣлъ оказались вредными въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ гражданское сословіе потеряло свой вѣсъ и почетъ, которымъ до сихъ поръ пользовалось и которые необходимы для процвѣтанія здѣшней торговли, и во вторыхъ изъ превратившихся въ гражданъ крестьянъ и имъ подобныхъ образовались лѣнивцы и ненадежные люди, даже и разная сволочь.

Въ хроникѣ уголовныхъ дѣлъ тогдашняго времени встрѣчаются нерѣдко рижскіе граждане и купцы въ числѣ преступниковъ. Въ тоже время усилилось несоразмѣрно и число кабаковъ.

ГЛАВА XXVII.

Излишняя необдуманная легкость въ достиженіи гражданскихъ правъ имѣла особенно вредныя послѣдствія для нѣмецкихъ купцовъ и промышленниковъ. Старинный обычай записыванія учениковъ въ судѣ при ихъ пріемѣ и требованіе отъ учреждающихъ собственныя мастерскія ремесленниковъ свидѣтельства, что они изучили

свое дѣло, какъ слѣдуетъ, мало по малу исчезли. Мастеровые и сбѣжавшіе съ мѣста ученики безъ всякихъ препятствій дѣлались гражданами и пользуясь кредитомъ легковѣрныхъ купцовъ, находили средства надувать добросердечныхъ и неосторожныхъ.

ГЛАВА XXVIII.

Подобно тому, какъ вреднымъ оказалось для цеховъ размноженіе сидѣльцевъ, вреднымъ оказалось и для рижской торговли увеличеніе такъ называемыхъ купцовъ. Подобно ученикамъ и мастеровымъ у цеховъ, тутъ опять прикащики дѣлались гражданами и самостоятельными торговцами. Сверхъ того случалось, что многіе изъ русскихъ купцовъ селились въ Ригѣ, потому что Рига была свободна отъ воинской повинности. Форштаты превратились въ части города, въ которыхъ дозволялось содержать лавки и производить торговлю, вслѣдствіе чего, особенно за Двиною, развилась контрабанда. Покупаемые тамъ изъ первыхъ рукъ товары были нѣкоторыми торговцами безъ браковки отправляемы заграницу. Русскіе торговцы пенькою много содѣйствовали къ тому, что рижскій товаръ потерялъ прежнюю свою репутацію. Одинъ изъ этихъ торговцевъ, Пантелей Еремѣевъ, дозволялъ себѣ даже поддѣлку марокъ на пеньковомъ товарѣ и все это оставалось безъ наказанія.

ГЛАВА XXIX.

Несмотря на вредныя нововведенія, торговля Риги всетаки процвѣтала. Во время окончившейся незадолго до введенія намѣстничествъ войны Англіи съ Соединенными Штатами, Франціею и Испаніею, Рига заработала много денегъ, потому что, не смотря на дороговизну фрахтовъ, опасности отъ каперовъ, всетаки отправляемо было изъ Риги много товаровъ, и цѣны ихъ необыкновенно поднялись. Легко добываемый и значительный барышъ естественно повелъ къ развитію роскоши, которая заставляла жителей забывать непріятности нововведеній. Всего лучше шли однако дѣла живущихъ въ Ригѣ купцовъ иноземцевъ, они были свободны отъ подати съ доходовъ и отъ мѣстныхъ пошлинъ и завладѣли значительною частью рижской торговли. Нѣкоторые изъ нихъ позаботились о принятіи одного изъ ихъ прикащиковъ въ граждане и обезпечивая такимъ образомъ отъ всякихъ стѣсненій, покупали чрезъ своего гражданина прикащика товаръ первыхъ рукъ, складывали его въ амбары и производили съ нимъ спекуляціи. Вслѣдствіе такихъ продѣлокъ почти вся торговля пенькою перешла въ руки иностранцевъ, которые насъ еще сверхъ того скрытно презирали и до того разбогатѣли, что казалось, будто возвращаются времена 1730 года, въ которыхъ рижскіе граждане были ничто иное, какъ подносщики иностранцевъ.

ГЛАВА XXX.

Многіе изъ этихъ иностранцевъ, соединившись съ туземными ростовщиками (въ числѣ которыхъ находилось двое лифляндскихъ помѣщиковъ) занимались сверхъ того еще и ростовщичествомъ самаго вреднаго и можно сказать гнуснаго рода. Они покупали векселя и представляли ихъ должникамъ къ платежу именно въ то время, когда они находились въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, такъ что они вынуждены были платить неимовѣрные проценты. Злоупотребленіе этого рода развилось до такой степени, что наличныя деньги почти совершенно исчезли изъ города. Но тутъ собрались нѣсколько честныхъ купцовъ, которые учредили существующій до нынѣ учетный банкъ, въ которомъ рижане за умѣренные проценты могли получать наличныя деньги.

ГЛАВА XXXI.

Въ 1787 году въ Ригѣ жителей находилось 28,090 человѣкъ, изъ которыхъ лишь 14,000 нѣмцевъ. Употребленіе крѣпкихъ напитковъ было столь распространено, что нѣкоторые изъ рижскихъ русскихъ купцовъ затѣяли планъ взять отъ города въ аренду всѣ кабаки и винокуренные заводы и представили его въ Петербургъ, однако имъ не удалось осуществить этого намѣренія, и право разрѣшать открытіе кабаковъ осталось за городомъ, который, къ сожалѣнію, оказывается слишкомъ снисходительнымъ въ этомъ отношеніи. Число кабаковъ въ Ригѣ и окружности слишкомъ велико.

ГЛАВА XXXII.

Впрочемъ въ это время въ городѣ сдѣланы были нѣкоторыя хорошія распоряженія. Постановленное въ первые годы существованія шестигласной думы управленіе городскими имѣніями отложено и имѣнія были сданы въ аренду. Положеніе городскихъ крестьянъ отъ этого не улучшилось. Правда, что шестигласная дума дѣлала нѣкоторыя попытки для облегченія участи крестьянъ и назначила, напримѣръ, врачей для городскихъ имѣній, однако крестьяне предпочитали всетаки своихъ знахарей врачамъ, не знающимъ латышскаго языка. Общее мнѣніе сознавалось уже, что крѣпостное право есть не естественное состояніе и не соотвѣтствуетъ понятіямъ о свободныхъ гражданахъ, но не смотря на то, ничего не предпринималось для освобожденія городскихъ крестьянъ.

ГЛАВА XXXIII.

Это равнодушіе Риги касалось однако лишь раздѣляемыхъ стѣнами и палисадами отъ нея крестьянъ. О бѣдныхъ и несчастныхъ въ городѣ и на форштатахъ Рига не забывала. На Двинѣ учреждено

было спасательное заведеніе и къ существовавшимъ благотворительнымъ заведеніямъ прибавлено новое: Николаевскій рабочій домъ. Въ томъ же году городъ поручилъ генералу де Витту постройку зимней гавани на правомъ берегу Двины, стоившую около 5,000 талеровъ.

ГЛАВА XXXIV.

Городъ Рига издавна обязанъ была вносить ежегодно 10,000 рейхсталеровъ на содержаніе городскихъ укрѣпленій. Такъ какъ во всей Россіи крѣпости находятся въ казенномъ вѣдомствѣ, то Рига при введеніи намѣстничествъ полагала, что будетъ освобождена отъ уплаты упомянутой суммы, но оказалось, что она ошиблась въ разсчетѣ, и должна была и при намѣстничествѣ уплачивать эти суммы.

ГЛАВА XXXV.

Всѣ власти и вообще всѣ, которые могли причинять намъ непріятности, были приглашены городомъ на всѣ публичныя празднества и обѣдъ, и это было имъ очень по вкусу, но тѣмъ не менѣе они не перемѣнили своихъ воззрѣній и своего поведенія. Одно изъ этихъ лицъ наговорило рижскимъ торговцамъ хлѣбами, что въ Петербургѣ намѣрены запретить вывозъ ржи, но что онъ въ состояніи предотвратить отъ Риги эту опасность, если ему доставлены будутъ надлежащія для этого средства, т. е. деньги. Торговцы собрали нѣсколько тысячъ рублей и вручили ихъ ему. Вывозъ въ самомъ дѣлѣ не былъ воспрещенъ, но лишь потому, что въ Петербургѣ и не думали о подобномъ запрещеніи; рубли однако остались пропавшими.

ГЛАВА XXXVI.

Торговля наша въ это время процвѣтала, и въ населеніи усиливалось стремленіе доставить дѣтямъ хорошее воспитаніе. Преступленія были строго преслѣдуемы судами, причемъ губернаторъ Беклешовъ отличался своею заботою о субординаціи и точномъ исполненіи всѣхъ приказаній. Никогда дѣла не рѣшались столь быстро, какъ въ то время, гдѣ случилось и замѣчательное явленіе, что лифляндское дворянство и городъ Рига находились въ согласіи и поддерживали другъ друга. Главная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежала дворянскому предводителю Сиверсу и городскому головѣ А. Г. Зенгбушу.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

О полицейскомъ управленіи.

ГЛАВА XXXVII.

Давно уже здѣшнія власти желали видѣть въ городѣ такое полицейское управленіе, которое принимало бы ихъ приказанія и исполняло бы ихъ безпрекословно. Въ старомъ магистратѣ не бывало особаго полицейскаго суда. Полицейскія дѣла были подвластны разнымъ судамъ.

Такъ, напримѣръ, въ городѣ управляли городскими дѣлами оберфохты, торгово-полицейскія дѣла подлежали ветгерихту, строительская часть кеммерейному суду и пр.

Нашимъ властямъ было непріятно, что для исполненія своихъ повелѣній должны были обращаться къ магистрату, который затѣмъ передавалъ дѣло тому суду, которому оно подлежало. Губернаторъ Броунъ безъ большихъ затрудненій достигъ того, что изъ Петербурга получено приказаніе ввести русскіе полицейскіе уставы и въ Ригу. Личный составъ новой полиціи былъ столь многочисленъ, что жалованье чиновникамъ ея составляло въ годъ 24,000 рейхсталеровъ. Броунъ заставилъ городъ выстроить полиціймейстеру домъ, стоившій 10,000 руб., и полиціймейстеръ успѣлъ повліять на тогдашняго городскаго голову Стр., съ которымъ онъ находился въ дружбѣ, чтобы и для новой полиціи построено было особое новое зданіе.

ГЛАВА XXXVIII.

На основаніи новыхъ полицейскихъ уставовъ надо было раздѣлить городъ на части и кварталы, но такъ какъ маленькую Ригу можно было раздѣлить лишь на двѣ части, то оказалось нужнымъ присоединить къ ней форштаты, чтобы получить нѣсколько частей. Назначены были засимъ частные приставы, квартальные надзиратели и вообще множество полицейскихъ чиновниковъ; ихъ красные и синіе мундиры съ серебряными эполетами выходили весьма изящно и эфектно, однако о томъ, что образованіемъ новой городской части за Двиною городъ потерпѣлъ большой ущербъ, объ этомъ никто не заботился.

ГЛАВА XXXIX.

. . . .

ГЛАВА XL.

Новая полиція подчинена была прямо намѣстническому управленію и сверхъ того должна была исполнять приказаніе кемерейнаго

и другихъ судовъ. Суды не обращались къ полиціи словесно, какъ это было возможно въ большинствѣ случаевъ, а письменно, отчего происходили замедленія въ исполненіи рѣшеній судовъ.

ГЛАВА XLI.

Начала снисходительности и гуманности, заявленныя императрицею Екатериною, особенно относительно къ тѣлеснымъ наказаніямъ, были отрекомендованы и здѣшней полиціи. Это повело къ полнѣйшему обезсиленію исполнительнаго правосудія. Непослушаніе, распутство и побѣгъ прислуги наказывались слишкомъ снисходительно. Безнравственность и дерзость прислуги выходили изъ всякихъ предѣловъ. Развелись клубы, кофейныя, трактиры и пр. для всѣхъ сословій и всѣ были усердно посѣщаемы. Зимою кромѣ спектаклей почти ежедневно происходили собранія въ клубахъ, маскарады, танцовальныя вечера и пр.

ГЛАВА XLII.

Хотя при полиціи было множество чиновниковъ, но почти всѣмъ управляло лишь одно лицо и это былъ къ счастію человѣкъ весьма умный, честный и способный, Адамъ Генрихъ Шварцъ, о которомъ будущему лѣтописцу Риги возможно будетъ сказать много лестнаго.

ГЛАВА XLIII.

Въ этой книжкѣ не разъ говорилось, что рижане люди хорошіе; это столь извѣстно и признаваемо, что мнѣ не надо приводить доказательства. Однако я немогу обойти молчаніемъ слѣдующее: Какъ лучшая часть рижскихъ жителей ни сожалѣла объ уничтоженіи нашихъ старинныхъ уставовъ и раздѣленіи гражданъ въ три сословія, они все-таки незабывали, что они должны быть преданы своему государю или государынѣ и что Рига подъ русскимъ скипетромъ наслаждалась почти цѣлое столѣтіе благодѣяніями мира.

Когда Густавъ III объявилъ Россіи войну, тогда нѣкоторые патріоты постановили подать государынѣ доказательство, что мы не сочувствуемъ Шведамъ, какъ нѣкоторые полагали, и собрали по подпискѣ 30,000 рублей, которые и поднесли государынѣ, она приняла ихъ, принимая во вниманіе намѣреніе, съ которымъ подарокъ былъ ей поднесенъ.

VI.

Матеріалы для хроники Риги съ 1797 по 1810 г., собранные рижскимъ бургомистромъ Бульмерингомъ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Императоръ Павелъ засталъ въ Прибалтійскомъ краѣ — введенными какъ учрежденія о губерніяхъ, такъ и общее городовое положеніе. Лифляндская и Эстляндская губерніи были ввѣрены главному начальству генералъ-губернатора князя Николая Васильевича Репнина. Курляндская губернія находилась подъ главнымъ начальствомъ генерала барона (впослѣдствіи графъ) Палена. Гражданскимъ губернаторомъ въ Лифляндской губерніи былъ Мейендорфъ, въ Курляндской — Ламбсдорфъ, въ Эстляндской — Лангель. Суды, порядки, учрежденія— все были тѣже самые, какъ и на пространствѣ всей тогдашней Россіи,— всѣ чиновники получали жалованье отъ казны. Однимъ словомъ, въ судѣ и администраціи Прибалтійскій край ничѣмъ не отличался отъ прочихъ губерній, сохраняя, однакожь, за собою во всей силѣ нерушимыми свои права и преимущества.

Въ 1796 году состоялись по дѣламъ Прибалтійскаго края три Высочайшія повелѣнія, непосредственно касавшіяся Прибалтійскаго

края. Первымъ указомъ, даннымъ сенату 18 ноября (П. С. З. № 17563) установлено, впредь до указа, исполненіе по общему тарифу, изданному 17 сентября 1796 г. Было повелѣно: во взятіи пошлинъ и въ выпускѣ и привозѣ товаровъ и прочихъ вещей поступать во всемъ на такомъ основаніи, какъ до изданія того тарифа было. Второй указъ состоялся 28 ноября (П. С. З. ном. 17584) и касался возстановленія въ Лифляндіи и Эстляндіи присутственныхъ мѣстъ, кои по тамошнимъ правамъ и привиллегіямъ существовали до 1783 года. Приводимъ текстъ этого существенно важнаго указа, такъ какъ на немъ основаны дальнѣйшія распоряженія и будутъ неоднократно дѣлаемы ссылки на него:

«Въ Лифляндіи и Эстляндіи повелѣваемъ, за оставленіемъ губернскаго правленія для гражданской части, и казенной палаты съ казначействомъ для сбора доходовъ, ревизіи счетовъ и вообще казенныхъ дѣлъ, возстановить всѣ тѣ присутственныя мѣста, которыя по тамошнимъ прежнимъ правамъ и привиллегіямъ существовали какъ въ губерніи, такъ и по уѣздамъ до 1783 года, и въ коихъ присутствующихъ выбирать и опредѣлять по точной силѣ помянутыхъ привиллегій. Изъ сихъ возстановляемыхъ мѣстъ, лифляндскому гофгерихту и эстляндскому верхнему земскому суду быть подъ апеляціею нашего сената. Прокурорамъ состоять токмо губернскимъ, а въ прочихъ мѣстахъ, такожъ стряпчимъ казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ и стряпчимъ уѣзднымъ не быть. Ландратскія колегіи, въ соблюденіе правъ дворянства тамошняго и для лучшаго устройства, учредить по прежнему. Магистратамъ по городамъ остаться на прежнемъ и правамъ ихъ сообразномъ основаніи; а губернскимъ магистратамъ, такожъ верхнимъ и нижнимъ расправамъ не быть. Что касается до сбора податей, въ томъ поступать по указамъ; а какъ оборона государственная требуетъ, дабы всѣ вѣрноподданныя намъ области оной соразмѣрно способствовали, то и помянутыя двѣ губерніи въ случающихся по нуждамъ государственнымъ рекрутскимъ наборамъ долженствуютъ участвовать по нарядамъ, на основаніи воли нашей чинимымъ. Сенатъ нашъ сходственно сему имѣетъ распорядить, дабы управленіе въ вышеозначенныхъ провинціяхъ такимъ образомъ въ предписанное нами состояніе поставлено было немедленно».

Не съ большимъ черезъ мѣсяцъ, именно 24 декабря (П. С. З. ном. 17681) состоялся указъ, касавшійся Курляндской губерніи, присоединенной къ Россіи въ 1795 г. Указъ былъ одинаковаго содержанія съ предшествовавшимъ, въ немъ было тоже повелѣно: возстановить присутственныя мѣста, какъ было до открытія намѣстничества, за исключеніемъ губернскаго правленія и казенной палаты съ казначействомъ. Главному суду быть подъ апеляціею сената, прокурору состоять только губернскому, а прочимъ, какъ и стряпчимъ, не быть.

Въ рекрутскихъ наборахъ Курляндская губернія должна участвовать въ нарядахъ высочайше чинимыхъ наравнѣ съ прочими губерніями.

Съ этихъ двухъ указовъ и начинаются новые порядки въ Прибалтійскихъ губерніяхъ — возвращеніе къ старинѣ.

Іоганнъ Валентинъ фонъ Бульмерингъ родился въ Ригѣ въ 1760 г., изучалъ законовѣдѣніе въ Гетингенѣ съ 1779 по 1782 г. и по окончаніи тамъ курса наукъ вступилъ на службу въ канцелярію рижскаго магистрата. Послѣ введенія въ Ригѣ общаго городоваго положенія въ 1785 г., онъ былъ адвокатомъ; по возстановленіи прежняго магистрата въ 1797 г. онъ былъ избранъ членомъ онаго, съ 1807 былъ рижскимъ бургомистромъ и умеръ въ этомъ званіи въ 1827 году.

ГЛАВА I.

Содержаніе: Возстановленіе магистрата и городскихъ сословій по старымъ правамъ. Избраніе магистрата. Новая организація полицейскаго управленія. Бенкендорфъ, военный губернаторъ. Менгденъ, гражданскій губернаторъ. Подчиненіе магистрата казенной палатѣ. Раздѣленіе купечества по гильдейскимъ взносамъ сохранено. Пріемъ въ купечество на основаніи стараго порядка управленія наблюдается. Состояніе городской кассы при передачѣ городскаго управленія магистрату. Картина города.

Императоръ Павелъ Петровичъ, по вступленіи своемъ на престолъ, указомъ 28 ноября 1796 г. повелѣлъ возстановить управленіе Лифляндіею въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало до 1783 г. (т. е. до учрежденія рижскаго и ревельскаго намѣстничествъ). Права и формы управленій Лифляндіи и Эстляндіи, на основаніи этого указа, должны были возстановиться въ прежнемъ видѣ, но взносъ податей долженъ былъ продолжаться по прежде изданнымъ указамъ, рекрутская повинность должна была отбываться, какъ и въ прочихъ губерніяхъ имперіи, равно должны были оставаться безъ перемѣны губернское правленіе и казенная палата.

По смыслу этого указа, въ Ригѣ должна была возстановиться не только магистратская коллегія, но и тѣсно связанныя съ нею въ городскомъ управленіи два городскія сословія (т. е. большая купеческая и малая ремесленная гильдіи).

Возникло мнѣніе, чтобы члены бывшаго магистрата, уволенные въ 1786 г. и находившіеся еще въ живыхъ, снова заняли свои мѣста и сами собственнымъ своимъ выборомъ пополнили бы магистратскую коллегію. Тогдашній гражданскій губернаторъ баронъ Мейендорфъ, которому было поручено приведеніе въ исполненіе сказаннаго высочайшаго указа, склонялся къ этому мнѣнію; одинъ тогдашній городской голова Зенгбушъ подалъ свое особенное мнѣніе, ко-

торое получило особенную силу, когда пользовавшійся особымъ почетомъ бывшій старшина прежняго магистрата, бургомистръ Шварцъ на запросъ, сдѣланный ему отъ имени головы секретаремъ городской думы, какъ онъ, Шварцъ, думаетъ на счетъ выборовъ, отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, должно принять то состояніе, которое существовало при возстановленіи городской общины и слѣдовательно самой общинѣ должно предоставить выборъ своего начальства.

Вслѣдствіе этого, прежде чѣмъ сформировалось согласно древнимъ шрагамъ вновь скамья старшинъ большой гильдіи (во время дѣйствія общаго городоваго положенія, гильдейскія братства не прекращали своего существованія и для управленія дѣлами ихъ оставались старшины), въ началѣ 1797 г. было приступлено къ выбору членовъ магистрата *).

Къ этому выбору были предложены:

1) Отъ ученыхъ: преимущественно члены бывшаго магистрата, которые бы пожелали принять на себя должности по управленію городомъ.

Всѣ они были спрошены, частію письменно городскимъ головою, частію городскимъ секретаремъ желаютъ-ли они стать на выборы? Одни, какъ Шварцъ, надворный совѣтникъ Готфридъ Беренсъ, а послѣ Готанъ отказались отъ избранія по преклонности лѣтъ; Викенъ, не отказываясь рѣшительно, извинялся, что другія служебныя обязанности (онъ въ то время состоялъ при таможнѣ и не получилъ еще окончательнаго увольненія изъ нея) не дозволяютъ ему стать на баллотировку; Герngросъ и Штеверъ не желали выбора, но прямаго вступленія въ должность, какую они занимали въ прежнемъ магистратѣ. Но какъ это было несогласно съ принятымъ основаніемъ свободнаго выбора, потому со стороны ученыхъ (т. е. литератовъ) къ выборамъ были предложены: надворный совѣтникъ Адамъ Генрихъ Шварцъ, полицейскій приставъ Ульрихенъ и бывшій ратсгеръ Самуэль Гольстъ.

Затѣмъ было предложено баллотироваться секретарямъ, состоявшимъ при городовомъ магистратѣ; другіе же ученые, занимавшіе городскія и коронныя должности, по предъявленію городскому головѣ своихъ аттестатовъ въ изученіи законовѣдѣнія, были зачислены кандидатами къ выборамъ.

2) Отъ купечества кандидаты, избранные изъ купцовъ 1 и 2 гильдій.

*) Вотъ составъ членовъ магистрата, бывшій въ 1785 г., во время закрытія магистрата и введенія общаго городоваго положенія: Бургомистровъ 4: Мельхіоръ Видау, Іоганъ Генрихъ Шикъ, Іоганъ Христофъ Шварцъ, Іоганъ Карлъ Берендтъ и оберъфогтъ Готфридъ Беренсъ. Ратсгеры: Эбель, Ульрихенъ, Готанъ, Іоганъ Беренсъ, Клацо, Антонъ Бульмерингъ, Эбергардъ Беренсъ, Шварцъ, Гернгросъ, Гольстъ, Викенъ, Битефейеръ и Вильпертъ.

Во время самыхъ выборовъ было сдѣлано предложеніе, дабы прежнихъ членовъ бывшаго магистрата, буде они пожелаютъ, принять безъ всякихъ выборовъ; это предложеніе было баллотировано, но не принято большинствомъ только одного отрицательнаго отвѣта.

Выборъ членовъ магистрата изъ ученыхъ произошелъ единогласно. Во главѣ избранныхъ сталъ Адамъ Генрихъ Шварцъ, человѣкъ образованный, свѣтлаго взгляда и ума, дѣятельный, трудолюбивый, добросердечный, любимый и уважаемый всѣми въ Ригѣ, старымъ и малымъ. Многіе чиновники, состоявшіе въ коронной и городской службѣ, извѣстные своими познаніями и честностію, получили также, при голосованіи, замѣчательный успѣхъ.

Но не таковъ былъ успѣхъ выборовъ членовъ изъ купечества. Нѣкоторые изъ нихъ, хотя и были въ составѣ прежняго магистрата, какъ Бинеманъ, но не были избраны: причиною тому былъ не недостатокъ ихъ заслугъ — неуклонное исполненіе служебныхъ обязанностей есть также заслуга, всѣ они занимали уже видныя городскія должности, но распредѣленіе избирательныхъ голосовъ, которые, вслѣдствіе различныхъ интересовъ—частію личныхъ—раздѣлились на многія партіи.

По окончаніи выборовъ, возстановленный магистратъ вступилъ въ управленіе городомъ. Дума и городовой магистратъ были упразднены по распоряженію правительства отъ 13 апрѣля 1797 г. и затѣмъ архивъ и денежныя суммы были сданы новому, возстановленному на прежнихъ основаніяхъ магистрату, который съ своей стороны немедленно же приступилъ къ возстановленію городскихъ властей и мѣстъ городскаго управленія.

Вслѣдъ затѣмъ была возстановлена скамья старшинъ большой гильдіи и эльтерманомъ ея избранъ Бернгардъ Тилеманъ (бывшій прежде и неоднократно до того эльтерманомъ); возстановлена была также скамья старшинъ и малой гильдіи, бывшій эльтерманъ Либбе снова занялъ эту должность. Обѣ скамьи старшинъ (старшинскія думы) представлялись магистрату, по старинному обыкновенію, послѣ засѣданія, бывшаго предъ великимъ постомъ.

Магистратъ затѣмъ, по причинѣ увеличенія полицейскихъ дѣлъ, происшедшаго частію отъ увеличившагося въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ населенія Риги людьми, требовавшими строгаго надзора, частію и отъ новыхъ формъ полицейской службы, призналъ необходимымъ преобразовать полицію на другихъ основаніяхъ, чѣмъ какія были до 1783 года, т. е. до учрежденія намѣстничествъ. Полиція, находившаяся прежде въ рукахъ фохтейскаго, ландфохтейскаго и кемерейнаго судовъ, была присоединена къ полицейскому суду, состоявшему уже по старому управленію, и этому суду были подчи-

нены всѣ комисары каждаго квартала въ городѣ и на форштадтахъ. Раздѣленіе города на 5 городскихъ частей было отмѣнено. Надзору городской полиціи были подчинены замокъ и Форбургъ, прежде ей не подчинявшіеся.

Все это было утверждено губернскою администраціею и получило высочайшее одобреніе. Въ 1798 году ревельское губернское правленіе просило, по порученію генералъ-прокурора князя Куракина, здѣшнее правленіе о сообщеніи, какого рода распоряженія сдѣланы рижскимъ магистратомъ касательно полицейскихъ дѣлъ и удовлетворенія воинскихъ потребностей, дабы ревельскій комендантъ могъ сообразиться съ таковыми распоряженіями.

Магистратъ не замедлилъ принести государю императору благодарность за возстановленіе прежняго городскаго управленія и вслѣдъ затѣмъ просилъ установленнымъ порядкомъ высочайшаго утвержденія на владѣніе городскими имѣніями Икскюлемъ и Кирхгольмомъ. Высочайшее соизволеніе на это послѣдовало въ 1797 г. Съ 1796 г. военнымъ губернаторомъ Риги былъ Бенкендорфъ. Сколько изъ расположенія къ первенствующему бургомистру Шварцу, столько и изъ человѣколюбія, онъ, на сколько то возможно было заботился объ облегченіи города отъ воинской квартирной повинности.

Графъ Менгденъ (Каугерсгофскій), назначенный въ началѣ 1797 г. гражданскимъ губернаторомъ Лифляндской губерніи, кроткій, гуманный, прекрасный человѣкъ, находился также въ дружественныхъ отношеніяхъ съ названнымъ бургомистромъ Шварцемъ. Управленіе Шварца городскими дѣлами продолжалось не долго. Онъ умеръ въ концѣ сентября того же 1797 г.

Чтобы ничего не потерять изъ бывшей разрозненной своей юридикціи, магистратъ потребовалъ описи купеческихъ и закладныхъ записей и ингроссаціи долговъ, которые находились вмѣстѣ съ крѣпостными актами въ гофгерихтѣ. Указомъ сената отъ 8 декабро 1797 въ года желаніе магистрата было исполнено.

Не изъ тщеславія, а въ увѣренности, что внѣшность имѣетъ извѣстное вліяніе на сущность дѣла, магистратъ потребовалъ отъ казенной палаты, оставшейся отъ учрежденія намѣстничествъ, возстановленія прежде употреблявшагося магистратомъ своего титула, (признаннаго за нимъ даже россійскими государями), такъ какъ этотъ титулъ безпрекословно признавали за нимъ губернское правленіе и другія власти. Казенная палата отказала въ этомъ, и по представленію тогдашняго губернскаго прокурора фонъ-Берга, состоялся указъ сената отъ 21-го іюня 1798 г., вслѣдствіе котораго казенная палата, какъ новое присутственное мѣсто, учрежденное въ 1783 г., имѣетъ стоять

наравнѣ съ палатами имперіи и какъ онѣ писать къ магистрату отзывы получать отъ него донесенія и доклады.

Городская касса-коллегія была возстановлена, равно какъ и другія городскія коллегіи. Магистратъ желалъ сохранить строительную коммисію, подъ надзоромъ городскаго архитектора, двухъ гражданъ отъ двухъ другихъ сословій; эта коммисія была назначена ко время существованія городскаго магистрата для точнаго надзора за экономической частью при постройкахъ и для завѣдыванія при постройкахъ денежными по онымъ дѣлами. Эту коммисію отстояли послѣ многихъ затрудненій, но все таки не сообразно ея учрежденію и цѣли.

Тотчасъ по возстановленіи, въ магистратъ поступило прошеніе отъ гражданъ (гражданъ въ старомъ смыслѣ), чтобы выключить изъ числа рижскаго купечества зачисленныхъ въ это сословіе, во время дѣйствія общаго городоваго положенія, купцовъ русскаго происхожденія; но это было бы не только несправедливостью, но и политической ошибкой. Рѣшились на болѣе благовидныя, не столь суровыя мѣры: изъ гильдіи удалили частію дѣйствительныхъ государственныхъ крестьянъ, которые не могли доказать своего освобожденія, частію такихъ лицъ, которыя уличены въ дѣйствіяхъ, подрывающихъ кредитъ, напр., въ пристанодержательствѣ по русскимъ куренямъ; заставили выступить изъ купеческихъ гильдій также и нѣмецкихъ ремесленниковъ, которые не хотѣли бросить свое ремесло, потому что, по древнимъ шрагамъ, ремесленникъ не имѣлъ права, оставаясь ремесленникомъ, состоять въ купеческой гильдіи.

Лифляндское губернское правленіе 1-го іюня 1797 г. предложило всѣмъ магистратамъ Лифляндской губерніи: «чтобы въ городовомъ положеніи предписанное раздѣленіе гильдій и ихъ управленій не измѣнять по произволу»; этотъ указъ далъ магистрату поводъ, согласившись съ купечествомъ большой гильдіи, войти съ докладомъ въ губернское правленіе о томъ, что раздѣленіе купечества на три гильдіи, сообразно платимыхъ податей и взимаемыхъ въ казну процентовъ съ объявленнаго купеческаго капитала, совершенно противорѣчитъ духу прежняго городоваго управленія. Здѣсь исходной точкой магистрату служило то, что хотя здѣшнее купечество и несетъ гильдейскія повинности по различнымъ степенямъ своей торговли 1) морской, 2) рѣчной, 3) мелочной; но что однѣ эти повинности и уплаты, за неимѣніемъ другихъ необходимыхъ качествъ для купца и гражданина, не могутъ еще сдѣлать человѣка хорошимъ купцомъ.

Дѣло это восходило на разсмотрѣніе сената, отъ третьяго департамента коего послѣдовала 9-го марта 1798 нижеслѣдующая резолюція:

«Такъ какъ раздѣленіе гражданъ на классы состоитъ въ связи съ платежемъ податей; въ высочайшемъ же указѣ отъ 28-го ноября 1796 г. говорится: касательно взимаемыхъ повинностей, поступить на основаніи указовъ—то правительствующій сенатъ не можетъ приступить вопреки этого высочайшаго повелѣнія ни къ какому измѣненію въ пользу рижскихъ гражданъ».

Этотъ указъ былъ исполненъ, гильдейскія повинности платились по различному роду торговли. Между тѣмъ, магистратъ строго соблюдалъ древнія постановленія при пріемѣ желавшихъ поступить и имѣвшихъ на то право лицъ въ купечество или гражданство. Галактіоновъ и его товарищи были отвергнуты, частію потому, что не изучили торговли какъ слѣдуетъ, частію потому, что они не могли доказать, что родились некрѣпостными, и сенатъ утвердилъ это постановленіе.

Магистратъ счелъ себя обязаннымъ сохранить и древній церемоніалъ, съ тѣмъ чтобы разрѣшенное указомъ 28-го ноября 1796 г. возстановленіе его правъ по возможности распространить и на другія сословія.

Какъ пріятно было магистрату, когда въ торжественныхъ случаяхъ, напр. при школьныхъ экзаменахъ, члены почетныхъ городскихъ управленій шли въ извѣстномъ порядкѣ въ процессіи между членами магистрата, такъ непріятно было, что при выборѣ докмана старшины большой гильдіи должны были стоять, а члены магистрата сидѣть, но форма должна была быть тоже возстановлена.

Магистратъ возстановилъ также, по первоначальнымъ положеніямъ, вдовью кассу своихъ членовъ, которая въ 1797 г. составляла капиталъ всѣхъ членовъ магистрата 11,900 албертовыхъ рейхсталеровъ и ученыхъ членовъ 7,416 алб. тал.

Городская касса оказалась при передачѣ магистрату отъ городскаго управленія въ довольно улучшенномъ съ 1786 года состояніи. Сумма городскихъ долговъ въ 1786 г. состояла въ 439,150 рейхсталеровъ, въ концу же 1796 г. эта сумма составляла 368,260 рейхсталеровъ и 21 фердингъ. Въ теченіе семи истекшихъ лѣтъ было погашено городскихъ долговъ 70,890 рейхсталеровъ; кромѣ того городъ пріобрѣлъ неподвижностей на 13,763 рейхсталера и кончилъ соглашеніемъ два весьма важныхъ процесса, именно съ наслѣдниками Штейнгауэра и съ эльтерманомъ Гуйкельговеномъ.

Независимо этого, магистратъ принялъ нижеслѣдующія учрежденія, основанныя во время существованія городской думы:

Двѣ кассы: пожарную, сторожевую и для освѣщенія, учрежденныя для обоихъ форштатовъ.

Основанную въ 1793 г. для пресѣченія нищенства на улицахъ Николаевскую богадѣльню (въ домѣ прежняго смирительнаго дома, названа Николаевскою въ честь тогдашняго генералъ-губернатора князя Николая Васильевича Репнина).

Основанную для обузданія ростовщиковъ въ 1794 г. дисконтную кассу; капиталъ ея былъ 20,815 рейхсталеровъ.

Капиталъ по постройкѣ амбаровъ и страхованія, переданный въ 1793 г. генералъ-губернаторомъ княземъ Репнинымъ въ городскую думу.

Основанное въ 1791 г. спасительное заведеніе для утопшихъ.

Кассу для выдачи наградъ доносщикамъ, учрежденную по случаю сильно увеличившагося воровства въ Ригѣ въ предшествовавшіе годы.

Четыре безплатныя школы, учрежденныя думою для бѣдныхъ жителей: 2 по ту сторону Двины, 1 при церкви св. Іоанна и 1 на выгонной дамбѣ.

Въ первой половинѣ 1797 г. число жителей Риги было слѣдующее: въ городѣ 10,220 человѣкъ, на форштатахъ по сю сторону Двины 12,540і, на форштатахъ по ту сторону Двины 6041, всего 28,801 чел.

Строеній находилось: въ городѣ: общественныхъ 111, частныхъ 667, амбаровъ 166, всего 944. На форштатахъ по сю сторону Двины: общественныхъ 96 и частныхъ 1,172, всего 1,268. На форштатахъ по ту сторону Двины: общественныхъ 15, частныхъ 598, всего 613. Жителей податнаго состоянія было 1,796. Купцовъ состояло: 1 гильдіи 141, 2 гильдіи 101 и 3 гильдіи 548, всего 790 Гражданъ, цеховыхъ и другихъ лицъ, платившихъ подати съ имущества, было 1,859; вольныхъ рабочихъ и слугъ 2,156. Сумма податей съ имуществъ въ 1796 г. составляла 42,600 р.; поголовной подати собиралось 8,400 р.

Квартирныхъ денегъ для содержанія казармъ, отопленія и освѣщенія ихъ, на выдачу квартирныхъ офицерамъ и генераламъ гарнизона и пр. по квартирной для войскъ повинности расходовалось среднимъ числомъ въ годъ болѣе 20,000 рейхсталеровъ.

Кромѣ портовыхъ пошлинъ, въ казну вносилось 20,000 рейхсталеровъ питейнаго сбора. Независимо этого, въ казну же поступали съ 1783 г. крѣпостныя пошлины и проценты съ наслѣдствъ. На содержаніе городской артиллерійской команды (по штату 100 канонировъ, 20 бомбардировъ съ надлежащимъ числомъ офицеровъ) и крѣпостной артиллеріи въ 1796 г. городъ израсходовалъ 2,900 рейхс-

талеровъ и 2,300 рублей. На содержаніе крѣпостныхъ верковъ изъ городской кассы ежегодно отпускалось по 10,000 рублей. На содержаніе почты въ Ригѣ (48 лошадей) и на станціи Олай (20 лошадей) городъ приплачивалъ ежегодно 3,800 рейхсталеровъ. Содержаніе полиціи городу обходилось въ годъ до 18,000 рейхсталеровъ.

ГЛАВА II

(Съ 1798 по 1802 годъ).

Содержаніе: Увеличеніе квартирной повинности. Медицинское управленіе. Цензура. Рихтеръ—гражданскій губернаторъ. Нагель гражданскій генералъ-губернаторъ. Ребиндеръ военный губернаторъ. Сношенія съ Франціею и Гамбургомъ запрещены. Предложеніе о сдачѣ на откупъ казенныхъ томоженныхъ пошлинъ. Торговая коммисія и депутація въ Петербургѣ: ихъ дѣятельность. Великая княгиня Александра Павловна проѣзжаетъ чрезъ Ригу. Городская касса приходитъ въ скудость. Ревизія окладной подати. Сбираются тучи. Солнце восходитъ. Факція въ гражданствѣ. Говоръ о постойной повинности. Споры при выборѣ эльтермана. Пребываніе императора Александра Павловича въ Ригѣ. Клеманъ агитируетъ въ факціи. Князь Сергѣй Федоровичъ Голицинъ назначенъ генералъ-губернаторомъ. Его управленіе. Легатъ Шрейбера. Евреи тщетно изыскиваютъ право на принятіе ихъ въ рижское гражданство. Предложеніе соединить А-а съ Бѣлымъ озеромъ Учрежденіе попечительства о бѣдныхъ (Armendirectorium). Двойной юбилей содержателя школы Флора. Don gratuit. Указъ о снабженіи замка мебелью. Смерть бургомистра Адама Генриха Шварца.

По высочайшему повелѣнію, въ Ригѣ съ начала 1797 года приходилось размѣстить до 13,000 человѣкъ войска: это сильно увеличило постойную повинность и сдѣлалось источникомъ затрудненій для жителей и даже безпокойствъ въ послѣдствіи. Въ бытность го сударя императора въ Ригѣ, въ маѣ 1797 г., магистратъ подалъ черезъ тогдашняго кабинетъ министра князя Безбородко всеподданнѣйшую записку объ уничтоженіи или, по крайней мѣрѣ, объ уменьшеніи въ Ригѣ постойной повинности. Записка была принята, магистратъ надѣялся было получить желаемое, но ни его представленіе, ни послѣдовавшее потомъ ходатайство военнаго губернатора Бенкендорфа не были уважены. Въ концѣ 1798 г., когда срокъ раскладки квартирной подати истекъ и обнаружилось плохое отношеніе между приходомъ и расходомъ квартирной кассы, магистратъ предложилъ гражданству принять серьезныя мѣры къ выходу изъ затруднительнаго положенія и предложилъ съ ущербомъ доходовъ городской кассы употребить на покрытіе дефицита $^2/_3$ складочныхъ денегъ купечества. Комитетъ, избранный изъ трехъ сословій, уравнялъ раскладку, но подобныя средства, при постоянно увеличавшейся тягости повинности, не могли помочь злу.

Расходы квартирной кассы въ 1793 г. простирались ежегодно до 40,000 рейхсталеровъ, не меньшую сумму стоили и повинности натурою, т. е. поставки для войскъ отопленія и освѣщенія,

не считая даже убытковъ, которые несли жители отъ того, что дома, занятые военнымъ постоемъ, не приносили дохода, портились и проч.

Высочайшимъ повелѣніемъ въ Ригѣ были сформированы медицинское управленіе и особое присутственное мѣсто—цензурный комитетъ. Оба эти учрежденія ограничили компетентность магистрата въ нѣкоторыхъ предметахъ, подлежащихъ полицейскому надзору.

Притязанія медицинскаго управленія простирались до того, что оно хотѣло запретить городскому физику (доктору) употребленіе его титула, хотя кабинетнымъ указомъ императрицы Анны отъ 1735 года магистрату было предоставлено право опредѣлять городскаго физика и вообще давать концессіи на практику врачамъ, хирургамъ и акушеркамъ.

Цензура нерѣдко приходила въ столкновенія съ магистратомъ. Такъ книгопродавецъ Гартманъ былъ обвиненъ во ввозѣ одной запрещенной книги. Магистратъ, съ опасностью быть скомпрометированнымъ, освободилъ Гартмана отъ постыднаго штрафа или ссылки. Между тѣмъ на благо города и его жителей гражданскимъ губернаторомъ въ августѣ 1797 г. былъ назначенъ бывшій директоръ экономіи и вице-губернаторъ Христофоръ фонъ Рихтеръ, человѣкъ умный, гуманный и опытный въ дѣлахъ.

Вскорѣ послѣ своего возстановленія, магистратъ, частію по собственному побужденію, а частію по ходатайству гражданъ, предписалъ нижнимъ городскимъ судамъ и публиковалъ въ общее свѣдѣніе, чтобы прежнія распоряженія, касавшіяся благосостоянія купечества и кредита торговли, были возстановлены и сохранили впредь свою силу. Но злоупотребленія и самоуправство были такъ сильны, что эти мѣры были приведены въ исполненіе лишь послѣ многихъ непріятностей и споровъ. Вотъ случай, сильно подорвавшій значеніе магистрата въ глазахъ гражданъ и поколебавшій авторитетъ его въ дѣлахъ торговой полиціи.

Въ 1798 году былъ назначенъ гражданскимъ генералъ-губернаторомъ Нагель, проживавшій до того времени въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. По прибытіи въ Ригу, онъ вполнѣ довѣрился своему секретарю, человѣку корыстолюбивому, коварному, хотя и предпріимчивому. Когда очистились городскія вакансіи одного браковщика (вракера льна, пеньки и пр.) и одного вѣсовщика, то магистратъ изъ представленныхъ ему гражданствомъ на замѣщеніе этихъ вакансій кандидатовъ, избралъ браковщикомъ Беренда, а вѣсовщикомъ Шнейдера. Первенствующій бургомистръ Шварцъ, по принятому обычаю, словесно просилъ генералъ губернатора утвердить этихъ лицъ въ названныхъ должностяхъ. Генералъ-губернаторъ отвѣчалъ Шварцу, что хотя онъ избранныхъ людей и не знаетъ лично, но

убѣжденъ, что магистратъ выбралъ способнѣйшихъ, и потому онъ, генералъ-губернаторъ, не имѣетъ никакихъ причинъ не утвердить выбора. Первенствующій бургомистръ доложилъ это магистрату и затѣмъ избраннымъ лицамъ велѣно было явиться въ магистратъ для принесенія присяги. Но тутъ пришелъ одинъ изъ членовъ магистрата, только что бывшій у генералъ-губернатора, и заявилъ, что генералъ-губернаторъ въ утвержденіи находитъ какія то сомнѣнія. За отсутствіемъ первенствующаго бургомистра, магистратъ поручилъ бургомистру Зенгбушу явиться къ генералъ-губернатору и узнать, въ чемъ именно состоятъ эти сомнѣнія. Генералъ-губернаторъ изложилъ свои сомнѣнія, но въ концѣ заявилъ, что хотя, по его мнѣнію, представленіе къ утвержденію должно быть письменное, но въ виду того, что избранные уже позваны къ присягѣ, онъ, генералъ-губернаторъ, не противится приведенію этихъ людей къ присягѣ, если только эти люди именно тѣ самые, которыхъ называлъ бургомистръ Шварцъ. Такимъ образомъ, избранные и были приведены къ присягѣ. Но тутъ поступило отъ 26 іюля 1799 г. предписаніе генералъ-губернатора, запрещавшее опредѣлять этихъ лицъ къ ихъ должностямъ. Въ предписаніи было сказано, что представленіе объ утвержденіи ихъ не было сдѣлано письменное и не было представлено инструкціи объ этомъ, и хотя магистратъ заявилъ, что выборъ и утвержденіе послѣдовали по принятому обычаю и на основаніи словъ, сказанныхъ генералъ-губернаторомъ бургомистрамъ Шварцу и Зенгбушу, тѣмъ не менѣе дѣло это признается исполненнымъ неправильно и вслѣдствіе этого генералъ - губернаторъ не утверждая избранныхъ магистратомъ лицъ, во первыхъ потому, что о нихъ не было письменнаго представленія, а во вторыхъ и потому, что Беренсъ не способенъ къ должности, а Шнейдеръ человѣкъ съ состояніемъ и не нуждается въ должности, назначаетъ на должность браковщика пеньки Іогана Якова Цимермана, какъ человѣка, рекомендованнаго ему знатокомъ дѣла, а на должность вѣсовщика Матіаса Лазера. Магистрату предписывалось опредѣлить немедленно этихъ лицъ къ названнымъ должностямъ.

Магистратъ долженъ былъ привести въ исполненіе это предписаніе. Онъ хотѣлъ было принести жалобу въ правительствующій сенатъ за нарушеніе правъ выбора; прошеніе уже было приготовлено, но не было отправлено: дѣло такъ и не получило дальнѣйшаго хода.

Въ концѣ 1799 г., вслѣдствіе сенатскаго указа, торговымъ старшинамъ было предписано, дабы они наблюдали за тѣмъ, чтобы торговля была ведена законнымъ порядкомъ и въ особенности смотрѣли бы затѣмъ, чтобы неклейменые товары не были провозимы и продаваемы.

Въ тоже время по желанію гражданъ, была дана инструк-

ція лавочному эльтерману, къ которому торговые старшины были присоединены ассистентами.

Вслѣдствіе недовѣрія къ французскимъ, т. е. революціоннымъ началамъ въ 1799 г. послѣдовали многія строгія мѣры. Всякое прямое сообщеніе съ Франціею было совершенно пресѣчено. Были запрещены сношенія съ Гамбургомъ, правительство котораго подозрѣвалось въ привязанности къ анархическимъ началамъ. Цензура также усилила свои строгости. Въ апрѣлѣ 1799 г. состоялось высочайшее повелѣніе о запрещенныхъ книгахъ. Не безъ основаній боялись, что послѣдуетъ обыскъ частныхъ библіотекъ. По поводу запрещенныхъ книгъ, нѣкоторые граждане (Гарткнохъ, Портъ) были отозваны въ Петербургъ и тамъ преданы суду. Никто не могъ безъ высочайшаго дозволенія прибыть изъ заграницы въ имперію; дозволеніе заграницу давалось не иначе какъ по изъясненіи причинъ, требовавшихъ этого выѣзда. Ремесленники не составляли исключенія: трубочисты и палачи были приведены въ затруднительное положеніе. Излишняя боязливость генералъ губернатора Нагеля не мало послужила къ этимъ мѣрамъ.

Въ концѣ 1799 года кончилась эпидемическая балѣзнь, называемая Jnfluenza; она была занесена сюда изъ Испаніи и при дурномъ лѣченіи была не безопасна. Въ февралѣ 1800 г. умеръ бургомистръ Зенгбушъ, о которомъ говорилось уже выше.

Въ началѣ 1800 г. былъ снова назначенъ военный губернаторъ. То былъ Ребиндеръ. Онъ мало занимался дѣлами, игралъ въ карты и потому тратилъ много денегъ.

Don gratuit (добровольный подарокъ) на новый 1800 г. былъ поднесенъ и ему, какъ и Нагелю.

Составленный въ Петербургѣ проектъ объ отдачѣ на откупъ таможенныхъ сборовъ подалъ поводъ министру торговли, князю Гагарину, предложить рижскому купечеству изложить свои предположенія какъ по этому предмету, такъ и вообще объ улучшеніи торговли. Предложеніе это было сообщено магистрату гражданскимъ губернаторомъ 24 января 1800 г. Магистратъ составилъ коммисію изъ трехъ своихъ членовъ и изъ 16 купцовъ русскаго и нѣмецкаго происхожденій, по всѣмъ отраслямъ торговли. Коммисія работала съ большимъ усердіемъ и въ особенности старалась выказать всю несостоятельность мысли о сдачѣ на откупъ таможенныхъ сборовъ. Представивъ всѣ затрудненія и злоупотребленія по торговлѣ, коммисія изложила свои соображенія въ запискѣ, которую и отправили въ Петербургъ съ депутатами Штрезовымъ и Егеромъ. Депутація эта хотя и не успѣла оправдать всѣ возлагавшіяся на нее надежды, тѣмъ не менѣе она способствовала выгодамъ торговли и города; въ особенности

Егеръ, оставшійся въ Петербургѣ на болѣе продолжительное время, имѣлъ возможность исходатайствовать многія выгоды. Мысль объ отдачѣ на откупъ таможенныхъ сборовъ была оставлена; былъ разрѣшенъ свободный ввозъ иностранной соли (торгъ солью внутренняго добыванія былъ предоставленъ сенатомъ по контракту одному португальскому еврею); былъ дозволенъ отпускъ пшеницы и пошлина съ нея уменьшена; сенатскимъ указомъ отъ 20 сентября 1800 г. разрѣшался торгъ межоу здѣшними гражданами и иногородными по уставу о рижской коммерціи, какъ было прежде; распоряженіе бывшаго намѣстническаго правленія отъ 20 декабря 1792 г. отмѣнялось, но сенатскій указъ о доброкачественности продуктовъ, ввозимыхъ въ Ригу изъ внутреннихъ губерній, оставался въ силѣ. Коммисія ходатайствовала объ устраненіи въ Ригѣ нѣкоторыхъ неудобствъ въ торговлѣ, а равно о временномъ дозволеніи прямыхъ сношеній съ комерцъ-коллегіею въ Петербургѣ, но этого дозволенія не получила.

Сенатскій указъ, по которому городъ и купечество, до сего времени платившіе $^3/_4$ суммы на содержаніе пенечныхъ амбаровъ на Двинѣ, въ то время, какъ казна, владѣвшая въ сущности половиною амбаровъ и получавшая болѣе 8,000 руб. дохода съ нихъ, платила $1/_4$ суммы, должны были принять на себя содержаніе всѣхъ амбаровъ, по ходатайству депутаціи былъ отмѣненъ и этотъ предметъ остался на старомъ положеніи.

Въ ноябрѣ 1799 г. великая княгиня Александра Павловна, супруга венгерскаго палатина и эрцгерцога австрійскаго, осчастливила Ригу своимъ присутствіемъ.

Между тѣмъ квартирная касса, вслѣдствіе чрезвычайныхъ расходовъ по расквартированію войскъ была опустошена и впала въ долги; самая городская касса понесла большіе убытки: она должна была произвести большія постройки въ городскихъ имѣніяхъ, въ которыхъ были расположены войска, должна была выполнить новыя учрежденія по артиллерійской почтовой части и сверхъ того удѣлять изъ своихъ годовыхъ доходовъ въ квартирную кассу не менѣе 12,000 рейхсталеровъ.

Расходы городской кассы увеличились кромѣ того выдачами на работы по Бенкенгольмскому берегу, произведенныя генералъ-губернаторомъ Нагелемъ, по настоянію Кавьера. Эти послѣднія работы для Бенкенгольма были не безполезны, онѣ начаты были за десять лѣтъ предъ этимъ еще шестигласною городскою думою, но при затрудненіяхъ городской кассы онѣ были по меньшей мѣрѣ несвоевременными.

По случаю изданія высочайшаго указа отъ 1 декабря 1799 года возникло новое обремененіе города и началось дѣло, сведшее по-

чти въ могилу одного изъ членовъ магистрата, предсѣдательствовавшаго въ городовомъ податномъ управленіи. Этотъ указъ относится къ дополненію бывшей въ 1795 г. ревизіи; по этому указу, подлежали исключенію изъ списковъ записанные тогда по два раза и вписыванію пропущенные прежде (указъ именно и намекалъ на злоупотребленія, случавшіяся во внутреннихъ губерніяхъ Россіи по послѣднему пункту); по здѣшнимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, это дополненіе было исполнить гораздо труднѣе, нежели самую ревизію. По этому указу слѣдовало записать въ городскіе податные списки не только пропущенныхъ по ошибкѣ, но и всѣхъ невнесенныхъ при ревизіи поляковъ, литовцевъ и курляндцевъ, которые въ то время не было русскими подданными, кромѣ того, всѣхъ послѣ ревизіи поселившихся иностранцевъ, и по просьбѣ дворянства, проживавшихъ по помѣстьямъ вольныхъ людей, а изъ послѣднихъ даже и тѣхъ, которые въ помѣстьѣ были записаны въ поголовную податную книгу. Это была многосторонняя задача, для выполненія которой опрометчиво назначили только одного члена изъ мргистрата, который увидѣлъ себя среди заботъ о соблюденіи интересовъ: правительства, города и страждущаго человѣчества. Это дѣло требовало большой тщательности въ особенности при повѣркѣ происхожденія и свободнаго состоннія лица. Ревизія городскихъ и форштадскихъ частей была предоставлена полицейскимъ чиновникамъ, присутственныя мѣста и патримоніальныя имѣнія представили свои особенные списки. Явилась необходимость вытребовать такіе списки отъ всѣхъ домовладѣльцевъ, потому что, не смотря на всѣ инструкціи, полицейскіе чиновники производили страшную путаницу; лѣтніе мѣсяцы были назначены для пріема въ запись поселянъ. Первыми явились къ записи люди старые, изъ которыхъ помѣщики не могли извлечь для себя никакой пользы. Число ихъ было такъ велико, что, казалось, Рига сдѣлалась главнымъ госпиталемъ всей страны. Магистратъ освободилъ городъ отъ пріема этихъ лицъ на основаніи ревизіонной инструкціи, представленной имъ въ губернское правленіе въ 1747 году, и ограничилъ пріемъ другихъ поселянъ рѣшительнымъ постановленіемъ, что таковые должны представить письменное ручательство, котораго правительство, впрочемъ, не выдавало. Между тѣмъ въ эти лѣтніе мѣсяцы при записной коммисіи въ ратушѣ съ восьми часовъ утра до восьма вечера, ежедневно, происходили записи поселянъ; къ записи явилось болѣе 2,000 крестьянъ, ихъ отсылали по нѣсколько разъ и записали около 400. Появились строгія предписанія окончить эти дѣла возможно скорѣе и принимать правильно.

Ни одна душа не должна быть пропущенною, подъ угрозою поставки рекрута за всякій пропускъ. Дѣлопроизводитель этой коммисіи, больной душою и тѣломъ, утомленный разслѣдованіями и запи-

сями, производившимися въ комнатѣ величиною въ три квадратныя сажени, встрѣтилъ ужасную путаницу, чуть лишь пришлось ему новые списки свѣрять съ ревизскими сказками. Во время прежняго городскаго управленія многіе поляки, литовцы и курляндцы, которыхъ теперь нужно быто выключить изъ списковъ. были уже записаны, и этихъ то, снабженнымъ марками, людей слѣдовало разыскать; полицейскіе чиновники представили къ записи множество подозрительныхъ лицъ въ своихъ спискахъ, а многихъ по два раза пропустили Все это слѣдовало въ точности опредѣлить. Редакторъ попробовалъ это сдѣлать, опрашивая людей по 20 и 30 на полицейскихъ съѣзжахъ, но мало успѣвалъ въ томъ, и не вслѣдствіе своего нехотѣнія, а просто вслѣдствіе упадка силъ. Къ концу сентября должны были быть приготовлены новые списки. Осталось множество народа не записаннаго подъ сомнѣніемъ, родились ли они свободными. Касательно этвхъ лицъ отъ губернатора и казенной палаты послѣдовала успокоительная резолюція (въ декабрѣ 1800), что всѣ они должны быть приписаны in quantum juris, потому что интересы государства не дозволяютъ, чтобы кто нибудь оставался незаписаннымъ. Результатъ вышелъ тотъ, что болѣе 6600 душъ были ваовь приписаны къ различнымъ податнымъ классамъ. Прежде было податныхъ душъ 8107, а съ 1800 геда нриписано было 14,752.—Но полное регулированіе продолжалось до слѣдующаго года, такъ какъ изъ вковь принятыхъ, нѣкоторые были по два раза пропущены. Этого нельзя было избѣжать по неловкости полицейскихъ служителей, также точно какъ нельзя было воспрепятствовать побѣгамъ, даже дезертирству, повергшимъ магистраты нарвскій и вольмарскій въ большое затрудненіе. Закончимъ этотъ непріятный эпизодъ замѣчаніемъ, что учрежденіе поголовнаго налога ни одному городу въ имперіи не было такъ тягостно, какъ Ригѣ; налогъ неудобенъ и обременителенъ потому, что здѣсь бываетъ громадный оборотъ прибывающаго и убывающаго народа всѣхъ націй. Здѣсь происходитъ постоянное переселеніе народовъ не только изъ города въ близъ лежащія мѣста, напримѣръ Больдераа, но и въ другія губерніи и даже за-море.

Высочайшимъ приказомъ отъ 26 сентября 1800 г. Нагель былъ уволенъ отъ своей должности, а на его мѣсто генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ графъ Паленъ, который, во все время своего генералъ-губернаторства, въ Ригу не пріѣзжалъ, а пребывалъ въ Петербургѣ.

. . . .

Новый государь явилъ себя достойнѣйшимъ человѣкомъ. Мы укрѣпились довѣріемъ къ провидѣнію, къ человѣческому величію, укрѣпились надеждою на государя, упованіемъ на лучшія времена. Теперь обратимся къ неслыханной въ исторіи Риги катастрофѣ. Эту катастрофу составляли попытки гражданъ ниспровергнуть старые по-

рядки, которые наши предки сохраняли съ пожертвованіемъ не только всѣхъ своихъ силъ, но даже и жизни. Духъ древнихъ учрежденій, направленный въ тѣ времена къ общему благу, гражданской чести, къ вѣрному исполненію гражданскихъ обязанностей, сильно упалъ въ теченіе десятилѣтняго существованія общаго городоваго положенія. Заблужденіе времени, мнимый демократизмъ бывшаго городскаго положенія возбудили притязанія, которымъ, вѣроятно, не мало содѣйствовалъ разсказанный уже выборъ членовъ магистрата общиною. Не столько поведеніе магистрата, сколько его настоящее значеніе, являвшееся сильнымъ контрастомъ съ упраздненными городскими управленіями, возбудило зависть и неудовольствіе гражданъ, потому что магистратъ, какъ начальство города, долженъ былъ надзирать за всѣмъ. Хотя магистратъ и отказался отъ разныхъ почетныхъ преимуществъ, носившихъ на себѣ характеръ низкопоклонничества древнихъ нравовъ, какъ напримѣръ эльтерманы и старшины уже садились въ присутствіи членовъ магистрата на общественныхъ собраніяхъ, при погребеніи старшинъ уже также звонили въ колокола, какъ и при погребеніи членовъ магистрата, дворянъ и ученыхъ, и вообще уже старались отличіемъ пользующихся уваженіемъ гражданъ оказывать отличіе самой общинѣ, но все это не могло удовлетворить прихоти интригановъ, составлявшихъ въ началѣ весьма немногочисленную партію, которая во всѣхъ распоряженіяхъ правительства Павла I, строго приводившихся въ исполненіе, усматривала лишь произволъ магистрата. Къ этой партіи пристали всѣ жаждущіе чиновъ и почестей и тѣ, которые считали себя обиженными, когда, за упраздненіемъ общаго городоваго положенія, они остались безъ мѣстъ; многіе пристали изъ личныхъ интересовъ, какъ напримѣръ купцы и лавочники, потерпѣвшіе ограниченіе въ своихъ промыслахъ на форштатахъ и за Двиною. Такъ образовалась партія, поставившая себѣ цѣлью обезсилить магистратъ и ниспровергнуть старыя учрежденія; она искала лишь повода, чтобы приступить къ дѣйствіямъ и поводъ скоро представился, ибо городъ находился въ сильно затруднительномъ положеніи, происшедшемъ вслѣдствіе усиленнаго въ 12,000 человѣкъ военнаго постоя, существовавшаго съ 1797 по 1800 г. Уже въ 1798 году обнаружилась въ городскихъ суммахъ несоразмѣрность прихода съ расходомъ. Магистратъ пригласилъ гражданъ къ дополнительнымъ взносамъ, такъ какъ ассигнованныя суммы оказывались недостаточными. Къ сожалѣнію, магистратъ не настаивалъ строго на дополнительныхъ взносахъ, въ надеждѣ на уменьшеніе постоя; но эти надежды, питаемыя обѣщаніями и собственными желаніями, оставались до 1800 г. тщетными. Несоразмѣрность между приходомъ и расходомъ квартирной кассы повела къ увеличенію долговъ ея, простиравшихся уже въ то время до 36,000 рейхсталеровъ. Магистратъ потребовалъ принять рѣшительныя мѣры къ покрытію дефицитовъ.

Составленный гражданствомъ комитетъ предложилъ обложить налогомъ по 1 проценту стоимости на ввозный товаръ и по два процента на отпускной товаръ; это предложеніе было представлено магистрату на утвержденіе. Магистратъ съ своей стороны не согласился на это утвержденіе, потому что подобный налогъ коснулся бы не только мѣстныхъ гражданъ, но и иногородныхъ и иностранныхъ купцовъ. Комитетъ настаивалъ на своемъ предложеніи, магистратъ же опровергалъ его и несмотря на то, что ему грозили, въ случаѣ неуступчивости, общерусскимъ городовымъ положеніемъ, предложилъ другія мѣры къ сбору квартирныхъ денегъ, именно посредствомъ таксаціи. Въ собраніи большой гильдіи, депутаты малой гильдіи изъявили согласіе па предложеніе магистрата, хотя, быть можетъ, и не въ столь опредѣленныхъ выраженіяхъ, какъ бы то слѣдовало. Эльтерманъ большой гильдіи Грошопфъ принялъ заявленіе малой гильдіи за безусловное согласіе на магистратское предложеніе; дѣло такимъ образомъ можно было считать рѣшеннымъ, потому что вслучаѣ согласія двухъ сословій по данному вопросу (въ этомъ случаѣ магистрата и малой гильдіи), третье сословіе должно подчиниться рѣшенію двухъ. Но тутъ послѣдовалъ протестъ со стороны большой гильдіи, причемъ нѣкоторые члены ея вели себя очень неприлично. Эльтерманъ подробно доложилъ магистрату объ этомъ, и послѣдній потребовалъ списка нарушителей порядка. Эльтерманъ просилъ уволить его отъ доставленія списка и хотѣлъ добромъ уладить все дѣло; эта уступчивость была причиною всѣхъ послѣдующихъ безпокойствъ.

Гражданство негодовало на магистратъ за то, что тотъ, вынуждаемый стѣсненнымъ положеніемъ квартирной кассы и побуждаемый губернскимъ правленіемъ принять мѣры къ отвращенію зла, представилъ правленію весь ходъ дѣла и просилъ утвержденія одобреннаго малою гильдіею способа таксаціи. Правленіе утвердило предложеніе магистрата и приказало привести таксацію въ исполненіе. Новыя возраженія большой гильдіи противъ таксаціи и увѣренія ея, что они изыщутъ другія средства къ выходу квартирной кассѣ изъ затруднительнаго положенія, побудили магистратъ обождать съ таксаціею. Но вмѣсто изысканія обѣщанныхъ средствъ и послушанія предписаніямъ магистрата, новый, избранный для улаженія этого дѣла, комитетъ гражданъ началъ сваливать вину въ задержкѣ всего дѣла на городское управленіе, и, ссылаясь на послѣдовавшій 2 апрѣля 1801 г. высочайшій манифестъ, въ которомъ сказано, что государственныя учрежденія должны сохраняться въ своей прежней силѣ, предложилъ ввести въ Ригѣ обще-русское городовое положеніе. Это предложеніе не было принято; тогда комитетъ предъявилъ гражданамъ новыя предложенія, изъ которыхъ нѣкоторыя оказались неосуществимыми, другія неумѣстными. Но какъ гражданство настаивало на принятіи магистратомъ этихъ предложеній во всемъ ихъ объемѣ, безъ малѣйшихъ

исключеній, на что магистратъ согласиться не могъ, потому и соглашеніе между магистратомъ [и гражданствомъ относительно устраненія ненавистной таксаціи не состоялось.

Въ началѣ 1801 г. учреждена была ликвидаціонная контора. Вслѣдствіе обнародованнаго правительствующимъ сенатомъ высочайшаго повелѣнія объ отправленіи въ Москву ко дню коронаціи Государя Императара изъ каждой губерніи по два депутата изъ каждаго сословія, отправлены были магистратомъ въ Москву депутатами со стороны магистрата бургомистръ Барклай де Толли и ратсгеръ Шварцъ, со стороны большой гильдіи Стопельбергъ и Иванъ Петровичъ Юсовъ, со стороны малой гильдіи эльтерманъ Дорндорфъ и малярныхъ дѣлъ мастеръ Шульцъ. Выборы эти не обошлись безъ сопротивленія оппозиціонной партіи, которая избрала старшину Раве и купца Репенака и утверждала, что эти лица должны быть именно депутатами, но избранные сами отказались отъ депуттства. Депутаціи поручено было испросить утвержденіе городскихъ правъ и преимуществъ и право на владѣніе имѣніями Икскулемъ и Кирхгольмомъ. Утвержденіе правъ на владѣніе этими имѣніями послѣдовало безъ ограниченія, а вообще же утвержденіе правъ и преимущество города послѣдовало 15 октября 1801 г. съ условіемъ: насколько таковыя согласны съ общими законами государства.

Депутація стоила городу 1,000 рейхсталеровъ и 6,000 рублей.

Въ іюлѣ 1801 г. генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ добросердечный генералъ князь Голицынъ. Онъ съ самаго начала своего управленія краемъ явился предъубѣжденнымъ противъ магистрата и сказалъ однажды вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Ригу гражданамъ, что ему извѣстно, какъ притѣсняетъ ихъ мигистратъ. Это поощрило гражданъ, неудовольствіе которыхъ увеличилось еще и тѣмъ, что магистратъ, желая доставить нѣкоторое удовлетвореніе сильно оскорбленному въ его должности эльтерману старику Грошопфу, принялъ его въ свои члены. Намѣреніе подобнымъ дѣйствіемъ прекратить свою неблаговидную распрю съ гражданами не привело къ ожидаемому результату: граждане не хотѣли простить Грошопфу того, что онъ донесъ на нихъ какъ на непослушныхъ и бунтовщиковъ.

По выборѣ эльтермана въ мартѣ 1802 года возникло снова такое смятеніе, что гражданскій губернаторъ Рихтеръ самъ долженъ былъ отправиться въ большую гильдію. Вопреки существовавшему обычаю и ясному постановленію, изложенному въ королевской шведской резолюціи 1681 года, граждане требовали, чтобы эльтерманъ былъ избранъ не изъ скамьи старшинъ (членовъ старшинской думы), но изъ членовъ всей общины. Слѣдствіемъ этого было то, что высочай-

шимъ указомъ отъ 21 марта 1802 г. гражданству было предписано быть въ тишинѣ и спокойствіи, повелѣвалось учредить комитетъ для регулированія квартирной повинности и нарядить судебное слѣдствіе для наказанія нарушителей спокойствія; но въ бытность государя въ Ригѣ эти нарушители были помилованы.

Императоръ Александръ Павловичъ обрадовалъ городъ своимъ присутствіемъ 24, 25 и 26 мая 1802 года. Авторъ этихъ записокъ имѣлъ счастіе излагать государю механизмъ водопроводовъ; пребываніе государя въ Ригѣ послужило въ пользу находившимся по поводу безпорядковъ въ большой гильдіи подъ слѣдствіемъ гражданамъ: по ходатайству князя Голицына или лучше сказать Сергѣева всѣ они были освобождены отъ слѣдствія и дѣло объ нихъ было прекращено.

Но все это нимало не успокоило партію недовольныхъ, вліянію которыхъ слѣдуетъ приписать то, что около Михайлова дня 1802 года выборъ докмана происходилъ совершенно незаконнымъ образомъ безъ участія магистрата. По соблюдавшемуся обычаю и по смыслу гильдейскаго шрага имена трехъ кандидатовъ должны были быть представленными магистрату при его приглашеніи къ засѣданію и до его прихода въ полномъ составѣ въ залъ собранія. Правило это умышленно было не соблюдено, и вслѣдствіе этого магистратъ не явился къ собранію. Партія недовольныхъ начала искать подходящаго человѣка, достаточно отважнаго, который бы могъ въ подлежащемъ мѣстѣ опровергнуть докладъ губернатора о происшедшемъ безпорядкѣ въ гильдіи и очернить поведеніе магистрата.

Такого человѣка эта партія нашла въ лицѣ бывшаго вахмистра и впослѣдствіи адвоката и коновода задвинскихъ жителей Клемана, который хотя и былъ въ то время записанъ въ гильдію и выхлопоталъ себѣ, не смотря на сопротивленіе магистрата и общины, право на пивовареніе, но не занимался такимъ промысломъ, не пользовался никакимъ кредитомъ и поклялся мстить магистрату за то, что тотъ не далъ ему мѣста городского шталмейстера. Онъ подалъ отъ имени общины на высочайшее имя слѣдующаго содержанія прошеніе, которое сенатъ препроводилъ на заключеніе генералъ-губернатору.

2) Чтобы общее городское положеніе 1785 года было снова введено въ Ригѣ.

2) Чтобы исключительно гражданству было предоставлено управленіе городскимъ хозяйствомъ, квартирною кассою, церквами, школами и больницами.

3) Чтобы городу возвращены были проданныя и ему необходимыя строенія.

4) Чтобы нынѣшніе управляющіе городскимъ хозяйствомъ, квартирною и другими кассами дали отчетъ во своемъ управленіи будущей думѣ и вознаградили городъ за причиненные убытки.

5) Чтобы для разсмотрѣнія состоянія города была напряжена особая коммисія, половина членовъ которой должно состоять изъ рижскихъ гражданъ.

Къ оному прошенію была приложена обширная записка, озаглавленная: «Состояніе Риги и ея гражданское управленіе». Въ запискѣ этой Клеманъ старался доказать потредствомъ лжи и противорѣчій, что магистратъ совмѣстно съ скамьею старшинъ, тѣсно связанною съ нимъ родствомъ, деспотизируетъ все рижское населеніе, состоящее изъ 30,000 человѣкъ; что всѣ затрудненія и всѣ безпокойства происходятъ отъ стариннаго управленія, что нынѣшнее городское хозяйство, сравнительно съ хозяйствомъ и управленіемъ бывшей городской думы, пришло въ упадокъ и пр. и пр.

Едва только поступило въ магистратъ для объясненія это весьма неблаговидное дѣло (прошеніе Клемана), какъ движеніе, послѣдовавшее въ гильдіи 15 декабря 1802 г. въ пользу общаго городоваго положенія, показало, что тамъ имѣли намѣреніе потрясти все не только тайными подкопами, но и открытымъ приступомъ. Это собраніе, долженствовавшее состоять изъ гражданъ—купцовъ, было назначено въ тотъ день единственно для избранія членовъ въ учреждаемое по высочайшему повелѣнію попечительство (Armendirectorium). Къ собранію явилось 200 человѣкъ, между ними многіе были не купцы, значитъ они не имѣли права тутъ быть; съ правомъ голоса въ собраніи были только 20 купцовъ нѣмецкаго и 23 русскаго происхожденій, за тѣмъ явилось много мелкихъ торговцевъ, лавочниковъ, ленныхъ гражданъ, явились даже банкроты; большая часть изъ этихъ торговцовъ, лавочниковъ и пр. принадлежали къ вышеупомянутой партіи. Эльтерманъ, сочувствовавшій этой партіи. былъ причиною того, что гражданамъ предложено было на разсмотрѣніе дѣло вовсе не подлежавшее разсмотрѣнію въ тотъ день, именно о жалобѣ магистрата правительству объ ошибкѣ, сдѣланной скамьею старшинъ при избраніи докмана (скамья старшинъ имѣетъ засѣданіе въ особой комнатѣ). Пренія продолжались отъ 9 часовъ утра до 8 часовъ вечера. Многіе удалились съ полнымъ неудовольствіемъ. Оставшіеся въ собраніи балотировали свои предложенія и большинствомъ 150 голосовъ противъ 2 рѣшили просить введенія въ Ригѣ общаго городскаго положенія, затѣмъ выбрали 4 депутатовъ, между прочимъ Клемана, который многократно старался убѣдить скамью старшинъ къ принятію этого рѣшенія, вопреки гильдейскимъ постановленіямъ. По гильдейскимъ постановленіямъ, граждане могутъ вносить предложенія для обсужденія, но безъ согласія скамьи старшинъ рѣшеніе не имѣетъ полной силы. Скамья старшинъ твер-

до отказала во всемъ; эльтерманъ, который предложилъ собранію гражданъ введеніе городоваго устройства 1785 года съ тою цѣлью, чтобы, для сближенія съ гражданами, просить его императорское величество ограничить власть магистрата завѣдываніемъ судебными делами и совершенно устранить его отъ управленія общественными деньгами,—эльтерманъ напрасно старался получить на это согласіе отъ скамьи старшинъ. Исполненный негодованія эльтерманъ, наконецъ, составилъ протоколъ собранія (который потомъ былъ поданъ 4 депутатами генералъ-губернатору) отъ своего имени. Всѣ важнѣйшіе купцы вознегодовали; они частію не были приглашены къ означенному собранію, частію же не пришли, чтобы не имѣть столкновенія съ черныо, или же не могли прійти по своимъ дѣламъ, частію съ досады ушли изъ собранія до вышеупомянутаго рѣшенія. Эти то лица и, вѣроятно, большая часть купечества, которые до сихъ поръ считали движеніе помянутой партіи за презрѣнную игрушку, теперь составили торжественный протестъ противъ замысловъ партіи и вышеназваннаго рѣшенія, заявили о томъ письменно и объявили желаніе сохранить безъ перемѣны прежнее управленіе, возстановленное въ 1796 г. Въ нѣсколько дней, значитъ второпяхъ, этотъ протестъ подписали 70 человѣкъ и подали его чрезъ своихъ депутатовъ генералъ-губернатору, между тѣмъ и магистратъ въ то самое время (отъ имени своего и имени купечества) подалъ докладъ генералъ-губернатору и гражданскому губернатору объ этомъ дѣлѣ съ просьбою о сохраненіи прежняго порядка вещей согласно правамъ города и высочайше утвержденнымъ правамъ магистрата; въ докладѣ упоминалось также и о протестѣ важнѣйшихъ купцовъ и о согласіи скамьи старшинъ и согласіи малой гильдіи на сохраненіе прежняго управленія. Но противная партія успѣла подать генералъ-губернатору свою просьбу прежде протеста, а это и побудило генералъ-губернатора объявить депутатамъ отъ купечества, старшинамъ: Гакману, Клейну, Шредеру и Портену, что они явились со своимъ протестомъ слишкомъ поздно. Тѣмъ не менѣе, генералъ-губернаторъ принялъ протестъ. Шестнадцатаго января 1803 года гражданскій губернаторъ Рихтеръ объявилъ рѣшеніе, что его императорское величество, просмотрѣвъ представленіе генералъ-губернатора и просьбу здѣшнихъ гражданъ о введеніи въ Ригѣ вновь общаго городоваго положенія, изволилъ повелѣть воздержаться гражданамъ отъ всякихъ препирательствъ до дальнѣйшаго разсмотрѣнія всего дѣла. Посылалъ-ли генералъ-губернатора въ Петербургъ докладъ отъ магистрата о сохраненіи прежняго порядка вещей и протестъ купечества, въ этомъ можно сомнѣваться какъ по послѣдовавшему рѣшенію, такъ и по нѣкоторымъ событіямъ, случившимся въ послѣдствіи. Но эти послѣднія бумаги все-таки произвели свое дѣйствіе чрезъ другія вѣрныя руки. Впослѣдствіи мы скажемъ подробнѣе о комитетѣ для приведенія въ порядокъ дѣлъ о квартирной повинности,

учрежденномъ по высочайшему повелѣнію отъ 21 марта 1802 г., равно какъ и о комитетѣ, учрежденномъ по высочайшему повелѣнію отъ 21 марта 1803 г. (вызванномъ послѣдними безпокойствами), для исправленія городскаго управленія, теперь же упомянемъ лишь вкратцѣ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ князя Голицына.

Цимерманъ, опредѣленный бывшимъ генералъ-губернаторомъ Нагелемъ на должность пенечнаго браковщика, въ августѣ 1801 г., за умышленное несоблюденіе своей инструкціи, доказанное двумя свидѣтелями, по приговору ветгерихта былъ отставленъ отъ своей должности и этотъ приговоръ былъ утвержденъ магистратомъ. Цимерманъ обратился съ жалобою въ юстицъ-коллегію, каковая жалоба и была прислана коллегіею генералъ-губернатору на его заключеніе. Князь Голицынъ нашелъ, какъ то изложено въ предписаніи его магистрату отъ 28 ноября 1802 г., что Цимерманъ наказанъ слишкомъ строго за неумышленно сдѣланную ошибку и потому Цимерману слѣдуетъ вмѣнить въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ и долговременное удаленіе отъ должности и затѣмъ опредѣлить попрежнему помощникомъ браковщика. Купечество, ведущее заграничный торгъ пенькою, этимъ рѣшеніемъ было очень недовольно, потому что въ строгой браковкѣ этого товара видѣло средство къ поддержанію своеге кредита. Оно сдѣлало отъ себя представленіе князю, который 8-го января 1803 г. писалъ въ магистратъ, что хотя изъ произведеннаго дѣла и не видно, чтобы Цимерманъ умышленно совершилъ то преступленіе, за которое былъ преданъ суду и приговоренъ къ наказанію, и генералъ-губернаторъ полагалъ достаточнымъ наказаніемъ для него временное удаленіе отъ должности, но, получивъ прошеніе отъ здѣшняго почетнаго купечества и разсмотрѣвъ приводимыя имъ основанія, онъ, генералъ-губернаторъ, предлагаетъ магистрату оставить первый приговоръ во всей его силѣ.

Князь самъ, а чаще его канцелярія, вмѣшивались въ дѣла магистрата и не скупились на гнѣвныя слова. Такъ по дѣлу гамбургскаго еврея Вольфа, на котораго ветгерихтъ заявилъ претензію за противозаконную торговлю, послѣдовало рѣшеніе въ рѣзкихъ словахъ.

По дѣлу извѣстнаго Морозова, желавшаго поступить въ рижское купечество, но не могшаго доказать ни своего свободнаго происхожденія, ни свидѣтельства въ обыкновенномъ изученіи торговли, послѣдовали многочисленныя предписанія принять его или отвѣтить, почему именно пріемъ состояться не можетъ. Дѣло это восходило на высочайшее возрѣніе и государь императоръ въ предписаніи генералъ-губернатору повелѣлъ (повелѣніе было раепубликовано въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». 1803 г., ном. 21): Морозовъ, по высочайше утвержденному учрежденію рижскаго магистрата, обязанъ хода-

тайствовать разрѣшенія магистрата на принятіе его въ тамошнее купечество. Резолюція эта была согласна съ указомъ правительствующаго сената отъ 21-го августа 1797 г., послѣдовавшимъ въ то время, когда лифляндское губернское правленіе предписало было принять въ рижское купечество экономическаго крестьянина Борисоглѣбскаго уѣзда Ѳедора Галактіонова съ сыновьями Николаемъ и Евграфомъ. Въ этомъ указѣ сказано, что лифляндскому губернскому правленію не подлежитъ давать магистрату предписанія, ограничивающія его права.

Въ 1801 году, умеръ въ Москвѣ рижскій уроженецъ коллежскій совѣтникъ Яковъ Андреевичъ Шрейберъ; онъ завѣщалъ 17-го іюля 1801 г. проценты съ капитала въ 80,000 рублей обращать въ пользу рижскихъ богоугодныхъ заведеній по усмотрѣнію магистрата.

Проживавшіе въ Ригѣ евреи (такъ называемые покровительствуемые и шлокскіе евреи), въ видахъ открыть себѣ доступъ въ рижское гражданство, подали на высочайшее имя прошеніе о зачисленіи ихъ въ Ригу въ поголовную подать. Въ прошеніи этомъ имъ отказано, какъ значится въ отзывѣ Палена 16-го января 1801 г.

Въ послѣднихъ годахъ XVIII столѣтія снова возникъ проектъ о соединеніи Аа съ Бѣлымъ озеромъ, но оставленъ безъ послѣдствій за недостаткомъ денежныхъ средствъ.

1802 годъ ознаменованъ двумя интересными событіями. По высочайшему повелѣнію отъ 14-го ноября въ Ригѣ было учреждено попечительство о бѣдныхъ (Armendirectorium) изъ семи постоянныхъ членовъ: 1 бургомистръ, 1 ратсгеръ, 2 лютеранскихъ пастора, 1 православный священникъ, 2 врача и выборныхъ (на 6 и на 3 года): 1 старшина и одинъ гражданинъ большой гильдіи, 2 купца русскаго происхожденія, 1 старшина и 2 гражданина малой гильдіи. Попечительство начало свои дѣйствія съ 1803 г.

6 мая учитель школы св. Якова, Флоръ, съ разрѣшенія магистрата праздновалъ 50-ти лѣтній юбилей своего учительства и своего брака.

Съ подчиненіемъ Риги русскому скипетру, вышло въ обычай къ новому году подносить генералъ-губернатору и другимъ чиновникамъ губернскаго начальства подарокъ, называемый don gratuit. Самъ благородногордый князь Репнинъ принималъ подарокъ (подарокъ долженъ былъ публично подносить ему городской голова въ сопровожденіи депутатовъ отъ магистрата). Эльтерманъ Раве пытался измѣнить этотъ обычай. Когда магистратъ въ концѣ года предписалъ касса-коллегіи заготовить обыкновенный don gratuit, то Раве, въ виду высочайшаго повелѣнія отъ 11-го октября 1801 г., запре-

щавшаго подарки, подносимые подъ видомъ хлѣба-соли, предложилъ и въ Ригѣ отмѣнить don gratuit. Возникла по этому поводу переписка, кончившаяся предписаніемъ отъ 13 іюня 1803 года министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, къ князю Голицыну, въ коемъ сказано, что don gratuit требуемъ отъ гражданъ быть не можетъ, но если подарокъ будетъ подносимъ добровольно, то, по бывшимъ примѣрамъ, онъ можетъ быть принимаемъ. Вслѣдствіе этого ни въ 1802, ни въ слѣдующемъ году don gratuit подносимъ не былъ.

По представленію князя Голицына, городъ долженъ былъ снабдить замокъ мебелью.

Ко многимъ бѣдствіямъ, постигшимъ магистратъ, должно причислить и потерю бургомистра Шварца. Этотъ честный человѣкъ умеръ 20 іюля 1800 года.

ГЛАВА III

(Съ 1802 по 1806 годъ).

Содержаніе: Пресѣченіе безпокойствъ между гражданами высочайше предписаннымъ учрежденіемъ комитета для улучшенія города.—Ходъ и результатъ занятій его, депутація въ Петербургъ.—Высочайшая резолюція отъ 8-го іюня 1805 г.—Учрежденіе комитета для регулированія квартирнаго постоя,] податей и повинностей города.—Смерть Эбеля, Дирсена Вильгельма Крегера, Павла Крегера, Фишера, Шварца.—Капиталъ Штрауха для вспомоществованія бѣднымъ дѣвицамъ.—Городскія училища подчинены вѣдомству дерптскаго университета.—Сборъ денегъ на дрова.—Хлѣбный магазинъ.—Литературно-практическій союзъ гражданъ.—Число жителей въ 1803 году.—Форштатское страховое отъ огня общество.—Увеличеніе личнаго состава магистрата.—Буксгевденъ.—Смерть Экардта.—Ревизія и состояніе городской кассы въ 1804 г.—Перемѣны въ магистратской коллегіи съ 1800 г. Сберэгательная касса для вспомоществованія нуждающимся членамъ магистрата.—Павелъ Крегеръ.

Разсказонныя выше безпокойства побудили государя императора—такъ писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей генералъ-губернатору отъ 9 февраля 1803 г.—убѣдиться: дѣйствительно ли большинство рижскаго гражданства признаетъ выгоднымъ для себя введеніе въ Ригѣ общаго городоваго положенія? Вслѣдствіе этого ландрату Сиверсу было поручено созвать гражданъ и предложить имъ этотъ вопросъ.

28 февраля происходило общее собраніе гражданъ. Магистратъ, какъ первое сословіе, передалъ ландрату Сиверсу свое мнѣніе на бумагѣ. Голоса малой гильдіи рѣшительно склонились къ отрицательному отвѣту и хотя большинство большой гильдіи стояло за обще-русское городовое положеніе, но этого на дѣлѣ не оказалось, ибо голоса собирались не глухою баллотировкою, а посредствомъ подписей (по предложенію одной части гражданъ). Магистратъ затѣмъ вошелъ съ

докладомъ въ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 22 февраля, въ которомъ испрашивалъ сохраненія стараго управленія и дозволенія учредить комитетъ изъ трехъ городскихъ сословій для обсужденія и устраненія нѣкоторыхъ несовершенствъ управленія.

Вслѣдствіе этого ходатайства магистрата, послѣдовало 22 марта. 1803 г. высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ Ригѣ изъ 3 сословій учредительнаго комитета, которому вмѣнялось въ обязанность пересмотрѣть во всей подробности существующее городское устройство и указать, что именно въ этомъ устройствѣ несогласно съ нуждами города или по измѣнившимся обстоятельствамъ затруднительно для исполненія, а также указать, какія именно измѣненія и улучшенія необходимы въ этомъ устройствѣ. Въ составъ учредительнаго комитета вошли:: два члена магистрата, бургомистръ Янау и ратсгеръ Штрезовъ, два члена большой гильдіи, надворный совѣтникъ Биреманъ и городской эльтерманъ Раве и два члена малой гильдіи: Мауреръ и Штраусъ. Предсѣдателемъ комитета былъ избранъ Бинеманъ, а секретаремъ назначенъ секретарь магистрата Шварцъ.

Дѣла въ комитетѣ въ началѣ подвигались очень медленно впередъ, ибо Раве, въ противность смыслу высочайшаго указа, въ основаніе учрежденій принималъ не старое управленіе, а общее городовое положеніе и старался всѣми возможными путими уничтожить права магистрата, пользуясь для этого голосомъ хитраго перчаточника Лангера, избраннаго въ члены комитета на мѣсто Маурера, умершаго въ іюнѣ 1803 года.

Раве ни въ чемъ не успѣлъ и просилъ объ увольненіи его изъ коммитета, каковое и послѣдовало 4 марта 1804 г.; на его же мѣсто въ комитетъ поступилъ избранный въ послѣдствіи эльтерманомъ Виггертъ.

По выбытіи Раве изъ комитета, дѣла въ немъ пошли цѣлесообразнѣе и въ февралѣ 1805 г. всѣ работы комитета были окончены.

Главнѣйшіе результаты этихъ работъ были слѣдующіе:

1) Въ отношеніи магистрата и управленія: а) выборъ ученыхъ членовъ мнгистрата не только можетъ происходить изъ секретарей его, но и изъ другихъ лицъ, изучавшихъ юридическія науки; б) личный составъ магистрата увеличивается двумя членами и первенствующій бургомистръ избирается не четырьмя младшими ратсгероми, а цѣлымъ магистратомъ; в) апеляціи въ гражданскихъ дѣлахъ поступаютъ не въ юстицъ-коллегію, а въ правитезьствующій сенатъ; г) уничтоженіе attestati concessae appel. губернскаг оправленія; д) ингросаціи, т. е. внесеніе въ книгу крѣпостныхъ актовъ, происходятъ не только въ засѣданіяхъ при открытыхъ дверяхъ, но и во всякое

другое время; на будущее время положено ингросаціи производить еженедѣльно и завести земельную книгу.

2) Въ выборахъ городскаго проповѣдника, кромѣ магистрата, участвуютъ оба прочія сословія. Каждое сословіе представляетъ по 7 кандидатовъ, и выборъ происходитъ изъ 21 кандидата подъ управленіемъ магистрата.

3) Образованіе особеннаго, самостоятельнаго экономическаго управленія подъ ревизіею сословій и съ правомъ магистрату отмѣнять рѣшенія его.

4) Учрежденіе особеннаго квартирнаго управленія.

5) Уничтоженіе древнихъ шраговъ гражданства большой и малой гильдіи, касавшихся собраній и совѣщаній гражданства.

6) Измѣненія различныхъ пунктовъ стараго ветнаго или торговаго устава.

7) Подлежало просить о возстановленіи школъ и таможенныхъ доходовъ, составляющихъ 84,000 рейхсталеровъ, и объ изъятіи изъ городскаго вѣдомства содержанія артиллеріи и крѣпостныхъ верковъ.

По окончаніи занятій, комитетъ изготовилъ: всеподданнѣйшій докладъ, записку о состояніи рижскаго городскаго управленія и объ измѣненіяхъ въ немъ, признаваемыхъ необходимыми, и проектъ будущаго управленія города Риги. Документы эти были отправлены въ Петербургъ въ мартѣ 1805 года съ особою депутаціею, состоявшею изъ надворнаго совѣтника Бинемана, бургомистра Янау, Штрауса и секретаря Шварца.

Послѣ трехъ-мѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ и многократныхъ аудіенцій съ господами министрами, депутаты получили отъ министра внутреннихъ дѣлъ письменную высочайшую резолюцію отъ 8-го іюня 1805 года:

1) что представленные записки и проектъ, излагающіе желанія и нужды города будутъ приняты во вниманіе и 2) что до всесторонняго обсужденія и высочайшаго утвержденія рижскаго городоваго положенія, всѣ древнія установленія города сохраняемы будутъ безъ отмѣны, какъ-то изъявлено въ повелѣніи бывшему рижскому военному губернатору князю Голицыну, данномъ въ 1803 году по этому же поводу.

Кромѣ этого комитета былъ учрежденъ, по высочайшему по-

веденію отъ 27-го марта 1802 г., другой комитетъ для регулированія квартирнаго дѣла и городскихъ податей и повинностей.

При учрежденіи этого комитета возникло не мало затрудненій вслѣдствіе тогдашняго настроенія одной чтсти гражданства. Хотя въ указѣ ясно было сказано, что комитетъ долженъ быть составленъ изъ представителей всѣхъ сословій, слѣд. изъ представителей магистрата, большой и малой гильдій, но тутъ пытались устранить изъ комитета членовъ магистрата и составить комитетъ изъ однихъ депутатовъ отъ купечества и ремесленниковъ, по отмѣненному городовому положенію 1785 года; короче, въ этомъ маленькомъ собраніи нотаблей дѣлались попытки ниспровергнуть учрежденія на подобіе того, какъ собраніе нотаблей во Франціи ниспровергло королевство.

При такихъ затрудненіяхъ, нашедшихъ однако поддержку въ военномъ губернаторѣ князѣ Голицынѣ, открытіе комитета затянулось до августа 1802 г. Въ августѣ 1802 г. комитетъ открылся и въ составъ его вошли избранные депутаты отъ трехъ сословій, отъ магисграта: оберъ-фохтъ Бульмеринкъ; отъ большой гильдіи: купецъ Енрихъ и русскій купецъ Сажинъ, отъ малой гильдіи: перчаточныхъ дѣлъ мастеръ Лангеръ. Присутствующими членами отъ домовладѣльцевъ дворянъ: ландратъ Буденброкъ; отъ домовладѣльцевъ военныхъ: штабсъ-капитанъ Игнатьевъ, и отъ домовладѣльцевъ ученаго сословія: докторъ Дирзенъ. Впослѣдствіи въ составъ комитета вступилъ ольдерманъ лигеровъ (вязчиковъ льна и пеньки) Кальнингъ.

Каждый шагъ въ этомъ комитетѣ не проходилъ безъ споровъ. Депутатъ магистрата, какъ первенствующаго городскаго сословія, принялъ предсѣдательство въ комитетѣ. Депутаты большой и малой гильдій настаивали, чтобы предсѣдатель былъ избранъ; присутствующіе члены отъ дворянства, военныхъ и ученыхъ рѣшили, что предсѣдателемъ быть члену магистрата безъ выбора. Губернаторъ Рихтеръ утвердилъ предсѣдателемъ Бульмеринка (автора этихъ записокъ), тогда гильдейскіе депутаты заявили, что они не будутъ ходить въ засѣданія комитета. Предсѣдатель пригласилъ публичнаго нотаріуса къ засѣданію, чтобы онъ составилъ актъ о томъ и протестовалъ противъ неявки. Депутаты испугались и пришли къ засѣданію. Протесты и контръ-протесты, безконечныя формальности, ежедневныя собранія съ полудня до глубокаго вечера, временное назначеніе офиціантовъ—секретаря, контролера, ревизора, переводчика, канцеляриста и министеріала—произведенное лишь послѣ многихъ споровъ, причинили то, что комитетъ приступилъ къ дѣлу лишь съ 1803 года и до сентября 1803 года успѣлъ назначить ревизію выполняемой въ то время квартирной повинности и квартирнаго управленія и приготовилъ для представленія Государю Императору чрезъ губернское правленіе историческій обзоръ квартирной повинности города съ проектомъ

улучшенія таковой, и также прошеніе объ установленіи наибольшаго размѣра квартирной повинности и проектъ уплаты долговъ квартирной кассы

Высочайшее разрѣшеніе на представленіе комитета послѣдовало лишь въ февралѣ 1804 г. чрезъ новаго губернатора графа Буксгевдена (онъ прибылъ въ Ригу въ февралѣ 1804 г. на мѣсто князя Голицына, выбывшаго отсюда въ 1803 г.), поэтому съ сентября по февраль комитетъ могъ заниматься лишь спеціальною ревизіею квартирной кассы съ 1797 по 1802 годъ и проектами по улучшенію правленія. Тутъ старались взвалить всю вину по разстройству этой кассы на магистратъ, завѣдывавшій квартирнымъ управленіемъ; магистрату вмѣняли въ злоупотребленіе даже то, что онъ въ знакъ своей признательности послалъ одному высокому военному лицу ящикъ вина.

По воспослѣдованіи сказаннаго разрѣшенія, не установлявшаго однако размѣра наибольшей военной повинности, но утверждавшаго какъ вспомогательное средство причисленіе къ квартиной кассѣ сборныхъ денегъ купечества, комитетъ приступилъ снова къ продолженію своего дѣла, именно къ составленію раскладки и изысканію другихъ вспомогательныхъ средствъ къ уничтоженію дефицитовъ квартирной кассы. Но окончаніе занятій комитета снова затянулось на продолжительное время; причиною тому были: споры противъ освобожденія дворянъ и магистрата отъ квартирной повинности, споры Лангера и Сажина съ прочими членами комитета; формальности Буксгевдена; требованіе примѣнить къ рижскому комитету тѣ самыя основанія, которыя были даны петербургскому комитету, учрежденному для той же надобности (требованіе это было отмѣнено, когда рижскій комитетъ сдѣлалъ представленіе о непримѣнимости къ Ригѣ, по большому различію мѣстныхъ условій, тѣхъ самыхъ началъ и основаній, которыя даны въ руководство петербургскому комитету); подробная ревизія общей городской кассы, предпринятая по требованію оппозиціонной партіи; устройство другихъ предметовъ, какъ-то сборы на водопроводы, устройство пожарнаго, сторожеваго и по освѣщенію заведеній; освѣщеніе города и пр. и наконецъ болѣзнь предсѣдателя комитета (автора этихъ записокъ), въ которую онъ впалъ во время жаркихъ лѣтнихъ дней отъ усиленныхъ занятій и огорченій въ комитетѣ. Только 26 января 1805 г. комитетъ могъ представить на высочайшее воззрѣніе докладъ о распредѣленіи квартирной подати и уплатѣ долговъ квартирной кассы; но еще прежде, именно 26 ноября 1804 г. комитетъ донесъ генералъ-губернатору и губернскому правленію, что подробная ревизія квартирной кассы произведена не вслѣдствіе подозрѣнія въ недобросовѣстности квартирнаго управленія, а

единственно за тѣмъ, чтобы съ точностію опредѣлить тягости, обременявшія квартирную кассу и что большинство комитета пришло къ убѣжденію, что обремененная долгами и истощенная квартирная касса пришла къ этому положенію главнѣйше отъ чрезмѣрнаго съ 1796 года увеличенія военнаго постоя и отъ непринятія своевременно мѣръ къ сравненію прихода съ расходомъ, происшедшаго вслѣдствіе питаемой надежды на уменьшеніе постоя; побочными же причинами дефицитовъ были: дорогая заготовка отопленія и освѣщенія, происшедшая отъ недостатка наличныхъ денегъ, выдачи квартирныхъ денегъ офицерамъ и смѣщенія съ фонарною кассою. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ представленъ генералъ-губернатору на дальнѣйшее утвержденіе правительства планъ погашенія долговъ квартирной кассы, составлявшихъ въ то время сумму въ 57,400 рейхсталеровъ, съ просьбою о выдачѣ авансомъ этой суммы изъ царской милости. По плану, представленному губернатору Рихтеру, были апробованы различные сборы съ ввозимыхъ и отпускныхъ товаровъ. Наконецъ послѣдовалъ именной указъ отъ 8-го августа 1807 г., утверждавшій названный отъ 26 января 1805 г. докладъ квартирнаго комитета, который и заключилъ свои работы 22 ноября 1807 г.

На сколько былъ полезенъ этотъ комитетъ, пусть безпристрастно разсудятъ другіе. По ходатайству комитета городъ былъ освобожденъ отъ поставки топлива и освѣщенія на цитадель, на флотскую команду и на другія части, что уменьшило расходы квартирной кассы на 4694 рейхсталера 9 ферденговъ въ годъ, а между тѣмъ комитету приходилось защищаться отъ обвиненія недовольной части гражданъ. Въ теченіе своего существованія комитетъ потерялъ трехъ своихъ членовъ: умерли почтенный ратсгеръ Павелъ Крегеръ, превосходный докторъ Дирзенъ и желчный Енрихъ.

Въ теченіе 1803 г. городъ лишился 3 хорошихъ гражданъ, умерли: ратсгеръ Эрнстъ Эбель (отлично образованный купецъ, онъ былъ членомъ магистрата до распущенія его въ 1785 г.), ратсгеръ Вильгельмъ Крегеръ и богатый эльтерманъ общества Черноголовыхъ Матіасъ Вильгельмъ Фишеръ. Послѣдній увѣковѣчилъ свою память учрежденіемъ института для бѣдныхъ дѣвицъ.

Этотъ институтъ былъ учрежденъ въ 1803 г. при нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ:

Покойный эльтерманъ Черноголовыхъ Фишеръ въ завѣщаніи, публикованномъ 13 марта 1803 г., назначилъ собственный домъ на Замковой улицѣ и капиталъ въ 40,000 рейхсталеровъ на учрежденіе общественнаго заведенія, указать ближайшія подробности о которомъ онъ представляетъ себѣ. Его сестрѣ и единственной наслѣдницѣ было сообщено, что покойный Фишеръ съиздавна питалъ намѣреніе

учредить институтъ для бѣдныхъ дѣвицъ. Сестра одобрила это желаніе своего покойнаго брата и для приведенія въ исполненіе его плана избрала нѣсколькихъ человѣкъ. Планъ учрежденія института получилъ утвержденіе начальства, и съ обращеніемъ на содержаніе его названныхъ дома и капитала былъ подчиненъ попечительству, состоявшему изъ предсѣдателя (члена магистрата), городскаго пастора, учителя изъ городскихъ школъ, родственника купеческаго сословія изъ фамиліи основателя и старшины Черноголовыхъ. Институтъ ежегодно представляетъ отчетъ магистрату и въ настоящее время (въ 1825 г.) содержитъ 26 пансіонерокъ и 2 надзирательницы.

Въ 1804 г. бывшій ратсгеръ Самуилъ Штраухъ представилъ Государю Императору планъ своего учрежденія, каковой планъ и былъ высочайше одобренъ. По этому плану онъ назначилъ распорядиться его капиталомъ въ 30,000 рейхсталеровъ слѣдующимъ образомъ: проценты съ 20,000 рейхсталеровъ должны, по его смерти, обращаться на вспомоществованіе его роднымъ, а по смерти ихъ на вспомоществованіе бѣднымъ дочерямъ лицъ служащихъ въ военной и гражданской службѣ; проценты же съ 10,000 рейхсталеровъ должны быть при его жизни и потомъ и послѣ смерти обращаться на вспомоществованіе бѣднымъ средняго сословія.

Въ ноябрѣ 1804 г. городъ оплакивалъ потерю своего достопочтеннаго старика, бургомистра Іоанна Христофа Шварца. Нѣтъ словъ для описанія того уваженія, съ которымъ городъ относился къ нему и провожалъ его до могилы.

Именными высочайшими указами отъ 2 марта и 28 мая 1804 г. главный надзоръ за городскими училищами, принадлежавшій до сего времени магистрату, былъ ввѣренъ дерптскому университету, непосредственное же наблюденіе надъ ними было поручено губернскому директору училищъ Альбанусу; жалованье учителямъ было увеличено частію изъ уѣздныхъ, частію изъ городскихъ средствъ.

Чрезвычайно суровая зима 1803 г. побудила дѣлать сборы для снабженія дровами нуждающихся жителей города.

По высочайшему повелѣнію отъ 18 сентября 1802 г., вмѣсто существовавшаго въ то время резервнаго хлѣбнаго магазина, въ который поступала извѣстная часть хлѣба съ нагружаемыхъ этимъ товаромъ кораблей, былъ учрежденъ въ началѣ 1803 г. постоянный хлѣбный магазинъ и тогда же было положено взимать съ грузившихся хлѣбомъ кораблей въ теченіе 8 лѣтъ, начиная съ 1803 г., опредѣленный сборъ деньгами. Къ концу 1803 г. въ кассѣ хлѣбнаго магазина было 47,378 рейхсталеровъ, въ концѣ 1805 г. въ кассѣ было 160,789 рейхсталеровъ 15 фердинговъ, въ запасѣ же ржи и муки было 8,157 четвертей, 6 четвериковъ, 5 гарнцевъ.

Въ 1803 г. былъ высочайше утвержденъ литературно-практическій союзъ граждапъ «для распространенія общеполезныхъ результатовъ человѣческихъ знаній, мыслей и чувствованій». Учредителемъ этого общества былъ оберъ-пасторъ Бергманъ. Въ самомъ началѣ въ обществѣ числилось 23 члена; тѣсный комитетъ онаго состоялъ изъ семи лицъ.

Въ 1803 году было произведено счисленіе населенія въ городѣ и его патримоніяльномъ округѣ. Оказалось, что все населеніе простиралось до 37,000 человѣкъ, въ томъ числѣ были тысячи двѣ иноземцевъ (въ городѣ и на форштатахъ проживало около 32,000 челов.) Значительное увеличеніе населенія съ 1,800 г., когда въ городѣ и форштатахъ числилось лишь 28,000 человѣкъ, служитъ доказательствомъ хорошаго управленія.

Въ началѣ 1804 года учредилось для форштатовъ давно уже желаемое форштатскими жителями и высочайшимъ указомъ еще отъ 10 декабря 1797 г. рекомендованное страховое отъ огня общество. Еще въ 1801 г. магистратъ публиковалъ пожарное положеніе для форштатовъ. Проектъ этого иоложенія былъ составленъ комитетомъ изъ представителей форштатскихъ жителей и переданъ магистрату авторомъ этихъ записокъ, бывшимъ предсѣдателемъ того комитета. Положеніе было одобрено магистратомъ и высшимъ начальствомъ и форштатское страховое отъ огня общество приступило къ своимъ дѣйствіямъ съ 5 декабря 1804 г. Къ концу 1805 г. было застраховано уже 252 дома, оцѣненные въ 796,570 талеровъ и вступныхъ денегъ поступило въ общество 5,165 рейхсталеровъ, 65 фердинговъ.

Въ 1806 г. магистратъ ходатайствовалъ объ увеличеніи своего личнаго состава двумя новыми членами. Ходатайство это, происшедшее вслѣдствіе увеличенія дѣлъ въ магистратѣ, которое въ свою очередь произошло отъ увеличенія населенія города, было представлено начальнику губерніи и получило утвержденія.

Въ 1806 г. началась война съ Франціею, которая угрожала нашимъ границамъ и сильно повредила торговлѣ. Была сформирована ландмилиція, на которую добровольныя пожертвованія собирались во всей имперіи, а граждане Риги содержали обыкновенные караулы.

Ходъ общихъ происшествій въ промежутокъ времени съ 1802 по 1806 годъ уже указанъ; въ дополненіе къ сказанному не излишне привести нѣкоторыя подробности о ревизіи городской кассы, произведенной въ 1804 г. по предписанію управлявшаго гражданскою частію въ Прибалтійскихъ губерніяхъ графа Буксгевдена. Ревизія

нашла, какъ изложено въ докладѣ отъ 25 февраля 1805 г., что къ концу 1803 г. сумма долговъ городской кассы была: церквамъ и учрежденіямъ 240,104 рейхстал. 77 ферд., частнымъ лицамъ 120,958 рейхст. 22 ферд., неуплоченныхъ процентовъ 3,155 рейхст. 7 ферд., всего же долговъ было 364,217 рейхсталеровъ 106 фердинговъ. Съ 1798 по 1803 г., по шестилѣтней сложности, городъ имѣлъ дохода въ годъ 182,816 рейхст., расходы же простирались въ годъ 187,275 рейхсталеровъ, слѣд. ежегодный дефицитъ былъ въ 4,459 рейхсталеровъ. Собственно же въ городскую кассу дѣйствительно поступало въ годъ 167,646 тал. 6 ферд., расходовалось же 173,234 тал. 31 ферд., слѣдовательно дефицитъ собственно городской кассы составлялъ въ годъ 5,588 тал. 25 фр., а съ присоодиненіемъ къ нему 10,919 тал. новыхъ расходовъ, происшедшихъ отъ увеличенія полиціи и долговыхъ обязательствъ, весь дефицитъ городской кассы составлялъ въ годъ 16,507 тал. 25 ферд.

Для покрытія означеннаго дефицита было предположено: 1) сократить строительныя издержки на постройку домовъ для военнаго постоя въ городѣ и его округѣ, сократить физикаты и пр. всего на 13,120 рейхст. 46 ферд.; 2) просить, дабы городъ былъ высочайше освобожденъ отъ содержанія таможенныхъ надсмотрщиковъ и таможенныхъ зданій и въ особенности отъ содержанія крѣпостныхъ верковъ и артиллеріи — эта статья сохранила бы въ годъ издержекъ на 13,260 рейхст. 8 ферд.; просить также, дабы вознагражденіе на таможенные сборы происходило по стоимости альбертоваго талера или по курсу—это дало бы 20,000 рейхсталеровъ. Вся сумма сбереженій такимъ образомъ простиралась бы до 33,260 рейхсталеровъ 8 ферд. При этомъ была выражена надежда, что если городъ и не будетъ освобожденъ отъ содержанія крѣпостныхъ верковъ и артиллеріи, то сокращеніемъ расходовъ и возстановленіемъ настоящаго итога вознагражденію за таможенные сборы можно получить 35,000 рейхсталеровъ на покрытіе дефицитовъ и послѣдовательную уплату долговъ. Первое, т. е. освобожденіе города отъ содержанія крѣпостныхъ верковъ и артиллеріи, уже послѣдовало; второе же, въ особенности въ отношеніи вознагражденій за таможенные сборы, еще не состоялось (писано въ 1815 году).

Въ 1805 г. ратсгеръ Штрезовъ, извѣстный благородствомъ и патріотическимъ самоотверженіемъ, подарилъ для перваго ломбарднаго фонда 1,000 альбертовыхъ талеровъ для вспомоществованія бѣдныхъ гражданъ изъ процентовъ съ этого капитала, и вскорѣ послѣ того къ этимъ деньгамъ присоединилъ еще 1,000 рейхсталеровъ цвѣтъ нашихъ гражданъ, бывшій ассесоръ губернскаго правленія Эбель.

Въ 1805 г., какъ значится въ рапортѣ, представленномъ

магистратомъ правительствующему сенату, въ присутственныхъ мѣстахъ было дѣйствительно рѣшено дѣлъ: въ фохтейскомъ судѣ 1512, въ ландфохтейскамъ судѣ 2,193, въ ветгерихтѣ 1561, въ амтовомъ и кемарейномъ судахъ 1246, въ сиротскомъ судъ 733, въ уголовной депутаціи 69. Число исходящихъ бумагъ въ магистратѣ по судебнымъ и прочимъ дѣламъ состояло изъ 8504.

Въ 1802 и до 1806 основаны многія учрежденія для вспомоществованія при обѣднѣніи и при смертныхъ случаяхъ, а также и исключительно въ виду послѣднихъ, именно: въ 1802 г. вспомогательный договоръ, въ 1803 г. вспомогательное общество, для обѣихъ вышеупомянутыхъ цѣлей; въ 1802 г. сиротская касса городскихъ пасторовъ (въ эту кассу первоначально поступило 500 рейхсталеровъ отъ ратсгера Беренса фонъ Раутенфельда и 100 рейхсталеровъ отъ членовъ магнстрата); въ 1804 г. касса Черноголовыхъ для обѣднѣвшихъ бывшихъ членовъ этого общества и ихъ вдовъ и сиротъ. Въ особенности замѣчательна основанная въ 1804 г. касса для дѣвицъ, которая скоро пришла въ такое цвѣтущее состояніе чрезъ подарокъ эльтермана Черноголовыхъ Гольста, что лица, внесшія только 30 рейхсталеровъ, получали ежегодно по 17 и 18 талеровъ. Въ 1805 г. и 1806 были основаны слѣдующія смертныя кассы: 1) единеніе; 2) соединенное общество; 3) вѣрная помощь; 4) братское единеніе; 5) надежная помощь; 6) человѣколюбіе; 7) вспомоществованіе, 8) добрая воля; 9) узы дружбы и проч., но изъ этихъ кассъ впослѣдствіи многія уничтожились, потому что не былъ сдѣланъ надлежащій расчетъ, къ тому же онѣ были вообще не цѣлесообразны, а были просто контрибуціей съ живыхъ для излишнихъ расходовъ при похоронахъ. Между тѣмъ все это свидѣтельствуетъ объ увеличившемся благосостояніи жителей, что выразилось и поднятіемъ цѣнъ на недвижимости.

Такъ какъ упоминаемый здѣсь графъ Буксгевденъ въ то время имѣлъ большое вліяніе на городскія дѣла, и въ слѣдующемъ 1807 г. оставилъ Ригу—то скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Это былъ человѣкъ строгій, любившій порядокъ до педантизма, честный и справедливый, нѣсколько экономный, недовѣрчивый и скрытный. Но авторъ этихъ записокъ имѣлъ счастіе заслужить его довѣріе въ такой степени (въ бытность свою предсѣдателемъ квартирныхъ комитетовъ, онъ однажды представилъ смѣло свое мнѣніе сообразное съ долгомъ по одному дѣлу — между тѣмъ какъ всѣ члены магистрата отсовѣтовали ему дѣлать этотъ шагъ. Дѣло шло о назначеніи количества дровъ для замка, на что прежде генералъ-губернаторъ получалъ деньги изъ казенной палаты и которыя, какъ полагали, затрогивали его наклонность въ экономіи), что въ послѣдствіи графъ поступалъ уже прямо согласно его представленіямъ и удостои-

валъ автора этихъ записокъ даже спрашивать совѣта касательно дѣлъ не относящихся къ городу.

1806 г. принесъ съ собою рижской публикѣ несчастное событіе. Секретарь правленія Фридрихъ Экардтъ въ февралѣ добровольно окончилъ жизнь свою въ Двинѣ. Онъ, рожденный для наслажденія семейною и общественною жизнію, авторъ исполненныхъ возвышеннаго смысла и задушевныхъ стихотвореній—вѣроятно, избралъ этотъ конецъ въ тѣ несчастныя минуты, въ которыя его возбужденное поэтическимъ жаромъ воображеніе слишкомъ ярко представило угрозы въ отвѣтственности и потерѣ чести, сдѣланныя ему главнымъ начальникомъ края, по случаю нѣкоторыхъ упущеній по службѣ. Да покоится мирно прахъ его. Друзья почтили его память.

Здѣсь слѣдуетъ еще помѣстить перемѣны, послѣдовавшія въ магистратской коллегіи.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1800 г. вмѣсто умершаго бургомистра Зенгбуша выбранъ оберъ-камергеръ Барклай-де-Толли.

Въ августѣ 1800 г. вмѣсто первенствующаго бургомистра Шварца выбранъ оберъ-фохтъ Эрдманъ, а такъ какъ оберъ-полиціймейстеръ Трухартъ былъ уволенъ въ отставку, то на три вакансіи въ члены магистрата были выбраны:

оберъ-секретарь Шварцъ,
секретарь фонъ Эссенъ и
старшина Штрезовъ.

Въ сентябрѣ 1801 г. по прошенію были уволены со всѣми преимуществами:

бургомистръ Вильпертъ,
оберъ-камергеръ Элерсъ и
ратсгеръ Детерсъ.

На мѣсто бургомистра Вильперта выбранъ оберъ-фохтъ Яннау, а на три вакансіи выбраны:

городской старшина Грошопфъ,
старшина и ротмистръ конной городской гвардіи Рамъ и
старшина Перру.

Въ 1802 г. выборовъ никакихъ не было.

Въ 1803 г., къ Михайлову дню, на двѣ вакансіи были выбраны, вмѣсто умершаго ратсгера Вильгельма Крегера и уволеннаго ратсгера Грошопфа:

старшина Іоганъ Павелъ Крегеръ и
старшина Граве.

Въ 1804 г. послѣдній вышелъ въ отставку и вмѣсто него выбранъ Гофманъ (онъ умеръ въ 1806 г., оплаканный множествомъ друзей).

1805 г. прошелъ безъ выборовъ.

Въ 1806 г. магистратъ передъ Михайловымъ днемъ постановилъ, что и реформаты также какъ и протестанты и также швегеры (послѣдніе однако только въ случаѣ необходимости) могутъ быть избираемы въ члены магистрата; вслѣдствіе же постановленія магистрата, утвержденнаго высшимъ начальствомъ отъ 24 іюня того года, касательно увеличенія состава магистрата двумя членами, около Михайлова дня были выбраны:

секретарь Книримъ и
докманъ Коллинсъ.

Высочайшимъ указомъ отъ 20 февраля 1804 г. утверждено лифляндское крестьянское положеніе.

Въ октябрѣ 1805. г. послѣдовало на представленіе наслѣдниковъ вдовы Аникеевой въ Вологдѣ, которая продала своимъ крестьянамъ земли и отпустила ихъ на волю, высочайшее дополненіе устава для вольныхъ хлѣбопашцевъ, на основаніи указа отъ 20 февраля 1803 г., и приказаніе слѣдовать этому примѣру въ подобныхъ ему случаяхъ.

Въ 1804 г. былъ по случаю открывшейся войны большой рекрутскій наборъ. Съ 500 душъ слѣдовало ставить по 4 рекрута.

Въ 1802 г. высочайше утвержденъ и въ 1803 г. организованъ планъ кредитной системы для лифляндскихъ помѣщиковъ. Его Величество отпустилъ на это 200,000 рейхсталеровъ и 300.000 р. сереб. въ заемъ, который долженъ быть погашенъ въ 33 года. Владѣтелемъ 2,000 гаковъ, — изъ которыхъ каждый оцѣненъ въ 3,000 талеровъ — выдаются заставные листы на двѣ трети оцѣночной стоимости.

Въ 1804 г. умеръ докторъ Дирзенъ. То былъ образованный, отличный человѣчъ; его заслуги по училищамъ для бѣдныхъ извѣстны всякому.

Въ 1805 г. достойный ратсгеръ Павелъ Крегеръ (къ сожалѣнію умершій въ 1808 г.) пожертвовалъ свое первое годовое жалованье и пожалованную ему отъ Ея Императорскаго Величества золотую табакерку на устройство сберегательной кассы для нуждающихся членовъ магистрата. Впослѣдствіи скажемъ объ этой кассѣ болѣе, теперь же только скажемъ въ память покойному Павлу Крегеру, что онъ былъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ, пріобрѣтшій

самъ отличныя познанія, истинный патріотъ и другъ человѣчества, а вмѣстѣ и вѣрный братъ. Миръ праху его!

Въ мартѣ 1806 г. въ магистратъ поступило представленіе подписанное болѣе нежели 30-ю самыми главными здѣшними торговыми домами, чтобы ученымъ членамъ магистрата прибавить жалованья; но та бумага положена подъ сукно, потому что ею считали себя обиженными многіе купеческіе члены.

Приходъ св. Іоанна потерялъ въ 1806 г. своего добраго оберъ пастора Прехта. Онъ былъ человѣкъ ученый и образованный, отличнаго характера и пріятный собесѣдникъ. На его мѣсто поступилъ изъ назначенныхъ кандидатовъ достойный его преемникъ Павелъ Тидеманъ.

ГЛАВА IV.

(Съ 1807 по 1810 годъ).

Содержаніе: Высочайшій манифестъ отъ 1 января 1807 г. въ пользу купечества.—Ландмилиція и сборы на нее.—Граждане занимаютъ городскіе караулы.—Продовольствіе войскъ. Землетрясеніе.—Сильный ледоходъ.—Пріѣздъ Государя.—Тильзитскій миръ.—Указъ о возвышеніи пошлинъ съ купечества.—Число населенія въ 1807 г.—Война со Швеціею въ 1808 г.—Губернаторъ Репьевъ.—Смерть Беклешова и графа Сиверса.—Сломка палисадовъ, окружавшихъ форштаты.—Александръ I и король прусскій въ Ригѣ.—Привозъ и отпускъ товаровъ въ 1808 г.—Новое положеніе о собраніяхъ гражданъ.—Сентябрь 1809 года.—Миръ со Швеціею.—Смерть ратсгера Шварца и бургомистра Гольста.—Выборы въ магистратѣ.—Новые граждане въ 3 года.—Комитетъ о рижской городской артиллеріи.—Лѣтнее общество.—Музей.—Разныя разности 1809 г.—Долги квартирной кассы, и избытокъ фондовъ хлѣбнаго комитета.—Выборы членовъ магистрата.—Число жителей въ городѣ и патримоніальномъ округѣ.—Вспомогательная касса, учрежденная синею гвардіею

Въ началѣ 1807 г. былъ обнародованъ высочайшій манифестъ о новыхъ правахъ и преимуществахъ купечеству и вспомогательныхъ средствахъ къ расширенію торговыхъ дѣлъ. Для Риги этотъ манифестъ имѣлъ важное значеніе: война угнетала торговлю, торгъ съ Англіею былъ пресѣченъ почти совершенно; манифестъ ободрилъ купцовъ и поднялъ общій кредитъ.

Высочайшимъ манифестомъ отъ 30 ноября 1806 г., послѣдовавшимъ по случаю возникшей войны съ Франціею, повелѣвалось учредить и вооружить ландмилицію. Вся имперія была раздѣлена на 7 округовъ, которые должны выставить 612,000 ратниковъ. Лифляндская губернія обязана была выставить 20,000 ратниковъ, начальство надъ которыми предоставлялось генералъ-отъ-инфантеріи Беклешову (бывшему рижскому губернатору). Въ ратники должны были поступать, по возможности добровольно, люди, имѣвшіе отъ

роду отъ 18 до 47 лѣтъ; они должны были быть снабженными провіантомъ, одеждою и оружіемъ.

Рига, въ теченіе 4 недѣль (въ срединѣ февраля), поставила 346 ратниковъ изъ вольныхъ сословій и 178 ратниковъ изъ крестьянъ патримоніальнаго округа. Послѣ сраженій при Пултускѣ и Эйлау. по высочайшему повелѣнію, двѣ трети ратниковъ получили позволеніе возвратиться на родину. Изъ городскихъ ратниковъ возвратилось въ Ригу только 82 человѣка, изъ ратниковъ патримоніальнаго округа воротилось 42 человѣка.

Издержки на обмундированіе и пр. и транспортъ ратниковъ стоили гражданству 13,621 р. и городской кассѣ 8,578 р.; на вооруженіе ратниковъ израсходовано городскою кассою 3,460 р.; на подводы для нихъ уплочено квартирною кассою 6,679 р. 50 к. и городскою кассою 1,900 р. 70 к. Всего же израсходовано на снаряженіе и отправленіе къ арміи ратниковъ 34.269 р. 20 к.

Независимо этого. купечество, сверхъ назначеннаго хлѣба и оружія, пожертвовало на милицію деньгами болѣе 250 000 рублей. Пожертвованія были доставлены по принадлежности, но осталось неизвѣстнымъ, какое именно назначеніе получили они. Объ нихъ было напечатано въ газетахъ, но очень поздно и невѣрно (такъ напр. пожертвованіе въ 1,000 руб. отъ ученыхъ членовъ магистрата названо пожертвованіемъ отъ ученаго общества).

Въ этомъ году патримоніальный округъ Риги выставилъ для проходящихъ войскъ болѣе 12,000 подводъ. Въ городѣ и патримоніальномъ округѣ было размѣщено 294 раненыхъ офицера и 14,000 рядовыхъ, изъ которыхъ около 4,000 было раненыхъ. Для попеченія о раненыхъ были учреждены въ гильдейскихъ домахъ и въ домѣ Черноголовыхъ особыя больницы; жены граждань заботились о хорошемъ содержаніи раненыхъ, мужья же доставляли необходимыя на то деньги, за что и получили императорскую похвальную грамоту.

Граждане должны были въ этомъ году содержать городскіе караулы съ января по іюль мѣсяцъ. Многіе купцы, объявивъ себя крупными торговцами, пытались было освободиться отъ этой службы, но попытки ихъ были тщетны.

Съ половины іюля содержаніе карауловъ было возложено, для облегченія гражданъ, на ратниковъ. Тормасовъ, тогдашній военный губернаторъ, приказалъ гражданамъ выдавать каждому ратнику занимающему караулъ, по 1 ф. мяса въ день или по 15 коп. деньгами. Всѣ граждане отказались исполнять это требованіе и говорили, что все положенное они уже внесли. Тормасовъ въ концѣ іюля грозилъ, что граждане опять пойдутъ въ караулъ, если не дадутъ 15,

а послѣ 20 копѣекъ. Граждане заявили, что они исполнять это, если на то послѣдуетъ особое высочайшее повелѣніе. На этомъ дѣло и кончилось.

11 февраля въ Ригѣ было чувствуемо слабое землетрясеніе. На это рѣдкое, небывалое здѣсь прежде явленіе, мало обращали вниманія, въ виду важныхъ событій дня.

Ледоходъ въ этомъ году продолжался съ 30 марта по 3 апрѣля и былъ очень силенъ и опасенъ. Амбарная дамба была повреждена на протяженіи 50 сажень; 35 штапелей мачтоваго лѣса на Кипенгольмѣ были снесены водою; на Клюверсгольмѣ были разрушены два дома; дамба между цитаделью и Форбургомъ была прорвана; при происшедшемъ наводненіи погибла лишь одна женщина съ ребенкомъ, 100 человѣкъ было спасено. Купецъ Клацо получилъ серебряную медаль на владимірской лентѣ; всѣ лица податныхъ состояній, пострадавшія отъ ледохода, были освобождены на три года отъ всѣхъ казенныхъ податей.

5 апрѣля ночью на Московскомъ форштатѣ сгорѣли 4 дома, 5 декабря сгорѣлъ дворецъ Фитингофа. Въ началѣ іюня и въ концѣ сентября свирѣпствовали бури, причинившія большія поврежденія, но осень (въ теченіе ея была видна комета) была чрезвычайно хороша.

Въ концѣ іюня пришло извѣстіе о заключеніи мира между Россіею и Франціею въ Таурогенѣ; 2 іюля прибылъ въ Ригу Государь Императоръ, а вслѣдъ за нимъ прибылъ и великій князь Константинъ Павловичъ.

Въ Михайловъ день въ этомъ году вмѣсто уволенныхъ ратсгеровъ Фалька, Янкевица, Крегера и бургомистра Эрдмана, а также вмѣсто умершихъ ратсгеровъ Бруно и Гофмана были избраны: оберъ-секретарь Шварцъ, секретарь Штеверъ, старшины: Штопельбергъ, Грунеръ, Реймерсъ и Мартенсъ.

28 ноября, на основаніи вооруженнаго нейтралитета, было пресѣчено всякое сообщеніе съ Англіею, а на находившееся въ Ригѣ имущество англичанъ наложено запрещеніе.

Высочайшимъ указомъ отъ 8 ноября повелѣвалось взимать съ купечества, вмѣсто 1¼ процента съ капитала, по 2½ процента (съ купцовъ 1 гильдіи съ наименьшаго капитала въ 50,000 рублей, 2 гильдіи съ капитала 20,000 руб. и 3 гильдіи съ капитала 8,000). Въ послѣдствіи эти пошлины были увеличены.

Въ концѣ 1807 г. общее число жителей въ городѣ и на

форштатахъ составляло 33,760 человѣкъ. Въ этомъ году число умершихъ превзошло число родившихся на 1,184 человѣка, большая смертность была между ранеными солдатами и крестьянами, прибывшими въ городъ, между которыми свирѣпствовала злокачественная болѣзнь (eine bösartige Krankheit—не сифились-ли?)

Въ маѣ 1807 г. генералъ-отъ-кавалеріи Тормасовъ былъ назначенъ исправляющимъ должность военнаго губернатора во время отсутствія Буксгевдена.

Въ началѣ 1808 г. началась война со Швеціею. Вслѣдствіе этой войны пресѣклось всякое торговое сношеніе со Швеціею. Ни одинъ корабль изъ шведскихъ гаваней не могъ явиться сюда и ни одинъ корабль изъ здѣшней гавани не могъ отправиться въ Швецію. Въ апрѣлѣ 1808 г. дѣйствительный статскій совѣтникъ Репьевъ былъ пазначенъ лифляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ на мѣсто Рихтера, который получилъ званіе сенатора.

Въ іюлѣ умеръ въ Ригѣ бывшій нѣкогда здѣсь губернаторомъ Беклешовъ и торжественно похороненъ въ Ригѣ же.

Въ іюлѣ же этого года умеръ графъ Сиверсъ Бауенгофскій, принимавшій столь дѣятельное участіе въ составленіи екатерининскихъ учрежденій о губерніяхъ и городскаго положенія. Онъ представилъ императрицѣ проектъ о введеніи государственныхъ банковыхъ ассигнацій, который государыня не охотно приняла. Городовое положеніе Сиверса было введено въ Ригѣ, но оказалось не удобнымъ. Онъ составилъ неудобоисполнимые проекты соединенія Аа съ Двиною, проектъ основанія новыхъ городовъ въ Россійской имперіи и пр. Сиверсъ родился въ 1731 г. г. въ Эстляндіи, и на 12 году отъ роду былъ зачисленъ юнкеромъ въ государственную коллегію, а на 18 году былъ назначенъ вторымъ секретаремъ посольства въ Копенгагенѣ, а черезъ годъ получилъ назначеніе въ Лондонъ. Здѣсь онъ провелъ семь лѣтъ и по возвращеніи въ отечество былъ переименованъ императрицею Елизаветою въ премьеръ маіоры; въ 1757 г. онъ участвовалъ въ сраженіи при Гросъ-Егерсдорфѣ, путешествовалъ заграницей, и уволенный въ отставку генералъ-маіоромъ, поселился въ Бауенгофѣ. Въ царствованіе Екатерины II онъ былъ новгородскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1781 г. онъ былъ уволенъ отъ этой должности, развелся съ женою и снова поселился въ Бауенгофѣ. Въ 1783 г. онъ заключилъ въ Ригѣ торговую и пограничную конвенцію съ Курляндіею. Съ 1796 г. онъ былъ секретаремъ и начальникомъ водяныхъ сообщеній.

Воспоминаніе объ этихъ замѣчательныхъ людяхъ пробуждаетъ воспоминаніе и о другомъ человѣкѣ. который хоть и не находился съ ними въ прямыхъ отношеніяхъ, но который пользовался

большимъ значеніемъ въ краѣ, какъ начальникъ мѣстнаго духовенства, и пріобрѣлъ общее уваженіе своими превосходными душевными качествами, практическою ученостію, истинно нравственнымъ характеромъ и кроткою терпимостію. То былъ лифляндскій генералъ-суперъ интендентъ Іоганъ Данквартъ, умершій въ 1803 г., достойный любви человѣкъ и превосходный собесѣдникъ. Память его почтена его достойнымъ преемникомъ Карломъ Готлибомъ Зонтагомъ.

Рижскіе форштаты по линіи отъ бывшихъ Ивановскихъ (нынѣ Московскихъ) до Ржаныхъ (нынѣ Петербургскихъ воротъ), для отвращенія провоза корчемной водки, были окружены палисадомъ. Содержаніе этого палисада стоило городской кассѣ ежегодно до 1,000 руб., но толку выходило мало: жители разбирали палисадины на дрова; бывшая городская дума назначила награды за открытіе подобныхъ хищеній, но тщетно: ни воровъ, ни покраденнаго отыскать было нельзя; дума предполагала было устроить желѣзный палисадъ, но это предположеніе осталось безъ исполненія. Въ 1808 г. палисадъ былъ вовсе уничтоженъ, а чтобы въ городъ тайно не провозилось корчемное вино были поставлены у заставъ караулы изъ казаковъ и досмотрщиковъ.

Въ этомъ году двое здѣшнихъ гражданъ, бывшій старшина Гуйкельговенъ (82 лѣтній старикъ, ежедневно свою арабскую милю верхомъ проѣзжавшій) и Габеркорнъ праздновали свои юбилейныя (золотыя) свадьбы.

Въ концѣ этого года были въ Ригѣ король прусскій съ супругою своею Луизою; ихъ торжественно принимали въ домѣ Черноголовыхъ и въ Муссѣ.

Въ Сентябрѣ 1808 г. Государь Императоръ, проѣздомъ въ Германію, былъ въ Ригѣ и возвратился 14 октября.

Въ ноябрѣ этого года ратсгеръ Реймерсъ, по причинѣ болѣзни, былъ уволенъ отъ своей должности безъ всякихъ преимуществъ предписаніемъ губернатора Репьева, чему магистратъ въ началѣ сильно противился.

Въ 1808 г. было ввезено товаровъ на сумму 4.008,051 руб.; отпущено же на 5.881,678 руб.

20-го января 1809 г. были публикованы по предложенію гражданъ новыя правила для гильдейскихъ собраній; поводомъ къ этому послужило то, что граждане стали нерадиво посѣщать эти собранія.

5 сентября было совершено общее торжественное богослуженіе по поводу заключенія мира со Швеціею.

Въ Михайловъ день этого года были избраны въ члены магистрата, на мѣсто умершаго ратсгера Шварца секретарь Мартинъ Реймерсъ, а на мѣсто уволеннаго ратсгера Реймерса старшина Бенишъ.

Въ ноябрѣ 1809 г. на мѣсто умершаго бургомистра и оберъ мунстера Гольста былъ избранъ оберъ-фохтъ Штарке. Такъ какъ названный бургомистръ Гольстъ былъ близкимъ родственникомъ, а вышеупомянутый ратсгеръ Шварцъ былъ довѣреннымъ другомъ автора этихъ записокъ, потому авторъ и умалчиваетъ о заслугахъ этихъ людей.

По спискамъ магистрата значится, что въ 1807 году было принято въ общество новыхъ гражданъ 121, въ томъ числѣ 39 русскихъ; въ 1808 г. было принято 76 новыхъ гражданъ, въ томъ числѣ русскихъ 21 и въ 1809 г. принято новыхъ гражданъ 100, въ томъ числѣ русскихъ 23.

Въ августѣ этого года былъ учрежденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, по высочайшему повелѣнію отъ 18 августа, комитетъ изъ гражданскаго губернатора, артиллерійскаго генерала, совѣтника губернскаго правленія и члена магистрата. Комитетъ обязанъ былъ составить проектъ о передачѣ городской артиллеріи въ артиллерійскій департаментъ и опредѣлить сумму, которую магистратъ долженъ былъ вносить ежегодно на содержаніе этой артиллеріи. Отъ магистрата былъ назначенъ депутатомъ въ этотъ комитетъ бургомистръ Гольстъ; когда же Гольстъ заболѣлъ, то на его мѣсто былъ назначенъ бургомистръ Бульмерингъ.

Принято все имущество городской артиллеріи 1) аммуниція и орудія, 2) строеніями всего по оцѣнкѣ на 590,116 руб. 80 к. Отказываясь на право собственности на артиллерію, магистратъ просилъ о вознагражденіи какъ за это имущество, такъ и за вещи, взятыя заимообразно во время прусской войны 1756—1759 г. Это дѣло было впослѣдствіи поручено посланному въ Петербургъ депутату отъ города ратсгеру Нейенкирхену. Результатъ былъ тотъ, что утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта отъ 25 апрѣля 1811 г. было оставлено безъ дѣйствія.

Въ 1809 г. основано такъ называемое «лѣтнее общество» въ бывшемъ Мейендорфскомъ саду, который купилъ надворный совѣтникъ д-ръ медицины Зоммеръ, а акціонерное общество откупило садъ вмѣстѣ съ прекраснымъ домомъ Зоммера. Былъ составленъ проектъ музея, исполненный въ 1810 году. Въ сентябрѣ ассесоръ гофгерихта Мекъ, бывшій артиллерійскій поручикъ, назначенъ лифляндскимъ губернскимъ прокуроромъ вмѣсто умершаго прокурора. Гражданскій губернаторъ Репьевъ въ этомъ году сдѣлалъ выговоръ первенствующему бургомистру.

Прибывшихъ кораблей въ 1809 г. было 747.

Такъ какъ представленное въ 1805 г. Его Императорскому Величеству мнѣніе объ уплатѣ старыхъ долговъ квартирной кассы около 57,400 рейхсталеровъ не получало утвержденія, потому предложено было уплатить 57,400 рейхсталеровъ изъ суммъ новоучрежденнаго хлѣбнаго магазина, простиравшихся до 72,000 рейхсталеровъ, но и это предложеніе не имѣло успѣха.

Хотя общественныя кассы и находились въ печальномъ положеніи (городская касса имѣла хорошіе годы, но и множество долговъ), тѣмъ не менѣе приходившійся въ 1810 г. столѣтній юбилей русскаго господства надъ Прибалтійскимъ краемъ былъ празднуемъ съ большимъ блескомъ.

Изъ трехъ сословій города былъ составленъ комитетъ для устройства этого празднества. Комитетъ состоялъ изъ двухъ граждапъ, трехъ ратсгеровъ, двухъ старшинъ большой и двухъ старшинъ малой гильдій, изъ пяти купцовъ и двухъ ремесленниковъ. Необходимыя для празднества деньги купечество внесло по подпискѣ. Комитетъ испрашивалъ разрѣшенія выбить въ воспоминаніе празднества медаль и поднести ее Государю Императору чрезъ особую депутацію. На отправленіе депутаціи магистратъ и малая гильдія не соглашались было, дабы не обременять городъ излишними расходами, тѣмъ не менѣе, когда купечество дало средства на отправленіе депутаціи, оная была составлена и отправлена въ Петербургъ. Депутатами были бургомистръ Штарке, ратсгеръ Нейенкирхенъ, старшина Шварцъ и купецъ Лобахъ отъ большой гильдіи, и старшина Лангеръ и гражданинъ Гофманъ отъ малой гильдіи.

Чеканка медали была поручена статскому совѣтнику Лебрехту въ Петербургѣ. Было отчеканено 450 серебряныхъ и соотвѣтствующее число золотыхъ медалей.

По поводу празднованія юбилея вышли въ свѣтъ многія сочиненія, между прочимъ, «Воспоминанія» Бергмана и »Отечественная Исторія» Тиля. Изображенія бывшей по случаю празднества иллюминаціи и устроеннаго совѣтникомъ Тругартомъ зрѣлища были сохранены на память. Все устройство празднества обошлось въ 80,000 рублей.

Бургомистръ Яннау, виновникъ этого празднества, не могъ по причинѣ болѣзни, принять въ немъ участія; не принималъ участія также и авторъ этихъ записокъ: онъ получилъ сильный ушибъ въ голову, когда его экипажъ опрокинулся съ горы въ Плененѣ.

За юбилейцымъ празднествомъ скоро послѣдовало другое. Государыня Императрица въ іюлѣ этого года прибыла къ морскимъ купаньямъ аъ Плененѣ, въ 10 миляхъ отъ Риги.

Въ 1810 году городъ потерялъ многихъ достойныхъ граждапъ. Умерли: 1) бывшій городской эльтерманъ, коммерціи совѣт-

никъ Бернгардъ Тилеманъ фонъ Гуйкельговенъ 13 марта на 83 году отъ роду. Онъ былъ очень крѣпкій, рѣшительный человѣкъ. Не злой, а болѣе вспыльчивый, онъ велъ множество процессовъ, даже забавнаго свойства. 2) Бывшій ратсгеръ Беренсъ фонъ Раутенфельдъ 14 марта. То былъ очень образованный купецъ: въ послѣдніе годы своей жизни онъ впалъ въ лихорадку и при своемъ богатствѣ все отчаявался, что у него не хватитъ денегъ на свое пропитаніе. 3) Первенствующій бургомистръ Янау 16 августа. То былъ свѣдущій, практическаго ума человѣкъ. Поѣздка его въ Петербургъ въ 1805 году оказало на него непріятное вліяніе. Неизвѣстно промахъ ли его (отказъ и доносъ Дружинина), или потеря, или смерть его единственнаго сына повліяли на иего, но только онъ постоянно жаловался своимъ друзьямъ скорѣе на первую катастрофу, чѣмъ на потери, и сдѣлался нелюдимомъ. Добрая память о немъ сохраняется всѣми, кто его знавалъ. 5) Бывшій ратсгеръ и ландрихтеръ, совѣтникъ посольства Гернгросъ, умеръ 16 октября 1810 года. Онъ былъ очень образованный и добросердечный человѣкъ, но тщеславный до смѣшнаго.

На мѣсто умершаго бургомистра Янау былъ избранъ оберъфохтъ Робсенъ. Въ Михайловъ день на вакансіи членовъ магистрата были избраны секретарь Шварцъ, сынъ бургомистра, и Тиммъ, сынъ старшины большой гильдіи.

Во второй половинѣ 1810 года общее населеніе Риги въ городѣ и на форштатахъ составляло 32,955 человѣкъ (16,772 муж. и 16,183 женск. пола). Въ патримоніальномъ округѣ числилось 5.933 человѣка (3,020 муж. и 2,943 женск. пола); всего 35,918 человѣкъ.

Въ этомъ году синяя конная городская гвардія учредила кассу для вспомоществованія своимъ членамъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ, учрежденіе кассы была утверждено магистратомъ.

Полузабытыя имена.

I.

Графъ Юрій Юрьевичъ Броунъ.

(Біографическій очеркъ).

Имя графа Ю. Ю. Броуна тѣсно связано съ исторіею Прибалтійскаго края въ царствованіе Екатерины II. Назначенный генералъ-губернаторомъ въ Ригу 1-го марта 1762 г., онъ цѣлыхъ 30 лѣтъ безсмѣнно несъ эту далеко не маловажную, далеко нелегкую службу, являясь точнымъ и добросовѣстнымъ исполнителемъ предначертаній государыни,—касавшихся Эстляндской и Курляндской губерній. Правда, Броунъ никогда не былъ первенствующимъ лицомъ ни при дворѣ, ни въ войскѣ, ни въ высшихъ сферахъ администраціи, имя его никогда не гремѣло славою, подобно именамъ знаменитыхъ сподвижниковъ великой государыни. Кругъ дѣятельности его всегда былъ не широкъ, ограниченъ. починъ дѣла рѣдко принадлежалъ ему; но не даромъ Екатерина II, столь искусная въ выборѣ своихъ сподручниковъ, отзывалась о Броунѣ всегда съ большимъ почетомъ, и не даромъ, довѣривъ ему управленіе Прибалтійскимъ краемъ, не смѣняла его, не увольняла отъ службы даже когда онъ самъ просилъ ее о томъ. Екатерина умѣла цѣнить въ Броунѣ непоколебимую честность, безкорыстіе, рѣдкое для того времени, а главное стойкость и желѣзную настойчивость въ точномъ исполненіи воли ея. Суровый и жестокій на словахъ, но безпристрастный и справедливый

на дѣлѣ, вспыльчивый и неукротимый въ минуты гнѣва, нелицемѣрно привязанный къ государынѣ, онъ сторожилъ ея интересы, зорко смотрѣлъ за тѣмъ, чтобъ имя августѣйшей повелительницы его наблюдалось во ввѣренномъ ему краѣ грозно и честно, имѣя, по его выраженію, единственнымъ предметомъ, дабы служеніе его согласно было съ высочайшею Ея Величества довѣренностью и благоволеніемъ. Вступивъ въ русскую службу въ полномъ развитіи силъ и здоровья, онъ безвозвратно и безраздѣльно посвятилъ своему новому отечеству всѣ свои дарованія и таланты, отслуживъ Россіи вѣрою и правдою цѣлыхъ 62 года.

Ю. Ю. Броунъ родился 15-го іюня 1698 года въ Ирландіи, гдѣ фамилія его принадлежала къ числу древнѣйшихъ и почетнѣйшихъ, и получилъ весьма хорошее, по тому времени, воспитаніе въ Лиммерикѣ. Въ послужномъ спискѣ его, въ графѣ о происхожденіи, сказано: ирландской націи изъ шляхетства католицкаго закона. Эта принадлежность къ католицкому закону закрывала ему доступъ въ велико-британскую службу и онъ, не желая измѣнять вѣрѣ своихъ предковъ и чтобы избавиться отъ религіозныхъ преслѣдованій, рѣшился, подобно многимъ другимъ своимъ соотечественникамъ, какъ напримѣръ: Ласси, О'Доннелю, Дильйону, Гамильтону и пр., оставить родину и искать счастья въ чужихъ земляхъ. Въ 1725 году онъ опредѣлился въ войско курфирста Пфальцскаго. Служба у мелкаго германскаго владѣтеля, плохо вознаграждаемая и не представлявшая никакихъ видовъ въ будущемъ, не могла, конечно, удовлетворить молодаго, смѣлаго и отважнаго Броуна. Онъ искалъ случая раздѣлаться съ Пфальцскимъ войскомъ и случай не замедлилъ представиться. Шотландецъ Джемсъ Кейтъ, вынужденный оставить свое отечество послѣ несчастнаго сраженія при Шерифмурѣ (1715), въ которомъ были разбиты приверженцы Якова Стюарта, прибылъ въ Россію въ 1728 г. съ герцогомъ Лиріею и вступилъ въ русскую службу съ чиномъ генералъ-маіора. Императрица Анна Ивановна, по вступленіи своемъ на престолъ въ 1730 г., сформировала третій гвардейскій полкъ, подъ названіемъ Измайловскаго, и пожаловала Кейта, лично извѣстнаго еще Петру I, въ этотъ полкъ подполковникомъ. Кейтъ, нуждаясь въ хорошихъ офицерахъ для новаго полка, предложилъ Броуну, какъ своему земляку, вступить въ русскую службу. Тотъ, нераздумывая долго, прибылъ въ Россію и былъ опредѣленъ 15-го іюня 1731 года въ Измаиловскій полкъ капитанъ-поручикомъ. Скоро Броунъ сдѣлался лично извѣстенъ Импеeатрицѣ по слѣдующему, какъ разсказываютъ, случаю: Ему, другому офицеру, по имени Ласси, и еще третьему иностранцу удалось, какими то путями, открыть заговоръ противъ императрицы въ одной гвардейской ротѣ. Втроемъ, съ обнаженными шпагами, они бросились на заговорщиковъ, разсѣяли ихъ было, но въ свою очередь должны были отступить, когда другіе

солдаты подоспѣли къ своимъ товарищамъ. Происшествіе это было доложено государынѣ и она пожелала видѣть Броуна. Можетъ быть разсказъ этотъ и выдуманъ, можетъ быть, и это гораздо вѣрнѣе, Броунъ былъ прямо рекомендованъ и представленъ императрицѣ своимъ землякомъ и покровителемъ Кейтомъ.

По введеніи въ 1731 г. въ дѣйствіе новыхъ штатовъ (Миниха) капитанъ-поручики въ гвардіи, кромѣ штатскихъ ротъ, были отмѣнены, и Броунъ въ 1731 г. былъ переведенъ въ Нарвскій пѣхотный полкъ премьеръ-маіоромъ, каковой чинъ соотвѣтствувствовалъ капитанъ-поручику гвардіи. Съ этого времени и начинается собственно фронтовая служба Броуна.

Положеніе иностраннаго офицера, являвшагося на службу въ армейскій полкъ, въ тогдашнія времена, было незавидно. Не зная ни языка, ни нравовъ и обычаевъ русскихъ, ему нужно было имѣть много такта и умѣнья, чтобы ужиться со своими товарищами по службѣ русскими офицерами, пріобрѣсти ихъ уваженіе и устранить всякое недоброжелательство и недовѣріе, являвшееся вслѣдствіе неравномѣрности правъ офицеровъ русскихъ и иностранныхъ. Правда, Миниховскій штатъ сравнялъ тѣхъ и другихъ офицеровъ въ жалованьи и тѣмъ устранилъ самую важную причину недоброжелательства, правда и то, что правительство Анны старалось всѣми средствами жаловать чинами «по состоянію каждаго службы и достоинства, не взирая на природу», но дѣло въ томъ, что русскіе солдаты и офицеры смотрѣли на иностраннаго офицера какъ на наемника, чуждаго всѣмъ русскимъ интересамъ, какъ на человѣка торговавшаго своимъ знаніемъ воинскаго устава, и разными окольными путями имѣвшаго случай и протекцію къ возвышенію. Солдатъ видѣлъ въ иностранномъ офицерѣ не начальника, но безжалостнаго учителя, побоями и наказаніями увеличивавшаго и безъ того трудную и тяжелую службу. Огромное большинство иностранныхъ офицеровъ, дѣйствительно, и не хотѣли, и не умѣли понять своего положенія въ арміи, и ни мало незаботились о мнѣніи къ себѣ русскихъ солдатъ и офицеровъ. Но рядомъ съ наемниками являлись и такіе иностранцы, которые сразу приспособлялись къ окружающей ихъ средѣ, входили съ искреннимъ участіемъ и всею душою въ интересы ея, сразу дѣлались своими, своимъ братомъ, что называется, и такихъ иностранцевъ русскіе солдаты, вообще чуждые всякой исключительности, награждали полнымъ своимъ довѣріемъ и привязанностью. Передѣлавъ фамилію такого иностранца на русскій ладъ, солдатъ не называлъ уже его проклятымъ басурманомъ, считалъ его своимъ и съ полною вѣрою въ его доброжелательство къ себѣ, шелъ за нимъ не задумывавсь въ огонь и въ воду. Такими иностранцами были Минихъ (Миниховъ, его солдаты называли не иначе какъ соколомъ), Ласси и не-

многіе другіе. Крутой и взыскательный по службѣ, Броунъ скоро пріобрѣлъ уваженіе и довѣріе русскихъ солдатъ и офицеровъ не какими либо угожденіями и заискиваніями, но своею отвагою, неустрашимостью и честнымъ исполненіемъ своего долга; а случай къ такой рекомендаціи о себѣ представился скоро.

1-го февраля 1733 г. умеръ король польскій Августъ II, элегантый и изящный, по показанію его панегириковъ, распутный и безъ признаковъ совѣсти и чести, по показанію исторіи. Императрица Анна Іоанновна и германскій императоръ Карлъ VI рѣшились поддерживать кандидатуру на польскій престолъ сына умершаго короля, Франція же объявила себя на сторонѣ Станислава Лещинскаго, стариннаго соперника Августа II. Шляхтичи польскіе склонились на сторону Лещинскаго и провозгласили его своимъ королемъ, тогда государыня повелѣла лифляндскому генералъ-губернатору Ласси (Лесеію) вытѣснить Лещинскаго изъ Польши. Съ 20-ти тысячнымъ войскомъ, въ составъ котораго входилъ и нарвскій полкъ, Ласси выступилъ въ походъ; 30 сентября 1733 г. былъ онъ уже подъ Варшавою, безъ особеннаго труда овладѣлъ этимъ городомъ и принудилъ шляхту избрать 5 октября королемъ курфирста Саксонскаго подъ именемъ Августа III. Лещинскій изъ Варшавы бѣжалъ въ Гданскъ, жители, котораго, надѣясь на помощь Франціи, рѣшились защищать его до послѣдней возможности. Ласси въ февралѣ 1734 г. осадилъ Гданскъ, но осада сильной крѣпости, безъ осадныхъ орудій, не могла итти удовлетворительно. Наше правительство, недовольное медленностію Ласси, выслало распоряжаться осадою Гданска Миниха, а самого Ласси отправило къ Кракову. Минихъ, по прибытіи къ осадному корпусу (мартъ 1734), немедленно же послалъ къ Гданчанамъ прокламацію, въ которой онъ грозилъ всѣхъ ихъ перевѣшать, если они не выдадутъ ему Лещинскаго. Гданчане не сдавались, отбили штурмъ 9 мая, и, конечно, отбились-бы и совсѣмъ отъ Миниха, если-бы кардиналъ де-Флери оказалъ Лещинскому дѣйствительную помощь, а не ту, которую онъ послалъ ему съ бригадиромъ дела-Моттомъ. Отрядъ де-ла-Мотта состоялъ всего изъ 2,000 человѣкъ и въ маѣ 1734 высадился подъ Гданскомъ. Минихъ, ввѣривъ Броуну два эскадрона кавалеріи и три баталіона пѣхоты, велѣлъ ему напасть на французовъ. Броунъ послѣ кровопролитной схватки, заставилъ Французовъ положить оружіе. Изъ всего французскаго отряда живыхъ осталось только 400 человѣкъ, которые и были отправлены въ Кронштатъ. Самъ Броунъ былъ раненъ въ голову. Пораженіе французовъ и послѣдовавшее потомъ прибытіе къ русскимъ осадныхъ орудій, заставили Гданскъ сдаться на капитуляцію (30 іюня). Сдача Гданска, взятіе Кракова войсками Ласси, наконецъ золото, котораго императрица не жалѣла на награды б л а г о н а м ѣ р е н н ы м ъ, побудили поляковъ признать наконецъ въ февралѣ 1735 г. своимъ королемъ Августа III.

Весною 1735 г. императрица повелѣла Ласси двинуться съ 12 тысячнымъ войскомъ изъ Польши къ Рейну, для соединенія съ арміею принца Евгенія Савойскаго. Въ число отборныхъ войскъ поступилъ и полкъ, въ которомъ служилъ Броунъ. Ласси дошелъ до Рейна, возбуждая вездѣ удивленіе устройствомъ и дисциплиною предводимыхъ имъ войскъ. Дѣло до битвъ недоходило, но положительно извѣстно, что появленіе русскихъ войскъ въ Германіи много способствовало заключенію мира между Франціею и Римскою имперіею (въ Вѣнѣ).

На возвратномъ пути въ Россію, вспомогательный (цесарскій) отрядъ получилъ повелѣніе иттп на Украйну, такъ какъ въ то время уже начались военныя дѣйствія съ Турками, хотя формальное объявленіе войны послѣдовало лишь 12 (23) апрѣля 1737 года. Ласси поручено было взятіе Азова. 3 мая 1736 онъ прибылъ къ этой крѣпости и стѣснилъ ее до такой степени, что гарнизонъ ея принужденъ былъ сдаться 19 іюня. Во время этой осады, Броунъ получилъ двѣ тяжелыя раны, и принужденъ былъ на нѣкоторое время удалиться изъ арміи. Оправившись отъ ранъ. онъ немедленно прибылъ къ полку и въ слѣдующемъ 1737 году 13 іюля учавствовалъ въ штурмѣ Очакова, уже командуя 3 тысячнымъ отрядомъ. Въ слѣдующемъ 1738 г. Броунъ дѣйствовалъ въ турецкомъ походѣ въ земляхъ по Днѣстру.

Въ то самое время, когда русскіе войска дѣйствовали противъ турокъ съ блестящимъ успѣхомъ, когда Минихъ и Ласси одерживали надъ своими противниками самыя рѣшительныя побѣды, германскій императоръ, объявившій также войну Туркамъ, терпѣлъ постоянныя неудачи и безславныя, даже постыдныя пораженія. Подробности объ этомъ здѣсь, конечно, неумѣстны, скажемъ только, что союзъ съ императоромъ былъ скорѣе помѣхою, чѣмъ подкрѣпленіемъ Россіи.—Въ ноябрѣ 1738 г. Броунъ былъ посланъ, по имянному повелѣнію императрицы, въ Семиградскую землю къ цесарской арміи въ качествѣ русскаго коммисара-инспектора, подъ именемъ полковника Боейра. Находясь при главной цесарской арміи, Броунъ учавствовалъ и въ дѣйствіяхъ ея.—22 іюля цесарцы напали на турокъ при Кроцкѣ и были разбиты ими на голову. При самомъ началѣ сраженія Броунъ съ цесарскими кавалеристами ворвался было въ толпу Турокъ, но потерпѣлъ неудачу. Туркп убили подъ нимъ его лошадь и, не смотря на отчаянное сопротивленіе, взяли его въ плѣнъ и отвели въ Адріанополь. Здѣсь онъ былъ проданъ на рынкѣ какъ невольникъ; купившій его хозяинъ продалъ его другому, а тотъ сбылъ его какому-то арнаутскому офицеру. Арнаутъ сдѣлалъ Броуна у себя кучеромъ и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Константинополь. Здѣсь Броунъ обратился къ французскому посланнику Вильневу съ просьбою о выку-

пѣ. Вильневъ выкупилъ его и нѣкоторое время держалъ при себѣ въ посольствѣ подъ видомъ француза. Въ Константинополѣ ему удалось достать, подозрѣвать надобно, что при посредствѣ Вильнева, планъ противъ Россiи на кампанiю будущаго года. Съ этими бумагами Броунъ отправился въ Петербургъ; пѣшкомъ, онъ вышелъ изъ Константинополя, счастливо пробрался чрезъ турецкiя владѣнiя и достигъ Каменецъ-Подольска. Тутъ онъ выдалъ себя за русскаго курьера и, проскакавъ верхомъ чрезъ всю Польшу, явился къ императрицѣ. Привезенныя имъ бумаги не имѣли уже никакого значенiя, ибо миръ съ Турками былъ подписанъ 7 октября 1739 г., а въ октябрѣ Минихъ прекратилъ всякiя военныя дѣйствiя; тѣмъ не менѣе Анна Iоанновна, въ воздаянiе заслугъ Броуна, оказанныхъ имъ въ четырехъ-лѣтней турецкой войнѣ, произвела его въ мартѣ 1740 г. въ генералъ-маiоры и повелѣла отправиться въ Финляндiю въ распоряженiе Ласси, который уже находился въ этой странѣ, готовясь къ открытiю военныхъ дѣствiй со шведами (*). Шведская война началась, какъ извѣстно, въ 1741 г. Броунъ въ 1742 и 1743 г. прикрывалъ отъ непрiятельскаго десанта пространство по берегамъ Финскаго залива отъ Петербурга до Нарвы. По заключенiи мира, Ласси отправился къ мѣсту своего прежняго служенiя въ Ригу генералъ губернаторомъ, а Броунъ, съ ввѣренными ему войсками, расположился въ Лифляндiи. Изъ послужнаго списка Броуна не видно получилъ-ли онъ какую либо награду за шведскую кампанiю, по всей вѣроятности, не получилъ никакой.

Четыре года Броунъ провелъ въ Лифляндiи въ готовности выступить въ походъ за границу, ибо по трактату, заключенному въ Петербургѣ 22 мая 1746 года, императрица Елисавета Петровна обязалась содержать въ Лифляндiи 30 тысячную армiю и послать ее, въ случаѣ нужды, на помощь Австрiи. Этотъ 30 тысячный отрядъ по конвенцiи, заключенной между Голландiей, Англiею и Россiею 20 ноября 1747 г,, выступилъ въ началѣ 1748 года чрезъ Польшу, Моравiю и Богемiю къ Рейну. Броунъ состоялъ на службѣ въ этомъ отрядѣ, и былъ во всѣхъ походахъ его. Впрочемъ русскому отряду (вспомогательному морскимъ державамъ, какъ онъ назывался офицiально) не пришлось принимать никакого участiя въ сраженiяхъ.—Въ маѣ 1748 г. были остановлены военныя дѣйствiя, а миръ, заключенный въ Ахенѣ (18 октября) окончилъ 8 лѣтнюю европейскую войну, истощившую и

(*) Петръ Петровичъ Ласси родомъ изъ Ирландiи и слѣд. землякъ Броуна. Онъ вступилъ въ русскую службу при Петрѣ I въ 1700 г., а въ это время уже былъ генералъ-губернаторомъ Лифляндiи (съ 1730 г.], генералъ-фельдмаршаломъ (съ 1740 г. за турецкую войну 1735—1739 годовъ). Броунъ былъ женатъ на сестрѣ Ласси и на деньги, полученныя въ приданное за женою, купилъ въ Лифляндiи имѣнiе Зегеволдъ.

разорившую Германію до послѣдней крайности.—Русскій отрядъ оставался за границей весь 1748 и только къ концу 1749 года возвратился въ Россію, ставъ по прежнему на своихъ квартирахъ въ Лифляндіи.

Извѣстно, что Ахенскій миръ не рѣшилъ ни одного изъ вопросовъ тогдашней европейской политики. Пруссія и Австрія, пользуясь миромъ, только собирали силы для послѣдней ожесточенной борьбы за Силезію, повсюду искали себѣ союзниковъ,—и для этого, прибѣгали къ такого рода интригамъ и крамолѣ, подобныхъ которымъ едвали когда встрѣчалось въ исторіи. Миръ былъ на словахъ, но на дѣлѣ повсюду шли огромныя приготовленія къ рѣшительной борьбѣ. Готовилась къ войны и Россія, усиливая войска и приводя ихъ на военное положеніе. Восемь лѣтъ продолжалось это напряженное состояніе и Броунъ въ это время за особенные труды по устройству войскъ въ Лифляндіи былъ произведенъ въ октябрѣ 1752 года въ генералъ-поручики, а въ сентябрѣ 1756 года въ генералъ-аншефы. Значеніе его въ арміи уже дѣлалось замѣтнымъ.

Намъ нѣтъ никакой надобности разсказывать какимъ образомъ Елисавета Петровна и ея дворъ склонились на сторону Австріи и какимъ образомъ Россія, обуреваемая безконечными интригами и своихъ и чужихъ людей, была вовлечена въ семилѣтнюю войну, не представлявшую ей никакихъ выгодъ въ будущемъ, страшно разорительную и стоившую ей громадныхъ денегъ.

22 января 1757 г. заключена была въ Петербургѣ конвенція между Россіею и Австріею, по которой Россія обязалась выставить на помощь Австріи не менѣе 50 тысячъ регулярнаго войска и не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока Силезія и Глацъ не будутъ въ рукахъ Австріи. Лѣтомъ 1757 г. русская армія, подъ предводительствомъ генералъ-фельдмаршала Ст. Ѳедор. Апраксина, двинулась къ прусскимъ границамъ,—въ составѣ 19 кавалерійскихъ и 31 пѣхотныхъ полковъ, 14 тысячь казаковъ, 2,000 казанскихъ татаръ и 1,000 калмыковъ. Броунъ былъ начальникомъ дивизіи въ этой арміи. Чрезмѣрныя опустошенія и разоренія знаменовали путь русскихъ. 19 августа произошла знаменитая Гросъ-Егерсдорфакая битва, въ которой прусаки потерпѣли полное пораженіе,—но, къ общему негодованію, Апраксинъ двинулся назадъ въ польскія предѣлы подъ видомъ недостатка провіанта и фуража, въ сущности же для того, чтобъ сдѣлать угодное наслѣднику престола великому князю Петру Ѳедоровичу, не одобрявшему войны съ Пруссіею. Апраксинъ былъ преданъ суду, главное начальство надъ арміею было ввѣрено Фермору съ повелѣніемъ напасть немедленно на Пруссію.

Броунъ за дѣятельное участіе въ Гросъ-Егерсдорфской битвѣ получилъ орденъ Александра Невскаго и отъ польскаго короля орденъ Бѣлаго Орла. Императрица Марія Терезія прислала ему осыпанную брилліантами табакерку. Вмѣстѣ съ тѣмъ Броуну ввѣрено было командованіе надъ войсками, стоявшими въ Курляндіи и Жмуди и составлявшими обсерваціонный корпусъ, изъ 16 полковъ, въ числѣ болѣе 20 тысячъ человѣкъ

Въ январѣ 1758 г. Ферморъ уже былъ подъ Кенигсбергомъ, а Броунъ со всѣмъ корпусомъ, черезъ Польшу, лѣтомъ 1758 двигался къ Торну и Познани. Въ августѣ всѣ русскіе отряды соединились и 14 числа произошла битва при Цорндорфѣ, одна изъ самыхъ кровопролитныхъ во всю семилѣтнюю войну. Обѣ сражавшіеся стороны понесли огромныя потери, и хотя Ферморъ удержалъ за собою поле сраженія, но нерѣшился на новую битву и отступилъ къ польскимъ предѣламъ.

Въ Цорндорфскомъ сраженіи Броунъ командовалъ лѣвымъ крыломъ арміи. Въ самый разгаръ убійственнаго боя онъ былъ захваченъ прусскимъ гусарскимъ офицеромъ. Гусары повлекли его уже на свою сторону, какъ офицеръ замѣтилъ несущуюся, нѣсколько поодаль, толпу казаковъ. Накинувъ на Броуна свой плащь, онъ грозилъ своему плѣннику немедленною смертію, если онъ подастъ какой либо знакъ или крикнетъ казакамъ. Броунъ, когда казаки были уже недалеко, крикнулъ: «Ребята, ко мнѣ!». Офицеръ, видя невозможность выдержать напоръ казаковъ, въ то самое мгновеніе, когда они поспѣшали на крикъ Броуна, сдѣлалъ по немъ два выстрѣла изъ пистолета и замѣтивъ, что плѣнникъ еще живъ, выхватилъ саблю и началъ рубить его по головѣ. Пока казаки подоспѣли на выручку, Броунъ получилъ 11 тяжелыхъ ранъ и съ разрубленнымъ черепомъ упалъ на полѣ, лишившись сознанія и чувствъ. Прусскіе гусары бѣжали, а казаки подняли Броуна и отнесли его на перевязочный пунктъ, замѣтивъ въ немъ нѣкоторые признаки жизни. Здѣсь Броунъ пришелъ въ себя, но за ранами продолжать службы уже не могъ. Удалившись для леченія въ Торнъ, онъ въ ноябрѣ 1758 г. писалъ государынѣ: «Хотя я излеченъ, только отъ столь тяжелыхъ ранъ, на столько во мнѣ слабости и безсилія къ прежнему моему худому здоровью прибавилось, что нынѣ и соотвѣтственнаго движенія не имѣю. Глаза худы стали, въ головѣ не одну боль, но и шумъ всегда имѣю (съ которой вынуто 56 костей), слухи крѣпки стали, къ тому жъ отъ раны на щекѣ нижней губы не чувствую, да и отъ раны жъ на лопаткѣ правой рукой не гораздо владѣю и свѣжей памяти вовсе лишился». Продолжать службу при такомъ состояніи здоровья, конечно, не было возможности, и государыня, пожаловавъ Броуну орденъ Ан-

дрея Первозваннаго, подаривъ ему мызу Шмильтенъ въ Лифляндіи въ потомственное, а потомъ мызу Пенау въ Курляндіи въ пожизненное владѣніе, уволила его для излеченія ранъ въ Лифляндію съ полнымъ жалованьемъ и штатомъ,

Весь 1759 г. Броунъ провелъ у себя въ деревнѣ и, по истеченіи срока отпуска, въ 1760 году отправился къ арміи, но видно время боевой дѣятельности для него уже минуло безвозвратно. Прибывъ къ Бреславлю и поступивъ подъ начальство новаго главнокомандующаго графа Салтыкова, онъ почувствовалъ всю невозможность продолжать фронтовую службу: раны открылись и онъ впалъ въ столъ сильную горячку, что, съ дозволенія Салтыкова, долженъ былъ отправиться для леченія въ Калишъ и оттуда (10 августа 1760 года) просилъ государыню объ увольненіи его въ деревню еще на годъ. Государыня разрѣшила ему отъѣхать отъ арміи и рескриптомъ отъ 21 февраля 1761 г. дозволила ему пробыть въ деревнѣ годъ, но состоящій при немъ штатъ (адъютанты) отпустить по полкамъ. Въ февралѣ 1762 года, по истеченіи срока отпуска, онъ прибылъ въ Петербургъ представиться Петру III, вступившему незадолго передъ тѣмъ на престолъ (25-го декабря 1761 года). Государь принялъ его очень ласково и, уважая его дознанную неустрашимость и отвагу, предназначалъ ему первенствующій постъ въ арміи. Послѣ оффиціальнаго представленія, императоръ потребовалъ однажды Броуна къ себѣ, изложилъ ему намѣреніе свое начать войну съ Даніею и затѣмъ, вручая ему патентъ на чинъ генералъ-фельдмаршала, объявилъ, что командованіе арміею противъ датчанъ онъ вручаетъ ему. Броуну, конечно, были ранѣе извѣстны и приготовленія къ войнѣ и причины ея. Подъ видомъ нездоровья, онъ немедленно отказался и отъ чина и отъ командованія арміею и, когда Петръ III потребовалъ отъ него изложенія настоящей причины отказа, Броунъ съ рѣзкою прямотою, составлявшею отличительную черту способа его выраженій, объяснилъ государю, что война съ Даніею вовлечетъ Россію въ большія несчастія, ибо она противорѣчитъ какъ здравой политикѣ, такъ и тогдашнимъ видамъ европейскихъ державъ. Вспыльчивый императоръ вырвалъ изъ рукъ Броуна патентъ на чинъ и повелѣлъ ему немедленно оставить русскую службу и выѣхать за границу. Погибель Броуна казалась неизбѣжною, онъ уже началъ готовится къ отъѣзду, какъ на третій день послѣ сказанной сцены, государь снова потребовалъ его къ себѣ и объявилъ, что за обиды,— причиненныя ему, государю, онъ съумѣетъ постоять и самъ, не нуждаясь ни въ чьей помощи, тѣмъ не менѣе уважая 30 лѣтнюю службу Броуна, его раны, полученныя въ многочисленныхъ битвахъ онъ не хочетъ болѣе сердиться на него,—и такъ какъ его разстроенное здоровье требуетъ спокойствія, котораго во фронтѣ имѣть нельзя, по-

тому онъ, государь, назначаетъ его на вакантное мѣсто генералъ-губернатора въ Ригѣ. «Отправляйтесь къ своему мѣсту служенія», прибавилъ императоръ, «я увѣренъ что возлагаемыя на васъ обязанности будете исполнять также добросовѣстно и честно, какъ служили до сего времени, и незабывайте, что я васъ всегда уважалъ и забываю недавнюю размолвку». Это назначеніе послѣдовали 1-го марта 1762 г. Броунъ долго и постоянно жилъ въ Лифляндіи, былъ Лифляндскимъ помѣщикомъ, очень хорошо зналъ и учрежденія и порядки этого княжества. Онъ небылъ новымъ человѣкомъ въ краѣ, и потому Петръ, ввѣряя ему управленіе Лифляндіею, имѣлъ право расчитывать, и послѣдствія оправдали его расчетъ, что Броунъ ему, по своему знанію края, будетъ полезенъ.

Переворотъ 28-го іюня 1762 года, возведшій на престолъ Екатерину II, засталъ Броуна въ Ригѣ. Государыня не замедлила ему написать, что отдаетъ справедливость его заслугамъ и желаетъ чтобъ онъ продолжалъ службу на назначенномъ ему мѣстѣ. Броунъ зналъ государыню, когда она была еще великою княжною, былъ усерднымъ почитателемъ ея геніальныхъ государственныхъ способностей и, со вступленіемъ на престолъ ея, явился самымъ усерднымъ и неутомимымъ ся подвижникомъ. Получивъ оффиціальное извѣщеніе о переворотѣ 28-го іюня, онъ тотчасъ же привелъ войска и жителей Риги къ присагѣ новой императрицѣ и принялъ мѣры, чтобы извѣстіе о переворотѣ не достигло въ заграничную армію чрезъ Ригу, прежде чѣмъ императрица упрочитъ свое положеніе. Государыня была вполнѣ довольна этою мѣрою и ея благоволеніе къ Броуну увеличилось, когда онъ, исполняя повелѣнія государыни, много способствовалъ къ возстановленію Бирона на курляндскомъ престолѣ. Посѣтивъ Лифляндію въ 1764 г., она могла убѣдиться, какъ Броунъ понимаетъ свои обязанности, яко главы и хозяина губерніи. Вся задача его была — поднять во чтобы то ни стало промыселъ и торговлю Риги и Лифляндіи, обуздать произволъ, гдѣ бы онъ ни проявлялся въ краѣ, требуя отъ всѣхъ и подавая самъ примѣръ строгаго исполненія закона и распоряженій верховной власти.

Посмотримъ же въ общихъ чертахъ, что было сдѣлано Броуномъ для ввѣреннаго ему края въ теченіе тридцатилѣтняго управленія имъ. Сдѣлано было не мало, именно, для поднятія промысла и торговли, и упроченія благосостоянія жителей Балтійской окраины. Ясно сознавая, что, безъ хорошаго внутренняго управленія и безъ надлежаще устроенныхъ путей сообщеній, развитіе торговли невозможно, онъ на оба эти пункта обратилъ преимущественное вниманіе. Время его управленія Лифляндіою съ 1762 г., а съ 1775 г. Лиф-

ляндіею и Эстляндіею (1), ознаменовано весьма важными постановленіями и реформами. Такъ, по непосредственному представленію и ходатайству Броуна, были между прочимъ утверждены и введены въ дѣствіе:

Уставъ о рижской коммерціи (1765); полицейскій уставъ городамъ Феллину, Вольмару, Лемзалю, Валкамъ, Вендену и Аренсбургу (1766); лицентный уставъ (1768); правила торговли Риги съ новопріобрѣтенными отъ Польши землями (1773); наказъ штатгалтеру Эзельской провинціи (1774); правила торговли между Лифляндіею и Курляндіею (1783).

Но самая важная и обильная нововведеніями и реформами эпоха начинается съ 1785 года, когда Лифляндія и Эстляндія получили одинаковое съ Россіею устройство, будучи преобразованы въ Рижское и Ревельское Намѣстничества. Здѣсь Броунъ явился самымъ неутомимымъ исполнителемъ предначертаній Екатерины II. Открывъ Намѣстничества, раздѣливъ ихъ на губерніи и уѣзды, онъ все свое вниманіе обратилъ на благоустройство уѣздныхъ городовъ и на внутреннее управленіе въ нихъ. Онъ построилъ дома для народныхъ школъ и богадѣленъ въ Валкѣ, Феллинѣ, Вольмарѣ, Венденѣ, Аренсбургѣ, Лемзалѣ и Верро и въ 1788 г. во всемъ краѣ открылъ народныя училища (русское Екатерининское училище въ Ригѣ основано имъ же). Дерптъ много обязанъ Броуну, ибо онъ его возобновилъ послѣ двукратнаго пожара и построилъ чрезъ Эмбахъ каменный мостъ Въ 1787 году онъ ввелъ въ Ригѣ городовое положеніе одинаковое съ Россіею и, конечно, горожане не могли жаловаться на такую перемѣну, ибо за нею скоро послѣдовало уменьшеніе городскихъ долговъ.

Употребляя всѣ усилія къ улучшенію внутренняго управленія краемъ, онъ неупускалъ изъ виду прямыхъ выгодъ торговыхъ людей и съ этою цѣлію исходатайствовалъ у императрицы утвержденія работъ по укрѣпленію береговъ рѣки Двины и улучшенію рижскаго порта (1763 г.), основалъ гостинной дворъ для русскаго купечества (1772 г.), построилъ пенечные амбары (1778 г.), открылъ работы по очисткѣ Двины отъ Риги вверхъ до Динабурга отъ пороговъ (1776 г.). Потребности и нужды Риги въ военномъ отношеніи отнюдь не ускользали отъ вниманія Броуна. Подъ его наблюденіемъ

(1) Эстляндія, со времени присоединенія ея къ Россіи, имѣла особыхъ генералъ-губернаторовъ. Первымъ генералъ-губернаторомъ ея былъ князь А. Д. Меншиковъ, послѣднимъ принцъ Гольштейнъ-Бекъ, умершій въ мартѣ 1775 г. Съ этого времени Эстляндское генералъ-губернаторство слилось съ Лифляндскимъ, и оба княжества были ввѣрены управленію Броуна.

былъ составленъ планъ Рижской крѣпости (1772 г.) и приведенъ въ исполненіе непосредственнымъ его распоряженіемъ. Почти всѣ дома и казармы въ бывшей Рижской цитадели построены или по приказанію, или по ходатайству Броуна. Петропавловскій соборъ въ Ригѣ и православные церкви въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ построены имъ-же. Онъ присоединилъ къ Лифляндіи посадъ Шлокъ (1783 г.), коимъ неправильно владѣла Курляндія, учредилъ таможенную стражу (1784 г.), приступилъ къ межеванію казенныхъ лѣсовъ (1786 г.), и во всемъ краѣ учредилъ запасные хлѣбные магазины, построивъ и зданія для нихъ

Наша цѣль была изобразить прохожденіе государственной службы Броуна, но отнюдъ не оцѣнка и полное изображеніе его дѣйствій въ Приталтійскомъ краѣ. Дѣятельность его, какъ администратора, какъ исполнителя предначертаній императрицы Екатерины II будетъ служить предметомъ дальнѣйшихъ очерковъ по исторіи Лифляндіи. Для нашей цѣли достаточно замѣтить, что въ распоряженіяхъ Броуна, въ многочисленныхъ его докладахъ императрицѣ, въ его проэктахъ и предположеніяхъ вездѣ можно видѣть дѣльнаго, практическаго администратора. Государыня въ перепискѣ съ нимъ всегда въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывалась о его трудахъ, дѣльцы екатерининскаго времени какъ напр. генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, Безбородко и др. находились съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ и никогда не забывали поздравить его съ новымъ годомъ и пожелать ему всего добраго, какъ того не забывалъ дѣлать псковскій преосвященный Иннокентій (Нечаевъ). Великій князь Павелъ Петровичъ всегда относился къ Броуну съ большимъ уваженіемъ (*), а будучи проѣздомъ заграницу, въ Ригѣ, и осматривая казначейство, долгомъ своимъ счелъ донести государынѣ, что практичнѣе, проще и дѣльнѣе отчетности, введенной Броуномъ въ казначействѣ, онъ нигдѣ не встрѣчалъ.

Но продолжаемъ нашъ разсказъ.

Съ 1762 г., какъ замѣчено выше, Броунъ оставался до самой своей смерти генералъ-губернаторомъ Лифляндскимъ, а съ 1775 года и Эстляндскимъ. Никакихъ перемѣнъ по службѣ съ нимъ не послѣдовало во все это время. Въ 1774 г. германскій императоръ

(¹) Вотъ напримѣръ письмо Великаго Князя къ Броуну отъ 3-го января 1792 года:

Письмо ваше, графъ Юрій Юрьевичъ, получилъ я съ удовольствіемъ и увѣренъ будучи о искренности желаній вашихъ, благодарю васъ за оныя и желаю вамъ равномѣрно всякаго блага и добраго здоровья, увѣряя васъ притомъ о особомъ и непремѣнномъ моемъ къ вамъ благорасположеніи, съ коимъ и пребуду навсегда вамъ благосклонный Павелъ.

Іосифъ II возвелъ его въ достоинство графа Римской Имперіи, предоставивъ ему этотъ титулъ какъ наслѣдственный послѣ его дяди, знаменитаго фельдмаршала графа Броуна, убитаго въ 1756 г. подъ Прагою. Императрица Екатерина, въ ознаменованіе благоволенія къ Юрію Юрьевичу, подарили ему 8½ гаковъ земли на мызѣ Шмильтенъ; въ 1782 г. пожаловала кавалеромъ ордена св. Владиміра 1-й степени большаго креста (всѣ россійскіе ордена ему были пожалованы еще императрицею Елисаветою), и въ томъ же году повелѣла выдавать ему на столъ по 500 руб. въ мѣсяцъ. Многочисленныя письма императрицы къ Броуну свидѣтельствуютъ о ея неизмѣнномъ къ нему благоволеніи, сравнительная же скудость полученныхъ имъ наградъ свидѣтельствуетъ скорѣе о безкорыстіи и неискательности Броуна, чѣмъ о невниманіи къ нему государыни. Ведя жизнь дѣятельную и скромную, онъ былъ врагомъ всякой роскоши и не любилъ тратить денегъ на пустому. Живя постоянно въ замкѣ, онъ не допускалъ въ своихъ комнатахъ никакихъ излишнихъ убранствъ, и заботясь о постройкахъ общественныхъ и казенныхъ зданій, незаботился объ удобствахъ для самаго себя и никогда не просилъ денегъ на ту роскошную обстановку, которую такъ любили современные ему екатерининскіе вельможи. Строгій исполнитель закона и оберегатель интересовъ Государыни Императрицы, онъ требовалъ и отъ подчиненныхъ своихъ самаго точнаго исполненія закона. Вспыльчивый до крайности и суровый по образу жизни и своимъ привычкамъ, онъ не любилъ дѣлать никому поблажекъ или уступокъ. Такъ, когда Лифляндская оберъ-консисторія, въ 1778 г., начала было, въ противность его повелѣнія, отводить въ своемъ школьномъ домѣ помѣщенія лицамъ къ школѣ непринадлежащимъ, то мало того, что онъ заставилъ консисторію отмѣнить распоряженія, но настоялъ на томъ, что консисторія, по приговору сената, явилась къ нему въ полномъ составѣ просить прощенія за свою строптивость. Въ 1785 году замѣтивъ, при учрежденіи Рижскаго Намѣстничества, что дворянство выбрало чиновниковъ не изъ лучшихъ людей, онъ тотчасъ же далъ всему дворянству строгій выговоръ. Вотъ отрывокъ изъ письма его къ государынѣ писаннаго 28-го января 1792 г., лучше всего показывающій до чего доходила неуступчивость и настойчивость его дѣйствій:

«Здѣшній губернскій дворянства предводитель Герсдорфъ произнесъ на меня жалобу предъ престоломъ Вашего Императорскаго Величества, которая, по высоко-материнскому вашему ко мнѣ милосердію, отдана была на разсмотрѣніе правительствующему сенату, а сей, получивъ отъ меня объясненіе, нашелъ оную не только неосновательною, но и предписалъ мнѣ, чтобъ я сдѣлалъ ему крѣпкій выговоръ. Я, не почитая себѣ сіе достаточнымъ удовлетвореніемъ, просилъ правительствующаго сената сдѣлать мнѣ предписаніе: угодно

ли приказать поступить съ нимъ за неповиновеніе къ начальнику губерніи по законамъ, или нѣтъ къ тому довольныхъ причинъ, на что, однако, отъ правительствующаго сената въ резолюціи ничего не имѣю. А какъ извѣстился я нынѣ, что помянутой губернскій дворянства предводитель паки въ Петербургѣ и, безъ сомнѣнія, наноситъ на меня неистовыя клеветы, то я, прибѣгая подъ защиту Вашего Императорскаго Величества, прошу всеподданнѣйше Высочайше повелѣть: доставить мнѣ принадлежащее въ семъ дѣлѣ удовлетвореніе; буде же таковое прошеніе признано будетъ Высочайше несогласнымъ съ волею Вашего Величества, то, принявъ Всемилостивѣйше въ уваженіе старость мою и немощныя уже силы, кои недозволяютъ мнѣ болѣе сносить строптивостей по службѣ всегда встрѣчающихся, Всемилостивѣйше отъ службы уволить вовсе». Императрица не уволила Броуна, отвѣчала, что только смерть разлучитъ ее съ нимъ, но остался ли безнаказаннымъ Герсдорфъ, съ точностію неизвѣстно.

Не ослабѣвая въ трудахъ, Броунъ достигъ глубокой старости. Заболѣвъ въ сентябрѣ 1792 г. и чувствуя, что ему уже не встать съ постели, онъ вызвалъ къ себѣ своихъ дѣтей [1], пересмотрѣлъ еще прежде составленное завѣщаніе, подписалъ его и отправилъ къ государынѣ 11-го сентября слѣдующее прощальное письмо:

«Проходя мысленно теченіе жизни моей, коей большая часть посвящена была на службу Имперіи Вашего Императорскаго Величества, и исчисляя заслуги мои, не могу и положить оныя ни въ какое сравненіе съ изліянными на меня высочайшими предками Вашего Императорскаго Величества, а паче всеавгустѣйшею особою Вашею разными милостями, щедротами, и благоволеніемъ, и для того, оканчивая вѣрноподданнѣйшее служеніе съ жизнію моею, съ искреннимъ желаніемъ Вашему Величеству долголѣтняго и счастливаго царствованія, считаю я священнѣйшимъ долгомъ, при испущеніи послѣдняго дыханія моего, отправить сію всеподданѣйшую реляцію къ освященнымъ стопамъ Вашимъ и извѣстить мою всенижайшую благодорность за всѣ оказанныя Вашимъ Императорскимъ Величествомъ высочайшія милости

---

(1) Графъ Броунъ былъ женатъ два раза. От первой жены его, сестры фельдмаршала Ласси, онъ имѣлъ трехъ сыновей, изъ которыхъ старшій былъ въ австрійской артиллеріи генераломъ, другіе же умерли въ дѣтствѣ, и одну дочь, вышедшую замужъ за ливонскаго палатина Зиберга. Отъ втораго брака его съ вдовою Фитингофъ, урожденною баронессою Менгденъ, у него были: сынъ Іоганъ Георгъ—полковникъ Кексгольмскаго полка и двѣ дочери, изъ коихъ старшая Элеонора—Христина была замужемъ за генералъ-поручикомъ польскихъ войскъ графомъ Борхомъ, а младшая Вильгельмина—Елисавета за графомъ Медемомъ, племянникомъ герцога Курляндскаго. Сынъ Броуна, Іоганъ—Георгъ былъ женатъ на младшей дочери Фитингофа, нѣкогда гремѣвшаго въ Ригѣ своимъ богатствомъ и вліяніемъ. Старшая же дочь Фитингофа Юлія—Варвара извѣстная впослѣдствіи госпожа Криденеръ.

и человѣколюбивыя снисхожденія къ слабостямъ моимъ, коихъ я, по человѣчеству и долговременному отправленію службы, не имѣть не могъ, и въ коихъ прошу всенижайше себѣ всемилостивѣйшаго Вашего Величества прощенія, а дѣтямъ моимъ сроднаго человѣколюбивой душѣ Вашей высочайшаго покровительства и защиты во время непріятныхъ приключеній.

При семъ пріемлю дерзновеніе учинить Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшее свидѣтельство о добропорядочномъ поведеніи, усердіи къ службѣ и исправности въ порученныхъ должностяхъ находащагося при мнѣ коллежскаго совѣтника Макарова, который, особливо въ послѣднее время моего управленія губерніями, оказалъ искуство въ дѣлахъ и добродушіе и тѣмъ усугубилъ мое удовольствіе и довѣренность, равномѣрно употребляющійся по дѣламъ на нѣмецкомъ языкѣ коллежскій ассесоръ Кертенъ велъ себя всегда добропорядочно и исправлялъ дѣла съ раченіемъ, а также и опредѣленные адъютанты капитанъ Расъ и титулярный совѣтникъ Сѣвериновъ, служа безпорочно и исправляя должности съ особливымъ усердіемъ и расторопностію, заслуживаютъ мое всеподданнѣйшее у престола Вашего Императорскаго Величества представительство, дабы оные въ штатѣ моемъ находящіеся люди, по неимуществу ихъ, безъ призрѣнія оставлены не были: или опредѣленіемъ по чинамъ и способностямъ ихъ къ мѣстамъ, или, въ случаѣ несостоянія мѣстъ, не лишить ихъ нынѣшняго окладнаго жалованья.

Трудолюбіе и расторопность, съ коими Высочайше опредѣленный рижскимъ губернаторомъ, генералъ-маіоръ фонъ-деръ Паленъ отправляетъ свою должность, побуждаютъ меня всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что государственный интересъ, желаемое правосудіе и предписанный порядокъ въ дѣлахъ наблюдается имъ въ точности, и онъ имѣетъ единственнымъ предметомъ, дабы служеніе его согласовалось съ Высочайшею Вашего Императорскаго Величества довѣренностію и благоволеніемъ, въ чемъ онъ, усердствуя, показалъ уже довольные опыты.

И такъ, предавая духъ мой въ руцѣ Всевышняго, удостовѣряю Ваше Императорское Величество чистосердечно, что я пребылъ до гроба съ непоколебимою вѣрностію Вашего Императорскаго Величества вѣрнымъ подданнымъ графъ Броунъ. Въ Ригѣ, 11-го сентября 1792 года».

Чрезъ недѣлю Броуна уже не было. Исповѣдавшись и причастившись, простясь съ дѣтьми и своими друзьями, онъ скончался 18-го сентября 1792 г. на 94-мъ году отъ роду. За нѣсколько времени до смерти, онъ просилъ рижскаго губернатора барона Палена сдѣлать представленіе государынѣ, что онъ не желаетъ никакихъ похоронныхъ почестей, но проситъ единственной милости, чтобъ тѣло его было погребено въ Шенбергѣ, въ Курляндіи, въ фамильномъ его

склепѣ и чтобъ его гробъ, подобно гробу фельдмаршала Ласси, проводилъ конвой изъ 60 кирасиръ. Вмѣстѣ съ симъ онъ приказалъ, чтобъ его похоронили непремѣнно въ томъ самомъ мундирѣ, который былъ на немъ во время Цорндорфскаго сраженія. Мундиръ этотъ, изорванный, запятнанный кровью, онъ тщательно хранилъ.

По полученіи донесенія Палена, государыня немедленно отвѣчала ему: «Я всегда уважала графа Броуна и чувствую какъ много потеряла въ его смерти; скажите его дѣтямъ, что я беру ихъ подъ свою защиту; объявите всѣмъ, занимавшимъ посты при немъ, что я уже приказала продолжать имъ нынѣшнее жалованье до тѣхъ поръ, пока они не будутъ пристроены къ другимъ мѣстамъ, что также не замедлится. Что же касается до погребенія покойнаго, то вы должны не только исполнить все, о чемъ онъ просилъ, но и отдать всѣ почести, должныя его сану и заслугамъ».

26-го сентября тѣло Броуна было увезено изъ Риги. Докторъ философіи и каноникъ бибенскій Виссингеръ служилъ панихиду и произнесъ погребальное слово; послѣ Виссингера говорилъ рѣчь предводитель дворянства Унгернъ-Штернбергъ. Всѣ воинскія почести были отданы покойному. Гробъ его провожали: губернаторъ Паленъ, генералы Вольфъ, графъ Румянцевъ, Мейендорфъ, предводитель дворянства и безчисленные толпы народа.

Броунъ похороненъ въ Курляндіи, въ Шенбергѣ. Въ томъ же 1792 г. лифляндскимъ и эстландскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ знаменитый подвижникъ екатерининскаго времени князь Николай Васильевичъ Репнинъ.

II.

Тайный совѣтникъ Фитингофъ.

О людяхъ и событіяхъ прошлаго столѣтія въ средѣ рижскихъ старожиловъ не сохранилось почти никакихъ преданій: почти все уже забыто и сгладилось изъ народной памяти. Изрѣдка еще вспоминается генералъ-губернаторъ Броунъ, тридцать лѣтъ управлявшій сперва Лифляндіею, потомъ Лифляндіею и Эстляндіею, составшими съ 1783 года рижское и ревельское намѣстничества. Графъ Броунъ умеръ въ Ригѣ въ 1792 году на 94 году отъ роду, и въ простомъ народѣ долго ходилъ слухъ, что покойный Броунъ и по смерти не оставлялъ Риги: караульные-де солдаты, стоявшіе на часахъ, всегда видѣли, въ особенности при непогодѣ или вьюгѣ, что старикъ Броунъ идетъ по крѣпостному валу дозоромъ, тщательно осматриваетъ все и исчезаетъ у замка. Разсказъ этотъ, безсмысленный самъ по себѣ, указываетъ, однако, что о Броунѣ долго не забывали въ народѣ (въ настоящее время Броунъ забытъ окончательно). О современникахъ Броуна не осталось никакихъ преданій, по крайней мѣрѣ, намъ никогда не удавалось слышать ихъ, но вотъ поговорка, образовавшаяся и сохранившаяся несомнѣнно съ конца XVIII столѣтія: «богатъ, какъ Фитингофскій мужикъ». Поговорка эта означала крайнюю степень разоренія и ее можно было слышать еще не такъ давно; мы нерѣдко слыхивали эту поговорку, но лица, отъ которыхъ мы слышали ее, никакъ не могли намъ объяснить, съ чего

именно она взялась; сохранилось лишь темное преданіе, что Фитингофскіе крестьяне славились въ старину своею нищетою и выраженіе «богатъ, какъ Фитингофскій мужикъ» было равнозначительно нашему: ни кола, ни двора. Поговорка эта (въ настоящее время она забывается окончательно) заинтересовала насъ, но мы долго не могли добиться: къ крестьянамъ какого именно Фитингофа она относится и съ чего именно пошла она въ народѣ. Разгадку эту мы нашли въ одной статьѣ бывшаго редактора «Рижской Газеты» Юлія Экардта, помѣщенной къ сборникѣ политическихъ и культурно историческихъ отрывковъ, вышедшемъ въ 1869 г. въ Лейпцигѣ вторымъ изданіемъ подъ общимъ заглавіемъ: Die baltischen Provinzen Rußlands. Сообщаемыя г-мъ Экардтомъ подробности о Фитингофѣ, по нашему мнѣнію, вполнѣ объясняютъ происхожденіе вышеозначенной поговорки «богатъ, какъ Фитингофскій мужикъ».

Тайный совѣтникъ Отто Германъ Фитингофъ родился въ Ригѣ въ 1720 году и въ ранней молодости поступилъ въ военную службу. Онъ состоялъ при фельдмаршалѣ Лессіѣ (Ласси) флигель-адъютантомъ, и въ царствованіе Елисаветы Петровны былъ въ походахъ противъ Швеціи и потомъ Пруссіи. На 25 году отъ роду онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника и вступилъ въ бракъ съ графинею Анною Ульрикою Минихъ, внучкою знаменитаго фельдмаршала. Въ отставкѣ онъ пробылъ не долго, вступилъ снова въ службу, но уже въ гражданскую. Онъ былъ назначенъ въ Ригу лифляндскимъ регирунгсъ-ратомъ, слѣдовательно, занялъ весьма видное мѣсто (регирунгсъ ратовъ было два, товарищемъ Фитингофа былъ тайный совѣтникъ баронъ Кампенгаузенъ). Обладая значительно большими помѣстьями (ему принадлежали Маріенбургъ, Любань, Гросъ-Юнгфернгофъ, Кроненгофъ, Вибенсгольмъ, Куртенгофъ и имѣніе Коссе у Верро), занимая высокое мѣсто въ служебной іерархіи (регирунгсъ-ратъ былъ первое лицо послѣ генералъ-губернатора въ губерніи), онъ скоро сдѣлался извѣстнымъ при дворѣ и любилъ то, что нынѣ называется пожить широко.

Съ 1756 года Фитингофъ постоянно пребывалъ въ Ригѣ и домъ его сдѣлался средоточіемъ вкуса и изящнаго тона. Рижане того времени не умѣли занимательно проводить свое свободное время: театра у нихъ не было (были балаганы), музыка игрывала лишь лѣтомъ по садамъ; но за то они поигрывали въ картишки и потягивали винцо. Такъ, напр., одинъ современникъ пишетъ: „Kartenblätter, die Pest der Conversation, lagen auf allen Tischen; wer nicht mitspielte, nicht mit die Zeit verdarb, gehörte in das Fach der Pagoden, und jedes Codille, jedes Solo erhellten die schwarzen Flaschen des Champagners und Burgunders", т. е. карты, эта чума для бесѣды, лежали на всякомъ столѣ;

кто не игралъ, кто не убивалъ за картами времени, тотъ считался чѣмъ то въ родѣ китайца, всякая кодилья, всякое соло (въ ломберѣ) сопровождались черными бутылками шампанскаго и бургундскаго.

По вечерамъ и послѣ занятій рижане любили собираться въ грязныхъ, душныхъ кофейняхъ и не знали, что можно проживать деньги не въ примѣръ приличнѣе (да и въ большемъ количествѣ, прибавимъ отъ себя). Фитингофъ указалъ къ этому вѣрнѣйшую дорогу. За 12 тысячъ червонцевъ онъ выстроилъ новый домъ въ городѣ на Королевской улицѣ, въ верхнемъ этажѣ котораго онъ основалъ первый клубъ «Муссу» (существуетъ и по нынѣ), а въ нижнемъ устроилъ театръ (существовалъ до 1865 г., если не ошибаемся, т. е. до открытія нынѣшняго городскаго театра). Чрезъ Мейрера и Коха, Фитингофъ выписалъ на свой счетъ хорошую драматическую труппу, которая и открыла новый театръ 15 сентября 1782 г. представленіемъ драмы Лессинга «Эмилія Галотти». На свой же счетъ онъ содержалъ оркестръ изъ 24 человѣкъ, на что ежегодно тратилъ 2,500 червонцевъ. Современники хвалили въ театральномъ оркестрѣ скрипача Фейге, віолончелиста Пичера и флейтиста Адама, которые то въ концертахъ, то въ домѣ Фитингофа играли вмѣстѣ съ искусными дилетантами изъ общества и восхищали слухъ слушателей (der Hörer Ohr entzückten). Дилетантовъ музыки было, повидимому, не мало. Одинъ путешественникъ, бывшій въ Ригѣ въ 1783 г., пишетъ: «До сихъ поръ въ моемъ ухѣ звучитъ обворожительная скрипка Махоскаго, мягкіе звуки струнъ Гуна, журчащіе звуки Бульмеринка, милое пѣніе флейты Кейхеля, до сихъ поръ еще звучитъ въ ушахъ у меня (noch tönt mir) твой вальдгорнъ нѣжный (zärtlicher) Валентинъ.

Два раза въ недѣлю были собранія въ «Муссѣ», одинъ разъ для мущинъ, другой разъ для мущинъ и для дамъ; чрезъ каждыя двѣ недѣли были маскарады, на которые могъ являться каждый прилично одѣтый гость. По понедѣльникамъ были музыкальные вечера въ домѣ Фитингофа. Его превосходительство, господинъ тайный совѣтникъ, были образцемъ хорошаго вкуса, неограниченнымъ повелителемъ общества, говоритъ тотъ же путешественникъ, въ масонской ложѣ «Меча» они держали слово (führten sie das Wort), въ канцеляріи генералъ-губернатора они сторожили привиллегіи (wachten sie, für die Aufrechtenhaltung der Privilegien) чуть лишь они изволили (geruhten sie) появляться на балъ, ихъ встрѣчали трубы и литавры и къ подножіямъ ихъ повергались въ прозѣ и въ стихахъ слабыя изліянія радостныхъ чувствъ сердца отъ присутствія его превосходительства (schwache Ausdrücke fröher Herzensempfindungen über die Gegenwart Sr. Exelenz), въ такомъ родѣ:

Heil unserm Balle
Er tritt herein,
Wir harren Alle
Mit Sehnsucht sein,
Stumm war die Saite
Eh' Er erschien,
Laut tönt' sie heute
Die Violin'!
Du strahlst im Glanze,
Weckst Muth und Scherz,
Nimm auf zum Tanze
Des Balles Herz и т. д.

т. е. Ура нашъ балъ, пожаловалъ онъ (т. е. его превосходительство) къ намъ; мы всѣ ждемъ его съ нетерпѣніемъ; струны молчали, пока его не было, теперь звонко раздалась скрипка. Сіяешь ты въ блескѣ, возбуждая веселость и радость; пригласи же къ танцу сердце бала)....

День рожденія и именины Фитингофа были народными праздниками; въ эти дни въ театрѣ въ честь его былъ устраиваемъ пролог и читались стихотворенія. Однимъ словомъ, дѣло пошло какъ по маслу, и читатель, конечно, видитъ, что съ такими затѣями и при такой широкой жизни никакое состояніе не выдержитъ. Вечера, оркестры, балы, маскарады стоили денегъ, а такъ какъ деньги на эти предметы по преимуществу взимались изъ доходовъ отъ помѣстій, т. е. съ крестьянъ, потому нечего удивляться, что Фитингофскіе крестьяне сдѣлались къ концу прошлаго столѣтія нѣкоторымъ образомъ притчею во языцѣхъ, и объ ихъ зажиточности и богатствѣ сохранилось преданіе даже до нашихъ дней, выразившееся въ поговоркѣ: «богатъ, какъ Фитингофскій мужикъ». Впрочемъ, расточительность и мотовство между высшими сословіями въ XVIII ст. были общими пороками во всей Западной Европѣ и Россіи. Многіе наши вельможи далеко превосходили въ житьѣ на широкую ногу Фитингофа; вспомнимъ только праздникъ, устроенный Потемкинымъ въ Петербургѣ 28 апрѣля 1791 г. (см. Р. Арх. 1867 г. стр. 673 и слѣд.), вспомнимъ мотовство и разгулье Зорича, и мы согласимся, что Фитингофъ дивилъ только «свой муравейникъ».

Фитингофъ прожилъ въ Ригѣ съ 1756 по 1787 г.; въ 1787 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ президентомъ медицинской коллегіи, но его жена и дочери оставались въ Ригѣ. Онъ неоднократно послѣ того наѣзжалъ въ Ригу и умеръ въ Петербургѣ въ 1792 г. Тѣло его погребено тамъ же пасторомъ Лампе. Вдова Фитингофа жила въ Ригѣ до 1811 г., въ этомъ году она умерла, до самой смерти своей ведя домъ на широкую ногу. Старшая дочь Фитингофа вышла замужъ за Криднера, бывшаго нашимъ посланникомъ въ Венеціи, Копенгагенѣ и Берлинѣ. Это из-

вѣстная мадамъ Криднеръ, пріобрѣвшая нѣкоторую извѣстность во времена низверженія Наполеона. Младшая дочь Фитингофа была замужемъ за полковникомъ графомъ Іоганомъ Георгомъ Броуномъ, сыномъ генералъ-губернатора графа Юрія Юрьевича Броуна.

Справедливость требуетъ однакоже сказать, что разгулье и мотовство отнюдь не составляли общей черты нравовъ прибалтійцевъ нѣмецкаго происхожденія ни въ прошломъ, ни въ текущемъ столѣтіяхъ; попадались моты и расточители и между дворянами и между бюргерами, и даже порядочные моты, но огромное большинство и горожанъ и дворянъ строго держалось мудраго правила беречь копѣйку на черный день.

III.

Графъ Меллинъ.

(Біографическій очеркъ по Юлію Экардту).

Въ сборникѣ политическихъ и культурноисторическихъ очерковъ Юлія Экардта, о которомъ упоминалось выше, приведены нѣкоторыя данныя о графѣ Меллинѣ, которыя мы и передаемъ читателямъ, интересующимся событіями и людьми минувшаго въ Прибалтійскомъ краѣ.

Графъ Августъ Людвигъ Меллинъ принадлежалъ, говоритъ г. Экардтъ, къ достойнымъ и замѣчательнѣйшимъ лицамъ временъ просвѣщенія Лифляндіи; имя его связано со всѣми важными преобразованіями, совершавшимися съ начала XIX столѣтія, и не смотря на то, оно было забыто гораздо раньше, чѣмъ бы слѣдовало и чѣмъ можно было предполагать. Едва-ли найдется лифляндскій патріотъ, (1) который оставилъ-бы послѣ себя такъ много письменныхъ свидѣтельствъ о своей дѣятельности, и если бы ихъ свести и разработать, то не трудно бы было изобразить одинъ изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ Прибалтійской исторіи. Жизнь графа Меллина представляетъ

---

(1) Мы не признаемъ никакого лифляндскаго патріотизма и никакихъ лифляндскихъ патріотовъ и утверждаемъ, что въ Россіи не можетъ быть другаго патріотизма, кромѣ русскаго, но это пишетъ Экардтъ, человѣкъ безспорно талантливый и свѣдущій, но далеко не чуждый исключительности.

не мало интереса для всѣхъ вообще; онъ самъ оставилъ въ рукописи свою автобіографію, которая и была приготовлена его другомъ, пасторомъ Пегау въ Кремонѣ къ печати; намъ остается лишь воспользоваться его записками, которыя хранятся въ рижской городской библіотекѣ.

Графъ Августъ Людвигъ Меллинъ родился 23 января 1754 года въ Тоалѣ, Эстляндской губерніи. Подобно большинству своихъ современниковъ, первыя побужденія къ серьезному міросозерцанію онъ почерпнулъ изъ сравненія неблагопріятнаго положенія эсто-латышскаго народа съ идеальными воззрѣніями философіи тогдашняго времени о достоинствѣ и счастіи человѣка. Подобно тому какъ у Меркеля, Сиверса, Бруйнинка, и у молодаго Меллина рано пробудилось желаніе способствовать улучшенію быта крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Гуманное направленіе юноши укрѣплялось примѣромъ отца, который никогда не скрывалъ своего отвращенія къ существовавшему порядку дѣлъ. Отецъ его (род. 1707 г. ум. 1775 г.) былъ просвѣщеннымъ филантропомъ, приверженцемъ Вольтера, Бейля и Руссо. «Дитя мое, говаривалъ онъ сыну, отдадимъ добровольно нашимъ кормильцамъ крестьянамъ тѣ права, которыя мы современемъ вынуждены будемъ отдать; придетъ же время, когда это окажется необходимымъ, иначе пришлось бы отчаяться въ божеской справедливости». Хотя молодого Меллина и предназначали было для военной службы, тѣмъ не менѣе онъ получилъ тщательное научное образованіе при посредствѣ учителя (гофмейстера) Кампмана, сына шведскаго офицера. Кампманъ былъ одаренъ, полагать надобно, большимъ педагогическимъ талантомъ, потому что молодой Меллинъ, на 12-мъ году отъ роду, умѣлъ уже вычислять солнечныя и лунныя затмѣнія и свободно объяснялся на латинскомъ и французскомъ языкахъ. Кто возьметъ въ руки автобіографію Меллина, тотъ съ любопытствомъ прочтетъ описаніе впечатлѣній науки XVIII вѣка на умъ молодаго Меллина, который въ 1767 году изъ своего эстляндскаго затишья отправился въ Германію съ однимъ изъ своихъ родственниковъ, Робертомъ Яковомъ Сталемъ.

Прибывъ въ Берлинъ, путешественники желали видѣть Фридриха II, проживавшаго тогда въ Санъ-Суси. Королевскій слуга предложилъ иностранцамъ, которые ему дали «на водку», показать королевскія комнаты. Въ то время, когда Меллинъ и Стааль разсматривали какую то картину во дворцѣ, вдругъ дверь отворилась и къ нимъ подошелъ самъ король съ рѣзкимъ вопросомъ: чего имъ надо въ его домѣ? Молодой Меллинъ отвѣтилъ, что онъ пріѣзжій эстляндецъ и не зналъ о присутствіи короля во дворцѣ. Онъ отвѣчалъ столь скромно и вѣжливо, что король дозволилъ ему продолжать осмотръ дворца. Какъ ни незначителенъ этотъ случай, Меллинъ все-

таки записалъ его въ своей автобіографіи. Въ томъ же 1767 г. Меллинъ отправился въ Швейцарію, гдѣ прожилъ шесть лѣтъ и сблизился со своими ровесниками. Въ 1768 г. онъ предпринялъ путешествіе къ берегамъ Женевскаго озера и провелъ три дня въ Фернеѣ у Вольтера. Извѣстно, что фернейскій философъ, пользовался большимъ почетомъ у императрицы Екатерины II и потому не удивительно, что онъ радушно принялъ рекомендованнаго ему молодаго путешественника. Въ слѣдующемъ году Меллинъ предпринялъ вмѣстѣ съ гольштейнъ-готорпскими принцами Вильгельмомъ -Августомъ и Петромъ-Фридрихомъ-Людвигомъ, воспитывавшимися въ Бернѣ, путешествіе въ Италію. Свободо-любивый папа Клеменсъ XIV принялъ сѣверныхъ путешественниковъ въ Ватиканѣ; въ Флоренціи они представлялись великому герцогу, впослѣдствіи императору Леопольду; въ Неаполѣ познакомились съ графомъ Цамбекари, о которомъ въ то время много говорили и который много занимался воздухоплаваніемъ. Оба принца и Меллинъ пріобрѣтали такимъ образомъ знатныя знакомства. Общій ихъ менторъ Стааль былъ очень образованный и остроумный человѣкъ, онъ съумѣлъ поставить свой домъ средоточіемъ просвѣщенныхъ кружковъ Берна. Такая беззаботная жизнь продолжалась до 1773 года. Пріобрѣвъ всѣ сокровища образованія, которыя могло доставить тогдашнее время, юноши отправились обратно въ Россію, въ Петербургъ, для принятія участія въ торжествахъ бракосочетанія великаго князя, впослѣдствіи императора Павла Петровича, и рѣшиться на будущую свою карьеру.

Въ XVIII вѣкѣ для балтійскаго дворянина, не желавшаго ограничиться однимъ сельскимъ хозяйствомъ, охотою и провинціальною политикою, оставался единственный путь—это поступить въ военную службу. На этотъ путь вступали почти всѣ тогдашніе дворяне. Въ 1773 г., двадцатилѣтній Меллинъ вступилъ на службу въ армію, чтобы вмѣстѣ съ своимъ другомъ, принцемъ Петромъ Людвигомъ голштинскимъ, участвовать въ турецкой компаніи; но въ слѣдующемъ году послѣ участія въ разныхъ сраженіяхъ и продолжительной болѣзни въ Яссахъ, онъ возвратился въ Петербургъ. Старшій изъ принцевъ, съ которыми онъ воспитывался, Вильгельмъ Августъ, утонулъ близъ Ревеля, вслѣдствіе чего другой братъ поспѣшилъ на родину. Меллинъ пробылъ въ Петербургѣ два мѣсяца, занимаясь, по желанію великаго князя, въ генеральномъ штабѣ, гдѣ и началъ свой столь извѣстный впослѣдствіи трудъ по картографіи Лифляндіи. Въ 1777 г. Меллинъ сопровождалъ принца Петра въ Любекъ и за тѣмъ вновь занимался службою и топографическими работами. Въ 1781 г. Меллинъ вступилъ въ бракъ съ Еленою Августою Менгденъ и предпринялъ нѣсколько лѣтъ продолжавшееся путешествіе за границу. Онъ воспользовался этимъ путешествіемъ для научныхъ цѣлей, именно для изученія технологіи и сельскаго хозяйства. На возвратномъ

пути онъ встрѣтился съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и эти встрѣчи имѣли послѣдствіемъ изданіе извѣстныхъ его картографическихъ работъ. Случаю угодно было, что великій князь, въ присутствіи Меллина, приказалъ начальнику дивизіи генералу Бергу составить карту съ обозначеніемъ дислокаціи войскъ. Меллинъ взялъ на себя эту работу, но заявилъ, что она будетъ не полна, по неимѣнію приготовительныхъ къ ней работъ и по скудости топографическихъ свѣдѣній о губерніяхъ. Наслѣдникъ престола сказалъ: «Вамъ бы слѣдовало устранить этотъ недостатокъ и тѣмъ сослужить службу отечеству; это срамъ, что у насъ нѣтъ картъ такой губерніи, какъ Лифляндская. Вы займетесь этимъ—не правда ли? Я узнаю, сдержите ли вы слово или нѣтъ».

Графъ Меллинъ сдержалъ слово. Въ теченіе 14 лѣтъ своей жизни, онъ посвящалъ все свое свободное время картографическимъ трудамъ, которые и кончилъ въ 1798 году. Затрудненія, сопряженныя съ өтою работою, и точность, которой она требовала, мы можемъ себѣ преоставить, если сравнимъ карты Меллина съ вышедшими нѣсколько лѣтъ ранѣе «Топографическими свѣдѣніями о Лифляндіи и Эстляндіи» Гупеля. Меллинъ, находившійся, впрочемъ, въ сношеніяхъ съ Гупелемъ, положилъ въ основаніе своего труда совершенно новыя измѣренія и тѣмъ самымъ трудъ свой поставилъ въ основу всѣхъ позднѣйшихъ топографическихъ работъ. Тридцать лѣтъ атласъ Меллина, составленный по тригонометрическимъ измѣреніямъ и новѣйшимъ астрономическимъ наблюденіямъ и гравированный Іекомъ, Іетнигомъ, Рамбергомъ и др., служилъ единственнымъ руководствомъ для изученія топографіи Лифляндіи и Эстляндіи. Атласъ Меллина еще можно и теперь найти у любителей исторіи края и въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ. Большая генеральная карта сопровождается 14 неменьшими детальными картами; заглавія написаны по французски съ узористыми фрактурами; въ углу карты находился гербъ соотвѣтствующей мѣстности; почтовыя и проселочныя дороги, имѣнія и церкви, города и села, озера и болота обозначены столь точно и явственно, что при помощи не слишкомъ скуднаго воображенія можно представить себѣ, какъ этотъ почтенный старикъ, въ изящномъ напудренномъ парикѣ и красномъ англійскомъ фракѣ, ѣздилъ на дрожкахъ съ мѣста на мѣсто, чтобы лично осмотрѣть мѣста, подлежащія нанесенію на бумагу.

Еще въ первые годы своихъ картографическихъ работъ Меллинъ вышелъ въ отставку изъ военной службы, чтобы исключительно посвятить себя сельскому хозяйству и своему труду. Расположеніе государыни не покидало его и въ частной жизни. Екатерина II благодарила его за атласъ лестнымъ письмомъ, сопроводивъ его подаркомъ осыпанной бриліантами табакерки; великій князь Павелъ Петровичъ по временамъ навѣдывался о ходѣ работъ и обнялъ Мел-

лина, когда, прибывъ въ 1797 г. въ Ригу, увидѣлъ готовые листы.

Въ 1783 г. Меллинъ вступилъ снова въ службу, но уже гражданскую, въ то время когда учреждались Рижское и Ревельское намѣстничества. Онъ избранъ былъ уѣзднымъ исправникомъ, а въ 1785 г. уѣзднымъ судьею рижскаго уѣзда. Изъ сочиненія Маркеля «Изображенія и Характеристики» мы узнаемъ, что Меллинъ уже въ то время пользовался большимъ уваженіемъ и любовью въ обществѣ.

Переходимъ теперь къ подробностямъ біографіи Меллина, когда онъ, послѣ возстановленія старинныхъ мѣстъ и учежденій въ краѣ, былъ избранъ ландратомъ. Самый знаменательный періодъ его дѣятельности начинается въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда возникъ вопросъ объ ограниченіи крѣпостнаго права и регулированіи крестьянскихъ повинностей.

Въ то время образовалась либеральная партія, во главѣ которой стоялъ предводитель дворянства Сиверсъ, стремившаяся къ ограниченію помѣщичьяго произвола и улучшенію быта крестьянъ. При открытіи ландтага въ 1795 г., пасторъ Зонтагъ произнесъ свою знаменитую проповѣдь «поощреніе къ общественности», содержавшую въ себѣ прямой вызовъ на улучшеніе положенія крестьянъ. На этомъ ландтагѣ одному отставному королевско-польской службы полковнику Ганенфельдту былъ запрещенъ входъ въ залу до тѣхъ поръ, пока онъ оправдается въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ въ жестокомъ и несправедливомъ обращеніи съ крестьянами. Въ 1797 г. Сиверсъ представилъ свои предположенія объ ограниченіи крѣпостнаго права и тутъ началась борьба, кончившаяся въ 1804 г. утвержденіемъ государемъ Сиверсова крестьянскаго положенія. Во всей борьбѣ Меллинъ, бывшій съ 1797 г. предсѣдателемъ лифляндской консисторіи, принималъ живое участіе. Борьба была сильная и упорная. Во главѣ ретроградной оппозиціи, средоточіемъ которой былъ Дерптъ, стоялъ ландратъ Таубе, старавшійся всѣми силами ниспровергнуть предводителей либеральной партіи Сиверса, Меллина и Герсдорфа. Таубе и дерптская партія утверждали, что члены латышскихъ округовъ на ландтагѣ пріобрѣли несправедливо большинство голосовъ и что рѣшенія ландтага по этому должны распространяться лишь на латышскіе уѣзды Лифляндской губерніи. Чтобы достичь этой цѣли, дерптская партія обратилась съ прошеніемъ въ сенатъ. Въ то время когда прошеніе «Іуды» Таубе изъ Петербурга было выслано въ ландратскую коллегію для постановленія своего мнѣнія на оное, Меллинъ былъ предсѣдателемъ этой коллегіи и далъ рѣзкій, опровергающій названное прошеніе отвѣтъ. То было знакомъ къ упорной враждѣ. Когда въ Петербургѣ шли переговоры объ утвержденіи постановленій ландтага 1797 и 1798 годовъ, Таубе всѣми силами старался откло-

нить это утвержденіе. Въ уѣздахъ были составлены коммиссіи для выслушанія жалобъ противъ помѣщиковъ. Церковные старшины и ландраты Сиверсъ, Меллинъ и Герсдорфъ столь настойчиво защищали права крестьянъ, что въ скоромъ времени возстала противъ нихъ вся ретроградная партія, кознямъ которой въ 1801 г. удалось подвести подъ судъ этихъ трехъ почтенныхъ и заслуженныхъ лицъ и достичь уничтоженія различныхъ ихъ постановленій.

При такомъ положеніи дѣлъ наступилъ ландтагъ 1803 года, которому предстояло окончательно рѣшить крестьянскій вопросъ и вторично разсмотрѣть постановленія 1797 и 1798 годовъ. Съ обѣихъ сторонъ сдѣланы были большія приготовленія къ рѣшительной борьбѣ; ретроградная партія не дремала: изо всѣхъ концовъ Лифляндской губерніи созваны были темныя помѣщичьи личности, которыя никогда не бывали на ландтагахъ и не знали настоящаго положенія дѣлъ. Однакоже «старый дубъ» Сиверсъ съумѣлъ уговорить ихъ посредствомъ своего краснорѣчія и вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ. Меллинъ, участвовавшій въ борьбѣ, часто говорилъ: я ландратъ (земскій совѣтникъ), а не адельсратъ (дворянскій совѣтникъ). Крестьянское положеніе 1804 году было окончательно утверждено.

Еще во время ландтага 1803 г. Сиверсъ былъ вызванъ въ Петербургъ, чтобы разъяснить лифляндскій крестьянскій вопросъ. По утвержденіи въ 1804 году новаго закона, коммисіи собрались для регулированія повинностей. Сиверсъ, какъ главный старшина рижскаго и вольмарскаго уѣздовъ, былъ предсѣдателемъ этихъ коммисій и, такимъ образомъ, ему на практикѣ пришлось осуществлять то, чего онъ добивался въ теоріи на ландтагѣ. На немъ разразилась вся ненависть ретроградовъ, но Сиверсъ, привыкшій дѣйствовать энергически, принялся рѣшительно за исполненіе того, что считалъ справедливымъ. Его враги съумѣли подставлять ему разныя ловушки и достигли того, что тогдашній генералъ-губернаторъ, графъ Буксгевденъ, отстранилъ его отъ званія главнаго церковнаго старшины; спустя лишь нѣсколько лѣтъ, Сиверсъ получилъ удовлетвореніе. Императоръ Александръ Павловичъ, уничтоживъ распоряженіе объ его отстраненіи отъ должности, далъ ему въ аренду одно изъ курляндскихъ казенныхъ имѣній, пожаловалъ его кавалеромъ св. Анны 1-й степени и назначилъ курляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Съ тѣхъ поръ, говоритъ Меллинъ въ своихъ запискахъ, нерѣдко случалось, что записные угнетатели крестьянъ и ретрограды притворялись либеральными друзьями крестьянъ, чтобы только получить орденъ.

Для характеристики Сиверса можетъ служить слѣдующій анекдотъ. Какъ помѣщикъ имѣнія Ранцена, Сиверсъ строго запретилъ своимъ крестьянамъ разводить въ лѣсу огонь, зная, что именно отъ этого происходятъ многочисленные лѣсные пожары. Онъ грозилъ

каждому нарушителю этого запрещенія сжечь его дворъ. Однажды управляющій извѣстилъ его, что одинъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ самаго Сиверс,а крестьянинъ нарушилъ сказанное запрещеніе. Сиверсъ, бывшій тогда уже въ отставкѣ и въ преклонныхъ лѣтахъ, сильно разсердился и приказалъ сжечь дворъ ослушника; напрасно управляющій и его зять старались уговорить къ отмѣнѣ приказанія. Въ сердцахъ Сиверсъ не слушалъ никакихъ возраженій. Будучи старъ и слабъ, онъ уже не могъ выходить изъ своего дому и потому сѣлъ на лѣстницѣ, чтобы видѣть зарево отъ пожара. Управляющій и зять должны были сейчасъ же отправиться, чтобы исполнить приговоръ. Зная, что гнѣвъ старика скоро пройдетъ, они приказали зажечь костеръ дровъ, Сиверсъ смотрѣлъ съ лѣстницы на зарево и остался довольнымъ. На другой день управляющій замѣтилъ, что Сиверсъ былъ чѣмъ-то озабоченъ и, по видимому, ждалъ кого-то. По полудни онъ велѣлъ позвать къ себѣ своего зятя и сказалъ ему: «Отчего этотъ дуракъ Индрикъ не приходитъ просить прощенія! Я вѣдь, само собою разумѣется, домъ ему опять построю. Деньги отсчитаны уже». Тутъ зять долженъ былъ сказать правду и старикъ, ворчавшій было вначалѣ, кончилъ исторію смѣхомъ. Крестьяне, однако, обожали Сиверса, соединявшаго въ себѣ вспыльчивость съ благородствомъ души.

Меллину пришлось, впрочемъ, испытать, что онъ не напрасно возбудилъ противъ себя ненависть ретроградной партіи. Въ 1814 году онъ былъ, по высочайшему повелѣнію, назначенъ членомъ рижскаго отдѣленія лифляндскаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ на мѣсто ландрата Буденброка. Здѣсь онъ имѣлъ нерѣдко случай защищать дѣло крестьянъ, именно въ вопросѣ по разверсткѣ вносовъ по постройкѣ церквей онъ отстаивалъ, что крестьянамъ подлежитъ лишь подвозка матеріаловъ; въ вопросѣ о расходахъ на издержки по снаряженію рекрутъ онъ утверждалъ, что эти расходы должны падать прямо на дворянство, но не на крестьянъ, несущихъ личную воинскую повинность. Ретрограды не замедлили провозгласить Меллина врагомъ дворянства и измѣнникомъ корпораціонныхъ привиллегій. Ландтагъ 1815 года рѣзко обвинилъ Меллина въ томъ, что онъ вмѣсто защиты дворянскихъ правъ хочетъ обременить лишь дворянство новыми расходами. Можно представить себѣ, какъ глубоко былъ оскорбленъ Меллинъ этимъ упрекомъ, письменно ему заявленнымъ, и неудивительно, что онъ обратился съ жалобою къ тогдашнему генералъ-губернатору, «всемогущему» маркизу — шагъ, котораго, по сегодняшній день, извѣстные кружки не могутъ ему простить. Маркизъ Паулучи, находившійся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Меллиномъ, имѣлъ на столько такта, чтобы отклонить оффиціальное вмѣшательство въ пользу ландрата. Онъ предложилъ дружеское посредничество, на которое Меллинъ согласился. Такъ какъ помя-

нутое заявленіе вышло изъ общаго собранія ландтага, то надобно было ждать времени ближайшаго ландтага, чтобы сдѣлать что-либо рѣшительное. На ландтагѣ 1818 года это было снова поднято; предполагали подвергнуть баллотировкѣ вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать декретированное три года тому назадъ наблюденіе надъ предводителемъ дворянства (въ этой должности въ 1818 году состоялъ генералъ-лейтенантъ Левисъ-офъ-Менаръ, личный врагъ маркиза Паулучи, и слѣдовательно, можно было предполагать, что онъ не будетъ сочувствовать Меллину). Меллинъ видѣлъ въ этомъ новое оскорбленіе для себя, и, чтобы отклонить его, онъ отказался отъ должности ландрата, которую онъ исправлялъ въ теченіе 21-го года, и отъ должности члена въ крестьянскомъ комитетѣ. Въ должности-же директора и предсѣдателя лифляндской консисторіи онъ оставался до 1831 года. Императоръ Александръ I-й, будучи извѣщенъ о всемъ этомъ дѣлѣ, наградилъ Меллина табакеркою и пенсіею въ годъ по 1,000 рублей за оказанныя краю услуги. Хотя государь и не входилъ во внутреннія дѣла дворянства, но ознаменовалъ свои отношенія къ названному дѣлу тѣмъ, что не утвердилъ въ должности никого изъ представленныхъ ему преемниковъ Меллина и, такимъ обрсзомъ, должность дворянскаго члена въ крестьянскомъ комитетѣ осталась вакантною.

Мы не можемъ не упомянуть здѣсь объ особыхъ странныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находились въ тѣ времена другъ къ другу дворянство и генералъ-губернаторъ, потому что ими и объясняется дѣйствительная причина всего спора. Маркизъ, желавшій блага краю, зналъ хорошо, что онъ не можетъ лучше услужить краю, какъ либеральнымъ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, но маркизъ не былъ чуждъ самоуправства и, не имѣя никакого понятія о сущности формальнаго права, нарушалъ его нерѣдко самымъ нецеремоннымъ образомъ. Либеральная партія ландтага находила въ немъ опору и при его поддержкѣ ей удалось осуществить уничтоженіе крѣпостнаго права. Противники этой партіи, конечно, тщательно наблюдали за тѣмъ, чтобы вліяніе маркиза не переходило за извѣстные предѣлы. Въ основныхъ вопросахъ маркизъ Паулучи всегда стоялъ на сторонѣ свободы и правъ человѣка; ему было совершенно все равно, какими-бы путями они ни осуществились, поэтому приверженцы историческаго права возставали противъ него нерѣдко и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сущности они сочувствовали той партіи, на сторонѣ которой стоялъ маркизъ. Либеральная партія нерѣдко пользовалась вліяніемъ генералъ-губернатора, когда другаго средства не было, а это, конечно, возбуждало противъ нея раздраженіе въ средѣ ландтага. Этому положенію дѣлъ слѣдуетъ приписать обетоятельство, что дѣятельность Меллина въ крестьянскомъ комитетѣ осуждалась вышеупомянутымъ образомъ. Къ тому присоединилось еще и то, что отно-

шенія маркиза Паулучи къ большинству ландтага 1818 года, избравшаго въ предводители дворянства его врага и соперника по военной службѣ генерала Левиса, до того сдѣлались натянутыми, что ландтагъ избѣгалъ даже тѣни уступчивости къ частнымъ желаніямъ генералъ-губернатора. Изъ этого можно заключить, что оскорбительный поступокъ ландтага съ Меллиномъ находился въ тѣсной связи съ общимъ положеніемъ дѣлъ.

Въ продолженіе семнадцати лѣтъ, послѣ того какъ Меллинъ оставилъ ландратскую коллегію, онъ дѣйствовалъ въ странѣ, нравственное и умственное развитіе которой онъ поставилъ себѣ задачею. Какъ сказано выше, Меллинъ до 1831 году оставался директоромъ и предсѣдателемъ лифляндской консисторіи и эта должность болѣе, чѣмъ всѣ другія -- подходила къ его направленію и дарованіямъ. Чтобы быть политикомъ, Меллину недоставало самостоятельности и той страстности, безъ которой невозможно сдѣлать ничего важнаго, за то онъ обладалъ качествами превосходнаго администратора. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что въ своей должности онъ могъ дѣйствовать съобща со своимъ лучшимъ другомъ Зонтагомъ. Принадлежа къ тому же религіозному направленію, какъ и Зонтагъ, представитель лифляндскаго раціонализма, Меллинъ во всю жизнь не расходился съ нимъ во мнѣніяхъ. Лѣтомъ 1827 года Меллинъ лишился своего вѣрнаго друга, скоропостижно скончавшагося. Смерть Зонтага (27-го іюля 1827 года) такъ сильно подѣйствовала на Меллина, что у него отнялся было языкъ. Совмѣстно съ докторомъ Гуномъ онъ воздвигъ Зонтагу памятникъ, который до сихъ поръ украшаетъ кладбище св. Іакова въ Ригѣ. Въ 1829 г. маркизъ Паулучи вышелъ въ отставку, скоро и Меллинъ оставилъ свою должность, чтобы послѣдніе дни своей жизни провести спокойно. Лѣтніе мѣсяцы онъ проводилъ въ Кольценѣ, зиму въ Ригѣ. 12-го марта 1835 года онъ умеръ на 81 году отъ роду, оплакиваемый своими крестьянами и всѣми, кто его знавалъ.

Записки и рукописи Меллина хранятся въ рижской городской библіотекѣ. Онъ былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, какъ то: Клементинской академіи въ Болоньѣ, экономическаго общества въ Санктъ-Петербургѣ и Лейпцигѣ, испанскаго географическаго общества въ Аладолидѣ, московскаго общества естествоиспытателей, экономическаго общества въ Або и курляндскаго общества литературы и художествъ. Очень вѣроятно, что онъ былъ членомъ и франкъ-масоновъ.

IV.

Карлъ Густавъ Іохманъ.

(Біографическій очеркъ по Экардту).

Имя Карла Густава Іохмана принадлежитъ, конечно, къ «забытымъ именамъ», тѣмъ неменѣе въ исторіи прошлаго Прибалтійскаго края оно не можетъ быть обойдено совершеннымъ молчаніемъ.

Карлъ Густавъ Іохманъ родился въ Перновѣ 10 февраля 1789 г.,—городкѣ, послѣ Риги и Дерпта, важнѣйшемъ въ Лифляндской губерніи. Гупель въ своихъ топографическихъ извѣстіяхъ о Лифляндіи и Эстляндіи, изданныхъ въ Ригѣ Гарткнохомъ, въ 1782 г., пишетъ, что Перновъ въ тѣ времена былъ небольшимъ, но хорошо укрѣпленнымъ, правильно выстроеннымъ, съ широкими мощеными улицами торговымъ городомъ. Мостовыя и морская торговля — вотъ чѣмъ Перновъ отличался отъ другихъ уѣздныхъ городковъ. Въ немъ въ концѣ прошлаго столѣтія было 270 различныхъ строеній, изъ которыхъ 52 были каменныя. Въ одномъ изъ каменныхъ, на подобіе замка, выстроенномъ четырехъугольномъ зданіи помѣщалось нѣкогда комтурство, въ этомъ же зданіи помѣщалась съ 1699 по 1709 годъ академія, переведенная сюда при началѣ сѣверной войны изъ Дерпта. Во времена Іохмана здѣсь находился хлѣбный магазинъ. Зданіе ратуши принадлежало къ лучшимъ въ городѣ. Двѣ каменныя и одна

деревянная церкви украшали городъ. Гупель называетъ морскую торговлю Пернова цвѣтущею; отъ 60 до 90 кораблей приходило ежегодно въ Перновскую гавань, не имѣвшую однако никакихъ самыхъ необходимыхъ даже приспособленій; биржи никакой не было, а купцы собирались просто на рынкѣ; дѣленія лавокъ по товарамъ не было въ обычаѣ, а въ одной и той же лавкѣ можно было получить и сельдей, и красный товаръ, зелень и бутылку вина. Чужіе люди рѣдко заѣзжали въ Перновъ, отъ этого тамъ вовсе не было гостинницъ, заѣзжему не было никакого пристанища и онъ долженъ былъ разсчитывать лишь на гостепріимство жителей.

Населеніе мелкихъ лифляндскихъ городковъ состоитъ почти исключительно изъ ремесленниковъ и торговцевъ, но въ Перновѣ, кромѣ купцовъ, проживали и различные литераты. Городскіе граждане дѣлились на двѣ гильдіи; къ большой принадлежали купцы, къ малой или гильдіи Маріи Магдалины принадлежали цеховые ремесленники. Кто желалъ быть гражданиномъ, тотъ доженъ былъ въ зеленой одеждѣ съ ружьемъ и шпагою представиться «благородному магистрату», отдать ему честь ружьемъ и просить о принятіи въ гражданство. По принесеніи присяги, новопожалованный «гражданинъ и братъ» зачислялся въ одну изъ четырехъ городскихъ ротъ, которыми командовалъ оберъ-кеммереръ. Кромѣ гильдій въ городѣ находилась небольшая корпорація «достохвальныхъ черноголовыхъ» (холостыхъ купцовъ), которые при торжественныхъ случаяхъ появлялись на улицѣ верхами. Во главѣ городскаго управленія стоялъ «благородный магистратъ», состоявшій изъ 10 членовъ, но на лицо членовъ магистрата обыкновенно было не болѣе семи (ратсгеръ получалъ жалованья 80 талеровъ оъ годъ). Господинъ юстицъ-бургомистръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ городской консисторіи, состоявшей изъ двухъ проповѣдниковъ и двухъ ратсгеровъ. Консисторія завѣдывала городскимъ училищемъ для мальчиковъ и училищемъ для дѣвочекъ (гимназіи въ тѣ времена находились лишь въ Ригѣ и Дерптѣ).

Уѣздный физикъ съ аптекаремъ блюли народное здравіе въ городѣ и его уѣздѣ. Кромѣ военнаго гарнизона, въ Перновѣ было всего три чиновника: почтмейстеръ, лицентный и таможенный инспекторъ и казначей.

Изъ дворянъ рѣдко кто являлся въ городъ, и то развѣ за покупками. Три раза въ годъ въ Перновъ пріѣзжалъ для производства суда орднунгсгерихтъ, состоявшій изъ трехъ дворянъ и нотаріуса; въ остальное время года въ городѣ проживали поочередно или самъ орднунгсгерихтъ, или одинъ изъ засѣдателей.

Тихо и мирно жили перновскіе горожане въ концѣ 18 столѣтія; клубовъ и кабинетовъ для чтенія у нихъ не было никакихъ,

не было ни книжныхъ лавокъ, ни типографій; о газетахъ и помину не было. Здѣсь можно кстати замѣтить, что первая политическая газета начала издаваться въ Ригѣ съ 1778 г., предшественницею же ея были литературныя прибавленія къ городскому указателю, выходившія въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ шведскія времена, съ 1681 по 1710 г., издавались въ Ригѣ два раза въ недѣлю «Рижскія Новеллы», въ которыхъ помѣщались и политическія извѣстія.

Вотъ въ этомъ то перновскомъ затишьи и родился Іохманъ. Отецъ его Іоганъ Готлибъ Іохманъ былъ перновскимъ секретаремъ, крестнымъ отцомъ новорожденнаго былъ перновскій комендантъ, бригадиръ Фохтъ.

Первоначальное образованіе молодой Іохманъ получилъ въ перновской городской школѣ, въ которой кромѣ начальныхъ познаній ученикамъ удѣлялись и первыя начала классическаго образованія. На 13 году отъ роду молодой Іохманъ былъ отправленъ своимъ отцомъ въ Ригу въ домъ его друга доктора Курцвига, извѣстнаго въ то время врача и ученаго. Рига обладала уже въ тѣ времена учебными заведеніями, несравненно лучшими, чѣмъ перновская школа, да и умственная жизнь была несравненно шире, чѣмъ въ такомъ захолустьи, какимъ былъ Перновъ. Здѣсь уже дѣйствовалъ Гердеръ; домъ купца Беренса былъ средоточіемъ умственной жизни города; во главѣ умственнаго развитія и движенія стояли уже замѣчательныя личности, напримѣръ: Граве, Экардтъ, Вильпертъ, Шварцъ, братья Гарткнохи и др.

Въ декабрѣ 1802 г. былъ открытъ дерптскій университетъ, столь много способствовавшій просвѣщенію Прибалтійскаго края, а въ тотъ самый годъ, когда Іохманъ прибылъ въ Ригу, генералъ-суперъинтендентъ Карлъ Готлибъ Зонтагъ основалъ литературное практическое общество съ цѣлію споспѣшествовать нравственнымъ, интеллектуальнымъ и матеріальнымъ интересамъ Риги.

Для дальнѣйшаго продолженія наукъ Іохмана положили отдать въ рижскую домскую (при соборной церкви) школу. Но видно въ перновскомъ городскомъ училищѣ онъ пріобрѣлъ мало познаній, потому что до поступленія въ домскую школу его понадобилось отдать въ частную школу «старика Гейтмана»,—въ которой онъ пробылъ нѣкоторое время. Подучившись у Гейтмана, Іохманъ началъ учиться въ домской школѣ, ректоромъ которой въ то время былъ докторъ Альбанусъ.

Домская школа носила вполнѣ характеръ нѣмецкихъ ученыхъ школъ, противъ исключительнаго господства въ которыхъ латинизма возставали столь сильно Базедовъ и Зальцманъ. Че-

тыре года провелъ Іохманъ въ домской школѣ и въ 1806 г., по окончаніи курса наукъ въ ней, отправился за границу для продолженія тамъ своего образованія. Смутное время тогда переживала Германія. Осенью 1806 г. Наполеонъ своими побѣдами при Іенѣ и Ауерштетѣ разрушилъ Прусскую монархію, война кипѣла на всемъ пространствѣ Германіи, но военныя тревоги не смутили Іохмана. Онъ отправился въ Лейпцигъ для изученія въ тамошнемъ университетѣ юридическихъ наукъ. Юридическій факультетъ этого университета пользовался въ тѣ времена особенною извѣстностью. Ректоромъ университета въ 1805 и 1807 г. былъ докторъ Христіанъ Эргардъ, весьма извѣстный юристъ, тотъ самый, котораго императоръ Александръ Павловичъ назначилъ членомъ-корреспондентомъ законодательной коммисіи Россійской имперіи. Сотоварищами Эргарда были: Гаубольтъ, Бауэръ, Бинеръ, Рау, Штокманъ и др. лица, пользовавшіяся болѣе или менѣе извѣстностью въ ученомъ мірѣ.

Іохманъ былъ вписанъ въ число студентовъ (имматрикулованъ) какъ «русскій подданный, польской національности». Изъ Лейпцига онъ удалился въ Гетингенъ, а оттуда переѣхалъ въ Гейдельбергъ, гдѣ слушалъ лекціи знаменитаго въ тѣ времена криминалиста Фейербаха. Въ Гейдельбергѣ Іохманъ рѣшился на весьма эксцентрическій шагъ, онъ рѣшился вступить во французскую армію, съ тѣмъ чтобы имѣть возможность дѣйствовать въ пользу освобожденія Польши. Свой планъ онъ привелъ въ исполненіе и дѣйствительно вступилъ во французскую службу; былъ съ французскими войсками въ Данцигѣ, но когда именно и какъ онъ раздѣлался съ военною службою, съ точностью неизвѣстно; знаемъ только, что въ 1810 году онъ возвратился на родину и поселился на жительствѣ въ Ригѣ въ званіи адвоката.

Тутъ ему пришлось приложить на практикѣ свои теоретическія познанія, пріобрѣтенныя въ Лейпцигѣ, Гейдельбергѣ и Гетингенѣ, и изучить рижскіе статуты и лифляндское дворянское право. Трудъ, если угодно, не малый, потому что въ тѣ времена свода мѣстныхъ узаконеній еще не было и мѣстное право находилось въ хаотическомъ состояніи. Всю пользу свода можно оцѣнить по сравненію нынѣшняго времени съ прошлымъ. Теперь всякому не трудно узнать, въ чемъ состоитъ учрежденіе властей и мѣстъ губернскаго и городскаго управленія, каковы права и преимущества каждаго сословія, какого рода гражданскіе законы имѣютъ силу и дѣйствіе въ краѣ; прежде подобнаго рода свѣдѣнія были достояніемъ однихъ такъ называемыхъ дѣльцовъ и неимѣніе свода давало мѣсто и произвольнымъ толкованіямъ и даже злоупотребленіямъ. За незнаніемъ закона, волею неволею приходилось обращаться къ опытному дѣльцу, къ ад-

вокату, который въ свою очередь нерѣдко терялся въ массѣ узаконеній, неприведенныхъ въ порядокъ, нерѣдко противорѣчившихъ другъ другу. Іохманъ, говоримъ, занялся адвокатурою въ Ригѣ и скоро нашелъ себѣ кружокъ друзей. То были: купецъ Зенгбушъ, Гевъ, доктора Курцвигъ и Дирзенъ, Шварцъ и Гарлибъ Меркель.

Но не успѣлъ Іохманъ упрочить свое положеніе въ Ригѣ, какъ насталъ 1812-й годъ и съ нимъ наступили военныя тревоги. Наполеонъ I вторгся въ Россію и въ то время, когда главныя французскія силы направились на Смоленскъ и на Москву, корпусъ Макдональда вступилъ въ Курляндію. Митава скоро явилась въ рукахъ французовъ; Рига 17 іюня была объявлена на осадномъ положеніи. Много народа выѣхало изъ Риги, кто въ дальніе уѣзды, кто на островъ Эзель, присутственныя мѣста были переведены въ Феллинъ и Дерптъ. 7 іюля былъ сожженъ митавскій форштадтъ, а 11 іюля, вслѣдствіе разнесшагося слуха, что непріятель приближается къ Ригѣ, были сожжены, по распоряженію военнаго губернатора Эссена, форштаты петербургскій и московскій.

Въ это тревожное и несчастное время, Іохманъ послѣдовалъ примѣру другихъ и также выѣхалъ изъ Риги, но не внутрь Лифляндской губерніи, а въ Англію. Здѣсь онъ провелъ два года и въ теченіе этого времени былъ въ Оксфордѣ, гдѣ имѣлъ случай изучить англійское гражданское и уголовное право, и въ Эдинбургѣ, гдѣ корпоративная связь между тамошними адвокатами обратила на себя его преимущественное вниманіе. Пребываніе въ Англіи было весьма полезно молодому адвокату: онъ изучилъ учрежденія англичанъ, познакомился съ ихъ политическою жизнію, вообще расширилъ кругъ своихъ познаній.

Весною 1814 г. Іохманъ возвратился въ Ригу и снова принялся за адвокатуру. Знаніе англійскаго языка и законовъ оказало ему большую услугу: онъ пріобрѣлъ значительную практику между англичанами, проживавшими по торговымъ дѣламъ въ Ригѣ,—а практика доставила ему возможность скопить себѣ, въ сравнительно короткое время, порядочное состояніе.

По видимому состояніе и было главною цѣлью его заботъ. Онъ въ сущности не любилъ своей профессіи и ведя скромную жизнь и занимаясь въ досужее время историческими и политическими науками, постоянно мечталъ о путешествіи. Онъ достигъ своей цѣли—усиленными трудами скопилъ состояніе, но оно ему досталось разстройствомъ и потерею здоровья. Въ 1819 году онъ уже долженъ былъ для исправленія здоровья ѣхать заграницу. Изъ заграницы Іохманъ велъ переписку съ своими рижскими друзьями, которую собралъ и издалъ въ свѣтъ извѣстный нѣмецкій писатель Цшоке. Извѣстный отзывъ Іохмана о намѣстничествахъ,

находится въ письмѣ къ Зенгбушу, писанномъ изъ Берна отъ 10-го іюля 1821 г.

Посѣтивъ Берлинъ, Дрезденъ и Тарандъ, Іохманъ прибылъ въ Баденъ-Баденъ, гдѣ и пользовался тамошними водами. Получивъ облегченіе отъ своей болѣзни, онъ прибылъ въ Парижъ; здѣсь онъ прожилъ съ полгода, занимаясь изученіемъ Франціи и французской революціи. Въ Парижѣ имъ были написаны статьи «Эльснеръ» и «Густавъ графъ Шлабендорфъ», вошедшія въ сборникъ Цшоке. Въ Парижѣ Іохманъ вознамѣрился было написать исторію французской революціи, но состояніе его здоровья не дозволяло ему осуществить это намѣреніе. Онъ написалъ лишь нѣсколько очерковъ изъ революціоннаго времени, въ томъ числѣ и характеристику Робеспьера. Намъ нѣтъ надобности слѣдить ни за перепискою Іохмана, ни за его путешествіями, достаточно сказать, что съ 1822 года онъ поселился въ Карльсруэ, гдѣ полубольнымъ прожилъ до 1830 года. Въ этомъ году, почувствовавъ усиленіе болѣзни, онъ отправился въ Кетенъ посовѣтоваться съ отцемъ гомеопатіи докторомъ Ганеманомъ, но на дорогѣ, въ Наумбургѣ, умеръ 30 іюля 1830 года.

Послѣ себя онъ оставилъ завѣщаніе, въ которомъ наслѣдницею всего его имущества назначилъ свою сестру Вильгельмину Амалію, но съ тѣмъ, чтобы послѣ ея смерти былъ отчисленъ капиталъ въ 15,000 руб. на учрежденіе въ Перновѣ или въ Перновскомъ уѣздѣ школы для эстонскихъ крестьянъ; онъ желалъ, чтобы завѣдываніе этою школою было предоставлено исключительно перновскому гражданству. Въ этомъ же завѣщаніи онъ выразилъ желаніе, чтобы послѣ смерти тѣло его было вскрыто, а сердце въ фарфоровомъ сосудѣ было отправлено въ Ригу и похоронено въ саду Зенгбуша,—на возведеніе же надъ своимъ сердцемъ памятника въ этомъ саду, въ которомъ онъ проводилъ столько пріятныхъ минутъ при жизни, онъ завѣщалъ Зенгбушу 1,000 руб. Распредѣливъ свои деньги и вещи между своими друзьями, онъ не забылъ въ завѣщаніи ни своей прислуги, ни бѣдныхъ какъ въ Карльсруэ, такъ и въ Ригѣ, которымъ для раздѣла назначилъ прислугѣ по 350 гульденовъ каждому, а бѣднымъ въ Карльсруэ 200 гульденовъ и въ Ригѣ 200 руб. Всѣ же свои рукописи, собранія матеріаловъ, отрывки, стихотворенія и пр. и пр. онъ предоставилъ въ распоряженіе Генриха Цшоке, который, сдѣлавъ изъ нихъ выборъ, издалъ въ 1836 г. въ свѣтъ подъ заглавіемъ „C. G. Jochmann aus Pernau Reliquien,—книгу, въ которой собрано все важнѣйшее написанное Іохманомъ.

V.

Іоганнъ Фридрихъ Гартknохъ.

(Біографическій очеркъ по Юлію Экардту)

Рижскій книгопродавецъ I. Ф. Гартknохъ родился 28 сентября 1740 года (4 годами раньше Гердера и 16-ю годами позже Канта) въ Гольданѣ, въ прусской Литвѣ, гдѣ отецъ его былъ писаремъ, органистомъ и городскимъ музыкантомъ. О молодости Гартknоха мы имѣемъ лишь весьма скудныя свѣдѣнія, ограничивающіяся сообщеніями Гуппеля, что отцу Іоганна Фридриха Гартknоха трудно было жить, но что онъ тѣмъ не менѣе старался по возможности дать своему сыну хорошее воспитаніе. Обстоятельства, въ которыхъ выросли знаменитые соотечественники и современники Гартknоха, сынъ ткача Гердеръ и сынъ пастора Гуппель, даютъ намъ возможность представить себѣ хоть приблизительно образъ жизни въ восточно прусскомъ литовскомъ мѣстечкѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Болотистая, маленькими озерами и песчаными холмами прерываемая мѣстность, суровый климатъ, народъ въ большинствѣ говорящій на южно-литовскомъ нарѣчіи, пропитывающійся сельскимъ хозяйствомъ и живущій весьма бѣдно—вотъ тѣ условія, при которыхъ Гартknохъ проводилъ свои молодые годы.

Достигнувъ 16 лѣтняго возраста, Гартknохъ отправился въ Кенигсбергъ, чтобы вступить тамъ въ богословское училище. Больше

для него сдѣлать отецъ не имѣлъ средствъ и предоставилъ молодаго Гарткноха его судьбѣ и дарованіямъ. Въ томъ возрастѣ, въ которомъ молодежь обыкновенно не знаетъ еще цѣны ни деньгамъ, ни знаніямъ, Гартнохъ не только бросался съ жаромъ на изученіе наукъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣталъ дла себя средства къ жизни уроками чтенія и музыки. Привычка беречь тщательно и деньги и время сохранилась въ немъ на всю жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и положила въ немъ зародышъ болѣзни, преждевременно прекратившей его жизнь. Вотъ, въ сущности все, что мы знаемъ о молодости Гарткноха. Большое вліяніе имѣли на него его учителя. За нѣсколько мѣсяцевъ до пріобрѣтенія Гарткнохомъ академическаго гражданства, Эммануилъ Кантъ, до сихъ поръ занимавшійся въ Кенигсбергѣ частными уроками, сдѣлался доцентомъ логики, метафизики, физики и математики; съ нимъ-то и вступилъ Гарткнохъ въ близкія сношенія, въ которыхъ и оставался до смерти знаменитаго философа. Гердеръ прибылъ въ Кенигсбергъ уже въ то время, когда Гарткнохъ былъ книгопродавцемъ. Самое важное и имѣвшее наибольшее вліяніе знакомство завелъ Гарткнохъ съ книгопродавцемъ Кантеромъ, весьма образованнымъ человѣкомъ, находившимся въ связяхъ почти со всѣми учеными кенигсбергскаго университета; у него собирались всѣ выдающіеся ученые Кенигсберга, потому что онъ доставлялъ имъ возможность пользоваться всѣми сокровищами его книжной торговли. Ежедневно у него лежали на столѣ новѣйшія получаемыя газеты и книги. Кантеръ дозволилъ прилежному молодому Гарткноху приходить и читать, когда и что ему угодно. Отправляясь въ 1761 году въ Лейпцигъ, Кантеръ передалъ временное управленіе своею торговлею Гарткноху, который столь блистательно оправдалъ оказанное ему довѣріе, что Кантеръ, возвратясь, предложилъ ему поступить въ его лавку и посвятить себя книжной торговлѣ. Гарткнохъ согласился и занимался два года въ качествѣ прикащика въ торговлѣ Кантера.

Несмотря на чрезвычайно неблагопріятныя условія книжной торговли того времени, поле дѣятельности, открывшееся для Гарткноха книжною торговлею, было весьма широко. Нѣмецкая литература съ XVII вѣка начала неожиданно подниматься; влеченіе къ политическимъ произведеніямъ и къ пробудившимся философскимъ стремленіямъ находилось въ полномъ разгарѣ; всякій читавшій письма и записки того времени можетъ убѣдиться въ удовольствіи, съ какимъ тогдашняя Германія привѣтствовала всякое новое литературное произведеніе. Образованіе было еще слишкомъ недоступно и пріобрѣталось лишь немногими, такъ что всѣ образованные люди составляли нѣкотораго рода отдѣльное братство, распространенное по всему міру.— Расширять это братство, способствовать распространенію просвѣщенія—вотъ задачи книжной торговли. Даже въ наше время не вся

публика понимаетъ, что книжная торговля оказываетъ на просвѣщеніе такое же вліяніе, какъ и производство книгъ, и что дѣятельность добросовѣстныхъ и образованныхъ издателей можетъ такъ же сильно дѣйствовать, какъ и сама литература. Посвященные знаютъ давно, что искуство возбуждать потребность въ чтеніи и питать ее надлежащимъ образомъ столь же трудно и важно, какъ искуство возбуждать литературное производство и направлять его по подлежащему пути. Выборъ для чтенія въ большинствѣ публикѣ зависитъ отъ случая, удобства и рекомендаціи, воспользоваться этими производителями никто не можетъ лучше книгопродавца: отъ него зависитъ пролагать дорогу молодымъ дарованіямъ и знакомить съ ними публику. Большинство литературныхъ предпріятій новаго времени, какъ-то: энциклопедическіе словари, научные журналы, сборники и изданія классиковъ были предпринимаемы не писателями, а издателями, и во многихъ случаяхъ успѣхъ одиночныхъ литературныхъ произведеній можно считать зависящимъ отъ кредита и ловкости издателя. Направленіе вкуса и духовныхъ потребностей публики во многомъ зависитъ отъ книжной торговли. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ жизнь Гартноха въ Ригѣ и Лифляндіи.

Въ 1763 году Гарткнохъ поселился въ Митавѣ и открылъ тутъ книжную торговлю; чрезъ нѣсколько времени онъ открылъ такую же торговлю въ Ригѣ, которую и принялъ подъ свое личное управленіе.

Въ тѣ времена, когда Гарткнохъ поселился въ Митавѣ, этотъ городъ былъ столицею курляндскаго герцогства. Для характеристики ея сообщаемъ краткое описаніе двухъ часоваго пребыванія въ ней одного писателя: «Въ Митавѣ мы остановились въ ближайшей гостинницѣ, гдѣ все было хорошо, за исключеніемъ одного гостя. Этотъ гость былъ настоящій курляндскій юнкеръ фонъ Ф., разсказывавшій столь много о своихъ свалкахъ, что если-бы я не былъ знакомъ съ подобными рѣчами въ университетѣ, то онѣ показались бы мнѣ странными. Но дѣло обошлось безъ всякихъ исторій и нашъ курляндскій фехтовальщикъ не заставилъ меня браться за рапиру, чтобы показать свое искусство. Я посѣтилъ моего земляка, профессора Ваксена, ректора митавскаго училища, и не могъ налюбоваться видомъ Бироновскаго дворца, который снаружи хотя изященъ, но внутри сущая пустыня. Нѣсколько часовъ спустя, я вступилъ на нашу русскую почву. Трудно сыскать на разстояніи семи миль (таково разстояніе между Митавою и Ригою) такую большую разницу въ населеніи, какую я видѣлъ здѣсь. Въ Курляндіи господствуетъ совсѣмъ другой образъ мыслей, чѣмъ въ Лифляндіи“.

Но возвратимся къ Гарткноху. Почва, найденная имъ въ

Митавѣ и Ригѣ, оказалась нетронутою. Большинство жителей обоихъ городовъ не подозрѣвало даже, что на свѣтѣ существуетъ какая то литература; единственныя расходившіяся книги были катехизисы и молитвенники, печатанные большею частію за границею и распространяемые переплетчиками и лютеранскими причетниками. Кое-когда въ Митавѣ и Ригѣ появлялись около Иванова дня изъ Лейпцига и Кенигсберга предпріимчивые разнощики и продавали привозимыя ими книги. Кому хотѣлось получить книгу, не имѣвшуюся ни въ Ригѣ, ни въ Митавѣ, тотъ долженъ былъ выписывать ее изъ за границы. Если принять во вниманіе, что пересылка простаго письма изъ Лейпцига въ Дерптъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, обходилась по одному рублю серебромъ, то понятно безъ объясненій, какъ часто и которые классы общества могли прибѣгать къ подобной выпискѣ книгъ. Вслѣдствіе того, что не было книгопродавцевъ, не было и книгъ, а потому и кружки чтецовъ были самые небольшіе. Дворяне читали очень мало, ограничиваясь обыкновенно книгами, пріобрѣтенными въ давнее время и переходившими отъ отца къ сыну. Еще въ девяностыхъ годахъ Меркель нашелъ дворянина, считавшагося весьма зажиточнымъ и образованнымъ, который читалъ своей женѣ „Simplicissimus" — сочиненіе, изданное въ 1666 году. Меркель же увѣряетъ, что молодые, прибывавшіе изъ за границы, домашніе учителя были единственными людьми, которые интересовались науками, литературою и художествами; но и тѣ интересовались этими предметами лишь до тѣхъ поръ, пока не обживались въ краѣ. Самъ отецъ Меркеля, бывшій, какъ извѣстно, человѣкомъ ученымъ и обладавшій большою библіотекою, въ концѣ семидесятыхъ годовъ имѣлъ только одно изъ сочиненій Лессинга. Дѣла одного спекулятора, который учредилъ читальню въ Ригѣ, пошли такъ плохо, что онъ бросился въ Двину. Гуппель свидѣтельствуетъ, что предъ появленіемъ Гартрноха книжной торговли почти не было ни въ Лифляндіи, ни въ Эстляндіи, а положеніе писателей было самое плачевное. Авторы не находили ни издателей, ни необходимыхъ для себя источниковъ, потому что не было ни библіотекъ, ни возможности получать книги. Случаю угодно было, что въ то время, когда Гартнохъ сдѣлался жителемъ Прибалтійскаго края, общественная жизнь начала здѣсь пробуждаться; въ Курляндіи средоточіемъ умственной жизни былъ кругъ учителей академической гимназіи, въ Ригѣ образовался кружокъ Беренса, къ которому примкнулъ Гердеръ; продолжительное пребываніе въ Лифляндіи и Курляндіи Гамана способствовало сближенію между собою различныхъ кружковъ. Но Рига не была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ началось пробужденіе умственной жизни. Въ Дерптѣ, въ 1750 году, проживалъ Конрадъ Фридрихъ Гадебушъ, бывшій нѣкогда домашнимъ учителемъ въ домѣ Фитингофа, человѣкъ, отличавшійся безпримѣрнымъ трудолюбі-

емъ и неутомимою литературною дѣятельностью. Онъ принадлежалъ къ кружку старѣйшему, чѣмъ кенигсберго-рижско-митавскій кружокъ; если послѣдній и отличался философско-гуманитарнымъ направленіемъ, то первый слишкомъ уже предавался консерватизму юридическо-исторической школы стараго закала; но за то отчетливость изслѣдованій Гадебуша дѣлала его особенно способнымъ къ собиранію матеріаловъ для исторіи лифляндскаго права. Его «Лифляндскія Лѣтописи» составляютъ важнѣйшій и надежный источникъ для исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Недалеко отъ Дерпта жилъ другой ученый, труды котораго ждали издателя, это былъ Августъ Вильгельмъ Гуппель, родившійся въ 1739 году, собиратель и редакторъ двадцати восьми томовъ «Сѣверной Смѣси» и восемнадцати томовъ «Новой Сѣверной Смѣси», авторъ двухъ сочиненій о топографіи Лифляндіи и Эстляндіи, эстонской грамматики и разныхъ другихъ сочиненій. Благодаря этимъ людямъ и образовавшимся вокругъ нихъ кружкамъ, почва, на которую вступилъ Гартнохъ съ 1763 года, была уже подготовлена къ образовательной воздѣлкѣ, составившей задачу жизни его. Молодой книгопродавецъ умѣлъ вступить въ сношенія съ представителями образованной среды и снискать ихъ уваженіе и дружбу. Спустя годъ послѣ открытія книжной торговли въ Митавѣ и Ригѣ, онъ пріобрѣлъ уже такое значеніе, что его пригласили на совѣщаніе о выборѣ на вакантное мѣсто коллабората въ школѣ при соборной лютеранской церкви. Гартнохъ вмѣстѣ съ Гаманомъ способствовали приглашенію на это мѣсто Гердера, и никто изъ рижскихъ друзей поэта и философа такъ не заботился о немъ, какъ Гартнохъ. Гердеръ познакомился съ Гартнохомъ въ Кенигсбергѣ и подружился съ нимъ. Въ Ригѣ Гартнохъ ввелъ Гердера въ лучшіе дома, познакомилъ этого застѣнчиваго и неловкаго ученаго съ вліятельными лицами, между прочимъ, съ Беренсами, купцомъ Бушемъ, Шварцемъ, Вильпертомъ и другими. Гартнохъ, по свидѣтельству сына Гердера, былъ честная, но страстная натура, тѣмъ не менѣе онъ терпѣливо переносилъ раздражительныя выходки Гердера. Съ начала книжная лавка Гартноха была небольшая и очень скромная, но скоро расширилась. Въ качествѣ издателя и книгопродавца, Гартнохъ уже въ первые годы обнаруживалъ большую дѣятельность, онъ не только показывалъ, предлагалъ, рекомендовалъ, ссужалъ книги и продавалъ въ домъ, но и разсылалъ ихъ на свой счетъ по уѣздамъ къ лицамъ, которыхъ онъ зналъ, или о любви къ литературѣ которыхъ слышалъ, не смущаясь тѣмъ, что книги ему были возвращаемы: кое-когда книги все таки покупались. Торговля его не ограничивалась одною Лифляндіею; онъ отъискалъ коммисіонеровъ въ Эстляндіи, Ревелѣ, Санктъ-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, удовлетворяя всякія

требованіе. Охота къ чтенію начала развиваться, въ каждомъ домѣ начали появляться книги, вкусъ облагораживался, знанія распространялись, начали учреждаться читальни. Съ книжною торговлею было соединено и издательство, важнѣйшій періодъ котораго совпадаетъ со временъ пребыванія въ Ригѣ Гердера.

Въ 1763 году вышло въ свѣтъ сочиненіе Канта «Опытъ введенія понятія объ отрицательныхъ величинахъ въ философію»; въ 1766 году «Сновидѣнія духовидца». Эти изданія свидѣтельствуютъ о большомъ уваженіи, которое успѣлъ пріобрѣсти себѣ Гарткнохъ, потому что Кантъ, уже въ то время свѣтило первой величины, не пренебрегалъ издавать свои сочиненія въ отдаленной Ригѣ и оставался вѣрнымъ фирмѣ Гарткноха до самой кончины шефа ея. Важнѣйшія сочиненія Канта „Критика чистаго разума", „Пролегомена для всякой будущей метафизики", „Основанія метафизики нравовъ", „Метафизическія начальныя основанія естествовѣдѣнія" были изданы Гарткнохомъ, и если послѣднія сочиненія великаго мыслителя, именно „Религія въ предѣлахъ разума" и „Ученіе о правѣ" были изданы въ Кенигсбергѣ, то это произошло потому, что въ то время, когда появились эти сочиненія, Гарткноха не было уже въ живыхъ. Въ шестидесятыхъ годахъ у Гарткноха были изданы „Мозаическіе опыты" и собраніе мелкихъ сочиненій Гамана. Къ этому-же времени относится выходъ въ свѣтъ: „Философіи исторіи Борцина (въ нѣмецкомъ переводѣ Гардера), нѣмецкаго перевода защитительнаго письма Руссо къ архіепископу парижскому: „Размышленія Вегмана о Кантовомъ единственно возможномъ доводѣ для доказательствъ бытія Божія" и прочее. Что Гарткнохъ вмѣстѣ съ тѣмъ не забывалъ и мѣстныхъ вопросовъ, о томъ свидѣтельствуетъ изданіе основанныхъ въ 1766 году „Трудовъ петербургскаго вольнаго экономическаго общества для содѣйствія земледѣлію и домашнему хозяйству въ Россіи", сочиненія Шлегеля „Похвальное слово графу Миниху", Гадебуша „О лифляндскихъ историкахъ", Бюшинга „Труды и извѣстія о Россіи". Главная заслуга Гарткноха состоитъ въ томъ, что онъ постоянно поощрялъ Гердера къ литературной дѣятельности и первыя сочиненія его съумѣлъ такъ ловко распространить въ продажѣ, что они вскорѣ обратили на себя вниманіе публики. Еще въ 1765 году были напечатаны Гердера „Жрецъ" и „Существуетъ-ли еще публика и отечество древнихъ". Въ 1767 году появились три первыя собранія „Отрывковъ о новой нѣмецкой литературѣ", которыя пріобрѣли Гердеру общую извѣстность. Гарткнохъ купилъ эти отрывки за сравнительно высокую цѣну. Несмотря на очевидную выгоду, онъ не издалъ четвертаго собранія отрывковъ, отказался и отъ втораго изданія первыхъ выпусковъ, когда Гердеръ, раздраженный выходками извѣстнаго критика Клоца, успѣвшаго тайкомъ пріобрѣсти

одинъ экземпляръ этихъ книгъ до выхода въ свѣтъ, потребовалъ ихъ уничтоженія. Никто лучше великодушнаго Гарткноха не умѣлъ поддерживать хорошія отношенія съ раздражительнымъ, прихотливымъ и вспыльчивымъ авторомъ „Критическихъ Лѣсовъ“. Гарткнохъ долженъ былъ подчиниться прихоти Гердера, когда этотъ послѣдній въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отрекался отъ сочиненія „Критическихъ Лѣсовъ“. Само собою разумѣется, что въ денежныхъ затрудненіяхъ, изъ которыхъ Гердеръ никогда не выходилъ, потому что онъ хотя и не былъ черезъ-чуръ расточительнымъ, но любилъ таки пожить, Гарткнохъ помогалъ ему. Точно также приходилось ему мирить Гердера въ частыхъ ссорахъ его съ ректоромъ Шлегелемъ и разными рижскими пасторами. Когда Гердеръ въ 1769 г. рѣшился оставить Ригу, то Гарткнохъ сдѣлалъ все возможное, чтобы отклонить его отъ этого намѣренія, но когда тотъ не соглашался, то Гарткнохъ, не смотря на ограниченность своей торговли, далъ ему денегъ на дорогу и обѣщалъ дальнѣйшее вспомоществованіе. 3-го іюня Гердеръ выѣхалъ изъ Риги и Гарткнохъ съ своею молодою женою и нѣкоторыми друзьями проводилъ его до корабля, но уже 12-го іюля того же года Гердеръ просилъ у Гарткноха выслать ему въ Нантъ 200 талеровъ. Гарткнохъ не только послалъ деньги, но и сдѣлалъ это весьма деликатно: «Мои дѣла, писалъ онъ Гердеру, теперь идутъ довольно хорошо. Я продалъ свою митавскую торговлю за 6,000 талеровъ и, получивъ деньги, могу выслать требуемые вами 200 талеровъ безъ всякихъ затрудненій. Располагайте мною, любезный другъ, если вамъ что либо еще понадобится. Мое состояніе всегда къ вашимъ услугамъ. Все, что я могъ бы еще на словахъ добавить, вамъ извѣстно: вы меня знаете; однимъ словомъ — обращайтесь ко мнѣ». Въ сентябрѣ Гердеръ воспользовался этимъ предложеніемъ. «Что можешь сдѣлать, сдѣлай скорѣе: вышли двѣсти червонцевъ и сохрани мое письмо вмѣсто росписки». Какъ ни трудно было Гарткноху, но онъ и на этотъ разъ помогъ; но, не будучи въ состояніи выслать всей суммы, онъ послалъ ему вексель на 200 талеровъ. «Поѣзжайте, писалъ онъ въ письмѣ, сопровождавшемъ вексель, во Францію, Англію, Италію и куда хотите, но разсчитайте время такъ, чтобы окончить путешествіе въ теченіе этого года. Ахъ, любезный другъ, какъ-бы я желалъ, чтобы вы имѣли возможность путешествовать подольше: это пошло бы въ прокъ моему сыну. Я не могу описать вамъ удовольствіе, какое вы доставите мнѣ, если будете его воспитателемъ; для меня было бы это безполезно, потому что годы моего образованія прошли, моя душа уже столь невоспріимчива, что я уже не могу измѣниться; занимаюсь даже и по воскресеньямъ своими дѣлами; сверхъ того, меня стѣсняютъ и денежныя заботы». Выраженное желаніе Гарткноха продолжать „Критическія Лѣса“ и „Отрывки“ осталось неисполненнымъ. Гердеръ отвѣчалъ новою просьбою

«выслать ему магическія бумаги, посредствомъ которыхъ все въ мірѣ достигается». Гартнохъ обѣщалъ выслать 100 червонцевъ, но Гердеръ тѣмъ не менѣе жаловался на равнодушіе друга, такъ что тотъ вынужденъ былъ написать ему: «Вы знаете, что мой темпераментъ дѣлаетъ меня неспособнымъ къ мечтательности, но все, что можетъ называться дружбою, вы въ высшей степени найдете во мнѣ въ отношеніи къ вамъ... Вся моя заслуга состоитъ въ благодарности къ другу, который меня образовалъ и поднялъ мою торговлю рекомендаціею къ друзьямъ, поддерживавшимъ меня»...

Этихъ выписокъ достаточно, чтобы дать понятіе о Гарткнохѣ, который, будучи и самъ не богатъ, все таки помогалъ своему другу. Этотъ не очень то пріятный для почитателей Гердера предметъ составляетъ содержаніе книги, заключающей въ себѣ на двѣнадцати печатныхъ листахъ переписку его съ Гарткнохомъ.

Готовность Гарткноха на пожертвованія не прекращалась даже тогда, когда Гердеръ подавалъ ему самые основательные поводы къ жалобамъ на его неблагодарность. Въ 1772-мъ, 1773-мъ и 1774-мъ годахъ Гарткнохъ почти всякое четверть-годіе посылалъ Гердеру то 100, то 150 талеровъ, то подарки. Частые и неосновательные упреки на прихоти Гердера не охлаждали дружбы къ нему Гарткноха, который во всякомъ своемъ путешествіи заграницу пользовался непремѣнно нѣсколькими днями, чтобы посѣтить своего друга. Лишь разъ дошло дѣло до нѣсколько натянутыхъ отношеній. Жена Гердера такъ долго приставала къ мужу, что Гарткнохъ не платилъ ему достаточно за его труды, что Гердеръ, наконецъ, послушался ея и продалъ свои «Народныя пѣсни» и «Письма объ изученіи богословія», которыя Гарткнохъ недавно просилъ у него, другому издателю. Понятно, что Гарткнохъ былъ огорченъ этимъ поступкомъ; Гаманъ, узнавъ объ этомъ, счелъ своимъ долгомъ сдѣлаться посредникомъ и укорялъ Гердера. Ему удалось примирить друзей, конечно, лишь тогда, когда Гарткнохъ согласился выслать Гердеру 100 талеровъ и принять на воспитаніе племянника Гердера Неймана.

Въ 1784 году, послѣ выхода въ свѣтъ „Мыслей о философіи исторіи“, произошелъ новый раздоръ, виновницею котораго опять явилась жена Гердера, заставившая мужа, чтобъ онъ самымъ непохвальнымъ образомъ отнесся къ Гарткноху и вынудилъ его повысить несоразмѣрно плату за упомянутое сочиненіе. Гарткнохъ и тутъ явился великодушнымъ, и когда Гердеръ въ 1786 и 1787 годахъ вновь находился въ денежномъ затрудненіи, выслалъ ему опять 80 червонцевъ и 200 талеровъ. Мы упомянули объ отноше-

ніяхъ Гартkноха къ Гердеру, потому что они всего лучше характеризуютъ безкорыстіе и благородство перваго.

Около этого времени Гартkноха постигъ тяжелый ударъ: скончалась его жена, нѣжно имъ любимая. Спустя три годъ Гартkнохъ вторично вступилъ въ бракъ съ Альбертиной Туссентъ, съ которой познакомился во время своего путешествія въ Кенигсбергѣ. Съ годами, послѣдовавшими за этимъ новымъ бракомъ, совпадаетъ періодъ самой важной издательской дѣятельности Гартkноха. Въ этотъ періодъ вышли сочиненія Гердера:

«Древнѣйшая грамота человѣческаго рода», «Пятнадцать провинціальныхъ писемъ къ пасторамъ», «Философія исторіи человѣческаго образованія» (1774), „Объясненія къ новому завѣту по новому восточному источнику" (1775), „Пластика", „О сознаніи и чувствованіи человѣческой души" (1778), «Книга о пришествіи Господнемъ", „Мысли о философіи исторіи человѣчества" (1784) и, наконецъ, „Письма для содѣйствія гуманности". Кромѣ Гердера и Канта печатали свои сочиненія у Гартkнока и другіе писатели XVIII вѣка, такъ напримѣръ издана Гартkнохомъ брошюра Гамана „Голгофа и Шеблимини", Бардта: „Предложенія къ разъясненію и исправленію ученія лютеранской церкви", „Новѣйшія откровенія Божіи" и „Система нравственний религіи", „Театральныя пьесы Клинера", „Исторія венеціанской республики Лебрета", „Матеріалы для русской исторіи со временъ смерти Петра Великаго, Шмидтъ-Физельдека и пр.

Лучшимъ доказательствомъ, что съ появленіемъ Гартkноха въ Ригѣ начался новый періодъ въ умственной жизни Прибалтійскаго края, служитъ обстоятельство, что спустя 10 лѣтъ послѣ учрежденія торговли Гартkноха въ Лифляндіи, развилась небывалая литературная проиводительность.

Было бы слишкомъ утомительно для читателей, если бы мы пересчитали здѣсь всѣ изданныя Гартkнохомъ сочиненія. Онъ не только поддерживалъ писателей совѣтомъ и деньгами, но обращалъ и вниманіе ихъ на потребности публики, отыскивалъ сотрудниковъ и поощрялъ ихъ къ дѣятельноети. Часто приходилось ему бороться съ денежными затрудненіями; изъ его писемъ мы узнаемъ, что онъ лишь благодаря поддержкѣ такихъ людей, какими были Беренсы и Цукербекеры, успѣлъ удержаться и не утонулъ въ денежныхъ заботахъ. Не смотря на разныя непріятности, испытываемыя со стороны своихъ недоброжелателей, упрекавшихъ его, что вся его дѣятельность основывается лишь на корыстолюбіи, усердіе и благотворительность его не охлаждались. Списокъ его изданій безпрерывно увели-

чивался и торговля обращалась все къ новымъ отраслямъ книжнаго производства, къ музыкальнымъ сочиненіямъ, картинамъ и картамъ. Въ 1770 году Гартнохъ издалъ двѣ карты Лифляндіи, Эстляндіи, Эзеля и Нарвы; послѣ его кончины вышелъ большой картографическій трудъ Меллина; изъ числа изданныхъ Гарткнохомъ портретовъ назовемъ потреты Канта, Клинера, Гупеля, Сейме; изъ числа музыкальныхъ сочиненій сонату І. Хр. Баха, сонату І. Эккардта, оперету І. Ф. Рейхарта и музыкальные опыты лифляндцевъ: Мютеля, Ениша, Фейхтнера и др.

Столь разнообразная дѣятельность не могла не отозваться на здоровьѣ Гарткноха. Въ молодости, будучи человѣкомъ бѣднымъ, онъ жилъ плохо оплачиваемыми уроками. Начавъ на 23 году отъ роду торговать безъ капитала, онъ долженъ былъ часто разъѣзжать по дѣламъ и прибылъ въ Ригу уже съ разстроеннымъ здоровьемъ. Онъ страдалъ неизлѣчимою болѣзнью легкихъ и ипохондріею. Усердіе, съ какимъ онъ занимался своими торговыми дѣлами, и счастливая семейная жизнь поддерживали его здоровье, но когда ему исполнилось 40 лѣтъ отъ роду, чахотка начала обнаруживаться въ немъ. Не расчитывая на долговременную жизнь, Гарткнохъ торопился пользоваться временемъ. Онъ любилъ жить на большую руку и жер твовать деньги на идеальныя цѣли и поддержку даровитыхъ людей. Гдѣ шло дѣло о покупкѣ и изданіи сочиненія, о поддержкѣ бѣдныхъ студентовъ и талантливыхъ писателей, тамъ онъ не умѣлъ торговаться и разсчитывать. Щедрою рукою онъ раздавалъ тутъ деньги, а когда ихъ у него не было, то прибѣгалъ къ займамъ. Его прикащикъ Нейманъ неистощимъ въ похвалахъ благотворительности Гарткноха и вотъ что сообщаетъ о ней между прочимъ: «Нуждавшіеся въ пособіи рѣдко узнавали, отъ кого получали оное; будто съ неба спускалась спасающая рука и сейчасъ же исчезала. Изъ многихъ примѣровъ привожу одинъ: какой-то молодой лифляндецъ учился въ одномъ нѣмецкомъ университетѣ. Онъ кончилъ курсъ, но остался безъ всякихъ средствъ и не имѣлъ воможности возвратиться на родину. Онъ уже отчаявался увидѣть родину, какъ вдругъ получилъ значительную сумму отъ неизвѣстнаго лица. Молодой человѣкъ догадывался, кто его благотворитель и хотѣлъ было благодарить его, но Гарткнохъ отклонилъ всякую благодарность, притворяясь, будто онъ ничего не знаетъ, даже и тогда, когда совпаденіе разныхъ обстоятельствъ послужило нравственнымъ доказательствомъ, что это онъ былъ таинственннымъ покровителемъ. Гарткнохъ любилъ, чтобъ молодые люди, желающіе пріобрѣсти себѣ литературное образованіе, приходили къ нему въ лавку и прочитывали новыя книги, хотя и не покупая ихъ».

Само собою разумѣется, что человѣкъ столь благородныхъ

чувствъ и имѣющій столь обширные связи, пользовался и въ Ригѣ и вездѣ общимъ уваженіемъ и любовью.

Въ послѣдніе годы своей жизни Гарткнохъ любилъ уединеніе и избѣгалъ кружковъ, въ которыхъ прежде жилъ, прекратилъ даже и свои посѣщенія въ ложѣ франкъ-масоновъ «Меча», въ которой онъ прежде считался однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ. Вообще, имъ овладѣла подъ склонъ его жизни меланхолія, которой, конечно, не мало содѣйствовали многочисленныя горкія испытанія человѣческой неблагодарности и ненадежности. Въ послѣднихъ письмахъ Гарткноха къ Гердеру обнаруживается горечь, которой въ прежнихъ его письмахъ и слѣда нѣтъ и къ возбужденію которой главнымъ образомъ содѣйствовали эгоистическія сплетни жены Гердера. Мы видѣли, съ какою неограниченною дружбою относился Гарткнохъ къ знаменитому философу и какъ онъ готовъ былъ на всякую жертву, когда дѣло шло объ удовлетвореніи какого нибудь желанія его друга.

Что такое должно было происходить въ душѣ этого добродушнаго и гордаго человѣка, если онъ вынужденъ былъ писать своему искреннему другу въ 1784 году слѣдующее: «Правда, что я вамъ предоставилъ право назначить срокъ для печатанія, но не правда, чтобъ я обѣщался платить вамъ за всякій большой или малый листъ по 2 луидора. Я не вижу, чтобъ вамъ было все равно написать нѣсколько строкъ больше или меньше, примѣры этого не доказываютъ. Если вы мнѣ въ случаѣ, если я желаю платить построчно, совѣтуете издавать навозъ, такъ это грубость — такимъ образомъ я вамъ никогда не писывалъ. Ваши сочиненія доставляютъ мнѣ честь, но у меня есть и другіе заслуженные авторы. Скромность хорошая вещь».

Подобнаго рода столкновенія, конечно, не мало способствовали къ огорченію Гарткноха и къ подорванію его шаткаго здоровья; онъ скончался 12-го апрѣля 1789 года, на 49 году отъ роду. Его другъ Рейманъ сообщаетъ о его смерти слѣдующее: «Чахотка и ипохондрія грызли медленно и неотразимо корни его жизни. Ежегодныя поѣздки въ Лейпцигъ поправляли всегда его здоровье, но не на долго. Весною 1789 г. Гарткнохъ надѣялся, что перемѣна воздуха и поѣздка въ Лейпцигъ будутъ ему полезны; уже приготовлены были для отъѣзда и лошади и карета, какъ вдругъ смерть отозвала его въ другое путешествіе».

Не знаемъ, былъ-ли этотъ замѣчательный человѣкъ надлежащимъ образомъ оцѣненъ своими современниками, но воспоминанія о немъ въ „Смѣси“ свидѣтельствуютъ, что были люди, сознававшіе его заслуги. Сверхъ того и рижскіе франкмасоны отслужили по немъ панихиду въ своей ложѣ и Рейманъ издалъ въ честь его памятный листокъ съ гравюрами на мѣди, представляющими рощу съ могилою,

предъ которою стоитъ на колѣняхъ молящійся путникъ. На могилѣ находится надпись:

«Человѣколюбивый Гарткнохъ скончался 12 апрѣля 1789» и надъ сею гравюрою слово: «Его памяти посвящается истинная благодарность».

Торговля Гарткноха, составлявшая столь долгое время гордость Риги, перенесена уже 50 лѣтъ тому назадъ въ Лейпцигъ и перешла въ чужія руки. Воспоминанія о Гарткнохѣ если и не потухли совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, ограничились тѣснымъ кружкомъ его друзей. Гарткнохъ составляетъ, можно сказать, единственное въ своемъ родѣ явленіе въ средѣ рижскаго гражданства. Будучи въ одно и то же время торговцемъ и ученымъ, онъ былъ представителемъ и матеріальныхъ и умственныхъ интересовъ. Едва ли найдется другой изъ рижскаго купечества, который бы съ такою преданностью и ревностью жертвовалъ и своимъ имѣніемъ, всею дѣятельностью и даже жизнью въ позьзу идеальныхъ интересовъ, какъ Гарткнохъ, котораго мы вполнѣ справедливо можемъ назвать замѣчательнѣйшимъ изъ балтійскихъ книгопродавцевъ.

VI.

Сиверсъ и Арсеньевъ.

(Эпизодъ изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ Лифляндіи.)

I.

Имена Фридриха (по современнымъ русскимъ бумагамъ Федора Өедоровича) Сиверса и Александра Ивановича Арсеньева — нѣкогда очень извѣстныя въ здѣшнемъ краѣ — въ наше время принадлежатъ не только къ полузабытымъ, но чуть-ли не къ совершенно забытымъ именамъ.

Кто такой былъ Сиверсъ, кто такой былъ Арсеньевъ, съ какой стати и почему оба эти имена сопоставляютя другъ съ другомъ? — можетъ спросить всякій, кто забылъ очень поучительную, очень любопытную исторію появленія лифляндскаго крестьянскаго положенія 1804 года, дѣйствовавшаго не болѣе 15 лѣтъ и предшествовавшаго личному освобожденію лифляндскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Отвѣтить на этотъ вопросъ, напомнить о заслугахъ Сиверса и Арсеньева, оказанныхъ лифляндскому крестьянству, напомнить о временахъ давно минувшихъ и порядочно забытыхъ — имѣетъ цѣлію эта статья.

Біографіи какъ Сиверса, такъ и Арсеньева не блестятъ ни; какими чрезвычайными подвигами, никакими необыкновенными чертами или событіями. Не гремѣли они ни славою, ни огромными связями, ни богатствомъ, ни раскошью, но Сиверсъ и Арсеньевъ были истенно честные люди, которыхъ давай Богъ больше всякой странѣ и всякому государству.

Фридрихъ Сиверсъ, однофамилецъ, но не родственникъ знаменитаго сподвижника Екатерины II, графа Якова Ефимовича Сиверса, родился въ 1748 году и подобно многимъ лифляндскимъ дворянамъ, какъ было уже замѣчено выше, началъ служить въ арміи; участвовалъ въ турецкой войнѣ и дослужившись до чина полковника, вышелъ въ отставку въ 1788 г. Вернувшись на родину частнымъ человѣкомъ, онъ вступилъ въ управленіе своею Ранценаускою вотчиною, и имѣлъ возможность прямо и непосредственно изучить бытъ своихъ и сосѣднихъ крестьянъ и отношенія ихъ къ помѣщикамъ. Лифляндское дворянство съ своей стороны скоро оцѣнило способности отставнаго полковника, избрало его въ 1792 г. въ свои предводители, а потомъ въ ландраты. По своему званію и должности, онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ подготовленіи и введеніи въ дѣйствіе крестьянскаго положенія 1804 года. Своимъ участіемъ онъ нажилъ себѣ не мало враговъ, но за то сдѣлался лично извѣстнымъ императору Александру Павловичу, который, одобряя его труды, всегда поддерживалъ его. Въ 1812 г., не задолго предъ нашествіемъ французовъ, Сиверсъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Курляндію, потомъ былъ членомъ Лифляндскаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ и наконецъ сенаторомъ. Въ этой послѣдней должности ему приходилось производить ревизіи, изъ которыхъ одна была для него гибельна. Одному изъ своихъ друзей Сиверсъ самъ разсказывалъ (см. книгу графа Меллина: „Noch einiges über die Bauernangelegenheiten in Livland", Riga 1824), что на ревизіи въ одной изъ губерніи (въ какой, неизвѣстно) онъ обнаружилъ многія злоупотребленія. Виновные, видя совершенную невозможность подкупить Сиверса, подсыпали ему яду. Своевременно принятыя мѣры предупредили отраву, но ядъ всетаки оказалъ свое разрушительное дѣйствіе: Сиверсъ уже никакъ не могъ вполнѣ оправиться, постоянно хворалъ и умеръ на 77 году отъ роду, 25 декабря 1823 года въ Лифляндской губерніи въ Ранценауской своей вотчинѣ. Съ его смертію прекратился и родъ его, потому что единственная его дочь была замужемъ и умерла, не оставивъ дѣтей.

Современники, знавшіе Сиверса, единогласно говорятъ, что это былъ человѣкъ необыкновенно пылкій, рѣзкій въ своихъ выраженіяхъ, неспособный смущаться препятствіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ вполнѣ честный и отъявленний врагъ всякой фальши и

лжи. Замѣчая въ комъ бы то ни было или намѣренную утайку или расчитанное двумысліе, или прямую фальшь, Сиверсъ не стѣсняясь при всѣхъ, ни глядя ни на что, говорилъ въ глаза правду, а правда, какъ извѣстно, глаза колетъ. Извѣстный ландратъ Самсонъ, лично знавшій Сиверса, называлъ его человѣкомъ античнаго склада, но тутъ же прибавлялъ, что его пылкость хоть и достохвальна (rühmlich), но многихъ тревожила и была многимъ тягостна.

Другой человѣкъ, принимавшій такое же дѣятельное и такое же ревностное участіе во введеніи (но не въ составленіи) кретьянскаго положенія 1804 года, какъ и Сиверсъ, былъ предсѣдатель рижской ревизіонной коммисіи дѣйствительный статкій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Арсеньевъ, біографичискія подробности о которомъ еще отрывочнѣе и еще скуднѣе, чѣмъ о Сиверсѣ. О Сиверсѣ извѣстно, по крайней мѣрѣ, что онъ род. въ 1748 г. и умеръ въ 1823 г., объ Арсеньевѣ и этого не знаемъ. Извѣстно только, что онъ въ 1769 г. поступилъ на службу переводчикомъ въ иностранную коллегію, слѣд., полагать надобно, что былъ ровестникомъ по лѣтамъ Сиверсу; изъ иностранной коллегіи поступилъ въ военную службу, участвовалъ, какъ и Сиверсъ, въ турецкой войнѣ 1771—74 года, дослужился до подполковничьяго чина, въ 1784 г. вышелъ въ оставку, но потомъ въ 1798 г. снова поступилъ въ службу и былъ назначенъ директоромъ училищъ Курской губерніи, перемѣнилъ нѣсколько мѣстъ, и около 1803 г. былъ опредѣленъ товарищемъ (членомъ департамента) министра удѣловъ. Въ этомъ году онъ былъ командированъ въ Ригу предсѣдателемъ рижской ревизіонной коммисіи, пробылъ здѣсь три года, и въ 1806 г. былъ отозванъ въ Петербургъ. Въ этомъ году онъ былъ посланъ во Владимирскую и Тамбовскую губерніи для изслѣдованія порубокъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ, и затѣмъ объ Арсеньевѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній: въ 1817 г. онъ еще былъ живъ и служилъ членомъ департамента удѣловъ, когда умеръ, неизвѣстно.

Объ этомъ Арсеньевѣ одинъ изъ нашихъ писателей Карамзинской эпохи, князь И. М. Долгоруковъ, лично знавшій его, въ своемъ сочнепіи «Капище моего сердца», пишетъ такъ: Человѣкъ мрачный, напитанный Мартинистскимъ суевѣріемъ и ко всякой жестокости наклонный, а потому слылъ человѣкомъ благочестивымъ и правосуднымъ. Арсеньевъ былъ наряженъ во Владимірской губерніи изслѣдовать злоупотребленія по лѣсной части, на кои дошелъ ко двору доносъ отъ сумасброднаго морскаго офицера,—Арсеньевъ принялся за сіе порученіе со свойственнымъ ему лукавствомъ, преслѣдовалъ жаркимъ образомъ полицейскихъ чиновникоъ и, въ нелѣпыхъ своихъ донесеніяхъ къ министру князю Куракину. писалъ, что Владимірское губернское правленіе не покоряется законной власти и что

истреблено лѣсу на нѣсколько сотъ милліоновъ; онъ доказывалъ, что Россія безъ флота отъ сего расхищенія лѣсовъ, именно во Владимірской губерніи, хотя ни одного не было въ ней дерева заклейменнаго морскимъ правительствомъ для карабельнаго строенія. Если бы его донесенія были правдивы, то мало бы и Сибири для наказанія за такое хищничество меня и всѣхъ подчиненныхъ. Все сіе онъ писалъ, обходясь со мною очень ласково, ведя со мною пріятельскую хлѣбъ-соль. Такая была мода. Я съ успѣхомъ посылалъ на него возраженія, ѣздилъ самъ въ Петербургъ, опрокинулъ всѣ его злостные на меня лично рапорты и поворотилъ мнѣніе въ мою пользу. Министерство увидѣло ясно, что всѣ его донесенія дышали одной злобой, которая составляла основу его характера. Сколь ни счастливо кончалось для меня его пристрастное слѣдствіе (ибо по окончаніи онаго я получилъ орденъ св. Анны 1-й степени), однако время пребыванія его во Владимірѣ было для меня тяжкимъ испытаніемъ и память о немъ твердо вкоренялась въ моемъ воображеніи. Сколь ни отчаянны были мои надежды побороть Арсеньева, но Богъ попустилъ его раздраженіемъ суетнымъ исправить мое положеніе и чѣмъ онъ злѣе вооружался противъ меня, тѣмъ сильнѣе защищали мою сторону тѣ, кои знали истинныя побужденія сего фанатика».

А между тѣмъ князь Долгоруковъ былъ отчасти и правъ, когда называлъ Арсеньева фанатикомъ, — потому что и дѣйствительно Арсеньевъ, суровый и крутой, былъ крайне неподатливъ на соглашенія (увидимъ это ниже). Своимъ характеромъ, своею ненавистью къ фальши онъ много напоминалъ характеръ Сиверса: оба они были черезъ-чуръ прямы, оба черезъ чуръ говорили всякому правду въ глаза, и оба, какъ водится, нажили себѣ кучу враговъ, которые не замедлили дать себя почувствовать и тому и другому.

Сиверсъ и Арсеньевъ были едва-ли не самыми выдающимися дѣятелями по введенію крестьянскаго положенія 1804 года; но въ чемъ же именно состояли ихъ дѣйствія, чѣмъ кончились они, какое оказали вліяніе на дальнѣйшее рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ Лифляндіи? Чтобы отвѣчать на эти вопросы, необходимо вспомнить какимъ образомъ появилось положеніе 1804 г.

Но прежде всего напомнимъ, въ какомъ положеніи находились лифляндскіе крестьяне въ 1710 г., когда Лифляндія и Эстляндія вошли въ составъ Россійской Имперіи.

II.

Когда именно крестьяне, населявшіе земли древней Ливадіи,

сдѣлались крѣпостными — опредѣлить такъ же трудно, какъ и съ точностію указать время, когда въ московскомъ государствѣ состоялся законъ объ укрѣпленіи крестьянъ. Причины, повлекшія за собою крѣпостное состояніе сельскаго населенія въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ и прикрѣпленіе къ землѣ ливонскаго туземнаго населенія, были далеко не однѣ и тѣ же. Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ причинахъ.

У насъ съ искони русскіе люди, безъ различія состояній, званій, промысловъ и мѣстопребываній, были вольными людьми. Съ искони также русская государственная область не славилась обиліемъ своего населенія: для обработки земли у насъ всегда былъ большой недостатокъ рукъ—потому что землевладѣльцы всегда старались перезывать къ себѣ какъ можно болѣе работниковъ и удерживать ихъ у себя всячески, то льготами, то разными приманками, а то и просто силою. Чѣмъ богаче былъ землевладѣлецъ, тѣмъ легче ему было перезвать къ себѣ народъ, потому что землевладѣлецъ побѣднѣе никакъ не могъ предоставить земледѣльцамъ тѣхъ льготъ и выгодъ, которыя имъ давалъ богатый. Такой порядокъ вещей, такое перезываніе крестьянъ было, конечно, очень выгодно богатымъ и крайне невыгодно бѣднымъ землевладѣльцамъ, однако же, этотъ порядокъ долго держался, пока наконецъ не столкнулся съ прямыми выгодами государства. Одною изъ важнѣйшихъ и главнѣйшихъ потребностей государства было содержаніе войска, основу котораго встарину составляли дворяне и дѣти боярскіе, получавшіе за свою службу помѣстья. Изъ этихъ помѣстій они должны были содержать себя и, по призыву государеву, являться на воинскую службу конны, людны и оружны. Но могъ ли дворянинъ явиться на службу и коннымъ, и люднымъ, и оружнымъ, когда изъ его помѣстья богатый сосѣдъ сманилъ къ себѣ земледѣльцевъ большими льготами и когда помѣстье вслѣдствіе этого не приносило дохода и потому не на что было дворянину снарядиться на войну и привести съ собою ратниковъ? Очевидно, что государство, давши служилому человѣку землю, обязано было дать ему и постоянныхъ работниковъ, иначе онъ служить не могъ. Но откуда же взять этихъ постоянныхъ работниковъ, какъ воспрепятствовать переманкѣ крестьянъ? Въ западной Россіи рѣшили общее положеніе, на какихъ условіяхъ водворять вольныхъ и подвергать денежному штрафу всякаго, кто сталъ бы давать крестьянамъ большія льготы и тѣмъ переманивать ихъ къ себѣ. Въ Россіи восточной употреблено было другое средство — прикрѣпленіе къ землѣ. Когда именно послѣдовало это прикрѣпленіе — съ точностію сказать нельзя, потому что указа о всеобщемъ укрѣпленіи крестьянъ до насъ не дошло. Есть только извѣстіе объ указѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго, въ которомъ было сказано, что царь

Өеодоръ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ, слѣдовательно, законъ объ укрѣпленіи крестьянъ состоялся въ царствованіе Өеодора, слѣдовательно, появленіе крѣпостнаго состоянія относится къ послѣднимъ годамъ XVI столѣтія.

Причины, вызвавшія укрѣпленіе крестьянъ въ земляхъ древней Ливоніи, были совсѣмъ не тѣ, что въ земляхъ восточной Россіи. Туземные, коренные вольные жители нынѣшнихъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній были покорены пришельцами, тутъ съ самаго XIII столѣтія являются побѣдители и побѣжденные, и являются отношенія, обыкновенно устанавливающіяся между людьми другъ другу чуждыми, но изъ которыхъ у одного сила и оружіе, у другаго совершенная невозможность противопоставить силу силѣ и оружіе оружію.

Извѣстно, что въ первые годы существованія Ливоніи императоръ и папы формально запрещали ливонскимъ епископамъ и ордену порабощать коренныхъ обывателей края, императоръ и папы старались обезпечить за туземцами личную свободу и право собственности и сохранить за ними права и преимущества, которыми они пользовались до покоренія ихъ и обращенія въ христіанство. Но ни запрещенія, ни усовѣщеванія ни къ чему не служили, да и служить не могли, потому что и епископамъ, и ордену, и ихъ вассаламъ надобно-же было чѣмъ-нибудь жить и кормиться. Могли ли же они получить средства къ жизни, не налагая на туземцевъ опредѣленныя подати и повинности?

Туземцы — латыши и эсты — неоднократно возставали противъ своихъ побѣдителей, а эти возстанія подавали предлогъ и поводъ епископамъ, ордену и ихъ вассаламъ налагать на возстававшихъ новыя подати и налоги. Вассалы, получая отъ епископовъ или ордена лены, обязаны были держать туземцевъ въ должной покорности къ епископу или ордену и взыскивать съ нихъ все, что полагалось на содержаніе епископовъ или ордена. Вассалы въ свою очередь, требуя отъ латышей и эстовъ покорности епископамъ или ордену, требовали такой же покорности и себѣ. «Подати, установленныя епископомъ Альбертомъ, пишетъ ландратъ Самсонъ въ своей книгѣ объ освобожденіи лифляндскихъ крестьянъ, составляли сначала около двадцати процентовъ съ жатвы, потомъ распространены произвольно васалами почти на все, что только имѣли природные жители. Лишаясь собственности, они мало по малу сдѣлались сами собственностью владѣльцевъ, т. е. сдѣлались крѣпостными».

Закрѣпощеніе латышей и эстонцевъ происходило постепенно и кончилось вполнѣ и рѣшительно во второй половинѣ XV столѣтія.

Всѣ природные ливонскіе жители съ этого времени стали называться бауэрами или наслѣдными людьми (Erbleute) и между ними стали различать людей, водворенныхъ на земляхъ и неимѣвшихъ осѣдлости. Первые назывались гакенмеерами (хозяевами,) вторые — лосбиндерами, лострейберами (бобылями). Бауэръ, за совершенное преступленіе, обращался въ полнаго раба своего владѣльца. Такіе бауэры назывались дреллами.

Не всѣ, однако же, природные жители Ливоніи сдѣлались крѣпостными крестьянами. Нѣкоторые изъ нихъ — напримѣръ, курляндскіе короли около Гольдингена — за оказанные ордену или епископамъ утлуги были освобождены отъ крестьянскихъ повинностей и службъ и сохранили личную свободу.

Послѣ образованія крѣпостнаго состоянія, къ нему причислялись всѣ люди, происходившіе отъ крѣпостныхъ родителей, всѣ добровольно вступившіе въ крестьянство и, наконецъ, крѣпостнымъ крестьяниномъ признавался всякій бѣглый крестьянинъ, который въ продолженіи тридцати лѣтъ не былъ требуемъ обратно своимъ прежнимъ владѣльцемъ, Закрѣпощеніе крестьянъ происходило постепенно, постепенно же образовались и формировались правила, опредѣлявшія какъ отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ, такъ и крестьянскія права. Правила эти и права были очень немногосложны и не требовали никакихъ толкованій и разъясненій; вотъ сущность ихъ: 1) крестьяне не могли самовольно переходить отъ одного владѣльца къ другому; 2) бѣглыхъ крестьянъ слѣдовало немедленно возвращать законному ихъ владѣльцу; 3) крестьянинъ не могъ владѣть недвижимою собственностью, но одною только движимостью, которая вслучаѣ бездѣтной кончины его доставалась владѣльцу; 4) владѣлецъ могъ налагать на крестьянъ всякія работы и повинности по своему усмотрѣнію; 5) судъ за преступленія кретьянъ принадлежалъ владѣльцамъ. За нерадѣніе и ослушеніе владѣлецъ самъ подвергалъ виновнаго взысканію, вслучаѣ же важнаго преступленія уголовный судъ чинимъ былъ владѣльцемъ же, но въ присутствіи епископскаго фохта и старшихъ крестьянъ въ качествѣ присяжныхъ.

Крѣпостное состояніе прекращалось или отпускомъ на волю или давностію, когда крестьянинъ не менѣе двухъ лѣтъ жительствовалъ въ одномъ изъ пользовавшихся рижскимъ правомъ городовъ, и во все продолженіе этого времени небылъ отъ города требованъ своимъ владѣльцемъ

Съ такими правами и преимуществами крѣпосные крестьяне перешли подъ польское владычество. Въ это время они стали раздѣляться, смотря по роду властей, коимъ они были подвѣдомственны, на крестьянъ королевскихъ или казенныхъ разныхъ наименованій (старостинскихъ, экономическихъ и друг.), на крестьянъ духовныхъ, въ имѣніяхъ епископства Венденскаго, церквей и

богоугодныхъ заведеній, принадлежавшихъ духовенству, и, наконецъ, крестьянъ помѣщичьихъ. Польскій король Стефанъ Баторій, посѣтивъ Ригу въ 1582 году, нашелъ лифляндскихъ крестьянъ чрезвычайно угнетенными. Онъ признавалъ совершенную необходимость улучшить бытъ крестьянъ, но крестьянамъ отъ этого легче отнюдь не было: предложеніе короля Стефана осталось безъ послѣдствій, а польское правительство было вовсе не такого рода, чтобы заботится и хлопахъ. Впрочемъ, польскому правительству не было и времени заняться реформами: въ 1600 году началась война со Швеціею, тянувшаяся лѣтъ тридцать, безконечно разорившая Лифляндію и кончившаяся присоединеніемъ этой области къ Швеціи.

Шведское правительство застало бытъ лифляндскихъ крестьянъ въ самомъ незавидномъ состояніи. Улучшить этотъ бытъ, возвысить стоимость и доходность казенныхъ имѣній — составило задачу шведскаго правительства и справедливость требуетъ сказать, что къ разрѣшенію своей задачи оно приступило чрезвычайно умно и чрезвычайно толково. Самымъ существеннымъ и коренпымъ зломъ въ бытѣ лифляндскихъ крестьянъ состовляло то, что ихъ повинности и работы зависѣли всецѣло и исключительно отъ воли и усмотрѣнія владѣльца. Шведское правительство издало въ 1680 году оцѣночныя правила и полную очень хорошо обдуманную податную систему. Правда, оно не освободило крестьянъ отъ крѣпосной зависимости (двукратное предложеніе о томъ, сдѣланное въ 1861 году, было отвергнуто ландтагомъ), домашнюю расправу (Hauszucht), уничтожило только въ казенныхъ имѣніяхъ, но за то опредѣлило повинности крестьянъ, безусловно отняло у помѣщиковъ судъ надъ крестьянами по уголовнымъ дѣламъ; открыло доступъ крестьянамъ въ учебныя заведенія, признало право собственности на всѣ ихъ заработки и на ихъ движимое имущество, наконецъ, предоставило крестьянамъ право подачи жалобъ на ихъ владѣльцевъ высшимъ мѣстнымъ инстанціямъ, судебнымъ и административнымъ. Въ отношеніи казеныхъ крестьянъ шведское правительство пошло еще дальше: установило тяжелые штрафы съ арендаторовъ за всякій переборъ въ повинностяхъ, ограничило нарядъ подводъ, предписало допускать вспомогательные наряды (помочь) не иначе какъ съ разрѣшенія намѣстника и не сверхъ, а въ счетъ ординарной барщины, воспрещало безусловно наряжать крестьянъ на работу въ чужія имѣнія, урѣзывать крестьянскія земли, отбирать у хозяевъ дворы безъ законной на то причины и замѣщать опустѣлые дворы безъ разрѣшенія намѣстника.

Шведское правительство вознамѣрилось распространить всѣ правила, изданныя для казенныхъ имѣній на частныя имѣнія; въ 1697 году было уже объявлено ландтагу повелѣніе принять уставъ, изданый для управленія казенными имѣніями въ основаніе для опредѣленія обоюдныхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, но на-

чавшаяся съ 1700 года Сѣверная война положила предѣлъ совершенію крестьянской реформы.

Съ переходомъ Лифляндіи въ 1710 году подъ русское владычество изъ шведскихъ законовъ и учрежденій о крестьянахъ уцѣлѣла до 1783 года податная система, сохранилось нѣсколько порядковъ въ управленіи казенными имѣніями, но затѣмъ не сохранилось рѣшительно ничего, что ограждало крестьянина отъ произвола владѣльца. Въ Лифляндіи пошло все по старому, всѣ крестьянскія повиности формально объявлены зависѣвшими отъ усмотренія помѣщиковъ.

Извѣстно, что императрица Екатерина II-я первая обратила серьезное вниаше на Лифляндію и, имѣвъ случай въ 1864 г., при посѣщеніи городовъ Ревеля, Пернова, Риги и Дерпта ознакомиться ближе съ состояніемъ Лифляндской и Эстляндской губерніи, она рѣшилась произвести здѣсь необходимыя преобразованія и поручила генералъ губернатору Броуну принять мѣры къ улучшенію быта крестьянъ, чрезвычайно обѣднѣвшихъ.

Въ исполненіе высочайшаго повелѣнія Броунъ внесъ въ лифляндскій ландтагъ 1765 г. предложеніе, въ которомъ послѣ правдиваго изображенія положенія крѣпосныхъ крестьянъ, были изложены мѣры для улучшенія быта крестьянъ. Мѣры эти, по мнѣнію Броуна, должны были состоять въ томъ, чтобы ограничить право крестьянъ безъ земли, не допускать продажи съ торговъ, за границу, мужей безъ женъ, женъ безъ мужей, родителей безъ дѣтей; признать за крестьянами право собственности на всѣ его заработки и на пріобрѣтенную имъ самимъ движимость; опредѣлить въ точности тѣ случаи, въ которыхъ владѣльцу могло быть разрѣшено сгонять неисправныхъ хозяевъ съ земли и упразднять крестьянскіе дворы; положить разъ на всегда законный предѣлъ вспомогательнымъ повинностямъ, ограничивъ въ особнности подводную и винокуренную: опредѣлить виды и мѣры наказаній, отмѣнивъ вовсе забивку въ кандалы и арестъ на продолжительный срокъ въ холодныхъ помѣщеніяхъ.

Всѣ мѣры, какія предпологалъ Броунъ въ своемъ предложеніи (говорили, будто это предоложеніе писалъ извѣстный баронъ Шульцъ Ашераденскій) въ сущности не были какою либо новостью, а всецѣло заключались въ шведскихъ крестьянскихъ законахъ, которые съ 1710 г. перестали исполняться не по распоряженію нашего правительства, а такъ... сами собою, какъ невыгодные владѣльцамъ.

Предложеніе Броуна подало поводъ къ весьма бурнымъ засѣданіямъ въ ландтагѣ. Но Броунъ истребовалъ отъ ландтага принятія мѣръ строго обязательныхъ, пригрозивъ, что въ противномъ случаѣ сама императрица предпишетъ дворянству законъ. Угроза по-

дѣйствовала и дворяне приступили къ обсужденію генералъ губернаторскаго предложенія. Переговоры и обсужденія продолжались не малое время, но наконецъ состоялись четыре опредѣленія: 1) о правѣ крестьянъ свободно распоряжаться своимъ благопріобрѣтеннымъ или наслѣдственнымъ имуществомъ, буде на нихъ не состояло долговъ; 2) о размѣрѣ барщины и оброковъ; 3) о неувеличеніи этого размѣра въ будущемъ и 4) о правѣ крестьянъ подавать жалобы на своихъ владѣльцевъ.

Всѣ эти опредѣленія были публикованы Броуномъ въ церквахъ на мѣстныхъ языкахъ и хотя они далеко не измѣняли къ лучшему положеніе крестьянъ, тѣмъ не менѣе долго служили единственнымъ руководствомъ при опредѣленіи отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Крестьянамъ было дозволено подавать жалобы, дозволеніемъ этимъ крестьяне и пользовались, причемъ не рѣдко обнаруживалось, что множество помѣщиковъ и не думаютъ исполнить своихъ же опредѣленій. Въ 1777 году сдѣлались особенно гласными жалобы, поданныя при посредствѣ капитана Богданова. Броунъ въ 1777 году внесъ въ ландтагъ новое предложеніе, чтобы дворянство дополнило правила 1765 г. и чѣмъ нибудь обезпечило ихъ соблюденіе. Предложеніе это осталось бы безъ всякихъ послѣдствій, и оставалось бесъ всякаго движенія до 1795 г., когда во главѣ самаго лифляндскаго дворянства нашелся человѣкъ, который по глубокому личному убѣжденію принялъ на себя роль ходатая за угнетенныхъ крестьянъ.

То былъ Сиверсъ.

III

Выше было уже упомянуто, что Сиверсъ въ 1792 г. былъ избранъ въ губернскіе предводители дворянства на мѣсто Герсдорфа, того самаго, который много ссорился съ генралъ-губернаторомъ Броуномъ (Броунъ въ преклонной своей старости, какъ свидѣтельствуютъ современники, былъ черезъ чуръ ужь капризнымъ). Ссора дошла до того, что Броунъ написалъ къ императрицѣ 28 января 1792 г. письмо (см. «Риж. Вѣсти.» 1869 г., № 14), въ которомъ просилъ или выдать ему Герсдорфа чуть ли не головою (поступить за неповиновеніе къ начальнику губерніи по законамъ), или „буде таковое прошеніе признано будетъ высочайше несогласнымъ съ волею вашего величества, то, принявъ милостивѣйше въ уваженіе старость мою *) и что немощныя уже силы мои недозволяютъ мнѣ болѣе сносить

*) Броунъ умеръ въ Ригѣ 18 сентября 1792 года на 94 году отъ роду.

строптивостей по службѣ всегда встрѣчающихся, всемилостивѣйше отъ службы уволить вовсе“.

По какому поводу и за что возникла распря между Броуномъ и Герсдорфомъ — намъ неизвѣстно, но только императрица Броуна отъ службы неуволила, на мѣстѣ же Герсдорфа въ 1971 г. видѣли Сиверса. Новый предводитель дворянства былъ въ Петербургѣ и преставлялся государынѣ, которая много его распрашивала о лифляндскихъ помѣщикахъ и о бытѣ лифляндскихъ крестьянъ. Было уже выше сказано, что лифляндскіе крестьяне еще въ 1765 г. получили право подавать жалобы на своихъ владѣльцевъ. Право это, какъ извѣстно, было предоставлено еще шведскимъ правительствомъ, но съ 1710 г. пришло въ забвеніе. Крестьяне, пользуясь даннымъ имъ правомъ, очень часто подавали жалобы мѣстнымъ властямъ на своихъ владѣльцевъ, жалобы нерѣдко доходившія до государыни. Смыслъ же жалобъ былъ тотъ, что владѣльцы обременяютъ крестьянъ нарядами въ двойномъ и тройномъ размѣрѣ, чѣмъ доводятъ ихъ до крайняго раззоренія и нищеты. Ландтагъ 1765 г. постановилъ не требовать съ крестьянъ ничего сверхъ обыкновенной барщины, сборовъ натурою и чрезвычайныхъ нарядовъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ эти повинности отбывались въ 1765 году въ каждомъ имѣніи по распоряженію владѣльца. Вмѣстѣ съ тѣмъ было положено обязать каждаго владѣльца доставить въ дворянскую канцелярію вѣдомость (регулятиву) сколько какихъ повинностей отбываютъ хозяева въ его имѣніи по устоновленному имъ домашнему положенію. Изъ крестьянскихъ законовъ и дознаній по нимъ оказывалось, что многіе владѣльцы вовсе не представили такихъ вѣдомостей а которые и представили, то не стѣсняясь ими всетаки наряжаютъ керстьянъ на воспомогательную барщину, не платя за нее ни гроша и не считая дней въ данины.

Императрица предположила учредить особыя коммисіи для разбора крестьянскихъ жалобъ и поручила Сиверсу, дабы онъ отъ своего лица предложилъ лифляндскому дворянству постановить ясныя и опредѣленныя правила въ руководство этимъ коммисіямъ. На ландтагѣ 1795 года Сиверсъ исполнилъ это желаніе императрицы и внесъ на обсужденіе ландтага вопросъ о правилахъ для будущихъ коммисій, «дабы, какъ выразился Сиверсъ, слишкомъ строгое примѣненіе требованій законности не служило поводомъ къ оправданію явной несправедливости въ дѣйствіяхъ. Вопросъ о правилахъ для коммисій такимъ образомъ сводился къ вопросу о точномъ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей. Ландтагъ. не входя въ подробное обсужденіе вопроса поручилъ своему конвенту составить проектъ правилъ, при чемъ постановилъ: принять шведскую ревизіонную систему въ основаніе проекта, но такъ какъ повинности крестьянъ съ 1680 г. были

увеличены и самая цѣнность ихъ возвысилась, то для возстановленія равновѣсія между ними и надѣлами допускать, при имѣющемъ быть новомъ межеваніи, прирѣзки къ крестьянскимъ землямъ.

Конвентъ исполнилъ возложенное на него порученіе, составилъ проектъ улучшенія быта крестьянъ, который и былъ принятъ дворянствомъ на ландтагѣ 1797 г. Тогда же была избрана депутація для представленія проекта императору Павлу. Депутаты поѣхали въ томъ же 1797 г. въ Петербургъ и представили императору проектъ на высочайшее утвержденіе, при чемъ подали государю отъ имени лифляндскаго дворянства адресъ, въ которомъ между прочимъ было выражено, что подносимый на утвержденіе проектъ, есть прямое послѣдствіе 28 ноября (день подчиненія указа объ упраздненіи въ Лифляндіи Екатерининскихъ учрежденій). «Побуждаемые примѣромъ справедливости, говорилось въ адресѣ, сверху намъ поданнымъ, и мы замѣнили хрупкіе оковы произвола неразрывными узами любви и довѣрія».

Государь приялъ адресъ и тогда же поручилъ сенату разсмотрѣть проектъ улучшенія быта лифляндскихъ крестьянъ. Сенатъ нашелъ необходимымъ сдѣлать въ проектѣ нѣкоторыя измѣненія и дополненія и потому возвратилъ его дворянству для сдѣланія этихъ измѣненій и дополненій. Въ 1798 г. проектъ этотъ былъ снова разсматриваемъ на ландтагѣ, проектъ передѣлали, дополнили и затѣмъ послали въ сенатъ. Дѣло затянулось.

Между тѣмъ до свѣдѣнія императора Павла дошло, что одна помѣщица — именно Декагарди — жестоко обращается со своими крестьянами, дошло до свѣдѣнія, что и другіе помѣщики не знаютъ мѣры въ наложеніи на крестьянъ такъ называемыхъ домашнихъ взысканій (Hauszucht). Вспыльчивый государь много прогнѣвался; 1800 года написалъ генералъ-инспектору Нагелю объявить дворянству что онъ, государь, прикажетъ отнять у помѣщиковъ имѣнія, буде они что свыше вакенбуха требовать и налагать будутъ на крестьянъ. «А буде окажется, писалъ далѣе государь, что, не всѣ помѣщичьи имѣнія имѣютъ вакенбухи, то вмѣнить въ обязанность ландратской коллегіи дать возмоно скорѣе регулятивы (вѣдомости о повинностяхъ), соображаясь съ существующими, безъ, излишняго, конечно, крестьянъ работами и налогами отягощенія. Чрезъ нѣсколько дней Нагель получилъ новый указъ, чтобы онъ немедленно и неукоснительно исполнилъ высочайшую волю, изложенную въ указѣ отъ 13 іюля 1800 г.

Содержаніе полученнаго указа Нагель тотчасъ же сообщилъ ландрадтской коллегіи (резидующимъ ландратомъ въ 1800 г. былъ графъ Меллинъ губернскимъ предводителемъ дворянства Буденброкъ, Сиверсъ же былъ ландратомъ) которая. съ своей стороны, донесла на высочайшее имя, что нѣкоторые помѣщики дѣйствительно не имѣютъ ни

вакенбуховъ, ни регулятивовъ, что необходимо составить таковыя вновь, но для этого необходимо предварительно пригласить ландмардила и нѣсколькихъ дворянъ, дабы они составили правила для сочиненія вакенбуховъ, регулятивовъ и правила представили на утвержденіе начальства. Съ своей стороны Нагель донесъ государю, что о недостаточности вакенбуховъ и регулятивовъ говорено было весьма много, что нѣтъ надобности созывать дворянское собраніе: пусть ландратская коллегія сама займется „сочиненіемъ основательныхъ вакенбуховъ и регулятивъ" съ преградою всемѣрнаго своевольства, но безъ дальней огласки. Государь согласился съ представленіемъ Нагеля.

Въ сентябрѣ 1800 г. ландратская коллегія представила Нагелю проектъ о вакенбухахъ и регулятивахъ, но не разработанный ею вновь, а прежній, составленный на ландтагѣ 1798 г., который уже находился въ Сенатѣ. Тогда Нагель самъ отъ себя сочинилъ свой проектъ улучшенія быта лифляндскихъ крестьянъ и, представивъ государю оба проекта, доносилъ, что неограниченности и неясности дворянскаго проекта 1798 г. побудили его, Нагеля, составить свой новый проектъ. „Долженъ я при семъ, всемилостивѣйшій государь, доносилъ Нагель, чистосердечно признаться, что довольно окажется лифляндскихъ помѣщиковъ столько къ произвольности и къ непомѣрности крестьянскихъ повинностей привыкшихъ, что также сіи постановленія крестьянскихъ повинностей мною сочиненныя и единственно основывающіяся на соразмѣрномъ порядкѣ и справедливости корыстолюбію ихъ будутъ противными. А какъ я, кромѣ мѣры въ дерптскомъ уѣздѣ состоящей изъ 14½ гаковъ, всемилостивѣйше мнѣ и женѣ моей въ аренду по смерть пожалованной, нигдѣ никакого владѣнія не имѣю, то, безъ всякаго собственнаго интереса при избираніи и постановленіи крестьянскихъ повинностей, столь вѣрно слѣдовалъ справедливости, что какъ помѣщикъ, такъ и крестьянинъ удобно быть могутъ тѣмъ довольны".

Оба представленные проекта не получили утвержденія, а между тѣмъ 12-го марта 1801 года вступилъ на престолъ императоръ Александръ Павловичъ; всѣ дѣла приняли новый оборотъ, лифляндскій крестьянскій вопросъ не замедлилъ также вступить въ новый фазисъ.

IV.

По заведенному обычаю, представители дворянскихъ обществъ Прибалтійскаго края, отправились въ Петербургъ для привѣтствія новаго государя и испрошенія утвержденія правъ и преимущесвъ. Государь благосклонно принялъ депутатовъ, но въ особенности благосклонно принялъ губернскаго предводителя эстляндскаго дворянства, который отъ имени дворянства представилъ государю предположенія

объ улучшеніи быта эстляндскихъ крестьянъ. Сиверсъ въ это время занималъ должность очереднаго ландрата. Вступленіе на престолъ новаго государя, благосклонный пріемъ эстляндскихъ предложеній подали мысль Сиверсу, что наступило время двинуть крестьянское дѣло въ Лифляндіи, начавъ его снова съ проекта 1796 г., который былъ представленъ, возвращенъ, снова представленъ и который вызвалъ проектъ Нагеля, въ сущности очень несовершенный и ничѣмъ не лучшій проекта, поступившаго отъ ландратской коллегіи. Сиверсъ началъ хлопотать и получилъ отъ дворянъ полномочіе начать дѣло и представить чрезъ генералъ-губернатора (князя Сергія Ѳедоровича Голицына) на высочайшее утвержденіе первоначальный проектъ, который былъ представленъ императору Павлу, но одобренъ не былъ. Сиверсъ очень хорошо понималъ, что проектъ этотъ далеко не совершенство, но ему нуженъ былъ только предлогъ, чтобы начать дѣло. Онъ написалъ письмо государю, въ которомъ, излагая о полномочіи, данномъ ему дворянствомъ, на счетъ представленія проекта, ручался, что лифляндское дворянство готово дать крестьянамъ гораздо больше, чѣмъ означено въ проектѣ, лишь бы только послѣдовало высочайшее разрѣшеніе немедленно и не вынуждая очереднаго ландтага созвать чрезвычайный для обсужденія вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ.

На всеподданнѣйшее письмо Сиверса, Государь отвѣчалъ ему рескриптомъ отъ 30 декабря 1802 г., въ которомъ благодарилъ и Сиверса и дворянъ за добрыя намѣренія. Разрѣшая созывъ чрезвычайнаго ландтага, Государь замѣчалъ, что онъ ожидаетъ отъ дворянства уступокъ, что оно откажется отъ права продавать своихъ крестьянъ безъ земли и дарить ихъ своимъ родственникамъ, что онъ разрѣшитъ наконецъ вопросъ о повинностяхъ, уменьшитъ подводную повинность, подастъ крестьянамъ свободу въ женитьбахъ, предсѣдательство въ крестьянскомъ судѣ, предоставитъ не помѣщику, а выборному изъ крестьянъ и пр.

Получивъ этотъ рескриптъ, Сиверсъ не замедлилъ представить тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею, съ которымъ онъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ, записку подъ заглавіемъ: Замѣчанія относительно исправленія угнетеннаго положенія крестьянъ въ Лифляндіи. Въ этой запискѣ онъ изложилъ все, что, по его мнѣнію, нужно установить для полнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса. Нужно бы: отмѣнить право помѣщика дарить крестьянъ на подобіе вещей, устранить помѣщиковъ отъ участія въ назначеніи рекрутъ, устранить обычай, по которому крестьяне допускаются къ вѣнчанію лишь по предъявленіи письменнаго на то дозволенія помѣщика; удаленіе крестьянъ со дворовъ производить не иначе какъ по суду; оцѣнить повинности и земли по шведской таксѣ, учредить особые суды для разбора крестьянскихъ жалобъ и пр.

Замѣчанія Сиверса графъ Кочубей доложилъ Государю, который, хотя и не придалъ имъ никакой обязательной силы для дворянъ, но одобрилъ ихъ и въ рескриптѣ къ Сиверсу отъ 30 января 1803 г. предложилъ собственному усердію дворянъ принять эти замѣчанія къ соображенію будущаго ландтага.

Слухи о замѣчаніяхъ, представленныхъ Сиверсомъ графу Кочубею, чрезвычайно не понравились многимъ дворянамъ: какое право, говорили дворяне, имѣлъ Сиверсъ указывать правительству, какія уступки должно дать дворянство крестьянамъ, да и кто ему разрѣшилъ ходатайствовать о созваніи экстраординарнаго ландтага, кто его уполномочилъ забѣгать впередъ? Многіе, въ томъ числѣ и извѣстный графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ, сравнивали предложенія Ранценаускаго помѣщика съ предложеніями о шведской редукціи. «Отвратительно то, что говорятъ въ Ригѣ, писалъ графъ Сиверсъ, а именно будто Ранценаускій Сиверсъ авторъ предложеній. Я этому не вѣрю, однако невольно подумаешь, до какихъ крайностей не доведетъ сердце, когда та или другая страсть имъ овладѣетъ и заглушитъ голосъ разсудка».

И такъ одна только попытка, положимъ даже самовольная, на реформу и дѣствительное улучшеніе крестьянскаго быта встрѣчала уже осужденіе!

Все обѣщало, что чрезвычайный ландтагъ 1803 г. будетъ столь же бурнымъ, какъ и ландтагъ 1765 г., когда впервые выдвинулся на сцену крестьянскій вопросъ.

Къ назначенному сроку дворяне начали съѣзжаться въ Ригу на чрезвычайный ландтагъ, и когда онъ открылся обычнымъ порядкомъ, въ немъ тотчасъ же обнаружились двѣ стороны: одна сторона—либеральная и другая—крѣпостническая. Первую составила ландратская коллегія (это невѣроятно, но вполнѣ справедливо и фактически вѣрно!) съ Сиверсомъ во главѣ и немногими помѣщиками; вторую—партію имъ противную, нежелавшую крестьянской реформы въ духѣ Сиверса, составило большинство помѣщиковъ, во главѣ которыхъ стали Левенштернъ, Циммерманъ, Нуммерсъ, Штрандманъ, Вейсъ, Липгардъ и Криднеръ.

Рѣдко когда Рига представляла болѣе оживленное зрѣлище, какое она представляла собою въ 1803 году; горожанъ волновалъ вопросъ: быть ли Ригѣ подъ старымъ управленіемъ магистрата или жить подъ общимъ городовымъ положеніемъ, въ дворянской же средѣ возникъ вопросъ о ландратской коллегіи, вопросъ, выступив-

шій наружу, лишь только дворяне и коллегіи стали на ландтагѣ лицомъ другъ къ другу. Въ чемъ же было дѣло?

Положительно извѣстно, что екатерининская реформа губернскихъ и городскихъ управленій была встрѣчена въ Прибалтійскомъ краѣ сочувственно непривиллегированными (большинство) и очень несочувственно—привиллегированными сословіями и совершенно понятно почему, какъ совершенно понятно и то, что отмѣна екатерининскихъ учрежденій и возвращеніе къ старинѣ, произведенныя съ 28 ноября 1796 г., были съ радостью встрѣчены привиллегированными и съ печалью непривиллегированными лицами.

2-го апрѣля 1801 г. состоялся манифестъ, которымъ императоръ Александръ Павловичъ возстановилъ городовое положеніе 1785 года во всей его силѣ и пространствѣ, торжественно призналъ его однимъ изъ главныхъ, непреложныхъ и неприкосновенныхъ государственныхъ постановленій и повелѣлъ отмѣнить все то, что было допущено или установлено противнаго оному или несообразнаго силѣ его. Вслѣдствіе этого манифеста между рижскими горожанами явилась мысль ходатайствовать и просить правительство о вторичномъ возстановленіи въ Ригѣ общаго городоваго положенія. Начались самые сильные споры и наконецъ голосованія. Весь 1802 годъ прошелъ въ этихъ спорахъ, а въ январѣ 1803 г. было назначено общее собраніе гражданъ подъ наблюденіемъ того же самаго Сиверса, который такъ усердно хлопоталъ объ улучшеніи быта крестьянъ. Здѣсь нѣтъ надобности излагать подробности тогдашнихъ собраній и голосованій, достаточно сказать, что весь 1803 годъ въ Ригѣ прошелъ посреди безконечныхъ споровъ и пререканій между магистратомъ и членами гильдій, между гражданами и негражданами и пр. Старина, какъ извѣстно, восторжествовала, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, потому что Сиверсъ прямо свидѣтельствовалъ, что голосованія были произведены неправильно.

Дворянское общество занималъ свой не менѣе важный вопросъ о существованіи ландратской коллегіи. Извѣстно, что съ учрежденіемъ Рижскаго и Ревельскаго намѣстничествъ ландратская коллегія была упразднена и общія дворянскія собранія получили болѣе простора и свободы дѣйствій. Съ упраздненіемъ намѣстничествъ ландратская коллегія была снова возстановлена и нематрикулованное дворянство снова потеряло свои права въ составѣ дворянскаго общества.

Вотъ это-то много потерявшее дворянство, со вступленіемъ на престолъ императора Александра I, и начало говорить, что не лучше ли просить возвращенія екатерининскихъ учрежденій, не лучше ли ходатайствовать объ упраздненіи ландратской коллегіи. Пока ланд-

ратская коллегія не принимала никакого дѣятельнаго участія въ крестьянскомъ вопросѣ, толки объ упраздненіи ея не были сильны, но когда очередной ландратъ Сиверсъ поднялъ вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ, толки усилились и сдѣлались столь гласными, что генералъ-губернаторъ донесъ о нихъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею. При этомъ князь Голицынъ писалъ министру, что многіе помѣщики намѣревались на ландтагѣ сдѣлать предложеніе объ испрошеніи возстановленія въ Лифляндіи намѣстническаго правленія. Какъ въ такомъ случаѣ поступить генералъ.губернатору? спрашивалъ князь. Министръ отвѣчалъ: «Его Императорское Величество на содержаніе письма вашего сіятельства отозваться соизволилъ, что, не любя дѣлать частыхъ перемѣнъ въ образѣ управленія и зная, что вопросъ о введеніи въ Лифляндіи общаго учрежденія требуетъ многихъ соображеній, безъ коихъ нельзя рѣшить съ достовѣрностію, до какой степени можетъ быть сіе введеніе предпочтительно настоящему порядку вещей, находитъ излишнимъ, чтобы дворянство теперь имъ занималось, и сіе тѣмъ болѣе, что предметъ сей, по существу своему, болѣе принадлежитъ къ усмотрѣніямъ правительства, которое, въ свое время, по зрѣломъ всѣхъ обстоятельствъ уваженіи, не оставитъ принять и назначить къ исполненію нужныя мѣры направленія».

Слѣдовательно на ландтагѣ не могло быть и рѣчи о предложеніяхъ касательно возстановленія екатерининскихъ учрежденій, тѣмъ не менѣе дворянство, негодуя на Сиверса за толчекъ, данный крестьянскому дѣлу, при открывшемся ландтагѣ запальчиво и яростно напало и на Сиверса и на ландратскую коллегію,—предложивъ подчинить коллегію дворянскому собранію.

Загорѣлись ожесточенные споры. Дворянство изъ своей среды избрало особую коммисію (Липгардъ, Блуменъ, Гернгроссъ, Блуменъ, Гернгроссъ, Фитингофъ, Транзэе, графъ Минихъ, Бокъ и Августъ Сиверсъ), которой и поручило разработать проектъ реформы хозяйства и управленія лифляндскаго дворянскаго общества. Эта коммисія, какъ и прочіе дворяне, не щадили упрековъ ни противъ ландратской коллегіи, ни противъ Сиверса. Эти нападки и споры ожесточились до того, что Сиверсъ рѣшился оставить ландтагъ и ѣхать въ Петербургъ, но передъ отъѣздомъ онъ на ландтагѣ произнесъ длинную рѣчь, въ свое время очень памятную въ краѣ и произведшую сильное впечатлѣніе.

Если уличается, говорилъ между прочимъ Сиверсъ, въ нерадѣніи, въ невѣрности по отправленію должности, или въ злоупотребленіи кто нибудь одинъ изъ членовъ, то къ чему посягать на все учрежденіе (ландратская коллегія) и колебать въ собраніи довѣ-

ренность, любовь и уваженіе къ прочимъ членамъ? Почему не рѣшиться высказать громко, передъ всѣми, подозрѣній, такъ усердно распространяемыхъ вкрадчивымъ шопотомъ? Въ чемъ же заключается мой проступокъ? Не въ утружденіи ли Государя Императора просьбою объ утвержденіи опредѣленій ландтага 1798 года? Но я исполнялъ только порученіе, возложенное на меня самимъ собраніемъ. Не твердая ли увѣренность, съ которою я ссылался на хорошо мнѣ извѣстныя благородныя чувства и справедливость вашу? Въ такомъ случаѣ, господа, простите мнѣ эту увѣренность. Въ то время я находился еще подъ впечатлѣніемъ собраній 1795, 1796 и 1798 годовъ и имѣлъ предъ собою ихъ опредѣленія. Не порученіе ли, данное мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ, соизволившимъ чрезъ меня вызвать въ васъ просвѣщенное и человѣколюбивое намѣреніе возвратить крестьянамъ вашимъ права, единственно злоупотребленіемъ власти у нихъ отнятыя, благодаря послабленію со стороны правительства, права, возстановленія которыхъ требуютъ какъ провинціальные наши законы, такъ и справедливость? Не нѣкоторые ли приговоры, постановленные по жалобамъ крестьянъ? Такъ прочтите же, умоляю васъ, подлинные акты въ этихъ дѣлахъ, прежде чѣмъ вы произнесете сужденіе, и я увѣренъ, что человѣческое чувство ваше глубоко возмутится происходившими неистовствами. Или нѣтъ ли между вами человѣка, который бы обвинилъ меня въ какомъ либо упущеніи или преступленіи по должности? Пусть же выйдетъ онъ впередъ, я готовъ отвѣчать публично, лишь бы увидѣть моихъ сочленовъ оправданными, и за тѣмъ подчинюсь вашему приговору. Не я ли самъ просилъ васъ, при вступленіи моемъ въ настоящую должность, привлекать меня къ отвѣтственности за малѣйшее упущеніе и не я ли первый публично далъ отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ? Не тотъ же ли я, котораго въ 1789 г. въ Вольмарскомъ и Валкскомъ уѣздѣ вы выбрали въ уѣздные дворянскіе предводители и котораго, по трехлѣтнемъ отправленіи этой должности, вы единогласно въ своихъ уѣздахъ выбрали вновь въ 1792 г.? Не меня ли послѣ того выбирали вы въ губернскіе предводители 89-ю голосами избирательными противъ 20 неизбирательныхъ, потомъ въ 1795 г. 137-ю избирательными противъ 8 неизбирательныхъ, а въ 1796 г. въ ландраты единодушно 154-мя членами? Не я ли потомъ, сложивъ съ себя эту должность, упрашивалъ васъ со слезами уволить меня, и не меня ли вы, однако, вторично и единогласно выбрали вновь? Такое неограниченное довѣріе, такія доказательства уваженія и добраго ко мнѣ расположенія такъ крѣпко приковали меня къ вамъ взаимною признательностью и любовью, что я пожертвовалъ собственными моими дѣлами, домашнимъ счастіемъ, большею частію моего состоянія, даже отеческимъ долгомъ передъ единственнымъ сыномъ, ища себѣ награды единственно въ совѣстливомъ исполненіи моихъ служебныхъ обязанно-

стей и въ вашемъ благоволенiи находя замѣну всему. Чтобы не показаться хвастливымъ, я умалчиваю объ исполненныхъ мною порученiяхъ вашихъ въ шести различныхъ депутацiяхъ и о многихъ снятыхъ съ края обременительныхъ тягостяхъ; но не могу пропустить одной эпохи въ моей жизни. По злобному и лживому обвиненiю двоихъ изъ нашихъ сочленовъ, уличенныхъ въ преступленiи и всетаки находящихся посреди насъ, даже (благодаря произвольному толкованiю послѣдняго манифеста) пользующихся возможностью продолжать свои противозаконныя дѣянiя, я долженъ былъ явиться въ Петербургъ предъ высочайшее судилище, какъ обвиняемый въ государственномъ преступленiи. По этому дѣлу два старшiе ландрата, оба двукратно удостоиваемые выбора въ губернскiе предводители и получившiе многiя доказательства вашего уваженiя, были устранены отъ должности, пока наконецъ выяснена была несправедливость и лживость взведеннаго на нихъ обвиненiя [1].

Что сдѣлано было вами, господа, послѣ этого времени на трехъ бывшихъ собранiяхъ? Ничего! Отчего такое противорѣчiе прошлому, откуда взялось такое недовѣрiе? Ну, такъ пусть же упразднятся и прежнiя, бывшiя взаимныя обязательства уваженiя, дружбы и любви. Да погаснетъ память о стольких доказательствахъ вашей ко мнѣ довѣренности и вашего благоговѣнiя и да порвутся узы благодарности, которыми я былъ къ вамъ привязанъ. Счастлива минута, возвращающая меня въ ту среду и обстановку, изъ которой насильно вывела меня моя къ вамъ преданность. Но вы, благородные собратья, никогда не сомнѣвавшiеся въ безупречности моихъ цѣлей, къ вамъ обращаюсь я и прошу извинить меня, если желчью напоенная кровь моя внушила мнѣ жесткiя слова. Имена ваши запечатлѣны въ моей памяти и мысль о васъ будетъ для меня утѣшенiемъ; самимъ же вамъ благословенiя нѣсколькихъ сотъ тысячъ меньшей братiи послужатъ наградою за сдѣланное вами и на этомъ ландтагѣ добро».

Договоривъ эти слова взволнованнымъ голосомъ, Сиверсъ вышелъ изъ залы и немедленно же поѣхалъ въ Петербургъ.

---

[1]) Помѣщикъ Ганенфельдъ славился своею непомѣрною жестокостью къ крестьянамъ. Неистовства его были таковы, что ландратская коллегiя положила взять его имѣнiя въ опеку, но Ганенфельдъ въ 1799 году въ Петербургѣ нашелъ себѣ сильныхъ покровителей: его имѣнiй не только не взяли въ опеку, но и привлекли нѣкоторыхъ ландратовъ, въ томъ числѣ и Сиверса, къ отвѣтственности за превышенiе власти. Велѣно было гофгерихту разобрать все дѣло. Гофгерихтъ подвелъ Ганенфельда подъ всемилостивѣйшiй манифестъ и освободилъ его отъ всякой отвѣтственности. Ганенфельдъ вернулся въ свое имѣнiе и сталъ тамъ неистовствовать по прежнему, пока наконецъ Арсеньевъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже, въ 1805 г. не возбудилъ противъ него новаго дѣла, по которому Ганенфельдъ не ушелъ уже отъ опеки.

Вслѣдъ за Сиверсомъ выѣхалъ въ Санктъ-Петербургъ и его противникъ Левенштернъ съ цѣлію предупредить министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, что Сиверсъ оставилъ ландтагъ, не давъ никому знать о томъ, а также для словесныхъ объясненій обо всемъ происходившемъ въ ландтагѣ во время возникшихъ преній по поводу предполагаемаго образованія дворянскаго сословнаго представительства. Министръ, съ неудовольствіемъ узнавъ о распряхъ, происшедшихъ въ ландтагѣ, написалъ генералъ-губернатору внущить дворянству, чтобы оно не отвлекалось никакими другими предметами, а занялось тѣмъ, для чего созвано на экстра-ординарный ландтагъ, то есть обсужденіемъ вопроса по улучшенію быта крестьянъ. Предводитель дворянства, получивъ такое внушеніе, сообщилъ его ландтагу. Тогда ландтагъ отрядилъ къ генералъ-губернатору двухъ депутатовъ просить его повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества живѣйшую благодарность вѣрнаго ему лифляндскаго дворянства за совѣтъ быть осторожнымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ довести до Его Величества объ искреннемъ желаніи рыцарства окончательно отмѣнить всякій произволъ и предпринять всякое улучшеніе въ быту крестьянъ въ той мѣрѣ, въ какой всякая перемѣна въ этомъ важномъ дѣлѣ могла быть совмѣстна, безъ оскорбленія права собственности, съ исправною уплатою требуемыхъ казною податей и могла быть соглашена съ соблюденіемъ кредита и спокойствія въ самой провинціи.

Какъ бы то ни было, но ландтагъ приступилъ, наконецъ, къ обсужденію вопроса о крестьянахъ. Тутъ немедленно-же обнаружились двѣ стороны: одна, не желавшая никакихъ реформъ—это партія крѣпостниковъ; другая сторона желала сдѣлать что либо для крестьянъ и тѣмъ, дѣйствительно, улучшить ихъ бытъ. Первая сторона нашла себѣ поддержку въ генералъ-губернаторѣ Голицынѣ и гражданскомъ губернаторѣ Рихтерѣ, на сторонѣ второй партіи стояло высшее правительство и самъ государь со своими обширными реформаціонными планами. Князь Голицынъ, подобно многимъ своимъ современникамъ, въ крѣпостномъ правѣ видѣлъ самый естественный законъ и былъ противъ ограниченія полновластія вотчинниковъ. Предъ самымъ открытіемъ ландтага 1803 года, онъ писалъ графу Кочубею, что не приказалъ переводить указа отъ 20-го февраля о вольныхъ хлѣбопашцахъ на языки латышскій и эстонскій, дабы не подавать повода къ крестьянскимъ волненіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ осуждалъ тѣ пункты, которые Сиверсъ предложилъ на обсужденіе дворянства и въ особенности осуждалъ исключеніе самаго слова „крѣпостной". „Народъ вездѣ, писалъ князь Голицынъ, особенно-же здѣшній, столь ограниченъ въ своемъ умѣ, что, конечно, не разсудитъ, что сіе дѣлается для его блага и что вольность, ему даруемая, есть свобода законная, а не своеволіе". Кочубей отвѣчалъ, что Государь Императоръ и не имѣетъ намѣренія уничтоженіемъ крестьянъ

янства, установленіемъ вольности и прочимъ ниспровергнуть настоящій порядокъ вещей въ Лифляндіи, но желаетъ только, чтобы повинности или обязанности крестьянскія, иначе вакенбухъ называемыя, законно опредѣлены были.

Въ ландтагѣ между тѣмъ начиналось обсужденіе проекта улучшенія быта крестьянъ. Само собою разумѣется, что обсужденіе подавало поводъ къ безчисленнымъ спорамъ, въ особенности противъ пунктовъ Сиверса. Одинъ изъ членовъ собранія Циммерманъ предъявилъ противъ ландрата Сиверса формальное обвиненіе въ томъ, что онъ, Сиверсъ, безъ совѣщанія съ дворянскимъ конвентомъ, испросилъ чрезвычайный ландтагъ; онъ же во зло употребилъ вниманіе Монарха, увѣривъ Государя, будто въ предложенныхъ пунктахъ, имъ однимъ, Сиверсомъ, составленныхъ и долго содержавшихся отъ дворянъ въ тайнѣ, заключалось выраженіе намѣреній всего дворянства; этими пріемами побудилъ онъ правительство прислать дворянамъ ихъ на разсмотрѣніе. Но теперь все это раскрылось и потому, пользуясь сдѣланнымъ намъ указаніемъ, я предлагаю довести до свѣдѣнія правительства, что ландтагъ созванъ не по желанію представителей дворянства, и отвергнуть присланные намъ пункты всѣ безъ изъятія, какъ противные нашимъ намѣреніямъ.

Предложеніе это было оставлено, конечно, безъ послѣдствій, а составленіе новаго проекта все таки подвигалось впередъ, хоть и медленно. Наконецъ, послѣ безчисленныхъ споровъ, проектъ былъ составленъ: шведскія оцѣночныя правила были приняты въ основаніе опредѣленія повинностей и были приняты многія предположенія Сиверса, который самъ, по возвращеніи изъ Санктъ-Петербурга, въ ландтагѣ уже не участвовалъ, а проживалъ въ своемъ имѣніи.

Представляя проектъ улучшенія быта крестьянъ на утвержденіе, дворянство просило: разрѣшить наемъ рекрутовъ на сторонѣ, воспретить помѣщикамъ сосѣднихъ губерній требовать выводныя деньги за дѣвокъ, выходившихъ замужъ въ Лифляндіи, распространить проектированныя правила о крестьянскихъ повинностяхъ на имѣнія казенныя, церковныя и общественныя и затѣмъ отмѣнить всѣ прежніе вакенбухи и регулятивы.

Представленный на утвержденіе проектъ былъ составленъ все таки въ духѣ предположеній Сиверса и заключалъ въ себѣ очень много статей, которыя никакъ не могли нравиться любителямъ крѣпостнаго права. Всѣ они спѣшили предупредить министра внутреннихъ дѣлъ, что-де проектъ черезъ чуръ либераленъ, что потачки либераламъ давать никакъ не слѣдуетъ. Первымъ выступилъ на защиту необузданности помѣщичьей власти гражданскій губернаторъ Рихтеръ. Проектъ, разработанный въ ландтагѣ, еще не дошелъ до Санктъ-Петербурга, а ужъ Рихтеръ подалъ свое мнѣніе, что лиф-

ляндское дворянство зашло слишкомъ далеко въ расширеніи личныхъ правъ крестьянъ. Почему бы не продавать крестьянъ съ ихъ согласія? — писалъ достойный губернаторъ. Зачѣмъ допускать невозбранно браки между крестьянами, вѣдь иная дѣвка вздумаетъ, пожалуй, выйти замужъ не въ урочное время (осенью), не выслуживъ у помѣщика или хозяина годоваго срока и тогда «не токмо въ разсужденіи ея жалованья и годоваго платья, но также и въ хозяйствѣ, при которомъ она состоитъ на службѣ, могло бы произойти замѣшательство». За то Рихтеръ одобрялъ безусловно увольненіе всѣхъ крестьянъ—хозяевъ отъ всякой повинности, даже предлагалъ распространить эту привиллегію на ихъ сыновей — наслѣдниковъ и для этого развить торговлю рекрутами и квитанціями. Предполагаемое судоустройство также не понравилось Рихтеру: зачѣмъ избирать въ ордпунгсъ-герихтѣ засѣдателей изъ крестьянъ, это вѣдь побудитъ крестьянъ безпрестанно жаловаться на помѣщиковъ. Крестьяне и такъ волнуются, воображаютъ себѣ о своей волѣ Богъ знаетъ что, не мѣшало бы осадить мужиковъ и объявить, что царствію крѣпостнаго права не будетъ конца.

Липгардъ и другіе помѣщики, подписавшіе даже проэктъ, стали просить министра не утверждать его и отнюдь не принимать его за выраженіе настроеній и видовъ дворянства. Насъ обманулъ ландратъ Сиверсъ — писали они министру — мы думали, что правительство требуетъ, чтобы мы сдѣлали уступку, но теперь видимъ, что это не такъ. Необходимо отсрочить рѣшеніе дѣла до будущаго ландтага — писали министру другіе помѣщики.

Ландратская коллегія съ своей стороны подала протестъ противъ всякой отсрочки и просила о скорѣйшемъ утвержденіи проекта, хлопотать противъ протеста отправился въ Санктъ-Петербургъ баронъ Фитингофъ.

И такъ противъ проекта ландтага явились губернаторъ и очень много помѣщиковъ. Всѣ ждали, какое-же окончательное рѣшеніе приметъ правительство во всемъ этомъ дѣлѣ. Рѣшеніе это не замедлило.

V.

11 мая 1803 года состоялся слѣдующій именный, данный министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею указъ:

«Представленіе, сдѣланное мнѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года Эстляндскимъ рыцарствомъ о лучшемъ устроеніи состоянія подвластныхъ ему поселянъ, на которое изъявилъ я мое согласіе, побудило рыцарство Лифляндское просить объ утвержденіи съ тѣмъ же намѣреніемъ сдѣланнаго имъ еще въ 1796 года на ландтагѣ постановленія. Таковой поступокъ дворянства обѣихъ провинцій озна-

чалъ ясно духъ просвѣщеннаго человѣколюбія, стремящагося утвердить благосостояніе всѣхъ на счастіи каждаго. Чтобы дать полную свободу сему стремленію, предоставилъ я постановленіе 1796 года, которое не во всемъ соотвѣтствовало благонамѣренности дворянства, мнѣ довольно извѣстной, предложить вновь на наступившемъ тогда ландтагѣ сужденію собравшагося рыцарства, присовокупивъ къ тому мои замѣчанія, согласныя съ духомъ настоящаго времени. Стеченіе разныхъ обстоятельствъ произвело въ собраніи несогласіе въ голосахъ и тамъ, гдѣ было единодушіе въ намѣреніяхъ. Съ одной стороны энтузіазмъ, съ другой—крайняя осторожность, прежними примѣрами внушаемая, предлагали столь противоположные способы, что невозможно уже было ожидать совершенно согласнаго постановленія. Изъ присланныхъ ко мнѣ чрезъ военнаго губернатора князя Голицына бумагъ, заключающихъ въ себѣ окончательное положеніе на ландтагѣ учиненное и изъ разныхъ голосовъ и протестацій, къ совершенному удовольствію моему усматриваю я, однакоже, общее и твердое желаніе всего рыцарства нынѣшнимъ постановленіемъ:

1) Признать политическое существованіе поселянъ. 2) Утвердить имъ благопріобрѣтенную ими собственность. 3) Оградить ихъ отъ своевольнаго съ ними обращенія чрезъ опредѣленіе повинностей крестьянъ во всѣхъ отношеніяхъ особыми комисіями. Для достиженія сего намѣренія, признаю я за нужное составить здѣсь (въ Санктъ-Петербургѣ), подъ собственнымъ моимъ наблюденіемъ, комитетъ, который: а) разсмотрѣвъ мнѣнія, на ландтагѣ сего года извлеченныя, и сообразя, какъ оныя, такъ и окончательное положеніе онаго, съ настоящимъ состояніемъ дѣлъ въ Лифляндіи, постановить общія правила, по которымъ вышеизъясненное желаніе рыцарства, къ обоюдной пользѣ, совершенно исполниться можетъ, безъ нарушенія законныхъ правъ обоихъ сословій; б) составить, согласно общему желанію, частныя коммисіи, долженствующія на мѣстѣ разсмотрѣть повинности поселянъ и отношенія ихъ къ помѣщикамъ, для сочиненія такъ называемыхъ вакенбуховъ, снабдивъ сіи коммиссіи надлежащею инструкціею; 3) разсмотрѣть состояніе крестьянъ на казенныхъ мызахъ, пасторатахъ и вообще всѣхъ непринадлежащихъ къ дворянству земляхъ, и, наконецъ, 4) на основаніи всѣхъ сихъ свѣдѣній сдѣлать общее законоположеніе. Въ комитетѣ семъ, подъ предсѣдательствомъ вашимъ, назначаю я присутствовать сенатору Козодавлеву и тайному совѣтнику графу Строганову съ двумя ландратами, которыхъ я изберу изъ представленныхъ мнѣ ландратскою коллегіею четырехъ кандидатовъ. Правителю дѣлъ въ семъ комитетѣ повелѣваю быть коллежскому совѣтнику Дружинину».

Такимъ образомъ, правительство всецѣло брало на себя составленіе и изданіе закона объ улучшеніи быта лифляндскихъ крестьянъ. Но иначе и не могло быть. Генералъ-губернаторъ выска-

зался противъ облегченія тѣхъ условій, въ которыхъ жили лифляндскіе крестьяне; гражданскій губернаторъ Рихтеръ подалъ мнѣніе о проектѣ не только не одобрительное, но даже явно враждебное. Многіе помѣщики, и притомъ самые богатые, не преминули писать министру внутреннихъ дѣлъ, что проектъ, составленный въ ландтагѣ 1803 г., есть скорѣе выраженіе мнѣнія одного Сиверса, чѣмъ всего дворянскаго сословія. Слѣдовательно, проектъ имѣлъ многихъ противниковъ, но правительство, однако-же, очень хорошо видѣло, что оставить лифляндскихъ крестьянъ на произволъ судьбы безъ строгаго и яснаго опредѣленія отношеній ихъ къ помѣщикамъ было невозможно. Тутъ правительству ничего не оставалось дѣлать, какъ взять все дѣло на себя — что и было исполнено вышеприведеннымъ указомъ.

Въ указѣ было сказано, что членами учреждаемаго комитета должны быть два ландрата, которыхъ Государь предоставлялъ себѣ избрать изъ четырехъ кандидатовъ по представленію ландратской коллегіи. Въ исполненіе указа ландратская коллегія представляла въ члены комитетовъ ландратовъ Сиверса, Рихтера, Анрепа и Буденброка. Представленіе этихъ лицъ подало поводъ барону Фитингофу, прибывшему нарочно въ С.-Петербургъ для противодѣйствія утвержденію проекта, составленнаго въ послѣднемъ ландтагѣ, подать графу Кочубею слѣдующую докладную записку:

«Полагая возложенныя на меня дворянствомъ дѣла совершенно оконченными и бывъ уже совсѣмъ на готовѣ отсюда выѣхать, имѣлъ я честь быть и у Вашего Сіятельства для засвидѣтельствованія того же глубокаго почтенія, на которое Вы имѣете столь справедливыя требованія, но задержанный нѣкоторыми, непредвидѣнными обстоятельствами, остался я здѣсь еще на нѣкоторое время, и съ послѣднею почтою получилъ отъ нѣкоторыхъ знаменитѣйшихъ членовъ нашего рыцарства такія письма, кои возлагаютъ на меня долгъ утрудить Ваше Сіятельство новою всепокорнѣйшею просьбою.

«Дворянство лифляндское, узнавъ, что между избранными кандидатами находится также господинъ ландратъ Сиверсъ, употребившій уже столько разъ во зло неограниченную довѣренность общества, коею прежде пользовался, и вооружившій себя противъ правъ и привиллегій, изстари дворянству пожалованныхъ и утвержденныхъ, пришло въ великое смущеніе и безпокойство, боясь, чтобъ оный не нанесъ ему сильнѣйшихъ ударовъ.

«Ища способа сему помочь, не нахожу другаго средства какъ прибѣгнуть подъ высокое покровительство Вашего Сіятельства и просить, дабы, представивъ Его Императорскому Величеству положеніе дворянства въ настоящемъ теперешнемъ его видѣ, постарались сколько можно сдѣлать, чтобы господинъ ландратъ фонъ Сиверсъ, лишенный совершенно довѣренности общества и самъ всѣ сношенія съ онымъ прервавшій, о чемъ далъ знать обществу и въ рѣчи имъ

на последнемъ ландтагѣ говоренной слѣдующими, исполненными гнѣва словами (слѣдуетъ отрывокъ изъ извѣстной уже читателямъ рѣчи) не былъ бы избранъ Его Императорскимъ Величествомъ для засѣданія въ коммисіи, назначенной для разсмотрѣнія и исправленія нашего земскаго учрежденія, и чтобы Его Императорское Величество, всемилостивѣйше воззрѣвъ на все сдѣланное лифляндскимъ дворянствомъ для поправленія состоянія крестьянина и на пожертвованія, кои оное учинило въ теченіи четырехъ послѣднихъ неурожайныхъ годовъ для предупрежденія бѣдствій и золъ, отъ распространившагося повсюду голода родиться могшихъ, позволилъ-бы оному сочинить окладныя землямъ и помѣстьямъ своимъ книги на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на которыхъ всемилостивѣйше предоставлено сіе Эстляндскому дворянству, коего крестьяне находятся еще въ жалостнѣйшемъ состояніи, нежели наши, и кое для поправленія оныхъ, не видно, чтобъ когда нибудь отличало себя такими пожертвованіями, какими отличалось всегда наше лифляндское рыцарство, пришедшее даже отъ того въ великую разстройку».

Министръ не могъ не видѣть, что въ этой докладной запискѣ многое изложено недѣльно, какъ выражалось въ старину. Вопервыхъ, баронъ Фитингофъ не былъ уполномоченъ отъ дворянства, а явился въ Петербургъ представителемъ не дворянскаго общества, а развѣ партіи крѣпостниковъ, которая хоть и была многочисленна, но все же дворянства не составляла. Вовторыхъ, было извѣстно, что Сиверсъ отнюдь не злоупотреблялъ довѣріемъ дворянскаго общества, а напротивъ началъ дѣло объ улучшеніи быта крестьянъ по уполномочію отъ общества. Въ третьихъ, было извѣстно, что Сиверсъ вовсе не выходилъ въ отставку изъ ландратской коллегіи и никогда не разрывалъ связей съ обществомъ. Наконецъ, было извѣстно и то, что помѣщики, въ родѣ Фитингофа, если и разорились, то разорились не отъ пожертвованій въ пользу крестьянъ, а отъ через-чуръ роскошной жизни. Тѣмъ не менѣе и министру и государю было извѣстно также, что у Сиверса было очень много и недоброжелателей. Правительство не желало подавать повода къ дальнѣйшимъ распрямъ, потому и выборъ членовъ въ новую коммисію выпалъ на ландратовъ Буденброка и Анрепа.

Сиверсъ былъ обойденъ, но это обстоятельство отнюдь не измѣнило ни его дружескихъ отношеній къ министру внутреннихъ дѣлъ, ни его вліянія на дальнѣйшій ходъ крестьянскаго вопроса. Графъ Кочубей, уважая способности Сиверса и его знаніе мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, во все время существованія комитета не рѣдко обращался къ Сиверсу за совѣтами, посылалъ ему на предварительное заключеніе журналы комитета (конечно, не безъ вѣдома и не безъ одобренія самого государя). Сиверсъ помогалъ комитету какъ могъ и на сколько имѣлъ матеріаловъ и средствъ. Первою его услу-

гою комитету была высылка собранія шведскихъ крестьянскихъ законовъ. Но и тутъ для него не обошлось безъ непріятностей. Проживая въ своемъ имѣніи Ранценѣ, Сиверсъ никогда не оставлялъ безъ вниманія заявленій и просьбъ своихъ крестьянъ. Слухи объ учрежденіи въ Петербургѣ особаго комитета, о сочиненіи новаго закона о крестьянахъ, объ ихъ повинностяхъ и прочемъ распространились между крестьянами, которые и стали обращаться къ Сиверсу за разъясненіями тревожившихъ ихъ вопросовъ. Сиверсъ, конечно, говорилъ дѣло, какъ оно есть, говорилъ, что все пока должно оставаться по старому, но что правительство въ самомъ скоромъ времени опредѣлитъ крестьянскія повинности, занесетъ ихъ въ особыя книги (вакенбухи) и тѣмъ положитъ конецъ произвольнымъ нарядамъ крестьянъ на работы. Все что ни объяснялъ Сиверсъ крестьянамъ была истинная правда и клонилось къ успокоенію, а вовсе не къ раздраженію крестьянъ; тѣмъ не менѣе злорадныхъ враговъ у Сиверса было такъ много, что они начали распускать слухи, будто Сиверсъ волнуетъ крестьянъ, подстрекаетъ ихъ къ бунту несбыточными надеждами и прочее. Сиверсъ долженъ былъ отвѣчать на сдѣланные ему запросные пункты, объясняться и проч. Само собою разумѣется, что изъ дѣла этого ничего не вышло и самъ князь Голицынъ, недолюбливавшій Сиверса, когда въ Перновскомъ уѣздѣ обнаружилось нѣкоторое волненіе, доносилъ Государю, что если дѣло кончилось мирно, то это слѣдовало приписать присутствію ландрата Сиверса и нравственному его авторитету надъ крестьянами.

Комитетъ, составленный на основаніи указа 11 Мая 1803 года, собрался въ первый разъ 3 Августа 1803 года и кончилъ возложенное на него порученіе въ тридцать засѣданій, къ 3 Февраля 1804 года. Результатомъ трудовъ коммисіи было крестьянское положеніе, опредѣлившее, наконецъ, личныя права крестьянъ и ихъ отношенія къ помѣщикамъ. Каковы бы ни были несовершенства этого положенія, каковы бы ни были слабыя стороны его, но оно все таки способно было улучшить бытъ крестьянъ въ дѣйствительности и оградить отъ произвольныхъ притязаній помѣщиковъ. Извѣстно, что положеніе 1804 года раздѣлялось на четыре главы: о личномъ состояніи поселянъ, объ ихъ собственности, объ ихъ повинностяхъ и, наконецъ, объ ихъ подсудимости. Здѣсь нѣтъ надобности излагать подробности каждой главы, достаточно замѣтить, что комитетъ расширилъ личныя права крестьянъ противъ тѣхъ, которыя имъ представлялись проектами, составленными на ландтагахъ 1796 г. и послѣдующихъ лѣтъ. Такъ запрещено было, безъ согласія крестьянъ, наряжать ихъ на работы, не причисленныя къ разряду сельскохозяйственныхъ, и брать ихъ во дворъ къ помѣщику: добровольно поступившимъ въ дворовые оставлялось право вернуться впослѣдствіи въ прежнее состояніе. Испрошеніе у помѣщика письменнаго дозволенія

на вступленіе въ бракъ было отмѣнено, крестьяне, однако, обязаны были, передъ вѣнчаніемъ, оповѣщать владѣльца о своемъ намѣреніи.

Крестьянамъ, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ имѣніяхъ, разрѣшено было пріобрѣтать въ собственность земли, которыми они пользовались не по праву, однакоже, выкупа, а по добровольному соглашенію съ владѣльцами.

Назначеніе рекрутовъ было предоставлено крестьянскому суду, безъ участія владѣльца.

Для дворовыхъ людей, какъ особаго класса, изданы были особыя правила, которыми, между прочимъ, разрѣшалось переводить ихъ въ крестьянъ (съ отводомъ земли), но не иначе, какъ съ ихъ согласія.

Въ опредѣленіи юридическаго права крестьянъ хозяевъ на отведенную имъ землю, комитетъ, согласно предложенію Сиверса, призналъ это право неотъемлемымъ и наслѣдственнымъ. Это одно изъ важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ для крестьянъ постановленій, которое владѣльцы всегда оспаривали. Сиверсъ шелъ еще далѣе: онъ настойчиво требовалъ, чтобы крестьянскіе надѣлы были безусловно неприкосновенны. Это мнѣніе Сиверса комитетъ хоть и вполнѣ раздѣлялъ, тѣмъ не менѣе не призналъ возможнымъ вполнѣ и безусловно воспретить прирѣзку крестьянскихъ земель къ господскимъ. Комитетъ положилъ: допускать прирѣзку, когда таковая потребуется для доведенія господскаго посѣва до высшаго размѣра, разсчитаннаго пропорціально количеству ординарной барщины и когда доказано будетъ, что въ имѣніи нѣтъ никакихъ пустопорожнихъ или худо удобренныхъ земель, изъ которыхъ могло бы быть произведено предположенное увеличеніе господскаго посѣва, не прибѣгая къ отобранію крестьянской земли. Это именно изъятіе и подавало впослѣдствіи поводъ къ немалымъ злоупотребленіямъ.

Въ регулированіи крестьянскихъ повинностей, комитетъ держался шведской таксаціи и возвратилъ гаку его первоначальную стоимость.

Глава положенія о подсудимости крестьянъ, т. е. о крестьянскихъ судахъ, заимствована была изъ проекта ландтага. Графъ Кочубей, взявшій на себя разработку этой части, многое въ ней смягчилъ, но, однако же, не упростилъ, предположенную дворянствомъ, организацію.

Вторымъ пунктомъ указа отъ 11 Мая 1803 года было повелѣно составить, согласно общему желанію, частныя коммисіи, долженствующія на мѣстѣ разсмотрѣть повинности поселянъ и отношенія ихъ къ помѣщикамъ для сочиненія такъ называемыхъ вакенбуховъ, снабдивъ сіи коммисіи надлежащею инструкціею.

И такъ, комитету предстояло, послѣ составленія общаго крестьянскаго положенія, составить проектъ учрежденія частныхъ,

вѣрнѣе исполнительныхъ коммисій и дать имъ инструкціи. О такихъ коммисіяхъ и рѣчи никогда не было на ландтагахъ, потому комитету пришлось разработать проекты ихъ вполнѣ самостоятельно. Первоначальное составленіе проекта учрежденія поручено было Буденброку, предположенія его были разсматриваемы въ комитетѣ и подверглись существенной передѣлкѣ къ лучшему.

Комитетъ положилъ учредить четыре коммисіи: Рижскую, Дерптскую, Венденскую и Перновскую. Каждая коммисія должна была состоять подъ предсѣдательствомъ одного лица изъ двухъ отдѣленій, дѣйствовавшихъ независимо другъ отъ друга и никогда не соединявшихся въ одно присутствіе. Въ отдѣленіе полагалось назначить троихъ засѣдателей, изъ которыхъ одинъ, подъ названіемъ старшаго, докладывалъ дѣла: при отдѣленіи состояли секретарь, землемѣръ и писцы. Засѣдатели назначались высочайшею властью изъ двойнаго числа кандидатовъ, представляемыхъ дворянствомъ поуѣздно, а предсѣдатели всѣхъ четырехъ коммисій высочайшею властью непосредственно изъ чиновниковъ въ Лифляндіи помѣстій не имѣющихъ, то есть изъ русскихъ, дабы «извѣстнымъ образомъ мыслей Лифляндскихъ крестьянъ и необходимостію наблюсти, чтобы самое составленіе (составъ) коммисій могло уже внушить всеобщую къ нимъ довѣренность и отдалить всякое подозрѣніе на ихъ безпристрастіе».

Каждому отдѣленію каждой коммисіи отводился въ уѣздѣ особый округъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ приходовъ, въ которомъ она обязана была по каждому мнѣнію: 1) Привести въ извѣстность существующій порядокъ вещей; для этого къ назначенному сроку помѣщикъ долженъ былъ представить вакенбухъ, регулятивъ, планы и свѣдѣнія о крестьянскомъ надѣлѣ. 2) По надѣлу и по числу рабочихъ душъ опредѣлить размѣръ повинностей и на основаніи новаго положенія составить вакенбухъ на все имѣніе. 3) По этому вакенбуху составить и раздать хозяевамъ вакенбухи на каждый дворъ. 4) Опредѣлить содержаніе батраковъ и составить списки дворовымъ людямъ. 5) Открыть крестьянскіе и приходскіе суды и назначить жалованье засѣдателямъ отъ крестьянъ.

Отдѣленія коммисій собственною властью ничего не рѣшали и не вводили. Предсѣдатель, переѣзжая изъ одного отдѣленія въ другое, направлялъ ихъ дѣйствія, ревизовалъ производство, разрѣшалъ недоумѣнія и вопросы, вслучаѣ надобности измѣнялъ предположенія отдѣленій и утверждалъ ихъ.

Каждый предсѣдатель въ своемъ уѣздѣ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, сносясь непосредственно съ министромъ.

Въ помощь предсѣдателю приданъ былъ мѣстный уѣздный церковный попечитель. Графъ Кочубей ввелъ этотъ пунктъ въ проектъ о коммисіяхъ съ цѣлью воспользоваться опытностію и усердіемъ ландрата Сиверса, который въ это время состоялъ въ должности

старшаго церковнаго попечителя въ Венденскомъ уѣздѣ. Цѣль эта, какъ будетъ сказано ниже, была вполнѣ достигнута.

Каждый приходъ обязывался содержать на свой счетъ дѣйствовавшее въ немъ отдѣленіе коммисіи до окончанія всѣхъ порученныхъ ему въ томъ приходѣ работъ. Всю же ревизіонную операцію, какъ въ частныхъ, такъ и въ общественныхъ и казенныхъ имѣніяхъ, предполагалось окончить въ одинъ годъ, но комитету, очевидно, не было извѣстно, что огромное число имѣній не было вовсе межевано, слѣдовательно, кончить въ годъ всю операцію не было никакой возможности.

По окончаніи составленія проектовъ крестьянскаго положенія и инструкцій для исполнительныхъ (названныхъ ревизіонными) коммисій, комитетъ представилъ свои труды на высочайшее утвержденіе, которое и не замедлило послѣдовать въ слѣдующемъ именномъ данномъ сенату указѣ отъ 20 Февраля 1804 года.

«Дворянство Лифляндской губерніи, въ принесенномъ намъ прошеніи, представляя желаніе его установить на лучшихъ и удобнѣйшихъ правилахъ положеніе поселянъ въ Лифляндіи, просило утвердить сдѣланное имъ съ 1798 г. по предмету сему постановленіе.

«Разсмотрѣвъ прошеніе сіе и уваживъ, что еще въ 1765 году, по повелѣнію любезной бабки нашей, государыни императрицы Екатерины II-й, сдѣлано было лифляндскимъ дворянствомъ въ пользу поселянъ постановленіе; что съ того времени, по недостаточному дѣйствію сего постановленія, въ собраніяхъ дворянства неоднократно было предлагаемо о точнѣйшемъ опредѣленіи повинностей и положенія поселянъ, и что, наконецъ, въ 1796 и 1798 г., по общему дворянъ согласію, сдѣланы были новые проекты постановленій, мы нашли справедливымъ, удовлетворяя желанію лифляндскаго дворянства, поступить на утвержденіе мѣръ къ прочному установленію поселянскаго состоянія пріемлемыхъ. А дабы мѣры сіи были сообразнѣе и удовлетворительнѣе взаимнымъ пользамъ помѣщиковъ и поселянъ, признали мы нужнымъ представить ихъ вновь разсмотрѣнію и соображенію дворянства, на ландтагѣ минувшаго 1803 года собравшагося.

«Дворянство, при единодушномъ желаніи утвердить благосостояніе поселянъ, составило новое о семъ положеніи, которое хотя принято было большинствомъ голосовъ, но въ способахъ къ достиженію сего общаго желанія встрѣтились разногласія.

«Для лучшаго соображенія сего постановленія, составленъ былъ здѣсь (въ Петербургѣ) особенный комитетъ.

«Войдя въ подробнѣйшее изслѣдованіе сего дѣла и разсмотрѣвъ, по даннымъ ему наставленіямъ, всѣ принадлежащіе къ нему акты и обстоятельства, комитетъ, при докладѣ своемъ, поднесъ намъ составленное имъ положеніе о поселеніяхъ Лифляндской губерніи и

инструкцію ревизіоннымъ коммисіямъ, для опредѣленія повинностей ихъ учреждаемымъ.

«4. Сверхъ сего, въ особенности возложить на попеченіе военнаго губернатора строгое наблюденіе, дабы, до окончанія ревизіонными коммисіями обязанности ихъ, поселяне оставались въ настоящемъ своемъ положеніи въ разсужденіи повинностей ихъ, и чтобы по составленіи новыхъ вакенбуховъ ничего сверхъ оныхъ требуемо не было, а поселяне, съ своей стороны, исправляли-бы въ точности свои обязанности.

«5. Въ сходственность съ докладомъ комитета, правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе для отдѣленія бургъ-герихта отъ рижскаго ландгерихта, для прибавленія гофъ-герихту третьяго засѣданія, для учрежденія въ Лифляндіи еще четырехъ ордну́нгсъ-герихтовъ по бывшему раздѣленію на восемь уѣздовъ и для приведенія въ исполненіе всѣхъ мѣръ въ утвержденномъ нами положеніи о поселянахъ Лифляндской губерніи заключающихся».

«Разсмотрѣвъ сіе положеніе и находя его какъ общему желанію дворянства объ утвержденіи состоянія поселянъ на лучшихъ правилахъ, такъ и прежнимъ узаконеніямъ сообразнымъ, мы признали нужнымъ, утвердивъ оное, обратить къ надлежащему исполненію. И для сего, препровождая положеніе сіе и инструкцію со всѣми приложеніями къ онымъ въ правительствующій сенатъ, повелѣваемъ:

«1. Положеніе для поселянъ Лифляндской губерніи повсемѣстно въ Лифляндіи публиковать на нѣмецкомъ, латышскомъ и эстскомъ языкахъ, вмѣстѣ съ инструкціею ревизіоннымъ коммисіямъ и съ приложеніямъ къ оной.

«2. Исполненіе сего возложить на военнаго губернатора рижскаго, посредствомъ тамошняго губернскаго правленія.

«3. Ему же, военному губернатору, имѣть наблюденіе, чтобы ревизіонныя коммисіи получали отъ губернскаго и уѣздныхъ начальствъ дѣятельное пособіе въ отправленіи ихъ препорученія.

Вслѣдъ за этимъ указомъ были назначены Государемъ и предсѣдатели въ ревизіонной коммисіи. Въ дерптскую коммисію былъ назначенъ сенатскій оберъ-прокуроръ Сергѣй Ивановичъ Пущинъ, въ Венденскую дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Николаевичъ Реньевъ, въ Перновскую генералъ-маіоръ Семенъ Егоровичъ Драшкевичъ и въ рижскую членъ военной коллегіи генералъ-маіоръ Михаилъ Ѳедотовичъ Веригинъ. Были также избраны и утверждены засѣдатели отъ дворянства во всѣ ревизіонныя коллегіи.

Въ это время рижскимъ военнымъ губернаторомъ былъ ге-

нералъ-отъ-инфантеріи Буксгевденъ *), смѣнившій князя Голицына 21-го сентября 1803 года. По полученіи вышеприведеннаго указа въ Ригѣ, онъ первый пунктъ онаго понялъ такимъ образомъ, что всѣ 180 статей новаго положенія должны быть прочтены пасторами въ церквахъ. Находя такое прочтеніе неудобнымъ, Буксгевденъ донесъ между прочимъ Государю, что «лифляндскіе крестьяне убѣждены, что пасторы ихъ въ стачкѣ противъ нихъ съ помѣщиками; ни тѣмъ, ни другимъ они не вѣрятъ и потому, если положеніе не удовлетворитъ ожиданіямъ крестьянъ, то они непремѣнно заподозрятъ подлогъ; на оборотъ, получая новый законъ отъ коммисій, народъ не усомнится въ его подлинности, потому что въ нихъ предсѣдательствуютъ русскіе чиновники». Вслѣдствіе этого, графъ Буксгевденъ просилъ разрѣшенія Государя о вышедшемъ новомъ крестьянскомъ положеніи въ церквахъ ничего не объявлять, а поручить предсѣдателямъ коммисій раздать крестьянамъ по рукамъ изготовленные переводы. Государь одобрилъ мысль графа и въ церквахъ объявлено было только объ открытіи ревизіонныхъ коммисій.

Одновременно съ графомъ Буксгевденомъ представила въ Петербургъ и ландратская коллегія свои ходатайства о вознагражденіи дворянъ за принесенныя имъ яко бы жертвы по новому положенію, которое хотя и не было еще введено, но получило уже высочайшее утвержденіе. Ландраты испрашивали, во первыхъ, безпроцентной ссуды изъ государственнаго казначейства владѣльцамъ 170 гаковъ, по пяти тысячъ рублей на гакъ, всего восемьдесятъ пять тысячъ рублей съ правомъ для заемщиковъ начать уплату не ранѣе какъ чрезъ десять лѣтъ и производить ее равными частями въ теченіе таковаго же срока.

Ходатайства этого правительство не приняло, за то приняло и утвердило другія два ходатайства: 1) освободило Лифляндское дворянство отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ, чтобы дать возможность обратить въ купчія крѣпости закладные акты, совершенные на долгіе сроки во избѣжаніе уплаты пошлинъ и 2) приняло на казенный счетъ содержаніе вновь учрежденныхъ четырехъ орднунгсъ-герихтовъ въ размѣрѣ 7,090 рублей.

---

*) Буксгевденъ, графъ Θедоръ Θедоровичъ, родился 2-го Сентября 1750 года на островѣ Эзелѣ въ казенномъ имѣніи Магаусталѣ. Онъ получилъ воспитаніе въ петербургскомъ артиллерійскомъ и инженерномъ корпусѣ и въ 1770 году былъ произведенъ въ инженеръ-прапорщики. Съ этого времени начинается его боевая дѣятельность. Въ свое время Буксгевденъ былъ весьма замѣтнымъ генераломъ въ русской арміи. Въ 1808 году онъ былъ главнокомандующимъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Финляндіи противъ шведовъ, въ 1809 г. былъ уволенъ отъ командованія, поселился въ Эстляндіи въ принадлежащемъ ему замкѣ Лоде, гдѣ и умеръ 23 Августа 1811 года. Графъ Буксгевденъ, подобно своему предшественнику князю Голицыну, недовѣрчиво и несочувственно относился къ крестьянской реформѣ и въ льготахъ для поселянъ видѣлъ источникъ безпокойствъ и бунтовъ.

Посмотримъ теперь, какъ было принято дворянствомъ новое крестьянское положеніе и какъ оно вводилось въ Лифляндіи...

VI.

Если вспомнить, каково было настроеніе большинства помѣщиковъ во время ландтага 1804 г., то не трудно догадаться, какъ ими было принято новое крестьянское положеніе. Кто уполномочилъ Сиверса, говорили крѣпостники, просить о созваніи чрезвычайнаго ландтага? Кто уполномочилъ его подавать записку о томъ, что необходимо сдѣлать для крестьянъ? Кто уполномочилъ его заявить о готовности на жертвы?...

Дѣйствительно Сиверсъ имѣлъ полномочіе отъ дворянства начать ходатайство объ утвержденіи постановленій ландтага 1798 года, касавшіяся крестьянъ, и только..., но о совершившемся фактѣ сожалѣть или препираться было уже поздно и невозможно. Созванный въ 1803 г. чрезвычайный ландтагъ и былъ обязанъ представить проектъ улучшенія быта кресгьянъ. Этотъ проектъ былъ составленъ въ духѣ прежнихъ постановленій и представленъ на утвержденіе, тѣмъ не менѣе противъ этого проекта возстало очень много голосовъ. Генералъ-губернаторъ князь Голицынъ относился къ проекту крестьянской реформы очень подозрительно и откровенно писалъ графу Кочубею, что отъ реформы онъ не ждетъ ничего хорошаго. «По несчастію, говорилъ онъ, живемъ мы въ такомъ столѣтіи, въ которомъ люди слишкомъ философствуютъ и пекутся слишкомъ о правахъ человѣка... Благонамѣреніе сіе весьма хорошо, но произведеніе его дѣйствительно еще рано. Мы еще не довольно созрѣли, чтобы могли понять сію благость. Не вольность, но строгое во всѣхъ частяхъ правленіе намъ полезно и необходимо...»

Гражданскій губернаторъ Рихтеръ доносилъ министру, что дворянство зашло слишкомъ далеко въ расширеніи личныхъ правъ крестьянъ. Крестьяне и такъ волнуются, несбыточныя надежды и такъ бродятъ въ ихъ умахъ, что же будетъ когда они дѣйствительно получатъ права.

Одновременно съ проектомъ реформы были посланы и протесты противъ него. »Энтузіазмъ (т. е. Сиверсъ) съ одной стороны, было сказано въ указѣ отъ 11 мая 1803 г., съ другой крайняя осторожность предлагали столь противоположные способы, что невозможно уже было ожидать совершенно согласнаго постановленія». Вслѣдствіе этого правительство взяло на себя постановленіе проекта реформы, который и получилъ утвержденіе 20-го февраля 1804 года.

Новое крестьянское положеніе, какъ уже было замѣчено вы-

ше, пошло нѣсколько далѣе, чѣмъ заключалось въ предшествовавшихъ ему ландтагскихъ постановленіяхъ. Оно не умалило, а расширило личныя права крестьянъ, опредѣлило положеніе дворовыхъ людей, признало право крестьянъ-хозяевъ на отведенную имъ землю неотъемлемымъ и наслѣдственнымъ, смягчило домашнюю расправу, вообще было составлено такъ, что, при добросовѣстномъ примѣненіи, дѣйствительно могло улучшить бытъ крестьянъ. Но если многимъ, лучше сказать большинству владѣльцевъ, не понравились постановленія ландтага 1803 г., то какимъ образомъ могло понравиться положеніе, составленное на болѣе широкихъ и болѣе либеральныхъ началахъ, чѣмъ они ожидали? Могло ли понравиться учрежденіе исполнительныхъ (ревизіонныхъ) коммисій съ русскими (обязательно) предсѣдателями и могла ли понравиться инструкція этимъ коммисіямъ, совершенно новая, потому что на предшествовавшихъ ландтагахъ и рѣчи объ исполнительныхъ коммисіяхъ никогда не было (все думали, что вотъ-де составится и утвердится положеніе, а на счетъ приведенія его въ исполненіе дѣло отложится или въ долгій ящикъ, или же предоставится на волю владѣльцевъ).

Въ 1804 г. новое крестьянское положеніе вошло въ законную силу, исполнительныя коммисіи открыли свои дѣйствія, причемъ тотчасъ же обнаружилось, что кончить свои занятія въ одинъ годъ не было никакой возможности, такъ какъ во множествѣ имѣній не было вовсе произведено межеваній. Весь 1804 годъ прошелъ лишь въ приступѣ къ введенію новаго положенія, и лишь чрезъ годъ, именно въ февралѣ 1805 года, когда собрался очередной ландтагъ, обнаружилось, какъ дворянство взглянуло на новое крестьянское положеніе.

Два предмета выступили на первый планъ во время этого ландтага: вопросъ о возстановленіи въ Лифляндіи Екатерининскихъ учрежденій и вопросъ о новомъ крестьянскомъ положеніи.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что съ самаго вступленія на престолъ императора Александра Павловича вопросъ о возстановленіи Екатерининскихъ учрежденій сильно занималъ и дворянство, и рижское населеніе. Къ 1805 г. вопросъ о введеніи вторично въ Ригу общаго городоваго положенія былъ уже рѣшенъ отрицательно, но дворяне не теряли еще надежды, потому что въ началѣ марта 1805 г. графъ Буксгевденъ такъ, между прочимъ, писалъ министру внутреннихъ дѣлъ: «Много дворянъ намѣреваются (на ландтагѣ) убѣдить все дворянство всеподданнѣйше просить Государя Императора о введеніи въ Лифляндіи высочайшихъ объ управленіи губерній учрежденій, дабы по примѣру россійскихъ пользоваться порядкомъ, образованнымъ (т. е. основаннымъ) на началахъ, выработанныхъ политическою наукою и, не теряя прочихъ привиллегій, имѣть только мѣста по

учрежденію установленныя и обрядъ по оному въ производствѣ дѣлъ. Сіе дворянъ предложеніе по справедливости достойно одобренія, ибо можно ли предпочесть древній порядокъ выбранному и усовершенствованному въ послѣднее время?»

Намѣреніе дворянъ, однакоже, не исполнилось: имъ не удалось убѣдить все дворянство, ихъ предложеніе на ландтагѣ не получило надлежащаго большинства и потому было отклонено. За то въ вопросѣ о крестьянскомъ положеніи партія, отстаивавшая помѣщичье полновластіе, взяла верхъ надъ противною партіею, поддерживавшею преобразовательныя начинанія правительства по устройству крестьянъ. Дѣло происходило такъ.

Хотя новое крестьянское положеніе и получило окончательное утвержденіе, но многіе дворяне принесли въ ландтагъ жалобы на стѣснительность для помѣщиковъ ограниченій, установленныхъ въ положеніи. Сиверсъ, присутствовавшій на ландтагѣ въ качествѣ ландрата, и немногіе его единомышленники усердно стояли за крестьянъ и доказывали, что ограниченія помѣщичьей власти, установленныя положеніемъ, никакъ не могутъ нанѣсти какой либо существенный вредъ интересамъ владѣльцевъ, но ландтагъ всетаки положилъ составить коммисію для подробнаго разбора положенія и для проектированія разныхъ въ немъ измѣненій. Коммисія эта, получившая названіе «коммисіи для изысканія способовъ къ согласованію разнствующихъ видовъ исполнительныхъ коммисій», послѣ долгихъ преній выработала цѣлый проектъ въ 29 пунктахъ измѣненій и дополненій къ крестьянскому положенію. Ландтагъ положилъ въ концѣ марта 1805 года представить этотъ проектъ высшему правительству на утвержденіе законодательнымъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ проектомъ былъ составленъ и адресъ на высочайшее имя, въ которомъ дворянство благодарило Государя за крестьянское положеніе отъ своего лица и «за многія тысячи народа, которыхъ священная воля монарха возвратила государству, возвратила человѣчеству».

Чего же домогался проектъ ландтага въ 29 пунктахъ? Болѣе всего и прежде всего ограниченія нѣкоторыхъ личныхъ правъ крестьянъ и дворовыхъ людей разрѣшеніемъ помѣщику переводить послѣднихъ, безъ ихъ согласія, въ крестьяне, и на оборотъ, крестьянъ, также не спрашивая ихъ согласія, во дворъ. Далѣе: дозволенія перемѣнять оброки и данины во вспомогательные рабочіе дни, не стѣсняясь установленными въ законѣ ограниченіями; въ замѣнъ пашни и покосовъ отводить крестьянамъ бушландъ, требовать наряда подводъ въ счетъ барщины въ неограниченномъ числѣ и т. д.

Исполняя въ 1805 г. должность очереднаго ландрата, Сиверсъ обязанъ былъ, по своему званію, представить высшему началь-

ству предположенія дворянъ. Онъ и представилъ ихъ, а 24 мая писалъ секретарю Лифляндскаго комитета (который хотя и кончилъ свои занятія, но продолжалъ еще существовать впредь до окончательнаго введенія положенія) Дружинину, что нѣкоторыя изъ предположеній ландтага положительно полезны, напр: точнѣйшее опредѣленіе нѣкоторыхъ уроковъ. «Пусть только, писалъ Сиверсъ въ заключеніе своего письма, по всѣмъ статьямъ, которыя не заслужатъ апробаціи Государя, сдѣланъ будетъ прямой отказъ, а по другимъ статьямъ объявлено будетъ высочайшее рѣшеніе, какое Государю угодно будетъ положить. Тогда дѣла пойдутъ успѣшнѣе, никто не осмѣлится болѣе возражать и исчезнетъ надежда, которую гг. члены возлагаютъ на графа Буксгевдена».

Въ то самое время, когда Дружининъ читалъ письмо Сиверса, графъ Кочубей получилъ жалобу предсѣдателя рижской ревизіонной коммисіи генералъ маіора Веригина на проволочки и бездѣйствіе членовъ коммисіи. «На всѣ внушенія мои и настоянія мои, я постоянно получаю, писалъ Веригинъ, отвѣтъ: къ чему торопиться, когда посланы пункты. Но почему же вы думаете, что ихъ утвердятъ? — Да ужъ Рихтеръ (гражд. губернаторъ) поѣхалъ въ Петербургъ — инаго толку добиться не могу».

Рихтеръ дѣйствительно поѣхалъ въ Петербургъ и крѣпко ходатайствовалъ объ утвержденіи 29 пунктовъ, но ни его ходатайства, ни письма къ Кочубею престарѣлаго графа Сиверса ничего не помогли: графъ Кочубей передалъ 29 пунктовъ на разсмотрѣніе Лифляндскаго комитета, который и отвѣчалъ полнымъ отказомъ даже входить въ разсмотрѣніе предположеній дворянства. Вслѣдствіе этого графъ Кочубей 25 іюня 1805 г. такъ отвѣчалъ очередному ландрату Сиверсу на его представленіе ландтагскихъ предположеній:

«Комитетъ, по разсмотрѣніи 29 пунктовъ съ положеніемъ о крестьянахъ и инструкціею ревизіоннымъ коммисіямъ, удостоенными Высочайшей конфирмаціи, заключеніемъ своимъ опредѣлилъ слѣдующее: какъ сіи 29 пунктовъ относятся не только къ наставленію коммисій для единообразнаго исполненія означенныхъ узаконеній, соотвѣтственно тому какъ дворянство ихъ представляетъ; но содержатъ въ себѣ частію такія раздробленія и толкованія высочайшихъ предписаній, которыя или сами собою изъ означенныхъ узаконеній явствуютъ, или же раздробительными изъясненіями могутъ, перемѣнивъ разумъ оныхъ, подать поводъ къ новымъ недоразумѣніямъ и тѣмъ остановить успѣшное производство ревизій, частью же заключаютъ въ себѣ постановленія совершенно противныя высочайшей волѣ, изображенной въ изданномъ положеніи о крестьянахъ, въ инструкціи коммисіямъ и въ послѣдовавшихъ указахъ, а посему комитетъ и не

осмѣливается сихъ 29 пунктовъ представить на утвержденіе Его Величества, дабы не навлечь чрезъ то высочайшаго негодованія и на самое дворянство, коему вѣрноподданническая обязанность предписываетъ всѣми силами споспѣшествовать къ немедленному исполненію утвержденныхъ Его Императорскимъ Величествомъ узаконеній».

Эта бумага графа Кочубея показывала дворянству, что правительство вовсе не намѣрено отступаться отъ своихъ разъ сдѣланныхъ уже распоряженій. Ревизующій ландратъ Таубе, въ письмѣ на высочайшее имя, поспѣшилъ поручиться за безусловное повиновеніе всего сословія. Повиновеніе дѣйствительно нигдѣ явно не нарушалось, но правительство всетаки сочло нужнымъ предъ открытіемъ ландтага 1806 г. объявить дворянамъ чрезъ генералъ-губернатора, что «Государь пребываетъ въ твердой рѣшимости сохранить положеніе о повинностяхъ крестьянскихъ въ полной ихъ силѣ и потому въ собраніи не должно быть чинимо никакихъ предложеній, клонящихся къ какимъ-либо въ ономъ отмѣнамъ». Объявивъ это дворянству, графъ Буксгевденъ донесъ министру, что «дворянство во все продолженіе ландтага, при трактаціи о дѣлахъ, наблюдало строгую благопристойность мнѣнія и выраженія, съ наилучшею вѣжливостью и тихостію».

Помѣщикамъ ничего теперь не оставалось дѣлать, какъ вводить у себя новое крестьянское положеніе, вспомоществуя всѣми силами дѣйствіямъ ревизіонныхъ коммисій.

Посмотримъ, однакоже, въ какомъ положеніи находились ревизіонныя коммисіи, а въ особенности ихъ русскіе предсѣдатели.

VII.

Приводя текстъ высочайшаго повелѣнія отъ 20 февраля 1804 г., мы сказали, что одновременно съ нимъ состоялось и назначеніе предсѣдателей ревизіонныхъ коммисій. Предсѣдатели явились къ своимъ мѣстамъ лѣтомъ 1804 г. и ревизіонныя коммисіи открыли свои дѣйствія, но, увы, только на бумагѣ. Засѣдатели дѣла не дѣлали, проволакивали его сколько было можно продолжительнѣе, губернское начальство не назначало въ коммисію чиновниковъ, помѣщики не доставляли свѣдѣній, однимъ словомъ ревизіонныя коммисіи явились самыми бездѣятельными учрежденіями. Предсѣдатели коммисіи не упускали доносить министру внутреннихъ дѣлъ о своемъ положеніи. Такъ предсѣдатель Венденской коммисіи дѣйствительный статскій совѣтникъ Репьевъ доносилъ графу Кочубею: «....Губернское начальство и дворянское собраніе стараются дѣлать разныя препятствія въ отправленіи возложеннаго на коммисію препорученія; впослѣдствіи открылось, что и засѣдатели обоихъ отдѣленій коммисій, несмотря на

двукратное отъ меня о дѣятельнѣйшемъ производствѣ письменное напоминаніе, самовольно разъѣхались по деревнямъ и производство остановилось. Сверхъ того, коммисія не укомплектована членами, коихъ, по сдѣланному требованію, губернское начальство долгое время не доставляетъ: а какъ, при исчисленіи повинностей, каждый членъ имѣетъ свой удѣлъ, то недостатокъ людей служитъ къ промедленію дѣлопроизводства.... Видя столь слабое движеніе и отсутствіе членовъ коммисіи, что должны о семъ мыслить поселяне, коихъ ожиданіе напряжено? Соображая всѣ сіи непріятности, еслибы и могъ оныя предвидѣть , то никакое убѣжденіе не понудило бы меня къ принятію сей должности»....

Ландратская коллегія назначила содержаніе землемѣрамъ такое скудное, что никто не хотѣлъ занимать эту должность и коммисія оставалась какъ безъ рукъ. Репьевъ сталъ наконецъ просить министра уволить его отъ председательства, но графъ Кочубей уговорилъ его остаться и не покидать дѣло «по препятствіямъ, кои не могли не случиться, когда всѣ тѣ люди, коихъ положеніе сіе интересуетъ, какъ будто условились, чтобъ дѣлу перечить".

Предсѣдатель рижской коммисіи генералъ-маіоръ Веригинъ доносилъ, что дѣла коммисіи въ хаосѣ, нѣтъ помощи ни откуда.

Предсѣдатель дерптской коммисіи, сенатскій оберъ-прокуроръ Пущинъ доносилъ, что никто изъ помѣщиковъ не прилагаетъ къ представляемымъ ими описямъ ихъ имѣній прежнихъ вакенбуховъ и регулятивовъ, даже выписокъ изъ нихъ, хотя сіи акты, при обревизованіи, первымъ основаніемъ служатъ, отзываясь неимѣніемъ оныхъ».

Всѣ предсѣдатели единогласно доносили, что дѣла идутъ совершенно безуспѣшно. Графъ Кочубей всѣ такія донесенія доложилъ Государю, вслѣдствіе чего 24 іюня 1805 г. послѣдовалъ на имя графа Буксгевдена слѣдующій высочайшій рескриптъ:

«Изъ доходящихъ ко мнѣ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній о медленности въ производствѣ ревизіи крестьянскихъ повинностей съ удивленіемъ усматриваю я, что ревизіонныя коммисіи встрѣчаютъ многія затрудненія въ исполненіи возложеннаго на нихъ дѣла, частію отъ самихъ помѣщиковъ, частію же и отъ избранныхъ дворянствомъ членовъ коммисій.

«Открывая тутъ слѣды неблагонамѣренности нѣкоторыхъ частныхъ людей къ установленію въ Лифляндіи должнаго въ крестьянскихъ повинностяхъ порядка, съ самаго начала отвращеніе показавшихъ и нынѣ вѣроятно скрытно дѣйствующихъ, я тѣмъ болѣе нужнымъ признаю обратить особенное вниманіе ваше на затрудненія сіи и на дѣйствія ревизіонныхъ коммисій вообще, что по мѣрѣ препят-

ствій, кои они встрѣчаютъ, усугубляется твердое намѣреніе мое, чтобъ на правилахъ имъ въ руководство данныхъ, успѣшнѣе производили внѣ и окончили незамедлительно возложенное на нихъ дѣло.

Вслѣдствіе сего я поручаю вамъ:

1) Употребить все стараніе ваше и способы непосредственно отъ васъ или отъ губернскаго правленія зависящіе, дабы ревизіонныя коммисіи не встрѣчали впредь никакихъ препятствій и дѣло свое успѣшно производили. Я желаю, чтобъ въ продолженіи лѣта, когда наиудобнѣе ревизія помѣстій дѣлаема быть можетъ, вы имѣли сіе въ виду, яко главнѣйшую изъ обязанностей вашихъ.

2) Какъ по силѣ 18-й статьи инструкціи, всѣ помѣщики и ихъ уполномоченные обязаны были изготовить вѣдомости къ подачѣ въ коммисіи слѣдующія къ тому дню, когда онѣ начали ревизію, т. е. къ 1 августа 1804 г., не ожидая вновь никакой публикаціи, но того однакожь въ разныхъ мѣстахъ не исполнили; то о непремѣнномъ и немедленномъ исполненіи его подтвердить нынѣ имъ, подъ опасеніемъ поступленія съ неисправными какъ съ ослушниками законовъ; равнымъ образомъ поступаемо быть должно и съ тѣми, кои нарушаютъ надлежащее уваженіе къ учрежденнымъ коммисіямъ, указывая нерадѣніе въ исполненіи ихъ законныхъ требованій, или покушаясь привесть оныя въ заблужденіе разными неправильными показаніями.

3) Отставнаго маіора Рейспера, помѣщика мызы Рютгернъ, немедленно отдать сужденію по законамъ за непристойные его противу рижской ревизіонной коммисіи поступки и дерзновенные отзывы.*)

4) Одобряя принятыя вами мѣры къ отвращенію недѣльныхъ просьбъ членовъ коммисіи объ увольненіи ихъ отъ должности, я нужнымъ признаю здѣсь изъяснить: что какъ члены коммисій, бывъ избраны дворянствомъ и занимая мѣста по моему утвержденію, не могутъ иначе признаваемы быть какъ находящимися въ настоящей службѣ, соотвѣтственно тому какъ и всѣ другіе чиновники по выбору дворянства служащіе, то, въ случаяхъ отлучекъ ихъ незаконнымъ

*) Дѣло Рейспера состояло въ слѣдующемъ: Въ имѣніе его, Рютгернъ, состоящее въ Рижскомъ уѣздѣ, прибыла ревизіонная коммисія и потребовала межеваго плана. Владѣлецъ объявилъ, что имѣніе не межевано, а между тѣмъ крестьяне заявили, что межеваніе было недавно произведено землемѣромъ, который съ своей стороны сказалъ, что дѣйствительно онъ произвелъ межеваніе и всѣ планы и описи сдалъ Рейсперу. Рейсперъ сталъ тогда браниться. Предсѣдатель коммисіи настоятельно требовалъ отъ генералъ-губернатора строгаго и примѣрнаго взысканія съ Рейспера за лживое показаніе, но Буксгевденъ, относившійся къ крестьянскому вопросу вполнѣ набрежно, оставилъ Рейспера безъ взысканія. Объ этомъ было донесено министру и Рейсперъ былъ преданъ суду уже по высочайшему повелѣнію. Гофгерихъ присудилъ его къ штрафу въ 200 руб. и къ испрошенію прощенія у ревизіонной коммисіи.

образомъ чинимыхъ, или небреженію о ихъ должности, должно предавать ихъ суду на основаніи общихъ узаконеній».

Графъ Кочубей, препровождая этотъ рескриптъ графу Буксгевдену, написалъ ему съ своей стороны слѣдующее письмо:

«Его Величеству угодно было поручить мнѣ особенно отнестись къ вамъ, дабы вы, милостивый государь мой, сообразили, какія бы средства, сверхъ тѣхъ, кои вышеупомянутымъ рескриптомъ предоставлены, употреблены быть могли для побужденія членовъ коммисій не уклоняться отъ своихъ должностей и нерадѣніемъ своимъ продолжать (т. е. затягивать) производство ревизій. Его Величество полагать изволитъ, что по справедливости можетъ быть можно было бы подвергнуть ихъ взысканію всѣхъ тѣхъ убытковъ, которые, по мѣрѣ медленности отъ отлучекъ и нерадѣнія членовъ происходятъ, умножаютъ издержки на содержаніе коммисій дворянствомъ платимыхъ, или, что въ послѣдней крайности, можно и всѣхъ членовъ въ коммисіи назначать изъ россійскихъ чиновниковъ, опредѣляя ихъ на вакантныя мѣста. Я о сихъ замѣчаніяхъ обязанностію имѣю сообщить вашему сіятельству, прося покорно увѣдомить меня о мнѣніи вашемъ для донесенія объ ономъ Его Императорскому Величеству».

На это письмо генералъ-губернаторъ донесъ министру, что его отвлекали отъ ревизіонныхъ коммисій текущія, особенно военныя дѣла, но теперь онъ, генералъ-губернаторъ, будетъ преслѣдовать надзираніемъ за поступками членовъ и стараться привести въ ясность прихотливости нѣкоторыхъ изъ нихъ. Генералъ-губернаторъ далѣе предлагалъ самовольно отлынивающихъ отъ должности подвергать взысканіямъ, оштрафовать по суду или безъ суда, но просилъ только «не лишать всѣхъ лифляндскихъ дворянъ довѣренности и не замѣнять ихъ русскими, это было бы для усердныхъ изъ лифляндцевъ тяжко».

Въ то время, когда предсѣдатели коммисій доносили министру внутреннихъ дѣлъ о неуспѣшности дѣйствій ревизіонныхъ коммисій, и въ то время когда правительство готовилось принять рѣшительныя мѣры противъ «самовольно отлынивающихъ отъ должностей», что же дѣлалось въ лифляндскихъ деревняхъ, въ крестьянскихъ кружкахъ?

Въ церквахъ, какъ уже было сказано, народу ничего не сказали о новомъ крестьянскомъ положеніи, объявили только объ учрежденіи ревизіонныхъ коммисій. По высочайшему повелѣнію, ревизіонныя коммисіи должны были начать свои дѣйствія 1 іюня 1804 г., а до приступа къ дѣйствіямъ надлежало роздать крестьянамъ новое положеніе на мѣстныхъ языкахъ, но въ іюнѣ 1804 года переводы не были готовы, крестьяне не получили ихъ, прошло нѣсколько

мѣсяцевъ, прошелъ и весь 1804 годъ, а ревизіонныя коммисіи все еще или ровно ничего не дѣлали, или дѣлали такъ вяло, такъ нерѣшительно, что въ народѣ не могло не возникнуть толковъ, питавшихъ мечты, далеко переступавшія за предѣлы дарованныхъ льготъ. Произошло то, чему мы были свидѣтелями въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи въ 1861 году, когда крѣпостному народу объявлялась свобода, дарованная ему знаменитымъ манифестомъ 19 февраля.

— Не того Государь хочетъ, говорили крестьяне, Государь намъ далъ волю, а помѣщики, чиновники и пасторы скрываютъ отъ насъ царскую бумагу. Не слѣдуетъ намъ брать ни вакенбуховъ, ни выбирать судей — Государь этого не хочетъ, вакенбухи-то не отъ Государя идутъ и не то въ нихъ написано, что Государемъ обѣщано.

Крестьяне, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, преимущественно въ Рижскомъ и Дерптскомъ, отказались принимать новые вакенбухи. Гражданское начальство тотчасъ же прибѣгло къ военной силѣ, но этимъ, конечно, не успокоили крестьянъ. Волненія по деревнямъ обнаруживались то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь-то выступилъ на сцену ландратъ Сиверсъ. Представивъ высшему правительству всю неумѣстность строгихъ мѣръ противъ недоразумѣній, онъ не жалѣлъ себя: разъѣзжалъ безъ устали изъ деревни въ деревню, изъ одной волости въ другую, толкуя крестьянамъ смыслъ новаго положенія и не тяготясь безчисленнымъ повтореніемъ одного и того же. Его усилія и неутомимость оказали самое полезное дѣйствіе: крестьяне Венденскаго уѣзда, по которому разъѣзжалъ Сиверсъ, успокоились и въ октябрѣ 1805 г. предсѣдатель венденской коммисіи доносилъ министру: « . . . . «Большая часть вакенбуховъ приняты отъ поселянъ съ благодарностію, а гдѣ работы были отяготительны, съ совершеннымъ восхищеніемъ, что произвело весьма трогательное зрѣлище; ибо они падъ на землю, силились цѣловать ноги членовъ коммисіи, прославляя щедроту всемилостивѣйшаго монарха. Въ сію минуту забытъ былъ нами весь понесенный трудъ и мы чувствовали неописанное удовольствіе содѣйствовать счастію сихъ, такъ сказать, вновь перерожденныхъ людей и съ нетерпѣніемъ ожидая того времени, въ которое и оставшіеся содѣлаются участниками сего благотворенія».

Изъ окрестностей Вольмара предсѣдатель доносилъ: «Я началъ крестьянъ увѣщевать къ повиновенію помѣщикамъ, говоря, что Государю Императору весьма непріятны своеволіе и дерзость, что онъ праведенъ и по правдѣ отдаетъ и сохраняетъ каждому то, что ему принадлежитъ: они пали на колѣни, цѣловали руки и ноги, давая клятву, что будутъ слушаться, будутъ работать, будутъ все терпѣть отъ помѣщиковъ, коли такъ угодно Государю. Вездѣ и всѣ говорили одно: пусть намъ будетъ и хуже, но по волѣ Государя.

Сіе и на дѣлѣ оказалось. Помѣщикъ Лиліенфельдъ предложилъ имъ контрактъ (добровольную сдѣлку), который при семъ прилагаю, ибо оный дѣлаетъ ему честь, коимъ крестьяне были довольны; но они не утвердили его и сказали, что хотятъ исполнить волю Государя, хотябъ ихъ состояніе сдѣлалось и хуже нынѣшняго. Сей отвѣтъ вездѣ встрѣчаю. Народъ вообще разуменъ и добръ, но угнетенъ...»

Однимъ словомъ, гдѣ дѣйствовали такіе разумные люди, какимъ былъ Сиверсъ, тамъ введеніе новаго положенія совершалось и спокойно и безъ особенныхъ волненій, гдѣ же распоряжались ярые крѣпостники, тамъ были волненія, усмиренія, казаки и пр...

По полученіи приведеннаго выше высочайшаго повелѣнія отъ 24 іюня дѣла въ ревизіонныхъ коммисіяхъ пошли нѣсколько живѣе. Тутъ-то начинаетъ свою дѣятельность Арсеньевъ, смѣнившій въ маѣ 1805 года генералъ-маіора Веригина, и съ того времени вступившій въ должность предсѣдателя рижской ревизіонной коммисіи.

VIII.

Арсеньевъ вовсе не искалъ предсѣдательскаго мѣста въ рижской ревизіонной коммисіи, даже уклонялся принимать его, но рѣшился, однако, исполнить волю Государя, дабы (какъ онъ впослѣдствіи писалъ министру внутреннихъ дѣлъ), тѣмъ оказать готовность къ службѣ во всякомъ случаѣ, гдѣ оная считаться можетъ полезною. Прибывъ въ Ригу и принявъ въ свое вѣдѣніе текущія дѣла коммисіи, Арсеньевъ узналъ, что его предмѣстникъ Веригинъ, при раздачѣ вакенбуховъ, едва не былъ убитъ крестьянами и спасся только поспѣшностью прискакавшей команды. Изъ за чего же возникло такое ожесточеніе? Не кроется ли причина его въ неудовлетворительности, въ несовершенствѣ самихъ вакенбуховъ, составляемыхъ по шведской таксѣ? Это обстоятельство побудило его прежде всего изучить во всей подробности шведскую таксаціонную систему (поземельную и податную). Это изученіе указало ему, что многія ссылки на шведское законодательство не вѣрны и что многія существенно важныя постановленія шведскаго правительства или совершенно забыты, или преднамѣренно скрыты. Результатъ своего изученія онъ не замедлилъ представить графу Кочубею и указать, что комитетъ, разрабатывавшій лифляндское крестьянское положеніе, упустилъ изъ вида цѣлую страницу шведскаго законодательства, благопріятную для крестьянъ. «Если держаться шведской таксы, дополнилъ Арсеньевъ, то должно бы держаться ея во всей ея силѣ».

Затѣмъ онъ предпринялъ объѣздъ по всѣмъ деревнямъ, которыя входили въ районъ рижской коммисіи, чтобы видѣть все своими

глазами, и чтобы, какъ онъ говорилъ, правительству доставить вѣрныя свѣдѣнія: что, гдѣ и какъ отъ онаго сокрыто. О результатахъ своего объѣзда онъ доносилъ министру и вотъ что писалъ графу Кочубею о межеваніяхъ, безъ которыхъ немыслимо было введеніе вакенбуховъ:

«Положеніемъ требуется межеваніе (т. е. опредѣленіе площади) и означеніе градусовъ земли, то я долгомъ считаю объяснить, что межеваніе лифляндское, какъ я оное нашелъ, есть чистое шарлатанство, а градація (т. е. опредѣленіе качества земли) педантическій обманъ. При всякомъ межеваніи, старается хозяинъ (крестьянинъ) обмануть помѣщика на количествѣ земли, а помѣщикъ на качествѣ оной прижать хозяина. Не было ни одного плана, котораго бы крестьяне не оспаривали и при разсмотрѣніи котораго они-бы не жаловались, весьма справедливо, на землемѣра, что онъ градусы поставилъ выше, чѣмъ слѣдовало (то же самое доносили и прочіе предсѣдатели): обнаружилось по дѣламъ, что сыпучій, безплодный песокъ подведенъ подъ второй градусъ (разрядъ), тогда какъ онъ никакого градуса не имѣетъ, ибо негоденъ, и болота поставлены также въ градусъ, хотя человѣкамъ непроходимы. Гаки оказываются всѣ неравными (по цѣнности) у помѣщиковъ вообще и въ каждомъ имѣніи въ частности; въ одномъ полгакѣ считается земли на 48 талеровъ, а въ другомъ на 28 (вмѣсто 40). Происходитъ это отъ слѣдующаго обычая: помѣщикъ нанимаетъ землемѣра, платя ему отъ 25 до 30 рублей за квадратную версту семисотенную; но независимо отъ этой ряды, когда дѣло доходитъ до постановки градусовъ, помѣщикъ о томъ увѣдомляется и землемѣръ получаетъ подарокъ, чтобы поставить градусовъ выше, дабы получить больше повинностей, и землемѣръ, яко человѣкъ, желающій жить, оказываетъ сію благосклонность щедрому помѣщику. Съ другой стороны, хозяева также не дремлютъ и нѣсколькими талерами приводятъ компасъ въ замѣшательство, такъ что линія астролябіи уклоняется далеко въ сторону, захватывая въ ихъ владѣніе нѣсколько сотъ десятинъ и, по мѣрѣ суммы, отбивается стрѣлками на 10 или на 12 талеровъ земли, конечно, на счетъ того сосѣда хозяина, который, не зная притягательной силы магнита къ талерамъ, не умѣлъ сего астролябіи свойства. Оттого у инаго четверть гака, по здѣшнему счету, окажется на 35 и 36 талеровъ земли (вмѣсто 20), когда рядомъ у полгакера не болѣе какъ на 28 (вмѣсто 40). Крестьянинъ не понимаетъ мудрости геометрической, но всегда чувствуетъ безошибочно каждый, когда у сосѣда вдвое».

Арсеньевъ ходатайствовалъ у министра командировать въ Лифляндію русскихъ землемѣровъ и упростить систему таксаціи: дѣленіе на четыре степени или градуса не имѣло основанія въ естественной производительности Лифляндской почвы, разница между ни-

ми обусловливалась количествомъ капитала, положеннаго въ землѣ крестьянами, то-есть труда и удобренія. «Здѣсь, писалъ онъ, одинъ навозъ составляетъ черноземъ и оттого сады и огороды ставятся сплошь въ первомъ градусѣ».

Разъѣзжая изъ деревни въ деревню, изъ волости въ волость, изъ двора во дворъ, Арсеньевъ самымъ зоркимъ, самымъ тщательнымъ образомъ изучалъ современный ему бытъ лифляндскихъ крестьянъ. «Я притворяюсь незнаніемъ обыкновенныхъ работъ лифляндскаго хозяйства, писалъ Арсеньевъ, закидываю вопросами, начиная отъ самыхъ начальныхъ предметовъ, перехожу мало по малу къ другимъ и такимъ образомъ исторгаю разъясненія и признанія, которыхъ бы иначе не могъ добиться». Покуда коммисія занималась въ вотчинныхъ конторахъ свѣркою проектовъ новыхъ вакенбуховъ со старыми и планами, подведеніемъ итоговъ и диспутами съ помѣщиками, Арсеньевъ со своимъ секретаремъ Янсономъ, хорошо знавшимъ латышскій языкъ, обходилъ крестьянскіе дворы, въ подробности осматривалъ дома, орудія, рабочій скотъ и прочее и распрашивалъ хозяевъ и батраковъ объ ихъ заработкахъ, нуждахъ, надеждахъ и о всей хозяйственной ихъ обстановкѣ. Въ результатѣ такихъ распросовъ получались драгоцѣннѣйшія данныя о тогдашнемъ крестьянскомъ житьѣ бытьѣ въ Лифляндіи. Свои въ высшей степени любопытныя и интересныя замѣтки о лифляндскихъ помѣщикахъ и крестьянахъ Арсеньевъ изложилъ въ докладныхъ запискахъ къ графу Кочубею. Сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ этихъ докладовъ: читатель согласится съ нами, что изложеніе Арсеньева есть мастерское, правдивое и самое вѣрное изображеніе тогдашняго крестьянскаго быта въ Лифляндіи.

IX.

Разъѣзжая изъ деревни въ деревню, изъ волости въ волость, бесѣдуя съ помѣщиками и крестьянами, осматривая и изучая хозяйства какъ крестьянскія, такъ и помѣщичьи, Арсеньевъ не могъ не замѣтить прежде всего малочисленности сельскаго населенія, чрезвычайной бѣдности батраковъ (кнехтовъ) и непроизводительности поденной барщины. «Здѣсь, писалъ Арсеньевъ графу Кочубею, приходится на квадратную версту около $1^1/_2$ ревизскихъ душъ—простора болѣе чѣмъ достаточно. Сіе обличаетъ коренное притѣсненіе, мѣшающее народу умножаться при такомъ множествѣ земли и способовъ къ пропитанію, ибо отъ вѣрности пропитанія и достатка народъ множится естественно и только притѣсненіе можетъ помѣшать, отнявъ у него способы пользоваться избыткомъ земли и средствъ. Я дивился, видя огромность помѣстьевъ и малолюдство жителей: на 20—30 тысячахъ десятинъ едва насчитывалось 508—600 душъ; дивился, что взрослыхъ рабо-

чихъ или тягловыхъ съ нетягловыми пропорція такъ несогласна съ обыкновенною въ Россіи; у насъ первые составляютъ $^2/_5$ всего населенія; у добрыхъ помѣщиковъ, у однодворцевъ и во многихъ казенныхъ селеніяхъ даже 1/2, что означаетъ множество малолѣтнихъ; въ Лифляндіи же число тяглыхъ превышаетъ число малолѣтнихъ, иногда доходитъ до $^3/_5$ всего населенія. Съ бывшей ревизіи прибыло въ Россіи отъ 20 до 25 процентовъ, а здѣсь едва ли есть какая нибудь прибыль и съ 1759 года народъ, по ревизскимъ сказкамъ, еще не удвоился. Лифляндцы относятъ сіе къ опустошенію бывшей за нѣсколько вѣковъ язвы, но чума, опустошившая окрестности Москвы въ 1771 году, была примѣтна лѣтъ 15, а нынче и слѣды ея загладились. Настоящая причина есть бѣдственное состояніе батраковъ, погруженныхъ въ глубину нищеты, да еще нищеты страдательной, измученной работами. За то, не рѣдкость увидѣть дѣвку лѣтъ 70 и сѣдыхъ холостяковъ, ибо народъ распложается по мѣрѣ безопасности пропитанія дѣтей, а здѣсь ѣсть нечего и народъ принужденъ монашествовать»*).

Но замѣчая темныя стороны лифляндскаго крестьянскаго житья бытья и сельскаго хозяйства, Арсеньевъ очень хорошо видѣлъ и свѣтлыя стороны ихъ. «Въ Лифляндской экономіи, писалъ онъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею, далеко не все дурно; распорядокъ хозяйства достоинъ похвалы и, можно сказать, доведенъ до такого совершенства, до какого дѣла человѣческія достигнуть могутъ». По своей должности предсѣдателя коммисіи ему приходилось становиться въ самыя щекотливыя отношенія къ помѣщикамъ, приходилось не разъ обнаруживать ихъ злоупотребленія, но и тутъ онъ показалъ себя столь безпристрастнымъ, столь справедливымъ, что помѣщики не могли не сознаваться, что человѣкъ этотъ достоинъ если не любви, то во всякомъ случаѣ глубокаго уваженія. Помѣщики дѣйствительно доказывали это не словами, но и дѣломъ. Такъ Арсеньевъ въ одной изъ своихъ докладныхъ записокъ писалъ министру: «Въ объѣздѣ я никакихъ препонъ не встрѣтилъ, но вездѣ отмѣнный пріемъ и учтивство. Принужденъ былъ отказываться отъ избытка, не токмо чтобы терпѣть недостатокъ. Многіе помѣщики содержали

---

*) Замѣчательно, что и Сиверсъ почти тоже самое доносилъ министру. Вотъ его слова: „Главнѣйшую причину малолюдства въ Лифляндской губерніи должно приписать бѣдному состоянію батраковъ, которые вѣкъ свой, съ женами и дѣтьми, голодъ терпѣли и въ нуждѣ страдали, хотя они всѣ работы какъ на помѣщика, такъ и на хозяина отправляли. Голодъ и нужда принуждали ихъ бѣжать въ сосѣднія губерніи и оттого Курляндская, Литовская и Псковская губерніи наполнены Лифляндскими крестьянами, даже и въ Швецію многіе бѣжали, на лодкахъ переправляясь чрезъ море. Теперь улучшилось значительно состояніе крестьянъ-хозяевъ 25 тыс., но безконечно ухудшилась горькая участь 250 тыс. батраковъ“.

коммисію на свой счетъ, отказываясь отъ всякаго взысканія съ кирхшпиля. Счастью долженъ приписать благосклонность всѣхъ тѣхъ, съ коими имѣлъ дѣло. Хорошее и худое представляю вамъ, яко начальнику — безпристрастіе предписываетъ сей долгъ».

И Арсеньевъ исполнилъ «сей долгъ». Такъ онъ съ большою похвалою представлялъ министру о помѣщикѣ Лиліенфельдѣ и ландратѣ Левенштернѣ, который въ Вольмарсгофѣ началъ исправлять состояніе кнехтовъ, и не утаилъ жестокаго съ крестьянами обращенія помѣщика Ганенфельда и непозволительныхъ поступковъ помѣщика мызы Аэгофа Бланкенгагена, который сдавалъ своихъ крестьянъ въ тяжкія поденныя работы въ Ригѣ, заставлялъ ихъ работать всю ночь на пролетъ, а утромъ опять итти на работу и пр. Раскрывая темныя стороны крѣпостныхъ отношеній, онъ и тутъ старался отыскивать корни ихъ не въ побужденіяхъ людей, располагавшихъ властью, а въ общихъ, сложившихся бытовыхъ условіяхъ, понятіяхъ и привычкахъ. Въ Ригѣ и въ округѣ рижской ревизіонной коммисіи Арсеньева всѣ уважали, никто не подозрѣвалъ его въ лукавствѣ или двуличіи, и всетаки Арсеньевъ не ужился долго въ краѣ: его правдивость нажила ему кучу враговъ, точно такъ же какъ и правдивость Сиверса нажила ему пропасть всякаго рода недоброжелателей.

О своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ въ рижской ревизіонной коммисіи, равно и о результатахъ своихъ личныхъ наблюденій отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и крестьянъ-хозяевъ къ батракамъ, Арсеньевъ доносилъ министру рапортами и докладами, изъ которыхъ очень многіе составляли обширные и многосторонніе трактаты. Важнѣйшими изъ его докладовъ были: о положеніи батраковъ въ Лифляндскихъ деревняхъ и о непроизводительности барщины въ Лифляндскихъ имѣніяхъ.

Въ тѣхъ и другихъ своихъ докладахъ Арсеньевъ старался изложить министру тогдашнее положеніе Лифляндскихъ крестьянъ безъ всякихъ прикрасъ или увеличеній,—и убѣдительнѣйше ходатайствовалъ, чтобы правительство, улучшивъ уже бытъ лифляндскихъ крестьянъ-хозяевъ, не медлило улучшеніемъ быта и крестьянъ-батраковъ. Сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ этихъ докладовъ.

«Всякій хозяинъ въ Лифляндіи имѣетъ часть господскаго помѣстья, которая ему отмежевана. Гакнеръ, полугакнеръ и проч. владѣетъ участкомъ соразмѣрнымъ его наименованію, т. е. землею подъ усадьбу и огороды, подъ пашню въ 3-хъ поляхъ, кустовою подъ залежь, сѣнокосами и лѣсомъ, и все сіе обмежевано особою чертою и отдано хозяину во владѣніе.

«Среди сего участка поставлено большое строеніе, отъ 12 до 15 и болѣе саженъ въ длину; въ одной сторонѣ покои

хозяина, занимающіе всю ширину зданія и раздѣленные на 2 покоя; предъ ними сѣни и изъ оныхъ топится печь; въ сихъ сѣняхъ чуланы для поклажи и сѣни сіи отдѣляютъ хозяина глухою стѣною отъ огромной черной избы, сужденной для жилища батраковъ, въ которой пристроена рига, коею кончается зданіе съ противной хозяйскимъ покоямъ стороны. Въ холопьей избѣ нѣтъ ни пола, ни потолка, но накладены жерди, на коихъ раскладывается хлѣбъ; надъ ригою устроено тоже, такъ что весь чердакъ надъ сею избою и ригою не имѣетъ перемычки. Когда топится холопья печь, дымъ, поднимаясь и распростираясь по всему чердаку, коптитъ и сушитъ снопы, на ономъ собранные.

«Въ холопьей избѣ у гакнера помѣщается 20 человѣкъ батраковъ мужескаго и женскаго полу, кромѣ дѣтей; они скучены безъ всякаго различія пола, мужья и жены, дѣвки и парни.

«Хозяинъ есть всему глава и повелитель; земля и люди суть его принадлежность, а онъ самъ есть принадлежность господина. Если требуется батракъ на господскій дворъ, онъ посылаетъ того, котораго разсудитъ; прочіе же всѣ должны работать на него, получая то что предписано господиномъ; батракъ не можетъ никогда имѣть надежды пріобрѣсти стяжаніе, кромѣ положеннаго.

«Хозяинъ посылаетъ людей, однихъ на барщину, и остальныхъ на свою работу. Изъ сего понять можно, что на барщину старается онъ всегда посылать худшихъ, оставляя лучшихъ себѣ и что безпрестанныя распри за рабочихъ происходятъ у барина съ хозяиномъ; притомъ хозяинъ старается еще слукавить, задерживая подолѣе работника у себя дома; но никто никогда и не смотритъ на выгоды работника. Его гонятъ на барщину въ то время, когда ему нужно бы остаться для обработки того крошечнаго клочка земли, который ему отводится на его содержаніе; а когда дойдетъ до собственной работы хозяина, тогда трудамъ батрака нѣтъ ни мѣры, ни предѣловъ и самые остатки издыхающихъ силъ не пропадаютъ втунѣ.

«Сравнительно для батрака барщина есть отдыхъ. Плоды трудовъ его поѣдаетъ хозяинъ; онъ не имѣетъ не только одежды, но даже едва мякиннаго кусокъ хлѣба, едва лоскутъ на свою одежду. Жена, дѣти хозяйскія непремѣнно его мучатъ или посылками, или работою, или побоями; онъ только слышитъ брань и попреки, ничему противиться не можетъ; бѣдность, отчаяніе на лицѣ его, истощеніе въ тѣлѣ. Состояніе холостаго еще сноснѣе, но состояніе женатаго — неизрѣченная скорбь и тѣснота; жена не имѣетъ времени прокормить вопіющаго съ голода ребенка. Младенецъ, подросши, есть игралище дѣтей хозяйскихъ, предметъ побоевъ матери ихъ, предметъ скорби и

плача родившимъ его. Многое множество случаевъ свидѣтельствуютъ, что хозяева выгоняютъ малыхъ дѣтей и осиротѣвшихъ, не хотятъ ихъ кормить; нѣкоторые мрутъ съ голоду; однимъ словомъ: нѣтъ возможности описать бѣдственную участь латышей — батраковъ; самыя дѣянія ихъ покажутъ яснѣе, сколь они стѣснены и сколь вредно сіе сугубое рабство для государства.

«Предметъ законодательства въ разсужденіи утвержденія благосостоянія народа, должны собственно быть сіи батраки. Прежде изъ батраковъ многіе не женились, подбивались въ милость къ женѣ хозяина и, по смерти мужа, старуха, прельщенная работникомъ, выходила за него замужъ и дѣлала его хозяиномъ. Нѣкоторая надежда оставалась, нѣкоторое средство мелькало вырваться изъ бѣдственнаго состоянія, но и сіе рушилось и настоящіе питатели государства, работники, зрятъ участь свою сугубо несчастною, ибо и надежды лишены изъ оной освободиться.

«Изъ собранныхъ справокъ явствуетъ, что батраки едва получаютъ пропитаніе и одежду. Различныя платы почти въ каждомъ помѣстьѣ, но нигдѣ почти изъ состоянія нищеты и бѣдности сіи работники не выходятъ. Почти во всѣхъ дается въ годъ мущинѣ 6 лофовъ ржи съ мякиною, женщинѣ только 5; выходитъ, что мужу съ женою только 11 лофовъ ржи, а вывѣвая мякину, не останется и 9 лотовъ или 3 четвертей чистаго хлѣба, что въ Россіи полагается на одну душу. Симъ хлѣбомъ родители должны довольствовать и дѣтей своихъ; къ сему прибавляется лоскутъ земли въ 2/5 лофштеля для посѣва ячменя и 1/3 лофштеля для посѣва льня, такъ что работникъ на посѣвъ ячменя имѣетъ меньше пространства земли, нежели хозяйская изба занимаетъ, а хозяйская рига больше его посѣва льна. Въ казенныхъ мызахъ имъ лучше: они получаютъ кормъ на 5 барановъ (съ коихъ шерсть должна одѣвать всю семью) и на 2 коровы; по обстоятельствамъ даютъ работникамъ изъ милости позволеніе сѣять нѣсколько овса, гречи и льна въ кустовой землѣ, а когда съ хозяиномъ идетъ въ дорогу, отпускается кормъ его лошади и три пары пастеленъ (лаптей), чѣмъ и кончается все его благополучіе. Неженатые получаютъ ежегодно 2/8 лофштеля на ячмень, 1/3 на ленъ, двѣ пары чулокъ, двѣ пары рукавицъ, три рубашки, три пары портовъ, три пары лаптей здѣшнихъ, сыромяжный кафтанъ на полтора года, штаны такіе же въ годъ и онучи на два года. Дѣвка получаетъ шесть фунтовъ шерсти на платье, чулки и перчатки, одинъ лисфунтъ или полпуда льну немятаго на все ея бѣлье, красную ленточку, двѣ пары лаптей на два года, зимнюю шапку, да лѣтнюю шляпу въ церковь ходить; получаетъ байковое покрывало, да на четыре года праздничный камзолъ. Се награда за 365-ти дневную и ночную работу.

«Ландратъ Левенштернъ въ 1796 году учредилъ положеніе,

сходное съ человѣчествомъ, далъ землю рабочимъ. Его опытъ можетъ руководствовать.

«Поелику Лифляндія мало населена, то кустовой земли имѣется въ двадцать разъ больше пахатной. Г-нъ Левенштернъ, желая улучшить состояніе своихъ батраковъ, приказалъ на каждаго женатаго выдѣлить изъ кустовой земли по два лофштеля въ каждомъ полѣ. Сей опытъ былъ неудаченъ. Батракъ, будучи безпрестанно занятъ, то барскою, то хозяйскою работою, не имѣлъ силы и времени очистить поле отъ кустовъ и обратить въ поле.

«Видя неудачу, перемѣнилъ планъ: онъ выдѣлилъ батракамъ по два лофштеля земли изъ пашни (то-есть изъ крестьянскихъ полей) и одну треть лофштеля въ кустахъ, а хозяевамъ выдѣленное изъ пашни число лофштелей велѣлъ взять изъ кустовой земли, прибавить къ ихъ пашнѣ и отдѣлить еще каждому батраку по тридцать шаговъ длины и 12 ширины въ огородахъ. Сіе удалось съ выгодою, ибо хозяева, съ помощію батраковъ, очистили кусты и получили хорошій урожай и, имѣя довольно навозу, зачали оную удобрять и поля получили лучше, нежели имѣли; батраки же имѣя роспашь, обсѣялись, получили пропитаніе лучше прежняго, могли обзавестись скотомъ, слѣдовательно, и навозомъ, и казались въ состояніи поддерживать доброту полей своихъ.

«Сей опытъ, конечно, дѣлаетъ ландрату Левенштерну честь и заслуживаетъ вниманія правительства. Ландратъ Сиверсъ послѣдовалъ примѣру г. Левенштерна и далъ своимъ батракамъ по два лофштеля въ каждомъ полѣ и по 1 лофштелю въ кустовой землѣ. Его батраки вошли въ коммисію и просили, чтобъ оная благословила соблюсти ихъ положеніе, ибо они съ тѣхъ поръ, какъ получили земли, начали жить и лучше бы отняли у нихъ головы, нежели землю».

Донося министру о положеніи батраковъ, Арсеньевъ не могъ не коснуться поденной барщины и такъ писалъ о ней графу Кочубею:

«Система односелій или размѣщеніе крестьянъ по одиноко стоящимъ дворамъ представляетъ важныя выгоды, но имѣетъ и неудобства. Главное изъ нихъ заключается въ томъ, что крестьянину далеко ходить на барскую работу, иногда за пятнадцать верстъ; это его утомляетъ, а время, употребленное на проходъ, ему не зачитывается и пропадаетъ даромъ. Первые, пришедшіе на мѣсто, сидятъ, ничего не дѣлая, и поджидаютъ остальныхъ. Если на работѣ испортится у крестьянина орудіе или сбруя, перемѣнить нечѣмъ, и приходится, изъ за бездѣлицы, тащиться домой, взадъ и впередъ, не отработавъ своего дня. Въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ, требуется, чтобъ вся барщина заранѣе являлась на смотръ; но сей обычай есть притѣсненіе. Въ воскресенье, вечеромъ, или въ понедѣль-

никъ, рано, приходятъ работники конные или пѣшіе на барскій дворъ, мызу или полумызокъ, гдѣ и остаются всю недѣлю. Они должны привозить съ собою свой хлѣбъ и свой кормъ для лошадей. Нѣкоторые помѣщики отпускаютъ, однако, харчи отъ себя. Того же непремѣнно требуютъ работники отъ своихъ враговъ — крестьянъ-хозяевъ. Кромѣ того, они пробираются на барскую кухню, въ огороды, и тамъ, приворовывая хлѣбца, да разныхъ плохо лежащихъ вещей, наживаютъ иногда лошадь или корову. Нужда и голодъ научаетъ красть. Сіе продолжается во весь годъ. На барскомъ дворѣ увидишь иногда человѣкъ до ста, до двухъ сотъ и больше разнаго возраста и пола людей, оборванныхъ, запачканныхъ, испитыхъ, бродящихъ, какъ цыгане безъ жилья и покрова, укрывающихся отъ непогоды въ хлѣвахъ и сараяхъ, а отъ холода зимою въ ригахъ, ибо для нихъ нѣтъ уготованнаго помѣщенія. Въ понедѣльникъ, по утру, староста или кубіасъ выгоняетъ ихъ на разныя работы, и такъ во всю недѣлю. Староста смотритъ, чтобъ барщина отправлялась исправно, въ чемъ, однако, не бываетъ удачи, хотя присматриваетъ и самъ господинъ, ибо барской работы не передѣлаешь всей. Додѣлаешь заданную, — зададутъ другую: такъ лучше не спѣшить. Отсюда вѣчная ссора у помѣщика со старостою, частыя, иногда невыносимыя наказанія крестьянъ, вѣчныя распри и взысканія. Помѣщику хочется, чтобъ дѣло спорилось, а крестьянину хочется, чтобы оно шло какъ можно тище и чтобъ было полегче; помѣщикъ налагаетъ работу, а крестьянинъ что можетъ и того не додѣлываетъ. Помѣщикъ, въ наказаніе, умножаетъ работу, а крестьянинъ лукавитъ и увильнетъ. Всякій старается работать для виду; заговоритъ одинъ работникъ — всѣ, разиня ротъ, прислушиваются; староста бѣгаетъ съ плетью или палкою, бьетъ то того, то другаго; битый берется за работу, а небитый отстаетъ отъ нея. Староста и прикащикъ находятъ въ этомъ свою наживу; на работника, пришедшаго безъ подарка, онъ налегаетъ, а ублажившему его потворствуетъ; но работникъ, почти ничего не имущій, не можетъ иначе принести подарокъ, какъ отнявъ кусокъ хлѣба у своего ребенка...

Что же теперь дѣлать, какъ поступить, чтобы улучшить бытъ батраковъ и устранить невыгоды обязательной барщины?

X.

Въ 1806 году, когда въ рижской ревизіонной коммисіи предсѣдательствовалъ Арсеньевъ, въ Лифляндской губерніи насчитывали не болѣе двадцати пяти тысячъ крестьянъ-хозяевъ, за то число батраковъ (кнехтовъ) доходило до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ Крестьянское положеніе 1804 года имѣло въ виду преимущественно крестьянъ-хозяевъ, но очевидно, что улучшая бытъ хозяевъ, нельзя

было оставить безъ улучшенія и быта батраковъ. Но чѣмъ именно и какъ улучшить этотъ бытъ? Арсеньевъ, донося министру внутреннихъ дѣлъ о батракахъ, упоминалъ, что помѣщикъ Лиліенфельдъ и ландратъ Левенштернъ надѣляли уже батраковъ землями и тѣмъ подавали благой примѣръ прочимъ владѣльцамъ. На первыхъ порахъ, Арсеньевъ полагалъ, что обоюдныя и добровольныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами могутъ обезпечить и улучшить бытъ батраковъ, но онъ вскорѣ убѣдился въ ошибочности своего мнѣнія: во первыхъ, мало находилось владѣльцевъ, готовыхъ на добровольныя пожертвованія, а во вторыхъ латышскіе крестьяне, по недовѣрчивости къ владѣльцамъ, не утверждали никакихъ сдѣлокъ. Арсеньевъ доносилъ графу Кочубею на этотъ счетъ такъ: «Ландтагъ, въ 11-мъ пунктѣ своихъ ходатайствъ, просилъ, чтобы помѣщику дано было средство договариваться съ крестьянами и я, по невѣдѣнію, думалъ, что сіе возможно; но опытъ доказалъ, что я обманулся. Латыши никакихъ сдѣлокъ не утверждаютъ, и всѣ единодушно говорятъ «пусть намъ хуже будетъ, но пусть будетъ, какъ Императоръ приказалъ; онъ намъ хочетъ добра и обѣщалъ помочь. Передъ выѣздомъ изъ Риги, я вызывалъ на соглашенія и предлагалъ помѣщикамъ то, чего домогается ландтагъ, но никто не представилъ мнѣ ни одной сдѣлки. Всѣ отозвались невозможностію, которую я и самъ увидѣлъ».

Надо было, слѣдовательно, придумать что либо другое. Не будетъ-ли хорошо отмѣнить сельское батрачество законодательнымъ порядкомъ? Не будетъ-ли еще лучше приступить къ постепенному раскрѣпленію крестьянъ, то-есть дарованію крестьянамъ права свободнаго перехода отъ одного помѣщика къ другому? Если даровать это право крестьянамъ, то помѣщики, конечно, будутъ сами заботиться объ удержаніи крестьянъ на мѣстахъ упроченіемъ ихъ осѣдлости на выгодныхъ для нихъ условіяхъ. На эти темы Арсеньевъ представилъ министру нѣсколько словъ соображеній и докладныхъ записокъ, изъ которыхъ одна оканчивалась такъ: «Такое положеніе (прочная осѣдлость) есть наивеличайшей для народнаго быта важности, ибо кто бывалъ въ такъ именуемыхъ вольныхъ государствахъ, видѣлъ несомнѣнно бѣдное положеніе сельскихъ работниковъ; ихъ нанимаютъ особо на каждую работу: вспахать, всборонить, сжать, обмолотить; послѣ ихъ сгоняютъ и они обыкновенно нищіе, потому что стеченіе ищущихъ работъ даетъ средства богатымъ платить имъ такую малость, что они не могутъ содержать своего семейства; посему, изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ, хлѣбопашцы россійскіе суть блаженнѣйшіе, не смотря на мнимое ихъ рабство, которое есть истинная свобода у добрыхъ помѣщиковъ, поелику россійскому хлѣбопашцу платятся за его работу первою матеріею къ обработкѣ — землею, съ которой онъ получаетъ законный ростъ своихъ трудовъ и довольство своего семейства».

Доживи Арсеньевъ до 19-го Февраля 1861 года, какъ бы онъ обрадовался, узнавъ, что обязательность отвода крестьянамъ поземельнаго надѣла въ вѣчное пользованіе, то есть прочная осѣдлость, составила законъ для всѣхъ нашихъ внутреннихъ губерній!

Представляя министру свои частныя предположенія и соображенія объ улучшеніи быта лифляндскихъ батраковъ, Арсеньевъ представилъ, наконецъ, графу Кочубею полный проектъ передѣлки крестьянскаго положенія 1804 года. Этотъ проектъ онъ основывалъ на слѣдующихъ трехъ общихъ началахъ:

1) Законъ совѣсти и правды (писалъ онъ) гласитъ, что человѣкъ, ничего не получающій, не обязанъ ничего удѣлять изъ своей собственности тому, кто ничего ему не даетъ. Отсюда выводилось, что не было правомѣрнаго основанія дозволять помѣщику распоряжаться рабочими силами сельскаго пролетаріата, т. е. батраковъ.

2) Правительство въ правѣ требовать отъ помѣщика, чтобы онъ обезпечилъ средства къ безбѣдному существованію не одному какому либо классу, а всѣмъ крестьянамъ, прикрѣпленнымъ къ его имѣнію. Эту лежащую на немъ обязанность онъ долженъ исполнять отводомъ поземельнаго надѣла въ опредѣленномъ размѣрѣ.

3) Всѣ крестьяне, приписанные къ одному имѣнію, имѣютъ право на полученіе одинаковаго надѣла, за который должны отбывать одинаковую повинность.

Для уравненія крестьянъ между собою (хозяевъ и батраковъ безъ различія) въ надѣлѣ и въ повинностяхъ, Арсеньевъ предлагалъ принять за единицу т я г л о, разумѣя подъ тягломъ взрослаго женатаго или «могущаго жениться» работника, и отвести на каждое отъ восьми до шестнадцати десятинъ земли. Съ тягла полагалось въ недѣлю два рабочихъ дня, или 104 дня въ году. Здѣсь нѣтъ надобности излагать въ подробности проектъ Арсеньева, скажемъ только, что онъ предлагалъ перенести въ Лифляндію великорусскую систему разверстанія земли и повинностей, но онъ тутъ упускалъ изъ вида, что наше тягло было нераздѣльно съ общинною формою землевладѣнія, слѣдовательно было практически невозможно примѣнять его къ установившейся въ Лифляндіи формѣ личнаго, наслѣдственнаго владѣнія.

Проектъ Арсеньева былъ далеко не практическаго свойства, тѣмъ не менѣе многіе изъ лифляндскихъ помѣщиковъ, напр. Криднеръ, Ганзель, графъ Минихъ, явились сторонниками проекта, который и былъ предложенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на обсужденіе лифляндскаго комитета, продолжавшаго, какъ сказано было, свое существованіе впредь до окончательнаго введенія въ Лифляндіи крестьянскаго положенія 1804 г. Арсеньевъ отпросился въ Петербургъ и лично присутствовалъ въ засѣданіи комитета 6-го сентября 1805 года, когда происходило разсмотрѣніе проекта о введеніи тягловаго

надѣла во всей Лифляндіи. Проектъ не былъ принятъ. «Комитетъ, сказано въ журналѣ засѣданія его, разсмотрѣвъ представленія Арсеньева, разсуждалъ, что неудобно было бы новыми какими либо постановленіями отступать отъ тѣхъ положеній, кои, бывъ высочайше утверждены, не успѣли еще и приведены быть въ дѣйствіе; что введеніе тяголъ, соотвѣтственно предложенію предсѣдателя рижской коммисіи, составило бы существенную въ оныхъ перемѣну и отстало бы отъ правилъ, на коихъ лифляндское сельское хозяйство основано, тогда какъ основаніе всѣхъ постановленій нынѣ въ Лифляндіи вводимыхъ было то, чтобы, придерживаясь оныхъ, исправить только вкравшіяся злоупотребленія; что положеніе, для крестьянъ изданное, отнюдь не полагалось самымъ лучшимъ, какое быть могло, но только клонящимся къ уничтоженію неопредѣленности разныхъ повинностей, къ улучшенію, по возможности, на первый такъ сказать случай, состоянія крестьянъ». Далѣе комитетъ утверждалъ, что облегченіе кнехтовъ было уже опредѣлено § 18 положенія, гдѣ сказано, что отношенія между женатыми работниками и хозяевами, т. е. назначеніе на содержаніе ихъ денежной платы и одежды или земли, согласно съ мѣстными обыкновеніями каждой мызы, будутъ разсмотрѣны и опредѣлены ревизіонными коммисіями, дабы и сему состоянію крестьянъ доставить надежное и достаточное пропитаніе. А изъ сего и явствуетъ, что какъ по мѣстному положенію разныхъ владѣній и по многосложности хозяйствъ и обычаевъ, не можно было дать общихъ, опредѣлительныхъ правилъ, то и предоставлено ревизіоннымъ коммисіямъ, безъ всякаго ограниченія, входить изъ ревизіи въ состояніе кнехтовъ и, соотвѣтственно положенію ихъ на каждой мызѣ, назначить имъ достаточное вознагражденіе за труды ихъ отводомъ земли, или денежною платою, смотря по обстоятельствамъ, какъ гдѣ сіе удобнѣе и съ обыкновеніями мѣстными сообразнѣе быть можетъ, ибо, какъ и выше было упомянуто, положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ имѣло цѣлію единственно уничтоженіе только злоупотребленій, а не введеніе чего либо совершенно новаго... По симъ причинамъ комитетъ полагаетъ, поставивъ вышеупомянутую 18 статью положенія о крестьянахъ въ виду дѣйств. ст. сов. Арсеньеву, поручить ему, на основаніи оной въ разсужденіи кнехтовъ руководствоваться, недопуская впрочемъ никакой отмѣны въ положеніи высочайше утвержденномъ».

Такъ рушился проектъ Арсеньева и такимъ образомъ судьба батраковъ осталась въ прежнемъ положеніи.

Потерпѣвъ неудачу со своимъ проектомъ дополненій и измѣненій крестьянскаго положенія 1804 г., Арсеньевъ отнюдь не упалъ духомъ и не бросилъ на произволъ судьбы вопроса о батракахъ. Сообразно мнѣнію комитета онъ, основываясь на § 18 положенія, составилъ цѣлый уставъ о содержаніи батраковъ, который и ввелъ въ

Рижскомъ уѣздѣ. По этому уставу въ мѣстностяхъ многоземельныхъ каждому крестьянину хозяину вмѣнялось въ обязанность отвести каждому женатому батраку изъ своего надѣла опредѣленное количество пахатной земли; въ мѣстностяхъ же, гдѣ не оказывалось возможнымъ вознаграждать батраковъ отводомъ земли изъ хозяйскихъ участковъ, хозяинъ обязанъ былъ всѣмъ батракамъ давать харчи, одежду и жалованье: батраку не менѣе 4 талеровъ въ годъ, женѣ его не менѣе 2, дѣвкѣ не менѣе 1 талера.

Уставъ Арсеньева о батракахъ былъ принятъ и прочими предсѣдателями ревизіонныхъ коммисій, такъ что постепенно распространился на всю Лифляндію и такимъ образомъ хоть нѣсколько облегчилъ положеніе кнехтовъ, не имѣвшихъ земли и потому дѣйствительно бѣдствовавшихъ въ краѣ.

Между тѣмъ работы рижской ревизіонной коммисіи подвигались постепенно впередъ, новые вакенбухи постепенно изготовлялись и входили въ силу, а составленіе этихъ вакенбуховъ наводило Арсеньева на новые вопросы и предположенія и на новыя распоряженія, изъ которыхъ многія не могли нравиться владѣльцамъ земель.

Нарядъ крестьянъ на винокуренные заводы изъ барщины считался всегда одною изъ самыхъ обременительныхъ работъ для батраковъ. Основываясь на § 66 положенія, Арсеньевъ, при повѣркѣ вакенбуховъ, допускалъ употребленіе барщины только для подвозки дровъ и муки и требовалъ, чтобы прочія внутреннія работы собственно по выкуркѣ вина производились по вольной рядѣ спеціалистами этого дѣла. Само собою разумѣется, что такое требованіе крѣпко не понравилось владѣльцамъ заводовъ: они послали въ петербургскій комитетъ свои жалобы и протесты. Комитетъ, обсудивъ дѣло, положилъ: не наряжать крестьянъ ни на какія заводскія работы, требующія спеціальнаго знанія, употреблять крестьянъ изъ барщины только днемъ, ночью же не иначе какъ съ ихъ на то соглашенія и за особую плату.

Другой вопросъ, возбужденный Арсеньевымъ, касался одного изъ самыхъ неопредѣленныхъ видовъ женской повинности, именно льняной пряжи. Арсеньевъ настаивалъ, чтобы повинность эта была сокращена, чѣмъ землевладѣльцы опять крѣпко обидѣлись и принесли множество жалобъ. Комитетъ, по разсмотрѣніи ихъ и объясненій Арсеньева, постановилъ: опрашивать самихъ крестьянъ и въ случаѣ изъявленія ими желанія, чтобы натуральный оброкъ пряжею замѣненъ былъ соотвѣтственнымъ числомъ рабочихъ дней на тотъ же предметъ, составлять вакенбухъ на ихъ приговорку. Это постановленіе, утвержденное министромъ, было равносильно фактической отмѣнѣ оброка и, конечно, никакъ не могло увеличить число друзей Арсеньева.

Но оба эти вопроса все бы еще прошли благополучно, еслибы Арсеньевъ не поднялъ вопроса объ издѣльной повинности. Новое

крестьянское положеніе старалось ясно опредѣлить вспомогательную барщину, самую обременительную для крестьянъ именно по ея неопредѣленности. Былъ опредѣленъ maximum числа вспомогательныхъ дней и за тѣмъ было вмѣнено въ обязанность означить въ вакенбухахъ распредѣленіе этихъ дней по временамъ года; относительно же самого вида работъ яснаго опредѣленія не было, отъ этого являлась возможность наряжать крестьянъ на работы для нихъ необязательныя, какъ то на фабрики и заводы, и вообще замѣнять прежнія, сравнительно легкія и знакомыя имъ работы, болѣе тяжелыми и несвойственными имъ. Въ видахъ устраненія всякихъ по этой части злоупотребленій, Арсеньевъ началъ настаивать, чтобы вакенбухи дополнять точнымъ опредѣленіемъ всѣхъ видовъ барщины, по роду работъ, на которыя она предназначалась и по времени ихъ исполненія. Это требованіе вызвало сильное неудовольствіе между владѣльцами. Стали говорить, что Арсеньевъ нарочно запутываетъ и затягиваетъ дѣло, чтобы пользоваться жалованьемъ, стали жаловаться, что содержаніе ревизіонныхъ коммиссій обходится черезъ чуръ дорого дворянамъ и наконецъ прекратили жалованье состоящимъ при рижской коммисіи канцелярскимъ служителямъ. Жалобы и неудовольствія противъ Арсеньева достигли высшей степени, когда онъ поднялъ вопросъ объ очередной барщинѣ и обратился въ губернское управленіе съ просьбою отобрать отъ всѣхъ помѣщиковъ Рижскаго уѣзда точныя свѣдѣнія о томъ, на какіе именно наряды и въ какое время года каждый изъ нихъ предполагалъ употребить выставляемыхъ ему работниковъ.

Жалобы и неудовольствія противъ Арсеньева достигли наконецъ до свѣдѣнія императора. Графъ Кочубей далъ знать Арсеньеву, что Государь гнѣвается на него. Арсеньевъ 24 марта 1806 года послалъ министру обширное оправдательное письмо о своихъ дѣйствіяхъ съ самаго прибытія своего въ Ригу. Въ письмѣ этомъ онъ писалъ министру, что никакъ не искалъ должности предсѣдателя, но принялъ ее, чтобы исполнить волю Государя, затѣмъ излагалъ, что имъ было сдѣлано во время предсѣдательства въ рижской ревизіонной коммисіи. Онъ представилъ на разсмотрѣніе начальства «всю экономію Лифляндскую», и раскрылъ правительству несчастное состояніе кнехтовъ; онъ составилъ положеніе о батракахъ, которое «не токмо удостоилось (21 ноября 1805 г.) одобренія начальства, но даже и похвалы господъ Лифляндцевъ». Во время объѣзда онъ самъ развѣдывалъ отъ мужиковъ и постороннихъ безпристрастныхъ людей истину положенія крестьянъ и представлялъ правительству все, что требовало необходимаго исправленія въ вакенбухахъ. «Долгомъ считалъ представлять все то, что могъ придумать выгоднаго для споспѣшествованія благосостоянію народа и въ исполненіе воли Его Императорскаго Величества; многое не принято, но, сіятельнѣйшій графъ! спорилъ ли я, или упорствовалъ ли въ мнѣніи своемъ? Нѣтъ, ибо не собственной, но

общественной искалъ пользы». Арсеньевъ писалъ далѣе, что онъ имѣлъ въ виду единственно цѣлость и спокойствіе Лифляндской области и чтобы могущимъ приключиться возмущеніемъ неразсуждающей черни не погибло невинно множество людей и съ этою именно цѣлью и поднялъ вопросъ объ опредѣленіи вспомогательныхъ работъ и вопросъ о винокуреніи. Свое обширное письмо онъ закончилъ такъ:

«Участь ихъ (лифляндскихъ крестьянъ) облегчится, если только коммисіи исполнятъ въ точности распоряженіе, чтобы никогда крестьянинъ болѣе двухъ дней въ недѣлю не работалъ (на барщинѣ). Такимъ образомъ кнехты или работники крестьянскіе, получа состояніе, коего не имѣли, и все крестьянство, бывъ ограничено по точному положенію закона, причины къ возмущенію прекратясь, дадутъ чувствовать симъ несчастнымъ благотворную десницу Монарха и вся область пребудетъ въ вожделѣнномъ покоѣ. Но, сіятельнѣйшій графъ! не моему ли старанію приписать должно сію цѣлость всей области Лифляндской? Все сказанное было и есть въ виду вашего сіятельства; акты и представленія на лицо; шагу не дѣлалъ, который бы не былъ поставленъ въ виду правительства; имѣлъ сверхъ того свидѣтелемъ моего поведенія рижскаго военнаго губернатора графа Өедора Өедоровича Буксгевдена, который здѣсь; не могу сказать чего не было.

«Всѣ знающіе меня засвидѣтельствуютъ, что я не умѣю быть неучтивымъ; слѣд. никакой причины ни съ какой стороны къ неудовольствію подать не могъ, развѣ только, что возложенную на меня должность, не смотря ни на чьи частныя выгоды, исполняю, согласно волѣ моего Государя, обмануть себя не дамъ и ничего не возьму.

«Впрочемъ, (писалъ Арсеньевъ) не пріобрѣтши службою никакого имущества и проживши въ оной свое, имѣвъ единственнымъ пріобрѣтеніемъ похвалу начальства и имя честнаго человѣка, а теперь видя себя и сего моего столь драгоцѣннаго сохраняемаго пріобрѣтенія лишаемаго, смѣю взывать къ самому Государю Императору. Онъ правосуденъ и милостивъ, не восхощетъ лишить меня единственнаго стяжанія моего — чести, и не осудитъ невиннаго. А какъ я принялъ мѣсто предсѣдателя рижской ревизіонной коммисіи не по исканію, а въ послушаніе волѣ Его Императорскаго Величества, такъ равно готовъ изъ того же вѣрноподданническаго повиновенія и преданности оставить оное; но нести невинно гнѣвъ и негодованіе Монарха, употребя всѣ усилія, чтобы заслужить его милость и благоволеніе, есть для меня несносное иго и всячески прошу ваше сіятельство отъ онаго меня избавить, объясняя мою не токмо невинность, но ревность, ничѣмъ непреклонную къ общему благу, которое устроить есть Его Императорскаго Величества воля. И такъ готовъ итти въ отставку отъ сей должности, только прошу, чтобы отставлену быть съ честію и благоволеніемъ отъ Государя Императора».

Графъ Кочубей доложилъ это письмо Государю и въ своемъ

докладѣ засвидѣтельствовалъ, что Арсеньевъ дѣйствительно раскрылъ многія злоупотребленія, и что вслѣдствіе представленій его сдѣланы были въ комитетѣ лифляндскомъ разныя къ облегченію крестьянъ постановленія, высочайше одобренныя. Государь приказалъ наградить Арсеньева и вызвать его въ Петербургъ. Указъ объ увольненіи Арсеньева отъ должности предсѣдателя рижской коммисіи съ оставленіемъ на службѣ по департаменту удѣловъ состоялся 30-го апрѣля 1806 г. Въ маѣ Арсеньева уже не было въ Ригѣ. Чѣмъ наградили и даже наградили ли Арсеньева — неизвѣстно, какъ неизвѣстна и его дальнѣйшая судьба. Знаемъ только, что графъ Кочубей оставался постоянно при выгодномъ своемъ мнѣніи объ Арсеньевѣ и что Арсеньевъ былъ посланъ имъ во владимірскую и тамбовскую губерніи для изслѣдованія порубокъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ.

Не долго побылъ Арсеньевъ въ Лифляндіи, но за нимъ останется та заслуга, что онъ первый разъяснилъ правительству правду о лифляндскихъ крестьянахъ, хотя многія изъ его предположеній и были непрактичны. Намъ остается теперь разсказать, что дѣлалъ Сиверсъ по крестьянскому вопросу до изданія дополнительныхъ правилъ 28-го февраля 1809 г.

XI.

Въ то самое время, когда Арсеньевъ своими требованіями и представленіями вооружилъ противъ себя очень многихъ помѣщиковъ и подалъ поводъ къ жалобамъ, имѣвшимъ въ результатѣ вызовъ его изъ Риги обратно въ Петербургъ, Сиверсъ, принимая дѣятельное участіе при введеніи въ дѣйствіе крестьянскаго положенія, также не избѣгъ ни ропота, ни жалобъ на свои дѣйствія. Поводомъ къ этимъ жалобамъ послужили такъ называемые реверсы, о которыхъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Извѣстно, что большинство имѣній въ Лифляндіи ко времени утвержденія крестьянскаго положенія 1804 г. было немежевано и потому не имѣло спеціальныхъ плановъ съ показаніемъ количества и качества земли, входившей въ составъ каждаго крестьянскаго участка. Это было извѣстно комитету, составлявшему положеніе, и потому въ инструкціи ревизіоннымъ коммисіямъ предписывалось: оставляя хозяевъ при существующемъ ихъ надѣлѣ, принимать за основаніе всѣхъ разсчетовъ число гаковъ по даннымъ послѣдней поземельной ревизіи и въ новыхъ вакенбухахъ опредѣлять причитающуюся съ каждаго двора повинность по разряду, въ которомъ онъ числится. Когда достовѣрность показанія помѣщика о количествѣ и цѣнности земли оспаривалась крестьянами, ревизіонная коммисія составляла временной вакенбухъ, основываясь на заявленіи владѣльца, но при этомъ отбирала отъ него реверсъ (подписку), которымъ онъ обязывался въ теченіе года приступить къ спеціальному межеванію (т. е. къ измѣренію и оцѣнкѣ крестьянской земли), окончить межеваніе въ 6 лѣтъ

и если бы тогда оказалось, что крестьяне обложены были повинностями свыше стоимости ихъ участковъ, то за все перебранное вознаградить ихъ хлѣбомъ по шведскимъ таксаціоннымъ правиламъ.

Въ самомъ началѣ 1806 г. Сиверсъ донесъ министру, что право реверса, предоставленное владѣльцамъ немежеванныхъ имѣній, подаетъ поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ: вотчинныя правленія показываютъ за крестьянами небывалые, видимо преувеличенные надѣлы и на этомъ основаніи домогаются обложенія ихъ повинностями, далеко превышающими общепринятую норму. Венденская ревизіонная коммисія (предсѣдателемъ ея былъ дѣйств. ст. сов. Репьевъ), видя притязанія вотчинныхъ конторъ, начала при составленіи временныхъ вакенбуховъ въ немежеванныхъ имѣніяхъ руководствоваться не исключительно реверсами помѣщиковъ, а соображаться съ достоинствомъ, цѣнностію и количествомъ земель по планамъ и другимъ справкамъ. Само собою разумѣется, что жалобъ на венденскую коммисію за то было не мало. Лифляндскій комитетъ, чтобы привести въ порядокъ вопросъ о немежеванныхъ имѣніяхъ и реверсахъ, вызвалъ въ Петербургъ предсѣдателей всѣхъ четырехъ коммисій и двухъ ландратовъ Сиверса и Пистолькорса. Общее засѣданіе происходило въ коммисіи 25 января 1806 г. и тутъ было положено, чѣмъ именно коммисіямъ слѣдовало руководствоваться при отобраніи реверсовъ и составленіи временныхъ вакенбуховъ въ немежеванныхъ имѣніяхъ. Правилами этими коммисіи и начали руководиться, тогда дворянство Венденскаго уѣзда стало громко обвинять Сиверса въ томъ, что онъ превратно и разорительно для помѣщиковъ приводитъ въ исполненіе положеніе о реверсахъ и затѣмъ собравшись на съѣздъ для раскладки 12,000 талеровъ на содержаніе ревизіонной коммисіи, уполномочило Клебека начать формальное дѣло противъ Сиверса. Клебекъ не замедлилъ подать и военному губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ прошенія, въ которыхъ указывалъ, что Сиверсъ присвоилъ себѣ въ венденской коммисіи единоличную власть, превратно толкуетъ положеніе о реверсахъ, возбуждаетъ въ крестьянахъ духъ неповиновенія и довелъ дворянъ до того, что «они теперь трепещутъ не только за свою собственность, но и за свою жизнь».

Между тѣмъ, въ іюнѣ 1806 г. лифляндское дворянство съѣхалось въ Ригу на чрезвычайный ландтагъ. При самомъ его открытіи дворянству отъ имени Государя было объявлено, что никакія перемѣны въ окончательно утвержденномъ положеніи допущены не будутъ и чтобы дворянство воздерживалось отъ всякихъ сужденій о ходѣ крестьянскаго дѣла. Не смотря на это объявленіе, венденскіе дворяне повторили предъ ландтагомъ свои обвиненія противъ Сиверса. Ландтагъ предложилъ Сиверсу отвѣчать на эти обвиненія. Сиверсъ вмѣсто всякихъ отвѣтовъ сказалъ, что ландтагъ не имѣетъ и права

дѣлать подобныхъ вопросовъ. Тогда ландтагъ, послѣ бурныхъ преній и рѣчей Фитингофа постановилъ: объявить Сиверса утратившимъ довѣріе дворянства, уволить его отъ должности оберъ-кирхенфорштегера, и затѣмъ подать генералъ-губернатору отъ имени всего дворянства просьбу объ устраненіи Сиверса отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ крестьянской реформѣ и о пересмотрѣ составленныхъ и розданныхъ имъ вакенбуховъ.

Графъ Буксгевденъ, ни мало не сочувствовавшій ни крестьянской реформѣ, ни Сиверсу, представилъ прошеніе дворянъ министру внутреннихъ дѣлъ и о томъ донесъ Государю Императору.

Въ Петербургѣ эти представленія были встрѣчены очень неблагопріятно и неблагосклонно. Государь въ рескриптѣ отъ 22 іюня 1806 г. повелѣлъ между прочимъ графу Буксгевдену:

1) Дворянству на ландтагѣ собравшемуся замѣтить неправильность и отступленіе отъ порядка въ разсужденіяхъ его допущенное. Если ландтагъ уже оконченъ, то объявить сіе замѣчаніе дворянству по округамъ.

2) Хотя по теченію дѣлъ всегда видѣлъ я въ ландратѣ Сиверсѣ человѣка усерднаго къ истиннымъ пользамъ дворянства, но, не желая входить въ разбирательство притязаній дворянства на него, по званію его оберъ-кирхенфорштегера, такъ какъ дѣла сіи имѣютъ въ Лифляндіи установленный ходъ, я предоставляю въ увольненіи его отъ должности сей дѣйствовать соотвѣтственно установленіямъ, какія о избраніи и увольненіи въ сіе званіе въ Лифляндіи существуютъ.

3) Президентъ венденской ревизіонной коммисіи, дѣйств. ст. сов. Репьевъ, какъ человѣкъ отличный и усердный, имѣетъ остаться въ своемъ званіи и мѣстѣ. Жалобы на него могутъ быть обращаемы въ лифляндскій комитетъ, существующій въ Петербургѣ.

4) Что принадлежитъ до представленій дворянства венденскаго о дѣйствіяхъ ревизіонной коммисіи, то, по полученіи объясненій ея, будутъ приняты мѣры, основанныя на точной справедливости о безпристрастномъ обоюдныхъ пользъ соображеніи.

Въ заключеніе я признаю нужнымъ поручить вамъ, призвавъ тайнаго совѣтника Фитингофа, объявить ему, что я съ особливымъ неудовольствіемъ читалъ рѣчь, на ландтагѣ имъ говоренную. Не нужно было ему ни обращать вниманія ландтага на дѣйствія ревизіонной коммисіи венденской, яко внѣ зависимости собранія сего состоящей, ни склонять дворянство на твердость и пр. Сей поступокъ, кромѣ неправильности и невыгодности замѣчанія на счетъ его, ни къ чему и послужить не могъ; ибо дѣло ревизіи тѣмъ не менѣе должно итти своимъ порядкомъ и получить развязку свою соотвѣтственно оному и той справедливости, которая мною всегда будетъ руководствовать».

Графъ Кочубей, препровождая этотъ рескриптъ Буксгевдену,

писалъ, что «Государь Императоръ съ особеннымъ неудовольствіемъ видѣть изволилъ все то, что на ландтагѣ происходило». Къ Сиверсу же графъ Кочубей писалъ:

«Государь Императоръ, получа письмо ваше, милостивый государь мой, отъ 9 сего іюля, высочайше указать мнѣ изволилъ въ отвѣтъ на оное сообщить вамъ, что онъ съ особливымъ сожалѣніемъ увѣдомился о тѣхъ огорченіяхъ, кои вы, по случаю собранія въ Ригѣ ландтага, имѣли; что Его Величество всегда отдавалъ полную справедливость усердію и стараніямъ вашимъ о истинныхъ пользахъ Лифляндіи, и особенно дворянства, и что не сомнѣваясь въ правости вашей и, бывъ всегда расположенъ изъявлять Монаршее свое благоволеніе, онъ ожидаетъ только, дабы дѣла нынѣ встрѣтившіяся и ревизія были окончены, чтобъ дать вамъ новые опыты высочайшаго благорасположенія.

«Исполняя такимъ образомъ высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, нужнымъ признаю присоединить здѣсь, что касательно жалобъ на венденскую ревизіонную коммисію не оставилъ я вмѣстѣ съ симъ отнестись къ президенту оныя для полученія свѣдѣній, нужныхъ къ окончанію дѣла сего».

Но окончаніе венденскаго дѣла послѣдовало лишь чрезъ два года, послѣ обширной переписки, докладовъ, объясненій, вызововъ Сиверса и Репьева въ Петербургъ и засѣданій лифляндскаго комитета. Въ концѣ концовъ Сиверсъ и Репьевъ признаны были во всѣхъ взведенныхъ на нихъ нареканіяхъ совершенно правыми. Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: назначить Сиверса сенаторомъ въ Петербургъ, Репьева лифляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а вскорѣ затѣмъ 28 февраля 1809 г. состоялись и дополнительныя правила къ крестьянскому положенію 1804 года.

Сиверсъ пересталъ быть ландратомъ и выѣхалъ изъ Прибалтійскаго края въ Петербургъ. Здѣсь онъ прожилъ до начала 1812 года, когда былъ назначенъ курляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ, но описаніе его административной дѣятельности въ Митавѣ и Ригѣ уже не входитъ въ планъ этой статьи,—какъ не входитъ и дальнѣйшее изложеніе хода крестьянскаго вопроса, т. е. учрежденіе межевой коммисіи и рижскаго отдѣленія комитета, изложеніе вопроса о расплатѣ по реверсамъ, повлекшее за собою личное освобожденіе лифляндскихъ крестьянъ и упраздненіе ихъ права на землю въ 1819 году.

ОГЛАВЛЕНІЕ.